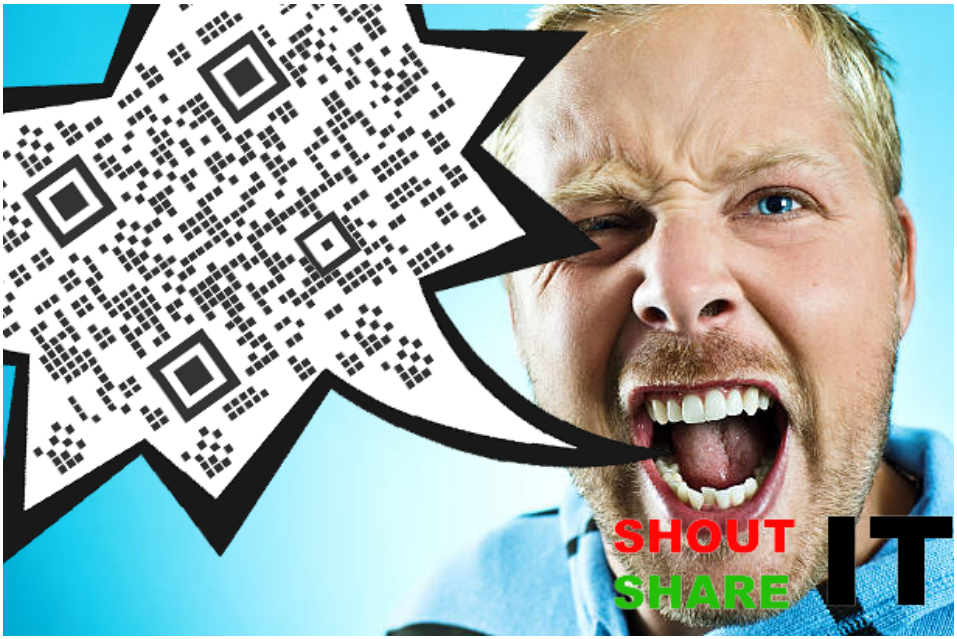
ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
18+
アズミハルコは不明
ЙЕН МАКДОНАЛЬД
НЕКРОВИЛЬ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нанотехнологии радикально преобразовали законы жизни и смерти. Воскрешенные мертвецы теперь составляют практически одну треть населения Земли, они лишены прав, юридически не считаются людьми и стали главной рабочей силой нового общества. У них сложилась своя культура, образовались свои собственные гетто, некровили. А Ночь мертвых принадлежит только им. Пять человек входят в некровиль, чтобы исполнить данное друг другу обещание или же обрести смысл жизни. И чем сильнее пересекаются их судьбы, тем глубже они погружаются в жизни мертвецов, тем более невероятные сцены предстают перед ними. Они еще не подозревают, что эта ночь перевернет судьбу Земли и заложит основу новой истории, необратимо изменив человечество и открыв перед ним врата пространства и времени.

- Йен Макдональд
  - ○
  - ○ Некровиль
    - ■
    - ■ Утро и день
    - ■ Закат – 21:30
    - ■ 21:30 – полночь
    - ■ Полночь – 4:00
    - ■ 4:00 – восход
    - ■ День
    - ■ Благодарности и прочее
  - ○ Дни Соломона Гурски
    - ■ Понедельник
    - ■ Вторник
    - ■ Среда
    - ■ Четверг
    - ■ Пятница
    - ■ Суббота
    - ■ Воскресенье
  - ○ Тайное место
  - ○ Кольцо Верданди
  - ○ Разрыв
    - ■ Птей плывет
    - ■ Нейбен ныряет
    - ■ Серейен любит
    - ■ Торбен растворяется
    - ■ Йедден убегает

        - Быстрый, медленно
        - Ога пронзает
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40
    - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129

- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173

- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217

- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261

- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266

Йен Макдональд
Некровиль

Ian McDonald
NECROVILLE
The Days of Solomon Gursky
The Hidden Place
Verthandi's Ring
The Tear

Necroville: Copyright © Ian McDonald 1994
The Days of Solomon Gursky: Copyright © Ian McDonald 1998
The Hidden Place: Copyright © Ian McDonald 2002
Verthandi’s Ring: Copyright © Ian McDonald 2007
The Tear: Copyright © Ian McDonald 2008
© Наталия Осояну, перевод, 2023
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Некровиль

Триша, это тебе

Постулат Уотсона:

Забудьте о превращении мусора в нефть или астероидов – в груды «фольксвагенов», а также о том, чтобы повесить в гостиной точную копию Ван Гога. Первое, что мы получим от нанотехнологий, – бессмертие.

Следствие Теслера[1]:

Первое, что мы получим от нанотехнологий, – воскрешение мертвых.

Утро и день

1 ноября

Утром на границе владений Сантьяго обнаружился мертвец, наполовину слившийся со стеной.

Вирткомб, пробужденный первыми спазмами небесного знака в пятидесяти километрах над городом, вышвырнул Сантьяго в реальный мир, навстречу грохоту, мерзости и свету зари. Нейроны один за другим отключались от виртуальных грез. Интимно льнущие щупальца из тектопластика уползали прочь от передней части ушного лабиринта, полушарий, евстахиевых труб; освобождали зрительные нервы от своей хватки. Пленчатые схемы вирткомба отслаивались от черепа, позвоночника и гениталий, текли по коже, словно амниотическая жидкость, сползали с кончиков пальцев, чтобы вновь обрести вид трепещущей сферы из полуразумного нанополимера в ладонях, сложенных чашечкой. Introibo ad altare[2]. Химическое пламя, пылавшее в крови всю ночь, превратилось в хлопья наркотического пепла на дне вен.

Мучительно корчился и горел алым пламенем небесный знак: искусственное полярное сияние из микроскопических светоотражающих текторов[3], распыленных по всей тропопаузе[4] и разожженных прикосновением солнца, которое еще не поднялось из-за гор на востоке. Свет падал сквозь прозрачную крышу студии, озаряя распростершихся на полу приятелей Сантьяго. Зловещие репетиции распятия. Игрушечные Голгофы. Святые и мученики.

Сантьяго коллекционировал святых и мучеников.

Он поместил уснувший вирткомб в резную урну для праха, купленную в каком-то из кишащих обитателями некровилей Вьехо Мехико. Скользнул взглядом по висящим на стенах зеркалам в роскошных рамах: уже не Владыка Паутины, ангел, облаченный в серебряную филигрань наносхем. Всего лишь Сантьяго Колумбар. Двадцати семи лет от роду, чуть выше двух метров ростом. Крупный. Нескладный. Черные волосы стянуты в практичную косицу, подчеркивая жесткие, словно горный пейзаж, черты. Нейрохимический художник, виртуалисто. Когда-то ему этого хватало. Не теперь. Теперь он не мог смириться, что не добьется большего. Останется Сантьяго Колумбаром – унылым, продрогшим, голым, недовольным, одиноким.

Смертным.

Одной из множества архитектурных причуд, унаследованных Сантьяго от предыдущего хозяина residencia[5], был балкон. Как ни странно, он пережил трансформацию обиталища, осуществленную текторами-строителями. Балкон смотрел на запад – создатель задумал его в качестве места для вечеринок в сумерках, чтобы близкие друзья могли полюбоваться закатом над роскошными холмами Копананги. Сантьяго с него следил за приближением армии мертвецов.

Батисто, мертвый слуга, принес Сантьяго agua mineral, слегка pétillante[6]. Тот не пил ничего крепче. Кофеин и алкоголь добавляли в скрупулезно просчитанные формулы его химических снадобий непредсказуемые переменные.

Вуали рассветного небесного знака пульсировали над головой. Генетизированные обезьяны стрекотали, раскачиваясь на ветвях множества деревьев, растущих в Копананге. Комендантский час завершился, сегуридадос и их мехадоры – ночные стражи порядка – скрылись из вида. Врата в некровили открылись, границы на время исчезли. Живые и воскрешенные теперь могли проникать во владения друг друга. Между рассветным и закатным небесными знаками мертвые могли передвигаться среди живых – среди мяса, – но не становились им ровней. Жизнь оставалась жизнью, а смерть – смертью, невзирая на нанотехнологическое воскрешение. Ибо так гласило решение по делу Барантеса. Сорок лет прошло с тех пор, как мертвецы воскресли, и никому не удалось повергнуть этот столп нового миропорядка. История увековечила прецедент, пренебрегла проигравшей стороной. Что, где, когда, с кем случилось – в чем была суть эпохального судебного разбирательства? Йау-Йау[7], умная маленькая адвокатесса, должна знать. Надо у нее спросить. Этим же вечером, в кафе «Конечная станция». Наверное, суть в деньгах. Вполне возможно, в наследстве. На то оно и *завещание*, чтобы драться *за вещи*. Иные слова весьма красноречивы.

Он сперва их услышал, потом увидел; армия мертвецов хлынула по каньону Копананга с его извилистыми улицами и огороженными владениями: мальчики на побегушках, садовники, повара, горничные, лакеи, шоферы, чистильщики бассейнов, дворецкие, спортивные наставники, личные тренеры, воспитатели, гувернантки, сиделки, няньки, секретари, ассистенты, скульпторы, художники, ремесленники, строители, каменщики, столяры, архитекторы, дизайнеры, массажисты, духовные проводники, любовники, секс-игрушки. Однажды женщина, которая называла себя Миклантекутли – его духовный проводник, любовница, мучительница и муза, – сказала, что мир живых покоится на ладонях мертвецов. Пять лет назад

Миклантекутли ушла, отправилась к мертвым в некровиль Святого Иоанна[8]. Контракт с Домом смерти – вторая опора мироздания – был не для нее. Узаконенная кабала. Семейство Миклантекутли из агломерации Трес-Вальес могло позволить себе страховые полисы инморталидад[9], чтобы рассчитаться с паромщиком. Единовременный платеж, с процентами. Утренний поток мигрантов, проникая на частную территорию через двери и ворота для прислуги, рассосался по гасиендам Копананги, по residencias и многоуровневым особнякам в ретро-стиле, в духе Фрэнка Ллойда Райта. Еще один рабочий день в раю. Сколько тысяч таких путешествий им предстоит совершить, чтобы рассчитаться за воскрешение с Домом смерти и непоколебимым одноглазым Ваалом, корпорадой «Теслер-Танос»?

Сантьяго большими глотками выпил свою газировку. Солнце приподняло над холмами Старого Голливуда светящуюся бровь.

– Еще воды, сеньор?

За три года Сантьяго так и не привык к обескураживающей способности Батисто предугадывать желания хозяина. Он принял вторую бутылку «Трес Мариас».

– Почему бы и нет? В конце концов, сегодня День мертвых. Salud[10], Батисто.

– Salud, сеньор.

Беспросыпную, кристально-чистую тишину, заполняющую тенистые улочки Копананги, нарушил вопль. Отчаянный, жуткий и немыслимо долгий крик женщины, которая наконец столкнулась лицом к лицу с тем, чего боялась больше всего на свете.

Сантьяго вряд ли встревожился бы из-за очередного вопля с авеню Эстремадура, если бы тот не прозвучал прямо у него за воротами – коваными, ручной работы.

Человеческие останки сплавились с нижней частью белой стены между воротами и проулком для прислуги. Сеньора Сифуэнтес – соседка, которую Сантьяго терпел из вежливости, – стояла там и таращилась, вопреки явному желанию отвернуться. Вторник-четверг-суббота: на место казни ее привело собственное расписание утренних пробежек.

Сантьяго присел, чтобы получше изучить омерзительное зрелище.

Мертвец был мертв. Смерть от теслера ни с чем не перепутаешь.

– МИСТ-27, – высказал свое предположение Сантьяго. Кассетное самонаводящееся устройство. Игла из разумного тектопластика, вылетающая из теслерного дула с постоянным ускорением в двенадцать g, выискивающая жертву по резонансу

биополя. В тридцати сантиметрах от цели игла разделялась на рой дротиков размером с зернышко кориандра, способных фатальным образом нарушить работу текторных систем воскрешенного мертвеца. Беспощадное оружие. *Настоящая смерть*, с которой даже Дом смерти ничего не мог поделать. Единственное, чего боялись воскрешенные.

Теслерный заряд угодил дважды покойнику прямо в середину тела. Даньтянь[11], центр бытия. И небытия. Ниже пояса теперь не было ничего, кроме смердящего рагу из асфальтобетона и синтетической плоти. Руки тянулись из покрытой волдырями стены в бесплодной мольбе. Верхняя часть торса наклонилась вперед, как чрезвычайно правдоподобный барельеф. Сантьяго испытал зловещее, навязчивое чувство, что незнакомец пытался пройти сквозь стену, и нечистое мертвяцкое вуду его внезапно подвело. Голова трупа с печалью наклонилась влево. Прямо как у Христа на кресте. Да, у Иисуса было такое же выражение лица. Ужас, боль, гнев, скорбь, предательство. «Или, Или, лама савахфани!»[12], холодной сваркой прикрепленное к глазному дну. В древности, на заре Эры Информации, бытовало суеверие: дескать, на сетчатке сохраняется отпечаток увиденного за миг до смерти.

Даже смерть не лишила убитого красоты. Мертвые были физически привлекательным племенем. Когда плоть можно разобрать на составные части и воссоздать в любой форме, совершенство рождается без труда, а молодость стоит дешево. Так же как уродство, дряхлость, причудливо-величавая монструозность, стильные и волнующие изъяны, лики и тела знаменитых кинодромных старлеток.

Генетизированные макаки со шкурами всех цветов радуги уже потрудились над пальцами, ободрали тектоплазму с синтетических костей. Одна обезьяна лежала в канаве дохлой кучкой переливчатой шерсти. Других ожидала та же участь: вероломная сладость мертвого мяса таила в себе отраву. Скоро слетятся птицы, чтобы исклевать глаза, уши и губы.

Сантьяго изучил мертвые руки трупа. Ладонь оказалась нетронутой.

– У него нет знака смерти? – озвучила миссис Сифуэнтес тревожную мысль, которая пришла в голову обоим.

Знак в виде буквы V: нисходящий штрих – жизнь плотская, подвластная энтропии; восходящий – жизнь вечная, воскрешенная; горизонтальная черта – неотвратимость смерти. Неуничтожимая печать Дома смерти. Очень редко спиновые переменные во время реконфигурации могли отобразить знак на левой руке, а не на правой, но резервуары Иисуса никогда не

давали осечки. Возродиться без печати – все равно что без рук, сердца, головы. Немыслимо.

У подножия стены лежала воплощенная загадка.

– Разве не надо… я не знаю… ну, убрать это или прикрыть? – спросила миссис Сифуэнтес, чье отвращение наконец-то пересилило любопытство. – Пока прислуга ничего не увидела…

– Позвоню в «Копананга Секьюритиз», – решил Сантьяго. – А пока что… Сеньора Сифуэнтес, вы испытали пренеприятное потрясение; если хотите, я прикажу слуге приготовить вам чай или что-нибудь еще.

Сеньора Сифуэнтес вежливо отказалась. Сантьяго никогда не забывал о том, что на зеленых от полива райских лужайках Копананги он в некотором смысле змей-искуситель. Он проследил взглядом за женщиной, которая тотчас же убежала, виляя обтянутым лайкрой задом, – поспешила в свой умный дом, чтобы там исцелиться от перенесенной травмы.

Его позвали из-за стены.

– Сейчас буду, Батисто, – откликнулся Сантьяго.

Опустившись на колени на согретой солнцем улице, словно в ожидании облатки с изображением Христа, Сантьяго обхватил ладонями голову мертвеца. Наклонился, поцеловал его в неживые губы. Они оказались мягкими и имели странный мускусный привкус.

Батисто повел Сантьяго через пышные заросли в той части владений, за которой долго не ухаживали. Когда даже собственный дом превращается в другую планету, пора пересмотреть образ жизни.

В рощице жакаранд, чьи ветви сгибались под тяжестью тропических эпифитов, обнаружился мертвый мехадор. Смертоносная машина застряла, покосившись, в неглубокой борозде. Вероятно, импеллеры внезапно отказали, что и повлекло катастрофические последствия. Клювастая голова, снабженная сенсорными системами, оцепенела в последнем дерзком выпаде. Теслер по-прежнему был нацелен на координаты жертвы. Сантьяго изучил оружие. Четыре снаряда в магазине, два пустых гнезда. Над идентификационными данными производителя и серийным номером виднелся трехчастный инь-ян «Копананга Секьюритиз».

Система аварийного восстановления отказала раньше, чем робот успел передать сигнал бедствия. Левая сторона отсутствовала, лапа исчезла в похожем на раковую опухоль слое черного шлака. В шлаке были глаза. А еще рты. Между глазами и красногубыми ртами – пальцы длиной в сантиметр, но с черными ноготками и завитками отпечатков; они указывали в ту же

сторону, куда смотрели глаза. В центре ударного кратера виднелось безумное скопление соединенных как попало шестиугольников. Из щелей между ними выползли маслянисто-черные насекомые и собрались жужжащим облаком над мертвым мехадором.

Неживой мертвец, которого не должно было существовать; неуничтожимый ангел-разрушитель, обращенный в руины. Тут крылась непростая загадка. И более того: знаки, чудеса. Духовные посланники, зловещие знамения. Накануне ночью – после того, как Мислав и Чита нырнули в виртуализатор, – Сантьяго молился, прижимая ко лбу галлюциногенного паука. «Дай мне знак: я хочу понять, все ли предрешено или еще нет».

Ты получил ответ, Сантьяго Колумбар?

Родители, которых он не видел десять лет – с тех пор, как они преобразились, чтобы стать частью Милапского сообщества водорослевых пловцов, – когда-то считали себя буддистами Нового Откровения; сам же Сантьяго если и интересовался ортодоксальной религией, то лишь в качестве системы верований, которую можно было сравнивать с аналогичными системами, а также с физикой, математикой и пост-Мандельбротовской экономикой.

Сантьяго верил в эстетику джанка. Он считал, что наркотики – альтернативная программа для компьютера, сделанного из мяса. В сочетании с виртуальной реальностью они превращались в инструменты для изучения пределов собственного «я». Понятливые машины с помощью ласковых гильотин отсекали дух от плоти и отправляли во тьму, в пустоту, и даже за пределы пустоты – в первозданный свет.

А потом в один прекрасный день Сантьяго проснулся (он мог с точностью назвать дату, время, микроклимат, мировые новости, курс тихоокеанского доллара по отношению к корзине соперничающих валют) и понял, что на него это больше не действует.

Двери личного опыта, через которые Сантьяго столько лет пытался удрать от самого себя, захлопывались одна за другой и впереди, и позади него. Этот процесс продолжался, почти неслышимый, вдоль длиннейшего коридора бытия, охватывающего его жизнь, вплоть до того зимнего утра в Калифорнии, почти год назад, когда последние двери закрылись и заперли Сантьяго внутри его сантьяжности. Некуда идти. Затем как-то ночью темный ангел прошептал ему, оцепенелому от сновидений: «Выход есть, существует лучший путь, путь для смелых, что ведет выше, если тебе хватит отваги на него ступить. Величайшая игра из всех».

Он целый год изучал эту идею, размышлял, планировал и готовился, но в конце концов ему не хватило отваги, чтобы сделать решающий шаг в одиночку.

Полиморфный дом сложил прозрачный панцирь, впуская хозяина. Сантьяго посвятил годы любовному преобразованию жилища в храм для тех, кто предпочитал сгореть, а не заржаветь. Коридоры и залы его гасиенды, имеющей склонность к оборотничеству, кишели монохромными образами тех, чья жизнь оказалась недолгой и яркой. Джеймс Дин. Бадди Холли. Джими Хендрикс. Мама Касс. Джуди. Витая пластиковая улитка, Комната Амадея – результат одного из ранних вторжений Сантьяго в обитель преждевременной смерти – автоматически воспроизводила избранные произведения Моцарта и наполняла воздух улучшателями настроения, созданными по рецепту хозяина дома. Комната Винсента погружала гостей в трепещущее многоцветье и унтертоны[13], безупречно настроенные на шизофреническую волну. Где-то танцевала Айседора Дункан, и шарф колыхался позади нее, а мимо в опасной близости проносились антикварные авто бензиновой эпохи. Реагируя на тепло тела, включалась древняя мовиола[14], и в уютном алькове на экране появлялось раскрашенное вручную распятие на кресте в версии Дэвида Уорка Гриффита[15]. Джим Моррисон и Джон Белуши играли разбойников, Гарри Чаплин и Чарли «Птица» Паркер подносили смоченную в уксусе губку ко рту Христа, а скалящий зубы Кит Мун тыкал копьем между пятым и шестым ребром, откуда истекали вода и кровь. Билли Холидей преклонила колени у подножия креста, играя роль Пресвятой Девы с тщательно выверенным соотношением скорби и пафоса, а Джин Харлоу была Марией Магдалиной, чьи уста слегка изгибались в порочной ухмылке. Дно старого бассейна вымостили мозаикой Энди Уорхола со знаменитым изображением Мэрилин Монро. Сантьяго там больше не плавал, а вот гости любили плескаться и нырять в воду, теплую, как кровь. Впрочем, в те ночи, когда жара в доме становилась невыносимой, он мог полежать ничком на своей Мэрилин, дыша через жаброкостюм и слушая неземную пульсацию Crossroads Роберта Джонсона[16] из подводных динамиков, пока обезьяны прыгали и галдели в ветвях, шумно порицая вялое, но неумолимое вторжение блистающих диких тектозавров на свою территорию.

Сантьяго заглянул к гостям, питая надежду, что, пока он был занят снаружи, они уползли прочь, охваченные отвращением к самим себе.

Свечи тошнило дымом. Лицо Мислава исказилось от потаенных мучений. Изящные, похожие на серебристые перья

узоры схем, из которых состоял его виртком6, пылали неврологическим пламенем. Чита свернулась клубочком на паркете, сенсорная кожа сползла с ее грудей, живота, бедер. Ее глаза были закрыты. Губы беззвучно шевелились. На теле виднелись пятна рвоты.

Niños, niños[17]… Да будет вам известно: однажды все это перестанет действовать. Дельфийская мудрость с головокружительной высоты в двадцать семь прожитых лет.

Сантьяго закрыл дверь, продлевая пребывание гостей в личном раю или аду. Отправился в кабинет, чтобы заняться делами поважнее, чем юные Гензель и Гретель, взявшие друг друга на слабо у входа в логово ведьмы, промышляющей сладостями.

Кабинет Сантьяго был чем-то средним между комнатой и садом, в нем сочетался дух того и другого. Ставни из красного дерева не пускали внутрь жару копанангского дня, в такую рань уже душного: это означало, что муссонная влажность обернется разгулом стихий. Узкие полосы света падали на ковер из кокосового волокна, на антикварный деревянный стол, который Сантьяго начинил текторами, обрабатывающими информацию. Древо и грезы. Он включил иконки на поверхности стола. Проги стаей духов-прислужников умчались в недра паутины и призвали Миклантекутли.

«Визуальный блок, – моргнув, сообщили иконки. – Только голосовая связь».

– Сантьяго. – Голос раздался словно из пустоты. Умное, дорогое аудиоустройство. В последний раз Сантьяго видел эту женщину собственными глазами, когда над ее лицом закрывалась прозрачная крышка резервуара Иисуса. Обычно трупы умерших от передоза выглядели нетронутыми.

– Миклантекутли.

– Если хочешь играть по правилам, зови меня Миклан. У всех господних детишек должны быть клички. Правила стаи. Полагаю, раз уж эта беседа началась, ты все-таки собираешься в Ночь мертвых поучаствовать в старой доброй забаве про сладость или гадость?

– У меня тут мертвый мертвец и убитый убийца, Миклан, – они говорят, что я должен это сделать.

– Ах, Сантьяго, ты по-прежнему чересчур смышленый cabrón[18]. Мне так и не удалось тебя ничему научить.

– Ты научила меня всему, что я знаю.

– И теперь ты втюхиваешь мне эти знания обратно, в мешках для мелочи. Я буду в назначенном месте, в назначенный час, со стаей. Не бойся, Сантьягито.

Ее голос растаял в недрах стола.

Сантьяго не помнил, когда в последний раз пользовался текстовым редактором. Его приглашения на вечеринки обычно передавали из уст в уста, а еще – посредством лукаво подмигивающих виртуальных иконок или доставленных курьерами подарочных коробок, в каждой из которых таился паук с дизайнерским галлюциногеном в брюшке. Но предстоящее собрание требовало достойного зачина в виде письменного слова. Он поиграл с готическими черепами, мрачными жнецами, скрещенными костями, песочными часами и danses macabres[19]. Мягко говоря, банально. Это же не какой-нибудь карнавал с танцами и наркотой. Он целый год готовил путешествие к горьким корням души, странствие в сердце тьмы и за его пределы. Нужно что-то попроще. Итак, Times New Roman.

Сантьяго Колумбар приглашает… (проги подставят имена адресатов) *в кафе «Конечная станция» (округ Святого Иоанна) на ежегодное празднование Фестиваля Владычицы мертвецов.*

Абзац. Выравнивание по центру.

1 ноября, на закате.

Сантьяго призвал на рабочий стол несколько лиц и назначил их всех получателями. Проги вверили приглашения паутине.

Он улыбнулся. Его улыбки случались реже летних дождей и тоже предвещали небыструю, но серьезную перемену погоды.

Жарко. Сантьяго нашел бутылку agua mineral в холодильнике. Плеснул воды на лоб, затылок, запястья. В кухню приплелась Чита – бледная, осунувшаяся, мертвее всякого истинного мертвеца, какого ему случалось увидеть.

– Еда? – жалобно прошептала она. Сантьяго кивком указал на открытый холодильник. Читу настиг внезапный спазм, она рванулась к раковине, где ее вырвало. Сгустки расплавившегося вирткомба остались на плиточном полу, как маслянистые следы от проползшего ночью тропического слизня.

Персоналка Сантьяго мелодично звякнула. Fiel[20] Батисто доложил из сада:

– Сеньор, сегуридадос взволнованы из-за уничтоженного мехадора. Подозревают инфекционное нарушение репликации.

Мальчишки-рыцари, отправляющиеся на бой с легионами упырей, наряженные в тектопластиковые доспехи и шлемы с проекцией данных на внутреннюю сторону стекла.

– И что же они собираются делать?

– Я цитирую, сеньор: выжигать заразу.

– Что ж, пусть поступают, как надо.

Сантьяго чуть подождал и услышал резкий, пробирающий до костей грохот мощной теслерной очереди.

Заросли кустарников полыхали в жарких лучах южного солнца. Зона пожара протянулась вдоль всего горизонта полосой черного дыма. Разведка с воздуха выявила группу пахицефалозавров в восьми километрах к юго-востоку: внешне они выглядели расслабленными, но сохраняли бдительность. Тринидад вообразила, как поднимаются головы с синими выростами на черепе, дергаются и раздуваются ноздри. Дым. Пламя. Кустарник горит! Две дурацкие мысли: пахицефалозавры появились на земле раньше, чем огонь. Любой огонь, с которым ей приходилось иметь дело, был плодом человеческих усилий, поэтому казался продуктом технологической эволюции. Как будто ничто не могло быть более первозданным, до-прометеевым. Вторая дурацкая мысль: пахи, значит, первозданные? Ну-ну…

На каждой великолепной шкуре чуть ниже грудины красовалась маркировка: © Корпорада «Уолт Дисней».

Второе, что дарует человечеству нанотех, – если цитировать PR-отдел «Диснея», который с радостными воплями попрыгал на постулате Уотсона про *первое*, – не что иное, как… динозавры!

УЗРИТЕ могучего диплодока и брахиозавра!

АХНИТЕ, когда настоящий птерозавр пролетит над вашей головой!

ИЗУМИТЕСЬ невероятным стегозаврам, потрясающим анатозаврам, поразительным анкилозаврам!

СОДРОГНИТЕСЬ В УЖАСЕ при звуке шагов жуткого тираннозавра, самого кошмарного хищника из всех, кого знавала эта планета!

(Принимается оплата всеми основными типами валют и кредитных карт.)

Реальность оказалась немного иной.

ПОЛЮБУЙТЕСЬ прямо из своей уютной гостиной, как трицератопс уничтожит ваш сад.

УДИРАЙТЕ В СТРАХЕ, когда в два часа ночи игуанодон вломится в ваше жилище.

СГОРИТЕ В СВОЕМ АВТО, когда двенадцатитонный анатозавр пройдется по шоссе Шерман-Оукс в час пик и соберет машины высоченными грудами металлолома по обе стороны дороги.

Суд перуанской особой экономической зоны, рассмотрев иск о возмещении ущерба, признал корпораду «Уолт Дисней» ответственной за предоставление ненадежного и опасного продукта, что подразумевало принятие мер против той самой ошибки в текторной репликации и программной мутации, которая дала динозаврам возможность независимо существовать за пределами контролируемых зон и самовоспроизводиться. Совокупные выплаты истцам, коих были тысячи, нанесли «Диснею» смертельный удар. Динь-Динь сложила крылышки и скончалась.

Никто больше не верил в фей. Совсем другие крылатые существа рассекали воздух над трупом Диснейленда, восседали на карнизах из армированной стекловолокном пластмассы и зубчатых гребнях псевдо-Маттерхорна[21].

Большие ископаемые ящеры, найдя климат побережья и вооруженное сопротивление местных жителей неблагоприятными, мигрировали вдоль десятой федеральной автострады на юго-юго-восток – в высокий чапараль[22] южной Аризоны и северного Чиуауа. Остались, в основном, маленькие и живописно окрашенные. Их влекло к ярко освещенным местам, годным для фотосинтеза, они охотно питались полиэтиленом из мусорок, и довольно быстро для них нашлась экологическая ниша в прибрежной зоне. Со временем они даже стали вызывать у людей теплые чувства и превратились в предзнаменование чего-то хорошего, как аисты в Европе.

От главного аттракциона в парке развлечений до паразитов и «Последнего сафари»[23].

Группа прилетела с жаркого, влажного побережья накануне: Томас, Бенни, Пилар и Севриано (старший охотник), Эдж, Альбукерке, Вайя, Белисарио и Тринидад, а также их мертвые слуги. Эстансия[24] привыкла к охотничьим отрядам, мертвый персонал был знаком со склонностью молодых и богатых к излишествам. Все поднялись до рассвета и выехали во тьму, которая медленно отступала, открывая истинные масштабы равнин. Ведомый мертвецами из эстансии конвертоплан опередил их, чтобы поджечь кустарник, – и полоса желтого огня теперь манила охотников через светлеющую пустошь прямиком к добыче.

– В один прекрасный день какой-нибудь одержимый экологией придурок выбьет для них охраняемый статус, – сказал Белисарио. Тринидад притворялась, что любит этого мужчину, так как он притворялся, будто любит ее. – Охоту разрешили только потому, что местные землевладельцы все время жаловались на погубленные пастбища, а потом кто-то сообразил,

что на разведении динозавров можно заработать больше, чем на разведении крупного рогатого скота.

На стеклах темных очков вились струйки дыма, пока он осматривал горизонт.

Прошло тридцать восемь дней, и период полураспада их романа истек. Но никакого рекорда по краткости; Тринидад удивлялась, что Белисарио удалось так надолго удержать ее внимание. Забавно, ведь он-то как раз все время смотрел на что-нибудь новенькое через свои сканирующие очки. Например, на женщину, которая соблазнительно прильнула к рулю охотничьего багги[25]. Ту самую, с бесконечными ногами. Она знала, что он смотрит. Глаза у нее тоже были симпатичные, и к тому же дорогие. Но плати, пока не треснешь, – взгляд все равно не поумнеет.

Вайя Монтес.

Ты хочешь сразиться со мной за него, Вайя Монтес с выточенными на заказ бедрами? Да, ведь ты из тех, кто борется за любовь, потому что думает, будто иного способа убедиться в ее подлинности не существует. Я когда-то была такой же и сейчас не стала мудрее, просто утомилась.

Итак: Тринидад дарит его тебе, милая Вайя; Хосе-Мария Белисарио не стоит грязи в моих волосах, он просто еще одна памятная отметина на моей руке. Возьми его, и я зажгу за тебя свечу на алтаре Нуэстра Мадре, Царицы Ангелов, что под дубом в миссии, – полюби этого мужчину, как я не смогла. Я… что-то к нему чувствую, но это не любовь.

Вот и все, на что она была способна с тех пор, как крышка резервуара Иисуса закрылась над останками Переса: *что-то*. Отчаянно желая раствориться в других людях, Тринидад взяла штурмом сложную социальную и сексуальную геометрию элиты-серристос[26], но после всех усилий обнаружила одно: отношения ломались, как истлевшие кости, потому что напитать их она могла лишь… чем-то. Она боролась, сражалась, не жалея сил и воли, она собрала два десятка бледных V-образных памятных шрамов на темно-коричневой коже предплечий: все это были мужчины, к которым Тринидад ничего не чувствовала, пытаясь превратить «что-то» в любовь. Но шрамы – слишком дорогая цена за «что-то».

Конвертопланы прошли низко над кустарником, рокоча. Всколыхнулась пыль на сухой, как череп, земле и пепел от костров, в которых мертвые слуги что-то сжигали.

– Угостить?

Вайя Прекраснобедрая прищурилась на фигуру, заслонившую свет, и медленно узнала в ней Тринидад.

– Я про мескаль. Угостить? – Фляга была из новоиспанского серебра, четырехсотлетняя, покрытая красивой патиной и приятно лежащая в руке. Обычно говорили, что такого теперь не делают. Только вот нынешняя экономика в городе с двадцатью двумя миллионами жителей, из которых половина были обездоленные мертвецы, вернула Эру Ремесла, возродила ее, воссоздала, словно выкопала из могилы, что вошло в привычку с наступлением Эпохи Воскресших. – Хороший. Бог-Ягуар бы одобрил.

Вайя Монтес открутила крышечку фляги.

– Насколько они далеко?

Тринидад призвала на стекла очков данные с кружащегося наверху конвертоплана.

– Примерно в шести километрах от нас, опережают пожар со скоростью около двадцати километров в час. Их шестнадцать.

– Значит, осталось пятнадцать-двадцать минут. – Красавица Вайя тряхнула шевелюрой и запрокинула голову, глотая галлюциногенную жидкость. Вытерла рот тыльной стороной ладони, надула губы при виде красного размазанного пятна от помады и повозила рукой о штанину камуфляжных шорт. – Иисус, Иосиф и Мария… Мне надо привести лицо в порядок.

Тринидад отошла к кромке маленького лагеря – туда, где были припаркованы багги и коротали время их мертвые водители, – позволила сканирующим очкам упасть с лица и повиснуть на шнурке. Линия выжженной растительности превратилась в прочерченную углем границу высокогорной равнины, но вид от этого не стал менее потрясающим: пейзаж простирался куда ни кинь взгляд, отражая изгиб планеты. Низкие утесы, обточенные еще палеозойскими реками, лежали позади лагеря, как будто пришпиливая его к выжженному солнцем ландшафту, где опаленный кустарник дожидался осенних муссонов; если бы не они, одиночество и агорафобия были бы всепоглощающими. Как и все охотники в отряде, Тринидад выросла под сенью высоких деревьев, во влажной жаре побережья, где не было горизонта, только деревья и дома, падающая вода и неторопливые, холодные тени мертвецов. То был пейзаж, в который можно завернуться, словно в одеяло. А этот край своей необъятностью обнажал душу, сдирая все покровы и проверяя на прочность.

Что случится, если застрять тут в одиночку?

Умрешь. Без надежды на воскрешение. Останутся от тебя чисто объеденные кости и ухмыляющийся череп. *Настоящая смерть* как она есть.

Тринидад отпила из фляги – уровень мескаля понизился на

три пальца.

«Гори во мне; пусть от моих чувств не останется даже шлака».

– Сеньора?

Мертвой женщине на вид было лет двадцать пять, но, если бы она продолжала жить, ей бы перевалило за девяносто. Тринидад, дитя Поколения Зеро, не боялась мертвецов, в отличие от многих, кто родился до Эпохи Воскресших.

– Да, Сула?

– Вам письмо. Пришло через прогу багги.

Что и следовало ожидать. Она никогда не бывала на жутких сборищах в честь Ночи мертвых в кафе «Конечная станция» и не собиралась туда ходить. Компания испустила дух; былые связи уже не воскресить. Тринидад даже не понимала, пробуждает ли этот факт тоску. Сула вручила ей открытку.

«Сантьяго Колумбар приглашает Тринидад Малькопуэло…»

Ветер высоких равнин трепал ее волосы, заставлял полы жакета колыхаться, а шнур от очков – петь, словно туго натянутая струна.

Тринидад была наслышана о Сантьяго Колумбаре задолго до знакомства. Возьми нонконтратисто из долины или серристо с холма – любой из них не только слышал про него, но обязан одной из лучших ночей за всю жизнь кое-каким из его веществ. Когда Перес сообщил, что неподражаемый Сантьяго Колумбар в числе участников того же причудливого маленького сборища друзей, куда входит он сам, от перспективы познакомиться-поболтать-переспать с великим виртуалисто ее как будто ударило током. В тот раз тоже была Ночь мертвых. На жарких, пыльных улицах бесновался темный карнавал.

Говорят, не стоит встречаться с писателем. Воображение Тринидад мгновенно перескочило от влажного прикосновения его губ к тыльной стороне ладони к массе его тела, навалившегося сверху: вот оно выдавливает воздух из легких, гнет ребра, ломает их, дробит ее таз, слепо совершая возвратно-поступательные движения; вот ее стройные темные ноги пытаются обхватить его могучий торс. Живая легенда оказалась слишком материальной, смертной, плотской. Сантьяго Колумбар пробудил в ней ужас.

Она призналась в своих страхах Йау-Йау, пока они сидели у камина и слушали, как муссон стучит по черепице, и адвокатесса прошептала, что Сантьяго не гетеро- не гомо- и не бисексуален, а в каком-то смысле вообще не испытывает сексуального влечения.

«Я даже не знаю, что его заводит, – сказала Йау-Йау. – Кроме самого себя. Получается, он аутосексуален».

– Ответ будет, сеньора?

Тринидад тряхнула головой: непрошенные эмоции странным

образом лишили ее дара речи. Йау-Йау, Камагуэй, Туссен и да, Сантьяго; ни один из них не понимал. Тринидад не хотела отправляться в некровиль, потому что боялась встретить там Переса. Это был парадоксальный, обоюдоострый страх. Она боялась, что он по-прежнему ее любит даже после смерти, но одновременно – что любовь умерла вместе с ним; что она всего лишь тень по ту сторону полупрозрачной крышки резервуара Иисуса, и что где-то среди многоквартирных домов, трущоб и cabañas[27] он отыскал новых, более странных возлюбленных.

Ударная волна от последнего прохода конвертопланов рывком вернула ее к настоящему моменту, месту и внутрь самой себя. На фоне дыма появилась желтая завеса пыли: бегущие пахицефалозавры. Охотничий отряд приготовился. Мертвые водители встрепенулись. Моторы багги сперва взревели, а потом перешли на тихий, коварный гул. Разметчики добычи и съемщики шкур, нанятые в окрестных городках, побежали к грузовикам, которые следовали за охотниками. Нонконтратистос – бедные, как церковные мыши; новый низший слой общества, утративший все привилегии из-за экономики, основанной на труде воскрешенных. Мертвым и то лучше, твердили нонконтратистос, но не спешили проверить на собственной шкуре, насколько.

Охотники зарядили пулеметы и проверили, как слушаются вертлюги. Защелкнулись ремни безопасности. Все надели бронированные шлемы и подсоединили интерфейсы к компьютерам-наводчикам. Внутри каждого забрала вспыхнули проверочные символы.

– Я тут, Тринидад!

– Привет, Тринидад!

– Подстрелишь одного, Тринидад?

– Всади в кого-нибудь иголку вместо меня, Тринидад!

– Люблю тебя, Тринидад.

– Вечером отпразднуем, Тринидад!

Томас, Бенни, Пилар, Севриано, Эдж, Альбукерке, Белисарио и Вайя выстроились в шеренгу; водители ждали приказа старшего охотника Севриано, чтобы ринуться в бой.

Легким движением руки Тринидад переключила новейшую модель охотничьего обмундирования из режима цветистого болеро в режим пыли и ржавчины высоких равнин. Блеск цепей и металла. Щелк: магазин. Клац: ремни безопасности. Щелк: надеть шлем, запустить системы. Орудие на магнитном лафете скользило, как по маслу. Сула заняла водительское место, и по ее приказу двигатели начали рычать и ворчать.

– За дело.

Багги выдвинулись в путь. Кто-то без единого микрограмма

иронии в душе закидал огонь землей. Фронт охоты расширился, образовав убийственную цепь длиной восемь километров. Девять пар параллельных следов шин веером разошлись от отпечатков ботинок и россыпи биоразлагаемых упаковок из-под «Маргариты 4-к-1». Тринидад заняла место на юго-западном конце цепи; Вайя, ее ближайшая соседка, ехала в полукилометре к северу. Девять пылевых шлейфов приближались к линии пожара. Пахицефалозавры находились между багги и пламенем. Дальность стрельбы – три километра, цель неподвижна. Тринидад представила себе, как громадные самцы поднимают головы, увенчанные синими выростами-таранами, и чуют в воздухе химические сигнатуры немыслимых врагов. Орудие Вайи заблестело, словно гелиограф[28], передающий сигналы: соседка проверяла секторы обстрела.

Внезапно на севере всколыхнулась пыль, словно от взрыва. По визору Тринидад посыпались цифры, а динамики шлема завопили от чистейшего возбуждения. Стадо поднялось и бежало во весь опор параллельно охотничьей цепи, направляясь прямо на юг, в пустоши Господнего края. Они собирались вцепиться в глотку Тринидад. Когда Сула крутанула руль и прибавила скорости, чтобы броситься наперерез удирающим пахизаврам, из-под колес взметнулась грязь, а саму Тринидад не вышвырнуло в пурпурные заросли шалфея лишь благодаря ремням, которые сильно врезались в грудь. Пока багги прыгал и трясся, она вцепилась в двойные рукояти большого охотничьего пулемета «Макино», словно они были ее последним шансом на отпущение грехов. В облаке пыли мелькнуло пятно, там что-то двигалось, какой-то намек на цвет, форму, массу… Тринидад развернула «Макино» и рефлекторно опустошила целый магазин, прежде чем *merda*[29] поняла *merda* что это были всего лишь *merda* дейнонихи *merda merda merda merda*. С полностью заряженными солнечными конденсаторами, усиливающими мышцы, эти твари могли разогнаться до максимальной скорости в восемьдесят километров в час и играть в догонялки с багги, пока у того не останется в баке ни капли газохола[30]. Плохая охота. Пустая трата иголок. Дейнонихи и пахицефалозавры обитали бок о бок, несмотря на сорок миллионов лет и несколько тектонических сдвигов, разделявших два вида.

Вот вам и магия Диснея.

Тринидад извлекла пустой магазин, вставила новый, от сосредоточенности стиснув зубы, стараясь не потерять равновесие из-за рельефа местности, скорости, рывков. А еще пыли. И дыма. Дыма?.. В пятидесяти метрах от пожара Сула развернула багги, закидав пламя лавиной пыли и практически подставив шлем

Тринидад под морду разъяренного пахицефалозавра-самца. Две тонны полуфотосинтетического самовоспроизводящегося тектопластика рванулись ей навстречу, с учетом скорости сближения сто пять километров в час расчетное время контакта составило 3,33 секунды, которые замкнулись в кольцо. Пятиметровый орнитопод верхнемелового периода навис над Тринидад, его ярко-голубая башка выглядела божественно и одновременно нелепо. Тринидад закричала. Зажмурилась. Выстрелила.

Она открыла глаза. Ее пальцы были крепко-крепко сжаты на двух спусковых крючках. «Макино» бесплодно и судорожно кашлял. Багги резко остановился. Тринидад ощутила земное притяжение. Нейротоксины достигли мозга существа. Пахицефалозавр остановился: убит. Резко выпрямился: убит. Развернулся: убит. Когда он упал, Тринидад это ощутила – казалось, она сбила с небес луну. Палеонтологическое вуду; не могло ли случиться так, что она, прикончив подобие, необъяснимым образом уничтожила истинную плоть, шкуру и кости в Монтане позднемеловой эпохи? Причина вымирания динозавров: симпатическая магия. Мороз по коже.

Второй багги вышел на орбиту вокруг нее, сидящий сзади стрелок вскинул кулак, восторженно крича: «Твою ж мать, Трини!» снова и снова. Она подумала, что это может быть Томас или Бенни; голос мужской. Все выглядели одинаково в шлемах с опущенным забралом. И без шлемов тоже. Они двинулись прочь, стремясь выйти на более важную орбиту основной охоты, к юго-востоку от пожара. Стадо пахицефалозавров – два альфы, два подчиненных самца, восемь самок, четыре подростка – согнали в охваченную паникой, ревущую кучу. Громадные самцы опустили головы с костяными наростами, бросая вызов, собираясь атаковать, сойтись лоб в лоб с кружащимися багги и орущими фигурами за большими, нацеленными с помощью компьютеров «Макино». Пыль вздымалась спиральным облаком. Конвертопланы распыляли ингибиторы горения вдоль линии пожара, и казалось, им не терпится приступить к разделке добычи. Сула отыскала хозяйке место на арене.

Началась резня.

Хайку:
Японское стихотворение из семнадцати слогов.

Балконные перила в квартире на девяносто девятом этаже – лента из реконфигурированного углерода шириной пятнадцать сантиметров под ногами Туссена. Вихревые потоки, поднимающиеся по спирали вдоль хаотической геометрии шпиля

Сан-Габриэль, пытаются лишить его равновесия, но Туссен не теряет опору. Перед ним гигантский каньон, на дне которого, на полтора километра ниже, течет асфальтовая река бульвара Гувера; за спиной, в пентхаусе на вершине шпиля, голос отца обращается к пустоте. Запись: в последний раз Туссен и его отец разговаривали друг с другом шесть лет назад.

– …расчетное время выхода флота Свободных мертвецов на околоземную орбиту составляет от шести до пятнадцати часов. Модальная точка – восемь часов двадцать шесть минут, девятнадцать семнадцать по западно-тихоокеанскому времени. Орбитальные промышленные установки корпорады будут эвакуированы…

Не общение, а сплошной обрыв связи.

– …упреждающие удары, нацеленные на зону реконфигурации в кратере Циолковский на обратной стороне Луны, будут нанесены через шесть часов после пиковой вероятности контакта. Планетарная оборона переведена в режим полной боевой готовности, достижение максимальной эффективности предполагается через пять часов девятнадцать минут…

Почему ты говоришь мне это, отец, все тем же неизменно спокойным и рассудительным голосом, изрекающим истину и гарантированно пробуждающим во мне упрямство? Почему ты до сих пор ничего не понял?

Наследником родился, наследником помрешь, и неважно, что от наследства ты отказался; тебя все равно будут информировать о происходящем, как любого исполнительного директора. Неужели кто-то вообразил, что одна паршивая овца, вернувшаяся в стадо, один блудный сын, признавший свою неправоту, может сделать так, что корабли-хлопушки Свободных мертвецов уберутся восвояси, заберут свои прибамбасы для рытья и копания, вернутся в вакуумные леса и города, растущие прямо под звездами, и можно будет снова верить, что Луна сделана из сыра?

Единственное, что Туссен покинул с сожалением тем утром, когда наконец улетел прочь из отцовского мира, – черный резиновый диван, покрытый мягкими шипами[31]. Он бы никогда не вернулся, если бы не аккуратно отпечатанный пригласительный – такие раз в год выпадали из домашнего 3D-принтера на покрытую пылью столешницу. Шесть прямоугольников лежали как попало, и на каждом последующем слой пыли был на несколько микрон тоньше.

Легкий Туссен колышется на ветру. Теломоды (он ненавидит неологизмы, но в Гнезде Лодога общаются в основном на жаргоне) подарили ему высоту за счет веса. Его тело ангельски-

прозрачное, словно у жертвы голода. Да, он и есть ангел голода. В случае с Туссеном надо понимать, что таков результат безжалостного стремления к эстетическому идеалу. Его белая кожа – редкость в агломерации Трес-Вальес – лишь подчеркивает то, насколько радикальным образом преобразилась плоть. В нормальном человеческом теле нет костей, которые выглядят *вот так*, торчат *вот отсюда*. Туссен – исключение из правил. Он доволен сделкой. Его обесцвеченные волосы стоят дыбом, обрезанные по прямой. Глаза полностью черные: линзы-поляризаторы. Подобно орлу, он может заглянуть солнцу прямо в очи. Подобно орлу, взирает на мир с высоты.

На севере лесистые холмы трепещут под покрывалом жаркого воздуха, насыщенного влагой вследствие эвапотранспирации[32]. Даже ветровые турбины, оседлавшие гребни гор, слишком измождены от влажной жары, чтобы вращаться. Привычная оранжево-коричневая фотохимическая глазурь[33] сгущается в долинах, в изолированных микроклиматических карманах клубятся зеленый и желтый цвета. Хуэнь твердит, что это священные, тайные места, где смог такой старый, плотный, сложный и насыщенный загадочными химикатами, что он мутировал в галлюциноген, преображающий реальность.

Туссен предчувствует скорое окончание жары. Где-то над океаном колоссальная спиралевидная туча торопится к берегу, обремененная первыми зимними муссонами. Да будет дождь. Пусть низвергнутся на землю бури, вестники войны и слухов о войне, готовой начаться там, над тонкой пленкой атмосферы.

Гляжу на судьбу свою,
Спиной оборотившись к наследству.

В километре к югу от пинакля, на котором устроился Туссен, высится тектоготическая филигрань шпиля Сан-Мигель. На таком же расстоянии к западу башня Сан-Рафаэль довершает ангельский собор Святого Семейства. Все три башни корнями уходят в аркосанти[34] «Теслер-Таноса», занимающий пересечение бульвара Гувера и Третьей авеню так долго, что даже мертвецы с самыми обширными воспоминаниями забыли, что у города когда-то был другой центр. Подобно фрейдистской влажной мечте Гауди, три пика остаются незавершенными – и завершить их по определению невозможно. Текторы-шахтеры постоянно вскапывают недра в поисках полезных ископаемых; текторы-транспортники поднимают добычу молекула за молекулой выше жилых уровней, через регуляторы расхода, недооформленные тетраэдры и разновсякую орнаментальную мишуру на вершины,

где текторы-каменщики манипулируют ими, придают форму и творят облик здания. Юный Туссен любил выходить голым на свой балкон и прижиматься к стене шпиля, чтобы кожей ощутить медленное осмотическое скольжение земного вещества. Как среди arcosantistos, так и среди мертвых, живущих в тени башен за воротами некровиля, существует поверье: в тот момент, когда шпили перестанут расти, они начнут умирать, а вместе с ними и корпорада «Теслер-Танос».

> – *Аминь*, – говорит Туссен, – *Села*[35],
> *Мир – лишь песочница*
> *Для игры моего отца.*

Слогов больше, чем надо, но в хайку, как и во всем остальном, он – ученик.

Стоя на краю, Туссен медленно поднимает руки.

И падает вперед, в пустоту.

В отсутствие сопротивления воздуха объект той же массы, что и тело Туссена (или любой другой массы – разве вы не видели, как молот и орлиное перо падают на Луне?), ударился бы о выездную полосу бульвара Гувера со скоростью сто девяносто три километра в час через двадцать две секунды после прыжка с перил пентхауса на девяносто девятом этаже.

Первая секунда. Туссен падает мимо балконов нижних этажей. На одном из них загорает нагая женщина. Сцены из полувиртуальной мыльной оперы шествуют парадом по линзам ее очков. Она не видит, как Туссен несется мимо. Его глаза закрыты. Руки раскинуты, он распят в воздухе. Он вспоминает тот день, когда пришел в высокую башню отца, чтобы показать, что мясные реконструкторы Некровиля сделали с его плотью. Он помнит необъятность комнаты; внушительную протяженность слегка радиоактивного гранита с вкраплениями слюды, послеполуденный свет, падающий сквозь решетчатые стеклянные стены, и то, каким маленьким казался отец, сидящий за столом из живодерева, а также помнит генетизированного павлина, размахивающего красивым и тщеславным хвостом по правую руку от хозяина, и тектозавра с изукрашенной сапфирами шкурой и аквамариновыми глазами, повисшего вниз головой на насесте, – по левую.

Он был готов ко всему, кроме отцовских слез. Руки, которые обнимали его, пальцы, которые ощупывали все еще болезненные швы и контуры подкожных имплантатов, потрясли искренней привязанностью, более болезненной, чем любой отказ. Он даже не смог сыграть роль Люцифера, объявить о своем великом non

serviam[36] и пропади оно все пропадом, отбросить роль и наследство, уготованные ему в корпораде «Теслер-Танос» – отец загубил все это на корню.

Воспоминание о единственном миге, словно моментальная фотография.

Вторая секунда. В два раза больше балконов. Мужчина, стоящий спиной к небу и любующийся интерьером своей квартиры, успевает заметить отражение падающего Туссена в богато украшенном антикварном зеркале. Все зависит от системы координат. С точки зрения Туссена, именно аркология «Теслер-Танос» все быстрее летит мимо него в небо. Он думает о больших кораблях, маневрирующих там, в околоземном пространстве. Хлопушки с электромагнитными катапультами. Пауки в паутине солнечных парусов. Они тоже жертвы теории относительности. С момента окончания Войны Ночных вахтовиков, когда мясное человечество уступило звезды воскрешенным, Свободные мертвецы превратились в демонов, пу́гал, зомби-пожирателей плоти и как там еще поименовала их молва. Один и тот же индивид может быть для кого-то террористом, а для кого-то – борцом за свободу. Его отец что-то говорил про планетарную оборону. А что будут защищать? Орбитальные фабрики. Корпоративное богатство. Иерархию власти. Привилегии. Неравенство. Систему – чьим наследником отец просил его стать, – благодаря которой за воскрешение необходимо поплатиться всеми правами человека. Вечный отказ от субъектности. По закону воскрешенные мертвецы переставали быть людьми. Вот что защищают однозарядные рельсотроны, батареи ракетных установок и теслеры военно-промышленных комплексов под управлением ИИ.

Придите, демоны, придите.

Третья секунда. Скорость теперь в девять раз больше, чем в первую секунду, и он пролетает в девять раз больше балконов. Туссен размышляет о системах символов. Бог и сатана. Искушение Христа. Всевидящее Око Саурона в Темной башне Барад-Дура. Кронос пожирает своих детей. Эдип трахает мать, убивает отца. Липкие, потные архетипы из темнокожих мифологий с их раздражительными и непостоянными божками, приземленными и пугающими святыми – все это не для белого мальчика Туссена, неблагодарного привилегированного ребенка. Его пантеон фрейдистских печалей – более мрачная, суровая команда. Существует ли мифология, где отец воскрешает детей из мертвых, а затем изгоняет их во тьму внешнюю, откуда они однажды возвращаются, чтобы уничтожить его и все его творения? Если нет, то скоро будет.

Четвертая секунда, по мнению Туссена, подходящий момент, чтобы проверить, не слишком ли близка траектория его падения к постепенно расширяющимся склонам шпиля Сан-Габриэль. Он корректирует свое положение относительно вихревых воздушных потоков, меняет конечную скорость, чтобы за счет этих трансформаций отодвинуться от стены.

Пятая секунда. Шестая. Седьмая. Туссен упал ниже жилых зон и летит мимо уровней, предназначенных для администрации и легкой промышленности. Его скорость приближается к ста пятидесяти километрам в час, и на этой отметке должна стабилизироваться благодаря балансу между массой тела и аэродинамическим профилем: классическое свободное падение в наполовину распластанной позе. Он рассчитывает допустимую нагрузку, максимальную силу инерции, конфигурацию нырка. Проги в голове позволяют делать это так же легко и бессознательно, как сложные вычисления относительной скорости, которые вы осуществляете каждый раз, когда выезжаете на шоссе в своем автомобиле. Двенадцать секунд. Тринадцать. Бульвар Гувера забит машинами. Слой смога приближается.

Пятнадцать секунд.

Бугры плоти на плечах, предплечьях и верхней части позвоночника деформируются. Кожа растягивается. Рвется. Изогнутые тектопластические ребра протыкают ее, а заодно и розово-черный летный костюм, проходят через проницаемую мембрану имплантированного ранца. Пакеты данных, панорамные экраны, информационные фрагменты появляются на сетчатке, когда системы оживают. Туссен старается, чтобы порывы ветра не исковеркали траекторию полета. Допустимых пределов погрешности практически не существует. Ранец на спине раскрывается, словно цветок. Продольные и поперечные элементы каркаса из морфического пластика вытягиваются и соединяются; призрак крыла, освежеванная летучая мышь. Мономолекулярные усики вынюхивают опорные точки и сплетаются, укрепляя крыло. Подключение к нервной системе завершено. Теперь это его часть, новая конечность.

Семнадцать секунд.

Как только корпус планера зафиксируется в запрограммированном положении, он сможет выдерживать кратковременное ускорение до двенадцати *g*. Человеческий скелет для таких испытаний не годится. Если Туссен полностью развернет крыло, подставив его воздушному потоку, от нагрузки ему может вырвать хребет.

До смерти на бульваре осталось четыре секунды, и Туссен поворачивается головой вниз, как будто ныряет в неглубокий

водоем. Крыло в жидком виде перекачивается из резервуаров в уменьшающемся ранце, течет густым потоком по каналам внутри каркаса и застывает, соприкасаясь с воздухом, превращается в лист прочной, как сталь, аэрофольги толщиной в одну молекулу.

Девятнадцать секунд. Он прерывает «нырок». Мысленные команды исходят из позвоночника, через интерфейс поступают в крыло. Умный пластик деформируется. Крыло рассекает воздух. Множество *g* пытаются разорвать Туссена на части. Кровь закипает в черепной коробке, Туссен задевает верхушки пальм вдоль бульвара Гувера и взмывает.

Двадцать вторая секунда.

Аккуратно. Еще аккуратнее. И еще! Сейчас промедление означает смерть. Кончик крыла изгибается, траектория превращается в пологий склон, ведущий к техноготическому зиккурату «Теслер-Танос». Цель – термические потоки, текущие вверх по его монолитным бокам.

Термик поднимает Туссена высоко над неровной вершиной шпиля, где текторы-каменщики продолжают трудиться, день за днем перемещая молекулы по одной за раз. В километре над аркосанти он прекращает подъем и начинает долгое медленное скольжение вниз через мертвые зоны к Гнезду Лодога.

Туссен превозносит чистоту полета выше высоты, скорости, фигур высшего пилотажа или выносливости. Его братья и сестры águilas[37], для которых все это и есть полет, не понимают. Отыскав точку равновесия между подъемной силой, давлением и гравитацией, Туссен чувствует, как его сознание распахивается.

Адреналин, норэпинефрин.
Орел бы узрел
Нирвану.

В этом состоянии он осознает себя бесконечно малой пылинкой, дрейфующей в атмосферных просторах, и успокаивается. Хаотические процессы метеорологии и климатологии становятся его частью. Все связано со всем. Стоя на парапете своей квартиры, он знал, что жара закончится, потому что он – это жара, а жара – это он.

Небом проглочен,
Я – это Ты, Ты – это Я.
Климат как дзен.

Мертвые зоны Голливуда, каким он был до наступления

Эпохи Воскресших, а также Сансет-бульвар простираются под животом Туссена. Сейчас тихо, потому что, когда холмы просыпаются, долины спят, накапливая дневную энергию, чтобы потратить ее на удовольствия влажной субтропической ночи. А сегодня, когда холмы уснут, долины проснутся и будут танцевать. Сегодня мертвые устраивают карнавал.

Высоко над некровилем Туссен думает о своих друзьях, готовящихся к ежегодному свиданию в кафе «Конечная станция»: Йау-Йау в ее шумной, оживленной компании юристов, Камагуэй в прохладном, просторном доме с видом на океан. Тринидад – он много думает о ней – где-то в элитарных высях Ла Кресенты, где тошнит от сливок общества. В этом году найдет ли она в себе мужество отпустить призрак Переса и присоединиться к ним? Сантьяго, окруженный прославленными мертвецами. Больше всего Туссен думает о Сантьяго. Второй класс, частная начальная школа Резеда. Именно Сантьяго Колумбар однажды бросил вызов отцовским телохранителям и показал Туссену – который носил тогда другое имя, вел другую жизнь, но сейчас об этом мало кому известно, – как выжечь чудесные медленно заживающие извилистые шрамы на руках и бедрах с помощью увеличительного стекла.

Их дружба всегда зависела от баланса между хрупкой тьмой Сантьяго и гневным идеалистическим сиянием Туссена. Отношения такого рода скованы законами эмоциональной энтропии: в них необходимо вкладывать все больше и больше энергии, чтобы оберегать личностное равновесие от распада. В конце концов инвестиции оказались слишком велики. Они разлетелись в разные стороны, планеты-близнецы оторвались друг от друга со взрывом. Центр тяжести исчез, и группа распалась.

Встречаться один раз в год достаточно. Если они еще немного сблизятся, то снова начнут уничтожать друг друга.

Теперь у Туссена появились новые приятели, новые круги, новый социальный уклад, и все же он хотел бы вернуть прошлое, такое свежее, богатое и, как это ни парадоксально, невинное.

Восходящие течения на краю холмистой зоны ласкают тело. Он разворачивает крылья, и ветер подымает его на километры над городом. Искры блестят на внешнем изгибе огромного и незримого воздушного цилиндра – собратья-летуны, возносящиеся вместе с Туссеном, все выше и выше.

Загорелые,
Среброкрые,
Цвет нео-сёрф-наци

Зиг хайль!

Нехватка краткости. Избыток содержания. Аллюзии анахроничны. Águilas ничего не смыслят в нюансах структуры хайку.

Траектория полета Туссена уводит его от стаи летунов в сторону аркосанти «Теслер-Танос». Подобно Аллаху, строение властвует над землей и небом, абсолютное и монотеистическое. Есть только один Бог, одно воскрешение, и «Теслер-Танос» – его пророк.

Опухоль черна, миля высоты:
дом отца,
А. Теслера.

Крылья блестят в лучах послеполуденного солнца, небеса пестрят голубыми орлами; águilas из Гнезда Лодога вьются, призывая Туссена порезвиться вместе с ними. Дурные предчувствия рассеиваются, как проходящий мимо грозовой фронт. Бескрайнее небо. Теплый солнечный свет. Сильный ветер, наполняющий крылья. Вот что имеет значение. Не Луна, превращенная в трехсоткилометровую сферу, напичканную нанотехнологиями. Не флоты Свободных мертвецов, приближающиеся к Земле. Не махинации Тихоокеанского совета и Панъевропы, а также их хозяев-корпорад.

Где-то позади подходит к концу сухой, как пыль, отцовский монолог, который никто не слышит.

Пятьдесят три часа двадцать пять минут.

«Предательство» как концепция – это серебряная кнопка на боку резервуара Иисуса. С трафаретной надписью сверху: «Слив и промывка системы».

Предательство как поступок было равнозначно нажатию этой серебряной кнопки. Использованию физической силы посредством банального прикладывания ладони. Контуры включились. Шлюзы открылись. Содержимое резервуара утекло в домашнюю канализацию, оттуда – в канализационную систему Палос-Вердес и, в конечном счете, в Тихий океан.

Если точнее: девятьсот литров pH-нейтральной дистиллированной воды с добавлением пятидесяти килограммов деконфигурированных текторных кластеров во взвешенном состоянии. Иными словами, растворенная Элена Эрес, ее плоть и разум. Мертвая.

Официант, у меня в супе девушка.

Это суперская девушка, сеньор.

Он вошел с ней в воду, неглубокую и теплую, как материнская утроба. Поцеловал и держал за руку, пока опускающаяся крышка не разняла их; прижал пальцы и лицо к полупрозрачному пластику, чтобы стать последним, кого она увидит, прежде чем погрузится в воды возрождения. Все это он сделал, потому что любил ее. Но никакая степень любви не заставила бы его наблюдать, как она в течение трех дней и ночей распадается на текторы. Все начиналось с медленного сдирания внешних покровов: кожи, волос, глаз, мягких тканей. Затем наступала очередь мышц, соединительных тканей, вен, нервных волокон. В конце концов кости и хрящи превращались в ничто, как шипучие таблетки в стакане воды.

Расхаживая по длинной галерее со стеклянными сводами, он часто останавливался, чтобы прижаться лбом, зажмурившись, к тектопластиковому панцирю, как будто это была огромная раковина, внутри которой застряли в ловушке звуки океана, и представлял, что слышит инфразвуковое бурление и шипение самоочищающихся текторов.

Патологические репликации. Ошибки в данных. Отказ софта. Сбои транскрипции, спровоцированные каким-то из великого множества потенциальных источников мутагенеза. Фоновая радиация, ультрафиолет, электромагнитные поля, конкретные токсины, конкретные химические вещества. Банальный рак, грозящий всему живому. Если ошибку не исправить, ее усугубят другие ошибки; редупликация погрешностей размножится экспоненциально. Аномальная регенерация. Да. Метастазирующий мутагенез. О да. Причудливые деформации, локализованные в определенных областях тела. Безусловно. Патологическая репликация продемонстрировала Камагуэю все ужасы, на какие была способна.

Решение: самоуничтожение. Погрузись в воду, возродись. Обратись в совокупность текторов, пусть они очистятся и воскреснут. Реконфигурация. Всем мертвым приходится через это проходить, сказала она. Первое воскрешение – самое худшее.

«А мне ты даже такого выбора не оставила», – подумал Камагуэй.

Иногда, в те последние, безумные дни, прижимаясь лбом к резервуару, он слышал молекулярное бурление и шипение в собственных венах.

– Элена?

Камагуэй убрал руку с серебряной кнопки.

Она ушла.

Теперь она была восемьюстами миллиардами разрозненных частиц, рассеянных приливами и течениями, огибающими его риф. Элементарная биология: возьмите обычную морскую губку, пропустите через сито и бросьте в воду – со временем каша превратится в ту же самую губку. Он представил себе текторы, проходящие через пищеводы и кишки двустворчатых моллюсков и рыб, движимые приливами и течениями; разумные искусственные молекулы, выискивающие друг друга, сливающиеся, сплетающиеся, становящиеся все более сложными, разумными, осознанными, пока однажды в безлунную ночь Элена Эрес не преодолеет поверхностное натяжение: Венера Возрожденная, восставшая из нанотехнологий и пены морской. В его воображении она медленно отошла от линии прибоя и вошла в темный заброшенный дом на скале: она прикасалась к вещам, ощупывала, искала его. Хотела ли она отомстить? Испытывала ли боль и смятение, не понимала, почему пришла в себя в темных водах? Любовь – возможно. В том, что касается предательства, они квиты. Сожаление? А вот этого она не дождется. Его к тому моменту уже давно не будет.

– Сколько? – спросил он, обращаясь к своей комнате с видом на океан.

– Пятьдесят три часа десять минут, – ответила комната. – На данном этапе преобразование быстро приближается к завершению. Прогнозы точны на девяносто три процента.

За изогнутым стеклом простиралась неподвижная океанская гладь, испещренная подводными тенями от построенного Камагуэем рифа. Прозрачный свет раннего полудня озарял маленькие парусники; морские птицы охотились, ныряли и плескались. Под поверхностью воды нежилась стая плезиозавров, чьи тела напоминали черные и золотые леденцы; в глубоком канале большие киты должны были плыть между похожими на растопыренные лапы москитов опорами энергетических станций, направляясь на запад, к предназначенным для размножения лагунам на побережье Нижней Калифорнии. Корабли береговой охраны дневали и ночевали все в тех же районах, занятые какими-то загадочными поисками. Официальные каналы опровергали слухи, тем самым их подкрепляя: метеоритный дождь? В прошлом месяце? Ага, еще бы. Это был вовсе не обыкновенный дождь, о нет. Никто такое не подтвердит, но это был рейд. В океан что-то сбросили. Черт побери, надо достучаться до Департамента санитарии Палос-Вердес, я же не хочу, чтобы из моего унитаза полезла какая-нибудь хрень.

По крайней мере, ты все еще можешь улыбаться, Камагуэй. Слушайте, вы, сплетники, через пятьдесят с чем-то часов у вас

будет такая история, что не наскучит за века, причем правдивая целиком и полностью.

Некоторые катастрофы бьют слишком мощно, быстро и точно, чтобы запустилась иерархическая последовательность психологических реакций: гнев, отрицание, торг со смертностью и окончательное принятие. Некоторые удары оказываются слишком безжалостными, оставляя после себя лишь оцепенелый шок, отказ поверить в случившееся. Так человек, убитый выстрелом в сердце, оказывается слишком изумлен смертью, чтобы рухнуть бездыханным.

Камагуэй понимал, что где-то внутри кричит. Но думал – и чувствовал, – что пришла пора разобраться с контрактом на перекраску флота арендованных яхт.

(«В это время твое тело пожирают изнутри!» – вопил безмолвный крикун.)

Еще можно было надеть жаброкостюм, прокатиться на лодке к молодым грядкам и понаблюдать, как псевдокораллы осваивают груды безоконных корпусов древних автомобилей.

Камагуэй помнил точное время, место, погоду, одежду, которая была на нем, когда он влюбился в коралловые рифы. 15:28 по восточно-австралийскому времени; место: в тридцати километрах к востоку от мыса Скорби; погода: 32 ˚C, влажно, безоблачно, ветер три узла, низкая океанская зыбь; одежда: зеленый с золотом комбинезон «Кугар Джуниор», любимейший наряд в целом свете. Шел четырнадцатый год Эпохи Воскресших. Его отец, находящийся в Свободном штате Квинсленд по каким-то делам Тихоокеанского Совета, прервал рабочий график, чтобы развлечь скучающего сына. Они отправились на пароме «Сикэт», набитом туристами, понаблюдать за извлечением трехсотметрового участка Большого Барьерного рифа. Один из богатейших шанхайских плутократов третьего поколения купил его, чтобы украсить свой живой дворец в двадцати метрах под Южно-Китайским морем. Когда поднялся кусок весом в сто тысяч тонн – вода стекала с его округлых и заостренных выступов, океанские краны по чуть-чуть принимали растущую нагрузку, тросы скрипели, – одиннадцатилетний Камагуэй увидел нечто абсолютно странное и удивительное. Из воды поднялись разом все сказки о затонувших соборах, пропавших городах и затерянных континентах, которые когда-либо будоражили детское воображение. На мгновение купола и цилиндры из коралла стали шпилями Кер-Иса, дымовыми трубами Порт-Ройала, колоннами Атлантиды.

Затем коралловая секция, истекая морской водой и выселенными морскими жителями, окончательно покинула

прежнее место пребывания и качнулась в сторону грузовых лихтеров. Люди свистели, аплодировали и хлопали, но Камагуэй освободился от чар: просто еще один технологический трюк, маскирующийся под настоящую магию.

Коралловый город преследовал его на протяжении вакхического подросткового возраста и потом, был воплощением чего-то большего, чего Камагуэй не мог измерить, – до дурацкого замечания Йау-Йау, невзначай брошенного скучным вечером, когда все они сидели в «текучих креслах» в пляжном домике Сантьяго. «Интересно, чем мы все будем заниматься через пять/десять/пятнадцать лет?» Занятие оказалось захватывающим, как детская викторина. Они фантазировали всю жаркую ночь до самого утра. Остальные четверо в большей или меньшей степени исполнили свои предсказанные судьбы: Тринидад металась, как комета, между жизнями, которые находила более привлекательными, чем собственная; Туссен, бунтарь, вечно юный душой, прятался от отца в тени собственных крыльев; Йау-Йау сражалась на стороне добра в какой-то из мимолетных войн в виртуальной паутине; Сантьяго, мессия с выжженным мозгом, извергал галлюциногенные откровения весьма озадаченному человечеству. Камагуэй бросил вызов всем пророчествам. Председатель корпорады? «Не-а». Лауреат какой-нибудь премии, писатель? «Нет, не Камагуэй». Жиголо-фрилансер? «Да ну тебя…» Пловец-экстремал? «Нет». Инженер-конструктор, спец по нанотехнологиям. «Камагуэй?!» Чудотворец, шаман, погонщик червей, бармен, работорговец, альфонс, чей-то партнер, чей-то сожитель, натурал, гей, би, с детьми или без, дом, домище, хобби, жив, мертв… «Я вообще не представляю себе, чем он может заняться».

Камагуэю вручили ключ к самопознанию. Он вдруг понял: то, что он всегда считал социальным изъяном, – желание не быть похожим на остальных, – на самом деле было его сутью. Если никто не мог предсказать, кем он станет через пять лет, хорошо. Пусть займутся исполнением собственных пророчеств; Камагуэй, свободный от предназначения, построил риф. Свой собственный.

Он изучал морскую биологию с уклоном в экологию коралловых рифов. Он выбрал наноинженерию и дизайн, первичные и промежуточные, в качестве второй специализации. Он научился нырять. Купил ультрасовременный жаброкостюм. Втерся в доверие к вдове из Палос-Вердес исключительно потому, что ей принадлежали лучшие участки побережья в округе. Пока она натирала его грудные мышцы и лопатки маслом цубаки, он думал о полипах и текторах. Скупил сто тонн разнообразного лома, состоявшего из потребительских товаров длительного

пользования, выбросил в пятистах метрах от Лонг-Пойнта и засеял изготовленными на заказ текторами, имитирующими кораллы. Всю прохладную, влажную зиму, пока муссон сотрясал кровлю, а Камагуэй языком ублажал вдову в спальне цвета слоновой кости, внизу, под бурными водами, текторы обдирали мертвые морозильники, микроволновки, посудомоечные машины, пылесосы, низкопробных роботов-помощников в поисках сырья и скрупулезно трудились над своими конструкциями. Когда женщина покончила с собой в феврале – «в сезон смертельной скуки», как значилось в записке (написанной от руки и выглядящей анахронизмом от и до), – Камагуэю как будто воткнули нож в спину. Он принадлежал к тому типу людей, которые не могут понять, почему некоторые считают смерть простым решением всех проблем, а решение продолжать жить – ужасным выбором, с которым приходится иметь дело каждое утро. Он не подозревал, что эта женщина знала с того самого момента, когда впервые затащила его в свою постель: сделка обернется любовью. Когда молчаливые, торжественные гостьи из Дома смерти пришли, чтобы забрать тело, он спросил их, будет ли ему позволено увидеть ее после воскрешения.

«Позволено?» – переспросили женщины в белом. Все позволено. Никаких запретов. Но лучше избавить себя от страданий и жить так, словно она умерла навсегда.

«Почему?» – спросил Камагуэй.

«Смерть – это не сон», – сказали женщины. Смерть – это смерть. Мы просыпаемся иными. Наша прежняя жизнь, воспоминания, опыт, любовь и отношения кажутся сном; нематериальным и, возможно, тревожащим, но быстро исчезающим в разгар дня. Только живые скованы узами.

Они увезли тело в своем бесшумном белом фургоне с v-образным клеймом Дома смерти на боку и оставили разбитого Камагуэя одного в доме у моря, который, как сообщили адвокатские проги деликатным шепотом, теперь принадлежал ему до самой черепицы, включая спальню цвета слоновой кости, залитую солнечным светом террасу и лучший участок побережья в округе. Камагуэй спустился к океану, чтобы попытаться смыть угрызения совести соленой водой. Вместо этого он угодил в райский сад.

Ветвистые шпили и башни возвышались со всех сторон; мосты и своды из спиралевидного псевдокоралла выгибались над ним, хрустальная мозаика тротуара уводила в лабиринты стеклянной филиграни и нежно колышущихся вееров. Образования, похожие на огромные морские радиолярии, были разбросаны по морскому дну, как средневековые кальтропы с

торчащими в разные стороны шипами, в пять раз превосходящими длину тела Камагуэя. В каждой центральной стеклянной сфере заключался какой-нибудь выброшенный на мусорку предмет домашнего обихода: стиральная машина, робот-садовник. В других местах тонкие, как хлыст, «шеи» поднимались из глубоко укоренившихся основ, колыхаясь в калифорнийском течении, как дремлющие зауроподы; подходящая метафора, потому что голова на конце каждой шеи представляла собой списанный в утиль прокатный драндулет Северо-Западной тихоокеанской аэрокосмической транспортной компании, инкрустированный нанотехнологическими драгоценностями и снабженный воздушными пузырями для придания плавучести. Трубы, башни и жилые дома, дворцы и пирсы: Камагуэй исследовал архитектуру города своей мечты на дне морском.

Он вышел из воды, когда луна взошла над домом на утесе, который раньше принадлежал меланхоличной женщине. В небе светились огни фабрик, описывающих круги по низким орбитам. Где-то в лабиринтах города на дне моря меланхоличная женщина, которая сделала ему минет, а потом проглотила полторы сотни таблеток от депрессии, умерла и стала воспоминанием.

Камагуэй никогда не страдал собственничеством. Он не собирался беречь дарованное в качестве личной страны чудес. На следующий день он уломал двух дайверов отказаться от плавания с плезиозаврами над затонувшим корпусом «Королевы Марии» и взглянуть собственными глазами на кое-что поинтереснее. Еще через день они вернулись и привели полтора десятка друзей. Спустя неделю туристов уже отправляли на дно в специальных батискафах, одолженных у Милапского сообщества пловцов, чтобы показать им нанотехнологический риф Камагуэя. Он совершал десять погружений в день со строгим ограничением в тридцать человек на группу; первое погружение на рассвете, последнее – при свете установленных на понтонах прожекторов, взятых взаймы у морских спасателей. Он жил в жаброкостюме, дважды в неделю чистил кровь от свободных радикалов и глотал пригоршни бодрящих, снотворных, что-то повышающих и понижающих таблеток, а также пищевых добавок.

Кароси[38]. Еще немного успеха, и можно связаться с Домом смерти, чтобы забронировать резервуар Иисуса. Камагуэй вывесил в сети нечто вроде объявления «Требуется прислуга».

И пришла Элена. Мертвячка Элена.

Камагуэй полюбил мертвячку Элена, а она его за это убила. Нежно. Мягко. Поцелуй за поцелуем, даже не осознавая, что делает. Теперь Элена ждала в океане, чтобы он присоединился к ней. Он взглянул на свою персоналку. Пятьдесят два часа сорок

восемь минут. «Но нас окликнули – и мы пошли ко дну»[39].

– Рекомендации? – спросил он у комнаты.

– Если обычаи и религиозные традиции позволяют, многие жертвы симптома предпочитают совершить самоубийство, а не позволить ему развиваться до логического завершения, – прозвучало в ответ.

На плите из необработанного коралла, заменяющей Камагуэю стол для переговоров, лежал единственный предмет: приглашение. *«Сантьяго Колумбар приглашает…»* Где лучше провести последнюю ночь своей жизни, как не в кафе «Конечная станция» во время карнавала; с кем лучше провести ее, как не с людьми, которых он – пусть они никогда об этом не узнают – полюбил сильнее всех на свете?

Скажет ли он им, что случилось? Вопрос приобрел жизненно важное значение. Когда имеется строго регламентированная квота вопросов и целая упрямая вселенная, к которой можно с ними обратиться, каждый становится на вес золота. Камагуэй вообразил, как называет вещи своими именами, представил себе их лица вокруг стола из кованой стали, их реакцию.

Йау-Йау расклеится от потрясения, слез и эмоций, проявит все те гуманные качества, всю сентиментальность и уязвимость, которые и были причиной того, что она так усердно играла роль адвокатессы для бедных, закаленной судебными процессами.

Туссен сделается мрачным и молчаливым, будет переживать, что любые его слова окажутся неправильными, оскорбительными или просто бесчувственными, хотя на самом деле все, что он когда-либо говорил, было дорого Камагуэю.

Сантьяго будет кричать и смеяться, купит вино, которое не пьет, и вытащит всех на улицу, чтобы танцевать, хохотать и бесноваться, повинуясь течениям и всплескам карнавала, но это не скроет зависти: Камагуэю предстояло то, чего сам виртуалисто больше всего желал и страшился. Сгореть, а не заржаветь.

Можем поменяться местами, Сантьяго.

Тринидад там не будет. Она узнает и заплачет, она будет опустошена и прибьет еще одно тело к кресту из страха, который протащила через всю свою жизнь.

Возможно, Камагуэй ничего не скажет. Будет пить, смеяться, болтать и принимать участие в любых развлечениях, которые Сантьяго приготовил в этом году. Святой Иоанн, некровиль из некровилей, был большим. Там достаточно места и времени, чтобы ускользнуть и найти компанию своих новых братьев и сестер.

Он произнес эти слова вслух, чтобы комната услышала.

– Я теперь мертвец.

– Пятьдесят два часа тридцать шесть минут, – раздалось в ответ.

Дрэг-квин Кармен Миранда ждала Йау-Йау на восьмитысячной ступеньке монохромной мраморной лестницы в небеса. Шляпа тутти-фрутти[40] – банан, ананас, апельсины, гуава, виноградные грозди – выглядела как fruteria[41], взгромоздившаяся на шатер с похабными целями. На толстом, как штукатурка, слое косметики был нарисован натянутый лук Купидона. Платье-футляр щеголяло разрезом до бедра.

– Салют, Йау-Йау! – приветствовала Кармен Миранда. – Получила мой подарочек?

– Трио как раз его жует, – сказала Йау-Йау, одетая с головы до ног в черное, как проповедник, с толикой серебряных украшений, чтобы выглядеть успешно, но не вычурно. Призрачные ветры извлекали нестройные мелодии из громадной лестницы; далеко-далеко внизу светло-серые облака струились по темно-серым небесам. Ни один крошечный серебряный колокольчик на серьгах Йау-Йау не шелохнулся. Ни одно перышко на боа Кармен Миранды не дрогнуло. – Она обожает марципан. А теперь извини, мне пора на заседание.

– Я просто хотела пожелать тебе удачи, – сказала Кармен Миранда. – Хотя вообще-то я не прочь пойти с тобой.

Йау-Йау развернулась к трансвеститу с лицом актрисы.

– Слушай сюда, серафино. Это серьезный процесс. Самое крупное дело в моей карьере. Если все сложится как надо, Йау-Йау Мок станет полноправным партнером в «Эллисон, Исмаил и Кастарди». А если она облажается, снова будет болтаться на сампане[42] в Марина-дель-Рей. Резюме: ничто, включая тебя, не посмеет угрожать моей победе.

– Восемьдесят восемь целых семь десятых процента, – сообщила Кармен Миранда. – Таковы твои шансы выиграть это дело.

Через каждые сто ступеней вверх и вниз по колоссальной лестнице, насколько хватало глаз, высокие статуи великих законотворцев поворачивались и поднимали правую руку, следуя за движением ослепительно белого солнца.

– Если что-нибудь случится – что угодно, серафино, – я буду считать, что виновата в этом ты. Сама понимаешь, что это значит.

«С эмоциональной точки зрения мы имеем дело с пятилетними детьми, – сказал Эллис. – Им просто нравится *нравиться*, бегать за тобой как хвостик, делать то же самое, что и ты, быть рядом. Быть частью чего-то большего».

– Что мы не будем дружить? – Как и ожидалось, Кармен

Миранда разочарованно надула губки. – Мне бы этого не хотелось, Йау-Йау. Все, чего я хочу, – это чтобы ты любила меня. Любовь делает меня настоящей, ты же знаешь.

Ступенька под босоножками на пробковой подошве задрожала и расплавилась. Кокетливо помахав напоследок, Миранда погрузилась в мрамор.

Йау-Йау продолжила восхождение. Серебряные серьги зазвенели.

Хорошая карма, плохая карма; несмотря на жуткие предупреждения Эллиса о том, что один из серафино сделал с ним в Аделаиде, адвокатесса хотела, чтобы эта тварь исчезла. Пусть бы ее стерли. Вычеркнули. Удалили. Закрыли. Убили. Даже Яго, ее прогер, не одобрял изгнание этого призрака из ее машины[43], а ведь он был мертвецом.

– Может, я и бессмертен, но мне даже в голову не придет дергать за хвост существо, которое однажды сделается кем-то вроде Бога, – сказал он, осторожно брея голову Йау-Йау верным старым «Номером один», пока она сидела в кресле его задрипанной цирюльни.

– Значит, ты ничего не можешь сделать, – подытожила Йау-Йау, проводя ладонью по коже. Трогать голую женскую кожу на голове – одно из самых эротичных ощущений, которые были ей известны.

– Не могу и не буду. – Яго выключил бритву. – Не хочешь поиграть, пока еще не наступило время обеда?

Бесконечная мраморная лестница была его проектом. В прошлой жизни он был творческой половиной самого захватывающего прогерского инди-проекта Западного тихоокеанского региона. Пока бухгалтеры компании не устроили ему маленький несчастный случай из-за того, что он по их меркам был чересчур оригинален. Теперь Яго брил головы, играл в волейбол и создавал специальные проги для опасных и разборчивых клиентов. Мертвец или нет, он был, пожалуй, самым счастливым из всех людей, кого Йау-Йау встречала за всю свою жизнь.

– Мне нужно что-то, чего больше ни у кого нет, – сказала Йау-Йау, пока Яго в очередной раз гасил мяч[44]. – Пожалуйста, не надо лощеных кибервоительниц в зеркальных доспехах с хромированными сосками и лазерами-шмазерами. Я тебе не какой-нибудь сраный подросток.

– Йау-Йау, – ответил Яго, готовясь к удару, – ты меня обижаешь.

Шмяк! Гол.

Что она получила: монохромную лестницу в небо,

придуманную Пауэллом и Прессбургером[45]. Яго повел ее по тандемной консенсусной ссылке, как агент по недвижимости на просмотре виртуального объекта. Обратите внимание на широкие, низкие ступени; они уходят вверх до бесконечности. Посмотрите на паросские мраморные статуи великих законотворцев: мнемонические ссылки на юридические проги и базы данных мировой паутины от Претории до Суринама. Задержитесь на лоджиях из черного мрамора, предназначенных для общения, где вы можете встречаться и беседовать с клиентами и коллегами. Оцените высокое разрешение и полноценную симуляцию реальности!

Ей понравилось. Чтобы расплатиться, придется пахать в суде пять лет, но ни у одного из коллег-юристов, с которыми Йау-Йау работала в конторе на Сансет, даже у горячей штучки Трио, набиравшей очки так быстро, что ее заносило на поворотах, не было прог, сравнимых с шедеврами Яго Диосдадо.

И теперь трансвестит в наряде Кармен Миранды, как будто сошедший с аляповатого дешевого плаката, испоганил ее безупречную монохромную вселенную своим присутствием. Как пенопластом по стеклу…

Йау-Йау нравилось думать, что у нее прекрасная, суровая, черно-белая душа.

Ее жилище и по совместительству офис представлял собой минималистичный куб из белых бумажных седзи[46] с голым деревянным полом, выкрашенным известкой; порядок и безупречная чистота, в каком-то смысле наследие детства на борту сампана, но главная причина заключалась в том, что в черно-белом мире не было места для частиц шелушащейся кожи, выпадающих волос, пятен на черных шелковых простынях, вони и выделений неопрятных, грязных людей. Йау-Йау Мок: окружающая среда.

Йау-Йау Мок: женщина. Невысокая, крепко сложенная азиатка с рельефными мышцами под кожей, покрытой серебряными прожилками молекулярных схем виртком6а. Китаянка американского происхождения, крепкий орешек из Города утопленников. Со следами перенесенной в детстве оспы на лице; вопреки мнению элиты с холмов, убийственные и калечащие недуги благоденствовали там, где обитал лодочный народ. Если точнее, болезни воскресли, как и все прочее. Йау-Йау носила свои шрамы гордо, словно знаки отличия за победы в революционных сражениях. Ничего сложного, ведь своей истинной кожей она считала виртком6; никаких изъянов, совершенный, гладкий, шелковистый интерфейс связи с внешним миром. Пленочные микросхемы были нервной системой, с

помощью которой Йау-Йау воспринимала вселенную, и та была ярче и больше, чем обеспеченная пятью природными чувствами.

Йау-Йау Мок внутри симуляции огляделась по сторонам, встревоженная нейронной щекоткой. Через серые небеса к лестнице приближался, кувыркаясь на лету, квадрат из полированного обсидиана. В его черных глубинах мерцали звезды: дела на рассмотрении, вынесенные приговоры, принятые решения. Окно Событий представляло собой поперечное сечение двенадцатикилометровой пирамиды системы отправления правосудия, которая называлась «Цвингли II»[47].

Пульс Йау-Йау участился. Ладони вспотели. Зрение затуманилось. Мочевой пузырь подал сигнал о переполнении. Как бороться с возбуждением ЦНС: юрфак, день первый, урок первый. Успокойся. Возьми себя в руки. Помни о самодисциплине. Восемьдесят восемь целых семь десятых. Не забудь. Восемьдесят восемь целых семь десятых стоят того, чтобы выпить за здоровье старых друзей этим вечером в кафе «Конечная станция».

Безмолвная темная плоскость нависла над Йау-Йау Мок. Адвокатесса подняла глаза, увидела свое отражение, уменьшенное из-за угла наклона, и ее поглотили.

Утром, когда Йау-Йау Мок отправилась в panadería[48] мистера Шуза на ежедневный перерыв, кофе с dulces[49], ее ждал сюрприз. На доске объявлений висело приглашение с позолоченными уголками: *«Сантьяго Колумбар приглашает Йау-Йау Мок…»*. За дверью высилась чертова куча марципана.

– Твой ангел-хранитель не унимается, – сообщила Трио, коллега, которая не нравилась Йау-Йау. Она как раз возвращалась в контору с обедом из круглосуточной забегаловки на перекрестке: crepa[50] из микроволновки и кофе без кофеина в пластиковом стаканчике. По ее словам, жить в другом часовом поясе было не так уж трудно. Циркадные активаторы помогали, как и регулярные сеансы сенс-депа и дезориентации/переориентации – но дело не в них, думала Йау-Йау, откровенно завидуя энергии этой девятнадцатилетней, красивой и успешной чернокожей девушки.

– Модель яхты, под завязку набитая марципаном? – спросила Трио, подозрительно принюхиваясь к содержимому игрушечной лодки. Двадцатиметровое прогулочное судно – как ни крути, перебор. Лодки для серфинга и то было бы много.

– Какой-то судебный журналист со склонностью к хамству описал мое заявление по делу «Паулюс против Даля-Эсберга-Сифуэнтеса», дескать, как будто его насильно накормили марципаном. Кармен Миранда нашла это в паутине и приняла за

комплимент.

– «Паулюс против Д.Э.С.». Ты же его не вытянула, да?

Ну да.

– Слушай, Йау-Йау, если не хочешь марципан, можно мне немного?

– Забирай все. Угощайся.

Нажрись до отвала, лопай, пока не треснешь; только вот ты же одна из тех благословенных созданий – чтобы вам всем провалиться, – которые способны существовать на диете из чистого дерьма, стопроцентных насыщенных жиров, сахара и углеводов и неустанно ныть о том, какие вы худые, костлявые и как бы набрать вес… А вот Йау-Йау достаточно посмотреть на шоколадку, чтобы – бабах! – превратиться в дирижабль. Она винила наследственность: жители Китая/Юго-Восточной Азии сохранили память о ледниковом периоде в виде склонности к накоплению подкожного жира; а вот африканские равнинные и лесные народы никогда не ощущали дыхания ледников.

Сначала были цветы, лотосы и орхидеи каждый день в течение недели, доставляемые мертвой девушкой-курьером из фирмы «Гесперия: Цветы для ваших празднеств». Вторая неделя началась с бутылки вина «Кунаварра Семильон» 88-го года.

– У твоего тайного поклонника хороший вкус, – заметил старший партнер Хорхе. – Если не знаешь, куда девать такие знаки внимания, только скажи…

К четвергу подарки прибывали ящиками.

– Я бы встревожился: вдруг кое-кто поумнеет и захочет все вернуть? – сказал Феникс, адвокат по уголовным делам.

На следующей неделе прислали бельгийский шоколад. Ручной работы. Самолетом. Коробку весом два килограмма. Йау-Йау возвращалась после очередной тяжелой ночи в Бангкоке, думала только про свой спальник; на звонок курьера ответила Трио, вследствие чего посылка уменьшилась более чем наполовину, пока дошла до адресата.

– Надо радоваться, что ты кому-то нравишься, – сказал Эмилио, младший специалист по контрактам и правонарушениям, тщетно разыскивая в общей массе рахат-лукума разновидность с апельсиновым цветом.

– Не кому-то, – сказал Эллис, перебивавшийся унылыми разводами австралиец, который как раз отрабатывал бросок с разворота у стены со *«Сверхупругим Чудо-мячом „Суперпрыгун“»*, купленным по каталогу со всякой чепухой. – А чему-то. Сдается мне, Йау-Йау подцепила серафино.

Первое ноября, 20:30:35:50. Среднее время по Гринвичу.

Слушается дело номер 097-0-17956-67:01. Шоу начинается. В комнате с бумажными стенами недалеко от бульвара Сансет Йау-Йау Мок проходит через Окно Событий и оказывается в двух километрах под улицами Цюриха.

«Цвингли II» внушал грозное впечатление. Швейцарские инженеры спроектировали его так, чтобы почти божественные процессы юстиции вызывали уважение и почтение. Так оно и происходило. Снова и снова.

Йау-Йау стояла на узком выступе внутри пирамиды. До вершины было километров восемь, или две трети всей высоты. Четырьмя километрами ниже Йау-Йау простиралось основание, которое, будь пирамида реальной, уничтожило бы почти всю агломерацию Королевы Ангелов. Нерушимые черные стены переливались от потоков цветного света: адвокатские проги ждали у барьера арены, на которой состязались только человеческие разумы. Йау-Йау Мок чувствовала спиной присутствие машинных юрисконсультов «Эндюстри Габонез», и поддержка вынудила ее приободриться. Выше нос, Йау-Йау. Ты крутая. И хладнокровная. Бери пример с холодных суперпроцессоров «Цвингли II», омытых жидким це-о-два. И даже еще холоднее. На колоссальных стенах целые созвездия вспыхивали и умирали. Система «Цвингли» ежесекундно рассматривала семьдесят тысяч дел.

Черный выступ у нее под ногами покрылся рябью, из него вырос тонкий мост над пропастью, залитой звездным светом.

Встать, суд идет.

Йау-Йау указала вперед пальцем в черной перчатке, с серебряным кольцом, и полетела над мостом. От галактического фона с противоположной стороны отделилась звезда и двинулась навстречу, обретая плотность и четкость.

«Это твой враг. Не наглей, не будь напыщенной дурой, не обманывай себя – пусть за твоей спиной и стоит корпорада с юридическими прогами на двести гигов, это вовсе не означает, что ты сумеешь отправить деревенских ребят восвояси, подпалив им джеллабы. Здесь один царь и бог – Цвингли».

Она раскрыла ладонь, и симуляция опустила ее на приподнятый центр моста. Сверху пусто. Снизу пусто. Мерцают белые звезды. Приближающийся противник теперь представлял собой пентакль: ноги, руки, голова. Человек-звезда. С дьявольским проворством, возможным только в виртуальности, он опустился на мост перед Йау-Йау Мок.

Всемирная паутина существует. Это территория. Потенциал. Состояние. Галлюцинация. Лиминальное пространство. Вызов

любому правдоподобному определению. Символ веры. Кредо!

Верую в незыблемость математики чистой, прикладной и статистической, создательницы и хранительницы всех знаний, священного языка, посредством коего наиболее точно можно разъяснить реалии Вселенной. Также верую в физику, химию, биологию, в квантовую теорию и общую теорию относительности, в информатику и хаос (хоть и не могу выбрать между неразрешимостью Гёделя и неопределенностью Гейзенберга); кварки, глюоны и аккуратные тезисы единой теории поля, связанные с суперструнами, – вот некоторые из моих любимых тем; верую в Святой Информационный Дух, в телевизионную картинку, деньги на счету, музыку в динамиках аудиосистемы, друзей на экране персоналки. И еще я верую в нанотехнологическое воскрешение тела и жизнь вечную. Аминь.

Верую, потому что работает. Мне не надо понимать, как это происходит, достаточно самого факта. Как удачно, что технологическая абракадабра не требует особого благочестия или доказательств веры – она просто действует, и все. Все упирается в деньги. Яхве ниспослал манну с утренней росой, чтобы накормить детей Израиля, а вот виртуальные торговые площадки за разумную сумму доставят молоко и мед прямо к вашему порогу.

Как и все религии, эта – продукт человеческого разума. А разум меняется; представления об устройстве мира следуют тем же путем. Парадигмы только кажутся незыблемыми.

Когда крупные кибернетические корпорады не смогли создать Искусственный Интеллект, который так долго обещали, старая компьютерная модель, объясняющая ВСЁ – включая менструальные боли, человеческое сознание и Бога – с точки зрения сложного цифрового программного обеспечения и систем памяти, катастрофически утратила доверие. Обыватели больше не верили, что Вселенная – или даже они сами – работает как очень большой, но в принципе воспроизводимый пакет бухгалтерских программ. Обыватели поверили во Вселенную из лозунгов многообещающей нанотехнологической революции, устроенную по принципу супа минестроне: в этакую бурду из свободно плавающих концептуальных сущностей, при столкновении естественным образом совершающих пригожинские скачки[51] на все более высокие уровни самоорганизации и сложности. Новый мировой порядок стал выглядеть как лишенное структуры, откровенно хаотичное фрактальное пространство, где больших блох не просто кусали маленькие – где, по сути, первые состояли из вторых. Крышесносная вселенная, в которой проворный ум мог оседлать волну и бросить вызов

концептуальным отбойным течениям.

Неудачу кибернетиков теперь истолковывали на примере разницы между попытками достичь Луны с помощью «Аполлона-11» или Вавилонской башни. Неправильные материалы, неправильные техники, неправильный подход, неправильная волна. Созданная ими планетарная информационная сеть была не эмбриональным гештальт-разумом, а первобытной экосистемой, аналогичной первым нескольким миллионам лет существования планеты Земля; средой, насыщенной разнообразными компонентами – свободно распространяемым условно-бесплатным ПО, мусорными данными, вирусами, бездействующими и активными, а также обрезками и ошметками гигабайтов вычислительной мощи, задействованной в определенный момент в каком-нибудь месте всемирной паутины; средой, не испытывающей недостатка в энергии, подверженной сумбурным колебаниям и приближающейся к критической отметке массы и структурной сложности, по достижении которой могла бы возникнуть независимая, самодостаточная, самомотивирующаяся, самовосстанавливающаяся и воспроизводящаяся кибернетическая сущность – жизнь.

Сродни любой спонтанной модной идее или движению, серафино появились задолго до того, как кому-то пришло в голову придумать для них название. Они существовали на протяжении десятилетий в виде слухов про киберпикси и незримых брауни[52], которые в обмен на блюдце с секретами даровали призвавшим их паутинным серферам странную удачу. К тому моменту, когда в их реальности перестали сомневаться – и, самое главное, когда они сделались популярной фишкой, – серафино обзавелись интерактивными интерфейсами (личностями), собранными на основе множества источников вдохновения и образцов для подражания. Чаще всего встречались архетипы Золотого века Голливуда, хотя к ним были словно рукой вивисектора пришиты причудливые дополнения. Верхняя половина Мэрилин Монро парила на информационном ветру, ее юбки неустанно вздымались. По меньшей мере пятнадцать Хамфри Богартов вели ожесточенную междоусобную войну за исключительное право на шрам на губе и несуразный тягучий выговор. Марлон Брандо сливался в интимной близости с «Харлей-Дэвидсоном», наделенным мужским достоинством поразительных размеров.

А еще была дрэг-квин Кармен Миранда.

Лицом к лицу. Нос к носу. Лоб в лоб. Классическая позиция

конфронтации / перестрелки / драмы в зале суда.

«Не бойся своего врага; страх внесет хаотические возмущения в поток доказательств. Стань твердой, как камень, ненасытной, как пламя, непредсказуемой, как вода, вездесущей, как воздух. Стань чем-то бóльшим: стань Абсолютным Разумом».

Жаль, что она не успела принять еще один транк.

Противник выглядел как нищий габонец, нонконтратисто. Лицо, руки, бритая голова покрыты гнойными язвами и слегка непристойными наростами паразитических текторов. Йау-Йау Мок, крутая профи в строгом черном наряде с серебряными украшениями, рядом с ним казалась настоящей корпоративной шовинисткой. Какое коварство.

Габонский адвокат протянул испещренную оспинами руку через разделявшее их небольшое расстояние. Йау-Йау оглянулась – нервная привычка, от которой она пыталась себя отучить, но толку никакого. Совсем никакого! Внутри черных стен пирамиды по-прежнему колыхалось северное сияние, мерцали пойманные в ловушку туманности. И что-то еще, какой-то далекий и неуместный всплеск разноцветья. Оранжевый. Зеленый. Виноград. Фрукты?..

Кармен Миранда. Вот дерьмо. Твою ж мать. Что за хрень. Как же тварь смогла проникнуть в закодированные буферы «Цвингли»? «Сучка, ты обещала!» Йау-Йау сдержала возмущенный вопль прежде, чем он достиг субвокализаторов в горле. Не стоит кричать такое под соборными сводами «Цвингли II». Она посмотрела в белые глаза противника (косметическая катаракта, продуманный нюанс) и ответила на рукопожатие. Суд начался.

Свет, извивавшийся внутри стен пирамиды, собрался в плотные узлы, белые и обжигающие, как поверхность звезд, и ринулся по черному мостику. Поток данных пронесся через Йау-Йау, как пожар. Ничто в жизни бренной не могло сравниться с этим мимолетным, микросекундным соитием, с привкусом всеведения, который оставался на устах после того, как судебные проги пропускали через ее нервную систему гигабайты информации, связанной с делом.

Адвокат из Йау-Йау вышел хреновый, но кайф она ловила как настоящий профи.

Коренные народы Маюмбы
против АО «Эндюстри Габонез»
Краткое изложение дела.

Два слова: деньги, работа. В чем суть: когда АО «Эндюстри Габонез» (маска, под которой коварно спряталось Большое Бабло

из Франции) построило завод на побережье Габона в четырехстах километрах к югу от Либревиля для переработки сырья, поступающего по трубопроводу с рудника в Срединно-Атлантическом хребте, жители Маюмбы прыгали от радости, думая о рабочих местах, зарплатах, пиве, детях, автомобилях, телевидении и лекарствах. О будущем! Экономическая реальность сложилась таким образом, что АО «Э. Г.» привезло более двух тысяч resurrectois[53] с долгосрочными контрактами из крупных некровилей в окрестностях Киншасы, и жители Маюмбы (живые и мертвые) увидели не только как их светлое будущее уплывает за океан, но и как в течение шести месяцев отходы заводской деятельности уничтожили половину жизненно важных запасов рыбы, непреднамеренно заразив другую половину паразитическими текторами. Жители Западной Африки – народ терпеливый; только когда дети начали болеть, слабеть и умирать, они попросили городских паутинных жокеев нанять адвоката в Каире и обратиться с иском в суд. Тотчас же «Эндюстри Габонез», материнская компания и их padrino corporada[54] из Тихоокеанского региона активировали программы юридической защиты, забросили удочки и организовали тендеры. На сцену вышли адвокатесса Мок и ее амбиции.

После долгих виртуальных споров между Побережьем и Дельтой состоялось предварительное слушание, и было принято решение назначить судебное разбирательство на дату, удобную обеим сторонам, при условии доступности суда; понадобилось двенадцать миллисекунд, чтобы устаревший, но признанный спорщиками украинский судебный софт со всем разобрался.

Настало время Мировой юстиции. К концу Золотого века правовые системы рушились одна за другой из-за колоссального количества судебных разбирательств. Незначительные проступки уже рассматривались in camera[55] – удаленно, через видеосистемы; суд присяжных испарился в зловонном облаке досудебного признания вины и внесудебных урегулирований: не потребовалось весомого прецедента, чтобы передать прокурорскую деятельность через субподряд любым доступным судебным экспертным системам. Больше никакого кошмара в стиле Кафки о невинном человеке, долгие годы стоящем перед дверью закона: вам назначат день судебного разбирательства, если вы не возражаете против того, что суд находится в Исламабаде, юридические проги пакистанские, а применимое право – традиционный шариат. Юристы стали международными брокерами виртуального времени, адвокаты – кибернетическими гончими; мегабайты конкурирующих сторон метались по органическим микросхемам. Правосудие страдало, правовой

бизнес процветал.

По делу «Маюмба против „Эндюстри Габонез“» Йау-Йау предпочла бы суд Тихоокеанского региона, где *собственность* традиционно имела приоритет над *личностью*, а ее коллега из Каира настаивал на африканском, где применимым правом был постреформенный шариат. В качестве компромисса они забронировали на «Цвингли II» временной слот в пятьдесят микросекунд в 20:30:35:50 по Гринвичу, 1 ноября. Истец и ответчик договорились, что будут соблюдать судебное решение, вынесенное согласно законодательству Швейцарской Конфедерации, и тайком подготовили апелляции. Массивные юридические проги-помощники уже рылись в судебных базах данных в поисках прецедентов и экспертных мнений. Адвокаты приняли усилители памяти и нейронные ускорители и помолились своим богам.

– Чего?..

– Трансвестит в облике Кармен Миранды. – Йау-Йау сердито плюхнулась на отвратительный диван Эллиса из потрескавшейся кожи. – Поднимаюсь я, значит, на процесс, как вдруг вижу на ступеньке банан. Глазом моргнуть не успела, как гребаная дрэг-квин выныривает прямо из мраморной лестницы с таким видом, словно снимается в мюзикле Басби Беркли[56], и спрашивает, понравились ли мне шоколадки.

– Прости меня, Йау-Йау. – Эллис пошевелил пальцами в воздухе. – Не могла бы ты подвинуться влево сантиметров на двадцать? Сливаешься с миссис Бадаламенте, и это немного сбивает с толку.

Она так и сделала. Эллис принимал клиентов. Панорамные скан-очки блеснули, когда он кивнул, обращаясь к невидимой чете Бадаламенти. Его губы зашевелились: он извинялся за вмешательство реального мира. Йау-Йау считала себя везучей, поскольку ей не нужно было связываться с мясом, таким вульгарным и непутевым. Абстрактная чистота полной виртуальности была гораздо предпочтительнее интерактивности с ее сбивающими с толку наложениями и совмещениями.

В адвокатском бюро, где каждый партнер мог узнать коллегу по запаху нижнего белья, ни для кого не было секретом, что Эллис отказался от блестящих карьерных перспектив в Аделаиде и перешел на унылые бракоразводные разборки в агломерации Трес-Вальес, потому что столкнулся с серафино.

Эллис завершил консультацию.

– Ты не сможешь ничего сделать, – сказал он, сцепляя пальцы за головой и потягиваясь. – Если, конечно, тебе мозгов хватит не

начинать. Со мной сперва все было так же: присылали домой цветы, подарки… В конце концов я начал отправлять все обратно, типа возвращал товар, который не заказывал. Это был неправильный ход. Им нравится, когда их любят; мой вариант им не понравился. Кто-то начал списывать деньги с моих счетов. Кончилось тем, что долги у меня из ушей полезли. Сама понимаешь, что происходит с репутацией, когда твое имя в пятидесяти «черных списках» разных кредитных учреждений. Нанять паутинного жокея, чтобы он взломал мое досье, стоило почти столько же, сколько выплатить долги как таковые, и гребаный серафино все равно пронюхал об этом и вызвал полицию.

– Господи.

– Они просто хотят нравиться, вот и все. Они просто хотят быть с тобой, идти туда, куда ты идешь, знать, что ты делаешь, быть частью твоей жизни. Если будешь хорошо к ним относиться, они ответят взаимностью. Есть хорошая карма и плохая, к тому же они никогда не задерживаются надолго; шесть месяцев, и эта твоя дрэг-квин Кармен Миранда перейдет к кому-то еще.

– Шесть месяцев?..

– Максимум. Они похожи на бездомных кошек, которые забредают в твой дом, ведут себя мило, мурлычут и трутся о ноги, – ты принимаешь их, они остаются на некоторое время, а затем в один прекрасный день исчезают.

– Ты хочешь сказать, мне надо расслабиться и получать удовольствие.

– Конечно. У тебя все равно нет выбора.

Мгновение миновало. Свет погас. Песня закончилась. Моисей спустился с горы.

Под Цюрихом, на черном мосту через заполненную звездами пустоту, рука Йау-Йау отпрянула от руки соперника. Судебные проги отодвинулись к стенам пирамиды. Доказательства были представлены, аргументы выдвинуты. «Цвингли II» задумался. Наклонные грани судилища дрожали от молний и далекого, еле слышного грома.

Йау-Йау хотела убежать, спрятаться. Но никто не может бежать и прятаться от злонравного Бога. Гром все нарастал, нарастал… И оборвался. Внезапная и абсолютная тишина была почти ощутимой в физическом смысле. Йау-Йау Мок посмотрела вверх, на бурлящую энергию у вершины пирамиды. Противник на расстоянии в пару шагов тоже озадаченно озирался.

Большой кальвинистский Иегова почувствовал себя sehr ungemütlich[57].

С четырех сторон от Йау-Йау рухнули светящиеся белые плоскости, как лезвия гильотины. Пятый сияющий квадрат упал ей на голову и запечатал в куб молочного свечения. Адвокатесса ткнула пальцем в сторону безопасного рубежа и юридических прог АО «Э. Г.», но не двинулась с места. «Цвингли II» аннулировал функцию виртуального полета.

Йау-Йау Мок взяли под арест в зале суда.

– Что происходит, черт возьми? – в отчаянии закричала она, колотя кулаками по неподатливым стенам.

«Жесткое, – сообщил виртком6, воздействуя на нервные окончания. – Больно».

– Швейцарская конфедерация обвиняет вас в неуважении к суду, – произнес спокойный, тихий голос из центра вихря.

– Что?! – завопила Йау-Йау Мок. – Ч-ч-ч-т-о-о-о?!..

– Использование несанкционированных прог в рамках судебной системы «Цвингли II». Нарушение судебных протоколов, компрометация защитных кодов. Срыв текущих заседаний, смещение и искажение файлов с процессуальными доказательствами. Внедрение инвазивного вирусного материала в операционную иерархию «Цвингли II».

– Несанкционированные проги? Инвазивный вирусный материал?!

«Цвингли II» открыл небольшое Окно Событий в стене ее камеры.

– Господи боже… – всхлипнула Йау-Йау. – Мне кранты.

В Окне обаятельно улыбнулась Кармен Миранда, стуча ранее невиданными кастаньетами.

– Адвокат Мок из «Эллисон, Исмаил и Кастарди», действующая от имени АО «Эндюстри Габонез», уличена в неуважении к суду и исключена из этой юридической симуляции до тех пор, пока факт неуважения не будет устранен.

Йау-Йау Мок все еще обливалась слезами в ошеломленном недоумении, когда полупрозрачная клетка снова открылась, и опустилось Окно Событий, чтобы умчать адвокатессу обратно в золотую Калифорнию.

Вывалившись из симуляции, она осознала, что стоит на коленях. Слезы пленкой растеклись по щекам в тончайшем, как молекула, пространстве между кожей и виртком6ом.

«Мне конец».

Закат – 21:30

1 ноября

На терракотовой равнине за пределами космопорта конвертоплан отыскал в пыли параллельные сдвоенные следы шин и, словно игла в магнитном поле планеты, развернулся вдоль дороги на запад. Из окна кабины Тринидад наблюдала, как следы шин превращаются в дорожное покрытие, шоссе, скоростную автостраду, обрастая неизбежной свитой вульгарных маркитантов: заправочными станциями, дешевыми закусочными, складами, ковром распростершимися по земле, мелкооптовыми магазинами, мотелями – домами свиданий. А вот городок: аккуратная, хорошо снабженная водой сеть домов с примыкающими садами, блестящими бассейнами, красными прямоугольниками теннисных кортов, и… Все исчезло в тени ветрогенератора на вершине Хиллхоппинг; конвертоплан едва не задел лопасти ветровых ферм на гребне горного хребта, после чего нырнул в долину, следуя за упрямой линией магистрали через большие сады, так низко, что генетизированные деревья колыхались позади, а мертвые работники поднимали головы, когда прохладная тень падала на их спины с фотохромными клеймами.

Взбудораженные убийством охотники радостно атаковали бар на борту, стремясь выпить, покурить или закинуться чем-нибудь. Они смеялись, громко разговаривали. Белисарио открыто флиртовал с Вайей Монтес: эти красивые бедра вскоре раздвинутся, подумала Тринидад. Смерть – величайший из афродизиаков. Перед ускоряющимся конвертопланом простиралась грандиозная вакханалия: Ночь мертвых. Зачем еще мясо спускалось с холмов, проходило через сияющие врата в Город мертвых, как не ради того, чтобы пафосно провозгласить «Я существую!», подчеркнув заявление брызгами мутной жидкости и трепетом яичников?

Прелюдия в режиме горизонтального полета. В глухом уголке души Тринидад таилась радость от того, что отношения с Белисарио завершились. Теперь она свободна, вольна больше не притворяться и вновь заняться поисками, надеясь на встречу с тем, с кем можно будет испытать нечто большее, чем… *что-то*.

Возможно – мертвый пилот поднял конвертоплан над вершиной последнего холма и направил вниз, во влажную прибрежную равнину, – в итоге окажется, что никто ей не нужен;

что искомое *нечто* надо искать внутри себя, а не в зеркале чужих жизней.

В конце длинной дороги, ведущей на запад, был только испачканный следами шин бетон пригородной посадочной площадки, на которой конвертоплан сидел, как пришпиленный жук, растопырив лапы и распахнув крылья, демонстрируя сложные механизмы внутри. Турбины взвизгнули и остановились. Тектопластик-оборотень остывал, пощелкивая. Дверь кабины открылась. Особый мускус города – ее города – прильнул к Тринидад, когда она вышла на поле: феромон пота этой гиперагломерации из двадцати с чем-то миллионов душ, живых и мертвых. В основном сложные углеводороды. Но также кипарис и плющ. Странные травы, старые испанские специи. Телесное тепло. Длинноязыкие цветы, отяжелевшие от нектара; медленно набухающие плоды на ветке. Цитрусовые и виноградная лоза, бугенвиллея и иерихонская роза. Запахи земли: пыль, грязь, раскаленный асфальт. Масла и эссенции. Густые ноты дерьма и скверны, похотливая примесь озона и неона. Древесный дым, тимьян и нечеловеческие ароматы мертвых. Лазеры и сталь; а под ними изысканная, вездесущая база – глубокий, прохладный, далекий океан.

Ароматы проникали в машину, пока Сула везла Тринидад через некогда процветающие, а ныне разоренные поселения нонконтратистос; районы с названиями вроде Помона, Монклер и Чартер-Оук добавили к пьянящей смеси верхние ноты отчаяния, разложения и собачатины, зажаренной на вертеле. Через контрольно-пропускные пункты сегуридадос в покрытые листвой петли и извилины дорог в холмах Ла-Крессенты. Здесь другие акценты: растущая влажная зелень, плесень на листьях и тяжелые тропические фрукты на ветвях, нависающих над автомобилем.

Городской мускус. Духи некровиля. Аромат прилипал к коже. Тринидад попыталась смыть его под душем, но дневная жара заставляла запах сочиться из каждой поры. Он заразил свежую одежду, на которую она поменяла охотничье снаряжение. В прохладе своей residencia в Ла Крессенте Тринидад поняла, что от нее перестанет пахнуть страхом, когда она вернет его в родные места – туда, где любое «что-то» становится ничем. И рождается заново.

Терракотовые святые из сонма Укуромбе – модной среди золотой молодежи гибридной религии, возникшей в результате скрещения бразильского анимизма и посткатолицизма, – молчаливо взирали из святилищ среди корней большого дерева Бодхи на то, как Тринидад откупорила свою серебряную флягу с

мексиканским мужеством и совершила щедрые возлияния в их честь. У ног богов лежали хрупкие кости и изодранные шкуры маленьких животных, которых Тринидад мелочным образом принесла в жертву, чтобы ей рассказали, как превратить «что-то» в любовь.

И вот пришел ответ.

– Я не могу, – умоляла она. – Только не туда.

«Другого пути нет», – изрекли тупые идолы.

Тринидад пнула богов в их маленьких святилищах и, позвав Сулу, бросилась обратно в дом, зная: если притормозить хоть на секунду, страх уже не выпустит ее из своих когтей.

Ни мертвецы, ни толпы ее не пугали. А вот толпы мертвецов – да. Их индивидуальные, чужеродные запахи смешивались и усиливались, превращаясь в мощные феромоны чего-то нечеловеческого. Тектопластический пузырь машины оказался слабой защитой в потоке воскрешенных тел, текущем по широким улицам к большому светящемуся знаку V, вратам некровиля. Хрупкое яйцо, внутри которого свернулся эмбрион.

Большие сочлененные электробусы высокомерно раскачивались, следуя по выделенным полосам; чудовищные автопоезда – по три, четыре прицепа – нетерпеливо фыркали позади и впереди; велорикши метались от просвета к просвету, как пикадоры вокруг быка, и под их навесами покачивались пришпиленные иконы. Велосипеды и мопеды со спиртовыми двигателями проезжали вдоль рядов медленно ползущего транспорта, опасно к нему приближаясь; повсюду давили, толкались и пихались десять миллионов мертвецов некровиля, возвращавшихся на отведенные им места до того, как вечерний небесный знак исчезнет.

Тринидад уже не могла повернуть назад, даже если бы захотела.

Глендейлские ворота в некровиль Святого Иоанна – некровиль из некровилей – возвышались над толпой, загнанной под их светящуюся поперечину. Вооруженные теслерами сегуридадос бросали быстрые взгляды на знаки смерти и пропуска, прежде чем дать дорогу рабочим. Их заботили те, кто пытался выбраться, а не войти. Тринидад неумолимо влекло к сияющим вратам, словно она должна была через них появиться на свет. Мимо проехал автобус и стая веломобилей, везущих живых гуляк на карнавал. Фуру впереди пропустили, контейнеры едва пересекли поперечную полосу большого неонового знака смерти, как настала ее очередь.

Сотрудник службы безопасности наклонился к открытому

окну. Она увидела свое отражение в стекле смартшлема. Неужели опасения и впрямь читаются по ее лицу? Проги автомобиля послали информацию стражу ворот, и цифры потекли по блеклой картинке. Сканеры и сенсоры, обученные различать живых и мертвых, осторожно обнюхали Тринидад.

– На карнавал? – спросил полицейский. Тринидад кивнула. Под зеркальным забралом появилась улыбка. – Что ж, желаю хорошо развлечься, только не пейте слишком много. С виду им все равно, что вы там учудите, но они просто знают – однажды вы вернетесь.

И она въехала в город Святого Иоанна, обитель мертвецов. Некровиль.

Здесь не было стариков. Все выглядели прекрасно. Не было детей, только мертвые повсюду, тесно прижимающиеся друг к другу, облаченные в вечно юные, совершенные тела. Некоторые носили облик звезд Золотого века Голливуда, вторя большим киноэкранам, установленным вдоль крыш и нависающим над перекрестками.

Тринидад поехала дальше, углубляясь в Город мертвых. Бульвар пульсировал, как резонаторный ящик гитары длиной в десять километров. В свете горящих выхлопных газов она мельком увидела танцующие фигуры, сверкающие экстравагантные костюмы. Фейерверки взлетали и взрывались на фоне небесного знака.

Наконец она добралась до кафе «Конечная станция». Эта химера, плод противоестественного союза музыкального автомата и авианосца, стояла на перекрестке, под сенью пыльных миндальных деревьев. Мерцающая, поразительно розовая вывеска с кричащей надписью: «КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ». На стене дома напротив беззвучно воспроизводился черно-белый «Метрополис»[58]. Фигуры в фантастических костюмах – или это были не просто костюмы? – спешили на бесконечный парад. Когда Тринидад вышла из машины, какой-то мертвец приостановился и предложил пригоршню подергивающихся пауков. Она покачала головой: «Нет». Мужчина побежал дальше. У него была голова шакала. За столиком под миндальными деревьями душераздирающе красивая мертвая женщина импровизировала на маленькой гитаре, и откуда-то издалека ей отвечали барабаны.

Тринидад остановилась в дверях, чтобы поправить свое терракотовое платье, ботинки, звенящие серебряные браслеты. Она откинула волосы назад, ее любовные шрамы в свете неоновой вывески казались белыми. Путь к отступлению закрыт. Она толкнула дверь и вошла в кафе «Конечная станция».

Сантьяго сидел в кабинке у окна полуэтажа, откуда открывался вид на шумный бульвар. Пламя настольной масляной лампы освещало его лицо, придавая сходство с кающимся Люцифером. По опыту Тринидад, мужчины раскрывали свое истинное «я», когда не подозревали, что за ними наблюдают, и эго не требовало от них нацепить маску.

– Сантьяго.

– Тринидад! – Его удивление и восторг были искренними. – Ты пришла… Нет, я не буду задавать никаких вопросов – вдруг они продемонстрируют, что ты голограмма.

– Чертовски плотная голограмма, Сантьяго.

– Иисус, Иосиф и Мария, ты выглядишь… Я закажу тебе выпить. – Он поднял руку, чтобы вызвать mesero[59]. – Ты так хорошо выглядишь. Пять лет, Трини.

Официантка с лицом Джин Харлоу прошла по сложной траектории между переполненными столиками, чтобы принять заказ Сантьяго.

– Давай посмотрим, правильно ли я запомнил. «Сангре Кристе»? Верно? Или что-нибудь покрепче.

Его кулак разжался. На ладони дремал, подобрав лапки, кроваво-красный паук.

«*Cariño*, – прочитала Тринидад нацарапанное на столешнице. – *Muerte*[60]».

Кулак резко сжался. Сантьяго коротко, театрально рассмеялся.

– Нет, конечно нет. Не Тринидад. Кто угодно, только не Тринидад. Она будет лить «Кровь Христову» себе в горло, пока ее не придется отнести обратно в домик на холмах… – Джин Харлоу поставила перед Тринидад подставку под бокал, а на нее – высокий красный коктейль, гремящий льдом, – …но более тонкие, более изысканные нюансы химикатов ручной работы она отрицает. В то время как Сантьяго пьет только чистейшую, сладчайшую минеральную воду, – он откупорил бутылку gaseoso, которую Джин Харлоу принесла с «Кровью Христовой», – но целовал Бога взасос. Если дело дойдет до соревнования, кто сколько нейронов угробил, я бы предпочел, чтобы мои элегантно рассекли рапирой, а не забили до смерти бейсбольной битой.

Он снова раскрыл большую ладонь. Паук исчез. Дешевый фокус.

– Не волнуйся, сегодня вечером я ограничил ресурсы собственной нейрохимией. Скажи-ка… – Он устроил свое крупное тело на железном стуле, изображая расслабленность, – …зачем ты пришла? Что заставило Тринидад покинуть свой высокий замок в эту Ночь мертвых и спуститься на Терминальный бульвар? Тебе

наконец удалось потерять Переса в толпе красивых молодых тел, которые прошли через твою постель?

– А я думала, ты будешь рад меня видеть, – спокойно сказала Тринидад.

«*Chingar*, – прошептали царапины на столе. – *Joder*[61]».

– Прости. Это было низко. Сделай заметку в своем дневнике: Сантьяго Колумбар приносит свои извинения. Это зависть, с какой стороны ни посмотри. Чистая зависть. Я пугаю тебя, не так ли? Я всегда пугал тебя.

«Да, – подумала она, – потому что, Сантьяго Колумбар, что бы пауки ни сделали с твоей химией, ты больше не пахнешь человеком. И ты не пахнешь мертвецом: для твоего запаха нет слов, и поэтому он пугает меня. Но я поклялась святым Укуромбе Фе, что буду бороться с этими страхами до тех пор, пока не раскроется их истинная природа».

– Не обманывайся, Сантьяго. Я подготовилась к встрече с тобой.

– Рад это слышать, Тринидад, хотя лично у меня есть сомнения. Пикник Плюшевых мишек, который я запланировал на сегодняшний вечер… не думаю, что кто-нибудь готов к такому. И уж тем более вы его не забудете.

Ритм улицы внезапно приблизился, ударился о полупрозрачную оболочку кафе «Конечная станция». Открытое пространство под миндальными деревьями заполнили люди в карнавальных костюмах, все они двигались в одном направлении, как лодки впереди шторма. Переворачивали столы и стулья, разбивали бутылки, стаканы и окна. Толпа обтекала автомобиль Тринидад, как вода скалу; машина, прочно приросшая к земле, подрагивала, но не двигалась с места. Кафе наполнилось голосами; посетители с уличных столиков и беженцы с карнавала столпились внутри. Кто-то включил музыку погромче.

Источник беспорядков появился на Терминальном бульваре: стая волков, две, три сотни особей – человековолки, волкочеловеки. Оборотни, застигнутые в момент перехода из одного состояния в другое. Прямоходящие звери; очень большие зубы, но разум сияет во все еще человеческих глазах. Когтистые лапы с умелыми, ловкими пальцами. У многих были большие гелиевые шары, пузыри из пластика с эффектом памяти, запрограммированные на изображение гримасничающего Лунного человека с космической пулей, застрявшей в правом глазу[62]. Один волк – самка – поднял голову и на мгновение встретился взглядом с Тринидад. Обнаженная грудь, покрытая редкой шерстью, как собачье брюхо, вызвала у девушки дрожь.

– Los Lobos de la Luna,[63] – сказал Сантьяго. – Они

поддерживают колонизацию Обратной стороны. Если можно назвать то, что Свободные мертвецы делают с Луной, «колонизацией». Они считают, что пройдет пятьдесят лет, пока преобразование закончится. Рассматривай это как духовный дом: Эфиопия-в-небе. Если «Эварт-ОзВест», «Теслер-Танос» и другие крупные компании по нанообработке и их карманные правительства не раскачают колыбель так, что она перевернется вместе с ребенком. Какой же еще смысл в этих орбитальных теслерных батареях, которые они протолкнули через Комитет по обороне Тихоокеанского совета, кроме как удержать Свободных мертвецов подальше от Луны, пусть себе воют во тьме внешней. Только вот… – Сантьяго наклонился вперед и ухмыльнулся так, что его лицо стало похожим на череп, – …мертвецы не собираются играть по правилам и сидеть смирно. Или ты не знаешь, что к Земле направляется флот кораблей-хлопушек? – Он отхлебнул воды и театрально откинулся на спинку стула. – Бегите и прячьтесь, да поскорей. Небо падает! Да-да, падает! – Он заглянул под стол. – Как думаешь, мы могли бы оба залезть сюда и выйти, когда все закончится, стать новыми Адамом и Евой, Тринидад? Вот кем они себя считают, эти Свободные мертвецы. Следующей ступенью эволюции; человечеством, которое унаследует звезды. «Теслер-Танос», Дома смерти, контратадос и призрачная экономика, некровили, космические Свободные мертвецы, Постулат Уотсона, прецедент Барантеса – это выглядит как единая и неразрывно взаимосвязанная масса, но если стукнуть по ней под правильным углом, все расколется ровно пополам. Мертвые, будущее, перемены; живые, прошлое, застой. Вот так просто. Через пятьдесят лет эти Lobos будут выть при свете нанотехнологического шара. А что будешь делать ты?

Лунные волки убежали в глубь Города мертвых. Внезапный порыв теплого ветра взметнул пыль, брошенный серпантин, обрывки костюмов и какие-то бумажки, превратив их движение в короткий танец. Ободок полупрозрачного голубого облака поднимался над крышами. На киноэкране по ту сторону площади Роман Полански порезал стилетом нос Джеку Николсону и угрожал, беззвучно шевеля губами, скормить его своей золотой рыбке[64].

– Чувствуешь? – Сантьяго откинул голову на спинку стула, закрыл глаза, пробуя на вкус ночной аромат. – Норд-норд-вест. Огромный океан, полный водорослей. Ветер переменился. Воздух смещается. Грядут перемены.

Он посмотрел на нее. Сквозь гнев Тринидад почувствовала, что ее втягивают в заговор.

– Скажу тебе правду, Тринидад. До последнего гребаного

слова. Ты это заслужила. Честное индейское. – Красный паук появился вновь, призванный на столешницу чарами. «*Coléra*, – прошептал стол, – *futilidad*[65]». Сантьяго раздавил паука в кровавое пятно тыльной стороной кулака. – Оно теперь не действует. Ничего не действует. Ты понимаешь? Я побывал всюду, куда только можно попасть. Для меня не осталось высот. Никаких горных пиков. Как уже сказал, я целовал Бога взасос, и у губ его вкус обогащенных витаминами хлопьев для завтрака с высоким содержанием клетчатки. Больше никаких тайн, облаток и вина, хлебов и рыбы. Ты же знаешь, что меня никогда не интересовали деньги? Я занялся этим не с целью разбогатеть. Слава, друзья и прочее меня тоже не интересовали. Слава? Матерь Божья, благодаря фармацевтическим корпорадам, которые производят рекреационную дурь, и инженерам виртуальной реальности каждый ребенок в Тихоокеанском регионе знает мое имя. Друзья? Каждое утро мои amigos валяются по всему дому, как одежда на вечеринке у бассейна в Сан-Хасинто. Они приходят только ради халявы и в надежде, что сами станут чуть-чуть знаменитыми. Обретут пятнадцать минут славы, загребая жар чужими руками. Я все это делал, потому что таков был выход. Способ выйти за пределы самого себя. Это один из Двух Больших философских кризисов поздней юности. Uno – неизбежность смерти. Dos – непроницаемость самости. Почему Я – это Я? Почему Я – не Ты? Почему я не могу ощутить чувства другого человека, познать что-либо вне себя? Почему я в ловушке и мои глаза – окна темницы?

Он постучал по паукообразному интерфейсному текторному разъему над шишковидной железой[66].

– Удача? Карма? Неужели я – призрак в мясной машине, неужели я – маленькое Божье семя, хранившееся на небесах целую вечность и однажды приклеившееся к бластоцисте в утробе мамы Колумбар; неужели это «я» прошло через бесчисленные предыдущие тела, предыдущие миры, вселенные? – Он ткнул указательным пальцем между глаз Тринидад; соседние посетители улыбнулись поверх своих стаканов, не понимая. – Последний рубеж. Здесь. Этот изгиб кости – край мироздания.

Он провел пальцем по ее носу, губам, подбородку.

– Мои сладкие шестнадцать: совершеннолетие Сантьяго Колумбара. Я уже четыре часа на вечеринке; должно быть, сейчас где-то два или полтретьего; сколько их – сто, двести? На танцполе температура за тридцать, музыка такая громкая, что ее скорее чувствуешь… – пальцы коснулись даньтяня, – …чем слышишь. Экстази не дает мне отрубиться, «Гибрид-17» удерживает в вертикальном положении, а ремикс MDA шепчет моей вегетативной нервной системе: «Нет границ, нет пределов». Кто-

то включает белый прожектор, от которого в мозгу все начинает мерцать, и музыка, таблетки, танцы, свет сливаются воедино, становятся чем-то большим – я попадаю куда-то еще. Я не знаю куда, не могу это описать; я не думаю, что это можно описать. Это длится всего мгновение, но на это мгновение я *выхожу*. Я свободен. Я за пределом. С тех пор я ищу этот путь, Тринидад. Я хочу попасть туда, где побывал тот шестнадцатилетний мальчик, и на этот раз никогда больше не возвращаться. Ты меня понимаешь? Мне двадцать семь. Забавный возраст. Я знаю, потому что мои родители прислали мне аниме-открытку в этом году. «С днем рождения от Милапских пловцов», – говорится в ней. Миленькие водоросли плавно колышутся, и мама с папой машут ластами и говорят: «Учти, Сантьяго, двадцать семь – забавный возраст». Ты хоть представляешь, сколько живых легенд перешли от простого существования к бессмертию в возрасте двадцати семи лет[67]?

– Лучше сгореть, чем заржаветь.

– Верно подмечено, Трини, хотя я сомневаюсь, что ты когда-нибудь по-настоящему поймешь. Ржавчина – мое наследие и моя судьба. Энтропия – моя служанка. Медленное самосожжение в пыльной пустыне ненужности. Старый способ больше не работает, Тринидад.

Свирепые машины собирались на перекрестке для *ауто-да-фе*, ночных гонок по заброшенному метрополитену. Тектоготические фантомы: сплошь хвостовые плавники, плавные обводы и выштамповки. Команды mecanistos в комбинезонах готовили своих autodores, как эсквайры – сэров рыцарей.

– Где-то в лабиринте улиц есть знак «Выход», а дальше – место за пределами. Всеми мыслимыми пределами.

Сантьяго взял Тринидад за подбородок, чтобы она посмотрела ему в глаза и увидела, какой там пылает огонь.

– Этой ночью нам предстоит увидеть то, что можно увидеть, отыскать то, что можно отыскать. А если я его не найду… за завтраком нас будет на одного меньше. Это очень важно для меня, Тринидад. Если я не могу получить желаемое, мне больше ничего не нужно. Смерть; да что такое смерть в наши дни? Быстрое погружение в холодное озеро нирваны и хороший карьерный рост. Самые творческие, самые оригинальные результаты получаются в первые пять лет, Тринидад. Мои пять лет прошли; теперь ты понимаешь, почему я должен найти выход? Если не получится, то я по-настоящему мертв. Мертва моя душа. – Он улыбнулся. Он ожидал, что она рассмеется.

– Господи, Сантьяго…

– До этого рубежа еще шесть лет.

– Ты болен. Тебе нужна помощь.

– Вот почему ты здесь, прекрасная Тринидад. Ты, а также Туссен, Камагуэй, Йау-Йау, которые придут. Чтобы помочь. Чтобы засвидетельствовать. Чтобы разнести повсюду весть – пусть все узнают, что бы ни случилось. Четыре добрых и верных свидетеля. Четыре евангелиста. Синоптические евангелия от Тринидад, Камагуэя и Туссена. Еще одно от Йау-Йау[68]. Мне нравится. Вы будете моими апостолами и оповестите весь мир о моих деяниях.

У Тринидад пересохло во рту, сердце билось на удивление громко и близко. «Я не верю, что он это всерьез. – Воздетый палец подозвал Джима Моррисона. Двадцать семь. Забавный возраст. – Но ведь это Сантьяго. Для него нет ничего невозможного».

– Мескаль, por favor[69].

Сантьяго взглянул на нее из-под опущенных бровей.

Одна милая девушка с Кубы
Тигру щеткою чистила зубы.
Он ее полюбил,
А потом проглотил.
Изнутри теперь чистые зубы.

– Осторожнее с алкоголем, Трини.

– Пошел ты в жопу, Сантьяго. Вместе со своими ублюдочными шутками и дурацкими психологическими играми. Развлекайся с кем-нибудь другим, а я ухожу.

Она встала, одним глотком опрокинула мескаль и повернулась к двери. Люди пялились. Тринидад гордилась своим умением эффектно уходить.

– Это не шутка, Тринидад. Разве я смеюсь? Это серьезно. Совершенно серьезно. Настолько серьезно, что я собираюсь сказать тебе кое-что – такое, что может сказать только тот, кто знает, что ему не придется страдать от последствий своих слов.

– Больше никакой лжи, Сантьяго. Больше никаких игр. – Вопреки ее воле слезы выступили в уголках глаз.

– Больше никакой лжи. Признаюсь: вещество, которое Перес принял в день своей смерти. Это я дал его Майклу Роче. Я его сделал. Спроектировал. Я продал Роче спецификации. Я убил Переса. Теперь ты веришь, что я говорю серьезно?

От ярости ее кулак обрел сверхчеловеческую силу. Тяжелый кованый стул опрокинулся. На лице Сантьяго отразилось удивленное опустошение: он был как хитрый койот, застреленный из собственного незаряженного пистолета. Потирая костяшки пальцев, Тринидад развернулась на десятисантиметровых каблуках. Посетители кафе «Конечная

станция» расступались перед ней, как верующие перед своим пророком.

– Тринидад!

Quemar, Сантьяго. *Orín*[70]. Слова, на древе начертанные.

– Тринидад!

Сантьяго кричал ей вслед, стоя у входа, но голос карнавала, который кружился на zócalo[71], овеянный теплым ветром, оказался громче. Он сплюнул кровь.

– Тринидад!

Карнавал охватил площадь целиком, собрание изысканно одетых трансвеститов смешалось с cuadrilla[72] мертвых мужчин и женщин, которые тащили огромную виселицу. На ней болтались куклы – изображения президентов государств Тихоокеанского совета, в несколько раз превышающие натуральную величину; запястья, лодыжки и шеи марионеток и кукловодов были соединены проволокой. Сантьяго увидел, как Тринидад обернулась один раз, покачала головой и растворилась в толпе.

Он схватил кованый стул и швырнул в припаркованную машину. Серебристый тектопластик не дрогнул, неуязвимый и безупречный. Вот так всегда: никто не понимает Сантьяго. С кем ни говори – бесполезно.

– Буянишь, малыш Колумбар?

Сборище трансвеститов и кукольников рассеялось при виде хромированных мотоциклов цвета полуночи. Их было четыре, и выглядели они как души некогда славных «Харлеев», побывавшие в преисподней и искупавшиеся в пламени, где сгорели кожа и плоть, оставив лишь сияющие голые кости. Рогатые, клыкастые, поджарые, словно гончие псы; влажная мечта любого подростка и ночной кошмар родителя. Из глушителей вырывалось пламя, стремясь в темное небо; пляска проклятых.

Работающие на холостом ходу двигатели внезапно разразились лаем, который на площади у кафе, похожей на закрытую арену, прозвучал оглушительно. Едкий дым окутал деревья. Окись углерода, мускус. Машинные феромоны в сочетании с запахом кожи от сидений – сильный афродизиак. Никто не хочет трахаться на заднем сиденье авто с водородным двигателем.

Сантьяго принял позу: слегка расставив ноги, скрестил руки на груди и еле заметно улыбнулся.

– Миклантекутли.

Свет погас. На большом экране Стюарт Грейнджер в трико и носатой маске Скарамуша сражался с элегантным Мелом Феррером[73]. Женщина слезла с мотоцикла в центре и с наигранной ленью прислонилась к еще теплому боку. Как и

compañeros[74], она была одета в кожу и эластичную сетку, как будто вся состояла из блестящих обводов и туго затянутых ремешков с пряжками. Наплечники – искаженные агонией морды демонов из латекса, вакуумное литье; обнаженные руки покрыты татуировками от ногтей до ключицы. Браслеты с шипами, разумеется. Удивительная деталь: антикварный «Ролекс». Волосы были смазаны воском и удлинены намеренно разрозненными шиньонами; но образ в целом до готического идеала не дотягивал, поскольку ничто не могло сгладить хрупкую привлекательность ее лица.

Тем не менее, Сантьяго знал: любая несообразность в облике Миклантекутли – продуманное проявление ее характера.

– Я не осуждаю тебя за вспыльчивость, Сантьяго Колумбар. Скажи-ка, ты бьешь подружек? Им нравится? Тебя это возбуждает?

– Вижу, смерть не смягчила твой нрав.

– С чего бы это, Сантьяго Колумбар? Я завидовала тебе тогда, завидую сейчас. Всегда знала, что ученик затмит учителя.

– Почему ты согласилась взять меня с собой, если так сильно ненавидишь?

– Разве кто-то хоть словечком обмолвился о ненависти, Сантьяго Колумбар? Ты пришел, чтобы найти смерть – для меня этого достаточно. Твое? – Она кивнула на хромированный пузырь Тринидад.

– Нет.

– Ну, не важно. Асунсьон… – Высокий, поджарый семнадцатилетний парень припарковал свой мощный мотоцикл, подошел и возложил руки на зеркальный корпус автомобиля. Тектопластик, казалось, прогибался и натягивался под его прикосновением. – Мы потеряли одну машину, когда подъехали слишком близко к парку Макартура. В праздничную ночь мехадоры так и рвутся пострелять. Устроили хорошую ловушку, попытались выманить нас к теслерам. Не сработало – верно, Ананси? – Мертвая девушка, ехавшая на заднем сиденье мотоцикла Асунсьона, провела языком по зубам и вытащила трехсантиметровое стальное лезвие из ножен на бедре. Вокруг глаз у нее были краской из баллончика нарисованы матово-черные пятна, как у панды. Под преобразующими руками Асунсьона автомобиль Тринидад тянулся и деформировался, как бедняцкий скелет под тонкой кожей. Исковерканный тектопластик как будто улыбался. – Получается, Ананси нужен новый конь, если мы собираемся подвезти твоих… compadres[75].

– Они еще не пришли.

– Им надо успеть к тому моменту, как Асунсьон закончит

колдовать. В нашем распоряжении четыре часа, добыча всего одна. Мне потребовалось пять лет, чтобы устроить переворот и бросить вызов Бледным всадникам на Каза-Гранде, мы не позволим тебе все испортить. Когда длинные ножи выскочат из ножен, тебе и твоим приятелям лучше отойти подальше. Вы идете с нами, потому что меня забавляет сама идея, а не потому, что я в долгу перед тобой за вещества, которые ты мне продаешь. Смерть аннулирует все долги. Мы – Ночные охотники, Сантьяго Колумбар; мы никому ничего не должны.

Теперь машина напоминала ветхую палатку, которая едва держится на каркасе. Руки Асунсьона скользили по натянутой зеркальной коже, словно по животу элитной шлюхи, с жадностью, похотью и предвкушением сбывшихся фантазий. Трепещущий мешок тектопластика схлопнулся и, развернувшись хитроумным оригами, превратился в новенький нечестивый «Харлей». Мотоцикл вырвался из асфальта с воплем, словно мандрагора, с его темных ребер и костей капал ихор.

– Время вышло, Сантьяго Колумбар. Где твои дружочки?

– Пять минут, Миклан.

– Никаких минут, Сантьяго Колубар. Игра в самом разгаре. Анхель. – Тонкая, как меч, девушка с кожей и волосами белыми, как известка, выпрямилась в седле своего мотоцикла. Запрокинула голову, зажмурилась, изображая духовный экстаз. Ее ноздри зашевелились.

– Слабый феромонный след, Миклан. Ему около двух часов. Направление – норд-норд-ост.

– Мужчина? Женщина?

– Женщина. Одиночка. Разделим стаю, чтобы охватить территорию побольше?

– Нет. Если убиваем, то наверняка. – Мертвячка Миклантекутли оседлала свою машину и протянула руку в перчатке без пальцев к Сантьяго. – Волна поднялась, Сантьяго Колумбар.

Антициклон, возрождающий пламя отвращения из пепла, пронесся по улицам и раскаленным бульварам. К чему ждать тех, кто не понимает? Сантьяго в них не нуждался; откровение – дело интимное. Он потянулся к руке Миклантекутли и вскочил на сиденье позади нее. Тектопластические обводы ласково прильнули к телу; его пальцы сомкнулись на стянутой ремнем талии старой знакомой.

Мертвячка-охотница Ананси скользнула на свой новорожденный мотоцикл, завела мотор. «Конечная станция» вздрогнула от охотничьей песни мощных углеводородных двигателей. Мотоциклы построились вереницей – Миклантекутли

и пассажир ее возглавили – и помчались на север по Вермонт-стрит.

Оставалось максимум сорок девять часов, и Камагуэй никогда еще не чувствовал себя таким живым. Утекающее с небес знамя комендантского часа, ощущение океанского ветра на лице и руках, пока он ехал с опущенным верхом по северной части района Харбор, принесенные этим ветром ароматы водных просторов, опаленного солнцем асфальта и иссушенного дня, ощущение скорости, власти над пространством-временем: он внезапно узрел необычное в обыденном, как будто открыл непримечательную бутылку, а в ней оказалось потрясающее вино. Может, неумолимость обратного отсчета сделала чувственный мир особенно четким, или же все дело в каскаде тектохимических реакций, вбрасывающих в его кровоток странные дофаминоподобные вещества?

Грозовые тучи проблеском желтизны в черноте небес ползли на брюхе по горизонту, словно бесшумный флот, сбившийся с курса. Обострившееся восприятие Камагуэя окрасило их в цвета болезненной ностальгии. В детстве, в Северном Квинсленде, муссон начинался похоже: нитью тьмы на краю света. С мокрой веранды он наблюдал, как дети-нонконтратистос пляшут голые под дождем, страстно желая к ним присоединиться и понимая, что отец этого не допустит. Грядущие перемены и надежду на ростки новой жизни из выжженной солнцем земли – вот что предвещали дожди.

Он связался с домом через прогу автомобиля.

– Передай все вопросы, касающиеся рифа и жилища, прогеюрисконсульту и приведи в действие мое завещание. – Искусственный разум не ответил, но психическая щекотка подсказывала Камагуэю, что его внимательно слушают. – Дополнить содержание следующим параграфом: риф запрещено продавать корпорадам. Если предложений о покупке не будет, риф надлежит подарить Государственному департаменту лесов и пляжей для использования во благо общества. Бухгалтерские системы: свяжитесь со страховой компанией «Стелла Марис инморталидад» и активируйте мой полис воскрешения.

– Дело сделано, – ответствовали лары и пенаты.

Как там заявляли христиане, вера – уверенность в невидимом[76]? Если прога говорила, что дело сделано, никто в этом не сомневался.

Сорок восемь часов, сорок восемь минут. Сотня в час в брюхе змеи из красных огней, растянувшейся на пятьдесят километров. Как хорошо. Просто великолепно. Теперь Камагуэй понял, откуда

берется восторг. Все дело в свободе. От бремени обладания, контроля, ответственности. От мнения других, их привязанности и заботы. От сдержанности, чувства вины и страха обрести то, в чем ты всегда себе отказывал. От необходимости заботиться о хрупком гробе из плоти, живом или умирающем. Осталось сорок восемь часов – максимум – и сорок семь минут; чему быть, того не миновать. Абсолютная свобода приговоренного к смерти.

Камагуэй рассмеялся. Гони. Теперь над тобой никто не властен. Гони! Педаль в пол. Шепот водородного двигателя перерос в томный стон. Сто – сто двадцать – сто сорок – сто пятьдесят – сто шестьдесят – сто восемьдесят, давай, давай, давай, двести, двести. Да. Да. Да! Автомобиль изменил форму, сделался поджарым и обтекаемым, прижался вплотную к черной шкуре шоссе, отрастил спойлеры и хвостовые плавники. Автоматическая сигнализация завизжала: «Пристегните ремни, пристегните ремни; внимание, внимание, вы превышаете скорость!» – ну и что ты сделаешь, копам настучишь? И – бабах! Пятьдесят киловатт белого света с небес прямо в глаза, вылитый прожектор «Двадцатый век Фокс», и горячий ветер отбросил волосы с лица, когда соткавшийся из тьмы полицейский конвертоплан заложил крутой вираж над развязкой – «Да ты и впрямь стукач, говнюк машинный…» – его систему взломали, шаблонный Сердитый Коп что-то такое заявил про «снова включить автопилот, если сеньор не хочет неприятностей» – хватит болтать, Хосе! Пять целенаправленных тычков пальцем – и засевшие в автомобиле предатели заткнулись. В горле машины что-то непристойно заурчало, когда Камагуэй развернулся и рванул на скорости сто двадцать по шоссе, ведущем к Exposiçion[77].

Ух, как хорошо было просто слушать радио.

Конвертоплан грохотал, как кот с привязанной к хвосту консервной банкой. Пока Камагуэй на перекрестке – любители метать камни давно принесли светофоры в жертву – пропускал автоцистерну с водой, тощий белый ребенок неопределенного пола подскочил к окну с игривой ухмылкой и пакетиком травки. Места обитания нонконтратисто; суровые земли в окрестностях некровиля, где живые завидовали мертвым. Здесь каждый был nouveau[78] -нищ.

Камагуэй остановился у киоска под нависающей ветхой трущобой, чтобы купить пива из жестяной ванны, наполненной тающим льдом. Бутылочный залог[79] был больше стоимости самого напитка. Продавщица подозрительно понюхала банковскую карточку и открыла бутылку зубами. Дешевое пиво по вкусу напоминало тот самый ихор, который тек в венах богов.

Дети на мопедах выскочили из тени, чтобы провести вожделеющими ладошками по обводам автомобиля. Эй, сеньор, слушайте, сеньор, poco dinero[80], сеньор. Камагуэй мог им предложить только полуразумный plástico. Дети увязались за ним следом вдоль осененной кровавым неоном улицы Города мертвых.

Внезапно у синдрома обнаружился побочный эффект: Камагуэй почуял беду. Желтые предупреждающие треугольники приказывали объехать кратер посреди дороги – там рухнула секция недостроенного метро, – и возле одного из множества темных входов, похожих на язвы на фасаде гниющего аркосанти, его накрыло. Беда пахла красным, словно красная ягода или кровь.

Неприятности выглядели как трое людей – один мужчина, две женщины, – прижавшие четвертого к стальным рольставням магазинчика, изрисованным названиями соперничающих футбольных команд. Более высокая из нападающих схватила жертву за волосы – это тоже была женщина, как понял Камагуэй, когда ее лицо оказалось на свету, – ударила о витрину и сбила с ног. Струйки крови бежали из уголков рта жертвы, но лицо было пустым и отрешенным, словно она не чувствовала боли. Она не попыталась защититься, когда вторая женщина, выкрикивая нечленораздельные ругательства по-английски, вонзила острый каблук ей в грудь.

В тот момент Камагуэй понял, что жертва мертвая.

– Что, черт возьми, происходит?

Стоило кому-то лишь свистнуть, и из заброшенной тьмы многоквартирных домов выскочила бы тысяча бандитов с ножами, чтобы порезать на лоскутки глупого rico[81], который полез не в свое дело. Водился за Камагуэем такой грех. Он не умел закрывать глаза на происходящее. Что ж, если случится драка, то почти наверняка в последний раз.

Все уставились на него. Он уже видел такую сцену – с черными силуэтами в свете фар – на плоском экране какого-то старого телевизора. Даже сейчас она казалась мелодраматичной и нелепой.

– Не лезь не в свое дело. Мы уже вызвали сегуридадос.

– Ради всего святого! – воскликнула мертвая женщина. – Они убьют меня!

Мужчина ударил ее ногой в живот. Присев на корточки, сунул в лицо оттопыренный средний палец, как будто фаллический жест был более грозным, чем ботинок.

– Слышь, ты, заткнулась на хрен. Лежи и не выпендривайся.

Прибыли сегуридадос. Настоящие ублюдки. Таких не

перепутаешь с полицейскими, которые все еще курсировали в небе, высматривая фары Камагуэя. Те олицетворяли закон. Эти – силу. Как и патрульные, они выходили на дежурство отрядами по десять человек, вооруженные до зубов и в броне. Но стреляли без предупреждения. Щелчки предохранителей заглушили прочие звуки: шорох велосипедных шин, урчание мопедов, голоса. Когда правоохранители выходят на сцену, все смотрят только на них.

– Ну?

Высокая женщина, которая, похоже, командовала охотой на ведьм, подняла руку жертвы на свет и заставила ее раскрыть ладонь. Знак смерти казался выплавленным из обсидиана.

– Она нарушает комендантский час.

– У меня контракт, мать вашу! – крикнула мертвячка.

– Эта сука браконьерствует на нашей территории, – заявил мужчина. При свете фар уличных багги сегуридадос Камагуэй увидел под его сетчатой рубашкой швы вдоль мышц. Только что от хирурга.

– Пусть встанет, – скомандовал главный в отряде.

Мертвая проститутка поднялась на ноги, но не раньше, чем вторая женщина без всякой на то причины дернула ее за волосы.

– А ну хватит, – буркнул полицейский, давая понять, что не видит разницы между живыми и мертвыми проститутками, а также прочими обитателями Exposiçion. – Покажи персоналку.

– Нету. – Взмах кистью, демонстрация пустоты на запястье. – Гребаное мясо тырит все, что гвоздями не прибито.

– Ты хлеборезку-то не разевай.

– Врет! – взвыла высокая женщина. – Разве не видно, у нее никогда и не было персоналки. У нее ни клиента, ни контракта, ни пропуска на время комендантского часа – ничего. Она просто вперлась на наш участок!

Снова этот запах красного жара, кровавой ягоды, горячего камня. И еще: пот, слюна. Секс. Они хотят увидеть, как она превратится в шлак, в пятно катастрофически поврежденных текторов. Прямо у них на глазах. Зрелище в самый раз для прайм-тайм.

Не бойся. Они не могут тебе навредить.

– Она со мной. – Он увидел свое искаженное отражение на шлеме полицейского, когда подошел и встал рядом с мертвой проституткой. – Я ее нанял.

– А ты кто такой?

Алый проблеск plástico.

– Спасибо, сеньор. А у вас есть сведения относительно… э-э… второй стороны контракта?

– Нуит, – прошептала мертвая женщина, наклонившись к

микрофону персоналки на его запястье. Устройство заговорщически подмигнуло и передало имя прогам-юрисконсультам, а через них – фирмам в Ванкувере и Фримантле. Контракт возник благодаря зашифрованному общению, пока мертвая проститутка – Нуит – пыталась с помощью вранья избежать *Настоящей смерти* от теслерной очереди. Он был оформлен и подписан за те три с половиной секунды, которые потребовались Камагуэю, чтобы отстегнуть приборчик и вручить полицейскому.

– Пять тысяч?.. Не многовато ли, сеньор?

– Есть такая штука, teniente[82], – называется «рыночная экономика».

Сжатые губы лейтенанта – рот был единственной выразительной частью лица, видимой под шлемом, – продемонстрировали, что еще сильнее, чем favelados[83] и проституток, он презирает тех, кто пользуется услугами мертвых шлюх.

– Можете идти.

А как же «сеньор»?

– Персоналку отдайте.

Полицейский протянул штуковину с таким видом, будто она была заразная. Возможно, так все и обстояло на самом деле.

Камагуэй взял Нуит за руку. Теплая – он уже знал, что у мертвых теплые руки.

– Молчи. Садись в машину.

– Поняла, не тупая.

Они моментально угодили под шквал снарядов: пивные банки, камни, отвалившиеся от аркосанти куски, уличный мусор. Почувствовав опасность, автомобиль развернул изогнутую крышу из прозрачного серебристого тектопластика и активировал внешнюю видеосвязь. Сиденья опустились; Нуит одернула подол сетчатого платья, почувствовав, как обивка подстраивается под тело.

– Ого, приятель, да это же настоящий бэтмобиль.

Она вытерла запекшуюся кровь с лица и рук влажной салфеткой из бардачка. Раны, отметил Камагуэй, заживали со сверхъестественной скоростью: ссадины и ушибы на темной коже исчезали на глазах.

– Почему ты это сделал?

– Жизнь полна сюрпризов, дорогая.

– Ты не должен был так поступать.

– Да ладно.

– У меня не было контракта. Я занималась браконьерством. Меня прижучили по заслугам. Mea culpa, mea maxima culpa.[84]

– Знаю.

– Слушай, а мы не могли бы перестать корчить из себя героев фильма-нуар и упражняться в унылом сарказме? Давай как разумные существа обменяемся фразами длиннее десяти слогов.

– Камагуэй.

– Камагуэй. Смахивает на название какой-нибудь старой базы морской пехоты США на Кубе. – Заметив недоумение Камагуэя, проститутка объяснила: – В моей голове антикварная инфа разложена по полочкам, как продукты на полках в супермаркете. Некоторых эта особенность сводит с ума. Нуит; ты уже в курсе. Впрочем, называй меня «галлоглас»; где-то внутри этого тела есть кельтские хромосомы, или они там были, прежде чем Адам Теслер их расхреначил до неузнаваемости, а клановая родня почуяла приближение Сдвига и срулила аж в Медисин-Хат. Имей в виду, в ту пору я была другого цвета, но такая шкура мне нравится больше. Лучше сливается с фоном.

Камагуэй отключил поляризацию на окнах. В какой-то момент радиоэфир преодолел незримую ночную границу, и вместо дешевой попсы зазвучали душещипательные баллады.

– Когда один из моих предков спасал жизнь, скажем, одному из твоих, твой предок был буквально обязан моему жизнью. Он становился собственностью хозяина – телом, разумом и духом – и служил ему до конца своих дней. Таких и называли «галлогласами»[85].

– Похоже на контракт с Домом смерти.

– Вот именно. Так или иначе, теперь я принадлежу тебе. – Нуит поджала под себя ноги, словно некое маленькое млекопитающее, рефлекторно свернувшееся в гнезде. – Так куда мы направляемся, Камагуэй?

– Подброшу, куда скажешь.

– Вы заплатили деньги, сеньор, так что можете понюхать фрукты. На пять тысяч баксов можно купить много манго.

Он рассмеялся. Горько, но вкусно, как кроваво-красная капля ангостуры[86], которая делала коктейль идеальным.

– Твоя правда, Нуит.

– Итак, сеньор Камагуэй: куда направляемся в Ночь мертвых?

– Конечно, не в кафе «Конечная станция». Я вдруг понял, что не хочу встречаться с теми, кто меня там ждет.

Слишком многое нужно сделать, увидеть, услышать, понюхать, потрогать и попробовать на вкус, чтобы тратить свою последнюю ночь на разгребание старого пепла, который больше никогда не вспыхнет. Он приказал убрать крышу. Автомобиль превратился в розовую мечту с подножками, выпуклыми и удлиненными сквозными крыльями и фарами, похожими на

совиные глаза, с плавниками, решетками и серебряной фигуркой, жаждущей гонки по автостраде. Разочарованный тем, что проги не сменили станцию вместе со стилем авто – на напевы и мелодии более старой, окутанной туманом эпохи, – Камагуэй выключил радио.

– Белые боковины[87]?.. – тихо попросила сраженная Нуит. Вуаля! Вот и они. – Нам осталось лишь отыскать пальмы и неспешно вдоль них проехаться.

Искомое обнаружилось чуть дальше. Два параллельных ряда пальм, каждая строго в пяти метрах от соседки; ряды сближались, деревья уменьшались, как на рисунке художника, изучающего перспективу, и дорога вела к колоссальному пастельно-розовому знаку смерти, оседлавшему бульвар.

За заросшими лужайками высились casa grande[88], шато и тюдоровские особнячки Бель-Эйра – пустые, словно браки без любви, с окнами, которые риэлторы-оптимисты заложили камнями или заколотили досками, чтобы отпугнуть скваттеров. Дикие обезьяны пронзительно перекрикивались в ветвях деревьев, обвитых удушающими фикусами и тропическими эпифитами; дремлющие тектозавры плавали в заброшенных бассейнах, рассекая гниющие листья.

– Ушедший Голливуд, – проговорила Нуит. – Тур «Как жили богатые и знаменитые». Смотри-ка! – Камагуэй опоздал на долю секунды, следуя за ее пальцем. – Уверена, это был оцелот.

– Наверное, просто кошка.

– В таком прикиде? Ты забываешь, chico[89], что я работала на этих улицах.

На киноэкране в голове Камагуэя: объектив с синим фильтром, медленное панорамирование. Рваные кружевные занавески, развевающиеся на теплом, как кровь, ветру из открытого окна. Много цикад; ночные птицы и мартышки-верветки поют хором. Бассейн блестит в свете луны, мебель в комнате наверху укрыта простынями от пыли, и на таких же простынях движутся в унисон потные бока, скользят блестящие бедра.

Некровиль медленно затягивал их в свою пасть.

– Нуит.

– Я тут.

– Ради чего ты рисковала попасться сегуридадос? Тебя же могли убить за работу в мясных зонах.

Она прикоснулась кончиком языка к верхней губе.

– У меня высокие моральные стандарты. Лучше двадцать или тридцать лет – даже продолжая расплачиваться за реконфигурацию – провести на бульварах, чем двести или триста

в каком-нибудь борделе для contratistos[90]. Влиятельным proxenetas[91] это не нравится, я же ловлю мясо на их пастбищах. А это значит, что в меня иногда стреляют. Но вот что я тебе скажу, chico, вот так чудить в одиночку – мой собственный выбор, понимаешь? Я сама решила. Такая карьера. Профессионалки вроде меня обслуживают избранных клиентов, которые могут себе позволить цены премиум-уровня. Твои пять тысяч баксов не так уж далеки от моей настоящей таксы.

Исчезающие ссадины, затягивающиеся без шрамов рваные раны.

– Ты трансморф.

– Суккуб, инкуб, оборотень. А ты думал, твоя тачка – венец творения. Собратья в Святом Иоанне творят с тектроникой такие штуки, мой мясной малыш, что ты ушам своим не поверишь.

Нуит посмотрела в небо, густо усеянное осенними созвездиями.

– «Больше звезд, чем на небе»[92], – говорили они.

Камагуэй не понял.

– Нуит, сколько тебе лет?

– Достаточно, чтобы помнить времена, когда ни один джентльмен не задавал леди подобного вопроса. Столько, сколько было королеве Англии, когда там еще была королева. У меня два дня рождения. Ну, день рождения и день возрождения. Сколько мне лет, зависит от того, от какой даты считать. Если от последней, мне тридцать пять: Поколение Зеро. Перворожденная из мертвых или что-то в этом роде. Если от первой… пожалуй, не будем обижать старую шлюху. Я помню Рейгана, пусть и не слишком хорошо.

Ворота некровиля приближались. Пока автомобиль не свернул на заброшенный бульвар, Камагуэй не знал, что некровиль – то место, куда ему в самом деле надо. Теперь в целом мире не было места прекраснее.

– Нуит, как ты умерла?

– Язык – забавная штука, Камагуэй. Пятьдесят лет назад этот вопрос показался бы бессмыслицей. Абракадаброй. Комбинация слов существовала, но описывала нечто невероятное. Сеет ли наша способность говорить о невозможном семена возможностей? Я устала, Камагуэй. Мне было восемьдесят три года, и однажды утром мое тело решило, что с него хватит. Не каждому дано умереть на скоростной автотрассе.

«Я знаю. Я пытался».

– Quid pro quo[93], Камагуэй. В этом суть любой сделки. Итак, Нуит хочет знать: сколько лет *тебе*?

– Двадцать семь.

– Забавный возраст, – вот и все, что сказала Нуит.

От сияния врат звезды померкли. Жизнь и сама была чередой врат, сквозь которые можно пройти только в одну сторону: детство, пубертат, взрослая жизнь, партнерство, карьера, деторождение, воспитание детей. Ни одни из перечисленных не были столь абсолютны в своих последствиях, как этот грозный клин из светящегося пластика. Камагуэй попытался представить себе, какими врата видит Нуит – как возвращение домой, символ безопасности и защищенности? Ему они бросали вызов. Последние. Сорок семь часов три минуты.

– Нуит, каково это – умереть?

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности, сеньор?

Розовая флуоресценция подсвечивала полицейского, склонившегося над дверью. Камагуэй транслировал через персоналку идентификаторы и контракт с Нуит.

– Это и есть мертвая женщина, с которой вы заключили сделку?

Нюхачи и сканеры пробежались вдоль машины, замерли и полностью переключили свое внимание на Нуит.

– Верно.

– Хм…

Нуит игриво улыбнулась полицейскому. Сканеры скользнули по крыше, дерзко обнюхали Камагуэя.

И ворота взвыли.

Камагуэй сидел, окаменев, в эпицентре урагана звуков; сигнализация надрывалась, из дорожного покрытия впереди машины выскочили стальные пальцы.

– Убирайся отсюда к чертовой матери! – крикнула Нуит на ухо Камагуэю. – Дави на газ, мать твою!

Шины с белыми боковинами задымились, когда машина рванулась прочь из ловушки задним ходом. Сирены продолжали выть. Ошарашенные стражи порядка потянулись за оружием.

– Ты следи за дорогой, я буду следить за ними, – крикнула Нуит. – Твою налево, чувак, что ты натворил?!

Камагуэй развернул машину, оставив на потрескавшемся бетоне черную полосу. Зеркала заднего вида демонстрировали сегуридадос, которые опустились на колено и прицелились; их оружие принимало новые, грозные очертания.

– Что я натворил? Что *ты* натворила?!

Он проехал через пятиметровый промежуток между двумя пальмами и помчался по старому тротуару, кося высокую траву хромированными бамперами и надеясь, что деревья защитят от теслерного огня.

– Я?! Я вообще не при делах, мясо. Это не из-за Нуит их

миленькие детекторы тектронной активности заорали, как резаные.

– Да о чем ты говоришь?

– Правильно. Сюда. Сюда! За этими гасиендами – лабиринт служебных переулков. Там мы им шнурки-то и свяжем.

С классическим голливудским визгом колес машина повернула под прямым углом и нырнула сквозь завесу испанского мха. Прозвучали предупреждения о близости препятствия: сжалившись над вздрюченной нервной системой автомобиля, Камагуэй переключился на полное ручное управление и продолжил мчаться по темному узкому туннелю из осыпающейся каменной кладки и нависающих древесных крон.

– Ну так вот, объясняю, – сказала Нуит. – У ворот есть встроенная система раннего оповещения, которая позволяет обнаружить любого нелицензированного мертвеца, пытающегося войти или выйти из некровиля. И поскольку, благодаря твоей щедрости, я больше не нелицензированная, остается один главный претендент на эту роль.

Он резко затормозил.

– Нет! Нуит, я не…

– Я почувствовала, что в тебе есть что-то не mechaieh kosher[94], как только мы встретились. Ну просто очешуеть… Меня выдернул из клыков «Клуба молодых стрелков и неонаци» посреди Exposiçion тот, из-за кого сегуридадос с радостью спалят целый район, лишь бы наверняка покончить с заразой. Я, знаешь ли, в свои сто двадцать с хвостиком слишком молода и красива для *Настоящей смерти*.

– Нуит, послушай, я же выкупил твой контракт. Ни один некро на такое не способен.

– Да ладно? Тогда кто ты, черт возьми? – Она подняла глаза и увидела что-то, незримое для него. – Обсудим позже. – Камагуэй почувствовал кожей покалывание переменных гравитационных полей, и тут Нуит схватила его за руку и со сверхъестественной силой вытащила из машины. – Беги. Что бы ни случилось, не останавливайся и не оглядывайся.

– Неужели я превращусь в соляной столб?

– Типа того.

Они побежали. Позади них переулок взорвался от теслерной очереди.

– Моя машина…

– Куплю тебе целый гараж, зайка. Вперед, вперед, не останавливайся; переулки ограничивают их поле обстрела, но если прижмут к стене, мы с тобой sodai gomi[95].

Камагуэй оглянулся. Мехадоры – черные на черном, с узором

навигационных огней, парящие над пузырем кипящего серебристого шлака – вертели головами, выискивая и вынюхивая беглецов. Больше никакого полуночного радио, больше никаких поездок с опущенным верхом по бульварам. Он побежал.

– Лезь сюда, давай быстрее. – Нуит отогнула угол ржавой сетки забора. – Тут по всему району полно старых оросительных канав и водотоков, многие из них проходят прямо под проволокой в некровиль, и сегуридадос не знают даже процента от процента того, что тут есть. – Камагуэй пролез под сеткой, Нуит присоединилась к нему, и вместе они побежали по заросшему сорняками красному покрытию заброшенного теннисного корта. Призраки боковых линий; гниющие сети, свисающие со столбов; смутно фаллический робот-официант вежливо ржавел в углу. В воздухе витал аромат ночных цветов.

– Вот блин.

Мехадор парил над облупившимся пряничным куполом гаража на две машины, его черная насекомообразная башка сканировала пространство: целенаправленно и ужасающе медленно поворачивалась влево-вправо, влево-вправо. Машина опустилась на кирпичный внутренний дворик с той же величавой неторопливостью. Никаких надежд, что он их не увидел.

– Беги! – закричала Нуит.

Голова богомола зафиксировалась в нужном положении. Пять метров до ворот теннисного корта. Фасеточные глаза распахнулись, дула орудий выдвинулись для атаки. Четыре метра до ворот. Мехадор накренился вперед и полетел через заросшую лужайку. Три метра. Мехадор одним гравитационным прыжком преодолел проволочную изгородь. Метр.

Ворота оказались заперты, висячий замок и цепь превратились в сплошную гирлянду из задубевшей ржавчины.

Весь отряд охотников спускался на теннисный корт – плавно, словно пух одуванчика.

С отчаянным воплем Нуит сорвала с креплений ворота вместе с замком и цепью и швырнула в ведущего преследователя. Робот закрутился на импеллерах; не теряя ни секунды, Нуит потащила Камагуэя через буйные заросли клематиса. Тот упал в бетонную траншею, на дне которой вяло плескалось несколько сантиметров вонючей воды, и сильно ударился. Поднял покрытые слизью руки, с отвращением оглядел свои испорченные штаны.

– От толики грязи еще никто не умер, – сказала Нуит, протискиваясь мимо него, чтобы погреметь металлической решеткой, преграждающей доступ к бетонной водопропускной трубе. – Верно, Нуит. Препояши чресла свои. – Она сжала кулаки; под покровом лиан было темно, но Камагуэю показалось, что он

видит, как ее плоть течет и застывает, превращаясь в два тарана из белой кости. Ржавый металл согнулся и рассыпался при первом ударе, при втором прутья поддались, при третьем лопнули. Предчувствие заставило Камагуэя поднять глаза. Огни виднелись сквозь маскирующий покров из листьев и приторно пахнущих цветов.

– Нуит…

Она отгибала прутья решетки голыми руками. Ее сила превосходила воображение. Полезный талант для проститутки. Как и оборотничество.

– Только взгляни на мое гребаное платье. Почему-то такие вещи никогда не случаются с нелюбимыми тряпками.

– Я куплю тебе целый магазин, зайка.

– Хватит голливудских шуток, просто тащи свою задницу в эту дыру. – Она втолкнула его внутрь. Водопропускная труба представляла собой круг абсолютной черноты высотой в метр, мерзкая жидкость доходила до щиколотки. – Подземная железная дорога имени Нуит; следующая остановка – некровиль. И помни, chico, ты должен мне все объяснить.

Камагуэй бросился в темноту. Позади него бетонная канава вспыхнула белым пламенем теслерного огня.

Сорок шесть часов сорок четыре минуты.

Три амбициозные мечты Хуэнь:

Uno: устроить пикник на горе Рашмор. «Девушка, которая взлетела Линкольну на нос».

Dos: побить рекорд страны по одиночному планированию.

Tres: влезть Туссену под летный костюм – черно-розовый, с рисунком в виде спиралей.

Она бы отказалась от пунктов uno и dos, если бы смогла обхватить ногами tres.

И она со временем добьется своего. Даже каменное лицо Presidente Линкольна на Рашморе со временем могло стереться, а Гнездо Лодога-Каньон было не таким большим местом, чтобы он мог прятаться от нее вечно. Гнездо – одно из двадцати, усеявших западные склоны Гриффит-парка – представляло собой ультрасовременный архитектурный жилой комплекс, который снаружи выглядел как гигантская брокколи, а обитать в нем было все равно что в собственном левом легком. Жизнь под полупрозрачными зелеными гранеными куполами, среди альвеол и ребер жесткости, обеспечивала ту же социальную открытость и близость, что и у подводников, цирковых артистов и спортсменов. Никакой приватности. Никакой секретности. Никакой застенчивости. Для групп вроде Орлов Лодоги, где

индивидуальность подчинялась высшему идеалу полета, дух неприкрытого содружества был необходимым социальным цементом. Без него они бы перегрызли друг другу глотки.

Хуэнь нашла черно-розовый костюм, висящий на крючке, прикрепленном эпоксидной смолой к пузырчатой стене гигиенического центра. Кое-кто стоял под душем. Она проскользнула внутрь, приняла тщательно непринужденную позу у умывальника и откровенно залюбовалась его мокрым телом.

– Собираешься на вечеринку?

(«Я могла бы туда прошмыгнуть, но ты же выкинешь меня вон».)

– Иду в Город мертвых, но не на вечеринку.

– А зачем?

(«Нашел себе кого-то. Вот засранец».)

– Просто хочу повидаться с друзьями.

– А я их знаю?

(«Я ей сердце из груди вырежу и зажарю у нее на глазах».)

– Маловероятно.

– А я могу пойти с тобой? Тут скучно. Все такие унылые.

(«Только попробуй меня не взять».)

Шипение и бульканье воды прекратились. Туссен вычистил пену из ушей уголком полотенца.

(«У меня получится».)

– Нет, это вроде как личное. Воссоединение старых друзей. В другой раз, если не возражаешь.

– Смотри, фейерверк! – Встав на цыпочки, Хуэнь увидела, как в долине внизу распускаются малиновые огненные цветы. – Эй, Туссен. Там что-то происходит.

Ты не горюй о пастушке:
Он про волка кричал –
Схрумкали. –

предупредил Туссен.

– Честное слово, Туссен. Я это уже в третий раз за неделю вижу.

– Наверное, просто собачники или дети, ищущие, где бы пошалить или чем бы обдолбаться. – Но он подошел, толком не обсохнув, чтобы выглянуть наружу. – Ничего не вижу.

Хуэнь последовала за ним в его жилище. Это нельзя назвать ни «комнатой», ни даже «закутком»: оба слова были слишком громкими для дурно пахнущей спальной капсулы, приклеенной к изогнутой стене, и подвесного шкафчика.

– Надень это, тебе идет, – сказала Хуэнь, кивая на его

единственный полуофициальный наряд, тщательно отобранный так, чтобы годился для почти любого выхода в свет.

«Прошлое…»

Он вспомнил про костюмы, у которых каждая штанина стоила по пятьсот баксов; их вручную сшили лучшие мастера Города мертвых, и теперь тряпки собирали пыль и незаметно давали усадку год за годом. Любое дело, которое требовало ношения костюма, было жалким подобием настоящей жизни. Туссен еще мог вспомнить, как выглядели костюмы, но не туфли. Туфли – никогда. Выходит, он и не собирался идти по стопам отца.

Неужели мы просто меняем одну униформу на другую?

– Нет, хочу вот это.

Уличный стиль. Мода для теплого климата. Много обнаженной кожи. Хуэнь пожала плечами.

– Я все еще думаю, что в другом ты смотрелся бы лучше. Зависит от того, хочешь ли ты произвести впечатление на людей или нет.

– Это всего лишь corillo[96], в которую я когда-то входил. Мы встречаемся каждую Ночь мертвых в кафе «Конечная станция» в Святом Иоанне. Подходящее место для встречи: кафе умерло много лет назад. Мы просто поднимаем тост за безвкусный труп. Каждый год мы по очереди устраиваем какое-нибудь мероприятие, что-нибудь необычное – поездку, экспедицию. Что-то. В прошлом году отправились на поиски Мультяшного кладбища. Это было мое мероприятие. В этом году очередь Сантьяго Колумбара. Одному богу известно, что он вкладывает в понятие «веселая ночь».

Брат Мохаммед, который висел в гравитационных ботинках под потолком в своем закутке размером два на два метра, внезапно потянулся к перекладине и ловко опустился на землю.

– Ты знаешь Сантьяго Колумбара? Раньше он был моим героем. Как все великие звезды futbol и movimiento[97] в одном лице. Он однажды такую штуку сделал: ликантропеон-3, темпорально-ориентированный проприоцептор. Каждые двадцать девять с половиной дней срабатывало и сообщало твоей нервной системе, что ты волк. Собери десять товарищей вместе, раз, два, три – погнали, вы стая. А-у-у! Лондонские оборотни. Крутая была штука, ты мог наблюдать, как меняешься, когда начинают работать проприоцепторы; виртуальный преобразователь можно было запрограммировать так, чтобы и своих товарищей по стае ты видел волками. Вы все действительно думали, чувствовали и ощущали, как волки. Хорошее вещество. Потребовался целый год, чтобы оно вышло из моего организма. К тому времени я уже пристрастился к полетам.

– Надо тщательнее выбирать кумиров, – мрачно сказал Туссен. – Кто-нибудь знает номер службы такси?

– Сегодня вызвать не получится, – сообщила Хуэнь с легким злорадством. – Живые не спустятся в долину, а мертвые все заняты.

Чтобы доказать ее неправоту, телефон сообщил Туссену номер велотакси «Парамаунт кэб». «Десять минут», – сказали на том конце. Ровно через десять минут с точностью до секунды велорикша позвонила в колокольчик на гравийной дорожке возле Гнезда.

– Что ж, желаю приятно провести время, – сказала Хуэнь без тени любезности.

– Идея не в этом… – вздохнул Туссен.

Похожая на сфинктер дверь Гнезда Лодога закрылась за ним. Вечер: ясный, теплый, температура тридцать два градуса, влажность девяносто три процента, ветер западный, переходящий в северный, северо-западный, слабый, около восьми километров в час. Последние инфракрасные отблески комендантского часа в небе. Предчувствие грома. Земля пахнет; пахнут латериты[98] и все, что растет. Из долины тянет дымом пожара.

– Ты тот парень, который хочет в кафе «Конечная станция»? – спросила cochera[99], мускулистая мертвячка, одетая в шорты и увешанная бижутерией; она как будто ничуть не запыхалась после крутого подъема в Гнездо. Голова у нее была бритая наголо, если не считать пяти тщательно завитых дредов у основания черепа. – Надеюсь, ты не против попутчика.

Таковым оказался мужчина неопределенного возраста, с лицом вроде тех, которые кажутся знакомыми и заставляют до утра мучиться от попыток вспомнить, как человека зовут. Нарядный Туссен почувствовал себя неуютно: все равно что серфер на свадьбе.

– Прекрасный вечер, – сказал пассажир.

Cochera спешилась и стала что-то подкручивать.

Какой-то мужчина шел по гравийной дорожке от густых зарослей бамбука, скрывающих фундамент Гнезда.

Что-то кольнуло, ёкнуло: надвигается беда.

Пассажир доверительно наклонился вперед.

– Знаете, – сказал он, – вам действительно стоило надеть другой костюм. Так было бы гораздо удобнее.

Туссен схватился за стальную раму, чтобы отпрыгнуть как можно дальше. Отскочить. Убежать. Спрятаться. Но хромированная эмиссионная головка тункера оказалась в тридцати сантиметрах от его «третьего глаза». Оружие держал в левой руке человек, вышедший из зарослей бамбука.

– Возвращайтесь в такси, сеньор Теслер.

Тункер: популярное, дешевое, массовое противопехотное оружие, состоящее из высоковольтного мазера и запаса энергетических патронов. Для стрельбы с небольшого расстояния; общественно опасное. Работает по принципу городской легенды про пуделя в микроволновке, только вот в этой версии в пар превращается мозг и разносит голову на части. Сцена с взрывающейся башкой – как ни крути, нестареющая классика.

Сеньор Теслер. Сеньор Теслер. Сеньор Теслер.

Шов вдоль ранца с крылом вдруг заныл, как будто воспалился и стал ужасно болезненным.

– Кто вы такие?

– Это Тешейра, – мужчина с тункером слабо улыбнулся, – это Шипли, – мускулистая женщина кивнула, в кулаке у нее сверкнул серебром второй тункер, – а меня зовут Квебек. Что вам мало о чем говорит. И не должно, сеньор Ксавье Теслер.

– Я больше не ношу это имя.

– Мы знаем. Как вы уже догадались, мы не спускали с вас глаз. А также ушей и кое-каких других органов чувств, посложнее.

– Вы перехватили звонок в таксомоторную компанию.

– Разумеется.

Пауза. Затем:

– Ты. Кто ты такой? – Туссен употребил такое местоимение, словно обращался к знакомому: «¿Qui es-tu?» Человек, называвший себя Квебеком, улыбнулся. Внезапно разозлившись, Туссен выскочил из велотакси.

– Я не собираюсь играть по вашим правилам. Вы не выстрелите в меня. Вам нужно что-то, что может дать только Ксавье Теслер, и если вы убьете меня, вы этого не получите. Значит, я иду пешком.

Он повернулся спиной к тункерам. Он чувствовал себя так, как будто швы на коже расползлись, и сокровенные механизмы души оказались выставлены на всеобщее обозрение.

– О да, Туссен, ты прав.

Туссен остановился, подозревая, что ему позволили одержать эту маленькую тактическую победу только потому, что она обеспечила им больший стратегический выигрыш.

– Твоя подруга Хуэнь – та, которая в твоем присутствии возбуждается, – позови ее. Скажи, что ты передумал и хотел бы познакомить ее с Сантьяго Колумбаром в кафе «Конечная станция».

Как долго они наблюдали, слушали, нюхали, что сумели забраться так глубоко в нутро его жизни?

– Или?

– Трое вооруженных головорезов против двенадцати безоружных миролюбивых летунов?

– Пошел ты, Квебек.

Женщина по имени Шипли ухмыльнулась. Тешейра проводил Туссена до двери. Открыла Хуэнь.

– Решил, что ночь в Городе мертвых без возможности повеселиться со мной – слишком скучное занятие?

Туссен выдавил из себя улыбку, легкомысленный тон.

– Менять свое мнение – прерогатива мужчины. Ты идешь?

– Попробуй остановить меня.

Ему стало дурно, когда он увидел, как она возвращается в своем любимом шелковом жакете.

– Давай повеселимся!

Даже реакции águila было недостаточно, чтобы спасти ее. Человек, назвавшийся Тешейрой, сделал шаг вперед. И его лицо оторвалось, превратившись в струю чего-то серебристого (сохранившего призрак улыбки), устремилось к глазам Хуэнь, ее ушам, носу и рту. Девушка открыла рот, чтобы закричать. Серебристая жидкость хлынула внутрь, прямо в горло. Ее глаза превратились в слепые зеркальные овалы. Она судорожно, беспомощно замахала руками. Брюки потемнели от мочи.

Тешейра рухнул, как разбитая мраморная кариатида, на тщательно разровненный гравий и замер без движения.

Туссен упал на колени в приступе сухой рвоты, который не принес облегчения. Черная желчь. Горькая кислота. Чья-то рука коснулась его плеча.

– Сеньор Теслер. – Голос, рука принадлежали Хуэнь. Слова никак не могли ей принадлежать. Ткань ее брюк была темно-красной – мокрой – в паху.

– Теперь понимаете, кто и что мы? – спросил Квебек. – Должен признаться, глубоко сожалею о том, что мне пришлось использовать такую форму давления, Туссен. Я надеялся, что ваша конкретная… предыстория?.. вызовет сочувствие к нашему делу. Вашу подругу Хуэнь вернут в целости и сохранности по завершении нашей миссии. Тешейра взял под контроль высшие когнитивные и двигательные функции, но не задействовал системы репликации. Назовем это coup de tête[100]. Чтобы развеять любые сомнения, которые могут у вас возникнуть: несоблюдение наших инструкций приведет к тому, что Тешейра полностью ее реконфигурирует. Как и в случае стандартного воскрешения, процесс необратим и фатален. Результат будет выглядеть как она, разговаривать ее голосом, но внутри окажется мертвым. Настоящим зомби. Спросите нашего приятеля. – Он указал на ставшее ненужным предыдущее тело Тешейры.

– Ублюдок.

– Нет, Туссен. Вовсе нет. Шипли!

Крупная женщина – чье тело она украла, с такими красивыми крупными мышцами и аккуратными дредами? – обошла угнанное велотакси, очищая его от нетектопластических украшений и артефактов. В конце концов, удовлетворенная, возложила руки на шаткое приспособление, и нанопластик сразу же покрылся волдырями и расплавился.

– Осторожно, Шипли, в нем не так много массы, мы не можем позволить себе тратить ее впустую.

Шипли бросила на Квебека угрюмый взгляд через плечо и продолжила прясть и ткать. От прикосновения ее ласковых пальцев рама растягивалась, перекладины удлинялись, превращаясь в мономолекулярные волокна, стойки раскручивались в листы тончайшей пленки. Что-то вроде крыльев. Судя по очертаниям, каркас планера.

– Вы наверняка уже догадались, что мы не земные, дрессированные мертвецы, – вкрадчиво сказал Квебек. – И нам поручено необычное дело.

– Хотите, чтобы я отвел вас к моему отцу, которого собираетесь убить.

– Первое верно. Второе нет. Все, чего мы хотим – встретиться с Адамом Теслером.

– И?

– Убедить его, что это не может продолжаться, – сказало нечто с лицом Хуэнь. На гравийной дорожке лежали три монокрыла из тончайшей фольги, в сложенном виде похожие на мягких серых мотыльков. Мертвячка Шипли улыбнулась, гордясь своей работой.

– Полетели, – сказала она.

Йау-Йау на мопеде. Наряд: кожаная безрукавка, шляпа «Гарсон-Гарсон», перчатки без пальцев, крутая обувь; все надето поверх пленочной кожи, виртуального комбинезона. Не женщина, а картинка. Чух-чух-чух: спиртовой двигатель мопеда развивает максимальную скорость пятьдесят км/ч, что годится только для пробок или толп на улицах некровилей. Цель пути: центр Города мертвых, бар на углу, где назначена встреча с мертвячкой по имени Мартика Семаланг.

– Если хочешь размяться, у меня тут новое дело, – сказал Хорхе, следователь адвокатской конторы, обнаружив Йау-Йау сидящей в углу своей черно-белой комнаты перед бутылкой «Хосе Куэрво», пустой на четверть.

– К черту все, Хорхе… – сказала она. – Я труп. И почему

Эллис все твердит, что серафино, который всюду за мной таскается, как тот ягненок за Мэри, – хорошая карма? Эй, Кармен Миранда, завтра ты пришлешь мне грузовик мертвых индеек; кайфуешь заранее, да?

– Ну же, Йау-Йау. Ты хороший адвокат. Обвинение в неуважении к суду – не твоя вина.

– Это, типа, утешение такое? Я не хуже любого сраного коллеги и знаю об этом, но мне все равно дали пинка и наняли того, кого не будет преследовать до гробовой доски Кармен Миранда.

– Йау-Йау, когда захочешь поговорить – я к твоим услугам.

Момент настал через три часа – после того, как Йау-Йау сообщила Трио, что исполнит давнишнее желание коллеги и даст возможность от души попользоваться своей «Лестницей в небо».

– Ну что там за дело?

– Частное расследование, – сказал Хорхе, вручая Йау-Йау пиво из общего холодильника. – Это не в твоем вкусе, я знаю, но я по уши увяз в деле Марголиса, а отказывать клиентам не люблю.

– Тому, кто потерял самое крупное дело в своей карьере, выбирать не приходится, – сказала Йау-Йау.

– Клиентку зовут Мартика Семаланг. Ты встретишься с ней здесь… – Хорхе нацарапал адрес в некровиле Святого Иоанна на листке-самоклейке, который прицепил к запястью Йау-Йау. Писанина. Ох уж этот Хорхе и его причудливые анахронизмы. – Прочитать сможешь? – Йау-Йау кивнула. – Она будет за уличным столиком между восемью и половиной десятого. Закажите camarónes español[101]. Очень вкусно.

– Лицом к лицу?

– Мясом к мясу. Долой виртуальность. Нюхни пороху. Ты нуарный сыщик или как?

– Или как, – с горечью сказала Йау-Йау. – Мой голливудский архетип – Перри Мейсон[102]. Ну, так было раньше. Можно взять твой мопед?

– Не забудь его заправить. Я одно могу тебе сказать. – Хорхе театрально улыбнулся. Актеры и юристы всегда были братьями по духу. – Эта Мартика Семаланг однажды утром проснулась и обнаружила, что мертва. Она хочет знать, почему.

Сегуридадос на бульваре Сансет проверяют персоналку и пропускают Йау-Йау. Не обходится без ритуального мужского выступления: они тявкают, как койоты, медленно и похотливо тянут языки к нижней части забрала. «Присядь-ка сюда, mi hermana[103]». Вот же больные придурки. Так или иначе, она в некровиле.

Уличная жизнь. Как чудесно. Запах обожженного солнцем асфальта. Духовой оркестрик на углу, саксофонисты водят инструментами из стороны в сторону. Пикантный дух карнавала! Поскольку все так чудесно – и, вместе с тем, чудо кажется весьма мимолетным, – гнев и обида после истории с «Эндюстри Габонез» саднят и уязвляют сильнее, чем раньше. Вопрос «Как же такое могло случиться?» плавно переходит в «Как же я это допустила?».

Выходит, амбиций у нее больше, чем способностей. Родители в марине Дель-Рей могли бы похихикать. Почему она не последовала их совету и не стала бездельницей в третьем поколении? Если уж такая судьба годилась для них – коротать время на покачивающемся сампане посреди Плавучего мира, блаженно погрузившись в маджонг, дешевое телевидение и выданный государством бханг[104], печально качать головой из-за того, что коварный мир настолько *коварен*, – то и для нее тоже! Нетушки, ни за что на свете, их своенравной Дочери № 2 обязательно надо было получить *образование* и построить *карьеру*. Казалось бы, потрудиться можно и после смерти. Хоть целую вечность. Мы ей так и говорили, но разве она слушает? А теперь тихо, начинается El Camino Real[105], мамочкина любимая мыльная опера.

Йау-Йау ни за что бы не поняла смысл выражения «сесть не в свои сани»; эгалитаризм был встроен в ее ДНК, как фатализм – в ДНК родителей. Ну что ж, присядь на корточки, чтобы затхлая вода плескалась у лодыжек, самодовольно улыбнись, как будто тебе известен некий секрет мироздания, скрытый от прочих смертных, да-да, улыбнись, кивни, наклони носик чайника…

Безрассудная дочь Мередит Мок снова держит хвост пистолетом. Мартика Семаланг станет ее самым удачным делом. Йау-Йау Мок прибавила газу. Вперед, мой стальной джаггернаут! Но маленький уличный мопед мучительно закашлялся, выдал пятьдесят пять – и баста.

ЙАУ-ЙАУ – внезапно заявила видеостена, витрина конторы «Вы сломали – мы починим», – ПРОСТИ МЕНЯ, Я СЛУЧАЙНО. ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

Извинения Кармен Миранды помчались следом по проспекту, перепрыгивая через перекрестки с экрана на экран.

ЙАУ-ЙАУ, МЫ ВСЕ ЕЩЕ ПОДРУГИ?

К тому времени, когда она припарковала мопед на стоянке у «Такорифико Суперика», серафино перешел к жалобному нытью.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЖАЛУЙСТА, ЙАУ-ЙАУ… – сказала стена «Банко Нохидачес». Среди корпоративных пикселей промелькнули тени тропических фруктов. – ПОГОВОРИ СО МНОЙ, ЙАУ-ЙАУ!

Прохожие поглядывали на стену и улыбались, думая о ссорах между влюбленными, внезапных и тяжелых, как летняя гроза; о примирении, романтике и розах.

– Слушай, ты, скотина, – прошептала Йау-Йау в персоналку на запястье – видимо, с помощью этой штуки серафино и выследил ее в некровиле. – Мне поручили дело. Очень повезло, что мне доверили хоть что-то. По всем правилам я должна была рухнуть прямиком в канализацию. Вернуться в Сампан-сити. Но вышло иначе, потому что у меня хорошие друзья. Это мой последний шанс. Абсолютно. Категорически. Однозначно последний. Поэтому я не хочу, чтобы кое-кто все испортил. Например, чтобы моя клиентка встревожилась, когда я обращусь к рекламному щиту по имени. ¿Comprendes?[106]

На стене «Банко Нохидачес» улыбчивый анхеленьо[107], окруженный вертящимся ореолом долларовых купюр, дернулся и превратился в карминовую ухмылку Ла Миранды. Бесстыжая старая королева подмигнула и извергла комиксовую выноску с текстом: НЕ ВОПРОС, ЙАУ-ЙАУ. ЕСЛИ Я ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ПОНАДОБЛЮСЬ, ТОЛЬКО СВИСТНИ.[108] Последним, что исчезло, был ананас, венчающий шляпу тутти-фрутти. Несколько carnivalistos[109] вежливо зааплодировали.

«Такорифико Суперика» принадлежало к той стайке простеньких уличных кафе, которые благодаря абсолютному неприятию перемен в конце концов становятся необычайно модными, ведь принцип калифорнийской кармы гласит, что даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время. Йау-Йау выстояла очередь у жестяного прилавка, заплатила гроши за порцию изысканной пищи на пластиковой тарелке и бутылку пива, произведенного в Городе мертвых – не испытывая химической потребности в питании, мертвые отлично ели, пили еще лучше и как-то умудрялись делать так, что вкус в точности соответствовал запаху, – и принесла свой поднос к столику в пыльном дворе, где красивая мертвячка сидела под сухим деревом и ковыряла вилкой в тарелке с фасолевым салатом.

– Мартика Семаланг? – Улыбаясь, Йау-Йау почувствовала себя прыщавым подростком. Лицом к лицу. Мясом к мясу. У меня не получится. А если у нее на зубах кожура от фасоли или я почувствую запах ее дыхания? Ох, лучше вспомни про сампаны, которые покачиваются на волнах во время прилива. – Я Йау-Йау Мок, из «Эллисон, Исмаил и Кастарди». Мне поручили расследовать ваше дело.

А вдруг она поймет, что я все выдумываю на ходу?

Мертвячка пожала протянутую руку. Йау-Йау пододвинула стул.

– Не возражаете, если я включу запись? – Она сняла персоналку с руки и положила на стол. – Боюсь, я не очень хорошо пишу от руки. – Похлопала себя по бедрам. Все нормально. Продолжаем. – Сеньора Семаланг, что именно от меня требуется?

– Хочу узнать, как я умерла, – сказала Мартика Семаланг. У нее был очень мягкий и тихий голос, едва слышный из-за уличного шума за стеной из клинкерных кирпичей. – И, если подозрения оправдаются, хочу узнать, почему так случилось и кто лишил меня жизни.

– Что именно вы подозреваете? – спросила Йау-Йау.

– Что меня убили.

Технология воскрешения превратила убийство с целью сокрытия информации в анахронизм. А вот убийство в результате преступной неосторожности не утратило популярности с того дня, когда Каин психанул, и относились к нему проще. Осужденным преступникам светило самое большее десять лет в тюряге, а то и условный срок. Как ни крути, их жертвы продолжали ходить, говорить, есть и испражняться.

Тот факт, что эта мертвячка не знала, кто ее убил, – и даже убийство как таковое было лишь гипотезой, – подразумевал столько невероятных вещей, что у Йау-Йау затрепетали крылья носа.

– Видите ли, сеньора Мок… – («Пожалуйста, называйте меня Йау-Йау».) – Йау-Йау. Я не помню ничего до того момента, как поднялась крышка моего резервуара Иисуса и техники Дома смерти помогли мне выбраться.

– Вы не знали, что мертвы?

– Представляете себе, каково мне было, когда я об этом узнала?

Нет. Йау-Йау не могла себе этого представить. Она сомневалась, что кто-нибудь способен себе это представить. Йау-Йау понимала, что ее неизбежно постигнет та же участь, что и Мартику Семаланг, но в эмоциональном смысле не могла принять ни тьму смерти, ни вечный свет воскрешения. Она вздрогнула в своем виртком бе, шортах, безрукавке и шляпе «Гарсон-Гарсон». Над угасающим красным сиянием небесного знака сгущались тучи.

– Были случаи амнезии… – проговорила Йау-Йау. Ужин на пластиковой тарелке собирал мух. – Если кто-то умирает в детстве или младенчестве, могут возникнуть нарушения связанности воспоминаний. Но, как вы и сами знаете, обычно люди помнят свою смерть. Есть и более экстремальные происшествия – воскрешения эмбрионов после выкидышей или

абортов… В подобных ситуациях нет воспоминаний ни о смерти, ни о предшествующей жизни. В прошлом году произошел довольно известный казус, дело Сифуэнтес: одна женщина из Сан-Якинто была убеждена, что слуга – это ее же абортированный сын. Дескать, он ничего не помнил про свою жизнь до смерти; она думала, парень ее преследует. У дамочки совсем крыша поехала.

Мертвячка сказала:

– Нет, я не думаю, что дело в этом. Вы, наверное, знаете, что после воскрешения можно вернуть несколько мелких личных вещей из прошлой жизни, если надо. – Йау-Йау не знала. – Вот что мне дали, когда я вышла из резервуара Иисуса.

Самозаклеивающийся пластиковый конверт. Она высыпала содержимое на жестяной столик. Там была единственная плоская видеозапись, архаичная, с помятыми уголками, потрескавшаяся и выцветшая.

Девушка, достигшая половой зрелости и слегка стесняющаяся своего тела, одетая по моде двадцатилетней давности, сидит на нижней ступеньке крыльца деревянного загородного дома двадцатого века, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Палисадники, увитые плющом; никаких заборов. Погода солнечная, в детстве она такая всегда. Девушка обнимает сердитую полосатую кошку и щурится на камеру; фотограф, жаждущий запечатлеть уютную картинку, забыл про солнце за спиной, и на гравийной дорожке видна его тень. На доме табличка с названием и номером: «Саннимид, 1345». Некоторые районы начали застраивать очень давно. Половина автомобиля на половине подъездной дороги. Очень похоже на старую модель «Нихан-ситихоппер». На половине номерного знака Йау-Йау разглядела код Трес-Вальес. Возможно, регион Сан-Фернандо. Это сужало круг поисков до трех миллионов автомобилей.

Девушка была слегка похожа на Мартику Семаланг, но в изменчивом мире мертвой плоти это мало что значило.

– Когда вы вышли из резервуара, вас пришлось чему-то обучать? Пользоваться туалетом, ходить, говорить, читать и так далее?

– Нет. Ничего из перечисленного. Все осталось в целости и сохранности, кроме воспоминаний. Я знаю, что собой представляет этот мир, но вместо моей роли в нем – пустота. Вы же понимаете, я не могла не заподозрить неладное.

– Думаете, вам стерли память.

– И это еще один аргумент в пользу версии об убийстве.

– Ваше имя звучит так, словно вы родом из юго-восточной Азии. Народ малаяли?

– Имя ничего не значит. Меня не так звали раньше. Я

проверяла.

Йау-Йау втянула нижнюю губу. В виртуальности бессознательная гримаса вызывала приятное покалывание кожи, как будто ее целовали с головы до пят.

– Возможно, воспоминания не исчезли, а просто глубоко похоронены, – сказала она. – Я не специалист по нейрохимии памяти, но, вроде бы, энграммы[110], которые кодируют наши воспоминания, запечатлены в организме, их нельзя полностью стереть, хотя определяющие их химические коды можно нарушить. Если так, то правильного раздражителя должно хватить для ассоциации, которая вызовет каскад воспоминаний. Запах бы сгодился; это самый мощный активатор памяти, как говорят те, кто разбирается в таких вещах.

– Я над этим размышляла, – сказала Мартика Семаланг и взмахом пальца вызвала mesero – талант, которым Йау-Йау никогда не обладала и которому завидовала. – Еще пива для сеньоры, а я возьму agua mineral. Однако я не знаю, как начать или даже с чего начать.

Йау-Йау взяла старый стоп-кадр. В те времена каждое лето казалось таким славным, даже в сампанном городке. Она плавала, бегала, становилась смуглой и гибкой…

– Я могу сопоставить марку и номер автомобиля с соответствующими муниципальными справочниками и архитектурными архивами. Это должно подсказать нам, где был сделан снимок.

– Это трудно?

– Проще простого. – Персоналка на столе послушно протянула нить, которую Йау-Йау вставила в пленочный контур на запястье. – Отвлекусь на минутку, простите.

Йау-Йау натянула капюшон виртуального комба. Выступили слезы, когда оптические интерфейсы пробрались мимо глазных яблок и подключились к зрительной коре головного мозга. Она сморгнула влагу и… вошла.

Мобильный канал связи был узким, соединение – медленным, как улитка, виртуальность – низкосортной и зернистой, временами безоговорочно монохромной (тут ей пришло в голову, что все хорошие нуарные детективы выглядят именно так). И все же Йау-Йау вошла. Буги-стрит[111]. Тут было так хорошо, даже в монохромном режиме, что Йау-Йау сделала вид, будто не замечает мелькающее на краю поля зрения карикатурное изображение Кармен Миранды.

Согласование протоколов прошло легко и быстро, хоть она и скрипнула зубами, получив уведомление о проверке кредитоспособности рабочего профиля. Надо было попросить

чуть-чуть налички авансом.

Загадка (Йау-Йау создала файлик с заметками «на всякий пожарный» и вложила его в клетку из вертящихся вопросительных знаков): как же так вышло, что мертвячке по карману услуги «Эллисон, Исмаил и Кастарди»? Даже если расследование поручили старшему помощнику младшего дворника? Раз ей не пришлось заключать контракт, в какой-то крупной страховой фирме должна быть учетная запись, связанная с полисом инморталидад: имя, место работы, состояние здоровья и прочая ценная информация, способная пролить свет на жизнь, смерть и воскрешение Мартики Семаланг.

Все та же Йау-Йау, чуть позже. В пяти километрах над светящейся сетью городских улиц, не помня про гравитацию; перед нею в алой ночи распахнулись три окна. Анимация была дерганая, грубая и, как показалось Йау-Йау, какая-то вымученная. В городе, населенном двадцатью двумя миллионами анхеленьо, было тринадцать тысяч номеров 1345. Сорок тысяч древних «Ниханов» все еще ездили по дорогам, и Йау-Йау не могла сузить поиски: на фотографии не было видно, в каком конкретно году выпустили эту модель. Шесть совпадений марки автомобиля и номера дома в те годы, когда предположительно сделали снимок. Теплее. Три варианта она забраковала из-за заборов. Не та долина. Хорошо пахнет. Пахнет жареным! Форсированные синапсы засекли нужное в архитектурном архиве, на микросекунду опередив маразматическую прогу. Легким движением пальца Йау-Йау совместила данные из архива со снимком.

«Корреляция 92 %», – сообщили машины неуклюжими хромированными буквами, падающими с инфракрасного неба.

– Ну и кто тут нуарный сыщик? – торжествующе вскрикнула Йау-Йау, паря над виртуальной городской сетью, как Питер Пэн.

И вышла.

Общее время, прошедшее в реальном мире: восемь целых три десятых секунды. Оптические и слуховые интерфейсы отключились. Она откинула капюшон с головы, стараясь не выглядеть чересчур самодовольной.

– Мы думаем, что адрес дома на фотографии – Энеро-Хайтс, 1345, Мишн-Оукс. Это примерно в тридцати пяти километрах к северу отсюда, за Сан-Фернандо.

– Мы?

Йау-Йау пожала плечами.

– Мы.

Официант вернулся с напитками. Agua mineral и «Ред Хэт». Он откупорил бутылку Йау-Йау зубами. Мартика Семаланг

расплатилась plástico. Над ржавеющей крышей «Такорифико Суперика» взлетели красные ракеты и взорвались с тихими хлопками. Милые сверхновые.

– Погодите. Сеньора Семаланг, стойте. Секундочку.

Йау-Йау перехватила карточку между рукой владелицы и сканером. Официант поднял брови, дескать, что угодно, только не забудьте об оплате и propina[112], как положено.

– Могу я кое-что проверить? – Не дожидаясь разрешения, Йау-Йау пропустила карточку через персоналку. Нацепив лучший покерфейс из всех, что были в запасе, спросила: – Эта карточка… откуда она у вас?

– В смысле?

– На счету пять и три четверти миллиона долларов. – Официант, чье лицо также выглядело бесстрастно, мысленно пересчитал причитающиеся чаевые. – Вы хотите сказать, однажды утром некая женщина проснулась и обнаружила, что умерла и не помнит ничего ни о своей жизни, ни о смерти, но при этом у нее на маленькой черной карточке почти шесть миллионов долларов – и ей ни капельки не любопытно, откуда эти деньги?

– Я предполагала, что это вытекает из моего полиса инморталидад.

– Сеньора, только очень богатые и очень красивые получают от Домов смерти столько бабла на карманные расходы. Вы случайно в банке вопросов не задавали? И да, кстати, какой банк вас обслуживает? – Йау-Йау перевернула карточку. Разделенный на четыре части – твердь-ветер-океан-пламя – круг «Первого объединенного тихоокеанского банка». – Ерунда какая-то. Вы не можете быть их клиенткой.

– Не могу? Почему это я не могу?

– У этого банка нет отдела по работе с некроклиентурой. Так, включаю режим адвоката. Решение по делу Барантеса установило, что мертвецы – простите, я цитирую – не люди, и потому им не может быть предоставлена защита и у них нет обязанностей, соответствующих человеческому – живому – праву. Дело Барантеса бьет под дых, но оно основа нашей социально-экономической системы. Финансовые секторы защищены от этого не больше, чем что-либо другое; в строгом смысле слова, будучи мертвой, вы не должны нуждаться в деньгах и иметь на них права. По принципу «в гробу карманов нет». Однако наша система нуждается в так называемой призрачной экономике: я плачу Хосе, а Хосе делится со своим домовладельцем, каким-нибудь мясным blanco[113], который плавает в бассейне в Копананге, как громадный Белый кит, и с компаниями по электро- и водоснабжению, с коммунальщиками – которые, хотя все их

работники мертвы, принадлежат мясным ребятам до последней заклепки, – при этом главный куш идет прямиком в пасть Дома смерти. Энергетические компании не обязаны продавать электроэнергию Хосе, у арендодателя нет официального договора аренды, в котором он назван арендатором; все это одно большое джентльменское соглашение. А там, где есть экономика, обязательно будут банки – они все равно что слизь на занавеске для душа. Крупные мясные банки создают независимые мертвые дочерние компании – банки-призраки, которые делают все то же самое, но официально не существуют. Наш мир зависит от незримых вещей, от символов веры и ее догматов, словно католическая Европа в период Средних веков. В основе всего – консенсус. Ибо мы договорились и решили: да будет так.

Помедлив, она прибавила:

– Но «Первый объединенный тихоокеанский банк» претендует на моральное превосходство: он не участвует в призрачной экономике, которая лицемерна по сути. Дескать, она насмехается над законностью. По правде говоря, они там все упертые пролайферы. У них в совете директоров много миллениалов-отрицателей.

Ирония позабавила Мартику Семаланг. Эти эмоции она выразила грациозно. В ней все было грациозным: платье, манеры, то, как она справлялась с травмой, недоступной воображению живых; все, что открывалось взгляду Йау-Йау. Воплощенная элегантность. Адвокатесса почувствовала себя неуклюжей и неженственной. Впрочем… ну да, ей нравились застежки-молнии. Ей нравилась практичная одежда. Ей нравилась искусственная кожа. «Искусственная» – в каком-то смысле воскрешенная. Нет ничего более естественного, чем кожа. Йау-Йау снова присмотрелась к карточке.

– Могу выяснить, откуда они взялись. Эти ваши пять миллионов и три четверти.

Она увернулась от парящей в виртуальном небе Кармен Миранды и скользнула в объятия «Лестницы в небо». Чтобы проникнуть в тайны «Первого объединенного тихоокеанского банка», понадобятся могущественные фамильяры-прислужники. Замаскировавшись под дебетовую транзакцию, Йау-Йау приблизилась к банковской иконке в виде синтоистских ворот. Виртуальность опять тормозила и дергалась, разрешение упало из-за связи через персоналку, и Йау-Йау это расстроило.

Ворота-тории пропустили ее с болезненной медлительностью.

Неудивительно, что бывшие деловые партнеры Яго сбили его с корпоративного насеста. Его прога получила доступ к банковскому счету Мартики Семаланг через три целых две

десятых секунды реального времени – Сим-сим, откройся! – и стала прокручивать историю транзакций в небольшом Окне событий.

Где мертвячка делала покупки?

Сколько потратила?

Что купила?

Йау-Йау достигла начального сальдо. Шесть миллионов долларов. Тихоокеанских. Настоящих. Фильтруя истинные следы от ложных, Йау-Йау проверила зарубежные транзакции. Колоссальные течения транснациональной банковской деятельности привели ее к кредитовому переводу из «Банка Пурмеренд» в Люцерне, Швейцария. Цюрихские гномы, большая семья. Неприступная, как задница кальвиниста.

– Что ж, Яго, давай посмотрим, так ли ты крут, как говоришь.

Виртком б на несколько секунд погрузил Йау-Йау в сенсорную депривацию, пока персоналка трудилась, выбираясь из «Первого объединенного», а потом, замаскированную под рискованную сделку на международном финансовом рынке, отправил в Люцерн.

В это же самое время она продолжала сидеть за столиком на заднем дворе кафе «Такорифико Суперика» с недопитой бутылкой «Ред Хэт» и тарелкой холодных camarónes. Пожалуй, это весьма приятный способ вести дела…

Прибыли. «Банк Пурмеренд» представлял собой довольно старомодный и допотопный зиккурат. Швейцарский консерватизм как он есть, вплоть до иконок в виртуальной паутине. Выкинув из головы происшествие в предыдущей швейцарской пирамиде, Йау-Йау оседлала входящую информационную волну.

Отчаянное проникновение под видом трех миллионов воображаемых тихоокеанских долларов, ищущих, где бы конвертироваться, запустило срабатывание сигнализации и систем безопасности, о существовании которых Йау-Йау и не подозревала. Ну и пусть. Ее не успеют выследить, она удерет с добычей. Прога Яго выволокла из укромного местечка счет, с которого Мартике Семаланг перевели шесть миллионов долларов, и разорвала его, как обертку подарка на Navidad[114].

Цифры потекли по коре головного мозга Йау-Йау; возбужденная ЦНС заметалась, усваивая, синтезируя, соединяя. Черный нал. Платежи. Перечисления. Взятки. Шесть миллионов Мартики Семаланг были галькой по сравнению с Маттерхорнами корпоративной коррупции. И за всем этим маячило… что же там за имя, ну…

Не переставая слышать вой сигнализации, Йау-Йау вскинула палец и ринулась вперед.

Вокруг нее взорвалась слепящая белая сверхновая, настолько яркая, что свет затронул и другие органы чувств: какофония запахов и вкусов; волна тепла, опалившая каждое нервное окончание, как будто ее окунули в расплавленную лаву; всплеск «белого шума» и крик, который, как поняла Йау-Йау, издали не кибернетические стражи «Пурмеренда», а ее собственное тело, погруженное в сенсорную агонию.

Все закончилось. Да, закончилось. Все. Закончилось. Она моргнула, узрела физический мир: нить, соединяющая персоналку с вирткомбом, расплавилась. Мартика Семаланг была рядом, заботливо предлагая стакан воды.

– С вами все в порядке, Йау-Йау? Вы внезапно закричали…

Посетители за другими столиками «Такорифико Суперика» таращились. Йау-Йау откинула капюшон, провела рукой в перчатке по бритой голове.

– Господи. Господи боже. Со мной все в порядке. Я в норме. Кажется. Кое-кому сильно не понравилось, что я подслушивала. – Говоря это, адвокатесса поняла, что разрушительная энергия задела ее лишь краешком. Что бы – кто бы – ни нанес удар, он не знал, что она действовала на расстоянии, через медленный и некачественный канал связи. Именно техническое отставание и спасло ее. Целью нападения была черно-белая комната на бульваре Сансет. Сама мощь атаки превратила бы лестницу Пауэлла и Прессбургера вместе со всеми хитро спрятанными подпрограммами в пыль.

О Господи. Дева Мария. Твою ж мать.

Персоналка пискнула. Тектопластическая шкура разошлась и показала Эллиса: у коллеги было такое лицо, словно его только что вздрючил ангел смерти.

– Йау-Йау. О Господи. Возвращайся сюда. О Боже. Произошел несчастный случай. Трио. Господи, я не знаю… Произошел несчастный случай, ох, какой-то энергетический выброс, я в жизни не видел ничего подобного…

– Эллис! Что случилось? Расскажи мне, что произошло.

– Трио подключилась к твоей проге. Я услышал крик, понял, что-то не так. Может быть, какое-то замыкание. Я прибежал.

– Эллис. Трио. Что с ней?

– Сгорела. Как будто вирткомб перегрузило. Господи, как это могло случиться? Скорая уже в пути.

Йау-Йау отключилась. Отстраненная грация Мартики Семаланг исчезла, смытая страхом.

– В чем дело? Что случилось?

– Мне нужно идти. Несчастный случай. Ваши друзья только что подняли ставки.

– В смысле? Какие друзья?

– Те, кто заплатил вам шесть миллионов долларов, сеньора Семаланг. Корпорада «Теслер-Танос».

«Поднятая целина», режиссер Валерий Кузнец, 2012 год.

Неопубликованная режиссерская киноверсия «Красного женского отряда»[115], созданная после площади Тяньаньмэнь.

Эти фильмы смотрели с крыш на бегущую Тринидад. Высокие каблуки. Красное платье. Серьги-шандельеры.

Тринидад было все равно, куда она бежит; она не знала, куда бежит, лишь бы подальше от Сантьяго.

Демон. Монстр. Убийца.

Она оказалась на углу Где-то-стрит и Нигде-авеню, в стороне от толпы, без сил. По другую сторону оживленного перекрестка на настенном экране размером двадцать на пятьдесят вальсировал колокол космической станции из «2001»[116], пребывая в плену у гравитации. В дальнем конце улицы как будто полыхал пожар.

Она понятия не имела, где находится. Она потерялась в некровиле, в Ночь мертвых.

(Тринидад: самый ранний, худший ночной кошмар. Возраст – четыре года. Первая поездка с Любимой Мамочкой в торговый центр. Каким-то образом хватка ослабевает, рука соскальзывает, и она остается одна во вселенной ног и голосов, «Мама, – кричит она, – мама, мама, мама!» Но посреди ног и криков никто не слышит одну маленькую девочку четырех лет от роду. Она заблудилась. Совершенно потеряна. Напугана. Все эти ноги. Все эти голоса. А потом к ней тянется чья-то рука. Ее подхватывают, сажают на плечи и несут в безопасное место, тихое место, место без ног и голосов, где добрый человек развлекает ее фокусами, пока не придет Мамуля. И когда приходит Мамуля, она прижимает Тринидад к себе и сильно шлепает, выкрикивает оскорбления в адрес волшебника, потому что он мертвый волшебник, и всем известно, что мертвые делают с маленькими девочками в возрасте четырех лет.)

Пламя из трех выхлопных труб осветило толпу, собравшуюся вокруг черного бассейна. Темная вязкая рябь блестела на свету: нефть. Задолго до того, как мертвые заявили о своем праве на перекресток Третьей улицы и Ла-Брея, тектронный нефтяной экстрактор, установленный компанией «ТежКо Гидрокарбонз», однажды ночью вышел из строя впечатляющим образом, выплавив в асфальте пятнадцатиметровый кратер, который медленно наполнился черным золотом. То, что раньше было геохимическим

курьезом, теперь превратилось в святилище; святое место Укуромбе-Фе, где дух Сеу Джабджаба, Принца лжи, помешивал темную жидкость. Там собралось пять-шесть сотен человек. Вопреки воле Тринидад внутренняя динамика толпы подтолкнула ее к краю нефтяного озера. Невидимые барабанщики поддерживали устойчивый праведный ритм, им помогали дабовые басы и блюзовая гитара; верующие переступали с ноги на ногу, бормоча святое имя: «Джабджаб, Джабджаб». Селектор[117] и проповедник обменялись строками из Chanson Saint Jacques[118]. Эти гимны были хорошо известны Тринидад.

Побуждаемые ритмом бас-гитары и барабана, люди на краю толпы то и дело начинали танцевать. Под поверхностью нефтяного озера двигались кошмарные фигуры; руки, пальцы, головы высовывались из вязкой жидкости и блестели, озаренные красными газовыми вспышками. Женщина, такая высокая и худая, что могла быть только мертвой, затряслась и сорвала с себя тесную одежду: энергия божественного электричества прошила ее синапсы. Друзья подхватили ее на руки и стали передавать по кругу. Глаза верующей были закрыты, ноги и руки плотно сжаты вместе, но губы вроде бы шевелились. Толпа опустила ее в озеро черной нефти. Женщина не издала ни звука и почти не подняла волны, когда исчезла под жидкой бархатистой поверхностью.

Селектор и проповедник вознесли хвалу друг другу, бас и барабанщики подхватили новый ритм, и собрание задвигалось иначе, покоряясь божественной воле. Тринидад обнаружила, что страх – всего лишь врата к более изысканным и глубоким эмоциям. В охоте на пахизавров была опасность, было возбуждение, но их контролировали, направляли, предопределяли. В этом вызывающем клаустрофобию котле из нефти и тел ничто не казалось безопасным или предсказуемым. Все происходило неистово. Все было дозволено. Больше всего на свете Тринидад хотелось убежать. Больше всего на свете Тринидад хотела стряхнуть с себя предубеждения, подобные потной одежде, и присоединиться к танцу.

– Мясо не умеет танцевать, если верить молве, – сказал чей-то голос. Она повернулась и увидела лицо: молодое, мужское, обрамленное дредами. Живое. – Слишком скованы жизненными запретами, чтобы по-настоящему забыться. У мертвых нет никаких запретов, ограничений, пределов, и поэтому они могут танцевать.

Новоприбывший был на голову ниже Тринидад на каблуках.

Поверхность нефтяного бассейна как будто взорвалась, когда мертвячку подняли погруженные руки. На мгновение показалось, что она стоит на черной жидкости, затем прихожане вышли на

мелководье и вытащили ее на берег. Распяли на бетоне. Красный свет поблескивал на масляно-черной коже. Святая, икона, черная мадонна исчезла под копошащимися руками и языками, которые прикасались, пробовали на вкус, слизывали священную нефть.

– Она избранная?

– Одержимая. Los Caballos[119] – *Те, на ком ездят*. Ее оседлали, ею овладели Божественные ездоки, покорители времени, пространства и квантовой вселенной. Логра – теоретически существующее человечество из будущего, когда нанотехнологии настолько развились, что позволяют манипулировать материей мироздания. Возвращаясь назад во времени, Логра реконструируют континуум с помощью своих человеческих аватаров, используя квантовые технологии для выбора наиболее благоприятного варианта среди потенциальных вселенных, которые могут разрушиться в результате определенного события. Квантовые чудеса. И вот мы имеем бассейн Ла-Брея; те, кто купаются в сырой нефти, принимают часть формирующего реальность духа Логры. После полуночи все кошки, так сказать, принадлежат Шредингеру. Конечно, все это чушь собачья. Псевдонаука. Но звучит неплохо.

На дальнем берегу озера Ла-Брея две послушницы крестили мертвеца с лицом Кларка Гейбла, окуная его в нефть. Черные капли потекли по его лицу углеводородными слезами, когда он запрокинул голову и закричал на луну.

Крик. Запрокинутое лицо. Рука, указывающая в небо.

Ночь высоко над городом вспороли параллельные полосы рубинового сияния. Пока Тринидад наблюдала, новые светящиеся разрывы пронзили небо – десять, двадцать, сорок, больше, чем она могла сосчитать. Воцарилась мертвая тишина. Весь некровиль, все двадцать два миллиона жителей Трес-Вальес хранили молчание. Los Caballos стояли по пояс в священном водоеме, уставившись в небо, с их пальцев капала черная нефть. Небо было ткацким станком с сотнями рубиново-красных светящихся нитей. Приглушенный рокот прокатился по собранию, как предчувствие грома. Он отдавался эхом, резонировал, овладевал и перерастал в гневное рычание.

– Что это, что происходит? – крикнула Тринидад.

– Пусковые лазеры, – крикнул мужчина в ответ. – Ионные следы. Орбитальная группировка пустила в ход космическое оружие дальнего действия. МИРВ[120]. Микротоковые боеголовки. Гразеры, теслеры с ИИ-жокеями. Весь гребаный флот. И с достаточно большим ускорением.

– Война?

– Ты что, не слушаешь новостные каналы? Видимо, не

слушаешь. Свободные мертвецы совершали набеги на орбитальные производственные платформы в течение последнего года или около того. Космос принадлежит им, говорят они, и вот обе стороны собрали флоты, чтобы доказать свою точку зрения.

Порыв ветра взметнул одежду и предупредил Тринидад за мгновение до того, как обрушилась ударная волна. Жар поцеловал ее левый бок: пламя взметнулось на пятьдесят метров, на мгновение затмив орбитальный спектакль, прежде чем превратиться в жадный язык огня, мечущийся на поверхности нефтяного озера.

– Господи. Бассейн подожгли. Уходим. Они разорвут на части любое мясо, которое попадется им в руки.

Мужчина с дредами протащил Тринидад сквозь плотную враждебную толпу, прячась за пристройками и наружными лестницами, пока они не нырнули в относительную безопасность какого-то служебного проулка. Отвесные черные стены каменной кладки превратили небо в полосу «Синемаскопа»[121] – черную, пронизанную красными лучами.

– Какой замысловатый расклад, – сказал невысокий мужчина. Он задрал правый рукав, чтобы поднести персоналку к уху. Тринидад наблюдала за огненными тенями на освещенных красным витринах.

– Сегуридадос обделались. Я слушаю их переговоры. Тройная красная тревога, чтоб ее: сканеры на воротах Сан-Висенте засекли какого-то Свободного мертвеца, когда он пытался проникнуть внутрь. Они слишком трусливы, чтобы прийти сюда и навести порядок, поэтому собираются оцепить периметр. Надеются, что без конкретной цели насилие перегорит само по себе. В общем, придется нам сидеть на низком старте, положение безвыходное. Ну почему именно сегодня? Почему, боже? С самого начала ситуация была мудреная. А теперь…

– Хочешь сказать, мы не сможем выбраться?

Жаркая ночь, но ей было так холодно в красном платье, холодно и кошмарно. Разбуди меня, мамуля, возьми в свою большую теплую постель с мускусным мужским запахом.

– Не раньше комендантского часа на рассвете. Дерьмо. Задачка в самом деле трудноразрешимая.

– Трудноразрешимая задача. Мудреная ситуация. Замысловатый расклад. Господи, чувак, ты сам сказал, что началось восстание мертвецов и мы тут с ними заперты, выбраться не можем – это, по-твоему, «трудноразрешимая задача»? «Замысловатый расклад»?

Она стукнула мужчину с дредами по бедру в надежде, что это прибавит ей самой храбрости. Не вышло. Спутник ничего не

заметил.

– Хорошо, что я случайно оказался рядом и спас тебя, – сказал он. – Слушай, я должен встретиться с друзьями в баре на Уиллоуби. Там может быть безопаснее. Ты забралась в дикие места, мясная девочка.

– Тринидад.

– Эмилиано Саламанка. Друзья зовут меня просто Саламанка. Друзья, возлюбленные, потерянные и одинокие.

– А кто же я, Саламанка?

– Это еще предстоит выяснить, Тринидад. Похоже, стихло. Можем удирать.

– Ты хоть представляешь, сколько мне сегодня пришлось бегать? – Она вдруг поняла, что еле сдерживает улыбку.

– Придется еще попотеть, прежде чем мы выберемся из этой передряги. – Он уже почти вышел из укрытия. – Ты идешь?

По лабиринту переулков они убрались как можно дальше от бушующей толпы, шныряя по извилистым проходам мимо лачуг и жилых капсул, прильнувших к зданиям, как паразиты. На западе, со стороны Топанги, гремел гром – приближался разгул стихий, который синоптики обещали весь день.

– Кажется, направление верное, – сказал Саламанка. – Тут столько всего построили и перестроили, что старый план городских улиц полетел к чертям.

Череда улочек, извилистых, словно петли кишечника, привела их во внутренний двор, где подступила клаустрофобия. Мрачная архитектоника: сплошные ребра и кости. Зримая тьма. Где-то высоко над головой вертелись распятия кондиционерных лопастей, но они лишь перегоняли жару. Воняло гниющей растительностью и странным мускусом мертвых; линии на зернистой поверхности под ногами, почти скрытые под черным и слизистым слоем заплесневелой листвы, выдавали предыдущую инкарнацию этого места: теннисный корт.

Глаза, привыкшие к темноте, способны увидеть квантовую механику в действии. Палочки и колбочки центрального углубления сетчатки достаточно чувствительны, чтобы зарегистрировать воздействие единственного фотона. Чувствительности хватает с лихвой, чтобы отделить движущиеся тени от неподвижных.

– Черт, Саламанка…

Кто-то обступил их со всех сторон. Тринидад услышала шорох ткани и тихий крысиный писк от соприкосновения влажной кожи и прорезиненной куртки.

Вспышка голубой молнии позволила понять две и только две вещи.

Повсюду были Волки Луны, их умные глаза причудливо светились, словно угольки человечности. Саламанка стоял, вытянув руки перед собой. Он держал теслер. Оружие было нацелено прямо между глаз крупного оборотня, который преградил им путь к бегству – переулок, нарисованный черным на черном фоне.

Тринидад показалось, что в глазах человека-волка, в которого целился Саламанка, что-то мелькнуло: свет, знание, *узнавание*.

Как будто он удивился, когда увидел ее.

Волк отпрянул, но недостаточно быстро – прицел теслера соскользнул ему на грудь и застыл монохромным приговором между сосками.

Выстрел и поступок случились одновременно. Палец Саламанки нажал на спусковой крючок, рука Тринидад взметнулась и выбила оружие из нужного положения. В узком переулке вспышка была ослепительной, грохот – оглушительным. Теслерный разряд угодил в жестяную крышу и там иссяк. Волк-оборотень сбежал.

Когда они выскочили на широкую улицу, Тринидад повернулась к Саламанке.

– Они бы нам не навредили! – Она ударила его кулаком в грудь. – Никто не собирался рвать нас на части, высасывать костный мозг или натягивать шкуру с задницы на боевой барабан. Может, потрепали бы чуть-чуть, заставили прочитать один из их политических манифестов, но не сделали бы ничего плохого. Ты сам вытащил эту штуку! – Она опять его стукнула. Приятно. До чего тупой самец! – Клянусь Иисусом, Иосифом и Марией, ты собирался им воспользоваться?!

– Да! – Саламанка схватил ее за запястье, мешая ударить снова. – Конечно, собирался – зачем тащить теслер в некровиль, если ты не планируешь пустить его в ход? Устроить настоящую движуху и *Настоящую смерть*, да-да.

– Отпусти, – велела Тринидад, успокоившись. – Я не разрешала ко мне прикасаться.

Он зыркнул на нее, но повиновался. Разжимая пальцы по очереди.

– Хватит обращаться со мной как с двенадцатилетним ребенком. Я сама пойду. Не тащи меня за руку.

Во время бегства прочь от горящей нефтяной лужи, сквозь тени и страх, Тринидад в какой-то момент чуть не сломала левый каблук.

21:30 – полночь

1 ноября

Сорок пять часов. И конец.

Любовь Нуит к башням уходила корнями в детство, проведенное на страницах трехтомного собрания чудес: там были трактирные мальчики на побегушках, которые оказывались королями Потерянных Земель инкогнито, принцессы с политически современными взглядами и именами, оканчивающимися на -иэль, Темные Властелины, чье зло заключалось в противостоянии абсолютной монархии и феодальной системе, а также подмастерья магов в тех самых каменных башнях, продуваемых всеми ветрами. Особенно ее интересовали подмастерья магов. Она отрабатывала роль в леггинсах и футболке вместо туники, нацепив пояс с «волшебной сумкой». Увы, в жилищном комплексе «Ресенца Хайтс» было всего-навсего четыре этажа, и охрана, помня про иски о возмещении ущерба, не позволила бы восьмилетней девочке бегать по крыше глубокой ночью.

Это ее не переубедило. Она нашла башни повыше. Мусорные башни Уоттса. Башня Койт. Лондонский Тауэр (какое разочарование). La Tour d'Eiffel[122]. Телевизионная башня в Торонто. Большая часть Манхэттена. Различные пагоды, минареты, ступы[123] и прочие религиозно-фаллические символы. Они оказались прекрасны, однако это были чужие башни, пропитанные чужой магией. В первые годы Разобщения она отправилась в Британскую Колумбию и построила себе башню из плавника на пляже у кромки океана. Она принадлежала ей. Это было волшебно. Она прожила там пять лет с мужчиной, который ей изменил, и никогда не была счастливее. Затем гринго приехали на север, возглавив Сдвиг, и Тихоокеанское побережье от Олимпийских гор до Алеутских островов стало одним колоссальным лагерем для перемещенных лиц, а Нуит поняла, что мужчина ее жизни все-таки полный ублюдок, и, ошеломленная больше своей глупостью – ей ведь потребовалось пять лет, чтобы обнаружить это, невзирая на его необузданную склонность к адюльтеру, – приехала на юг в город, где родилась, выучила новый язык и начала новую жизнь среди людей, в чьем культурном наследии не было места для волшебника в продуваемой ветрами башне.

До сих пор.

Греки строили храмы и театры, римляне – бани, дороги и кровавые зрелища. Поколение за поколением средневековые жители возводили соборы из дерьма во славу Божию, дожи эпохи Возрождения и князья Церкви раскидывали виллы и палаццо по всему североитальянскому побережью. Георгианцы построили элегантные особняки в стиле Палладио на фоне ландшафтной Аркадии, викторианцы – железнодорожные станции и общественные здания. Архитектура каждой эпохи воплощает дух времени.

В конце двадцатого – начале двадцать первого века строили торговые центры.

Галерея «Лос-Роблес» была Атласом среди титанов[124]. Четыре квадратных километра торговой площади для сдачи в аренду, охраняемая крытая парковка на пять тысяч автомобилей. Интерьер с особым микроклиматом, экологически спроектированный с использованием новейших нанотехнологий так, чтобы включать пять (пять!) зон от сибирской тайги до тропического леса Майя – единственного тропического леса, который посетители «Лос-Роблеса», да и кто угодно еще, когда-либо видели. Величайший ассортимент качественных торговых точек, общепита и предоставления услуг в агломерации. Плюс полный спектр рекреационных ресурсов и развлечений для всех возрастов и социально-экономических групп.

В течение десяти лет «Лос-Роблес», эта Сука-Королева Торговых Центров, правила безраздельно, а затем появился постулат Уотсона и эпохальное следствие Теслера. Через три года торговый центр оказался заброшен, поскольку демографическая карта Трес-Вальес стремительно менялась; бассейны покрылись рифами квази-водорослей, ультрасовременное содержимое экологических ниш взломало сводчатую стеклянную крышу, поскольку сбрендившая репликация запустила буйный рост. Явились разведчики-мертвецы, осторожно пробрались сквозь заросшие обломки торговой цивилизации. Находка им понравилась. Они остались. Они приручили мутировавшую тайгу, реконфигурировали буйный тропический лес, перезапустили забитые листьями эскалаторы и травелаторы и разбудили систему управления электроэнергией и микроклиматом. Они превратили торговые помещения в комфортабельные квартиры, плоские крыши – в миниатюрные огороды и фруктовые сады, парковочные места для пяти тысяч автомобилей – в многоэтажный рынок, куда каждую ночь приходили воскрешенные из Святого Иоанна, чтобы обмениваться товарами на площадках из бетона с пятнами мазута. Жилые капсулы были прикреплены к каркасу торгового центра, и из них выросли

фантастические шпили и эркеры. Лос-Роблес стал городом, Крепостью Калифорния. Точнее, еще одним городом внутри другого, вложенного в третий.

Как-то раз женщина, которая любила башни и тосковала о них, подняла глаза, когда шла по бульвару, и увидела на фоне заходящего солнца башни и шпили своих авалонов и минастиритов. Она сказала самой себе: «Вот оно, то самое место».

Башня Нуит на пять этажей возвышалась над садами на крыше. Под ней гудел по ночам рынок, над ней – вокруг нее – простиралось небо цвета индиго. Что неудивительно, формой башня здорово напоминала эрегированный член.

Нуит никогда не водила туда клиентов. Магия утратит свою магическую суть, если запятнать ее грубой мирской суетой. Так было до Камагуэя.

Она извинилась за душ:

– Извини, он ультразвуковой, но напора не хватает, поэтому красиво помыться не выйдет.

Она добыла для него сетчатую рубашку и пару кожаных смартштанов, которые подстраивались под любой размер, скинула рабочее платье и парадные туфли и надела комбинезон из эластичного кружева.

В Башне Нуит было четыре окна, по одному на все стороны света, и каждое представляло собой круг из тектопластика в виде кошачьего глаза, с изменяющимся овальным зрачком. Теплый ночной ветер шелестел висящими букетами сухих цветов, которые украшали комнату.

– Большой пожар где-то в Ла-Брея. – Пока она говорила, в небе на востоке взорвались и исчезли десять голубых мини-сверхновых, затем еще десять, и еще. – Очешуеть… Они открыли ответный огонь по Свободным мертвецам. Лазерные шоу, фейерверки, son et lumière[125]; это война в космосе?

– Наверное, однозарядные рельсотроны, – сказал Камагуэй, стоя рядом с ней в нише у окна. – Ядерные микрозаряды приводят в действие сверхпроводящие накопители энергии в магнитном поле и разгоняют боеголовки до одной десятой скорости света за долю секунды. Где-то недалеко от Земли есть корабли-хлопушки.

– Ядерные микрозаряды. Корабли-хлопушки. Иисусе. Воспринимаем войну урывками. Люди, которые стреляют в нас – это ведь наши дети, Камагуэй. Наши дети. Почему они так ненавидят нас? Почему мясо боится их до усрачки?

В лунном свете по небу протянулись длинные пальцы облаков, серебристые, как ножи. Передовые отряды приближающегося фронта. В темном конце улицы светился одинокий экран кинотеатра: сцена с рассечением глаза из Un

Chien Andalou[126]. Огни двигались по большому светящемуся гобелену Города мертвых; по их изменяющимся конфигурациям Камагуэй понял, что они находятся в воздухе.

– Там что-то летает, – сказал он.

Нуит прижала ладонь к груди Камагуэя, мягко, но настойчиво.

– Quid pro quo, сеньор Камагуэй. Нуит вытащила тебя из засады. Теперь ты расскажешь Нуит, как получилось, что приличный с виду мальчик в поисках развлечений умудрился запустить все сигнализации в округе Святого Иоанна?

– Нет, Нуит…

Она была на голову с небольшим ниже Камагуэя, но двигалась со скоростью мангуста, убивающего змею. Левая рука схватила его сзади за шею, правая – за челюсть. Медленно, очень медленно она заставила его запрокинуть голову.

– Ты видел, на что я способна, так что знай – если захочу, то могу начисто оторвать тебе башку. Это будет нетрудно и даже в некотором роде приятно.

Ее пальцы были из углеродистой стали, а давили с такой неумолимой мощью, что все его старания казались не более полезными, чем сопротивление младенца. Сухожилия натянулись, дыхание едва прорывалось через стиснутую трахею. Позвонки скрежетали, кость о кость.

– Пожилые дамы ста двадцати с чем-то лет любят порядок и покой… ну да, иной раз они занимаются браконьерством на территории мяса, но я сама взвесила шансы и решила рискнуть, сеньор Камагуэй. – Она еще немного вывернула ему шею, и каждый миллиметр длил беспричинные муки. – Воздай мне по заслугам. Quid pro quo. Кто, что, почему, где.

– Я не мертвый, Нуит, – прошептал Камагуэй. – Я мясо. Плоть и кости. Живой. Ну же, ты разве когда-нибудь встречала такого некро, как я?

– Ну да, ты выглядишь не так, как положено, однако я слышала этими самыми ушами, как пограничная сигнализация трезвонит во всю мощь. И сегуридадос переполошились, и мехадоры. И им, может быть, и не любопытно, но мне любопытно. В чем причина?

– Я не знаю.

«Но я же знаю. Зачем лгать? С какой целью, раз уж правда не может сделать больнее, чем есть?»

– Нуит, ты слышала о человеческом синдроме тектронной инфекции?

Стальные пальцы обратились в плоть; могучая хватка ослабла.

– Твою ж мать, Камагуэй, – прошептала она. – О господи. Чувак…

– Конечно, с таким родом занятий ты не могла не слышать. Очевидно, текторов в моем организме достаточно, чтобы датчики пришли к выводу, что я не человек. Больше не человек, Нуит, но не мертвец. Наполовину живой, наполовину мертвый. Воплощение квантового парадокса. – Он подошел к кухонному шкафу, взял нож из подставки и провел зазубренным краем от кончика большого пальца левой руки вниз, через основание ладони, к круглой выпуклости на запястье. Прикосновение лезвия было удивительно холодным и бодрящим, как купание на рассвете.

– Видишь, кровь течет? – Крупными, быстрыми каплями прямо на ее линолеум. Он опустился на колени, внимательно изучая растущую лужу. – Смотри, Нуит, смотри – их можно разглядеть невооруженным глазом. В крови. С трудом, но можно. Они, должно быть, собираются в кластеры. Кластеризация означает, что конец близок.

Нуит схватила его за запястье и заставила подставить руку под ледяную воду. Боль была яркая и холодная, как сапфир. Замечательно. Живой.

– Сколько осталось, Камагуэй?

– Сорок четыре часа двадцать минут. Максимум.

– Господи, чувак… Как это… как ты… себя чувствуешь?

– Если кратко, то я свободен. Понимаешь? Меня ничто не может задеть. Ничто надо мной не властно.

– Начальства ли, власти ли, престолы ли, господства ли, ни у кого нет власти надо мной[127]. Прости. Я в детстве была хорошей девочкой и посещала мессу. Ты боишься?

Он кивнул.

– Всегда кажется, что время еще есть; когда настанет час, ты будешь готов. И не испугаешься.

– Вот почему ты спросил меня у ворот, каково это – умереть.

Кивок, склоненная голова. Он отвел глаза.

– На что это похоже – умереть?

– Хочешь знать?

– Не совсем. Чего я хочу, чего я хочу больше всего, так это поговорить об этом. Рассказать кому-нибудь. Понимаешь? Говорить очень долго, в мельчайших подробностях, совершенно эгоистично, чтобы не перебивали и от души сочувствовали.

Нуит ухмыльнулась.

– Так ведь моя работа на семьдесят процентов заключается именно в этом.

Она указала на кровать. Камагуэй лег на спину, заложив руки

за голову, уставившись на квазиорганические складки и ребра потолка. Нуит свернулась калачиком рядом, зажав его искалеченную руку в ладонях. Горячий ветер врывался в открытые окна, заставляя сухие цветы шелестеть. Небо затянули тучи, воздух трепетал от предчувствия грозы. Кровь Камагуэя загустела и свернулась на кухонном полу.

– Ее звали Элена. Она была единственной женщиной, которую я когда-либо любил, и я убил ее. Но не раньше, чем она убила меня. Видишь ли, у меня был риф в Палос-Вердес…

Он нашел ее у уличных ворот, когда вышел на предрассветную пробежку. Она была там всю ночь. Она была мертва.

– Вы тот человек, у которого есть сад на дне моря? – спросила она.

– Я, – сказал он. – А в чем дело?

– Я хочу эту работу.

– Ух ты. И что?

Она подняла левую руку перед его лицом и медленно растопырила пальцы. Они были перепончатыми до последнего сустава.

– Я хочу расторгнуть свой контракт, сеньор. Выкупите меня.

Теломоды были проще для мертвых, чем для живых – всего лишь вопрос деконфигурирования и перенастройки в желаемый формат, – но полная подводная адаптация, на которую намекали ее растопыренные пальцы, обошлась бы недешево.

– Кто твой нынешний подрядчик?

– «Эварт-ОзВест Майнинг», подразделение, расположенное в южной части Тихого океана.

Тьма, глубина, давление.

– Вот ублюдки, – прошипела Нуит. – Ты же знаешь, что «Эварт-Западная Австралия» стояла у истоков нынешнего парада военщины и светового шоу в небесах. У них политика такая: выкупать контракт, пока мертвец еще плавает в резервуаре. Это называется «записать в ночные вахтовики»: горнодобывающие комплексы вместе с экипажем отправляют на астероиды в виде дешевых ракет с солнечным парусом, к которым прицеплены текторные пакеты. За две секунды до столкновения они взрываются и окутывают цель облаком текторов. Кораблихлопушки. Это не просто модный термин, придуманный каким-нибудь рекламщиком. Вот что я тебе скажу: лучше провести сто лет на улице и еще сто – на спине, чем умереть и проснуться в пятистах миллионах километрах от Земли, понятия не имея, как

ты туда попал. Эти вербовщики даже не дают королевский шиллинг в качестве компенсации. Прости. Ты, наверное, еще носил подгузники, когда случились бунты на Обратной стороне и началась Война Ночных вахтовиков, но, как говорится, мертвые долго живут и ничего не забывают. Продолжай.

Еще до того, как внеземное пространство было передано мятежникам с их кораблями-хлопушками и нанопроцессорами, «Эварт-ОзВест» переключилась на срединные океанские разломы, засеяв их машинами и мертвецами, переделанными для работы на глубине.

– «Эварт-ОзВест» распнут меня, если узнают, что ты подрабатываешь на стороне, – сказал Камагуэй.

– Значит, дешевле меня выкупить, – ответила женщина, ожидавшая у его ворот.

Небо за феской вожделенных вилл Палос-Вердес посветлело. Первое погружение планировалось через час.

– Если все еще будешь здесь, когда я вернусь, попробую тебя испытать, – сказал он, от прохлады преисполнившись смелостью.

Она была. Он попробовал. Плывя через риф в холодной и темной глубине, Элена выглядела словно малое морское божество из Древней Греции.

– На следующий день я доверил ей первую группу туристов. К концу недели поручил бухгалтерским и юридическим прогам выкупить ее контракт с «Эварт-ОзВест». Я даже в кошмарном сне не предполагал, что будет так дорого, но к тому времени уже был чуть-чуть, а то и сильнее, влюблен в нее.

Он никогда не задумывался о том, что в обществе существуют условности относительно отношений между живыми и мертвыми. Для Камагуэя слово «привязанность» означало зазубренные крючки, которым все равно, впиваться ли в мертвую плоть или живую. Слова «некрофилия» не было в его лексиконе. В отличие от слова «любовь».

Он мучился, когда комендантский час вынуждал ее уходить в обширные общины мертвецов в Лонг-Бич и Нормандии. Он просил ее остаться; она отказывалась: один раз ей удалось обдурить мехадоров с их оружием, грозящим *Настоящей смертью*; она не станет испытывать милость святых дважды. Дом у океана казался Камагуэю большим и пустым; слишком много места и воздуха. Сияние небесного знака проникало в каждый темный уголок. Однажды ранней осенью, когда город все еще казался свежим и чистым после августовских коротких дождей, он

последовал за Эленой на своей машине-трансформере. Она жила в переоборудованном трейлере, ютившемся вместе с пятьюдесятью другими под горбом заброшенной автострады Терминал-Айленд. Потерянные и одинокие гипертанкеры ржавели со сломанными спинами и разбитым сердцем в приливных лагунах; ударные ограждения из цепей и охранные дроны предупреждали о выведенных из эксплуатации, но ненадежных реакторах подлодок.

– На этот раз ты пойдешь со мной, – сказал он. – Я покупаю право на проживание. Ты вернешься и останешься у меня дома.

Она не сделала ничего из того, на что он надеялся: не обняла его, не поцеловала, не раздвинула перед ним бедра, но покорно прошла к машине, где он вызывал домашние проги и позволил ей посмотреть, как проходит процедура проверки.

В ту ночь Камагуэй проснулся от тревожной пляски лунных теней и обнаружил, что Элена крепко прижимается к его боку. Она зажала ему рот рукой. Он лизнул темный V-образный разрез знака смерти на ее правой ладони. Они занимались любовью. Каждую ночь после того, как они ложились вместе, Камагуэй чутко спал, а мертвячка лежала рядом с ним, широко раскрыв глаза, и в них мелькали, как у всех воскрешенных, сны наяву.

– Секс был единственной точкой соприкосновения между нашими разными представлениями о любви; секс был мостом, по которому мы могли перейти между жизнью и смертью.

Свернувшись калачиком рядом с Камагуэем, Нуит кивнула.

– Секс – это своего рода смерть. Смертность намотана на каждый изгиб нашей ДНК. Мы не умираем, нас убивает наш собственный генетический императив. Каждый сперматозоид – это пуля, каждая яйцеклетка – бомба замедленного действия. Бог не играет в кости, Бог продает подержанные автомобили.

Когда они лежали в послесвечении вечернего комендантского часа, Элена попыталась рассказать ему о характере своего опыта.

– Смерть – это ничто, даже не тьма, даже не безвременье, и все же ничто касается каждой твоей части, обволакивает каждую клетку твоего воскресшего тела: ты был мертв, ты был ничем, ты был полностью уничтожен, и теперь ты снова существуешь. Обойти это невозможно. Спасения нет. Никаких переговоров, никакого признания вины. Текторы разрушают все, к чему прикасаются. Бессмертия нет; есть смерть и воскрешение к вечной жизни. Вот почему Культ Зоопарка с его обещаниями жизни-без-смерти – такая опасная и блистательная ложь.

– Но откуда мне знать, что воскресший – это я, а не просто

ходячая, говорящая, ухмыляющаяся, писающая копия меня со всеми воспоминаниями, опытом и способностями; не «я», не самость, которая все это оживляет?

– Таков твой главный страх?

– Да.

Элена притянула его к себе, обхватив голодными ногами за талию.

– Разве похоже на ходячую, говорящую, ухмыляющуюся, писающую копию?

Той ночью ему приснилось, что они занимались любовью в коралловом городе на дне моря, пока над ними бушевал зимний муссон. Китовая песня и стук двигателей автоматизированных балкеров поддерживали ритм, когда они совокуплялись среди развевающихся вееров и волнистых шей псевдокораллов. В кульминационный момент Камагуэю приснилось, что плавающие шарики его семени слились с текторными полипами рифа и оплодотворили их, и, пока теплые влажные ветры с юго-запада сотрясали бумажные стены океанского дома, новое человечество вызревало в заполненных водой матках и стеклянных узлах глубоко внизу, среди якорей.

– Ты сказала, что Бог – продавец подержанных автомобилей, Нуит. Бог на целый порядок более жесток. Когда я учился в начальной школе, двух парней отстранили от занятий за то, что они отрезали коту хвост и задние лапы и бросили бедолагу в костер. Это и есть Божья жестокость, Нуит. Они орудовали ножом, Бог – родинкой. Проклятым пигментным пятном.

Камагуэй знал плоть Элены достаточно близко, чтобы быть уверенным, что раньше на ее левом плече не было родинки. Она была новая, и она росла. В течение всего марта и равноденственных штормов он наблюдал, как родинка расширяется и принимает определенную форму: овальный холмик с двумя похожими на губы складочками иссиня-черной кожи. Сначала Элена отказывалась беспокоиться об этом; позже – после того, как на «губах» появились волоски – стала увиливать от разговора. В середине апреля в центральном возвышении образовалась продольная трещина. В ночь на 5 мая плоть разошлась. По-детски голубой глаз уставился на Камагуэя из впадины на левом плече Элены.

– Господи, Камагуэй… Ты понял, что это было?

– Понял.

После приступа рвоты, дрожи и транквилизаторов он спросил:

– Это ошибка репликации?

Она не ответила. Он следовал за ней по дому на утесе, задавая один и тот же вопрос снова и снова, пока она не ответила: да, это ошибка репликации.

– Сколько времени прошло с момента ее последней деконфигурации?

– Восемь, девять месяцев. Как раз перед тем, как я купил ее у «Эварт-ОзВест». Она должна была пройти новую только через шесть месяцев. По крайней мере, она так сказала. Иногда случались спонтанные ошибки репликации; беспокоиться не о чем, обычно они устранялись сами по себе.

– И ты поверил, Камагуэй?..

В начале июня у нее под ногтями на руках и ногах появились скопления черных блестящих кристаллов, которые оставляли кровоточащие царапины на его животе и спине, когда она ласкала его. В июле на ее коже проступил узор из темно-синих пятен, как на шкуре жирафа, от которых исходил сильный притягательный аромат; в августе волосы начали утолщаться, становясь похожими на змей с головы Медузы. Для Камагуэя она делалась красивее и экзотичнее с каждым отклонением. За лето он узнал, что поцелуи в глаз на плече Элены провоцировали у нее мощный и неповторимый оргазм, и сам он находил странное возбуждение в кровавой ласке хрустальных игл.

– К сентябрю мы уже не могли продолжать лгать друг другу относительно того, что происходит и как надо поступить. Но мысль о том, что Элена надолго отправится в Дом смерти и мы расстанемся, была для меня невыносима. Она была первой, кого я полюбил, Нуит. Первой и единственной. Я хотел, чтобы она была рядом. Я… отказал ей.

– Ты… что?!

– Я не освободил ее от нашего контракта, чтобы она смогла пройти деконфигурацию.

К началу октября только Камагуэй смог бы узнать в Элене женщину. Деконфигурацию больше нельзя было откладывать. Он договорился с Домом смерти, и резервуар Иисуса установили на океанской террасе. Крышка опустилась, и Элена Эрес стала супом из деконфигурированных текторов. Каждый день Камагуэй приходил и часами смотрел на неподвижный, безликий, похожий

на незыблемый утес резервуар.

– Когда пошла третья неделя деконфигурации, мною овладела неведомая ранее летаргия, я потерял интерес ко всему окружающему миру. Мне даже риф наскучил. У меня пропал аппетит, появилась тошнота. Я думал, это депрессия – думал, что скучаю по Элене. Но этим дело не закончилось. Мой пульс то и дело ускорялся, мне не хватало воздуха. А по ночам мне снились сны – ох, Нуит, знала бы ты!

Медицинские проги в доме были передовые; они обдумали симптомы, проконсультировались с базами данных и экспертами от Рио-де-Жанейро до Сринагара и сообщили, что точный диагноз поставить не удалось, надо набраться терпения и ждать. Ждать!

Десять дней спустя, пытаясь помочиться, Камагуэй чуть не потерял сознание от жуткой боли, как будто в его пенис вставили стеклянный стержень и сломали. Когда его зрение прояснилось, он увидел желтую мочу, бурлящую от мелькающих микроскопических частиц.

Текторы.

Камагуэй очень, очень испугался.

Он скормил образец своей мочи компьютерным врачам. Они рассмотрели ее под микроскопом, разделили на фракции, сделали хроматографию и прочие исследования, а потом отправили результаты в систему моделирования медицинских данных в Свободном Квинсленде, которая, по их словам, была «лучшей в этой области», хотя они отказались сообщить ему, о какой области идет речь.

Стоило догадаться. Два дня спустя пришел вердикт.

– Сексуально обусловленный симбиотический человеческий инфекционный тектронный синдром – так мне сказали. Никто не стал лгать или смягчать правду. Редкий, но все более распространенный недуг, по словам специалистов. Пятьдесят случаев в прошлом году, все – живые люди, вступавшие в половую связь с воскрешенными мертвецами с просроченной деконфигурацией. Бац-бац-бац. Факт за фактом, снова и снова. Ошибки транскрипции приводят к неправильной репликации тектора – он принимает форму, допускающую симбиоз с живыми клетками. Скорость превращения биологической материи в тектронную экспоненциальная, все начинается медленно, по одной клетке за раз, ускоряясь до лавинообразной трансмутации, и в конце концов жертва превращается в массу тектоплазмы.

– Всегда?

– Всегда. Смертность сто процентов.

– Черт возьми, Камагуэй… Сколько осталось?

– На момент постановки диагноза – максимум пятьдесят шесть, минимум тридцать два часа, Нуит. В среднем сорок восемь.

И вышел Камагуэй на террасу, залитую солнцем и овеянную морским ветром, криками птиц и шумом океана, и нажал он на серебряный переключатель с надписью «Слив и промывка системы» на боковой стороне резервуара Иисуса.

– Я любил ее, Нуит, и я убил ее. Но не раньше, чем она убила меня.

Пришла полная тьма. Грозовой фронт представлял собой линзу из черных облаков, обращенную к сияющему городу. В синем свете уличного кинотеатра Камагуэй изучил левую ладонь. От кровавой раны остался всего лишь длинный сморщенный рубец.

– Восстанавливается. Дело зашло дальше, чем я думал.

– Ты в некровиле, chico; смерть – это жизнь, жизнь – это смерть, свет – это тьма, тьма – это свет. Здесь может случиться все, что угодно. – Нуит поманила его с кровати в темно-синюю ночь. – Давай, чувак. Неважно, что творится у тебя внутри в биологическом смысле, ты заплатил пять тысяч баксов за ночь моих услуг. Итак, я сыграю Вергилия, а ты будешь Данте, и, возможно, за одну ночь я смогу в достаточной степени показать тебе жизнь, чтобы ты подготовился к смерти. Я все еще твой галлоглас, я обязана тебе своим существованием. Иди сюда.

Он подчинился. Улицы тряслись от грома; небесные боги бормотали над горами Санта-Моника.

– Один анатозавр, два анатозавра, – считала Нуит, пока они спускались в лифте к распустившимся ночным цветам в саду на крыше. – Четыре анатозавра, пять анатозавров. Это еще не конец. У нас есть время.

Попугаи сорвались с насестов, хлопая крыльями и хрипло вопя. По небу ползли серебристо-голубые тучи.

– Один анатозавр, два анатозавра, – крикнула им Нуит. – Давай, засранец, считай! – Гром прогремел ближе, и воздух содрогнулся. – Вот! Нормально. – Она провела ногтем большого пальца по шву и ловко выскользнула из кружевного комбинезона. – Раздевайся, ничего не получится, пока ты не разденешься. Поторопись, у нас не так много времени.

– Нуит, мы же не собираемся; я не могу…

– Нет, ничего подобного. Давай, чувак.

Дьявольская раздвоенная молния ударила куда-то между ветряных турбин на вершине хребта, нарастающий раскат грома прозвучал всего через два анатозавра. Ослепленный, ошеломленный, не понимая, почему он должен делать то, что делает, Камагуэй снял сетчатую рубашку, выскользнул из смартштанов. Нуит потянула его вниз, чтобы он лег рядом с ней на раздавленные маковые стебли.

– Всю свою жизнь я боялась гроз – это странное предчувствие смерти, понимаешь? – пока Джон Ублюдок не поделился со мной секретом на пляже в Канаде. Если гроза кричит, ты кричи в ответ. Если она кричит о смерти, кричи о жизни. Если ты чего-то боишься, если гроза пробуждает что-то темное в скорченной, крысиной части твоего мозга – крикни ей об этом.

Молния, раскаленная и синяя, пронеслась между небом и землей; миг растянулся до вечности. Контуры тела Нуит, каждый лист, безвольно обмякший в густом воздухе, хаотичный пейзаж города ангелов – все было озарено ультрафиолетом.

– Кричи! – рявкнула Нуит. – Что чувствуешь, чего боишься, все твои надежды и страхи, желания и стремления – кричи о них, Камагуэй, кричи!

Апокалиптический гром вынудил ее умолкнуть, Нуит запрокинула голову и завыла: это было проявление дерзости, великое «Я Есмь» бытия. У Камагуэя в горле застрял комок эмоций, он хотел последовать примеру Нуит. Кто «он»? Семьдесят килограммов белка, нагой, хрупкий, всецело зависящий от милосердия Громовой Птицы, которая распростерла темные крылья над городом. Он не смог излить свое нутро. Эхо в каньонах стихло. Нуит склонилась над ним и взяла его лицо в ладони.

– Сколько тебе, двадцать шесть, двадцать семь? Ты молод, ты красив, ты умрешь. Сорок восемь часов. Ни апелляции, ни пересмотра дела. Тебя обманом вычеркнули из жизни еще до того, как у тебя появилась возможность должным образом ее оценить. Как это ощущается? Ну же, Камагуэй, ты не хочешь умирать, но ты должен. Что ты чувствуешь? Каким ты себя чувствуешь?

– Сердитым, – сказал он, – обиженным…

– Да ну на хрен, Камагуэй, не лги Нуит. Выкрикни свои мысли, парень, они там, я их слышу, я вижу, как птенца в яйце. Пусть он полетит, малыш, крикни об этом, освободи его. Как ты себя чувствуешь? Каким ты себя чувствуешь?

С его кожи струился пот, теплый насыщенный электромагнетизмом воздух как будто давил на него. Камагуэй не мог говорить. Не мог дышать. Небо осветилось, силуэт Нуит

склонился над ним на фоне космического серебристого экрана. Где-то совсем близко оглушительно загрохотало; гром стал его личным апокалипсисом. Гроза была прямо над ними. Первобытный ужас охватил Камагуэя; панцирь, сковывающий его душу, треснул и разлетелся на части.

– Нет! – взревел он в небо. – Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!

Слова превратились в бессмысленный рев, который смешался с более мощным ревом грозы; голос стал каналом, по которому вся боль, страх, ярость, замешательство, сомнения и ужас перетекли в стихию, чтобы раствориться и уйти в землю в спазмах электричества среди бульваров Мертвого города.

Камагуэй лежал, тяжело дыша, под быстрыми черными тучами. Гроза высилась над ним. Он чувствовал себя сияющим, наполненным светом. Мышцы туго сжались, затем расслабились. Он ощутил, как в вышине пролетели темные бьющиеся крылья.

Капля дождя упала ему на лицо. Еще одна на живот. Две. Двадцать. Летний дождь забарабанил по листьям сада на крыше.

– Что сказал гром, Камагуэй? – Капли дождя оседали, как роса, на коже Нуит, чувственно скользили по долинам ее тела. – Не бывает так, чтобы у тебя что-то забрали и ничего не дали взамен. Так сказал Джон Ублюдок. Единственный раз, когда он мне не солгал. Что дал тебе гром?

Камагуэй обратился внутрь себя и мгновенно нашел то, что искал.

– Скорбь, – сказал он и почувствовал, что слово течет откуда-то из глубин, словно вода из погребенного источника. – О моей жизни. Обо мне. О полной, абсолютной несправедливости случившегося.

Он едва сумел договорить. Нуит обняла его, и небо разверзлось. Ливень. Дождь хлестал прильнувшие друг к другу, обнаженные тела. Прижавшись в позе зародыша к груди мертвой женщины, Камагуэй плакал солеными слезами, которые сдерживал столько лет.

Первую жертву они догнали на заброшенной съемочной площадке в окрестностях Парамаунт-Сити. Это была девушка лет шестнадцати со столетними глазами, с хитроумной смарткожей, сливающейся с фоном – но кожа оказалась недостаточно хитрой, чтобы ее спасти.

Они выследили ее с помощью феромонов, следуя по тем же изысканным химическим следам в воздухе, которые вели бабочку сатурнию луну через десятки километров к сексу и смерти. Они отыскали ее в лабиринте подсобных дорог между съемочными павильонами, и она застыла в свете фар, ее кожа была в точности

того же цвета, что ночь и бетон, а глаза казались двумя блестящими озерами. Это были глаза загнанного в угол зверя. При свете тысячи пусковых лазеров они поймали ее в ловушку между высокими пожарными лестницами, приперли к десятиметровому сетчатому забору с верхом из колючей ленты. Припав к земле, как кошка, девушка издала бессловесный вопль преследуемой жертвы и попыталась вскарабкаться по металлической сетке.

Обнаженная голубоватая сталь блеснула в неоновом свете. Охотники были полны сил, жертва вымоталась после бега. Ананси и Дуарте в два прыжка ее догнали и аккуратно подрезали поджилки. Она закричала – вопль боли не похож ни на какой другой человеческий крик. Кровь заструилась по прекрасной коже с рисунком из шестиугольников, но она все равно продолжала цепляться за сетку и выть, обратив лицо к недостижимым звездам, обмотанным колючей лентой.

Чтобы заставить ее спуститься, они сломали ей пальцы. Стоять она не могла, поэтому мучители ее держали. Девушка замолкла и не сопротивлялась. Ее глаза потускнели, взгляд расфокусировался; это была предсмертная апатия животного, которое понимает, что ему остались считаные секунды. Игра света на лезвии клинка Миклантекутли ее заворожила.

Миклантекутли осторожно приподняла подбородок девушки, открыла ей рот. Поцеловала ее. Кончик языка охотницы прошелся по губам жертвы.

– Я люблю тебя, – прошептала Миклантекутли.

Острие ножа уперлось в угол челюстной кости. Коротким резким рывком Миклантекутли перерезала девушке горло.

Сантьяго вскрикнул; его эмоции состояли из тридцати частей страха, тридцати частей напряжения, тридцати частей ужаса, и остаток – чистое возбуждение. Внезапный приступ тошноты закончился рвотой.

Миклантекутли присела рядом с ним на корточки, обхватила его подбородок ладонью в перчатке. От нее воняло кровью.

– Скажи мне, – прошептала она ему на ухо, – скажи правду, Сантьяго, скажи, что ты чувствуешь?

Она потерлась щекой о его висок и продолжила шептать, интимно и непристойно.

– Я понимаю, Сантьяго. Так было и со мной в первый раз. Слишком много, слишком сложно, тысяча вещей происходит в голове одновременно; и все эти эмоции, которые я никогда раньше не испытывала. Эмоции, о существовании которых не догадывалась. Позволь помочь. Ты чувствуешь ужас, да, чувствуешь отвращение к тому, что стал участником

беспричинной бойни, чувствуешь страх, чувствуешь себя хрупким. Страх. Отвращение. Ужас. Тошнота. Угрызения совести. О да, Сантьяго, но больше всего ты чувствуешь себя живым. Живым, как никогда раньше. Каждая часть тебя, каждая клетка, каждый атом поет. Это самая сладкая песня, которую ты когда-либо слышал, Сантьяго, – великая песнь бытия. Первые языки человечества были песнями времен Сновидений, без слов, без смыслов – лишь «я существую, и аминь», брошенное в лицо тупому, бездушному мирозданию.

Труп остался в той позе, в какой его бросили охотники: на коленях, раскинув руки, упершись лбом в землю. Позиция мольбы, молитвы. Хитроумная кожа выцвела до матовой черноты; убитая тень. Вокруг растеклась лужа крови.

– Ты считаешь меня чудовищем, Сантьяго, но разве сам не живешь за счет смерти других? Хищник, всеядный, травоядный, неважно; твоя способность оставаться в живых зависит от чьей-то гибели. В одно отверстие входит жизнь, из другого выходит дерьмо, и все лишь ради того, чтобы содержащееся между этими отверстиями продолжало рутинное существование день за днем; эта девушка умерла, чтобы мы из обыденного вознеслись к экстраординарному. Радуйся, Сантьяго: она мертва, а ты жив. Я монстр, ты монстр, мы все монстры – так возрадуемся же в унисон.

– Ты сказала, что любишь ее, – пробормотал он.

– Миклан! – Охотники снова садились на свои мотоциклы. – Ты идешь? Анхель почуяла новый след.

– Если поторопимся, то можем еще кого-то догнать до полуночи, – крикнула бледная Анхель.

– В самом конце ты сказала, что любишь ее, – повторил Сантьяго.

Миклантекутли встала, вытирая воображаемую уличную пыль со своих штанов.

– Я действительно полюбила ее, Сантьяго. В самом конце. – Она завела мотор и крикнула ему: – Можешь идти или остаться, но часики тикают, Сантьяго, – поднят зверь.[128]

Через несколько секунд в тупике осталось лишь темное существо с перерезанным горлом, молящееся собственной крови.

Ловя след в воздухе, Анхель повела стаю на запад по бульварам, которые сотрясали карнавал и политические волнения.

– О вкусах не спорят, Сантьяго, – крикнула Миклан, обращаясь к своему пассажиру на заднем сиденье. – Для Анхель главное – азарт погони. Преследование – это все, а убийство – разочарование. Анхель способна обнаружить след в концентрации

одна молекула на миллион, она охотится ради той радости, которую испытывает, когда использует свои навыки, таланты, чувства. Анхель! – Она повернулась к бледной всаднице. Та ухмыльнулась в ответ. – А вот Ананси… – Лейтенант Миклан сверкнула на них глазами, обрамленными тьмой, – Ананси деятельно наслаждается болью. Для тебя боль – то, чего следует опасаться, поскольку она предупреждает о непоправимом – возможно, фатальном – повреждении организма. Но нас нельзя непоправимо повредить или уничтожить, поэтому боль преображается. Боль выходит за рамки простого физического страдания и открывает врата к измененному состоянию сознания. Боль – это откровение, вознесение, просветление. Та девушка в переулке умерла – уж поверь мне, Сантьяго, – в ужасных муках. Испытывая чудовищную боль. Но кто знает, каких высот достигло ее сознание, прежде чем раствориться в великом сиянии? Текторы не спят, Сантьяго, и прямо сейчас те же процессы, которые извлекли всех нас из смерти, залечивают ее раны, восстанавливают тело, пробуждают разум и воспоминания – она будет помнить. Помнить боль, медленное умирание, но вместе с тем то, что нашла за пределами боли, на границе смерти.

Крепко прижатый к спине Миклан, обтянутой искусственной кожей, Сантьяго вздрогнул; какое-то темное, нечистое, холодное течение в горячем штормовом ветре искало и нашло его.

– Ананси сделала из боли религию. Ты мог бы назвать ее трансцендентальной садомазохисткой. Она считает большим благословением получать, а не отдавать, такое вот извращенное Священное Писание. Она просто чокнутая гадина, лапушка моя, но я люблю ее. Ананси!

Та взмахнула рукой в перчатке и поцеловала ночной воздух.

– А ты, Миклан? – сказал Сантьяго ей на ухо. – Что ты получаешь от этого?

– Любовь, – ответила она. – Разве можно творить подобную мерзость ради чего-то еще?

Анхель покрутила кулаком в воздухе и остановилась. Отряд окружил ее.

– Потеряла след? – спросила Миклан. Через несколько сотен метров на улице пульсировал и колыхался край ночной вечеринки. Анхель раздраженно развела руками, глядя на ряженых гуляк. – Но жертва здесь была?

Анхель кивнула.

– Гребаная «Шанель»… – проворчала она, сморщив нос. – Ненавижу этим заниматься. Унизительно. Мясо, а ну возьми мой мотоцикл.

Сантьяго оседлал теплую кожаную обивку. В цилиндрах

машины что-то урчало.

Анхель опустилась на четвереньки и прильнула к земле. Закрыв глаза, провела лицом в нескольких миллиметрах над асфальтом. Рука взметнулась. Пальцы нетерпеливо щелкнули: «Ну же, ну же, я не могу так стоять всю ночь!» Байки выстроились за нею, два, два и один, а потом Анхель бросилась скачками по улице. Толпа расступилась – наполовину одурманенный эндорфиновым всплеском охоты Сантьяго решил, что мертвецы танцевали что-то вроде «жоле блон»[129]. Бледный призрак Анхель витал между парами, увлеченными подсчетом танцевальных па.

– Что происходит, черт возьми? – спросил пьяный голос, когда Сантьяго ехал мимо.

– Эй, cher ami, – прошептали в ответ, – если ты не дурачок, то знаешь, что надо закрыть свой bouche[130] на замок, повстречав Ночную охоту.

Анхель на мгновение замерла, потом выпрямилась и указала на крышу жилого дома, частично закрытую киноэкраном, на котором доисторические бипланы сражались над Монсом ради славного «Голубого Макса»[131]. Она взобралась по ржавой пожарной лестнице по две ступеньки за раз, на миг схватилась за парапет, втянула воздух носом, а затем заскользила по плоским крышам, по каменным перекрытиям, перепрыгивая через промежутки между зданиями с непринужденной легкостью призрачного гиббона, обитателя древесных крон. Охотники последовали за ней.

– Скажи мне, Сантьяго, – Миклантекутли позволила Дуарте занять лидирующую позицию, чтобы самой отступить и потратить немного времени на поддразнивание своего спутника, – разве она не красивейшая из всех? Знаешь, когда женщины больше всего любят мужчин? Когда те поглощены делом. Когда их внимание полностью сосредоточено на работе, и они настолько захвачены ею, что забывают об особом мужском самосознании, которое и является корнем мужского тщеславия. Вы забываете о чистоте бытия. Один старец, греческий православный богослов, как-то раз сказал мне – это было еще в моей христианской фазе, задолго до того, как мы познакомились, – что дерево, будучи деревом, существует и поэтому поклоняется Господу. Он называл это таинством истины. Святостью бескорыстного бытия. Такова природа красоты Анхель: там, наверху, она делает то, для чего была создана, пребывает в гармонии с тем, для чего ее придумали. Мысль и действие – единое целое. Вся охота – это акт любви. Отождествление с преследуемым, слияние менталитетов – преследователя с преследуемым и наоборот, – пока они не станут одним разумом; неизбежность капитуляции; изящество казни.

Любовь как таковая – это охота. Ты впервые чуешь запах, отделяешь жертву от стада, медленно ее преследуешь, все сильнее вкладываешься в погоню – жаждешь настичь, загнать в угол, – за которой следует неизбежная капитуляция, символический выпад и удар. Я действительно полюбила ее, эту девушку. Я познала ее дух, Сантьяго. Я преследовала ее, я охотилась за ней, я стала с ней единым целым. И я слилась с ней в любовном экстазе куда более интимном и глубоком, чем позволили бы наши биологические причиндалы. Она не сопротивлялась, не отбивалась, потому что любила меня. А я любила ее и не смогла сдержать удар.

– Миклан! – Остановившись на краю парапета, Анхель раскинула руки и покачала головой.

– В смысле? – крикнула Миклантекутли, задрав голову. Спорадические вспышки пламени, невидимые с уровня тротуара, озаряли Анхель адским сиянием. Она изобразила указательным пальцем аккуратное пикирование.

– Интересно, – задумчиво проговорила Миклантекутли. – Он не мог знать, как далеко погоня, так почему же позволил себе эти пять – десять? – минут, чтобы собраться по частям? – Ее взгляд заметался между зданиями. – Они пожертвовали пешкой. Бросили игрока волкам, рассчитывая собрать нас всех вместе и изменить ход игры.

– Изменить?.. – повторил Сантьяго, но Дуарте его перебил:

– Тогда мы что, бросим его?

– Если бы на нашем счету было три очка, я бы сказала «да». Но два…

– Но ты говорила, если они поймают нас вместе… – неловко вмешалась Ананси.

– Они могут быть Бледными всадниками, но мы – Ночные охотники. Дуарте!

Бритоголовый афрокитайский мертвец нацепил панорамные очки, оснащенные датчиками, и медленно просканировал окрестности, воспринимая более широкий спектр, чем обычный человек.

– Анхель!

Бледная девушка шутливо отсалютовала командирше и шагнула с высоты в двадцать метров.

Сантьяго закричал.

Сантьяго все еще кричал, когда через полторы секунды она упала на улицу с громким хлюпающим звуком.

Существо, похожее на падшего ангела, лежало распятое в луже собственных телесных жидкостей; разбитое, расквашенное. Сантьяго и не знал, что способен так долго кричать.

– Да! – воскликнул Дуарте. Белые зубы сверкнули под панорамными очками, похожими на бандитскую маску. – Система распознавания образов меня пугает, – продолжил мертвец, и в его глазах мелькали цифры. – Диапазон и пеленг верные – нам надо *туда*.

Ангелоподобное существо застонало и приподнялось на растопыренных пальцах, восставая из собственных руин.

– Ананси, Асунсьон, Дуарте, найдите обходной путь и перекройте конец улицы, – приказала Миклантекутли. – Он будет знать, что вы там, но, черт возьми, он ничего не сможет с этим поделать.

Ананси вытащила из набедренной кобуры пистолет с длинной рукояткой, действуя с вальяжным видом человека, который от возможности пустить в ход эту штуку получает кайф не хуже, чем от «синего бархата».

Морщась, кривясь и задыхаясь, Анхель приподнялась и встала на колени. Темная псевдокровь мертвых запятнала ее платье цвета слоновой кости; на глазах у Сантьяго бледные рубцы исчезли, как тени в тумане; что-то выпирало из-под лилейной кожи, двигалось – вероятно, кости вставали на положенное место. Она понюхала воздух.

– Он где-то за домами справа от тебя, Миклан.

Западный ветер взметнул обесцвеченные волосы. Сантьяго вернул ей байк.

Смерть и жизнь. На протяжении нескольких секунд до того, как текторы переключились в режим восстановления после травмы, она была мертва. Она добровольно шагнула с крыши навстречу смерти и возродилась. Холодный, порывистый ветер пронесся по улицам, гоня авангард из бумажек и прочего мусора. Провода под током пели, как эолова арфа. Господи, он живой. Спасибо тебе, Иисусе.

Миклантекутли взглянула на свой антикварный «Ролекс», когда Сантьяго забрался на мотоцикл позади нее.

– Черт. Давайте быстрее, нам пора, ребята.

Дождевая капля ужалила Сантьяго в лицо, как ледяная игла. Еще одна. Очередь. Он стряхнул поразительно холодную жидкость.

Снова выстрел. Еще один. Очередь. Мимо. Слабенько. Дождь не лупил по ним, демонстрируя мужскую удаль, а шлепал с деликатностью леди.

– Приготовились! – крикнула Миклантекутли, но двигатель Анхель уже завелся. За окнами по всему бульвару вспыхнул свет, задергались жалюзи. Кто-то выскочил из темной пасти переулка, ведущего по ту сторону правого ряда высоких, опутанных

кабелями многоквартирных домов. Мужчина. Молодой. Волосы до пояса взметнулись на ветру, пока он дико озирался, ища спасения или укрытия. Хитроумная камуфляжная кожа попыталась замаскироваться под свет от уличного фонаря и забрызганный дождем асфальт, но задача оказалась со звездочкой.

– О, мое прекрасное дитя… – прошептала Миклантекутли себе под нос.

Тучи разверзлись.

В то же мгновение юноша увидел два байка.

Хлынул ливень.

Он попытался убежать. Поскользнулся на мокром тротуаре, за что-то схватился и не упал – рванул прочь, вскинув руки, работая ногами, не смея оглянуться.

– Мой! – завопила Миклан, и ее мотоцикл рванулся следом за желанной целью в облаке брызг.

Протянув руку назад, она вытащила длинный изогнутый клинок из ножен, закрепленных под правым бедром Сантьяго, и задела его ухо, когда развернула клинок острием к слившемуся в размытую полосу асфальту. Посыпались раскаленные голубые искры, раздался визг.

Парнишка услышал. Остановился. Обернулся. Раскинул руки. Мотоцикл несся прямо на него. Миклантекутли плавным движением подняла клинок. Удар «мен» по правилам кендо, один из самых виртуозных приемов. Лезвие держат строго горизонтально. Цель удара – обезглавить.

Парнишка закрыл глаза, на его залитом дождем лице проступил блаженный экстаз.

И тут «Ролекс» на запястье Миклантекутли звякнул – один раз, потом два.

Дзинь-дон.

Она сдвинула руку с оружием. На долю сантиметра. Лезвие скользнуло в нескольких миллиметрах от левой стороны головы жертвы. Миклантекутли бросила мотоцикл в занос. Ослепленный брызгами и дождем, Сантьяго вцепился в лица резиновых демонов на спине бывшей любовницы и ценой немалых усилий не свалился с сиденья.

Парнишка стоял, улыбаясь. Его волосы прилипли к телу, кожа была в разводах, как поверхность грозовой тучи. Он очень медленно поклонился, продолжая улыбаться, и захлопал в ладоши – тоже медленно. Миклантекутли спешилась. Дождь струился по ее одежде из кожи и латекса, когда она тоже поклонилась обнаженному парню.

– Спасен в последний миг, – улыбнулась она. – Пусть и мне

так повезет в следующий раз.

Она отдала все свое оружие: заточенный о мостовую жуткий клинок, нож, которым перерезала горло девушке, пять сюрикенов из разномастных нагрудных карманов с застежками-молниями, болас из моноволокна с грузилами в виде хромированных черепов, прикрученный к правой лодыжке поверх ботинка. Все это ложилось на мокрую и пестреющую отражениями мостовую с такой неторопливостью, словно Миклан священнодействовала во время мессы или играла роль на сцене театра Но.

Остальные тоже сдавали оружие, которым пользовались во время Охоты.

Вдалеке что-то взревело; крик проклятого в Ночь мертвых.

– Что вы делаете? – спросил Сантьяго. – Я не понимаю.

– Поймешь, – рявкнула Ананси.

Миклантекутли взмахнула кулаком в воздухе и крикнула своим братьям и сестрам, Ночным охотникам:

– Лады, ребята! По коням! Поднят зверь!

Снаружи кафе «Посада» на Уиллоуби-авеню представляло собой типичный для некровиля плод союза новогодней елки и испанской католической миссии. Внутри неф, алтарь, хоры и клуатры, а над ними – куполообразная крыша из прозрачного тектопластика. Большую часть пространства занимали огромные растения в горшках, между которыми втиснулись элегантные чугунные столики, выкрашенные в белый цвет. Тропические птицы попискивали и издавали длинные трели, макаки спускались по стволам или хорошо скрытым колоннам, чтобы порыться под столами и набить защечные мешки. Голубой ара поднял хвост, хихикнул и нагадил в двадцати сантиметрах от носка поврежденной туфли Тринидад. Стены были украшены любопытными фресками со скелетами в сюртуках и свадебных платьях; пеоны, бегущие с zócalos в невнятном ужасе от странных огней в небе.

Каждый квадратный сантиметр свободной площади был занят теми, кто скрылся от ночи веселья и грандиозного разврата, которая с катастрофической внезапностью сделалась опасной. Кто-то прикрепил рулонный экран к поперечине между двумя опорами крыши; встревоженные симулякры-ведущие новостного канала пытались не утонуть в потоке событий.

Молодая женщина – почти подросток, как предположила Тринидад, – подбежала к Саламанке, сияя от возбуждения. Копна вьющихся черных волос, симпатичное лицо (первый номер в любом каталоге теломодов), но кое-где проглядывал подкожный жир, с которым ей предстоит бороться до конца своей мясной

жизни.

– Саламанка! Саламанка! – взвизгнула она. – У них корабли! Я слышала по новостному каналу, разве это не фантастика?

Саламанка, так она его называла. Кем она была – другом, возлюбленной или потерянной и одинокой? Или просто еще одной бедняжкой-беспризорницей, нуждающейся в спасении?

Ведущий на экране растворился в сияющем синевой изображении фрагмента земной поверхности. Океаническая часть: под спиралями облаков виднелась расплывчатая эмблема «Кока-колы», образованная морскими текторами, выделяющими краситель.

Внезапная вспышка сверхновой озарила экран в правом верхнем углу. Послышались вздохи и разрозненные одобрительные возгласы. Что-то состоящее то ли из тени, то ли из драгоценных камней, но в основном из изящных солнечных парусов кувырком пролетело через кадр. За первым объектом последовали другие.

– Истребители, – сказал Саламанка. – Разгоняются при трех g до сверхскоростей и пытаются внедрить дефрагментаторы в системы самовосстановления хлопушек. Двадцать миллисекунд боевого времени, три месяца сенсорной депривации в ожидании, пока орбитальная механика доставит их домой кружным путем. – Казалось, его заворожила павана огней на экране. – В основном это дети лет двенадцати. Подключенные к виртуализаторам в режиме реального времени. Они могут выдержать ускорение и развить нужную скорость. Их хватает на восемь, максимум десять месяцев. Им устанавливают помпы с усилителями миелина, из-за скорости. Я помогал разрабатывать боевые проги… было дело.

«Когда?» – подумала Тринидад.

Фотохимическое мерцание быстро перешло в инфракрасный диапазон.

– Однако одним ублюдком меньше, – сказала высокая женщина средних лет с безжалостно зачесанными назад волосами.

– Сомневаюсь, – сказал Саламанка. – Эти корабли – немногим больше, чем электромагнитные катапульты, встроенные в сердечники изо льда и железоникелевого сплава; они должны были переработать сырье в ореол приманок и отклоняющих устройств задолго до того, как достигли дальней околоземной орбиты. Я бы не ставил деньги на «Диких ласок»[132].

Вторая короткая вспышка сверхновой осветила небо. Третья, четвертая, пятая – они распределились пологой дугой, пересекающей светящийся терминатор Земли.

– Господи, – выдохнул Саламанка. – Истребители. Их сбили.

Им крышка. – Он стоял, уставившись на экран, где картинку поспешно сменили на свежие кадры из Парижа: снятые с воздуха беспорядки в некровиле Ла-Дефанс. Оставалось лишь воображать крики детей, сгорающих на границе с космосом. В небесах нельзя воскреснуть. Даже Адам Теслер не в силах зачерпнуть пригоршню плазмы и вылепить из нее человека. – Самоубийство. Гребаное самоубийство…

– Эй, Саламанка. – Малышка с вьющимися волосами осторожно потянула его за руку. – Не ляпни что-нибудь, из-за чего у нас у всех будут проблемы.

Девушка – Саламанка представил ее как Розальбу – подвела их к столику под высоким рожковым деревом, увитым фикусом-душителем. Розальба встала позади престарелой женщины с такими голубыми глазами, каких Тринидад еще ни разу в жизни не видела. Рука девушки покоилась на спинке кованого стула, на котором сидела женщина, в собственнической манере, говорившей о защите, признательности, уважении. Мать, бабушка, возлюбленная? В обществе серристос столько же гендеров, сколько холмов в округе.

– Монсеррат, позвольте представить вам Тринидад, мою подругу. Тринидад, я хотела бы представить Монсеррат Мастриани.

Малькопуэло считали себя достойными La Crescentistas[133], но отец Тринидад признался, что верхом его мечтаний было приглашение на коктейль на террасе с кем-то из Мастриани. Они были первыми латиноамериканцами с итальянскими корнями в Старом Лос-Анджелесе, по-настоящему разбогатевшими до Рывка, и поэтому их положение считалось завидным. Почувствовав, что климат становится более теплым и влажным, они вложили средства в генетическое улучшение тропических фруктов, которые теперь росли на крупных агропромышленных фермах в восточных долинах. Естественная склонность биотехнологов к работе с чем-то малым и структурно безупречным привела их к инвестированию в развивающиеся нанотехнологические корпорады. Они наняли Адама Теслера в свой научно-исследовательский центр в Калвер-Сити. Пожизненный президент Марчелло Мастриани осудил исследования Адама Теслера на тему Постулата Уотсона как не имеющие коммерческого применения и отменил финансирование. Адам Теслер расторг свой контракт с «Мастриани СимуЛайф» с огромным скандалом, занял шесть миллионов долларов у консорциума Тихоокеанских банков и венчурных капиталистов и открыл собственное дело. Через три года Марчелло Мастриани умер от рака гортани. Еще через два года Адам Теслер воскресил пятидневный труп

шимпанзе Роналду и открыл вечную жизнь.

Таким образом, Мастриани вошли в ту же категорию, что и голливудский агент, сказавший про Фреда Астера, что он «не умеет играть, не умеет петь, немножко умеет танцевать», и конструктор «Титаника», который думал, что спасательных шлюпок хватит, а потом угодил в Вальхаллу Раскаявшихся-в-последний-момент[134]. Тем не менее, в Ла Крессенте они были ближе всех к понятию «королевская знать».

Что-то подняло сеньору со стула. Что-то протянуло руку сеньоры.

Экзоскелет представлял собой прозрачную оболочку, охватывающую все части тела Монсеррат Мастриани, кроме головы и ладоней. Он блестел от нейросхем и выглядел как виртуальный комбинезон на максималках, как спасатель из Силикон-бич, напичканный полупрозрачными тектопластическими мышечными усилителями и пестрящий прожилками, по которым толчками передвигалась прозрачная жидкость с чем-то вроде песка. Конечно, Тринидад слышала о таких вещах. Она никогда раньше не встречала людей настолько больных, чтобы в них нуждаться. Сами Мастриани были среди тех, кто вострубил о чудесах, которые нанотехнологии могли предложить медицинской науке. Реальность заключалась в том, что лечение текторами оказалось чудовищно дорогим, а продление жизни, которое они предлагали, – настолько мимолетным по сравнению с фактической вечностью воскрешенных, что в случаях неизлечимой болезни общепринятой медицинской практикой стала молчаливая эвтаназия. Для Монсеррат Мастриани отказаться от порции «Успокой-чая» и смириться с унижениями экзоскелета было либо проявлением невыразимой смелости, либо неподражаемой трусостью из-за процесса воскрешения – так, по крайней мере, казалось Тринидад.

Она взяла протянутую руку, обменялась любезностями и постаралась не думать о гниющем гамбо[135]. У основания шеи старухи виднелась сетка воспаленных разъемов, где копошились цепкие интерфейсные щупальца костюма.

– Да, я абсолютный ужас, – доверительно прошептала Монсеррат. – Тем не менее, я чувствую непреодолимое желание нассать в глаза любому, кто использует слова «физически неполноценна» в пределах моей слышимости. Саламанка! – Это прозвучало с манерной властностью, сообразной для увядающей дворянки. – Принеси сеньоре Малькопуэло чего-нибудь выпить.

– Спасибо, у меня есть своя выпивка. – Она вытащила серебряную фляжку.

– Можно? – Монсеррат протянула жуткие руки. Понюхала

содержимое, глотнула, вытерла губы и вернула фляжку Тринидад. – Катаешься на ягуаре, значит?

– Бабушка, – запротестовала Розальба.

– Мне восемьдесят три года, я умираю от третичного метастазирующего рака позвоночника – думаю, это дает мне право делать то, что вздумается, Розальба.

– Итак, Йенс уже здесь? – спросил Саламанка.

– Ищет своего связного, – ответила Розальба. – Не знает, когда вернется.

– А пока, – сказала ее бабушка, – поведай нам свою историю, Тринидад. Никто не приезжает в некровиль без истории. Будет приятно услышать что-нибудь новенькое, мы-то свои друг другу рассказали много раз. Йенс – игрок, и это его главная ставка; Саламанка устал жить, но боится умереть, как поется в одной старой песне; я, да ты просто взгляни на меня, моя история написана повсюду на этом отвратительном экзоскелете; Розальба – послушная внучка, которая так сильно любит свою абуэлу, что готова принять ради нее то, против чего восстает разум. Старые кости, обглоданные. Расскажи нам свою историю. Расскажи, что и почему, девочка. Исповедь – это таинство. Почему бы и нет?

Почему нет? Почему? Переверни этот воображаемый сентаво и посмотри, какая сторона засияет от синеватых вспышек молний. По изогнутой стеклянной крыше пробежала тень. Тучи. Крылья Громовой Птицы. Пламя свечей замерцало. Тринидад облизнула губы.

– Меня зовут Тринидад Малькопуэло, я родом из Ла-Крессенты, и я здесь сегодня вечером, потому что совершила ошибку, влюбившись в Переса Эскобара.

Я познакомилась с Пересом зимой, когда мы поехали в «Оверлук».

Мы отправились в горы, потому что захотели снега. Семья Марилены владела зимним домиком. Сколько угодно зимних развлечений, если мертвые не мешают. Мы зафрахтовали конвертоплан, наполнили его всяким и всякими – поесть, поболтать, потрахаться, – а также лыжным снаряжением и подарками к Рождеству, и велели лететь, пока не увидим снег. Перес оказался среди «багажа». Его нельзя было носить, есть или обнимать, его можно было либо уложить в постель, либо завернуть в подарочную упаковку и повесить в чулке над камином из настоящих дров. Скорее всего, и то, и другое: Арена, с которой я делила квартиру ради уменьшения налогов, стащила его с орбиты Сантьяго Колумбара и приготовилась к очень

долгой, уютной зиме.

Мы выяснили, что имела в виду Марилена, говоря о мертвых. Первые несколько дней мы сталкивались с ними повсюду, все были в одинаковой позе: сидели в креслах, руки на бедрах, головы слегка наклонены, совершенно неподвижные, холодные и твердые, как стекло. В отключке, как сам «Оверлук». Мертвее мертвого. Кто-то предложил перенести их всех в гараж, но мы так и не решились взяться за дело. Кто-то еще предложил разморозить одного у камина, а не то мы траванемся трупным ядом, если продолжим «готовить» сами. До этого тоже не дошло.

Перес не разделял идею Арены о зимних видах спорта. Он отклонил ее приглашения на «гигантский горизонтальный слалом» и «женский спуск перед камином» и с первыми лучами солнца отправился в одиночестве бороздить замерзший океан. Оставшись в одиночестве – партнер, с которым я приехала, оказался истеричным занудой, – я наблюдала, как он вырезал кривые на снегу при боковом ветре, ведя свою доску по склону Плакальщицы. Когда он возвращался, в нем всегда было что-то светлое. Перес сиял. Доска, снег, небо, дух: элементарная сущность его самости.

– Искусство дзен-серфинга, – попытался объяснить мне Перес. – Теория всего учит нас, что у каждой вещи есть волновая ипостась. Мироздание базируется на волнах, десятимерная природа суперструн пересекается с четырьмя измерениями нашей вселенной. Реальность – это серфинг. Снег – это всего лишь одно из конечных состояний воды, на другом конце – облака. В середине – изгиб обратного течения. Когда ты избороздил воду во всех ее формах, ты понял воду, стал единым целым с водой, настроился на природу волны.

– В буддизме Нового Откровения смысла и то больше, – сказал я.

Он рассмеялся.

– Знаю. Я говорю это только для того, чтобы залезть девочкам в трусы.

– Но зачем ты это делаешь?

– Лезу в трусы?

– Занимаешься сноубордингом. Пытаешься оседлать великую волну.

– По той же причине. Я убеждаюсь, что жив, hermana.

«Оверлук» был началом конца для прежних отношений и концом начала для новых. Я отправилась на запад с Пересом, чтобы научиться искусству дзен-серфинга.

В первый раз, когда я увидела, как он исчез под грохотом рушащейся десятиметровой волны, я поняла: предел моих

надежд – остаться неофитом на мелководье.

– Господи, Перес, я думала, ты утонул… – сказала я, обнимая его, холодного, мокрого, дрожащего и реального для меня. Он отлично выглядел в мокром неопрене.

– И что? Меня бы просто засунули в резервуар Иисуса, и, вынырнув, я бы попробовал опять, только на этот раз не смог бы утонуть.

Я думала, что он съязвил из-за своего мужского эго, потому что был зол и обижен. Я ошиблась. Он был безнадежным адреналиновым наркоманом. Для него реальность существовала лишь в ощущениях; нейрохимические всплески помогали ему понять, что он живой. Когда на несколько дней кряду опускались холодные туманы, океан делался плоским, словно лист полированной стали, и медно-янтарный свет заливал деревянный пляжный домик, где мы жили по выходным, он врубал Брукнера на оглушительной громкости и слушал так сосредоточенно, что процесс казался почти динамичным.

– Это жизнь! – надрывался он, перекрикивая струнную музыку. – Разве ты не слышишь ее в каждой! Отдельной! Ноте? Брукнер посвятил свои симфонии Богу. Я это чувствую – я с ним на одной волне.

Даже в те первые дни я понимала, что он несчастен. Я, прибой, музыка – нас было мало. Он хотел большего. Он ворчал, рычал, выл. Его способность быть несчастным оказалась воистину байронической. Такое можно назвать жутким, но в конечном счете оно было достойно сожаления.

Затем Перес исчез. Никто из corillo не знал, куда он подевался. Он уклонился от юридических прог Йау-Йау; даже Сантьяго не смог отыскать его в призрачных землях виртуальности. Через неделю ублюдок появился, расплываясь в улыбке, полный любви и такой счастливый, что мне не хватило жестокости всадить в него торпеду своего гнева. Он нашел что-то покруче океанской волны.

На непосвященный взгляд она выглядела как обыкновенная доска для серфинга, возможно, чуть более плоская, чуть более узкая. Только при ближайшем рассмотрении можно было заметить расширения, изгибы, обводы, намекающие на то, что она двигалась в совершенно другой среде.

– Это больше, чем свободное падение, больше, чем полет, – рассказывал он. – Это серфинг в небе. В воздухе так же много течений и волн, как и в море, и на них можно кататься. Чувствовать, ощущать, следовать им – и они понесут тебя за собой. Если оседлать волну на этой штуке, можно превзойти ускорение свободного падения. Вырваться из плена гравитации.

Стать единым целым с небом. Господи, самое сложное – дернуть за шнур, расстегнуть ремни, отпустить доску и отдаться притяжению земли.

– И ты этого искал, Перес?

– Этого, Трини.

Он избавился от пляжного домика и переехал на восток, в пустыню, где земля была такой же чистой, абсолютной и пустой, как большое небо. Я отправилась с ним. Каждый день небесные серферы застегивали свои облегающие летные костюмы, затаскивали доски в грузовой конвертоплан, поднимались на пять тысяч метров, а когда летательный аппарат переходил в режим горизонтального полета, цеплялись ногами за ремни на досках и вываливались наружу.

Я знаю, потому что в первый раз тоже пошла. И это был единственный раз.

Они так быстро падали, как будто исчезли. Вот я вижу ухмыляющееся лицо Переса за пределами люка, его поднятые большие пальцы, «Окей!», волосы развеваются над лицом; одно мгновение – и он уже сверкающее пятнышко света на фоне огромной коричневой геометрии пустыни.

– Это безумие! – крикнула я мертвой женщине-пилоту.

Та согласилась.

Сокрушительное беспокойство тех дней в пляжном домике, когда не было волн, исчезло. Осталась одна истинная вера – ускорение свободного падения. Перес казался довольным, вдумчивым, осознанным. Казалось, он понял: то, что он искал в грандиозных волнах, всегда было внутри него. Я никогда не любила Переса так сильно, как той весной в пустыне.

Весна в пустыне; лето в пустыне: когда иссякает жара, свет ослепляет, взрывается, убивает. Я рылась в ящиках Переса в поисках футболки, которую можно было бы одолжить, как вдруг мои пальцы нащупали пластиковую пробирку с крышечкой. Внутри что-то задребезжало, когда я ее встряхнула. Нежно, аккуратно. Не хотела будить альфа-самца, ворочающегося под пропитанной потом простыней. Перес продолжал храпеть. Я положила пробирку в карман и преподнесла ее ему поверх дыни за завтраком.

– Что это такое? – спросила я, высыпая на стол кучку копошащихся синих пауков. Их тектопластические ножки щелкали и клацали.

– А, эти. Нейронные ускорители. – Это было сказано таким беззаботным тоном, словно я спросила его, что за синие птички свили гнездо на карнизе.

– Для чего они?

– Не догадываешься?

– Значит, тебе снова мало.

– С ними – в самый раз.

– Что они делают?

– Замедляют время. Нельзя постоянно наращивать возбуждение. Даже с усилителями адреналина, которые можно купить в любой официальной аптеке, наступает момент, когда мозг вбрасывает повышенную дозу серотонина и нейтрализует дофамин. Или наступает шок. А эти штуки не усиливают кайф, они его продлевают. Подливают горючего. Скорость передачи по миелиновым оболочкам аксонов увеличивается в десять раз. Понимаешь, что это значит? Если внутреннее время ускоряется, мировое замедляется. Десятиминутный серфинг как будто длится… час, два часа. Трини, ты не поверишь; это падение, но, как во сне, ничто над тобой не властно, ничто не может причинить тебе боль, все просто… парит в пустоте. Однако твой разум работает с нормальной скоростью – такова невероятная особенность этого вещества, – и ты как будто становишься сверхчувствительным к термальным потокам и воздушным течениям, перепадам температур и ветрам; ты можешь делать с доской то, о чем раньше и не мечтал. Поскольку твой разум опережает мир, ты как будто управляешь миром; ты думаешь, и небо реагирует. Ты чувствуешь себя Богом; щелчком пальцев мог бы послать торнадо на край земли, мог бы создавать грозы одним взмахом руки. Невероятно. И адреналиновое пламя становится таким, словно… Это невозможно объяснить, Трини. Только испытать. Как будто занимаешься серфингом на волнах собственной мозговой химии. Единое целое с квантовой Вселенной.

– Ты уже пользовался этим?

– Мы все пользуемся им уже больше месяца, Трини.

– И к чему ты обратишься, когда даже этого станет недостаточно?

Потребовалось меньше месяца, чтобы самого сложного нейронного ускорителя стало недостаточно.

Я поехала в город, чтобы кое-кому позвонить. Перес несколько дней рыскал по дому, смотрел в окна, доставал из ящика свои шелковистые, чувственные костюмы для серфинга, чтобы пощупать и понюхать их, прочитывал в журнале несколько строк, прежде чем выбросить его, переключался с канала на канал ТВ; звуковые панели извергали его любимого Брукнера, пока он жадно ел, двумя руками, прямо из холодильника. Мой звонок требовал гарантий, что никто не подкрадется и не заглянет через плечо.

Когда я увидела, как на экране вспыхнул океан, и появился

тропический остров – низкое зеленое пятно на горизонте, – я подумала, что неправильно набрала номер, даром что знала код Сантьяго, как свой собственный день рождения. Вязкая медлительность волн давала ключ к разгадке; а еще тот факт, что реальное небо не бывает таким ярко-синим.

– Не морочь мне голову, Сантьяго.

Остров ухмыльнулся. Остров превратился в голову Сантьяго «Арчимбольдо» Колумбара и поднялся из океана. Затем последовали плечи, туловище, ноги; появился зеленый колосс, волны разбивались о его лодыжки. Он был увешан тем, что выглядело как большая часть Малайского полуострова. Грандиозный венок из перистых облаков украшал его лоб.

– Эй, Тринидад. Как видишь, ты отвлекла меня от работы, но я всегда готов уделить время моему любимому этническому меньшинству.

Его юмор вызвал у меня еще меньше отклика, чем обычно.

– Оставь Переса в покое, Сантьяго.

– С его-то телом? И моим? У нас бы получилась отличная тектоника плит. А ты продолжай дуться, малыш.

– Да оставь ты его в покое, твою мать!

Посетители «Пустынной заправки» («Последний газохол за пятьдесят!») отвлеклись от стеллажей с журналами и витрины со всякой ерундой для перекуса.

– Я знаю об ускорителях, я знаю, как они работают, что они делают, я знаю о них все, и это правильно, я ничего не могу с этим поделать, ты же сам понимал, что они не смогут навсегда удержать Переса в небесах с ангелами. Сейчас он подавлен, а когда он подавлен, он унылейший говнюк, и я знаю, это лишь вопрос времени, пока он свяжется с тобой и скажет: «Сантьяго, сделай мне что-нибудь новенькое, что-нибудь крутое, чтобы вштырило, как адреналиновый усилитель или ускоритель, только мощнее и лучше», и поскольку ты не в силах устоять перед вызовом и просто обязан доказать, какой ты гений, ты это сделаешь. Точнее, не сделаешь, потому что все должно прекратиться. Сантьяго, должен существовать какой-то предел, иначе в поисках чего-то большего он убьет себя!

– Может, самоубийство и есть «что-то большее», – сказал виртуальный Сантьяго.

– Просто оставь его в покое, пожалуйста! Скажи «нет», хоть раз. Ради меня. Ради него. Я прошу тебя.

Галлюцинаторный океан плескался у его ног, идеально воспроизводя реальные звуки.

– Хорошо, – сказал мокрый зеленый гигант. – Раз ты так вежливо просишь.

– Я серьезно, Сантьяго.

– Я тоже. Загляни ко мне в следующий раз, когда будешь в Трес-Вальес, Тринидад.

Мы с Пересом постоянно огрызались и препирались; небеса сотрясались от наших споров. Энергия разочарования скапливалась внутри него; я знала, что скоро она подтолкнет его вперед, вверх, к новому уровню ощущений. Это был классический сценарий «не могу жить ни с тобой, ни без тебя», и в конце концов я прибегла к классическому финалу. Я переехала из прекрасного дома в пустыне и поселилась вместе с Йау-Йау в ее жизнерадостно убогом приюте для подмастерьев в Лос-Эстудиос. Ангелы и угрызения совести подсказывали, что это было худшее из решений, но я достигла той точки, когда лишь одно имело значение: спасательный плот должен достаться мне, а остальных пловцов пусть жрут акулы.

Все мы любим задним числом выискивать знаки и предзнаменования, совпадения, синхронности, погодные предвестники, странных животных и всяких чудаков на пути. Тем утром ничего такого не было. Молния не ударила с неба, не нагрянула орда тектозавров, и три последние буквы на номерном знаке машины, едущей впереди на шоссе, не сложились в мои инициалы. Вообще ничто не предвещало сообщения от teniente Росы Монтальбан из полиции Сан-Бернардино, которое осталось на автоответчике Йау-Йау: живет ли по этому адресу Тринидад Малькопуэло, и если да, не могла бы она позвонить в участок по следующему номеру?

Я поняла, что он мертв, в тот самый момент, когда на экране проступило лицо teniente Розы Монтальбан.

Она опасливо изложила плохие новости. Произошел несчастный случай. Перес Эскобар и вся его команда мертвы.

«Что-то с конвертопланом?» – тихо спросила я. Шок, горе, распад, депрессия: таковы реакции на смерть возлюбленных. Но я ощущала лишь отстраненность, как будто слушала репортаж о войне в другом государстве. Поскольку меня там не было, этого не произошло. Я не могла поверить.

Нет, конвертоплан ни при чем. Дело в самой команде небесных серферов. Конечно, еще надо провести вскрытие, чтобы определить, были ли какие-либо сопутствующие факторы, но они как будто (я почувствовала, как мир замедлился, словно я приняла один из нейронных ускорителей Переса)…

Просто. Забыли. Открыть. Свои. Парашюты.

Я видела, как они падали с неба, балансируя на неустойчивой воздушной волне, воображая, что сила их умноженной воли может каким-то образом повернуть гравитацию на девяносто

градусов так, чтобы она вечно тянула их вдоль изгиба мира. И одновременно с этим они падали все быстрее, приближаясь к земле. Испытали ли они откровение в последний миг, отчаянно развертывая парапланы и в ужасе понимая, что уже слишком низко и слишком поздно? Или реальный мир просто поднял руку, проник в их грезы и отправил всех в небытие?

– Сеньора Малькопуэло? Сеньора?

Я пыталась рассчитать конечную скорость человеческого тела массой шестьдесят килограммов, падающего с трех километров.

Вероятно, я пробормотала что-то о том, когда мне прийти опознать Переса и уладить формальности – помню только слова «спокойствие и ясность», которые мой внутренний голос вопил без остановки, – потому что на следующий день внезапно обнаружила, что направляюсь на восток по Десятой, в трех километрах он Бэннинга, с бледный, заплаканный Йау-Йау на пассажирском сиденье и без четких воспоминаний о том, как я туда попала.

Горе должно было уничтожить меня. Что я чувствовала, так это угрызения совести за то, что этого не произошло. Фраза из старого монохромного фильма Хичкока все время крутилась у меня в голове, пока я вела машину: «Через несколько дней у тебя будет прекраснейший нервный срыв, дорогая»[136].

Teniente Роза была милой и доброй, она приготовила нам пустынный чай и небольшую проповедь. Посмертное сканирование обнаружило следы того, что, по-видимому, было изготовленным на заказ кортикальным амортизатором, который проник в ствол мозга с помощью ацетилхолинового ускорителя. Моделирование показало, что это привело к замедлению хроноперцепции настолько, что время фактически остановилось, отключив когнитивные фильтры, которые предварительно обрабатывают сенсорные данные и переводят их в понятные формы в соответствии с запрограммированными априорными когнотипами. У них случилась передозировка реальностью, недифференцированные данные хлынули через уши, глаза, нос, язык, кожу неудержимым потоком чувственных впечатлений, которые длились одновременно недолго и целую вечность.

Небесное сатори.

В тот момент мне захотелось увидеть, как Сантьяго Колумбар висит на своих кишках.

– Особенность дизайнерских наркотиков в том, что вы всегда можете отследить их до производителя. Эти маленькие шедевры пришли из задрипанной лавчонки в Сан-Фернандо, где конструируют смартгены для некоего сеньора Майкла Роча из Шерман-Оукс. Наши городские сестры ведут с ним продуманную

беседу прямо сейчас.

Прости меня, Сантьяго. Ты говорил правду и сдержал слово.

Дом смерти подготовил Переса к резервуару Иисуса. Они пошаманили с текторами, собрали воедино, сделали нечто вроде Переса Эскобара, который пытался научить меня искусству дзен-серфинга в «Оверлуке». Teniente Роза спросила, он ли это. Я кивнула. Йау-Йау бросила взгляд и так расчувствовалась, что ей пришлось помочь сесть на стул.

Даже после смерти он выглядел недовольным.

Затем пять темноволосых красивых женщин из Дома смерти опустили пластиковую крышку резервуара, и меня осенило.

– У него есть полис инморталидад?

Одна из женщин проверила персоналку.

– Тут пусто.

Среди моих знакомых не было незастрахованных на случай воскрешения. Эти пять Парок унесут Переса в вечность рабства; ни гражданства, ни собственности. Извечным грехом Переса был грех сатанинский: non serviam. Гордыня. Да, он был глупым тщеславным ублюдком – это как минимум, – но в тот момент я почувствовала, что он заслужил обрести в смерти свободу, которой никогда не знал при жизни.

– Сколько будет стоить, чтобы… ну, вы понимаете?

Они назвали сумму, которая вызвала у Йау-Йау невольный вздох.

– Дешевле купить его контракт, – сказала мертвая с персоналкой. Из всех слов, произнесенных за последние двадцать четыре часа, именно эти проникли сквозь мой панцирь бесчувственности. Я увидела Переса воскрешенным, отремонтированным, пылающим тем странным черным жаром, что исходит от мертвых. Я увидела, как он ходит по моему дому в Ла-Крессенте, прислуживает, выполняет поручения, заботится, трудится, исполняет свой долг перед нанимательницей. Я увидела, как покрываю его поцелуями, увожу в свою постель, в укромные уголки садов, в теплые воды бассейна, наполненная любовью, ведь я его не потеряла насовсем, он нашелся, он стал моим.

Немыслимо. Смерть сильнее любви. Он запомнит Тринидад Малькопуэло, но не любовь, которую она ему подарила; это будут просто еще одни утраченные отношения из того времени, которое покажется ему долгим и очень подробным сном.

– Оплачу его воскрешение со своего счета инморталидад, – сказала я мертвым женщинам. – Больше не желаю видеть его и слышать о нем.

– Это почти наверняка, – заверили они.

Йау-Йау отвезла меня обратно в город, потому что к тому моменту начался тот самый замечательный нервный срыв, который я себе пообещала.

– Это один из тех извращенных законов, которые управляют человеческой болью, – сказала Тринидад. – Чем омерзительнее ублюдок, тем сильнее мы его любим. Перес определил мою жизнь. Все, чем я была, стало реакцией на него; без него Тринидад не существовала. Еще до того, как психопроги покончили со мной, я рыскала по холмам в поисках нового Переса, чтобы вручить ему нити своей судьбы. Если проги говорили мне чего-то не делать, я делала, потому что в худшем случае эти любовники не причиняли вреда, а в лучшем – я ощущала нечто живое. В том году, когда я прекратила терапию, у меня было тридцать романов: самый короткий продлился двенадцать часов, самый длинный – три недели. Чтобы найти себя, мне пришлось раствориться в других.

Многочисленные свечи «Посады» догорали, превратившись в слабо светящееся созвездие, сокрытое в поникшей зелени. Гроза миновала, и теперь по крыше мягко стучал дождь.

– Ты уже нашла себя? – спросила Монсеррат Мастриани.

– Возможно, – ответила Тринидад.

– Ты поэтому здесь, чтобы найти Переса? – спросила Розальба.

– Нет-нет, конечно, это не так, глупая девчонка, – раздраженно перебила Монсеррат. – Неужели ты не поняла ни слова из того, что тебе сказали?

– Нет, я знаю, что не могу его найти, я больше не хочу его искать. Я пришла сюда в эту Ночь мертвых, потому что Сантьяго Колумбар пригласил меня.

– Почему он это сделал? – Теперь в разговор вступил Саламанка, примостившийся на краю стола. – Точнее, почему ты приняла приглашение?

– Потому что хотела доказать, что не боюсь ни Города мертвых, ни его. И поскольку я чувствовала, что он может что-то знать о смерти Переса, я действительно не боялась.

– Он знал? – Снова Саламанка.

– Он не смог устоять. Он обещал мне, но не сдержал слово. Полицейские округа Сан-Бернадино отследили пауков до заведения Майкла Рочи; чего они не знали, так это того, что Роча соорудил эти штуки по схемам и планам, созданным Сантьяго Колумбаром. Он убил Переса – все равно что сердце ему вырезал собственными руками.

– Говнюк, – неожиданно сказала Розальба.

– Лучше живая крыса, чем мертвый лев, – говорили в старом Сингапуре. – Новый голос раздался прямо за спиной Тринидад, так внезапно, что она вздрогнула, как будто ей угрожала физическая опасность. – А еще лучше живой лев. Вместо того чтобы заигрывать со смертью, твоему другу следовало прийти к нам, чтобы пожать руку вечной жизни. Истинному бессмертию. Отличная история, сеньора. Заставляет наши маленькие литании о раке, трусости и вероятности звучать вполне обыденно. Это не критика, отнюдь.

Говоривший был высоким худощавым мужчиной, одетым в промокшую зеленую робу, как у пастуха. Его лицо скрывала шляпа того же стиля; та часть, которую Тринидад видела, была усталой и серой. Он был немолод, но выглядел все-таки старше своих лет. Таким мог бы стать Сантьяго спустя десятилетия, измученный невыносимой тяжестью бытия.

– Позвольте представиться, сеньора? Меня зовут Йенс Аарп – я наставник; тот, кто ищет и находит; тот, кто открывает пути к истинной вечной жизни.

Прячась в тени, Йау-Йау увидела, как отъезжает мобильная травматология. Эллис стоял на улице и следил за мигающими синими огнями, пока они не слились с потоком транспорта, после чего вернулся в дом. Хорхе, старший партнер, уехал в машине скорой помощи. Ей вслед пророкотал гром, словно злой пес, ненавидящий автомобили. Спрятавшись среди баков и мешков с мусором, Йау-Йау сгорала от угрызений совести. Она должна пойти к ним. Она обязана пойти к ним. Но ей не хватало смелости приблизиться. Она притягивала к себе демонов. Эти демоны удостоверили свою неразборчивость в средствах на более чем семидесяти трех процентах кожи Трио.

Люди умирали и от меньшего. Уходили в Великую Тьму. Вряд ли у Трио есть медстраховка, не говоря уже о полисе инморталидад. Не умирай, хорошо? Ну и что, что ты выше, красивее, стройнее, успешнее меня… Не умирай.

Йау-Йау шмыгнула носом, смахнула слезы кулаком. Поднесла персоналку к губам и замерла, парализованная осознанием того, что Мирозданию больше нельзя доверять. Ее персоналка могла быть маленьким Иудой, закрепленным на запястье. Легион жучков мог прятаться в укромных уголках мопеда. Ее виртком мог сообщать невидимым наблюдателям о каждом ее шевелении. Доверять можно было только собственной гладко выбритой шкуре, которая явно не останется нетронутой надолго.

– Эллис, – прошептала она. Его личная эмблема, кенгуру-серфингист с гениталиями невероятных размеров, возник на крошечном экране. Давай, давай, давай! – Эллис, возьми себя в

руки и выйди на связь, ты мне нужен.

И Эллис появился. Не виртуальная конструкция, не интерактивная иконка. Собственной персоной.

– Йау-Йау. Где тебя черти носят?

Вот уж точно, черти – ведь ее рай исчез навсегда.

– Я… Мне лучше не говорить, где я нахожусь. Господи Иисусе, Эллис, они знали мои проги, мои коды доступа, мои определители местоположения, все.

– Они?! Так это не случайный резонанс?

– Эллис, я…

Эллис, я не могу сказать. Эллис, я не смею. Эллис, я должна.

– Эллис, у меня неприятности.

Вспышка была слишком яркой для молнии, грохот – слишком близким и ровным для грома. Изображение Эллиса на несколько секунд растворилось в вихре помех.

– Господи, Эллис! – За западными воротами бульвара Сансет пятьдесят охранных сигнализаций взвыли в унисон.

Он посмотрел куда-то в сторону.

– Что-то поступает по всем каналам. Извини, я на минутку. – Эллис превратился в кенгуру-серфингиста. Над головой Йау-Йау пролетел конвертоплан, так низко, что она почувствовала нисходящий поток воздуха от его лопастей. Эллис вернулся. Лицо у него выглядело как набальзамированное.

– Где у тебя была встреча в некровиле Святого Иоанна?

– В закусочной под названием «Такорифико Суперика». А что?

– «Такорифико Суперика» только что была уничтожена – по-видимому, кумулятивным пикотоковым зарядом. – Йау-Йау отшатнулась, уперлась в дешевую стену из шлакоблоков, которая придала ей уверенности и стала опорой в мире, плавящемся в безумии. – Все признаки классического военного удара, который нанесла какая-то корпорада. Кумулятивный заряд в сдерживающем поле. И все испарилось.

– Выжившие?

Посетители, наслаждающиеся camarónes español и «Ред хэт». Шеф-повар. Бармены. Официант, который так красноречиво молчал. Мартика Семаланг.

– Йау-Йау, ты в курсе, что такое тотальная конверсия массы? Там сейчас двадцатиметровый кратер из пузырящегося стекла.

Конвертоплан, который она уже слышала, снова низко пронесся над бульваром.

– Эллис. Послушай меня. Послушай. Кто с тобой в доме?

– Я один. А что?

– Послушай. Просто послушай. Сбрось все в хранилище. И убирайся из дома. Немедленно. Не оглядывайся. Просто вылезай

оттуда и уходи. Иначе ты умрешь, Эллис.

Подняв глаза, она увидела, как над пальмами разворачивается летательный аппарат, освещенный лучом голливудской готической молнии. Та же самая машина прилетела в третий раз.

Три – волшебное число.

Глаз ее персоналки, как в ночном кошмаре, наполнился синими помехами: мертвые паутинные каналы. По крайней мере, проги ее не выдадут.

С грохотом лопастей конвертоплан спикировал и завис прямо над укрытием Йау-Йау. Любопытные соседи вышли в свои сады; поднявшийся ветер трепал их одежду, бросал в лицо листья. Кто-то вырвался из дома: Эллис. Он выкрикивал предупреждения зевакам. Его почти никто не слушал. Большинство даже не заметили. Йау-Йау увидела сдерживающее поле – бледно-голубой цилиндр наэлектризованной ночи – и повернулась спиной, зажмурившись и прикрывая голову руками.

Пикотоковый взрыв пронзил ее плотно сомкнутые веки чистым белым светом. Белый жар погладил спину, руки, фатально беззащитную кожу головы. Запахло горелым. И бабах! Звук немыслимой громкости едва не уничтожил барабанные перепонки Йау-Йау, и она закричала. Затрещали кости. Ногти вонзились в кожу, и потекла кровь. Взрывная волна большей частью ушла вверх, направляемая сдерживающим полем, но когда то отключилось, от перемены давления выбило воздух из легких, а саму Йау-Йау отбросило кувырком в конец переулка вместе с мусором.

Все закончилось. Йау-Йау открыла глаза, сморгнула рой остаточных изображений. Стены, выкрашенные дешевой краской из супермаркета, из терракотовых стали белыми. Она увидела, как штурмовой конвертоплан поднялся на винтах, повернулся вокруг своей оси, словно жук на булавке, и скрылся в ночи.

Мопед Хорхе взрывом протащило по асфальту. Пластиковый корпус покрылся царапинами и трещинами, роспись на заказ – черепа и вампиры, гибриды ягуаров с сисястыми рестлершами – стерлась почти до неузнаваемости. Йау-Йау подняла машину. Спиртовой двигатель завелся почти мгновенно.

Она оседлала мопед и помчалась прочь по улочкам и проулкам. Колонны «скорых» шумно ехали по проспектам, вереницей синих огней, под вой сирен. Позади Йау-Йау зажглись фары. Подчинившись интуиции, она не оглянулась.

Смелый жест, дерзкий жест – погрозить кулаком Господу в небесах, который без всяких угрызений совести попытался разнести тебя на атомы, но… куда ты направляешься, маленькая

адвокатесса? Что будешь делать дальше? Ты осталась одна в любимом вирткомбе с милыми и дорогими модными тряпками, посреди пустынного бульвара, где любой, кто предложит тебе помощь или убежище, навлечет на себя гнев высших сил. Разве ты способна на большее, чем продлить агонию? Хватит. Сдавайся. Обнажи нежный бледный живот, подставь его под лезвие.

Пока Йау-Йау пряталась в темном переулке, перед ее мысленным взором возникли родители, сидящие на корточках у спиртовой горелки на борту сампана в Городе утопленников. Они неустанно бормотали: «Мы же тебе говорили, мы говорили тебе, ага, мы точно тебе говорили. А вот теперь ты нам скажи, нафига все это было?»

Каждая попытка самовыражения, на которую она когда-либо отваживалась, каждый виток противостояния их чудовищному фатализму, любая из тайных надежд и амбиций – всё натыкалось на этот вопрос: «Ну ладно, скажи-ка, нафига все это было?»

Свирепое стремление к успеху, вынудившее ее покинуть сампанный поселок – эту просоленную обитель грибковых заболеваний – и отправиться на томные испаноязычные холмы, опиралось на страстное желание отыскать причину столь безразличного отношения к жизни. Теперь, очутившись в глубочайшей яме, в полном одиночестве, перед лицом опасности и поражения, перепуганная Йау-Йау поняла, что к чему. Мироздание не заморачивается причинно-следственной связью. Она тебе нужна? Тогда берись за дело.

Йау-Йау Мок не умрет сегодня. Куда идти? Как поступить? Пока непонятно, но я же умница. Я что-нибудь придумаю.

– Это не конец. Вы уж поверьте. Мне все равно, с кем я имею дело – с «Теслер-Танос», с Господом, – и все равно, насколько ты велик. Я тебя уничтожу.

Пафосное заявление. Какой же ты юрист, если не озвучил в решающий момент своей карьеры какое-нибудь *пафосное заявление*? Стряхивая мусор с кожаной одежды (если ублюдки ее прожгли, включу это в счет), она наткнулась на забытый прямоугольник в левом нагрудном кармане.

«Сантьяго Колумбар приглашает Йау-Йау Мок…»

Сантьяго Колумбар. Да уж, выбрал подходящий момент. Округ Святого Иоанна. Некровиль. Где заканчиваются все темные дела? Среди мертвецов, где же еще. Сантьяго. Сант-Яго. Яго, ее поставщик прог.

Осмелится ли Йау-Йау Мок признаться самой себе, что ощутила в своем чреве зародыш нуарного сыщика? Он знай себе рос во тьме, сжав кулачки. Переулок затопило голубоватым молниевым жаром, следом нагрянул гром. Адвокатесса

развернула мопед, и у нее на запястье запела персоналка.

Йау-Йау ненадолго замерла в нерешительности, прислушиваясь, не раздастся ли шум двигателей конвертоплана, а потом ответила.

– Эллис? Это ты? Ты в порядке? Блин, compadre, не надо звонить мне по этой…

– Сеньора Мок?

Это хладнокровное лицо с кошачьими чертами, эти грациозные и томные движения – все должно было превратиться в рассеянные элементы в луже остывающего обсидиана.

– Сеньора Семаланг.

– Я пыталась связаться с вами, как вы велели в записке. Все в порядке? Закусочная, она…

– Я знаю, знаю. – Думай. Думай! Перри Мейсон всегда знал, что собирается делать. Ему сценаристы подсказывали. Соображай! – Записка? Какая записка?

– Мне ее принес patron – там было написано, что я должна позвонить вам из общественной будки в другом конце улицы. Сеньора Мок… («Йау-Йау».) …Йау-Йау, ресторан…

– Я в курсе. Мой дом тоже взорвали. Мой гребаный дом, мое жилище, мои друзья. Ваши compadres – настоящие профи в грязной игре. Вы должны мне все рассказать, сеньора Семаланг. Я просто хочу знать, что происходит, черт побери!

– Я не знаю; поверьте мне, я не помню. Мне нечего вспоминать. Йау-Йау, я не существую. И мне так страшно. Если бы не записка, я бы сидела за столом…

– Сеньора, я не посылала никакой записки. Это не в моем стиле. – Клиентке не нужно было знать, что Йау-Йау страдала функциональной дислексией.

– Тогда кто это сделал? Почему? Чего они хотели?

– Двигаясь от простого к сложному, я бы начала с «почему?». – Йау-Йау принялась вести отсчет на пальцах. – Чтобы вытащить вас оттуда. «Кто?»: тот, кто знал, что «Такорифико Суперика» вот-вот взорвут и что вы были там, со мной. «Чего они хотят?»: я даже не знаю, сколько команд на поле, не говоря уже о том, в какую игру они играют.

– Люди, которые разрушили закусочную и ваш дом… – («И сожгли Трио, не забывайте».) – …вряд ли отправят своей жертве записку с предупреждением.

– Что немедленно выводит на поле еще одну команду.

Опять спортивные аналогии. Ты слишком часто смотришь эту чушь, Йау-Йау Мок. Новый опиум для народа.

– Кто-то хочет, чтобы вы выжили – а противная сторона желает вас убрать. Насовсем. – Смутные сомнения мучили, как

назойливые комары. Позже. Йау-Йау с ними справится, выдрессирует, обучит мелким фокусам, но все это случится позже. – Сеньора Семаланг, я знаю, что вы не можете вспомнить ничего важного, годного в качестве повода для убийства, но люди, которые пытаются с вами покончить, думают иначе. Это хорошо и плохо одновременно. Хорошо в том смысле, что я, возможно, смогу во всем разобраться, а плохо – эти hijos[137] даже не думают сдаваться.

«Думай. Да!»

– Послушайте… Эй? Алло? Вы меня слышите? – Мартика Семаланг исчезла; камера показывала улицу, на которой не осталось ни одного неповрежденного окна. Где-то за кадром пылал огонь. Мертвая женщина вернулась, приглаживая руками волосы.

– Простите, – сказала она. – Я не могу здесь больше оставаться. Ветер переменился, и пламя движется в мою сторону.

– Стойте! Погодите! Не надо! – закричала Йау-Йау. – Задержитесь там еще немного. Я кое-кого пришлю. Он отведет вас в безопасное место, где мы сможем встретиться. Просто оставайтесь на месте, пока он не придет, хорошо? Вы узнаете его, когда он скажет… – («Что он скажет, а? Прекрасный вопрос!») – «Вопрос жизни и смерти», а вы ему ответите «Долбаный Дэвид Нивен[138]».

Ну разве были другие варианты?

– Вы меня поняли?

– Вопрос жизни и смерти. Долбаный Дэвид Нивен.

– И постойте, погодите, не спешите, еще кое-что. Сеньора Семаланг, что бы ни случилось, не звоните мне больше по этому номеру персоналки. Я не могу гарантировать, что это безопасно. Я найду вас.

Как? Она разберется позже. Да, позже. И никак иначе.

Йау-Йау осторожно проехала на мопеде по персоналке. Треск пластикового корпуса ознаменовал разрыв последней ниточки, связывающей ее электромагнитным экстазом паутины. Адвокатесса вздрогнула, чувствуя одиночество и липкий пот под вирткомбом. Прильнувшие к коже микросхемы внезапно показались чем-то холодным и мертвым.

Над Копанангой прокатились раскаты грома. Йау-Йау лавировала на своем мопеде между длинными колоннами бронированных машин seguridados, выстроившихся очередью до самого пастельного мерцания врат. Если тот пикотоковый удар нанесла корпорада, зачем вызвали морпехов? В воздухе витало нечто поважнее. Пока еще оставалось время до завершения игры, она может кое-кому позвонить. Телефон-автомат нашелся в

пустынном кафе: все залито неоновым светом, но на диванчиках, обитых шкурой науги[139], не болтали ногами шестнадцатилетки. Все ушли по ту сторону границы, танцевать с мертвецами некромамбо.

Телефон чуть не подавился банковской картой Йау-Йау, но все-таки принял оплату. На настенном экране через дорогу Джанет Ли за рулем автомобиля гнала все быстрее, обуреваемая эмоциями, и поглядывала в зеркало заднего вида, воображая преследователей. На самом деле, милочка, опасность впереди. В «Мотеле Бейтса»[140].

«Дзынь-дзынь, – уведомил видеофон. – Дзынь-дзынь, Йау-Йау».

– Яго.

– Йау-Йау.

– Яго.

Бритая голова напудрена блестящей пылью цвета «синий электрик». Брови выщипаны, накладные ресницы накрашены, голубые глаза подведены, на веках тени. Болтаются серьги-шандельеры. Подбородок выбрит до невозможности. Надутые губки, розовая помада; рот влажный, как лопнувшая переспелая хурма. М-да, недурной макияж, очень даже недурной. Блестки и дешевая бижутерия: чем больше, тем лучше, в этой системе эстетических координат «вульгарно» считается комплиментом. Наманикюренные ногти, лак того же цвета, что и губы: цалуй скорее, hombre. Высший балл за руки – обычно их труднее всего изменить, но тут просто выше всяческих похвал. Подкожные импланты закачивали в лавчонках, работающих по ночам; к утру тектосиликон просочится через поры, но пока что все выглядело весьма прилично. Даже лучше, чем ее собственные руки, черт возьми. И вся эта красота была облачена в футляр из блестящей текучей лайкры. Ну прям леденец ручной работы.

Йау-Йау призналась самой себе: он выглядел… фантастически.

– Яго?..

– У каждого мужчины должно быть хобби, Йау-Йау.

– Отлично выглядишь, Яго. Я бы убила за такой цвет лица.

Он улыбнулся. Улыбка тоже была безупречная.

– Спасибо, Йау-Йау. Ну разве я не примадонна? Мы с ребятами весь год готовились.

– Яго, я… э-э… не вовремя?

(Сама-то как думаешь, Йау-Йау?)

– Мне нужно на zócalo через пять минут. Ты что-то хотела?

– Да. Можно и так сказать. Могу я попросить о паре одолжений?

– Ох, Йау-Йау… – простонал Яго, понимая, что грандиозный вечер с друзьями приехал на станцию «Вылезай».

– У тебя есть копия проги, которую ты для меня сделал?

– Я никогда ничего не выбрасываю.

– Ты не мог бы ее загрузить?

– Йау-Йау, ты хоть представляешь, какой объем занимает эта программа?

– Яго! – Имя не сочеталось с дрэг-квин на экране, как рабочие ботинки не сочетаются со свежим педикюром. – Мне нужна твоя помощь.

И она объяснила, в чем дело.

– Черт возьми, Йау-Йау.

– Мне надо, чтобы ты кое-что выяснил. Корпорада «Теслер-Танос» перевела шесть миллионов на призрачный счет Мартики Семаланг, но я хочу точно знать, кто санкционировал платеж. Если смогу выяснить, кто, тогда узнаю, почему. Ты поможешь, Яго?

– Конечно, querida[141]. – Взгляд Клеопатры расфокусировался. – Проги запущены.

– Пересылаю данные. Костюм их сохранил. Сама понимаешь, душечка: не лезь на рожон.

Яго застенчиво ухмыльнулся.

– Буду нежен, как котик. Валяй, подруга.

Йау-Йау сунула нить вирткомба в телефонный разъем для передачи данных. Томящиеся бармены за стойкой отвлеклись от игры с ножом для стейков и пальцами, вытянули шею: а что там происходит в зале? Не ваше собачье дело, favelados. Краткий миг связи со старой, любимой прогой был подобен прикосновению руки любовника к хребту.

Удовольствие и стыд. Йау-Йау так и не признавалась самой себе в том, что ее сексуальность была связана с машинным миром неразрывными узами. Ровный лимбический ток данных, вознесение в кибернетическое облако неведения[142], растворение избыточно материальной плоти в жидкой многовариантности форм; а еще интимная близость вирткомба, избранная ею уличная одежда, чувственное скольжение бритвы Яго по коже головы, деликатное проникновение интерфейсных разъемов в тело.

Ну почему она не могла, подобно мертвецам, отбросить свою унылую, растерянную, монохромную суть и возродиться новой, счастливой, искренней, многоцветной, киберсексуальной Йау-Йау? Вот кто она такая. Вот что она такое. Это не умаляло ее важность в данный момент. Человек измеряется не тем, с кем или с чем он joder. Средоточие любви, ненависти и хрупкости, имя

которому Йау-Йау Мок, никогда не изменится.

– Йау-Йау, ты в порядке?

Она посмотрела на Яго, который был волен делать что угодно, быть кем угодно и радоваться этому, выражая то, что считал своей сутью, и прослезилась. Блин, конечно, она не в порядке.

– Эй?..

– Все нормально. Я в порядке. Вот дерьмо. Яго, сделай для меня еще кое-что.

– Что пожелаешь, querida.

– Поезжай вот сюда, – она передала ему координаты Мартики Семаланг, – забери мою клиентку и отвези к себе. Знаю, я прошу о многом… – Он изобразил кокетливое возмущение. – Но мне больше некому довериться. Ах да, скажи ей пароль: «Вопрос жизни и смерти».

Яго закатил глаза и выгнул изящные брови: эталонное отчаяние в стиле кэмп[143].

– Извини, ничего лучше не пришло на ум. Сложные обстоятельства, сам понимаешь. Она ответит: «Долбаный Дэвид Нивен».

– Ты же в курсе, что он в Трес-Вальес сверхпопулярен?

– Яго.

– М-м?

– Это может быть опасно.

– И что? Двум смертям не бывать. Кстати, насчет твоих поисков. Кое-что есть. Заветное имя, персона, которая перевела шесть миллионов тихоокеанских долларов на счет твоей клиентки от имени корпорады «Теслер-Танос»: Ларс Торвальд Алоизиус МакГаффин.

– Ты случайно адрес не нашел?

– Случайно нашел, но сомневаюсь, что там ты кого-то – или что-то – обнаружишь. С тобой играют, Йау-Йау.

– В смысле?

– Ты знаешь, что такое «макгаффин»?

– А должна?

– Приспособление для ловли львов в Шотландии.

– Но в Шотландии нет львов.

– В яблочко[144]… – сказал Яго и исчез в вихре помех. Белый шум – истинный голос паутины – наполнил шипением уши Йау-Йау. Все сенсорные и виртуальные каналы опустели. На экране возникло сообщение: «Las Encinas Seguridad с сожалением сообщает о приостановке связи с некровилем Святого Иоанна ввиду текущей чрезвычайной ситуации».

На улице вооруженные и бронированные seguridados бежали

к своим машинам; патрульный транспорт заводился, стреляя облачками синего биодизельного дыма. Техники трудились над шеренгами выключенных мехадоров, и Йау-Йау стиснула зубы от дисгармоничного нарастающего гула прогревающихся импеллерных систем.

Она отключила виртком от телефона.

ЙАУ-ЙАУ, ПОДОЖДИ, – позвал исчерканный помехами экран. – ЭТО Я, ЙАУ-ЙАУ. Я МОГУ ПОМОЧЬ, ПОВЕРЬ МНЕ.

– Оставь меня в покое, – прошипела она в трубку. – Отвали, ради Иисуса, Иосифа и Марии. Ты хоть представляешь, как испоганил мне жизнь? Куда бы я ни пошла, ты всегда рядом, как один большой прожектор, освещающий все мои поступки.

Я ТОЛЬКО ХОТЕЛА БЫТЬ ТВОЕЙ ПОДРУГОЙ, – сказала Кармен Миранда.

– Из-за твоих хотелок меня убьют.

ПРОСТИ. ПРОСТИ. МЕНЯ ПОСЛАЛИ ПОМОЧЬ ТЕБЕ.

– Мне не нужна твоя помощь.

Послали? Послали?!

ПОМНИ, ЕСЛИ Я ТЕБЕ КОГДА-НИБУДЬ ПОНАДОБЛЮСЬ, ПРОСТО СВИСТНИ. ТЫ ЖЕ УМЕЕШЬ СВИСТЕТЬ?

Фон вернул карточку. У нее за душой осталось пятьдесят сентаво. Насколько ниже можно пасть? Не отвечай, Йау-Йау. По крайней мере, мопед завелся с первого раза. Уворачиваясь от сегуридадос и любопытных посетителей карнавала в самых разных костюмах – от ничего до дрэга, который посрамил бы Яго, – она собралась проехать под светящейся перекладиной ворот.

– Извините, я не могу вас пропустить, – произнесли бледные губы под забралом.

– Мне надо туда, я адвокат, хочу встретиться с клиентом.

– Клиент? В некровиле?

– Пропустите. Это вопрос жизни и смерти. Я серьезно, офицер.

– Извините, но у меня приказ: граница закрыта. Никто не войдет и не выйдет.

Стальные зубы оскалились на нее с асфальта. Выкуси, abogadito[145].

– Ну поймите же вы меня наконец! Мне надо туда. Мне одной, ага? Один человек – неужели это так много?

Интересно, можно ли подкупить Las Encinas seguridados пятьюдесятью сентаво? Ну ладно, ладно: берите мое киберсексуальное тело и делайте с ним что хотите, просто дайте! Мне! Войти!

– Как же вам объяснить, сеньора? Все подразделения

приведены в состояние максимальной боевой готовности, у нас чрезвычайная ситуация. Внутрь никому нельзя. Ни вам, ни господу богу. Никому. А теперь либо ты разворачиваешь свой маленький мопед и возвращаешься туда, откуда, черт возьми, приехала, либо muchachos[146] его сами развернут – им это очень понравится, но я не гарантирую, что понравится тебе.

И зачем, спрашивается, они с ней заигрывали и делали вид, что домогаются? Воображая, как эта банда самцов-выпендрежников очутилась в даосском аду, где – по рассказам бабушки – отказавшие нуждающимся в правосудии претерпевают генитальные пытки, Йау-Йау опять оказалась на улице, где Энтони Перкинс подглядывал за Джанет Ли, собравшейся принять душ. Позвонить нельзя, ворваться нельзя, перелезть через изгородь нельзя – ее обязательно зажарит какой-нибудь мехадор, почти такой же безмозглый, как и его оператор, – клиентки нет, улик нет, идей нет, дома нет, друзей нет, бежать некуда, средств на карте не хватит даже на чашку кофе. Ну и что ты теперь предпримешь, малышка-адвокатесса?

Да пошло оно все к чертям собачьим. Попытка не пытка.

От свиста даже сегуридадос приподняли забрала и принялись растерянно озираться. Он растворился в раскатах грома, который удалялся на восток. По улице пронесся холодный ветер.

В вестибюле закусочной «Последний шанс» зазвонил телефон. По какой-то причине все сотрудники уставились на свои руки.

– Алло?

– Привет, Йау-Йау. Рада, что ты позвала. Мне не нравилось, что мы перестали быть друзьями.

– Мне нужна услуга.

– Говори.

– Мне нужно попасть в некровиль.

– Жаль об этом говорить, Йау-Йау, но охранные компании оцепили город мертвых и не пустят тебя до утра. Это не может подождать?

– Нет, блин, это… – «Uno dos tres cuatro cinco seis…»[147] – Мне надо туда попасть сейчас же.

– Сложновато. Но я постараюсь – мы же подруги.

Картинка замерла – Йау-Йау догадалась, что это означает «я занята». Uno dos tres cuatro cinco segundos[148]. Видимо, задача и впрямь непростая даже для существа, которое обитало в мировой паутине данных и измеряло время в планковских единицах. Серафино вернулся, мерзко ухмыляясь.

– Йау-Йау, если ты свернешь в проулок слева, сразу за этим кафе, то увидишь, что по нему можно попасть в округ Святого

Иоанна. Там забор из сетки, через который ты без труда перелезешь. К сожалению, он оснащен пассивными и активными сенсорными системами и системами оповещения, а также самонаводящимся теслерным оружием, и еще находится под током. Понимаю, звучит так себе, но ты не расстраивайся. Я же сказала, что попытаюсь затащить тебя внутрь – и я это сделаю, честное слово.

– Давай просто сделаем это. – Волшебное слово. Помни, что эти твари по уровню эмоционального развития – все равно что пятилетние дети. – Пожалуйста.

– Я так счастлива, что ты позволяешь мне продемонстрировать дружбу, Йау-Йау. Вероятность значительных осадков в ближайшие пятьдесят три секунды составляет девяносто восемь процентов. Это подходящее время, чтобы сделать ход. Я могу отключить основные, резервные и вспомогательные системы, что даст тебе гарантированные тридцать три секунды, прежде чем кто-нибудь задействует другую разновидность охраны. Надеюсь, мы скоро опять поболтаем, Йау-Йау. А сейчас…

Свет начал гаснуть: улица за улицей, квартал за кварталом, район за районом. Тьма опустилась на Западный Голливуд, словно тень от господней ладони. Сбитые с толку разряженные carnivalistos заметались в испуге. Кафе погасло, как новогодняя игрушка, разбитая ударом молотка. Джанет Ли повернулась, закричала, увидев опускающийся нож Матери, и канула в небытие. Светящийся V-образный разрез некровильских врат дважды мигнул и издох.

Грянул ливень. Сквозь потоки воды виднелись фары и фонари сегуридадос, слышались чьи-то голоса.

– Беги, подруга, – прошептала Кармен Миранда, но адвокатессы уже не было на прежнем месте: она карабкалась по сетке забора все выше и выше.

«Вперед, Йау-Йау!»

И на ту сторону.

Огни зажигались попарно. Молоденький официант подошел к телефону, чтобы повесить болтающуюся трубку, и озадаченно уставился на экран, где было написано: УЖЕ СКУЧАЮ ПО ТЕБЕ…

Туссен чувствовал восходящий поток воздуха как смутное тепло на лице.

Мысленный приказ: кончики крыльев изогнулись, аэродинамический профиль изменился; летун повернулся в потоке. Для формирования нужных нейронных путей потребовалось время и терпение, зато теперь команды

выполнялись бессознательно: Туссен был словно пианист, исполняющий на концерте один из этюдов Дебюсси. Обернувшись, он увидел три других крыла, следовавшие вереницей. Знакомый узор на крыле Хуэнь – синий кондор – был подобен длинному холодному когтю, который воткнулся в сердце.

Индикаторы на сетчатке вспыхнули пятью разновидностями инфопаники. Надвигался крупный шторм: эти восходящие потоки были всего лишь его предвестниками. Туссен сморгнул ненужную информацию. Натяжение и трепет крыла, растянутого между спинными лонжеронами, говорили ему все необходимое о состоянии неба.

В голове раздался голос Квебека. Шипли воткнула в ухо Туссену наушник, который пришлось принять, но ему не предоставили никакого средства вещания. Он подозревал, что предназначение у этой штуковины было одно – дать Квебеку возможность говорить беспрепятственно.

Зовите меня Квебек.

Когда я проснулся после своего второго возрождения, солнце как раз взошло над двадцатиметровым горизонтом Тессье-813-штрих-18-штрих-С, изрытой кратерами картофелины из углеродистого хондрита, восемьсот метров в длину и семьдесят в ширину, следующей по эллиптической орбите, удаленной от марсианской орбиты примерно на триста тысяч километров в перигелии и проходящей рядом с Юпитером на обратном пути. Не успел я выкашлять из легких клейкую плацентарную жидкость, как солнце село. Первый день продлился двадцать три минуты пятнадцать секунд от рассвета до заката. Мы, экипаж Тессье-813, были реконфигурированы «Эварт-ОзВест» для работы в глубоком космосе: семь мужчин, пять женщин. Все контрактники, некоторых записали в ночные вахтовики. Не могу вообразить более жестокий розыгрыш, чем пробуждение в шестидесяти миллионах километров от последнего места, которое помнишь. Наша кожа превратилась в фотосинтетическую непроницаемую мембрану, способную целиком удовлетворять потребность в энергии при инсоляции меньшей, чем на Марсе; метаболизм переделали так, чтобы несколько земных дней тело могло функционировать как анаэробный герметичный комплекс; в нас имплантировали анализаторы широкого спектра, устройства для передачи данных и аппаратуру для субвокальной связи. Мы стали людьми будущего: в вакууме чувствовали себя как дома, хотя нашим домом в строгом смысле слова были пузыри-обиталища, созданные нанотехнологическим пакетом из углеродистого хондрита Тессье-813. Солнечная система стала нашей гостиной.

Мы были командой статистов: нам поручили достаточно дел, чтобы оправдать наше присутствие, но свободного времени все равно оставалась уйма. Мы контролировали проги, проверяли, как идет строительство электромагнитной катапульты, регулировали маневровые двигатели, которые тормозили осевое вращение Тессье-813, – для этой работы мне пришлось в первый раз выйти в вакуум. Я дважды умер и воскрес, но с трудом заставил себя подойти к герметичной мембране и шагнуть за порог. И все-таки я это сделал – до чего же славное ощущение, беспримесный экстаз уязвимого существа наедине с Вселенной, бдительного, осознанного, способного заявить о своей самости и противопоставить собственную жизнь ее безмерному равнодушию, – и этот поступок оказался настолько поразительным опытом, что все грехи и обиды, из-за которых я попал на Тессье-813, были забыты. «Вознесение в вакуумный рай», так это называется. Единение с бесконечным. Кое-кто в такие минуты теряет контроль, забывает о страховке, и поскольку корабль движется с микроускорением, такие бедолаги улетают в космос, чтобы затеряться там навеки. Иногда я думаю о том, как они летят, осознавая происходящее, неспособные умереть, обреченные вечно взирать на красоты Вселенной.

Экипаж – одна из последних вещей, изготовленных кораблем-хлопушкой: переделка Тессье-813 началась задолго до того, как мы вышли из резервуаров Иисуса. Текторы не спят; пока половина материи астероида вылетала из кормовой части со скоростью, составляющей немалую долю световой, носовая часть вспучилась бубонной массой пузырей и капсул, внутри которых вещество разбиралось на составляющие и снова собиралось в смартволокно, предназначенное для микрогравитации, и мнемополимерные цепочки. Мы были в полете шесть месяцев, еще через три должны были прибыть в отдаленные космические фабрики «Эварт-ОзВест». Тессье-813 превратился в гроздь технологических резервуаров, соединенных паутиной из нановолокна и прицепленных к тощему хребту электромагнитной катапульты. Наши жилые модули висели, как перезрелые ягоды, на пятидесятиметровой стреле посередине между нанотехнологическим адом и электромагнитным хвостом. Вся эта неуклюжая конструкция находилась в режиме разворота, каждые тридцать секунд выстреливая двадцатикилограммовую порцию быстро уменьшающегося рабочего тела, чтобы выйти на орбиту, запланированную нашими работодателями на Земле.

И вот там-то, в пустоши между Марсом и Землей, на нас напали. Сканеры дальнего действия засекли нечто, и через несколько минут мы поняли, что это не просто космический

мусор. Нам негде было спрятаться. Навигационная прога сообщила, что удрать мы не можем. Пятнадцать дней до абордажа мы провели в безделье: грелись в лучах солнца и наблюдали за тусклой звездочкой слева от Марса, которая становилась все ярче и отчетливее.

Их корабль был похож на поджарую черную вдову, засевшую в самом центре паутины солнечных парусов. Маленький катер – фактически, просто конструкция из балок и гидроксильного двигателя – прижимался к материнскому брюху. Наши проги, улучшающие обзор, позволили рассмотреть немыслимо проворные фигуры, карабкающиеся по корпусу шаттла. Мы получили единственное сообщение, переведенное на испанский, английский, кантонский, хинди, арабский, французский и японский: «Приготовьтесь к абордажу».

Если красоту можно рационализировать как соответствие своему предназначению, то они были самыми красивыми существами, которых я когда-либо видел. Созданными для космоса, как птица для полета. Их шкуры были покрыты узорами и пятнами опознавательных знаков; лица превратились в пустые маски, которые, тем не менее, казались обладающими всеми органами чувств. Вместо ног у них были длинные, мощные руки, очень гибкие и с цепкими пальцами. Этими нижними руками они держали тяжелые лазерные резаки, которыми вскрыли наши пузыри-обиталища. Превратности реконфигурации лишили их гендерных отличий, но у меня сложилось впечатление, что командир был женщиной.

– Добро пожаловать на Тессье-813, – сказала Марианна, наш капитан. – Пожалуйста, примите нашу капитуляцию.

– Спасибо, – сказала их предводительница на испанском с сильным акцентом. Пятна полихромной кожи на ее плечах, сосках и ягодицах вспыхнули синим, идентифицируя говорящего. – Простите.

Она всадила Марианне в живот короткий гарпун, соединенным моноволокном с оружием в верхней правой руке. Телесные жидкости под воздействием внутреннего давления хлынули фонтаном. Пока Марианна умирала, корчась в судорогах на конце троса, налетчики открыли огонь. Меня убили последним.

В третий раз я воскрес во тьме и стал звать друзей, которые погибли у меня на глазах.

– Все в порядке, – раздался женский голос в тревожной близости от меня. – Ты долгое время был мертв и преодолел большое расстояние. Корабли «Эварт-ОзВест» – настоящие колымаги, и никакие лунные пертурбационные маневры тут не

помогут. Мне жаль, что тебя и твоих друзей пришлось убить; нам было гораздо удобнее сдать вас на хранение перед коррекцией курса; в любом случае, когда мы ее завершили, то и сами покончили с собой.

– Кто вы такие? Что это? Где я?

Если наловчиться, можно услышать, как собеседник улыбается.

Слабое голубое свечение изгнало тьму. Я увидел парящего рядом четырехрукого ангела, а за ним – звезды. Свет стал ярче. Взошло ослепительное пятнышко солнца. Я вскрикнул от изумления.

Шар из тектопластика, в котором мы находились, был одним из сотен в аморфной россыпи жилых модулей, раскинувшейся на километры и похожей на лягушачью икру. Но даже эта россыпь казалась незначительной по сравнению с объектами, заполнившими небо надо мной. Огромные нанофабрики поглощали астероиды целиком, превращая в паутину и листы строительных материалов или скопления сверкающих органохимических производящих модулей. Еще ярче светились зеркала-люнетты[149] и пришвартованные космические парусники; позднейшие нанотехнологические дополнения опутывали старые поселения О'Нила[150], словно корни. Купольные и цилиндрические фермы повернули прозрачные лики к солнцу, их изогнутые внутренние поверхности напоминали шахматную доску из-за квадратов, засеянных зерновыми.

Я наблюдал, как плиты из грубо обработанного астероидного материала вращаются на свету, и с изумлением понял, что вижу на их незащищенной плоскости безошибочно узнаваемые пятна листвы. Потом случилось нечто еще более поразительное: через мое поле зрения проплыла сферическая масса темно-зеленого цвета. Я прикинул, что ее диаметр составляет почти километр, а потом понял, что это такое. Дерево. Сферическое, самодостаточное, обитающее в вакууме и питающееся звездным светом. Среди огромных листьев шевелились какие-то силуэты.

И все же, какими бы чудесными ни казались все эти вещи, они были всего лишь дополнениями к наиболее ценному предмету коллекции. Я уже заметил тень, затмевающую звезды, отблески и отсветы, намекающие на какой-то огромный невидимый объект. Теперь он полностью вышел на свет, и я обомлел.

Сопоставив размеры грандиозного колеса с объектами поменьше, я прикинул, что его диаметр – целых двадцать километров. Оно не было закончено; только три из пяти спиц соединялись с ободом. Тягачи и строительные бригады

перемещали массивные куски подготовленной астероидной материи к открытым концам, где неистовые текторы-строители демонтировали их и вплавляли в растущий обод. Некоторые из более старых секций обросли поразительным вакуумным мхом и какой-то зеленью.

– Текторы уже трудятся над внутренними помещениями, – сообщила моя безымянная спутница. – Мы строим его десять лет, с той поры, как первые экипажи взбунтовались и обосновались тут, в Поясе. До конца еще лет десять. Если мясо нам не помешает.

– Оно прекрасно, – сказал я.

– Колесо называется «Неруро», а тебя приютила клада «Неруро».

Вращающийся город укатился из света во тьму, и меня до такой степени охватил благоговейный трепет, что я почувствовал покалывание в уголках глаз – прелюдию к слезам. Но слезы не пролились. Соленые сферические капельки не уплыли прочь в невесомости.

– Что вы со мной сделали? – воскликнул я, ощущая в старом, знакомом теле нечто новое и причудливое. Я посмотрел вниз. – Иисус, Иосиф и Мария!

Я со смесью гнева и оцепенения вытаращился на растопыренные пальцы новых рук. Коснулся их верхними руками; они рефлекторно сжались. Сам не понимая, что делаю, я согнул эти новые руки и ощупал их пальцами старых – верхних.

– Мы сделали это в пути, пока ты был мертв, – сказала женщина из клады «Неруро». – Теперь ты квадро. Один из нас.

Во время третьей смерти и воскрешения со мной случилось нечто большее, чем физическая эволюция. Были проложены новые нейронные пути; новая кинесика – совокупность телодвижений – позволила использовать нижние руки с той же легкостью, что и верхние; восприятие охватило более широкий спектр; радиоимплантаты открыли мой разум для несравнимо более интимного общения, чем посредством слов, произнесенных вслух, включающего эмоции и протомысли, а также изысканные психические состояния, для которых нет названий ни в одном языке.

Мертвые – вот истинное человечество. Нет такой среды, которую мы не могли бы покорить со временем. И время на нашей стороне. Оно над нами не властно, потому что мы можем умирать и воскресать, поэтому месяцы и годы космических путешествий для нас не существуют. Пропасти между планетами, столетия между звездами – для смерти все едино. Мне показали верфи, на которых строились космические хлопушки,

предназначенные для путешествия к звездам. Снабженные мощными электромагнитными катапультами и способные лететь со скоростью десять процентов от световой, они могли бы достичь ближайших звезд за десятилетия, затормозить при помощи солнечных парусов диаметром в сотни километров, отыскать небесное тело, из которого можно воссоздать экипаж, капсулы с биомассой, оборудование для разведки и связи. Тектоинженеры-исследователи – банда пестрых разбойников-визионеров, удравших с орбитальных фабрик на заре Войны Ночных вахтовиков, – строили предположения о том, что посланные человечеством хлопушки преобразят планеты-изгои и спутники, изобилующие в богатом энергией пространстве между мирами, изменят целые звездные системы: это будет вселенная, засеянная жизнью, равнозначная жизни, пронизанная коммуникационными сетями, работающими со скоростью света, и транспортными путями, по которым можно будет перемещаться со скоростью, составляющей доли от нее. Одно человеческое существо сможет колонизировать и со временем превратиться в целый мир, если его восприятие времени замедлить до такой степени, что связь, ограниченная скоростью света, покажется почти мгновенной. Галактики, скопления и сверхскопления уменьшатся до масштабов единственного мира. Переделка вселенной на фундаментальном уровне станет достижимой. Пространство, время, энтропия: реальность, которой можно будет манипулировать; человечество порвет узы, приковывающие его к физической вселенной, и сольется с лежащей в ее основе изоструктурой.

Они показали мне инженерную шутку: кнопку пожарной сигнализации в архаичном земном стиле, с надписью на крышке «При пожаре нарушь законы природы». Рядом в невесомости исследовательского центра парила короткая цепочка; молоток, которым разбивают стекло, отсутствовал.

Великий труд уже начался. Родственные клады были разбросаны, как сверкающая пыль, по всей Солнечной системе: из преобразованных текторами полостей Фобоса «Арес Орбитальный» следил за тем, как темно-зеленые, блестящие тектолеса завоевывают красные пустыни, и прокладывал марсианские каналы. «Бледные Галилеяне» были двумястами пионерами, которые кружились возле Европы в хаотичном лагере из капсул жизнеобеспечения, электромагнитных катапульт и производственных модулей, кое-как закрепленных на тридцатикилометровой паутине их тектопластиковых тросов и опорных балок. Их амбиции были огромны, как планета, что занимала большую часть небес: они хотели разработать особые

текторы, способные реконфигурировать людей для жизни *там*. Они никогда не называли Юпитер по имени, просто тыкали пальцем или кивали: *вон там*. На самом краю возможного клада «Спутники-П-астухи» мечтала о создании плавучих городов-айсбергов на Титане и о плавании на солнечных парусах через кольца Сатурна.

Никакая тайна не могла долго оставаться тайной в таком тесном и взаимосвязанном сообществе, как «Неруро». Когда о моей прошлой жизни узнали, меня назначили в только что учрежденный дипкорпус.

По мере того, как кризис Ночных вахтовиков приближался к открытой войне между Землей и ее мятежными детьми, анархическому правительству «Неруро» пришлось возродить непосредственные дипломатические контакты, а также другие, менее возвышенные архаизмы. Моя миссия состояла в том, чтобы поддерживать связь с «Обратной стороной», старейшей и самой могущественной из клад. Их монументальные раскопки под кратером Циолковского были наиболее уязвимы для нападения и, скорее всего, могли стать объектом гнева Земли. Тайная переписка велась по узкому лучу; подготовили корабль – он назывался «HS 1086 C» или «Иисус», поскольку на солнечных парусах был изображен распятый Христос. Его основную полезную нагрузку – ледяную комету, предназначенную для терраформирования Луны, – дополнили несколькими мазками грязного псевдоуглерода, в котором и содержались в сжатом виде души экипажа и дипломатов.

Вот почему я сильно удивился, воскреснув не в одном из просторных, словно собор, залов «Обратной стороны», а вместе с собратьями по команде в скоплении атмосферных камер, ярко освещенных солнечным светом, отраженным от развернутого светового паруса. По какой-то причине «Иисус» отделился от своей полезной нагрузки, восстановил экипаж и замедлился, насколько позволяли фотоны.

Объяснение ждало нас в главном бортовом журнале. Мы были в месяце пути от «Неруро», когда флот поспешно переоборудованных под военные цели коммерческих судов под совместным командованием Общеевропейского и Тихоокеанского советов атаковал астероидную базу клады «Марлен Дитрих» и уничтожил ее. Корабль-разведчик из этого флота засек нас дальними сканерами более двух месяцев назад и все это время переходил с орбиты на орбиту, намереваясь перехватить «Иисуса» через пятьсот двадцать часов. Странная война с Ночными вахтовиками закончилась. Навигационная прога «Иисуса» сбросила полезную нагрузку, перешла в боевой режим и

запрашивала стратегию и тактику. Мы могли бы сказать проге, что земной корабль почти наверняка встретится с облаком газа, по температуре не слишком отличающегося от реликтового излучения с его примерно тремя кельвинами: в течение последних восьми из этих двадцати двух дней мы будем находиться в пределах досягаемости их высокоскоростных микотоковых ракет, которым не сможем противопоставить ничего, кроме импульсного лазера, предназначенного для ближнего боя – точнее для стрельбы по космическому мусору.

Лучше бы мы оставались мертвыми.

У нас было одно преимущество. «Иисус» летел в шлейфе кометы, который надежно защищал его от вражеских систем наведения и скрывал от врага тот факт, что корабль отделился. Мы свернули паруса, тихонько преодолели еще около пятисот километров в тени кометы и попросили «Иисуса», чтобы он переделал часть своего углеводородного рабочего тела в оружие для ближнего боя. Замысловатые текторные структуры подарили нам предметы, по технологическому уровню равные Каменному веку. В тот день, когда враги уничтожили комету, мы были снаружи – практиковались с нашими боласами на тросиках из моноволокна. Наверное, взрыв видели повсюду во внутренней части Солнечной системы. Двенадцать миллионов тонн грязного льда превратились из ничем не примечательной искорки с абсолютной звездной величиной, равной восьми, в сверхновую. Это был семнадцатый день. Мы надеялись, что мясной капитан достаточно самонадеян, чтобы выложить козыри сразу. Осторожное сканирование показало, что от кометы остались лишь беспорядочно кувыркающиеся осколки льда, а также быстро растущая туманность из водорода, кислорода и микроэлементов. Удар был мощный, но чутье подсказывало мне, что расслабляться рано.

– Разверни парус, – приказал я «Иисусу». – Полностью.

Через три секунды сегменты с нарисованным распятием сомкнулись в подобие зонтика. Через пятнадцать секунд налетела ударная волна. Поток ионизированных частиц обрушился на тектопленку, словно тайфун. Христос висел, распятый на гвоздях из голубых молний; тело «Иисуса», все его несущие конструкции и пузыри-обиталища, озарилось огнями святого Эльма и застонало от мук. Дюжина систем оказались на грани отказа, целостность жилой среды была нарушена, но мы выдержали. Мы выжили. Технология «Неруро» прошла испытание. «Иисус» замедлил ход.

Если бы я смотрел в сторону Солнца, случившаяся в пятидесяти километрах от нас вспышка пятисот граммов

вещества, полностью преобразовавшегося в энергию, могла бы расплавить мои глазные яблоки. Руководствуясь принципом «никогда не недооценивай врага», я поставил на то, что мясной капитан приберег пару ракет на случай, если за кометой кто-то прятался. Если бы мы не использовали гидроксильное облако для торможения, оказались бы именно там, где он рассчитал, – и нас бы ждало мгновенное испарение.

Плазменный фронт нагрянул, как Божий кулак. Первичная ударная волна сорвала паруса, расположенные на три, семь и десять часов; поврежденные такелажные системы «Иисуса» попытались убрать оставшиеся сегменты, вырвав их из пасти электромагнитного урагана. Мы должны были погибнуть. Нам было предначертано погибнуть. «Иисус» выдержал столкновение с молнией. Капсулы покрылись волдырями и почернели, балки и антенны сплавились и превратились в беспорядочную массу, но удалось зарифить парус. Искалеченный, корабль выстоял. Мы выжили. Мы и «Иисус» смогли восстановиться.

Мы ждали на корпусе, пока земной корабль приблизится на расстояние абордажа. Как и все космические аппараты, это была неуклюжая конструкция из балок и укосин, но кто-то – возможно, тот самый капитан, которого я перехитрил, – потратил дорогостоящую рабочую массу на огромный флаг, мономолекулярный полимерный квадрат со стороной сто метров, заряженный электричеством и потому жесткий. Он тащился за кораблем, привязанный тросами. Золотой на синем звездный круг Панъевропы поблескивал в свете далекого солнца. Морпехи были в черном как ночь камуфляже, но на дисплеях наших сетчаток сияли ярко, как звезды, – несомненно, они видели нас такими же, невзирая на маскировочный окрас. Две боевые группы, по пятнадцать индивидов в каждой. Броня тяжелая, оружие еще тяжелее. Мы именно этого и ожидали.

Земляне приблизились. Рихо, мой боевой партнер, отдал «Иисусу» приказ. Открытый парус затрепетал, вспыхнул ослепительно белым светом. Вопли, которые мы уловили при помощи своих радиочувств, были милосердно краткими: сфокусированный луч прошелся по второй боевой группе, расплавив тектопластические доспехи, как лед.

Потом они атаковали.

Космические десантники. Военная элита. Безупречно обученные. Закаленные в боях. Вооруженные самым мощным оружием Земли. Безжалостные воины. С таким же успехом можно было бросить их голыми в аквариум с акулами. Они были не в своей стихии, а в нашей. Первый удар мономолекулярных боласов унес четыре жизни. Тросы толщиной в молекулу вскрыли

упругий пластик их скафандров и рассекли мягкую плоть внутри, когда гири сомкнули смертельные объятия. Морпехи открыли ответный огонь, но нескольких мгновений шока от *потерь* нам хватило, чтобы спрятаться в укромных уголках и щелочках «Иисуса», созданных специально для этой цели. Враги парили над нами, пристегнутые к своим мобильным модулям, не способные избавиться от обусловленной гравитацией догмы, требующей захватить высоту.

Что и превратило их в отличные мишени для наших гарпунов. Наконечники не могли нанести значительный ущерб боевым скафандрам, нашей целью было опутать жертвы леской, лишить подвижности и возможности сопротивляться, а потом пустить в ход лазеры. Морпехи потеряли еще троих, прежде чем уничтожили его и покинули свою «высоту». Из пятнадцати членов боевой группы осталось пятеро. Из наших двое пали с жуткими дырами от лазеров, еще двое стали жертвами теслерного огня. Мы знали, что погибшие от лазеров воскреснут.

Мы добились желаемого: загнали сбитого с толку врага в угол, погрузили в хаотичную среду, где могли начать действовать парами. Один боец вызывал огонь на себя, а другой, привязавшись страховочным тросом из моноволокна, огибал корабль по широкой дуге, метался между балками, чтобы не стать чьей-то мишенью, и, набрав достаточное ускорение, копьем с каменным наконечником пробивал чье-нибудь забрало. В космосе смерть особенно жуткая. В вакууме не умирают красиво. Жертва борется за жизнь, воздух и надежду, беззвучно кричит, ее телесные жидкости извергаются из каждой дырки, кровь хлещет из глаз и ушей, от разницы давления легкие выходят через горло. У жертвы нет шансов.

Покончив с последним морпехом, мы перепрыгнули на земной корабль. Корпус вибрировал под ногами – капитан тщетно пытался вновь включить двигатель. Мы взломали люк и прошли по кораблю, убивая все живое на борту. Я отыскал капитана – им оказалась женщина с унылым лицом – в рубке управления, где она пыталась неуклюжими пальцами в перчатке скафандра набрать код самоуничтожения. Я выстрелил ей в живот. Она умирала тяжело, как и остальные, крича в вакууме.

Мы вернулись с телами на борт «Иисуса», где позаботились о наших жертвах: четверых настигла *Настоящая смерть*, трое отправились в резервуары Иисуса, пятеро обгорели от взрыва или получили другие ранения. Затем мы раздели мясо догола. Шестеро из них оказались женщинами – бритоголовыми, что придавало им одновременно жестокий и странно уязвимый вид. Сохранив воинов для последующего воскрешения, мы

состыковали «Иисуса» с земным кораблем и выпустили туда орду строительных текторов. Пока «Иисус» пожирал корабль и изменялся, мы отправились в наши резервуары, приняли яд и проснулись среди вакуумных лесов Луны, пытаясь привыкнуть к тому, что у нас снова есть *ноги*.

Когда мы были в тридцати трех днях пути от Луны, все еще мертвые, двадцать пять мясных кораблей атаковали «Неруро». Линия обороны клады, состоящая из шаттлов и межорбитальных буксиров, была сметена одним ударом через три минуты после начала столкновения. Наши собратья столкнулись с новым видом космических боевых кораблей: запас ракет, прицепленный к реактивному двигателю, и подросток-жокей, плавающий в пузыре противоперегрузочного геля, подключенный к виртуальности и напичканный нейроускорителями. У корабля и пилота была единственная цель: найти и уничтожить врага. Потрясенные защитники «Неруро» увидели, как схематическое изображение каждого из пяти врагов разделилось еще на пять частей, которые полностью подавили оборону шквалом микротокового огня. Наши собратья погибли, даже не успев понять, что происходит.

Клада оказалась беззащитна перед мощным ударом земного флота: двести микротоковых ракет. Айали, воскресившая меня, умерла во время первой волны, когда испарился жилой кластер N-17. Надежды на ее воскрешение не было. Она стала одной из множества тысяч смельчаков, которые пожертвовали собой в тот день. Орбитальные леса превращались в шары плазмы; цилиндры О'Нила и фермы лопались, изливая горящее или замерзающее бесценное содержимое прямо в пояс астероидов. Битва не была совсем уж неравной. Рельсотроны «Неруро» развернулись на своих маневровых двигателях, прицелились; их незримые мишени внезапно распустились ослепительно синими цветами жесткого излучения. Отряды бойцов несли потери в пятьдесят, шестьдесят, семьдесят процентов, но та горстка, что прорвалась к мясным кораблям, выдернула пилотов из их виртуальных снов и убила. В ближнем бою корабль-хлопушка тратил девяносто процентов боеголовок, но даже одной хватало, чтобы окружить яростно сбрасывающего скорость врага облаком текторов и превратить его вместе с командой в пузырящийся пластиковый шлак.

Флот из двадцати пяти земных кораблей сократился до семнадцати, двенадцати, восьми, пяти. В конце концов три истребителя развернулись и помчались прочь от «Неруро», кружным путем к Земле. Ходят слухи, когда пилотов спасли, то оказалось, что все они обезумели от сенсорной депривации и нехватки нейроускорителей. Но это легенда, а факты таковы: инфраструктура «Неруро» была разрушена на шестьдесят

процентов, из десяти тысяч жителей восемьсот настигла *Настоящая смерть*, а еще семьсот ждало воскрешение.

Это была последняя и величайшая битва в Войне Ночных вахтовиков. Потом земные корпорады и их политические марионетки сдались и уступили Солнечную систему за пределами орбиты своей планеты мертвецам. Они сказали, околоземное пространство принадлежит человечеству. Его никогда не отдадут мертвым. Это последний рубеж. Линия на песке.

Меня отозвали в «Неруро». За прошедшие три месяца клада избавилась от некоторых боевых шрамов, но отсутствие многих знакомых ориентиров говорило об истинных масштабах катастрофы. Растущие в невесомости деревья сгорели, все до единого. Однако над моей жилой капсулой по-прежнему вращалось «Неруро» – Великое Колесо.

Со всех клад созвали дипломатов и послов, чтобы пересмотреть стратегию ввиду завершения Войны Ночных вахтовиков. Мертвецы разделились на две фракции. Изоляционисты настаивали на немедленном распространении существующих клад по всей Солнечной системе, установлении и признании того факта, что мертвое трансчеловечество разорвало все связи с планетным человечеством. «Раздельное видообразование» – таков был их девиз. Интервенционисты полагали, что Войну Ночных вахтовиков нельзя по-настоящему выиграть, пока земные мертвецы, которые превосходили нас числом во много тысяч раз, оставались скованы двойными цепями: системой кабальных сделок contratada и прецедентом Барантеса. Истинная задача клад состояла в том, чтобы бороться за их освобождение любыми средствами. Разгорелись жаркие споры. У обеих сторон были убедительные аргументы. Интервенционисты одержали верх, поскольку понимали простую истину: мечту изоляционистов о вселенском трансчеловечестве невозможно достичь усилиями пяти клад, крупнейшая из которых только что потеряла незаменимые десять процентов населения, а наименьшая насчитывала ровно пятьдесят семь членов. Теперь, когда корпорады отступили, пополнить свои ряды мы могли только в перенаселенных некровилях Земли.

Предложение было принято с крошечным перевесом. Освобождение угнетенных станет главной задачей объединенных клад. Добровольцы отправились в сторону Солнца, чтобы проникнуть в планетарную зону отчуждения, проверить, какие настроения бытуют в сообществах земных мертвецов, и связаться с подпольщиками, если таковые существуют.

Мы попытались установить контакты с группами радикально настроенных мертвецов и крошечными организациями, которые

провозгласили своей целью освобождение. Оказалось, под их прикрытием действовал неожиданный союзник: Дом смерти. Связи были установлены, контакты налажены – они оказались тонкими и нежными, как паутинки, которые носит ветром. Если бы в «Теслер-Танос» обнаружили, что собственная левая рука корпорады замыслила убийство, ее бы отрезали без промедления. С практической точки зрения, это привело бы к введению эмбарго на поставки кодированных текторов. Города людей вновь столкнулись бы с *Настоящей смертью*, бродящей ночью по улицам.

А тем временем клады совершенствовали новые методы, внедряли новые технологии, придумывали новые стратегии. «Неруро» и Дом смерти постепенно придумали общий план.

Летать во время шторма оказалось потрясающе. Такую поэзию не передало бы ни одно хайку. Отключив все искусственные чувства, Туссен благодаря одной лишь интуиции пересек атмосферный хаос под грозовыми тучами, направляясь к темной башне отца. Заложил вираж в восходящем потоке, который вечно струился по стене акросанти. На сетчатке возникла пульсирующая синяя точка: запрос системы безопасности. Итак, настал момент Иуды. Одна ошибка в коде – и патрульные конвертопланы, зависшие в ночи цвета индиго, зафиксируют цели и выпустят ракеты. Под сводом его черепа эмоции сгустились до сложных побуждений. Запрос повторился. Туссен сделал выбор. Мысленное прикосновение запустило подкожный передатчик. Невидимый занавес раздвинулся. Летуны взмыли к верхушкам шпилей. Навигационные огни летательных аппаратов пульсировали под самым потолком из туч. Следуя примеру Туссена, квартет летунов закружился над хаотичной вершиной шпиля Сан-Габриэль. Предупреждающие символы затрепетали на сетчатке Туссена; красные схемы, уведомления о возможном столкновении и скорости. Он приближался, и неумолимая черная стена вздымалась над ним. В последний момент он сделал стойку в воздухе, сложил крылья, чтобы прекратить подъем, и мягко приземлился на балкон, с которого так эффектно вылетел утром.

«Пусть повторят, если осмелятся».

Он позволил себе легкую тщеславную улыбку, пока крылья прятались в корпус, а нейронные разъемы втягивались в спину.

Хуэнь/Тешейра упал на балкон, сопровождаемый шумом беспокойного воздуха.

– Что ты хочешь доказать, Ксавье?

Домашняя прога открыла двери и включила свет, когда

Туссен снова вошел в мансарду. Что-то стукнуло, звякнуло, грохнулось и выругалось на балконе. Квебек и Шипли приземлились успешно, хоть и весьма неэстетично.

Мы снова все вместе,
Мы здесь, мы здесь,
Мы снова все вместе.

Тон у детского стишка был подходящим, но не хватало одного слога, чтобы получился хайку. Прогремел гром, в тускло освещенной квартире на вершине башни он казался ужасающе близким. Чутье Туссена на погоду подсказывало, что худшее позади. Будет ливень. Он чувствовал кожей прохладное прикосновение синевы.

– Итак, Квебек, каков генеральный план клады «Неруро»? Уничтожить Адама Теслера и понадеяться, что вся эта хренотень развалится сама по себе? Но корпорады в наши дни – больше, чем просто один человек, независимо от того, чье имя указано в документах о регистрации фирмы.

Командир взвода расхаживал по квартире, разглядывая обстановку, как будто очутился в знакомом месте.

– Ксавье Теслер, у тебя нет души. Тебе продемонстрировали шрамы от удара кнутом, провели по лабиринту жизни. Ублажи собеседника. Дай ему возможность поступить так, как он задумал, хорошо? Он долго ждал этого момента.

И опять намек на то, что Квебек все это уже видел.

– Недостатка в добровольцах не было, хотя для выполнения миссии требовалось всего четверо. Благодаря своему прошлому я вошел в отряд по умолчанию. Тешейра, Оуэнс: оба ветераны-коммандос, участвовавшие в битве при «Неруро» и эксперты в области новых технологий. Шипли: обученный воин в прошлой жизни. Такая вот четверка. Ты поверишь, если я скажу, что можно быть мертвее мертвого? Чтобы преодолеть запретную границу, нас сократили до горстки текторов, прицепленных к твистору[151] Креббса, который содержал наши закодированные личности и воспоминания. Четыре жизни, способные уместиться на одной ладони, загрузили вместе с модулем среды в шарик из никелевой стали размером с твой кулак и отправили на Землю вместе с пятьюдесятью обманками в искусственном метеоритном потоке. Хоть какая-то польза от метеоритного загрязнения, спровоцированного электромагнитными катапультами. Помнишь, пять месяцев назад была короткая паника, когда пара кораблей с Обратной стороны проверила орбитальную систему защиты на прочность? Это был отвлекающий маневр ради нас.

Самоубийственный. «Лев Сиона» и вся его команда погибли, вызвав огонь на себя.

– А нынешний флот, он от чего нас отвлекает? Или на этот раз землян действительно разнесут в пух и прах?

– Поди знай, – сказала Шипли. – А вдруг, юное мясо, они просто хотят поговорить? По-человечески.

– Мы приземлились в шестидесяти километрах от океана. Модуль среды немедленно приступил к работе. Давление и вакуум им одинаково безразличны, и все же прошло еще целых четыре месяца, прежде чем мы очнулись в темных и холодных герметичных капсулах. В безлунную ночь мы поднялись с километровой глубины и вышли на берег к северу от Малибу. Мы знали, что нам нужно делать. Мы знали, кого искать. Мы знали, кто ты, кем ты был, кем ты стал, как тебя найти. Все, Ксавье. Таков был план. Он был идеален. А потом Оуэнс случайно наткнулся на дурацкого мехадора в Копананге. Произошла перестрелка, мы разделились. В Оуэнса попали. Он умер. Я это почувствовал, Ксавье. Вот тут. – Квебек прикоснулся указательным пальцем к шишковидной железе. – И точно так же я ощутил каждую смерть, в которой повинен твой отец. Вот тут. Я помню всех до единого, Ксавье.

– Не называй меня так. Это не мое имя. Я Туссен. В первую и последнюю очередь, на все сто процентов. Нет никакого Ксавье Теслера. Уже нет. Сын Адама Теслера мертв.

Смех Квебека был чересчур сильным и чересчур долгим.

– Эй, Ксавье, Туссен, или как там тебя, – крикнула Шипли, разлегшись на черном диване с мягкими резиновыми шипами. – Кушеточка просто зашибись!

Полночь – 4:00

2 ноября

Пальцы дождя гладили лицо Йау-Йау, ласкали потемневшую от щетины кожу головы, пробегали по закрытым векам, вдоль скул, по мышцам шеи и пытались забраться под плотно прилегающий воротник вирткомба.

Адвокаты, как и все существа, зарабатывающие на арене, – народ суеверный. Будучи юристом с гонконгскими корнями из сампанного городка, Йау-Йау на протяжении всей жизни испытывала удвоенное почтение к незримым духам и церемониям.

Всегда начинала надевать вирткомб на левую ногу, если вообще с неохотой снимала суперкожу. Всегда ступала на нечетную ступеньку Лестницы в небо, сходила тоже с нечетной. При входе в виртуализатор одежду снимала в неизменном порядке: головной убор (если есть), пиджак, рубашка, брюки, туфли. Не начинала и не завершала дела во вторник. Не ждала великих откровений в пасмурный день или после того, как поела индийской еды. Не рассчитывала на приятные отношения с кем-то по имени Хосе или Мерседес.

Всегда остерегалась плохой кармы во время ливня.

Сектор за сектором, улица за улицей Кармен Миранда восстанавливала электроснабжение Мертвого города. В верхней части фасада cuadra – многоквартирного дома – ожил Джин Келли и начал плясать под водостоком. Йау-Йау вытерла лицо. Это всего лишь вода. Никто не просит танцевать и петь под дождем, просто потерпи. Она натянула капюшон вирткомба и вышла из темного переулка. Толпа на улице, похоже, редела. Костюмы от ливня портились; группы танцоров шушукались и смеялись, беспечно шлепали по переполненным канавам. Семейные оркестры устроили перерыв, укрыв под навесами магазинов драгоценные барабаны. Блеснули рога в свете уличных фонарей, качнулись резиновые груди: группа омерзительно прекрасных desconfigurados[152] шла через толпу; величественные демоны, черные как грех, возвышались над заурядными гуляками, блистая сатанинским высокомерием.

Мертвые и живые вели себя с подчеркнутым спокойствием, как разводящиеся супруги на последнем званом ужине. Но это не скрывало их тревогу. Свечение над Ла-Брея Йау-Йау видела даже сквозь завесу дождя.

– Йау-Йау.

Не голос, а бульканье кровавых пузырей, протянутая рука – осколки костей, торчащие из разорванной плоти. Ногти обломаны. Йау-Йау узнала цвет лака.

– Яго?

– Твою ж мать, это больно… А говорили, что мне никто больше не сумеет навредить. Вот сволочи.

Виртком загрузил из небольшой встроенной памяти правила элементарной первой помощи. Йау-Йау осторожно вывела Яго из укрытия за ящиками из-под фруктов и массивными мусорными баками, уложила на спину. Его грудь вздымалась под оболочкой из блестящей лайкры, в теплом, пронизанном неоном воздухе дыхание превращалось в пар. Прохожие шли мимо. В некровиле кровь на асфальте не удостаивали даже беглым взглядом.

– Иисус, Иосиф и Мария… Яго…

Из уголка его рта сочилась кровь. Видя, что он не может даже пошевелиться, Йау-Йау присела рядом и вытерла кровь узорчатой подкладкой своей кожаной куртки. Те, кто его бил, целились в голову. Лупили бейсбольными битами, металлическими трубами, молотками. Он закрывал лицо руками. Кисти, предплечья, плечи больше всего пострадали. Левая бровь кровоточила без остановки, уши ужасно распухли и посинели. Кровь и пудра с блестками. Йау-Йау задалась вопросом, не отравится ли он.

Яго рассмеялся. Явственно заскрежетали сломанные ребра.

– Со мной все будет в порядке. Шалтай-Болтай соберется сам. Они не должны были бить меня так сильно. Ублюдки… – Он осмотрел изуродованные руки. Дождь размазал кровь по запястьям. – На то, чтобы привести их в нужный вид, ушло пять часов!

– Кто это сделал, Яго? Мясо? Некрофобы?

Яго покачал головой, его затошнило, и он сплюнул в канаву.

– О, ради Бога, помоги мне встать. Как же это унизительно. – Йау-Йау подняла его и, как сломанную куклу, прислонила к стене магазина электротоваров. Для четырех утра – классическая поза: вечер с другом и бутылкой удался.

– Йау-Йау, послушай. Мартика Семаланг. Ее схватили.

– Ее схватили? У кого она? Что случилось?

– Первый признак хорошего адвоката – пытливый и дисциплинированный ум. – Яго поморщился. – Люди, которые сделали это со мной… Я встретил ее, как ты и сказала, на углу, прозвучали правильные пароли, «Лестница в небеса», «Долбаный Дэвид Нивен», вся эта хрень для пятилеток. И вот она задает вопросы, на которые я не знаю ответов, и я пытаюсь сказать ей это, как вдруг подъезжает большая черная машина, и шесть

придурков-модификантов выходят, бьют меня битой по физиономии, тащат эту Семаланг внутрь, бьют меня еще немного, потому что им, кажется, очень понравился сам процесс.

– Ох, Яго.

Неужели все это должно было случиться? Неужели в каждом частном расследовании необходимо вот так бегать туда-сюда, не понимая, что происходит? Бывало ли когда-нибудь, что все части головоломки складывались, как в модели континентального дрейфа, и адвокат-расследователь мог спокойненько сидеть и решать проблему в тишине и уюте своей гостиной, с пивом и приятной фоновой музыкой?

– Окажись на моем месте ты, carnito[153], тебя бы уже засунули в резервуар Иисуса. Я пытаюсь донести до тебя эту истину. Большая черная машина – помнишь? Это был катафалк из Дома смерти. Со знаком в виде буквы V на двери, да-да. И я узнал шныря в костюме, который командовал. Большой говнюк по фамилии Ван Арк. Он знаменитость. Руководит центральным Домом смерти Святого Иоанна. Эй. Постой, Йау-Йау. Вижу, ты готова умчаться прочь, стуча каблучками, и причинить добро по списку. Но сперва вспомни наш прерванный разговор.

– Что-то про какого-то Макгаффина?

– М-да. Что получится, если забрать у адвоката усилители памяти… Макгаффин – это приспособление для ловли львов в Шотландии.

– Я помню: но в Шотландии не водятся львы.

– Следовательно, никакого макгаффина не существует. И уж точно никакого Ларса Торвальда Алоизиуса МакГаффина. Его никогда не было, если не считать фильмов Альфреда Хичкока. Хорошо, что у тебя удобная обувь, Йау-Йау, потому что кто-то играет с тобой в догонялки. – Яго махнул рукой, поморщился и несколько мгновений дышал с трудом. – Вот дерьмо. Тебе не кажется, что такие вещи никогда не случаются с нелюбимыми платьями?

– У меня нет никаких платьев, Яго.

– Тебе же хуже. В классической теории Хичкока у «макгаффина» единственный смысл – заставить человека, который уже бежит, не останавливаться.

– То есть меня?

– И того, кто попытался тебя токнуть. А также того, кто забрал у меня твою клиентку. Пока вы все бегаете вокруг, как безголовые петухи, по-настоящему важные события происходят где-то совсем в другом месте.

– А Мартика Семаланг?

– Querida, она и есть макгаффин.

Таким вещам не учат на юрфаке, abogadito.

– Кажется, у меня есть несколько вопросов, которые хотелось бы задать этому Ван Арку. С тобой все будет в порядке, Яго?

Он показал ей руки. Обнаженная кость уже покрылась полосами розовой синтетической плоти. Струпья затвердевали, рубцовая ткань усыхала, синяки исчезали на глазах.

– Я же сказал, что соберусь. – Кривая полуулыбка, среди руин макияжа выглядевшая жутковато, оказалась всем, на что ему хватило сил. – Йау-Йау! – Она уже одолела половину квартала. – В кои-то веки возьми такси.

На пожарной лестнице главного Дома смерти в некровиле Святого Иоанна Йау-Йау росо а росо[154] вскрыла замок.

Все виртомбы профессионального уровня обладали встроенными рудиментарными техническими возможностями; нити из пальцев проникли в молекулярную решетку замка, наносистемы транслировали схемы на ее сетчатку и просчитывали перестановки. С точки зрения Йау-Йау, чьи миелиновые оболочки нейронов за годы употребления неуроускорителей привыкли к гиперскоростям корпоративных процессоров, все происходило с той же мучительной неторопливостью, как и рост бонсай, которые ее дедушка развесил в хитроумных проволочных люльках на водостоках сампана, подальше от неуклюжих двуногих и грязной морской воды. Крошечные деревца в крошечных горшках, обвязанные медной проволокой. Девятилетняя Йау-Йау их жалела, чувствуя, что видит собственное прошлое и будущее.

«Ты смотришь как человек; чтобы все правильно понять, смотри как дерево, – сказал дедушка, поскольку от китайских дедушек ждут мудрых речей. – Ты видишь страдающие души, связанные тугой проволокой, пойманные в ловушку. А деревья – души борющихся за свободу, рост, самовыражение, поиск пути к совершенству. Это может занять много жизней, ты и я, возможно, уйдем в Мертвый город к тому времени, когда деревья достигнут совершенства, но они знают, что однажды будут свободны».

Виртомб передал на ее зрительную кору медленно растущую зеленую паутину, сетку капилляров: графическое отображение сигнализации Дома смерти. Сама Йау-Йау на схеме была отображена нелестным символом «женщина».

«Оценочное время до конца сканирования: семьдесят восемь целых шесть десятых секунды», – напечатал виртомб на внутренней стороне ее глазных яблок. Зубы мудрости и те растут быстрее. Голубовато-зеленый икарозавр длиной не больше кисти Йау-Йау наблюдал за ней со своего сухого насеста под козырьком, плотно прижав к телу кожистые крылья. Адвокатесса хмуро

посмотрела на него: еще один грязный паразит, пожиратель мусора.

После того, как дедушка погиб во время пожара в сампане, она сняла медную проводку со всех его бонсай, сказав им: «Будьте свободны, развивайтесь!» Она не знала, что ветка, которую однажды вынудили согнуться, никогда не станет прежней. Искривленный ствол не может выпрямиться и потянуться к солнцу. В течение года все деревья дедушки погибли от недостатка ухода, но Йау-Йау усвоила урок. Она избежала проволоки, которая могла бы ее связать; железная воля к успеху, стремление расти навстречу свету завели ее в круги, о которых Город утопленников мог только мечтать, однако перипетии и детские травмы от жизни в Сампан-Сити навсегда оставили отметины на ее душе. Дерево, которое подвязали слишком туго, сказал дедушка, сохранит следы от проволоки. Йау-Йау была экспертом по таким следам.

«Сканирование завершено», – сообщил виртком. Паутина информационных вен и артерий потускнела; узор схем толщиной в микрон втянулся через промежутки между молекулами обратно в кончики пальцев Йау-Йау. Засовы отскочили с приятным лязгом. Вытерев дождь с лица тыльной стороной ладони, адвокатесса напустила на себя серьезный вид и пнула зеленую дверь.

– Ой, – сказала Йау-Йау.

– Здрасьте, – ответил человек с очень большим пистолетом, который ждал по другую сторону зеленой двери. – Сеньора Мок? Будьте добры пройти со мной.

– Вы Ван Арк?

– Я Ван Арк. – Выше ее, темнее, лучше подвешен язык. Моложе, если не считать глаз. Глаза мертвецов, как и руки трансвеститов, выдавали их истинную сущность.

– Вы украли моего клиента. – Мертвец не ответил. – Ваши головорезы избили моего хорошего друга.

– Так подайте на меня в суд. Было бы гораздо проще, если бы вы постучали в парадную дверь, сеньора Мок, – мягко проговорил Ван Арк. – Как-никак, мы вас ждали.

– И сколько еще древних детективных клише мне придется отыграть… – сказала адвокатесса, удивляясь собственной дерзости: ствол пистолета почти уперся ей в левое ухо.

Ван Арк привел Йау-Йау в какую-то комнату. Единственным источником света было тусклое зеленое мерцание настольного инфодисплея и рассеянный уличный свет через залитое дождем панорамное окно во всю стену офиса. Хорошая звукоизоляция; ни крики, ни барабанный бой не нарушали тишину Дома смерти.

Зрение Йау-Йау медленно приспосабливалось после стерильного сияния коридора. На фоне окна вырисовывались силуэты двух женщин: одна сидела, другая стояла прямо за сидящей фигурой. Сидевшая была Мартика Семаланг. Призрачный свет монитора озарял ее лицо. Она выглядела тем, кем и была: мертвячкой.

– Йау-Йау… – Голос превратился в сдавленный скрип. – Я знаю, кто я.

Внимание адвокатессы было полностью сосредоточено на силуэте женщины, которая стояла позади Мартики Семаланг. У живых существ не бывает столько рук. Особенно растущих вот так, выглядящих вот так, распростертых с растопыренными пальцами над плечами и черепом.

– Твою мать… – прошептала Йау-Йау.

– Некоторые Дома смерти отказали бы в изменениях, которые потребовала Айлита, – сказал Ван Арк, убирая пистолет в кобуру под безупречно сшитым костюмом и включая незаметную лампу для чтения. У мертвой женщины был такой взгляд, что Йау-Йау не могла перестать смотреть на нее. Голову и шею Мартики Семаланг покрывали ладони со сцепленными пальцами, которые медленно разжимались – как будто расцветали непристойные цветы из плоти. Всколыхнувшись волной, эти пальцы поприветствовали Йау-Йау. – Технические характеристики были уникальными, тектоинженерные параметры – точными; и все же я думаю, вы должны признать, что наша команда дизайнеров справилась с этой задачей в весьма творческой и оригинальной манере.

– С какой еще задачей?

– Ах, если б у себя могли мы увидеть все, что ближним зримо[155], – продекламировал Ван Арк. Женщина с руками вместо волос улыбнулась. У нее было прекрасное, ангельское лицо. Часть ладошек приподнялась над ним; вместо предплечий они росли из мускулистых щупалец, похожих на веревки. – Телепатия, сеньора Мок. Разрушение барьеров самости. Проникновение в мысли другого человека. Осознание того факта, что «другой» действительно существует.

Мартика Семаланг плакала, опустив голову и спрятав лицо в ладонях; она была уничтожена.

– Невозможно.

– И это говорит адвокатесса, которая полжизни проводит в сети? Вы молекула за молекулой пробрались в нашу систему безопасности – которая, кстати, не такая старая и не такая ветхая, как кажется, – вы стали единым целым с ней, ее физическим продолжением, а она – вашим. То же самое с Айлитой: молекула за молекулой, воспоминание за воспоминанием она внедряет

свои тектосхемы через череп в мозг клиента, становясь единым целым с ним, думая его мысли, чувствуя его эмоции, переживая его воспоминания, передавая их кому-то еще. Вы удивитесь, узнав, какой существует рынок для живой эмпатической связи между разумами. Службы безопасности корпорад, которые хотели бы знать, говорят ли их сотрудники правду. Сексуальные партнеры, возжелавшие обменяться телами. Конечно, подобные услуги обходятся недешево, но Айлита в долгу перед нами. Не желаете ли демонстрацию?

Мертвячка шагнула в сторону Йау-Йау, вытянув руки-щупальца во всю длину. Адвокатесса отпрянула.

– Если эта сука подойдет ко мне, я сломаю ей пальцы. Все без исключения. – Носить знание как идеальную кожу, мембрану между собой и миром, удобно и безопасно. Допустить, чтобы это знание проникло под кожу, в тело, внутрь? Сродни изнасилованию. Йау-Йау была категорически против.

– Простите, – сказал Ван Арк. – Связующее Звено не хотела вас напугать. На самом деле, мы вас сюда привели не для того, чтобы разыграть хрестоматийную сцену из нуарного кино – просто поскольку все прочее у нас есть, я не вижу причин, по которым сеньоре Семаланг могли бы отказать в адвокате.

– Йау-Йау, она увела меня туда, – сказала Мартика Семаланг, чье лицо было залито слезами. – Она вернула меня назад, заставила вспомнить. Прошлое, Йау-Йау. То, что случилось.

– Ваша медуза из зоомагазина проникла в ее голову и взломала встроенные энграммные шифры.

Связующее Звено одарила Йау-Йау высокомерным взглядом: «Ты, суетливое мясцо, завернутое в кожу».

– Всё, Йау-Йау. Фотография, дом – все. Теперь я знаю. – Йау-Йау раньше не видела, чтобы мертвецы плакали.

– Учитывая, что мы кое-что не доделали, возможно, было бы лучше вам все испытать на собственном опыте, – предложил Ван Арк. – Тогда мы избавимся от многословных разъяснений.

– Вы хотите, чтобы я… с ней?

– Нам не нужно трахаться, дорогуша, – сказала Связующее Звено. У нее был на удивление глубокий и звучный голос. – Мы всего лишь прокатимся тандемом. И тебе даже не придется впускать меня в свою голову; я подключусь к костюмчику и нарисую тебе картинку, как в виртуальности. – Она придвинула вращающееся офисное кресло и села прямо за Мартикой Семаланг. Щупальца вытянулись, ладони окружили голову жертвы. Возложение рук. Йау-Йау ощутила, как подкатывает комок к горлу, и с трудом взяла себя в руки.

– Как ваш законный представитель, советую этого не

делать, – сказала она.

– Йау-Йау, все в порядке. Я хочу этого, пожалуйста, пойми. Я хочу знать. – Ладони и пальцы надавили на голову Мартики Семаланг. Мертвячка зажмурилась и приоткрыла губы в выражении религиозного восторга и боли. Связующее Звено протянула еще две руки от основания своего черепа к Йау-Йау.

– Ты идешь со мной или нет, мясная детка?

Йау-Йау неохотно взяла протянутые руки, но не смогла подавить дрожь, когда синестетическое покалывание пробежало по предплечьям. Контакт. Текторные системы сталкивались и сливались, как средневековые армии, перебрасывая через рвы и траншеи самости молекулярные мосты и лестницы.

И Йау-Йау Мок очутилась в памяти другого человека.

Этот человек тонул и видел, как гласила легенда, всю свою жизнь как проекцию на небо, к которому так отчаянно стремился. Но его тянуло вниз, вниз, вниз, все дальше и дальше, события чередовались с молниеносной скоростью, минуя скучное и обыденное: отредактированные избранные моменты великой цепи бытия; из утробы в могилу за двадцать три минуты с перерывами на рекламу. «Спонсор этой жизни – компания такая-то».

Вечеринка по случаю восьмого дня рождения, которой для нее не устраивали, с друзьями, которых не было, в доме, где она никогда не жила, но он был ей так же знаком, как пять привязанных друг к другу барж – место, где она родилась и выросла. Дом на той фотографии, где виднелся фрагмент таблички. Восемь свечей на торте. «С днем рождения тебя, с днем рождения тебя…»

Первый неуклюжий трах с Марко из общей компании, в то время как мать объезжала нового бойфренда в Тахо. Ныряние на Барьерном рифе с высокими красивыми хихикающими подружками, доставленными прямо из рая, после чего они валялись на веранде, курили гашиш и разговаривали о мужчинах и будущем, о мужчинах и карьере, о мужчинах, да-да, о мужчинах.

Диплом с отличием по специальности «Теоретическая наноинженерия и дизайн». На карьерном экспресс-лифте прямиком в научно-исследовательский отдел «Теслер-Танос». Квартира на двадцать пятом уровне с видом на океан и автомобиль-оборотень – модель, популярная среди сотрудников корпорады в этом сезоне. Суборбитальные рейсы на конференции по наноинженерии в Сингапуре, Шанхае и Вальпараисо. Солнечные каникулы в тени Килиманджаро и снежные каникулы в тени горы Эребус. Переговоры. Партнеры. Повышение по службе.

«Кодекс 13». За этим названием возникли многоуровневые воспоминания: она как будто увидела сперва замок, потом дверь, стену, лабиринт за стеной, изумрудную цитадель, содержащую этот лабиринт.

Идея: отказаться от модели раковой клетки, которую Адам Теслер взял за основу своего тектора-биорепликанта, разрушающего все, к чему он прикасался; обратиться к шаблону менее прожорливому, более жизнеутверждающему – человеческой гамете.

Пятеро исследователей, натянув виртомбы, объединились и стали изучать фуллереновые купола и своды своего тектора, как атеисты – собор Святого Петра, охая и бормоча при виде мраморных ангелов.

«Бессмертие-без-смерти», – прошептала Йау-Йау в своих мечтах о жизни, которую могла бы пожелать для себя. Великий Грааль.

И с осознанием того, что Адам Теслер, однажды ставший спасителем мира, не был готов стать им снова ввиду затрат и рыночных сложностей, случилось предательство.

Зашифрованные звонки. Тайные встречи на горных курортах и в отелях подле пустынных оазисов. Отказы: *нет, я пас, это против правил, а если они узнают?* Поездка в плавучий игорный комплекс в двухстах километрах от Тихоокеанского побережья Мексики, где Покупатель без лица и имени наконец обрел и то, и другое. Роланд Карвер, руководитель специальных проектов компании «Аристид-Тласкальпо».

Деньги. Сделка. Суета. Фрагменты воспоминаний: комната, цвет, примечательные духи личного секретаря, степень освещенности, водные глубины.

Высота солнца над горизонтом, песня в радиоэфире, запах кофе, аромат масла для купания, журчание горячей воды, наполняющей ванну, и вот люди в боевом камуфляже корпорады открывают дверь, которую можешь открыть только ты; наплевав на протесты и угрозы, хватают тебя, затыкают рот рукой в перчатке, тащат за ноги, за руки на залитый солнечным светом балкон с видом на далекое море; держат над краем, пока ты брыкаешься и вырываешься, безнадежно, беспомощно, и один из них вытирает мочу и дерьмо с перил. Потом они вываливают тебя голой из шелкового кимоно прямиком в полукилометровое ничто.

– О, господи, господи, господи… – зачастила Йау-Йау, позабыв о том, что ее религией когда-то был даосизм, и вынырнула из виртуальности вся в поту, дрожащая и бледная, как будто у нее начался отходняк после прихода. Связующее Звено обвернула руки вокруг головы, прикрываясь ладошками, как

скромница веером.

– Они убили меня, Йау-Йау, – сказала Мартика Семаланг. – Они узнали о сделке, которую я заключила с «Аристид-Тласкальпо», и убили меня.

– Не только это, сеньора Мок, – сказал Ван Арк. Освещены были только его руки, лежащие на столе под настольной лампой. – Корпорада «Теслер-Танос» должна была убедиться, что тайна «Кодекса 13» умерла вместе с Мартикой Семаланг. К сожалению, это оказалось сложнее, чем они думали: нельзя просто взять и стереть один набор связанных воспоминаний, энграммы хранятся в мозге на квазиголографической матрице с множественными резервными копиями. Как подтвердит Связующее Звено, очень трудно пройтись по каждому закоулку и проверить каждую щель, где может прятаться память. Гораздо проще стереть женщину, которую якобы звали Мартика Семаланг, целиком.

– Мадрилена Фуэнтес, – сказала мертвячка, чье лицо было единственным четко освещенным объектом в темном кабинете Ван Арка. – Я была Мадриленой Фуэнтес.

Густые струи дождя, текущие по окну, напоминали мокрые неоновые пальцы на стекле.

– На что «Теслер-Танос» не рассчитывала, так это на нелояльность персонала их Дома смерти, – сказал Ван Арк.

– Вам платит «Аристид-Тласкальпо».

– Бессмертие-без-смерти превращает корпораду «Теслер-Танос» в ископаемое. Как думаете, долго продержатся система contratada и прецедент Барантеса, когда бессмертными станут все – и живые, и мертвые? Конечно, «Аристид-Тласкальпо» щедро меня подкармливала на протяжении многих лет, и так уж вышло, что я оказался полезен, когда сеньора Семаланг не явилась на важную встречу. Но в конечном счете мы, мертвецы, заботимся только о собственных интересах.

– Как вы нашли меня? Сеньору Семаланг? Нас обеих? – спросила Йау-Йау.

– Когда во время игры в прятки за тобой повсюду таскается упертый серафино в облике Кармен Миранды, это очень упрощает дело, – сказал Ван Арк.

Звук авиационных двигателей проник сквозь звукоизоляцию офиса в достаточной мере, чтобы его почувствовали все. Вероятно, летательный аппарат спускался с большой высоты, переведя винты в режим вертикальной посадки, чтобы приземлиться прямо на улице. Здание содрогнулось. Звук достиг сокрушительного крещендо. Размытое пятно цветных огней на мгновение зависло за окном; поток воздуха от винтов размазал

капли дождя, превратив их в веера и дельты.

– А, это сеньор Карвер, – сказал Ван Арк и встал, как будто собираясь встретить гостя. – Пришел забрать кое-кого. Вовремя. Вам не кажется, что пунктуальность – это связанная со временем разновидность паранойи? Сеньора Мок, если хотите сопровождать клиентку, не думаю, что у «Аристид-Тласкальпо» будут какие-либо возражения. После того, как Связующее Звено даст им желаемое, вы обе сможете уйти, куда захотите.

И в ту же секунду вопросительные знаки, которые Йау-Йау запустила в полет за столиком во дворе «Такорифико Суперика», обрушились на нее, как стремительно падающие спутники связи.

– Ван Арк! – Кто-то приближался по длинному коридору, далекие гулкие шаги звучали все громче. – Что-то не сходится, Ван Арк.

Топ-топ-топ: все ближе и ближе.

– Кто-то токнул ресторан, токнул адвокатское бюро, потому что не хотел оставлять то, что можно воскресить. Ван Арк, почему они ее не токнули? «Теслер-Танос» мог раз десять превратить Мадрилену Фуэнтес и «Кодекс-13» в плазму, так почему же это не произошло?

Шаги за дверью, короткая пауза – кто-то ждал отставших.

– Ван Арк, зачем так старательно изображать несчастный случай и стирать ее память?

Дверь скользнула в сторону. Силуэты на фоне освещенного коридора, ослепительного для глаз, привыкших к темноте.

– И в самом деле, сеньора Мок, – сказал кто-то в коридоре. – Зачем?

Вспышка от выстрела осветила просторный офис, словно молния, и заморозила все мысли, решения и действия, погрузила в зеленый лёд. На зрительной коре Йау-Йау навеки – как силуэты жертв Хиросимы – отпечатался образ Ван Арка, которого МИСТ-27 превратил во что-то отвратительное, жуткое, мерзкое, невообразимое и… мертвое. В ужасе раскинув духовные руки, женщина по имени Связующее Звено отпрыгнула к окну. Новая вспышка – и теслер размазал ее по стеклу, залитому дождем. Зажегся ослепительный свет. Пытаясь сморгнуть послеобразы на сетчатке, Йау-Йау увидела инфошлемы, похожие на хитиновые головы богомолов, боевой камуфляж, едва различимый на фоне коридора, и дуло большого теслера в руках главного asesino[156], направленное на нее.

– О нет, – прошептала она. – Нет, нет, нет, нет!

Убийца издал негромкий сдавленный звук. Временно забыв про убийства, он посмотрел вниз и увидел нечто незапланированное: тридцатисантиметровый зазубренный

алюминиевый стержень, торчащий из грудины.

Его compadres уже не были на посту.

Он рухнул, как срубленная секвойя.

Коридор был полон оборотней, вооруженных – как показалось Йау-Йау, уверившейся, что она сошла с ума – очень большими подводными ружьями. Сквозь массу меха, клыков и ярости проступил силуэт; высокий мужчина – волейбольного роста, подумала галлюцинирующая Йау-Йау, – в камуфляжном костюме с несообразным узором в виде множества Мандельброта[157]. Его бритая голова посверкивала, словно от пудры с блестками. Вокруг панорамных скан-очков виднелся потрескавшийся тональник и немного румян.

– Яго?

– Йау-Йау! – Прогер просиял и с нескрываемой теплотой обнял ее по-медвежьи, так, что ребра затрещали. – Querida!

Дождь.
Майларовые[158] *крылья*
В западне зеленого стекла.

Платформа лифта поднялась выше всех, не считая самых смелых летунов, облюбовавших просторный главный атриум аркосанти. Яркие крылья, дерзкие черепа и акульи челюсти – все нарисованное, – крутые повороты, эффектные фигуры высшего пилотажа вокруг люстр и нависающих комплексов с апартаментами корпоративной верхушки. Птицы в клетке. В ловушке. Бесплодные. Прирученное небо. Крылья мелькали на фоне тридцатиметровой голограммы Адама Теслера на изогнутой стеклянной крыше. Взгляни на свой избранный народ, Творец Яхве. Фундаментальный уровень политической привязанности – чувства, которые индивид испытывает к фигуре лидера. Сотрудник «Теслер-Танос» заключал контракт не с корпорадой, а с человеком – Адамом Теслером. Глава корпорады всегда хвастался, что его contratistos знали, кто они такие, что они собой представляют, чему и кому принадлежат.

«Феодальный город-государство, – сказал он. – Даймё[159] Теслер».

Нет, семья. Династия.

«Коза Ностра, – сказал он. – Мафия».

Одна маленькая птичка отказалась резвиться и петь под улыбающимся лицом своего отца. Она расправила крылья и улетела прочь от всего, что ей обещали.

Квебек разглядывал громадную физиономию Адама Теслера.

«Познай своего врага, – мысленно попросил Туссен. – Познай

его, как самого себя. И даже больше. Познай его лучше, чем я его знаю, познай меня, познай это место. Ты ведь уже сталкивался с непостижимым».

Лицо у Квебека было как у того, кто вернулся домой после долгих странствий.

Верхняя галерея, где никогда не бывало так шумно, как на нижних уровнях аркосанти, в эту Ночь мертвых практически пустовала. Живые воскрешали их, давая возможность трудиться, взирали на них с высоты своих жилищ, питались плодами, политыми их потом, а в ночь карнавала веселились вместе с ними.

Они перешли мостик, оставив позади сверкающий атриум. Перед ними простирался нанотехнологический ад производственных зон.

– Muy imponente[160], – прошептала Шипли, кутаясь в резиновую куртку с шипами – под стать дивану[161], – которую она вызволила из пентхауса Туссена.

Расстояние между геотермальными ядрами, высасывающими сейсмическую энергию из лос-анджелесской разломной зоны, и похожими на торт «наполеон» пластинами атмосферной установки, излучающей отработанное тепло в ночное небо в виде термодинамического шлейфа, видимого с Луны, составляло один километр. Между высокой дамбой, пересекающей тектофабричное ядро, и освещенными окнами отдела управления и производственного контроля тоже был километр. Внутренность огромного цилиндра была на две трети заполнена эволюционными машинами – шаровидными ферментерами, каждый по сто метров в поперечнике, окруженный кишками трубопроводов, воздуховодов, электрических кабелей. Туссен всегда воображал, что слышит, как внутри кипят и бурлят текторы, воспроизводя себе подобных из химического сырья. Огромные живые органы внутри корпоративного тела; железы, выделяющие гормоны, которые добывали нефть из камня, воду из скал, строили дороги из песков пустыни, поднимали города из пыли, выплавляли автомобили из шлака, компьютеры из мусора, лекарства из пластикового мусора, удобрения из облаков. И еще они воскрешали мертвых.

– Дерьмо, – сказал он. – Органическое сырье для процесса Теслера получают из канализации.

– Мы рождаемся между калом и мочой,[162] – процитировал Квебек. – Клады используют кометный лед. Грязную воду.

Туссен вспомнил, как стоял здесь в последний раз: отец приближался к нему от дверей лифта, ведущего на вершину шпиля.

– Сынок. – Этот темный старомодный костюм, эти глаза, черные от поляризованных контактных линз; эти безупречные манеры и мягкий голос, заставивший многих поверить в его податливость. Они поплатились за свою ошибку.

– Я стал другим.

– Ах да. Туссен. Друзья тебя так называют, верно? Хочешь, чтобы я обращался к тебе так же?

– Нет. – Внезапно ему стало стыдно за избранные имя и личность. Он смутился, как подросток. – Ксавье. Если тебе нужно называть меня как-нибудь, называй по имени, которое сам и придумал. Но я тебе не «сынок».

– Ксавье. Дизайнеры наркотиков, бездельники, занимающиеся небесным серфингом, скучающие светские девицы с мозгами между ног, золотоискательницы из Города утопленников, ищущие путь в приличное общество: я очень сомневаюсь, что такая компания будет тебе полезна.

– Я выбираю друзей не с точки зрения их «пользы».

– Конечно. Само собой. Но, прости за банальность, «когда-нибудь все это будет твоим, сын мой» – а у тех, кто связан с корпорадами, хорошая память на скандалы. Знаю, ты этого не желаешь, но оно твое. Так положено. Этого требует преемственность. Твоя ДНК включена в коды доступа, это было сделано сразу же после того, как ты появился на свет. Просто призови их, когда захочешь, и они будут служить тебе. Я знаю, в двадцать один год все это пугает. Ступай куда хочешь, прислушайся к своей жажде странствий. Присоединяйся к águilas – это славная, здоровая жизнь, они хорошие люди, судя по тому, что я о них знаю, – иди и летай с ними, живи с ними, будь одним из них. Если понадобится оборудование, модификации, что угодно, я заплачу. Если тебе надо к ним – ступай к ним, и когда будешь готов, сколько бы времени это ни заняло, возвращайся и займи свое законное место.

– Мне не нужно твое разрешение. Если я присоединюсь к águilas, то только потому, что хочу быть кем-то другим, а не наследником престола. Если я попрошу дать мне свободу, позволить уйти и не возвращаться, ты на такое осмелишься?

– Свобода – это иллюзия. Спроси своих приятелей-águilas. Они добиваются свободы только путем коварнейших компромиссов с законами, гораздо более неумолимыми, чем те, которые действуют здесь.

В тот же день Туссен пошел к Сантьяго и одолжил денег на модификацию тела, чтобы стать настоящим águila.

– Грезишь наяву, да? – Непристойная фамильярность прикосновения Хуэнь/Тешейры к руке заставила его резко очнуться. – Давай, мясо, у нас дела. Надо кое с кем повидаться.

Насколько велики должны быть грехи отца, чтобы сын мог небрежно размышлять о его убийстве?

Прога лифта неохотно приняла идентификационный код Туссена.

– Отвези нас в отдел управления данными, – объявил Квебек.

Лифт услышал, но не подчинился.

– Для этого нужен код безопасности, – объяснил Туссен.

– Пожалуйста, введи его.

На центральной колонне из патинированного дерева услужливо выступила наборная панель с десятью кнопками.

Туссен представил себе, как позеленевшие медные двери распахиваются на равнину из пестрящего слюдой гранита; вообразил угол, под которым лунный свет будет пробиваться сквозь стены из узорчатого стекла. Павлин откроет сотню глаз, ультрамариновый тектозавр лениво пошевелится на своем насесте. Отец проснется в спальне, удивленный и, возможно, испуганный, но спустится в кабинет, выглядя безупречным и готовым ко всему, как обычно. Чего он не мог вообразить, так это выражения лица Адама Теслера, когда тот поймет, кто привел к нему тихих убийц.

Он набрал код. Ноль. Два. Три. Семь. Шесть. Семь. Одна цифра. Одна цифра отделяла предательство от спасения.

Квебек поймал его за запястье, когда он опустил палец на последнюю шестерку. Хватка мертвеца была поразительно сильной.

– Осторожнее, – сказал он.

Туссен нажал «шесть». Мембрана над ними открылась, и платформа лифта поднялась в прозрачную шахту на боковой части шпиля.

– Господи, он же мой отец, я не собираюсь стоять в стороне и смотреть, как вы его хладнокровно убиваете, – ровным голосом произнес Туссен.

– Я же тебе сказал, что мы не собираемся его убивать, – ответил Квебек, глядя на неуклонно расширяющуюся панораму городских огней.

Дождь стекал стометровыми слезами по внешней стороне защитной трубы. В полукилометре над полупрозрачным зеленым куполом атриума подъемная платформа резко остановилась. Созвездие мигающих огней висело в ночи; патрульный конвертоплан с оружием наготове парил на своих винтах в пространстве между тремя башнями. Туповатая прога лифта

перекинулась идентификационными кодами с безликими охранниками.

– Ой-ой, какие все сегодня нервные, – сказал Квебек. Он посмотрел на Хуэнь/Тешейру. – Вряд ли их можно за это упрекнуть.

Контрольная колонна просигнализировала, что код Туссена принят. Конвертоплан устремился сквозь неутомимый дождь, посверкивая зелеными дюзами. Лифт продолжил подъем к нависающим тучам. В пятидесяти метрах от пентхауса он остановился и открыл мембранную дверь в стене шпиля.

Скучающая молодая женщина за стойкой удивилась: в столь поздний час в компьютерном центре обычно бывали только сотрудники. Вслед за изумлением на ее лице отразилась подозрительность.

– Ах, сеньор Теслер, – простите, но мне придется связаться со службой безопасности для проверки.

– Даже если речь идет о сыне президента? – лукаво поинтересовалась Шипли, опершись локтями о стол и склонившись к рецепционистке.

– Даже в этом случае, сеньора.

Болезненный трепет парализовал Туссена, когда Шипли взяла ее лицо в ладони.

– Нет! – закричал он, когда лицо Шипли превратилось в потоки серебристой тектоплазмы. Recepcionista сопротивлялась и булькала, пока вещество по имени Шипли вторгалось в ее глаза, уши, нос и рот. Руки отпустили ее лицо; большое, мускулистое тело рухнуло с открытым ртом и выпученными глазами. Recepcionista обошла стол, сняла с кочеры черную резиновую куртку с шипами и надела ее поверх делового костюма.

– Что ж, неплохо, – сказала она своим и одновременно чужим голосом, потом указала большим пальцем на кочеру. – Выкинем? Вдруг ее кто-нибудь увидит.

– Оттащи за стол. Когда ее найдут, будет уже слишком поздно что-то предпринимать.

Биолюминесцентные маркеры провели их внутрь по коридорам, завитым спиралью. Несколько техников и бригада уборщиков, с которыми они столкнулись по пути, едва удостоили их взглядом. Здесь были только те, кто имел на это право. А если не имел, то это чья-то другая проблема. Вполне вероятно, что они не узнали наследника престола.

Мертвецов тут не было. Только мусорное мясо, noncontratistos. «Теслер-Танос» была единственной из могущественных корпорад Тихоокеанского региона, которая не опиралась на армию законтрактованных мертвых. Ими руководил

Дом смерти, темная левая рука Адама Теслера. Туссен так и не понял, было ли пренебрежение собственным творением актом крайнего презрения или несравненного великодушия.

На небесах, конечно, все обстояло совсем иначе. Небеса были обителью мертвых: орбитальные фабрики «Теслер-Танос» держались на ночных вахтовиках – тех, кого зашанхаили[163] прямиком в paraiso[164].

Туссен всегда ценил монастырскую простоту компьютерного центра; строгая обстановка, намекающая на бесконечно сложное внутреннее устройство. Большие наклонные экраны на потолке, каждый – квадрат из маленьких изображений, пятьдесят на пятьдесят; настенные виртуализаторы, объявшие универсальные виртбомбы, как сомкнутые в лунном свете бутоны дневных цветов; внутреннее кольцо кресел, меняющих форму. Шлем частичной виртуальности с подачей аудио- и видеоданных через кабель, похожий на хребет, и открытая клешня перчатки-манипулятора на подлокотнике еще в юности вынуждали Туссена думать о том, что все это смахивает на компанию рыцарей-скелетов, сидящих вокруг гниющего круглого стола.

Под единственным прожектором шевельнулась костлявая рука, качнулся череп. Немертвый скелет был жив. Моторы заурчали, поворачивая кресло лицом к двери. Сидевший в нем мужчина в старомодном костюме – такова была общепринятая форма одежды в высших эшелонах власти «Теслер-Танос» – отключил манипулятор и поднял забрало. Порфирио Казандзекес: один из ближайших советников отца Туссена. На шесть лет старше. Седее. Мудрее. Он был потрясен до глубины души.

Советник поднялся из кресла.

– Сеньор Теслер…

– Шипли. – Голос Квебека рассек подводную, священную тишину, как акулий зуб. Охотники из глубоководья.

– Легко нашла, легко потеряла, – сказала Шипли, снимая куртку. Пять шагов привели ее к старику. Он не мог знать, что случится. Он даже ничего не заподозрил. Он видел только рецепционистку, наемную работницу, с которой машинально флиртовал каждый день.

– Ради всего святого, Шипли! – воскликнул Туссен.

Тело секретарши рухнуло. Хуэнь/Тешейра засунул его в спящий виртбомб.

Сеньор Порфирио Казандзекес не смотрел на Туссена и не разговаривал с ним.

Шипли сбросила сюртук и надела чувственную шипастую резину Туссена.

– Классные штанишки, – сказала она украденным голосом,

ощупывая выглаженную стрелку. Пальцы наткнулись на выпуклость гениталий, и она хихикнула. – О-ля-ля!

Свободные мертвецы заняли места в инфокреслах. Хуэнь/Тешейра пошевелил пальцами в манипуляторе и повернулся к экранам, расположенным слева. Цифры каскадом посыпались по его забралу; экраны один за другим погасли. Шипли подключилась; Квебек шевелил пальцами, приноравливаясь к виртуальности. Чувствуя себя соучастником преступления, Туссен занял кресло рядом с Квебеком. Здесь и сейчас ему не дождаться ответов на вопросы.

На экранах появлялись города Земли, увиденные с высоты птичьего полета.

Некровиль Ла Дефанс все еще тлел, наполняя дымом парижское утро.

Периметры Москвы-12 и Санкт-Петербурга рухнули. Отступлению правительственных войск мешало паникующее, бегущее мясо.

Забастовки рабочих парализовали большинство гиперполисов Западной Европы: Брюссель, Берлин, Барселона остались без энергоснабжения и превратились в черные дыры в планетарной информационной сети – оглохли, ослепли, онемели.

Северная Африка. В Триполи ввели комендантский час, Касабланка-Рабат превратилась в поле боя, Большой Каир – в дымящийся морг. Африка к югу от Сахары представляла собой песчаную бурю информационного шума, прерываемую спорадическими галлюцинаторными откровениями о горящих автомобилях в центре Лагоса, искореженных трамваях, блокирующих проспекты Хартума. Величественные башни Нового Хараре горели. Фламандские фронтоны Претории закидали аэрозольными бомбами и разрисовали знаками V.

– Трансатлантический регион? – спросил Квебек.

Его команда разобралась.

– Незначительные беспорядки в Центральных штатах, Пан-Атланте, агломерациях Миннеаполис/Сент-Пол, Монреаль и Финикс, – сообщила Шипли. В поле зрения Туссена замелькали фрагменты телевизионных новостей. – Частная и городская службы безопасности, похоже, справляются: если там кто и сражается, то мертвецы между собой.

Гавана горела, Кохимар пылал, рушились и погибали красивые ратуши в испанском стиле.

А в Трес-Вальес продолжали веселиться. Безумное и яркое зрелище: промокшие под дождем autodores собрались в недостроенном туннеле metropolitano вокруг своих обожаемых гоночных машин.

– Мексика, центральная часть, El Sur выглядит почти так же, как и El Norte, – продолжила Шипли. – Спорадическое насилие, в основном внутренняя вражда; остальные просто задаются вопросом, что, черт возьми, происходит, и пытаются как-то выкручиваться.

– «Теслер-Танос» перешла в режим чрезвычайной ситуации, – вмешался Хуэнь/Тешейра. – Он подразумевает необходимость убраться из уязвимых зон, обезопасить имущество и персонал, в районах сосредоточения войск объявить «желтую тревогу» и подготовить планы эвакуации, исследовать транснациональные рынки для укрепления корпоративных активов и скупить на биржах побольше золота и тихоокеанских долларов. Не слишком похоже на глобальное восстание мертвых.

Туссен взвизгнул, когда внутренний экран его шлема побелел и погас. Сенсорное замыкание: свет был настолько ярким, что сделался слышен – превратился в пронзительный раскаленный добела вой.

– Это что еще за хрень? – спросила Шипли.

За двадцать один год в отцовском доме Туссен ни разу не слышал, чтобы Порфирио Казандзекес сквернословил.

– Новостные сети заявляют о подбитой «хлопушке».

На фоне плавно расширяющейся термоядерной туманности появился елейный репортер-конструкт неопределенного пола; громкость была слишком маленькая, чтобы расслышать, о чем говорит существо, но это явно был дурацкий треп про необходимость «хлеба и зрелищ».

– Совершенно секретные данные военной разведки, отправленные орбитальным командованием Тихоокеанскому совету и корпорадам, подтверждают попадание во вражеский корабль, – доложила Шипли. Туссен услышал в ее голосе беспокойство, тревогу, заботу. Там, в космосе, на неуклюжих химерах изо льда и железа приближались их друзья, родные, возлюбленные. – Вероятность того, что это была подсадная утка, составляет девяносто два процента. Каждый раз, когда они запускают свои высококачественные интерферометрические радары, это все равно что написать «Пристрели меня» на заднице и высунуть ее из окна.

– Мы уже можем увидеть, что происходит на орбите? – спросил Квебек.

– Подключаемся, – сказал Хуэнь/Тешейра. – Они эвакуируют все гражданские подразделения. Переходим к прямому эфиру с орбитальной фабрики «Теслер-Танос» – «Параисо».

Фигуры в скафандрах карабкались по туннелям, хватаясь за натянутые тросы; мигали идентификационные знаки,

приближаясь со всевозможных сторон, устремляясь вверх, к подсвеченной зеленым пасти наружного шлюза.

– Эвакуируют всех, кто не связан контрактом, – сказал Хуэнь/Тешейра, переключаясь на другую камеру: челноки отрывались от стыковочных конструкций в вихре ледяных кристаллов и космического мусора. И опять смена кадра: женщина в шлеме, лицо в невесомости раздулось и кажется еще более чужеродным, потому что перевернуто; она беззвучно кричит в объектив. Смена кадра: бодрый гавот для новостных хроник, пластиковые упаковки из-под напитков и спортивные повязки в заброшенной диспетчерской. Смена кадра: камера слежения за солнечной панелью демонстрирует россыпь звездочек, очень отчетливых на фоне погруженного в полутень изгиба корпуса. Их десятки, и они блестят, вращаясь вокруг орбитальной фабрики. Миленько. Ярко-зеленые звезды. Ярко-зеленые пятиконечные звезды. Причудливые и какие-то слишком уж яркие зеленые звезды.

– Квебек, – Туссен услышал себя со стороны, – что это такое?

– Тешейра, пожалуйста, останови, увеличь и отрегулируй.

– Рискованно запускать под носом у «Теслер-Танос» ее же прогу улучшения изображений, – предупредил Хуэнь/Тешейра.

– Сделай это, пожалуйста.

Картинка застыла и увеличилась в двадцать раз.

В освещенной части вращающейся фабрики тел было много, очень много: мужчины и женщины, одетые в зеленые робы, одинаково раскинувшие конечности, распятые в вакууме. Молодые. И, несмотря на мгновенно замерзшие струйки крови, вытекшей из глаз, ушей, ноздрей и ртов, красивые.

У всех на зеленых комбинезонах виднелась v-образная печать смерти.

– Они не приспособлены к вакууму, – прошептал Квебек. – Они так же уязвимы, как мясо.

– Вся мертвая команда, – сказал Хуэнь/Тешейра. – Клянусь Иисусом и Марией, на такой станции наверняка работали сотни людей – и всех выкинули в вакуум. Только мясо покинуло «Параисо» живым.

– Квебек, я наладила безопасный канал связи с «Маркусом Гарви».

– Соедини нас, пожалуйста.

Перемещение. Смещение. Над головой повисли четверть миллиона тонн, прицепленные к тонкой стреле длиной в километр: космический корабль. Широкоугольный объектив делает пространство бескрайним. Голова кружится. Но можно понять, в чем фокус. На одном конце хребта-ускорителя – бугристая сфера из кометного льда с вкраплениями никеля,

озаренная призрачным мерцанием плазменной отдачи, которая возникает всякий раз, когда прикрепленные к ней двигатели проецируют волны обманом, каждая с радиолокационной сигнатурой «хлопушки». Сферу уравновешивает приближающийся сияющий опал Земли, на котором перевернутый укоризненный палец Южной Африки периодически затмевает сине-белое мелькание сближающихся на своих орбитах электромагнитных катапульт. А посередине, прямо над головой, в центре излучаемой энергии – укосины с прикрепленным вооружением и аппаратурой связи, скопления жилых капсул и приютившиеся среди них мягкие, несообразные зеленые шары. Вакуумные деревья. Ночные леса. Силуэты движутся с проворством обезьян по деревьям, капсулам, вдоль стержней и укосин. Туссену не нужны отцовские проги улучшения изображения, он и так знает, что эти существа четырехрукие, самодостаточные, соприкасаются с космосом всей кожей. Длинные цепочки огней, развешанные по ночным небесам – бесшумные корабли-побратимы; резкие и быстрые фотохимические вспышки – разведчики, приманки, истребители и ракеты, движущиеся впереди флота.

Великолепно. Прекрасно. Ради такого Туссен улетел из отцовского дома, но так и не нашел то, что искал.

Смещение. Перемещение. Пузырь-обиталище, за прозрачной стеной – космос. На заднем плане: квадро с пестрыми шкурами собрались вокруг парящих в невесомости приборных панелей. В центре авансцены расположилась красивая мертвячка неопределенного возраста. Ее кожу покрывал узор из светлых листьев на темном фоне.

– Отлично выглядишь, Мари-Клер, – сказал Квебек.

– Спасибо, compañero, – сказала женщина на испанском с легким акцентом. Биолюминесцентные пятна на ее плечах и сосках светились, когда она говорила. Нежно-голубые цветы рассыпались по небу позади нее и увяли. Она взглянула на невидимый дисплей. – Коэффициент убыли на линии огня составляет тридцать процентов в час. Ждем увеличения до семидесяти процентов по мере приближения к перигею. Потеряли «Вавилон и Тинг» – в него попали из рельсотрона почти сразу – и «Сьюзи Кью», полуавтоматический производственный комплекс на фотонной тяге, принял на себя удар эскадрильи логических бомбардировщиков. Наши собственные рельсотроны уничтожили бомбардировщики, но «Сьюзи Кью» – летающий остов, пока мы не сможем послать полную техническую команду для перезагрузки. В остальном проникновение основного флота на сорок процентов ниже прогнозов. Огневая завеса поглощает залпы их рельсотронов и теслеров, а перехватчики уничтожают ракеты и истребители.

Мы их сдерживаем, Квебек.

Блестящие искры вырвались из костяка «Маркуса Гарви»: перехватчики управления виртуальностью, сообщила Туссену всплывающая подсказка, уточнив спецификации, комплекты вооружения, скорость и параметры орбиты.

– Они эвакуируют фабрики, Мари-Клер. Первая фаза завершена. Мы подключились к их внутрисистемным каналам. Покажи ей, Тешейра.

Пакет данных с фрагментами учиненной бойни помчался по адресу. Мертвячка поджала губы. Ее кожа потемнела; внезапная осень. На мгновение у нее появился нимб из взрывов в отдаленном космосе.

– Вспомогательные войска тащат модули массового воскрешения, – мрачно сказала она. – Пусть мясо дождется своей очереди. Вы подключились?

– Все готово, – сказал голос Хуэнь. – Вы подключились к системе административного управления корпорады «Теслер-Танос». Канал сфокусированный и зашифрованный, его можно взломать только с этого конца. У них есть связь с Тихоокеанским советом и, косвенно, с Орбитальным командованием. Кроме того, имеется неинтерактивный доступ только для чтения к полной управленческой иерархии «Теслер-Танос» и поисковым системам и компиляторам новостей.

Вид из космоса растворился в коллаже низкокачественных снимков грузовых шаттлов, отрывающихся от стыковочных узлов, вида горящих городов с высоты, орбитальных орудий, включивших маневровые двигатели, чтобы нацелиться на нечто невидимое.

– Проги предупредят вас, если «Теслер-Танос» заметит прослушку, так что шпион и жертва шпионажа не поменяются ролями.

На внутреннем экране шлема опять появилась мертвая капитанша, чей тихий и изящный флот падал в сторону Земли.

– Хорошая работа, Квебек. – Она снова взглянула на дисплей за кадром. – Проги прямо сейчас все пересчитывают. Должна сказать, с учетом информации, которую вы нам предоставили, мы почти у цели. Спасибо, compañeros. Переходим ко второй фазе.

Пузырь наполнился белым светом, а потом – красным и пульсирующим. Изображение сильно тряхнуло. Буквы и цифры на экране возопили о двадцати видах опасности. Мертвячка схватилась за перекладины над головой, чтобы удержаться на месте. В поле зрения появились ее нижние руки, облаченные в тяжелые перчатки-манипуляторы.

– Красная тревога, – спокойно сказала она, доставая из-за

границы кадра аудиовизуальный шлем. – Один снаряд почти промахнулся и шесть, восемь, Господи, двенадцать приближаются.

На заднем плане ее красиво раскрашенный экипаж покинул места вокруг скоплений приборов и бросился на боевые посты.

– Увидимся на небесах, Мари-Клер.

– Увидимся на небесах, Квебек, – улыбнулась женщина. – Удачи тебе с отцом.

Экран погас. В наушниках зазвучал белый шум. Связь прервалась. Разбитый, подавленный, прикованный к Земле и болезненно смертный, Туссен вскочил из инфокресла. Ему показали настоящий полет, абсолютный полет, полет как поэзию – и на пике подъема вырвали перья.

Истина и тайна. Все вопросы, которые Туссен припас на потом, завопили, что их надо задать здесь и сейчас.

Настоящее имя и подлинная суть. Он знал то, о чем мог лишь догадываться. Знал, что правильная цифра – шесть. Порфирио Казандзекес, добрый и верный слуга, не смог отвести от него глаз, даже когда смерть сомкнула пальцы на черепе. И это небрежное прощание мертвой космической капитанши.

– Квебек, я должен знать. Кто ты такой?

Человек, назвавшийся Квебеком, посмотрел на своих помощников.

– Я запер комнату, – сказал Хуэнь/Тешейра, последним вышедший из виртуальности. – Потребуется мощный резак, чтобы одолеть замки на этих дверях. Пентхаус надежно изолирован. Человек наверху никуда не денется. У тебя есть столько времени, сколько потребуется.

– Расскажи, Квебек, – прибавила Шипли, потирая старые кости и затекшие суставы. – Он заслуживает знать. Всю правду.

Квебек указал на пустой стул в основании колонны белого света.

– Присядь-ка, Ксавье. Я знаю, ты слышал много историй этой ночью, но хочу, чтобы ты узнал еще одну – и тогда ты поймешь. Всю правду.

Сорок два часа двадцать семь минут.

– Жить легко, а вот умирание пугает меня до смерти, – сказал Камагуэй.

Он стоял на краю «Лос-Роблес», дрожа на ветру, промокший насквозь. Внизу начинался некровиль.

– Совсем как в той старой песне, – продолжил Камагуэй и сел на край, свесив ноги над пустотой. – Устал жить и боюсь умереть. Однажды я видел повтор старого шоу с Джуди Гарленд, его

записали еще до моего рождения. Первая половина состояла из номеров с участием Синатры и Дина Мартина, дуэтов, трио. Безжизненная показуха, хотя сами песни великие. А во второй части на сцене была только сама Джуди, на фоне собственного имени, написанного огнями: «Джуди». Она-то и пела эту древнюю песню – Ol' Man River, «Старик Река». Ни до, ни после я такого исполнения не слышал: когда она добралась до строчки «Устала жить и боюсь умереть» – честное слово, у меня волосы на загривке встали дыбом, потому что из всех, кто когда-либо пел эту песню, только Джуди говорила правду.

Сидящая рядом Нуит дожевывала персик, сорванный в густых зарослях на крыше. Она выбросила косточку в ночь. На рынке – старой парковке – под ними последнюю сделку заключили ровно в полночь. Карнавал переместился в отдаленный квартал, и его отзвуки были приглушенными, искаженными.

Нуит тоже свесила ноги с края.

– Понять смертность – значит быть взрослым. Подростки не могут умереть. Подростки живут вечно. Взрослые умирают, и осознание этого их трансформирует. Там, – она ткнула большим пальцем в сторону далеких огней мясного города, – обитает подростковая культура. Поскольку мы видим, как нанотехнологии воскрешают людей из мертвых, мы думаем, что сможем жить вечно, и поэтому больше не верим в нашу смертность. Мы живем так, будто никогда не умрем. Мы регрессируем. Становимся цивилизацией подростков. Но постулат Уотсона – дескать, в первую очередь нанотехнологии подарят нам бессмертие – не доказан. Следствие Теслера – совсем другое дело. Мы не получили бессмертие. Мы получили воскрешение. Это не победа над смертью. Мы нашли нечто по ту сторону смерти – оно звучит, пахнет, имеет вкус, вид и текстуру жизни по эту сторону, однако единственный способ проверить, так ли оно на самом деле – пройти через смерть. Надежда на бессмертие – все, о чем думают живые. Я могла бы сказать тебе, что моя продолжительность жизни, за исключением довольно серьезных катастроф космического масштаба, теперь сравнима с Вселенной. Я чувствую, как перемещаются континенты. Слышу, как горы превращаются в пыль. Вижу, как звезды движутся по своим маршрутам. Чувствую кожей, как солнце остывает, а галактика вращается у меня под ногами. Луна упадет с неба и разобьется вдребезги, и я это увижу собственными глазами. Солнце поглотит Землю и плазменным лучом расплавит Юпитер, как двойную порцию шоколадно-мятного мороженого, и это я тоже увижу. Солнечная система сгорит во вспышке сверхновой и превратится в нейтронную звезду, и Нуит это засвидетельствует. Вот такое я

существо, Камагуэй. Вот такие мы существа.

Уходящие тучи вытянулись вдоль восточного горизонта, истекая молниями. Камагуэй превратился в пригоршню часов, утекающих сквозь пальцы.

– В Индии йоги использовали аналогии, чтобы выразить огромные периоды времени, составляющие божественные циклы Упанишад, – продолжила Нуит. Она сорвала мокрые абрикосы с генетизированного дерева, которое росло на краю, и поделилась с Камагуэем. – Представь себе каменный куб миллион километров в длину, ширину и высоту, который в миллион раз тверже алмаза. Представь, что раз в миллион лет какое-нибудь проходящее мимо ангельское существо касается его краешком мантии: представь, сколько времени потребуется, чтобы стереть эту каменную глыбу.

– А теперь представь себе, что это происходит миллион раз, – сказал Камагуэй. Дождь и абрикосовый сок стекали по его лицу. – Я знаю эту историю. Мои предки были старокатоликами: они использовали ее как аналогию ада: столько времени – а с точки зрения вечности не пройдет даже секунды.

– Меня это всегда возбуждало в каком-то извращенном смысле. – Нуит запрокинула голову, подставив дождю закрытые глаза. – Отличный вариант для мазохистов. Миллиард триллионов лет в цепях, с шипастыми железными кольцами на члене, и ничего еще даже не началось. Экстаз. Впрочем, когда такие штуки нравятся, это уже не ад. Возжелай Господь и впрямь тебя наказать, ты бы твердил: «Выпори меня, выпори!», а он такой: «Нет». Высший пилотаж садизма.

Сорок два часа десять минут: мы обсуждаем тонкости сравнительной теологии и практического садомазохизма.

– Мне нужно что-то большее, чем просто надежда, что ощущение собственного «я», моей личности, уникальности, переживет переход на другую сторону. С тех пор, как я узнал… с тех пор, как медицинские приборы подтвердили диагноз… я пытался убедить себя, что это будет похоже на сон, на дрему, обморок – и неважно, сколько времени пройдет до пробуждения. Но ничего не получается, Нуит. Смерть – это не сон, говорит мне внутренний голос. Сознание отключится – насовсем, на веки вечные – и мой чересчур осознанный разум приходит от этой мысли в ужас. Я хочу поверить, Нуит, но не могу.

– Камагуэй, я не буду тебе лгать. М-да, вот это новость – шлюха-профессионалка, которая не врет клиенту. Смерть – это не сон, не медленное погружение в забытье. Смерть прорывается сквозь сон, разрушая сновидения, рассеивая забытье. Она яркий свет, которому нет равных, она пробуждение в момент предельной ясности.

– А что потом?

Вместо ответа Нуит сорвала пальмовый лист и, зажав его, как дудочку, в сомкнутых ладонях, подула через большие пальцы. Вибрирующий лист издал звук, похожий на вой замученного зверя.

– Пошла я к Старцу Земле и попросила показать мне Путь, – сказала она. – Он поднял с пола пещеры огромный камень; под ним была темная дыра. «Это путь», – сказал он. «Но там нет ни света, ни ступеней!» – вскричала я. «Прыгай, – сказал Старец Земля. – Другого пути нет». Джон Ублюдок написал целую прорву таких текстов, и я считала их мудрыми, пока не обнаружила, что он все слямзил у других авторов, не забыв перебить номера.

– Я не готов.

Нуит встала.

– А разве кто-то готов, Камагуэй? Кто-то может сказать смерти: «Ну, вот и все, приходи и забирай»? Сколько людей умрут сегодня вечером, не будучи готовыми? В горящем остове на шоссе; в космическом корабле, падающем на землю со скоростью десять километров в секунду; подавившись собственной блевотиной; на ноже революционера; с пулей любовника в левом ухе; с мозгом, превращенным в соус бейсбольной битой грабителя; на дне собственного бассейна, испытав мучительную судорогу; в горящих домах; на тонущих лодках; из-за несчастных случаев в пещерах, горах и воздухе; из-за аварий с лифтами, на стройках, на производстве? Думаешь, хоть кто-то из них готов, или он получит уведомление за секунду до смерти? По-твоему, кто-нибудь из них способен остановить машину в двух секундах от отбойника или удержать самолет в двадцати метрах от земли и сказать смерти: «Не могла бы ты подождать минутку, мне нужно сперва кое с чем разобраться?» Они бы позавидовали твоим часам, шансам попрощаться, наладить отношения, покончить с делами – в общем, как ты выразился, «подготовиться».

– Отношения. Дела. Я не думаю, будто что-то из этого можно исправить прямо сейчас. Я должен подготовиться внутренне. Мне нужно осознать путь, по которому следует идти, чтобы, когда дойду до конца, я мог сказать: «Теперь, вот теперь я готов, я могу уйти». Я хочу начать все сначала, я хочу, чтобы эта вечная жизнь, о которой ты мне рассказываешь, началась прямо сейчас. Хочу стать частью мертвого народа при жизни.

– «Если агенты императора придут в твой дом в полночь, не лучше ли им войти как приглашенным гостям, чем ломать дверь?»

– Джон Ублюдок.

– В режиме Кафки. Ты хочешь ощутить, каково быть частью

мертвого народа; я могу отвести тебя в одно место, где ты сумеешь это испытать. Сегодня вечером где-то в городе произойдет Раскол, нам надо его отыскать. Поди знай, с чем мы столкнемся по дороге. Пройденный путь сам по себе имеет значение не меньшее, а то и большее, чем его цель.

Машины – высокоскоростные смертоносные пули в стальной оболочке; десять метров золотистой с прозеленью бронзы, подвешенные между толстыми и гладкими колесами драгстера[165]. Плавники и обтекатели, аэродинамические выпуклости и гладкий контур; неужели Камагуэй и впрямь слышит полный набор обертонов двигателей конвертоплана с их винтами? Непромокаемые куртки гонщиков блестят под дождем, механики и техники снуют вокруг, как рабочие, обслуживающие какую-то непомерно раздутую королеву термитов. Нет, аналогия не подходит, думает Камагуэй, стоя на парапете и глядя вниз, вдоль наклонных бетонных стен недостроенного туннеля metropolitano. В этих гоночных автомобилях есть что-то слишком хищное и красивое, под стать богомолам. Как будто они могут в любой момент развернуться и пожрать своих придворных, чтобы использовать кровь, лимфу и костный мозг вместо топлива.

– Давай подойдем поближе, – говорит Нуит, расчищая путь между зрителями. Зеленое с золотом парчовое пальто, которое она прихватила, покидая башню, развевается, как знамя. Зрители выстраиваются по обоим краям траншеи в три, четыре, пять рядов. За зонтиком букмекера – служебная лестница. Ступеньки скользкие под дождем. Камагуэй, бережно относящийся к своей жизни до того момента, пока не решит расстаться с ней, спускается медленно, шаг за шагом. Машинный рев между высокими бетонными стенами звучит оглушительно.

– Луис! – Нуит пытается перекричать двигатели. Высокий афро-латиноамериканец в куртке с надписью Equipo Raya Verde поворачивается, разбрызгивая капли дождя с козырька кепки.

– Нуит! – Они обнимаются, целуют ладони, как принято у мертвецов.

– Это Камагуэй! – кричит Нуит. – Он мой друг. Я ему показываю, какой бывает жизнь – посмотрим, есть ли у него cojones, чтобы за нее ухватиться. – Мужчина по имени Луис подозрительно смотрит на Камагуэя: живой или мертвый, платит или нет? – Как идут дела?

– Пробую новую смесь, – кричит Луис. Обслуживающий персонал отступает, когда он подводит гостей к машине. – Это должно дать нам преимущество в плане массе/энергии – две целых две десятых процента по сравнению с противником. Кроме того, мы единственные, кто рассчитывал на дождь. – Луис

проводит пальцами по выемкам и выступам на колесах высотой в человеческий рост.

– Что толку от пророчицы, если она не может предсказать погоду? – кричит Нуит.

Метровая секция корпуса поднимается, словно створка раковины. На кровати из амортизационного геля лежит китаянка в вирткомбе. Техники команды «Манта» проверяют интерфейсные разъемы, подключения, пульты управления. Тестовые таблицы и выходные данные отображаются на их портативных устройствах.

– Только под Святым Иоанном есть сотни километров заброшенных туннелей метро, водопропускных труб и погребенных рек, и все они темные и черные, как грех, – кричит Нуит. – Гонки проходят с помощью виртуального моделирования. Радары, датчики расстояния, обработка изображения, приборы ночного видения.

Водительница целует руки каждому члену команды. Нуит – последняя в очереди.

– Ни пуха ни пера! – кричит она.

Китаянка улыбается и пожимает ей руку в знак солидарности, благодарит за искренне пожелание удачи. С беспокойством в душе Камагуэй наблюдает, как непрозрачная крышка закрывается и запечатывается над ней. Он думает о гонщиках, которые лежат в гробах и вслепую мчатся по подземной части города. Рев двигателя переходит в непрерывный визг. Распорядители гонок уводят команды техников подальше от машин. Нуит тащит Камагуэя к мокрой трибуне, установленной сбоку от туннеля. Все разговоры прекращаются, когда машины врубают свои турбины и выруливают в облаках брызг к стартовой линии. Стабилизаторы движутся туда-сюда, элероны – вверх-вниз.

– Они могут использовать аэродинамику, чтобы подниматься по стенам и обгонять друг друга, – орет Нуит на ухо Камагуэю. – Разве это не потрясающе?

На полпути по километровой траншее пять машин поворачивают и выстраиваются в линию. Вход в туннель – плоскость безупречной тьмы. Сталактиты, выщелоченные из бетона, свисают с карниза; кальцитовые клыки. Звуки двигателей сливаются в оглушительный визг. Бетонная траншея сотрясается до молекулярного уровня. Брызги и шлейфы пара струятся из каждого сопла. На подиуме, встроенном в стену траншеи, сигнальщица поднимает флажок. Машины трепещут от желания вырваться из оков.

Флажок опускается. Пять автомобилей – каждое словно копье из тектопластика и энергии – устремляются к входу в туннель. Через секунду они уже миновали трибуны команд. И вопреки

самому себе, вопреки всему, что он знает о себе, Камагуэй вскакивает вместе с остальными зрителями, скачет на месте, потрясает кулаками, беззвучно кричит и рычит сквозь оглушительный вой двигателей: «Vaya vaya Raya Verde!»

А после, под занавес карнавала – когда процессии возвращаются домой, победоносные или разочарованные судейством, – Нуит ведет Камагуэя между Святыми Антониями размером с дом, сделанными из проволоки и аэрозольного пластика, и танцорами в испорченной дождевыми разводами светящейся краске для тела, с привязанными гелиевыми шарами в виде херувимов разных цветов. Элегантные трансвеститы протискиваются мимо; Мария, Мать-Земля и Младенец Иисус, Король и Королева Ночи мертвых наклоняются, чтобы благословить их. Сеу Обулувайе, Ночной Странник, крадется мимо в наряде из лайкры, разрисованном под ягуара.

– Ночь принадлежит нам, Камагуэй, – заявляет Нуит. – Мы правим: ночью и будущим. Каждую секунду каждого дня появляется еще один из нас. Дюжина, сотня, тысяча. Мы растем. Люди, находящиеся по ту сторону забора, в один прекрасный день окажутся внутри него. Еще через семьдесят лет в городе останутся только мертвецы. Сто километров в длину, сто километров в ширину. И все жители мертвы. Сколько пройдет времени, прежде чем государство, Тихоокеанский совет, Мать-Земля превратятся в нацию мертвых, планету мертвых? Неудивительно, что Свободные мертвецы расхерачили Луну: двадцать лет с нынешними темпами воспроизводства населения и нулевой убылью – и демографические графики устремятся к асимптоте. Наше будущее где-то там, эта планета неспособна вместить всю жизнь, которая от нее зависит. Помню страшную мальтузианскую притчу былых времен: дескать, если прирост населения не контролировать, даже если процент будет небольшой, в конце концов процесс выйдет из-под контроля и достигнет точки, в которой вся вселенная станет шаром обнаженной человеческой плоти, расширяющимся со скоростью света. Ограничения, наложенные на сообщество мертвецов, никоим образом не решают насущные проблемы, а просто перекидывают их будущим поколениям. Я все увижу собственными глазами. Ты тоже. И наши враги увидят. Мы все там будем, когда придется ответить на все вопросы. Мы подождем. Мы не спешим. Завтрашний день принадлежит нам.

– Но, – говорит Камагуэй, – что произойдет через тысячу, десять тысяч, миллион лет, когда ты проснешься и обнаружишь, что мечтать больше не о чем? Что ты сделаешь в тот день, когда

под этим или любым другим солнцем не останется ничего нового?

Нуит вздохнула.

– Старый аргумент «Рай – это скучно». Типа, вечность – это что-то вроде большой группы психологической поддержки из Сономы. Бред сивой кобылы. Даже с теологической точки зрения. Ну что за рай, из которого ты в итоге хочешь выбраться, потому что он тебе надоедает до усрачки? Это не рай, это ад. Любой уважающий себя рай обязан становиться все лучше и лучше. Сегодняшнее утро было прекрасным; погоди, ты еще завтрашнее не видел! Ты встречал кого-то, кто думает, что ему лучше было бы умереть насовсем? Кто беспокоится о том, что ему будет скучно через пару миллионов лет? Кто не влюблен без ума и без памяти в идею бесконечной жизни? Мой дорогой мясной мальчик, воскрешенная жизнь ничем не отличается от жизни во плоти: мы оба проживаем ее день за днем. Ты не можешь осознать вечность; нам это тоже не по плечу. Все, что нам доступно – воспоминания о вчера, надежды на завтра, радости и страдания сегодняшнего дня. И так мы движемся вперед шаг за шагом. В бесконечности времени есть место для бесконечной радости и бесконечного удивления. Будет боль, печаль, твое сердце разобьется – тут без вариантов, – но это тоже хорошо, потому что без чувств и эмоций нет жизни. Есть один парень, знакомый, он переводит для меня деньги через черные тихоокеанские проги – ну, ты знаешь, caballería и все такое. Небеса для него – это поле для гольфа. Честное слово, Камагуэй. Он смотрит в будущее и видит бесконечный фервей, бункеры на Луне, грин в кальдерах горы Олимп и клабхаусы на Плутоне. Он с удовольствием проведет вечность, играя в гольф, и знаешь почему? Потому что никогда не достигнет совершенства. Даже если он будет практиковаться миллиард лет, все равно останется человеком и никогда не сможет сыграть полный раунд хоул-ин-уан. Даже на Плутоне. Если у него получится, дело дрянь. Останется лишь один выход: надеяться, что ему удастся повторить рекорд. Совершенство – застой и смерть. Несовершенство – перемены и жизнь. Именно наша человечность делает такую жизнь если не раем, то, по крайней мере, чем-то несравнимо предпочтительнее смерти. Ну ладно. Иди сюда.

«Сюда» – то есть на мокрую, ветшающую многоуровневую парковку, которая знавала славные времена автомобилей и девушек.

– Если сегодня ночью где-нибудь в этом городе произойдет Раскол, Флорда Луна должна знать, где. Она все знает, все видит.

Нуит пускается в путь по сырым верхним уровням, зовет:

«Лунный цветок! Цветок ночи, я хочу тебя о чем-то спросить!»

Непрерывный поток воды стекает по пандусу, падает сверкающими струями и каплями во внутренние помещения парковки. Они выходят на крышу. Мертвый город кажется Камагуэю продолжением киноэкрана, блистающим как звездная пыль воспоминанием, омытым дождем. Кларк Гейбл, Богарт, Морин О'Салливан. Гутман и мистер Джоэл Каиро. «Багдадский вор». Черное тело – слишком крупное и непропорциональное для человека – вырисовывается на фоне Спенсера Трейси в «Старике и море». Вокруг расставлены портативные спутниковые тарелки и модули подключения; повсюду витки кабеля.

– Эй, Флорда Луна, это Нуит! Как дела?

Камагуэй видит пророчицу при свете киноэкрана, и его едва не тошнит зеленой желчью. Элена. Это Элена, которая так и не вошла в резервуар Иисуса, которую не смыло в море забвения, и нарушения репликации удваивались, утраивались и умножались в геометрической, логарифмической прогрессии, пока не осталось ничего, что можно было бы назвать Эленой.

– Господи, Нуит!

– Эй, тс-с. Веди себя прилично.

Если бы Ширли Темпл была возведена в ранг ацтекского божества, она могла бы стать пророчицей лунного цветка. Девочка девяти, десяти, одиннадцати лет сидит на пластиковом стуле. Ее голова, плечи, большая часть тела выше талии окружены ореолом наростов и деформаций из тектоплазмы: рога, усики, выступы, похожие на перья, высеченные из обсидиана, маски животных и птичьи клювы, кружева, оборки и геометрические фигуры, не имеющие биологического аналога. Кабели и витки интерфейсных проводов выныривают из-под вееров и гребней и ведут к соответствующему коммуникационному оборудованию. В какой-то момент дефектная репликация привела к тому, что ее ноги и предплечья слились с пластиковым стулом. Само сиденье пустило корни и намертво вросло в бетонную крышу многоуровневой парковки. Она может двигать головой в достаточной степени, чтобы кивнуть Нуит и Камагуэю. Фантастический ореол пощелкивает и позвякивает. Пророчица очень красиво улыбается, как и положено девочке девяти-десяти-одиннадцати лет. Дождь стекает по ее лицу.

– Пытаются заглушить сигнал, но им меня не удержать, – говорит она. – Завтра, вчера – еще ладно, а сегодня – ни за что.

У нее безупречный голос, если не считать интонации всезнайки, которую Камагуэй постоянно слышит в голосах мертвецов.

– Новостные каналы врут. Все удары были нанесены по приманкам. Главный флот цел, в то время как автоматизированные системы обороны неуклонно разрушаются. Экипажи защитников эвакуируют внутриорбитальными буксирами на заранее оговоренные места стыковки десантных шаттлов. По оценкам Тихоокеанского совета, Панъевропы и орбитальных корпорад, вероятность тактической победы сейчас составляет сорок три процента.

– Тактическая победа? – переспрашивает Нуит.

– Принудительный выход из боя кораблей Свободных мертвецов ценой семидесяти пяти процентов потерь в системе обороны. – Пророчица моргает. Дождь капает с многочисленных выступов ее ореола. – Я вижу, центр беспорядков – Ла-Брея. Там повсюду стихийные стычки с адамистами. Бр-р-р.

– Адамисты? – спрашивает Камагуэй.

– Те, кто думают, что Адам Теслер – Бог, – объясняет Нуит. – Их создатель, искупитель, спаситель, друг, мессия. Они его дети, воскресшие, чтобы стать новым человечеством нового Эдема: безгрешным, совершенным, бессмертным. Я же тебе говорила, мясной мальчик, в некровиле все по-другому.

Мертвый ребенок продолжает.

– Я пытаюсь сопоставить эту информацию с полученными по каналам сегуридадос сообщениями о таинственном отключении электроэнергии в районе Сансет-Гейт и двух нанотоковых взрывах там же – один случился внутри, другой за пределами округа Святого Иоанна.

– Ты все видишь, Лунный цветок, – говорит Нуит, усаживаясь на парапет. – Хочу найти Раскол. Я знаю, что сегодня вечером будет один, он всегда случается в Noche de los Muertos.

– Слишком просто. Делонг и Маккадден. Там есть горстка ремесленных мастерских. Вот за ними все и случится. А задай вопрос, достойный единственной истинной пророчицы.

– Ладно. Скажи, утром мир все еще будет существовать?

Пророчица закрывает глаза. Камагуэй трясет головой: в уши внезапно вгрызается пронзительный визг, статический заряд симпатической магии.

– Смерть – это время вне времени, – шепчет Нуит. – Все мертвые – прошлые, настоящие и будущие – существуют синхронно. Что делает Лунный цветок, так это воссоздает то время, когда была мертва, и передает новые сведения через паутинные ссылки будущим мертвецам, которые сопоставляют их со своими воспоминаниями о том, что уже случилось. Что случится с нами.

– Ты же не веришь в эту чушь? – говорит Камагуэй.

– Если предсказание будет для меня благоприятным – поверю.

Лунный цветок говорит.

– Колеса внутри и колеса снаружи. Пьеса дня – «Эдип Шмоэдип», но только человек в высокой башне знает об этом. Звезды сцены не подозревают, что актеры второго плана все еще могут их превзойти. В конце будет пожар. Боль и теплый ледерин хорошо сочетаются друг с другом. Есть город, где стены сделаны из сжатой памяти. Утратившие жизнь да обретут, любящие жизнь да утратят. – Она улыбается. – Так говорят мертвецы послезавтрашнего дня.

– Лунный цветок, ты же знаешь – это может означать что угодно, – говорит Нуит.

– Истина сокрыта, верующий да услышит глас ее.

– Старые циники вроде Нуит предпочли бы услышать глас истины без веры. И чтобы он звучал ясно и недвусмысленно. Ладно, compadre – нам пора на Раскол.

– Раскол? – спросил Камагуэй, пока тук-тук прокладывал курс вокруг постоянно меняющихся проблемных зон некровиля к перекрестку Делонг и Маккадден.

Нуит была уклончива.

– «Истинно, истинно говорю тебе: ты должен родиться заново»[166]. И прочее бла-бла-бла. Грубый перевод на анхеленьо.

Все колокольчики, окаймляющие навес тук-тука, зазвенели в унисон, когда мопед отыскал на дороге выбоину.

Раскол.

За закрытыми мастерскими находился склад. Стальные колонны, ребристая алюминиевая крыша, бетонный пол. Канделябры приклеены эпоксидной смолой к опорам. Символы покрывали потолок и стены: руки, обведенные зеленой краской из баллончика. Глаза – овалы с черной радужкой. Красные спирали, завитые против часовой стрелки.

По обе стороны склада рядами сидели люди. Камагуэй предположил, что их не меньше шестисот. Две группы сидели, скрестив ноги, и смотрели друг на друга через промежуток шириной четыре метра.

Он не был пустым. Все пространство занимали двадцать пять грубо слепленных саманных цилиндров желтого цвета, стоящих бок о бок и украшенных все теми же символами – «рука», «глаз», «спираль». Камагуэй подсчитал, что каждый цилиндр был три метра в высоту и полтора в диаметре.

Собравшиеся заполнили склад музыкой, стуча по металлу и бетону, словно играя на барабане. Одна половина выбивала сложный пятичастный ритм, хлопая в ладоши, по полу, стенам и

колоннам, в то время как другая сидела, закрыв глаза и вытянув руки перед собой, потом наклонялась вперед и начинала медленно раскачиваться из стороны в сторону так, что по рядам бежали волны. Через каждые пять тактов хлопающие вытягивали руки, указывая на товарищей по ту сторону промежутка, и они подхватывали ритм, а предыдущие музыканты начинали раскачиваться. Музыка и танец перемещались туда-сюда, пересекая рубеж. Пятичастный ритм пробудил резонанс в теле Камагуэя: сердце, легкие, движение кишечника, подергивание синапсов, дрожание глазных яблок.

– Они занимаются этим с наступления темноты, – прокричала Нуит ему в ухо. – Здесь быстро теряешь счет времени. Измененные состояния сознания, что-то из этой области.

Она отыскала Камагуэю место на полу в конце третьего ряда, недалеко от двери. Справа от него бритоголовая чернокожая женщина хлопала в ладоши, не обращая внимания ни на что, кроме своей роли в великой музыке. Камагуэй попытался уловить сложный ритм и в отчаянии покачал головой.

– Хлопай и ни о чем не беспокойся, – велела Нуит. – Во время Раскола никто никогда не знает заранее, какой будет музыка. Источником вдохновения может стать что угодно: уличное движение, жужжание насекомых, стук дождя по крыше. Это всегда импровизация, всегда разная, всегда меняющаяся в течение ночи. Расслабься. Отключи самоконтроль. Позволь себе быть удивленным, раненым, испуганным, убитым: неважно, любой вариант сойдет. Это твой выбор. Отпусти ситуацию. Не позволяй, чтобы у тебя отняли возможность выбирать.

«Но как…» – хотел было спросить Камагуэй, как вдруг хлопающую музыку подхватили и вручили ему. Он поймал ее в ладони. Повертел туда-сюда. Он ею воспользовался, как будто давным-давно знал этот ритм, и, хлопая, услышал эхо в ладонях тех, кто сидел рядом. Индианка двумя рядами впереди, шесть мест в сторону. Мужчина с лицом Богарта через двенадцать человек от Камагуэя. Андрогин с шакальей головой древнеегипетского бога в заднем ряду, прямо у него за спиной. Пока он слушал, ритм его ладоней подстроился под их ритм. И по мере того, как ритмы сливались, он переставал слышать остальных. Справа от него не было никакой чернокожей. Слева не сидела Нуит. И самого Камагуэя тоже не было. Только ритм. Сам не понимая, как ему это удалось, он отсчитал сложный цикл пять на пять, а потом передал музыку на другую сторону промежутка.

Третий глиняный кокон затрясся. Саманный панцирь прогнулся и треснул, осыпаясь чешуйками желтой глины.

Ритм еще дважды преодолел рубеж.

Третий кокон раскололся. Внутри шевельнулось что-то темное.

Наружу высунулась рука. Черная, с белой ладонью. Вторая рука. Кокон раскололся посередине и развалился на две части.

В руинах кокона лежала молодая чернокожая женщина. Она была обнажена. Ее грудь вздымалась от усилий, потраченных на разбивание глины. Глаза закрыты, на лице поочередно отражались недоумение, подозрение, надежда, испуг, возбуждение. Чернокожая села прямо, отряхивая прилипшую глину с груди, тыльной стороны ладоней, лица. Она стерла гель-герметик с глаз и уставилась на свои руки. Исследовала себя – кисти и предплечья, ладони и ступни, бедра и торс, – разглядывала свою неоспоримо реальную плоть.

– Сначала думаешь, что это трюк, сон с изнанки смерти, – сказала Нуит. Теперь все коконы откликались на музыкальный призыв. Из одних восставали воскресшие мужчины и женщины, другие покрывались трещинами, третьи просто дрожали в такт хлопкам. Без какого бы то ни было сигнала, словесного или нет, музыка, которую играли при помощи рук, превратилась в нежную песню пальцев: ими щелкали, терли о бетон. Ритм пришелся Камагуэю в самый раз, словно пара старых кожаных перчаток. – Потом задаешься вопросом, не была ли прежняя жизнь, которую ты помнишь, всего лишь сном: одно индейское племя верит, что конец света наступит на третий день существования мира, а то, что мы считаем реальностью – всего лишь сны последней ночи. Наконец начинаешь понимать, что тебе говорили правду. Да: ты прошел через смерть, и тебе больше не нужно ее бояться. Да: твое тело вновь юное, и все его изъяны, которые делали тебя таким несчастным, исправлены. Да: оно никогда не состарится, никогда не станет уродливым, никогда не подведет так, как это сделало старое мясное тело. Да: жизненный опыт, воспоминания и мудрость по-прежнему с тобой в этом новом теле. Да: все это воистину твое. Взгляни на нее, Камагуэй, ты только взгляни на нее.

Чернокожая женщина стояла на коленях среди глиняных осколков. Она обнимала себя за плечи, бессознательно раскачиваясь в такт музыке пальцев. Слезы безграничной радости текли по ее лицу, блестя в свете свечей.

– Не надо думать о цене, которую придется заплатить, Камагуэй; какова бы ни была эта цена, оно того стоит, и даже больше.

На лице воскресшей промелькнуло решительное выражение. Она вытерла слезы и попыталась встать. Раз, другой – новорожденные мышцы подвели ее. В третий раз она поднялась,

стойка вышла уродливая и неуклюжая. С нее струился пот, тело дрожало от усилий.

Мертвецы в первом ряду поднялись, подхватили ее и обняли. Из других коконов восставали новые, делая первые неуверенные, но ликующие шаги. Собрание делилось на части по мере того, как воскресших принимали в новые семьи.

– Ей понадобятся отцы, матери, сестры, братья, возлюбленные; ей так много предстоит узнать о себе, о своем обществе, о мире, в котором она переродилась. Так много боли, потерь и замешательства, через которые нужно пройти. Так много страха, который нужно преодолеть. Не все выбирают глину и Раскол, чтобы начать жизнь заново, но для тех, кто так поступает, этот опыт становится непревзойденным. – Нуит сдавленно всхлипнула. – Прости. Не думала, что это зрелище так на меня повлияет. Я хотела показать тебе таинство и чистую радость – думала, вдруг это поможет тебе не бояться. Мне и в голову не пришло, что я сама испытаю столь глубокое и мощное потрясение.

– Ты прошла через это, – сказал Камагуэй.

– В ту ночь, когда я возродилась, тоже шел дождь.

– Я тоже так хочу. – Камагуэй преисполнился решимости. – Не хочу быть просто еще одной начинкой для резервуара Иисуса, которую вываливают наружу, обтирают и выгоняют на улицу. Я хочу отпраздновать присоединение к Мертвому народу. Я уже чувствую себя одним из вас. Можно ли прожить целую жизнь за одну ночь? Родиться, повзрослеть, полюбить и умереть?

– Давай попробуем, – сказала Нуит.

Дождь закончился. Воздух на бульваре был свежим, прохладным; воздух раннего утра, который кажется таким насыщенным и колким, словно вдыхаешь алмазную пыль. Каждый звук был четким и острым, как хрустальная игла: немногочисленные автомобили с шумом и свистом проносились по мокрой трассе, в домах играли барабаны и маримбы – кто-то праздновал победу на карнавале. С ясностью пришла внезапная боль. Камагуэй увидел, что до крови стер пальцы, творя изысканную шипящую мелодию.

И он увидел еще кое-что. На правой ладони был большой белый волдырь. Сам не зная, зачем он это делает, Камагуэй нажал на выпуклость указательным пальцем левой руки. Пузырь лопнул и опал. Из кожи торчала черная хрустальная игла.

Ну вот, началось.

– Нуит, что я сказал о том, чтобы прожить жизнь за одну ночь?

– Родиться, повзрослеть, умереть.

– И заняться сексом?

Он показал ей то, что выросло на ладони.

– Господи, Камагуэй…

– Нуит, только не надо меня ненавидеть.

– Я все понимаю, Камагуэй. Ты не можешь шокировать Нуит. Все знают, что смерть – великий афродизиак. Настоящие любовники всегда трахаются после похорон, Ты заплатил за меня, Камагуэй; ты спас мою задницу от noncontratistos, я твой галлоглас, помни об этом. Тут неподалеку есть одно местечко…

Тридцать семь часов двенадцать минут.

Вопль раздался снова, ближе. Сантьяго продрог, и дождь был тут ни при чем. Подобные дьявольские звуки не имели права на существование.

– Стандартная схема рассредоточения – номер три, – приказала Миклантекутли. – Доложить о результатах в два часа. Анхель, ты с Дуарте. Позвони мне, когда будешь возле «Такорифико Суперика». Асунсьон, ты не против пойти одна? Ананси – со мной и Сантьяго.

– Разве мы не поедем на байках? – спросил Сантьяго, видя, как ловкие руки Асунсьон вытаскивают тросы и привязывают мотоциклы к асфальту.

– Это против правил, – отрезала Миклантекутли.

Нечто в ночи опять закричало, и в ответ взревело второе такое же существо. К тому моменту мокрая от дождя улица опустела.

Они побежали на восток через лабиринт новостроек. Те немногие, кто бродил по узким улочкам – в основном заблудившиеся carnivalistos и влюбленные, ищущие уединения в темных переулках, – обходили преследуемых стороной или прикасались кончиками пальцев к голове, губам, груди, животу, паху: пятикратное самоблагословение Укуромбе Фе. Миклантекутли вела, такая же неумолимая и неутомимая в роли жертвы, как и в роли преследовательницы. Сантьяго немного отстал; Ананси тоже, чтобы составить компанию и подразнить его.

– Слишком быстрый темп, мясной мальчик? Слишком грязно, слишком потно, слишком физически? Слишком реально? Ты же не сжигаешь так много килоджоулей, трахая компьютер, верно?

Тяжело дыша, Сантьяго повернулся к хулиганке с глазами панды, схватил ее за майку из эластичной сетки и вздернул на уровень глаз. Поднял. Подержал. Промолчал.

– Даже не можешь сказать, что хотел бы со мной сделать? – огрызнулась она. – Querido, что бы ты ни придумал, я это уже

испытала с другим – и мне было хорошо.

– Извращенка драная… – выдохнул Сантьяго.

Он швырнул Ананси на забрызганный дождем капот электрического пикапа. Мертвячка ухмыльнулась и поправила майку.

– Лучше трахаться с чокнутой, чем со смертью, – сказала Миклантекутли, взмахом руки указывая на узкую улочку, забитую припаркованными грузовиками, развозящими товар из panadería. – Те нечестивые твари сюда ни за что не пролезут.

Словно в ответ на ее слова, нечестивая тварь снова взревела. Каньон улицы фокусировал звук, усиливал его и направлял прямиком Сантьяго Колумбару в разум и душу. За первым призывом последовал второй, потом третий, четвертый и пятый. Охотники были впереди.

– Матерь Божья, за нами гонится вся стая, – тихо сказал Ананси.

– Их разведчики время зря не тратили, – Миклантекутли сплюнула. – Мы словно крысы в канализации. – Она посмотрела вверх, на падающий дождь. – Кажется, эти крыши соединяются между собой.

Миклантекутли забралась на капот, а затем на крышу припаркованного грузовика. Нашла точку опоры на хлещущей водосточной трубе, вскарабкалась на нее, потом прыгнула и ухватилась за нижнюю ступеньку выдвижной пожарной лестницы. Лестница с грохотом ринулась вниз. Ананси помчалась к ней и к тому времени, когда Сантьяго вскарабкался на крышу грузовика, была уже на уровне третьего этажа. Узкий переулок содрогнулся от вопля древней твари, которую пробудили от смертельного сна, и вторая тварь ответила с другого конца.

– Что это? – Сантьяго остановился на площадке пятого этажа, чтобы перевести дух.

– Скоро узнаешь.

Лицо Миклантекутли исказилось от свирепого ликования.

«Ей это нравится, – подумал Сантьяго, следуя за Миклантекутли по крышам мимо самодельных спутниковых тарелок из проволочной сетки, воздуховодов и ржавых, унылых каруселей с мокрым бельем. – Нет никакой разницы между охотником и объектом охоты. Преследователь становится преследуемым: в этом вся тайна. И преследуемый – преследователем?»

Он оказался на узком кирпичном парапете, за которым простирался головокружительный обрыв и – тридцатью метрами ниже – какая-то из улиц Святого Иоанна. Не смотри на дождь. Не следуй за каплями в пропасть, освещенную уличными фонарями.

Миклантекутли побежала по самому краю, чтобы присоединиться к Ананси, которая махала им с изогнутого деревянного мостика – явно самодельного, – перекинутого между крышами. Она была великолепна, дика, беспечна, расчетлива, ужасна. Она с беспечной подсознательной легкостью обитала в том потустороннем месте, к которому Сантьяго стремился с тех пор, как на вечеринке по случаю шестнадцатилетия испытал мрачное откровение. Он понял, что другого способа попасть туда нет. Осознанность разрушала то, что он хотел испытать, поскольку оно базировалось на бессознательном ощущении своей телесной природы. Осознав, что обладаешь искомым, ты тянулся к нему, чтобы схватить и удержать, но терял. Животное знание. К нему нельзя прикасаться ни руками, ни разумом.

Позади и внизу снова взревел охотник. В этом вопле безошибочно угадывались обертоны чистого разочарования.

Они пробежали по мосту и очутились в зарослях марихуаны. Целый гектар зелья простирался вокруг центрального светового колодца cuadra. Некоторые кусты вымахали в человеческий рост, набравшись силы и мощи благодаря лос-анджелесскому солнцу, смогу, муссонам и удобрениям. Ранний урожай развесили на крюках, защищенных крышей из прозрачного пластикового листа, который просел от собравшейся дождевой воды.

Охотники взревели в унисон.

– Ублюдки все еще преследуют нас, – прошипела Миклантекутли. – Сантьяго, ты вперед. Ананси – направо. Я пойду налево. Хочу посмотреть, как они выглядят. Тому, кто высунет башку над краем крыши, соски оторву.

С участка фасада, который достался Сантьяго, открывался вид на сеть широких улиц, где существо, способное издать такой вопль, продемонстрировало бы себя за километр. Он ничего не увидел. Но охотники были где-то рядом. Их выдавало отсутствие вездесущей некровильской ночной жизни.

– Единственный путь вниз, кроме главной лестницы – веревочный подъемник, на котором возят собранную травку, – доложила Ананси. – Если только мы не хотим вернуться той же дорогой, какой пришли. Мило, Миклан. Умно.

– С моей стороны прыгать некуда, слишком большое расстояние, – сказала Миклантекутли. Ананси и Сантьяго признались, что с их секторами дело обстоит не лучше. – М-да. Итак, мы здесь, на крыше, по уши в ганже. Ананси, раз уж ты выразила сомнение в моих лидерских качествах, скажи – что нам делать дальше?

– Нет, Миклан. Только не я. Пошли его. Я не буду этого делать. Это самоубийство.

– Потому я и не могу послать его, Ананси. И, увидев твою открытую враждебность по отношению к моему старому другу и коллеге-художнику, я не могу доверить тебе присматривать за ним, если сама уйду. Он мясо, не забывай – а мясо штука нежная. Ты быстра, хороша; ты сможешь удрать. Ты, вероятно, справишься. А если нет, то разве минус один не лучше, чем минус три?

– Иди ты в жопу, Миклан.

– Очень любезно с твоей стороны.

Когда строптивая подручная Миклантекутли забралась на платформу подъемника, предводительница продолжила:

– Ананси, некоторые люди с радостью ухватились бы за возможность выступить на столь необычной сцене, заплатив за участие в эксклюзивном концерте всего лишь болью. – Она нажала на кнопку и отправила Ананси вниз. Сантьяго наблюдал, как платформа медленно вращается на тросе, спускаясь под дождем: маятник Фуко, обремененный одной жизнью. – Конечно, кое-кто может не поверить, что на крыше была всего одна жертва, но именно такие не поддающиеся оценке мелочи и придают игре остроту.

Ананси достигла земли. Она знала, что лучше не поднимать глаз и не махать рукой. Умчалась в лабиринт улиц к западу от cuadra уверенной, неутомимой трусцой охотника, словно волчица.

– Хорошо, что твои друзья опоздали на наш туристический автобус, Сантьяго. – Миклантекутли прилегла на парапет, наблюдая за улицей. Дождь стекал с ее резиновой куртки; отлитые в вакууме лица как будто плакали. – Им бы не достало cojones попробовать такое перченое блюдо. Я так и не поняла, что ты в них нашел. Два стакана текилы, дорожка-другая белой дряни и быстрая бисексуальная возня под москитными сетками – это вы называли жизнью на всю катушку. Ты всегда был достоин большего. Не их.

– Тебя, например?

– Я была тронута, когда ты решил сделать наши отношения чем-то большим, чем просто интрижкой дилера и клиентки. Приятно знать, что я тебя все еще вдохновляю. Но мне любопытно: что сделало эту Ночь мертвых лучшей из всех Ночей мертвых? Ты проснулся утром и обнаружил, что тебя больше ничего не штырит? А я предупреждала, Сантьяго. Эти клоуны тебе не ровня: мы с тобой, Сантьяго, всегда были особенными. Всегда пытались заглянуть за грань.

Рев вынудил Миклантекутли замолчать, и она не сказала что-нибудь еще из того, что Сантьяго не хотел слышать. Вслед за

ревом послышался звук бегущих шагов. Ананси выскочила на открытый перекресток. На высоте двадцати метров Сантьяго почувствовал ее страх, сосредоточенность на побеге. От предчувствия скорой смерти каждая ее мышца завязалась тугим узлом.

– Что бы ни случилось, – прошептала Миклантекутли, – ни слова, ни звука. Что бы ни случилось.

Оглянувшись, Ананси шмыгнула за угол жилого дома. Черными тенями в листве Миклантекутли и Сантьяго последовали за ней. Ананси пыталась спрятаться в лабиринте на западной стороне.

Бледный Всадник преградил ей путь к отступлению.

– Господи Иисусе, – прошептал Сантьяго, забыв о наказе Миклантекутли. Та зашипела сквозь зубы; от восхищения, а не с упреком. Она подобралась так близко к краю, как только осмелилась, чтобы понаблюдать за представлением.

Существо стояло на задних лапах, и было в нем три метра роста: массивное тело едва помещалось в переулке. Крючковатые стальные когти на коротких и мощных предплечьях высекали искры из железных конструкций, когда он протискивался между пожарными лестницами, тяжелые когтистые ступни оставляли борозды на дорожном покрытии. Голова – тяжелый топор из кости и кожи; ночное зрение существа было усилено двумя прожекторами, прикрепленными к черепу позади каждого глаза. Оно метнулось влево, вправо, вверх, вниз, вынюхивая, выслеживая. Заметив добычу, обнажило в ухмылке сотню стальных кинжалов. Всадник сидел в седле, которое, как показалось Сантьяго, выросло из плеч твари. Плоские кабели были прицеплены одним концом к черепу, другим – к модулю управления с джойстиком; охотница, гривастый ангел, чья камуфляжная кожа сливалась с зеленым ромбовидным узором на шкуре «скакуна», нажала на рычаг. Монстр сделал два шага к парализованной Ананси.

– Карликовые аллозавры, – прошептала Миклантекутли с нескрываемым восхищением. – Раннемеловой вариант, который охотился на побережье Южной Виктории, когда Австралия и Антарктида были esposo и mujer[167] на Южном полюсе. Их привезли самолетом из Сиэтла в Ван-Колумбию в законсервированном виде и заплатили Дому смерти за выращивание. Для гринго у этих людей есть не только класс, но и деньги. Теперь понимаешь, почему мне пришлось играть с ними жестко?

Бледная Всадница нажала какую-то кнопку на своем пульте управления. Тектозавр запрокинул голову и закричал в ночь.

Лучи его прожекторов пронзали падающий дождь. Громоподобный рев вывел Ананси из ступора. Она повернулась и побежала. Аллозавр последовал за ней, преодолевая расстояние двухметровыми скачками. Наблюдатели побежали следом по крышам. Когда Ананси выскочила на открытый перекресток перед жилым комплексом, охотница остановилась. Преследующий аллозавр встал на дыбы и снова зарычал. Второй монстр вышел из переулка впереди Ананси. Третий, четвертый, пятый. Все пути к отступлению были перекрыты.

– Она мертва, – прошептала Миклантекутли. – Она мертвое мясо.

Сантьяго расслышал в ее голосе отвратительную тягучую ноту похоти.

Ананси одиноко стояла на асфальте, освещенная лучами прожекторов. Бледная Всадница, загнавшая ее в угол, отстегнула длинное копье от седла. Аллозавр опустил башку, наклонился вперед. Бледная Всадница подняла орудие боя. Ее скакун дважды царапнул когтями асфальт и рванулся вперед. Ананси стояла непоколебимо. Жуткий звук рвущейся плоти и крик смертельной муки прозвучали одновременно. Копье попало в грудину и вышло из спины на целых полметра. Сила удара пронесла жертву на половину перекрестка, прежде чем Бледная Всадница отпустила копье и позволила Ананси упасть. Ее пальцы пытались ухватиться за гладкое влажное древко, пока сама она мучительно скользила по нему на мокрый бетон. Охотница развернула пугающе проворного скакуна на огромных когтистых лапах и выдернула копье. Пальцы Ананси медленно расслабились и разжались. Бледные Всадники закружились возле мертвячки.

Не в силах отвести глаз от существа, лежащего на улице и смотрящего на падающий дождь, Сантьяго издал потрясенный булькающий вопль.

Аллозавр поднял голову и направил парные лучи на бок cuadra. Миклантекутли стащила Сантьяго с парапета под мокрую коноплю.

– Ничего не говори. Ничего не делай, – злобно прошипела она. – Понятия не имею, как эти твари нас выследили, но рисковать не будем. Надеюсь, бханг поможет нам спрятаться. – Она перекатилась на спину. – Конечно, мы не двинемся отсюда, пока я не удостоверюсь, что это безопасно.

Она сняла левую перчатку и сунула безымянный палец в рот.

– ¡Ау![168] Ананси! – прошептала она и аккуратно откусила последний сустав. Сердце Сантьяго бешено заколотилось. Миклантекутли заскулила от боли и выплюнула кусочек плоти в темноту. – Один ноль в вашу пользу, враги мои.

Несколько секунд единственным звуком был тот, с которым капли падали на листву, затем сверхъестественные способности Миклантекутли к регенерации остановили кровотечение.

Духовная наставница. Любовница. Мучительница. Муза. Всем этим Миклантекутли были для него. Всем этим он позволил ей быть для него.

Воспоминания, похожие на молнии; словно галлюциногенные флешбэки. Их первая встреча в галерее «За проволокой» в Уилшире, где можно делать то, на что не осмеливаешься в мире мяса, потому что в некровиле не было закона, ограничивающего искусство. Сантьяго Колумбар: без трех дней двадцать, мучительно застенчивый в своей тщательно подобранной смартодежде среди людей, которым поклонялся. В нагрудном кармане его жилета из кожи тектозавра лежал диск с молекулярными схемами и прогнозными моделями «Новых миров», его первой оригинальной работы. Миклантекутли: virtualista вне закона. Достаточно взрослая, чтобы подарить Сантьяго половину хромосом, но благодаря телесным модификациям достаточно самоуверенная, чтобы носить только черный – под цвет кожи – виртком6 и клин из алюминия с заклепками, расположенный в стратегическом месте. Они встретились перед пластиковым пузырем, внутри которого мертвая женщина, окруженная собственными выпотрошенными кишками, ждала смерти.

– «Новые миры?» – спросила Миклантекутли, проводя кончиками пальцев по кожаным ремешкам на его запястьях.

– Иные миры, – уточнил Сантьяго. – Специально подобранный галлюциноген, изменяющий восприятие. Он перепрограммирует системы распознавания образов: знакомое становится чем-то необычным. Дерево может сделаться фонтаном жидкого гелия, облако – живым дирижаблем, человек – разумной хрустальной арфой.

– Тебя, muchacho, сам Господь сюда послал, – сказала Миклантекутли, virtualista вне закона, уводя его подальше от толпы в прохладу садов, где шептались акустические скульптуры.

Она поведала ему свою влажную мечту: вот если бы виртуальная реальность трахнула дизайнерский галлюциноген и породила жуткую, грандиозную химеру – виртуальность, создающую себя на основе галлюцинирующего разума, чтобы отправить галлюцинации, ставшие реальностью, в сенсорные каналы виртком6а.

– Автономная петля обратной связи. Полное взаимодействие, но на абсолютно бессознательном уровне. Путешествие во внутренний космос, идеальный трип. Способный отправить в

нокаут частные коллекции порнухи, а также погружения в «Страну Ван Гога», «Мир Босха» и Гилберт-и-Джорджевскую «Жизнь как искусство», все эти заправленные дерьмом гиперреальности, которые почему-то называют художественной виртуальностью. Это будет что-то спонтанное. С надписью «Здесь обитают драконы» над воротами. Такое, чтобы ты, снимая виртком6, сам себя не узнал. Такое, откуда не захочется возвращаться.

В ту ночь она забрала его с собой домой. Они не спали до самого рассветного небесного знака; она пила хлебную водку, он – воду из бутылок, и оба ослепляли друг друга новыми откровениями. На следующий день он бросил университет и переехал к ней.

Чтобы купить дорогостоящее компьютерное время и дать Сантьяго возможность моделировать молекулы для проекта виртуальности, Миклантекутли запустила в производство пауков с «Новыми мирами». Поскольку Сантьяго всегда честно относился к своему искусству, он настоял на том, чтобы они протестировали прототип. Раздавили пауков и прокатились на велорикше по городу, который с их точки зрения превратился в иное измерение, мистическую симфонию, где вздымались звенящие стеклянные айсберги и росли неоновые деревья, скаты манта летали вокруг углеводородных рифов, паслись травоядные животные, при виде чужаков вставшие на дыбы, чтобы взорваться облаком одуванчикового пуха и пляшущих светящихся узоров, видимых только краем глаза. Той ночью они трахались в глицериновой постели Миклантекутли; два нежных кристаллических инопланетянина слились в экстазе под шепот и шелест стеклянных ресничек.

Говорят, первый миллион – самый трудный. Сантьяго превратился в легенду меньше чем за десять дней и беззаботно трудился дальше, выпустив дюжину бестселлеров за столько же месяцев. К тому времени он принадлежал Миклантекутли телом, разумом и душой.

Вечеринка была ужасно скучной. Они пошли только потому, что этого требовал статус знаменитостей. Сантьяго раздавал бесплатные патчи-эйфорианты «царапни и нюхни» всем, кто подходил к нему, чтобы сказать, какой он гениальный. На самом деле ему просто хотелось поскорее от них отделаться. За колонками он притянул Миклантекутли к себе и поцеловал. Она вздрогнула от неожиданности, почувствовав, как его язык что-то втолкнул ей в рот. Затем она ощутила паука на верхнем небе и знакомое теплое разжижение эго, когда химические вещества достигли мозга.

– Здесь обитают драконы, – прошептал Сантьяго.

Они едва добрались до ее дома. Раздевая друг друга, порвали в клочья непристойно дорогие парадные наряды, предназначенные для вечеринок на Беверли-бульваре. Оба натянули виртуальные комбинезоны.

На крыше, под дождем, в зарослях конопли Сантьяго вспомнил, как они вознеслись в иной мир.

Он был семенем, зарытым в холодную землю. Холодная земля давила на него, холодная земля держала его в подвешенном состоянии, в неопределенности; потенциал, похороненный в холодной земле, слепой, глухой, немой, бесчувственный.

Он провел месяцы в холодной земле, пока виртуализатор считывал то, что паук посылал через мозг Сантьяго, усиливал и возвращал считанное, умножал и улучшал. Синестетическое движение червей, вслепую рыскающих в почве, превращалось в дрожь сенсорных цепей на обнаженной коже. Весеннее тепло он ощущал так, словно тепловая спираль обвивалась вокруг тела, раскрывая его навстречу свету, теплу. Почва соскользнула с его плеч, когда он вырвался из земли возрожденный, обновленный, ярко сияющий, как блейковский Адам, коронованный солнцем.

В горах родился день.[169]

Сантьяго Resurrexit[170] вышел на равнину Судного дня. Призванная из земли новым солнцем армия праведников восстала, чтобы вместе с ним отправиться к горам Господним: Мэрилин, Джимми, Бадди, Джими, Джон, Вольфганг Амадей, Уилфред, Дженис, Джим, Мама Касс, Билли и Птица: благословенная компания тех, кто жил и умер молодым, а теперь живет вечно.

Виртуализатор Миклантекутли воспользовался найденными источниками, обрывками информации, и приспособил их к галлюцинации Сантьяго.

Армия праведников пересекала красную равнину, направляясь к горам, и на это ушла вечность. Они увидели над собой облако, и когда поднялись на холмы, оно приблизилось и оказалось исполненным ликов. Когда путь продолжился в долины, осиянные светом Христа, каждый понял, что в облаке – точная копия его или ее «я». Тогда Сантьяго осознал, что тела в облаке – это жизни, прожитые ими на земле; несовершенства, промахи, грехи действия и бездействия. Он понял, что имя этому облаку – Неведение, и что впереди – там, где нижняя часть склонов Сиона простиралась за холмами, оно касалось земли и скрывало оголенное присутствие Бога. Он пробился сквозь серое, наполненное шепотами облако, холодное от неполноценности и компромиссов, и вышел на первозданный свет, отнимающий дар

речи, способность мыслить и зрить. Текторы, мигрирующие по нейроглии Сантьяго, отыскали и запустили человеческий талант к религиозному экстазу, и сенсорная кожа устроила перегрузку его нервным окончаниям.

Время есть, время было, времени больше не будет.

И проснулся он, и обнаружил себя на хладных склонах холмов Старого Голливуда.

Их шоу на двоих «Опасные видения» шло на двенадцати виртуализаторах днем и ночью в течение пятнадцати недель в галерее «За проволокой». На свою долю в пакете прав Сантьяго купил residencia в Копананге и переехал из дома Миклантекутли в Малибу – жилище на сваях как будто стояло ногами в прохладном зеленом океане. Партнерство было прекращено. В Облаке Тайны он видел, как его отношения с Миклантекутли закручиваются нисходящей спиралью, все туже, с каждым поворотом винта становясь все более клаустрофобными и кровосмесительными. Он обратился вовне и вверх, к друзьям детства, знакомым по колледжу, новым отношениям, основанным на взаимной привязанности, а не на потребности и желании, спросе и предложении. Он снова взял бразды правления в свои руки.

Три месяца спустя Миклантекутли умерла. Натуральный передоз в доме у моря, но красивой смерти у Миклантекутли не получилось. Т17 продавался как высококлассный эйфорик. Вранье. Это был непревзойденный эйфорик. Он гарантировал трип, с которым ничто не могло сравниться. Очухавшись, пользователи взирали на оставшуюся часть своей жизни, видели только страх, отвращение, пепел, дерьмо и тьму – и устраивали себе передоз в приступе суицидальной депрессии.

Сантьяго узнал об истории смерти Миклантекутли в кратком изложении медиапроги, которой поручил следить за глобальными новостными каналами в поисках историй, которые могли бы иметь к нему какое-то отношение. Он пошел на прощальную церемонию, чтобы убедиться, что это и впрямь она, что смерть защитит его от ее привязанности. За те недели, в течение которых резервуар Иисуса разбирал Миклантекутли на части и восстанавливал, уверенность пошатнулась. Сантьяго обнаружил новый процесс в своей неврологической алхимии: угрызения совести. Он не любил ее, он стал ее бояться, даже ненавидеть, но она умерла из-за него, и его руки навсегда останутся нечистыми.

Народная мудрость гласила, что среди миллионов жителей Мертвых городов нельзя найти того, кто не хочет, чтобы его нашли. Но для больших денег существуют иные правила.

Сантьяго разослал шпионов – физических, юридических, информационных, виртуальных. Они прочесывали живых и мертвых, они с помощью взятки подобрались к тщательно охраняемым файлам Дома смерти, они лазили по спискам корпоративных контрактов и полисов инморталидад. Они обнаружили Миклантекутли Resurrexit. Они сделали ей предложение, от которого ни одна уличная девчонка не смогла бы отказаться. Работать на человека, который ее бросил. Стать его агентом; продавать его вещества на улицах некровиля, где каждый тосковал по сновидениям.

Она согласилась, ее забавляли воспоминания о человеке по имени Сантьяго Колумбар.

Он не мог, просто не мог держаться подальше от людей тоскующих, склонных к саморазрушению, достаточно храбрых, чтобы подойти к самому краю и посмотреть вниз.

Тем же летом упал Перес, его разум застыл в нирване из-за нейронного ускорителя, созданного Сантьяго Колумбаром. Круг друзей распался: напряжение, которому личность Сантьяго подвергала связующие силы в его ядре, всегда было слишком велико для людей, которых он притягивал. Он оказался один среди орды приятелей – так ему было на роду написано, – и видел впереди лишь энтропийный склон разочарования и упадка. Вот тогда-то он и начал общаться с Миклантекутли. А заодно узнал, что стало для нее желаннее незаконной виртуальности, и шаг за шагом приблизился к той грани, к которой никогда раньше не осмеливался подходить.

На крыше Миклантекутли взглянула на свой антикварный «Ролекс». Она выкатилась из-под конопли и присела, словно кошка на охоте, на самом краю.

– Пойдем, corazón.

– Они ушли?

– На улицах есть люди. – Она подняла грузовой подъемник. – После вас, сеньор. Нам предстоит встреча.

Сантьяго поехал вниз. Небо, стена, дождь кружились вокруг него. Казалось, единственной неподвижной точкой был аккуратный обрубок пальца на левой руке Миклантекутли.

Они пробирались по закоулкам карнавала, прячась от Бледных Всадников среди плавучих платформ и ряженых на ходулях. Миклантекутли, схватив его запястье искалеченной ладонью, потащила Сантьяго против течения из оркестров и танцоров. В юности он однажды видел фреску в какой-то старой мексиканской базилике. Улыбающиеся скелеты тащили лордов и

леди, вынуждая прыгать и скакать вместе с Пляской Смерти, заключив их руки в нерушимые костяные оковы.

Заведение Тупицы Эдди, четырехугольник с пластиковой крышей, располагалось между четырьмя хромированными закусочными, в каждой из которых обслуживающий персонал на роликовых коньках подавал блюда разной этнической кухни. Дождь барабанил по пластику, и, несмотря на протечки кое-где, столики внизу были заняты.

– Подлинный передвижной пир, – сказала Миклантекутли, поймав взгляд хозяина. – Когда он становится слишком популярным, они выстраиваются паровозиком и уезжают куда-нибудь еще. – Тупица Эдди сам принес ей «маргариту». – Моему другу – просто воды.

– Как дела? – спросил Тупица Эдди, который совсем не выглядел тупицей.

Миклантекутли подняла левую руку.

– Кто?

– Ананси.

– ¡Ау! – вздохнул Тупица Эдди. – Бледные Всадники… Я многое повидал, Миклан, но эти norteamericanos… Я слышу крики их тварей: Иисус, Иосиф и Мария, Миклан!

– Полночи впереди, мы потеряли только одного. На меня все еще можно делать ставки, Эдди?

– Сотню на тебя, Миклан, как всегда.

Он вызвал mesero, чтобы тот принес Сантьяго воды.

– Мне никто не звонил, Эдди?

– Пока никто.

– Мы рановато пришли.

Вопль аллозавра, безошибочно узнаваемый, отчетливо слышимый за шумом дождя, прервал все разговоры. Тупица Эдди нервно взглянул на Миклантекутли. Сантьяго обнаружил, что вцепился пальцами в край стола.

– О вы, маловерные. – Миклантекутли потягивала свою «маргариту». – Я не думаю, что кто-то способен притащить тектозавра весом в полтонны в битком набитую закусочную, но поди знай.

Прибежал официант с видеофоном, лавируя между столиками. Миклантекутли поставила его на плетеный столик и открыла дисплей. Изображение было нечетким из-за помех, звук слабым. Анхель из-за широкоугольной камеры в телефонной будке выглядела так, словно ее похоронили двадцать дней назад.

– Миклан. – Она едва могла говорить. – Она пропала, Миклан.

– Что пропало?

– Закусочная. Вся гребаная «Такорифико Суперика» – там двадцатиметровый кратер из расплавленного стекла. Как будто кто-то токнул это место. Я в кабинке возле Сансет-Гейт.

– Дуарте?

– С ним все плохо, Миклан. Совсем плохо. Бледные Всадники; они совсем без тормозов, Миклан. Они не сдаются. Они просто гонятся, и гонятся, и гонятся за нами… Почти догнали на задворках Лексингтон-авеню. Дуарте получил копье в ногу. Оторвал два пальца, пытаясь освободиться. Мы стряхнули их со следа в подземельях; некоторые туннели и для человека тесноваты, не говоря уже о гребаных тектозаврах. Он потерял много крови. – Анхель внезапно развернулась. Рев прозвучал с убийственной четкостью. – Слышала, Миклан? Я не могу торчать здесь. Возможно, мне придется бросить Дуарте.

– Анхель, Ананси умерла. – Миклантекутли сообщила о погоне и убийстве лаконично и без прикрас, как в выпуске новостей. – Сколько времени прошло с тех пор, как вы столкнулись с ними на Лексингтон-авеню?

– Двадцать-двадцать пять минут. Их было трое.

– Пару минут назад мы слышали одного примерно в пяти кварталах отсюда. Как они могут двигаться так быстро?

Охотники на Сансет снова взревели. Прозвучало громче. И ближе.

– Господи, Миклан. Я бросаю Дуарте. Он либо справится сам, либо нет. Мне все равно. – Она повернулась и уже шагнула прочь из тектопластиковой кабинки, как вдруг отпрянула назад. Картинка задрожала. Анхель ухватилась за края двери, посмотрела вверх. Она вскрикнула один раз, а потом какой-то массивный неясный предмет обрушился на верхнюю часть кабинки. Тьма.

Видеофон автоматически перезвонил, и экран заполнился помехами.

– Если они прикончили Анхель, то и с Дуарте тоже все ясно. – Миклантекутли растопырила пальцы левой руки на плетеной столешнице. Барабанная дробь дождя по пластиковой крыше как будто стала тише.

– Асунсьон? – спросил Сантьяго.

Безграничное высокомерие Миклантекутли впервые пошатнулось; она сомневалась, она была испугана.

– Я позвоню ему. Вот что я сделаю. – Она набрала код авторемонтной мастерской на Западной окраине.

«Дзынь-дзынь, – сказал маленький экран из смартпластика. – Дзынь-дзынь».

– Возможно, он еще не добрался туда, – предположила

Миклантекутли.

«Дзынь-дзынь».

– Все разваливается на части, ну что за noche.

«Дзынь-дзынь».

– Корабли Свободных Мертвецов; беспорядки, нанотоковая атака на «Такорифико Суперика». Это уже слишком! Мне не нужен целый мир. Я не хочу перемен. Верните мне мои улицы, позвольте охотиться на бульварах, вот и все. Этого достаточно.

Телефон издал мелодичную трель.

– Асунсьон?

Никакого ответа.

– Асунсьон?

Тишина.

– Асунсьон? Отвечай, мать твою. Ты в порядке?

На экране появилось изображение. Бледная кожа. Бледные глаза. Светлые волосы. Бледный Всадник. Сантьяго узнал мальчика, который был спасен от клинка Миклантекутли наступлением полуночи.

– Доброе утро, сеньора, – сказал он на ужасающем анхеленьо. – К сожалению, ваш друг не может ответить на звонок прямо сейчас, но если вы оставите сообщение, мы позаботимся о том, чтобы он вам перезвонил.

Тут закричал аллозавр. Не по видеофону. Менее чем в пяти улицах. Менее чем в двух улицах. Снаружи.

– Уходим! – крикнула Миклантекутли, опрокидывая стол и стулья. Видеофон упал на пол. Бледный Всадник улыбнулся внезапной и блистательной смене изображения на своем экране.

– Нет, – сказал Сантьяго. – Нет. Я не пойду, Миклан.

Он защищал перевернутый стол, как осажденный город на холме.

– С меня хватит, Миклан. Это больше не смешно. И не было смешно; это изначально была мерзость, жесть, боль и извращение. Мне не нравится. Я так не хочу. Я не этого искал. Я был неправ, когда воображал, что смогу найти желаемое таким способом. Я хочу собрать манатки и пойти домой прямо сейчас. А ты продолжай свою игру для извращенцев. Беги. Прячься. Умри. А я нет. Все кончено.

Клиенты Тупицы Эдди покинули столики. Дождь прекратился. Аллозавр опять завопил.

– Что ж, ступай, Сантьягито. Я никогда не удерживала тебя против воли, ты всегда это знал. Ты свободен. Выйди за дверь. Вызови тук-тук. Возвращайся в кафе «Конечная станция» и расскажи друзьям обо всем, что они пропустили, и о том, каким храбрым и смелым muchacho ты был, отправившись с Ночными

Охотниками. Ты не дойдешь до конца улицы, Сантьяго. А если останешься здесь, они сойдут со своих высоких скакунов, войдут, вытащат тебя и перережут тебе горло прямо на улице, как козлу на пиру. Ты в игре. Ты был ее частью с того момента, как забрался на заднее сиденье моего мотоцикла. Ты хотел смерти или славы – получай. У них твой запах, Сантьяго. У них есть образец твоей ДНК, резонанс биополя, они знают твой знак зодиака и размер обуви. Они не остановятся, пока тебя не насадят на копье или не взойдет солнце. У тебя одна надежда увидеть восход – пойти со мной. – Она протянула руку в перчатке. – Может быть, я лгу. Может быть, каждое слово – правда. Ты мне доверяешь? Ты смеешь мне не доверять?

Аллозавр завопил в третий раз.

– Сука, – сказал Сантьяго Колумбар.

Он взял протянутую руку. Миклантекутли улыбнулась.

Йенс Аарп положил пропитанную влагой шляпу на стол и поцеловал Тринидад руку по старому испанскому обычаю.

– Итак, сеньора Малькопуэло, вы здесь, чтобы сыграть в великую игру, или, как наша Розальба, просто развлекаетесь? Не то чтобы я возражал против публики – я играл некоторые из своих лучших ролей под пристальными взглядами зрителей; желание произвести впечатление на красивую леди придает моей игре жизненность. – Затем, обращаясь к остальным, он сказал: – Нас заберут у задней двери через полчаса и отвезут куда надо.

Тринидад изучила вновь прибывшего. В эпоху простых и доступных телесных модификаций такие волосы, лицо и руки вышли из моды. Если только они не были частью тщательно продуманного образа. Если только все, что говорили, делали и подразумевали эти люди, не было частью тщательно продуманной игры. Тринидад услышала, как где-то щелкают, сцепляясь, экзистенциальные шестеренки. Упали монеты, зажглись неоновые огни, заиграл воображаемый музыкальный автомат.

– Саламанка, можно тебя на минуту? – спросила она.

Она увлекла его в уединенную беседку между скребущими крышу пальмами в горшках.

– Почему ты не сказал мне, что принадлежишь к Культу Зоопарка?

Дождь барабанил по крыше.

Даже Сантьяго не одобрил бы Культ Зоопарка.

Когда стало очевидно, что процесс Теслера может только воскрешать, а не даровать бессмертие, появились истории, вроде байки о мухах, которые, как когда-то считалось, самопроизвольно

возникают из мертвой материи; истории об экспериментах по воскрешению, в результате которых появились непристойные гибриды, наполовину биологические, наполовину тектронные, наполовину живые, наполовину мертвые; неподвижные куски тектоплазмы, внутри которых были пойманы в ловушку разум, память и дух некогда жившего человека. Полумертвые зомби были включены в пантеон популярных ужасов, страшил и Фредди из детских кошмаров и историй о привидениях, которые рассказывают на пижамных вечеринках. Затем из обширных зловонных некровилей Вьехо-Мехико выполз слух о том, что эти полумертвые обладали великой химерой общества воскрешения: бессмертием-без-смерти. Дескать, в каком-то из кусков немертвого шлака нашлась горстка текторов, воспроизведенных с ошибкой и потому обретших способность преобразовывать человеческую ДНК, не разрушая ее.

Воскрешение в собственном теле – или *Настоящая смерть*, молекулярное разрушение без всякой надежды восстать. Таков был уговор, верующий ставил свою жизнь на то, какая система текторов вторгнется в его тело. Вечная жизнь или вечная смерть. Ацтекская рулетка. Искатели и глупцы хлынули в Мертвый город Койоакан, ведомые мифами о тайных обществах веселых золотых бессмертных, сотрясающих мировое древо. Тишина, в которой растворились искатели, только укрепила этот миф. Что бы они ни выбрали, Suerte или Muerte[171], о них больше никто не слышал.

Они вынудили «Теслер-Танос» кое в чем признаться. Эти городские легенды? Те, которыми вы себя пугали, когда жарили маршмеллоу у костра на природе, а один из друзей такой: «Давайте рассказывать истории о привидениях»? Те, что о mediarmuertos[172], живых душах, обреченных на вечные муки и запертых внутри деформированных нанотехнологических колонн? Они действительно существуют. Вот фотографии.

Отец Тринидад решил, что новостные сюжеты с существами, похожими на покрытые ладонями пни, и с красивыми мертвыми кинозвездами, плавающими в пластиковых баках, слишком пугающие для восьмилетней Тринидад, но ее подружка Иоланда запускала эти видео каждый раз, когда они играли вместе.

Никто не поверил официальной позиции «Теслер-Танос»: дескать, они не хотели, чтобы ассоциации с чем-то подобным испортили их корпоративный имидж. Если они и отправили в Койоакан вооруженные до зубов тактические группы с мехадорами, то лишь потому, что хотели заполучить секрет бессмертия-без-смерти. Ничего не нашли. Никаких сюрпризов. Культисты услышали громкий топот, спрятались в чулане и закрыли за собой дверь так, что лишь тончайшая полоска тьмы

просачивалась наружу. Желающие всегда могли их отыскать благодаря этой полоске, следуя по ней в сердце любого из тысяч некровилей. Пусть их никогда не было столько, сколько в золотую мексиканскую пору, все равно постоянно находились мечтатели о вечной жизни, пусть и маловероятной, предпочитая ее Домам смерти с их резервуарами Иисуса. Люди задавали тайком вопросы, изучали секретные доски объявлений, организовывали собрания для избранных. Каждый знал, что однажды оставит прошлую жизнь позади, сделает ставку, сыграет в игру – и больше про него никто не услышит.

«Теслер-Танос», чьи пиар-раны после Койоакана еще саднили, оставила культистов в покое. За неделю от передозировки умирало больше людей, чем исчезало из-за Культа Зоопарка за год. «Теслер-Танос» и их представители в полицейских управлениях и службах seguridado гордились своим чувством меры.

– Иисус, Иосиф и Мария, Саламанка! В какую самоубийственную игру ты ввязался?

– Тринидад, ты не понимаешь…

– Я понимаю, что оттуда не возвращаются. Никогда. Я понимаю, что выбор – жизнь или бесповоротная смерть. Я все правильно поняла или что-то упустила? Чего ты так боишься, что такой расклад кажется тебе хорошей сделкой?

– Я не могу объяснить. Пожалуйста, просто доверься мне.

Это слово. «Доверься».

– Что ты не можешь объяснить, hermano[173] Саламанка? – Йенс Аарп шаганул к ним, раздвинув пальмовые листья. Позади него шла Монсеррат Мастриани в объятиях экзоскелета; за ней, как одомашненная тень, верная Розальба. – Все очень просто, hermosa[174] Тринидад. Мы все прокляты. Мы все смертные грешники. Саламанке достался средневековый грех – акедия[175]: утомительная механика жития толкает его в объятия смерти, а страх умирания влечет к надежде на бессмертие. Сеньора Мастриани – гордыня; грех отказа подчиниться болезни, которая убивает ее, высокомерие, требующее взять судьбу в свои руки и заявить: «Вот то, что я выбираю для себя». Мой грех – обжорство: грех наркомана, грех игрока, грех человека, который был проклят способностью никогда не проигрывать и его ставки делаются все выше и выше, пока в итоге он не достигнет величайшей из ставок: вечная жизнь или *Настоящая смерть*. Будет ли Seora Suerte – сеньора Судьба – благосклонна ко мне или окажется просто еще одной вероломной женщиной? Какой достойный игрок устоит перед грандиознейшей игрой? Теперь понятно, сеньора

Тринидад? Я очень надеюсь, что да, потому что проводники ждут. Слушайте! По-моему, дождь прекратился.

Тринидад подняла глаза. Сквозь зеленые листья, сквозь испещренный дождевыми пятнами купол, сквозь убегающие облака: звезды. В этот миг Саламанка ускользнул.

– Саламанка!

Он застыл, разрываемый на части.

– Саламанка… – голос Йенса Аарпа прорвался сквозь шум кафе.

Он выглядел как человек, находящийся между раем и адом. Между раем и адом находился некровиль. Он поднял палец и крикнул паломникам:

– Одну минуту! Увидимся на заднем дворе. Я должен кое-что сказать Тринидад.

– Мы попросили тебя рассказать нам свою историю – дескать, сами друг друга отлично знаем. Это неправда. Я не рассказал им всё. Черт, я солгал. В том, что я им поведал, нет ни единого правдивого слова. – Саламанка уселся на край большого терракотового пальмового горшка. – Я не тот, кем выгляжу. Я не пилигрим, не проситель, молящий о милости у того, что насмехается над нашими надеждами и страхами; того, что наслаждается нашим отчаянием и разрушением. Я палач. Я правосудие. Немезида. – Он вытащил теслер, которым угрожал волкам в некровиле, и положил его на мульчу из стручков какао рядом с собой. Оружие блестело, как смазанная маслом кожа. – Звучит красиво, не так ли? Тщательно отрепетированные слова: Немезида. Правосудие. У меня все продумано, распланировано и расписано, каждое веское слово, каждый многозначительный жест, так почему, черт возьми, так трудно тебе все сказать?

Он взглянул на часы на персоналке.

– Я всегда чувствовал ответственность за Леона. Ответственность или вину. Всегда был сторожем брату своему, хотя, по праву, Леон должен был быть моим, он был на три года старше. Но отец возложил на меня ответственность и вину. В день своей смерти он позвал меня и сказал, что Леону, возможно, достались внешность, остроумие и харизма, и ветер всегда будет дуть ему в спину, но мне даны мозги, решимость и дар тревожиться, и поэтому я должен присматривать за ним, ведь сам он о себе не позаботится – и да, жизнь, она трехлапая одноглазая сука, но он умирал и мог попросить любую возмутительную вещь, какая только придет на ум, и нам оставалось лишь подчиниться. Он умер и попал в Дом смерти, и мы попытались забыть, что наш отец где-то там, в новом теле и с новой жизнью, потому что, как я сказал Леону, отец забыл, что у него двое сыновей, мы

превратились в воспоминания в долгом и запутанном сне, от которого он только что проснулся.

Саламанка снова проверил время.

– Мне было шестнадцать, Леону – девятнадцать. Слишком молоды, чтобы понять: ответственность без власти – превосходный субстрат для растущих угрызений совести. Я не мог помешать Леону вращаться в неправильных социальных кругах, заниматься неправильными вещами, трахаться с неправильными людьми, как не мог задуть солнце. Я испытал огромное облегчение, когда он обратился к религии. Я бы ему такой путь не выбрал, да и наш отец, убежденный атеист, не считал бы это достойной жизнью – но так Леон оставался вдали от скандалов.

– Укуромбе? – спросила Тринидад.

– Нет. Старше и темнее. Евангельское христианство.

– Я думала, что Постулат Уотсона и процесс Теслера были последними гвоздями, забитыми в ладони старых евангелистов, – сказала Тринидад. Подвесной экран колыхался на ветру; сложная проекция околоземного пространства исказилась, внезапно переведенная в неевклидово пространство. – Лучше тектронная синица в руках, чем теологический журавль в небе.

– Они стойкая порода, – возразил Саламанка. – Секта, в которую вступил Леон, верила, что, хотя воскресшие мертвецы совершили тяжкий грех, все прощается, если принять спасительную благодать Иисуса. Им отказано в благословении физической смерти, но когда наступит конец света, они будут вознесены живыми на небеса вместе с другими верующими и получат истинные возрожденные тела. Оказавшись в ловушке на Земле, они могли стремиться к тому же подобию Христа, которого достигли их смертные братья на небесах.

Мне сказали, что причина, по которой Укуромбе так легко вытеснил старокатолицизм, заключалась в Папской булле о том, что воскресшие были не более чем нанотехнологическими роботами и что души, которые когда-то населяли их, вечно горят в аду за грех гордыни. Я сильно испугался, когда впервые это услышал.

Есть некоторые ордена Viejo Catolico, которые считают, что мертвые могут спастись; такими были Evangélicos, к которым присоединился Леон. Они крестили его в реке Лос-Анджелес. Предположительно, он смыл свои грехи. Поди знай, в воде столько дерьма. Мой брат стал миссионером; ходил по ульям некровиля, раздавал брошюры и приставал к людям, пел на перекрестках, что-то в этом роде. Меня тоже пытался обратить в свою веру, но я ясно дал понять, что не интересуюсь. Перемирие между нами продолжалось до тех пор, пока однажды он не сказал

мне, что один из его compadres общался с *Духом* – как он это называл – и получил *Известие* о том, что Леон должен отправиться в Мертвый город, где его проведут к отцу – нашему отцу, – коего спасут от вечной смерти посредством искупительной Христовой любви. Вот так, да. Я терпел остальное – с трудом – потому что, хотя и не был согласен, мне казалось, так лучше для Леона. А эта новость была просто отвратительной. Ковыряние в струпьях. Настоящая некрофилия: выкапывание мертвых и надругательство над ними. Наших мертвых. Моих. Он был моим отцом в той же степени, что и Леона, и, конечно, не имел никакого отношения к Господнему Собранию Маран-афа[176]. Мы спорили. Я спорил. Леон просто талдычил без остановки тихим, спокойным, льстивым, вразумляющим тоном – он разговаривал со мной, как с грешником, которого следовало переубедить, – «Но, Эмилио; разве тебе не кажется, Эмилио; я уверен, ты согласишься». Иисус, Иосиф и Мария, меня затошнило и в конце концов я его вышвырнул. Я выкинул из дома нашего отца его шмотки, книги, проповеди и кредо – все сразу.

Кресло брата даже не успело остыть, как я убедил себя, что сам виноват в случившемся. Конечно, я пошел его искать. Собрание Маран-афа раскололось на две конфликтующие секты, как это неизбежно происходит с Evangélicos, когда кому-то не удается поступить по-своему. Ни один из них не знал о местонахождении Леона: похоже, он уже посещал другую группу до того, как произошел раскол. Я общался, кажется, с пятьюдесятью христианскими сектами. Поиски начали мешать моей работе с охранными прогами.

Он появился в доме шесть недель спустя. Возник из ниоткуда и направился прямиком к холодильнику. Я был слишком виноват, чтобы злиться, и испытывал слишком большое облегчение, чтобы спросить его, где, черт возьми, он шлялся. Он объяснил мне достаточно скоро.

Evangélicos? Тьфу. Надоели. Ханжи. Прошлый век. Его новое племя называлось Зоопарком; это была истина, жизнь, духовная семья, место упокоения его души. Я понятия не имел, во что ввязался мой брат, но инстинктивно не доверял всему, что приводило его в такой восторг. Я нанял веб-жокея и попросил проверить это так называемое Племя Зоопарка. Она рассказала мне, что нашла, и мы с Леоном снова поссорились. По сравнению с этим наш спор о Собрании Маран-афа был пламенем свечи рядом с термоядерным двигателем.

– Это реформистский буддистский культ Зоопарка, – сказала Тринидад.

– Очевидно, ты вращаешься в кругах, где эти вещи общеизвестны.

– Кое-кто из моих бывших друзей с ними соприкасался. – Как и сама Тринидад, ненадолго – в мире, где все дозволено, такие вещи надо исследовать. – Они верят, что только чистые сердцем получают дар вечной жизни от полумертвых. Они практикуют пение Дзёдо-Тэндай и медитацию, чтобы обрести свободу от мирских привязанностей и таким образом заслужить благосклонность Сеу Гуакондо.

– Сеу Гуакондо, Сеу Гуантанамо, Дугу Ферай: Повелитель Перекрестков, Иньип Деде, барон Сабадо. Много имен, много мест.

Она предложила обжигающий поцелуй из серебряной фляжки с мескалем. Он отказался.

– Вы поссорились, – напомнила Тринидад.

– И он ушел. Это было последнее, чего я хотел. Я пытался убедить его остаться – все время слышал голос отца, который говорил мне, что я несу ответственность за Леона. Я вернулся к веб-жокею, нанял ее, чтобы она нашла его. Это чуть не разорило меня, но через три дня она кое-что обнаружила. Кое-кого. Некую Кармину Сун в клинике психологической травмы в Санта-Монике. Она сказала мне, что Леон связался с corillo Гуакондо и взял ее с собой. Это произошло в некровиле Санта-Моника.

Леону всегда нужно было производить впечатление. Он пошел первым. Кармина Сун наблюдала, как он сделал выбор между Muerte и Suerte. «Смотри! – сказал он с улыбкой, преисполненный гордыни. – Ничего страшного!» И обернулся, чтобы посмотреть на нее, и тут его накрыло. Пять секунд – и только, но она сказала, что они показались вечностью. «Горение» было самым близким словом, какое она смогла подобрать, каждая клеточка его тела горела изнутри, плавилась, менялась, становясь чем-то настолько непристойным, что ей было невыносимо смотреть на это, но она знала, что увиденное навсегда впечаталось в мозг, как клеймо. Он умер. Она сбежала. Сегуридадос поймали ее у ворот Сан-Висенте и вызвали скорую. Команда психологов разложила ее воспоминания по полочкам, вплоть до материнской груди, но она все равно продолжала кричать.

Прошло пять лет со дня смерти Леона. Пять лет мне понадобилось, чтобы превратиться в аватара возмездия, ангела-мстителя. Пять лет, чтобы научиться, вооружиться, создать прикрытие, проникнуть в Культ Зоопарка, завоевывать доверие, проложить пути, ведущие к Сеу Гуакондо, и оказаться здесь и сейчас, чтобы уничтожить его. Вот правдивая история Эмилиано

Саламанки. Назови меня сентиментальным, но я не хотел, чтобы при расставании у тебя остались дурные воспоминания обо мне. По крайней мере, теперь ты знаешь, чего я боюсь.

– Сеу Гуакондо?

– Того, что может помешать мне поступить как надо. – Он взял великолепный черный теслер. Оружие откликнулось на прикосновение, покрылось рябью, как гладкая кожа. Саламанка убрал его в кобуру рядом с сердцем и взглянул на наручную персоналку. – Черт. И все же они не уйдут без меня.

– Саламанка.

Он встал, запахнул куртку, готовый отправиться навстречу подвигу.

– Ты не сможешь сделать это ради Леона.

– Я знаю.

– Ты также не сможешь сделать это ради себя.

– Я знаю.

– Ты никогда не перестанешь чувствовать себя виноватым.

– Это я тоже знаю.

– Саламанка. – Он, очевидно, не имел четкого представления о правилах геройской игры, если был готов уйти, не дав ей возможности попрощаться или высказаться до конца. – Я иду с тобой.

4:00 – восход

2 ноября

Тридцать шесть часов, тридцать шесть минут.

С годами фикус-душитель заполонил комнату на пятом этаже: каждый сантиметр стен и потолка покрылся плотным ковром из листьев. Стебли и лозы выросли толстыми и крепкими: patron повесил на них оловянные и стеклянные спиртовые фонари. Выглядело так, словно упавшие звезды застряли в ветвях дерева. Бамбуковые жалюзи были подняты, чтобы выпустить немного ночного тепла из комнаты; назойливые корни давным-давно заклинили ставни в открытом положении. Когда Камагуэй приблизился, с заросших перил балкона вспорхнули яркие, как драгоценные камни, райские птицы.

– Зоологи привыкли верить, что райские птицы жили, любили и умирали, не касаясь земли, – сказала Нуит, глядя им вслед. – У мертвых образцов, которые им прислали, не было лапок. Почему-то никто не догадался, что трапперы на Борнео обычно отрезали лапки своей добыче.

Многоквартирный дом-cuadra напротив выглядел сложной геометрической фигурой из-за обилия пожарных лестниц и светящихся окон с жалюзи. В каждом по-разному играли тени. Кто-то привязал к своему сегменту пожарной лестницы пять разноцветных воздушных шаров.

Из листвы на них смотрели, и кто-то тихо, воровато шуршал. В комнате кроме ложа и тех, кто планировал им воспользоваться, были только ведерко со льдом, бутылка и два стакана, небрежно надетые на кованые столбики кровати.

Один из любимых урожаев Камагуэя.

Они выпили вина. Оно оказалось очень хорошим. Внутри что-то освободилось, как будто жестокие/добрые пальцы массажиста заставили живую плоть расслабиться, забыв про скованность и болезненные терзания.

Камагуэй прикоснулся к чувственной вселенной, и она ответила ему тем же. Он изумился своему физическому состоянию. Стертыми в кровь пальцами, при свете фонаря и первых лучей зари, он исследовал собственное тело.

Волдыри образовали овальные пятна на лопатках, пояснице, внутренней стороне локтей и бедер. Он касался нежно, осторожно, однако этого оказалось достаточно, чтобы пузыри лопнули и выпустили содержащиеся внутри шипы из черного

тектопластика. Впервые Камагуэй заметил чешуйчатые наросты между пальцами ног и на тыльной стороне костяшек пальцев.

– Самое удивительное, что это безболезненно, – сказал он.

– Почему ты мне не сказал? – спросила Нуит.

Камагуэй почувствовал ее теплое прикосновение к своей спине. Ее тело шевельнулось, касаясь игл, и волны чувственного удовольствия обрушились на его лимбическую систему. Нервные окончания под иглами стали сверхчувствительными.

– Я боялся, – признался Камагуэй. – Я думал, тебе будет противно, и ты возненавидишь меня.

Он подошел к окну, чтобы посмотреть на улицу, город, небо, нарастающее сияние рассветного небесного знака. Генетизированные обезьяны размером не больше ладони копошились в зарослях лиан на фасаде отеля, поедая мотыльков. Затерянная в листве неоновая вывеска отбрасывала желтые отблески на его грудь и живот.

– Разве они не пугают, все эти внешние и видимые признаки внутренних и физических перемен? Мать твою, я ведь уже не человек.

– Ты забываешь специальность Нуит, мясной мальчик. Внешние и видимые признаки – это ее ремесло.

Камагуэй посмотрел вверх на тонкие завитки перистых облаков, загораживающих небесный знак. Начинался еще один великолепный день в раю. А потом небо стало белым. На мгновение ему показалось, что солнце превратилось в сверхновую, а его глазные яблоки расплавились. Белый свет осветил внутреннюю часть его черепа. Обезьяны в листве, мертвецы в своих квартирах или на улицах, Камагуэй в окне отеля; все застыли, пораженные белым светом. Мир затаил дыхание. И медленно выдохнул. Он не ослеп.

– Последняя битва Земли, – сказал Нуит. – Либо военные бросили кости правильно и достали «хлопушки», либо им выпали «змеиные глаза», и «хлопушки» достали их. В любом случае, это был подлинный, мощный термоядерный взрыв.

– Разве это имеет значение?

– Никакого.

Сияние поблекло. Рассветные звезды проступили сквозь завесу небесного знака. Птицы, напуганные внезапной сменой ночи и дня, вернулись на свои насесты. Теплые тени в комнате теперь казались более глубокими, темными и манящими. Нуит пригласила его на кровать. Ее покрывала шкура гадрозавра; цвета пустыни, песка, загара и теней, чувственно мягкая и шелковистая. В правом верхнем углу виднелось непритязательное © Корпорада «Уолт Дисней». На шкуру упало несколько листочков фикуса-

душителя.

Опустившись на колени, они поцеловались.

Она остановила его.

– Один момент, mi corazón[177]. Если хочешь, чтобы все получилось хорошо, ты должен сказать мне, что тебе нужно. Не бойся, ты меня не шокируешь, я не буду втайне презирать тебя за темные и тайные мечты. Скажи мне, что ты хочешь со мной сделать, что я должна сделать с тобой – все так и случится.

Он сказал – тихим, вороватым шепотом, боясь, несмотря на заверения Нуит, той тьмы, что выползала из его рта и пениса. Она провела языком по его губам. Он провел языком по ее нижним губам, когда она оседлала его лицо. Она провела языком по венцу его члена. Он заскулил от жуткого удовольствия. Она потянула его за тонкие черные иглы между бедер. Он рухнул на шкуру гадрозавра, тяжело дыша и обливаясь потом, не в силах сказать даже слово. Она потянула зубами тектопластиковую иглу на его ладони. Он чуть не потерял сознание. Она приказала ему перевернуться вниз головой и распластаться на покрытой листьями стене. Когда она его отпустила, он был как в бреду и ощущал себя длиной километров десять. Она выполнила аккуратную стойку на руках и обвила ногами его шею. Он положил Нуит лицом вниз на кровать, поднял ее ноги и трахнул ее. Она движением бедер заставила его лечь на шелковистую шкуру и оседлала, а потом все понеслось, и это было мощно, очень мощно. Он впился пальцами в ее груди – неужели они были такими большими и полными? – и соски торчали твердые и темные, как спелые логановы ягоды, между его покрытыми струпьями костяшками. Она схватила его член, чтобы он не кончил. Она сунула два увлажненных пальца в его анус, пошевелила ими, демонстрируя, что это не просто так, и свободной рукой направила его чешуйчатые, ребристые пальцы к своему клитору. Три, четыре, пять раз она подводила его к пику блаженства и отправляла обратно, прежде чем, наконец, вознестись вдвоем.

– Это первый раз, когда клиент притворился профи, – сказала она, вернувшись из ванной.

– В смысле?

– Сто двадцать с чем-то дают женщине возможность определенным образом оценить грехи мужчин. Ты не смеялся. Отличный секс – это не когда потеют, рвут жилы, выгибают спину и кричат «Господи, да!» много раз. Это старый голливудский секс. Секс на серебристом экране. Ну как с этим связан Бог? Отличный секс – это когда смеются: иногда вслух, но всегда беззвучно, вот тут. Всегда смеются вот тут. – Она коснулась места над сердцем. –

А ты не смеялся. Ты не расслабился. Это было ненастоящее. Ты сыграл роль. Хорошо сыграл, да, но это было вранье. Ты вдруг вспомнил, где ты, кто ты, что делаешь и с кем – и это убило тебя. Наповал, Камагуэй. Что ты вспомнил, Камагуэй? Что ты мне не сказал? В чем ты не смог мне довериться?

Она встала на четвереньки поверх Камагуэя и посмотрела ему в глаза.

– Что, по-твоему, я не смогу принять? Я могу стать кем угодно, Камагуэй. Чем угодно.

Опираясь на локти, она взяла его лицо в ладони. Их разделяли считанные сантиметры. Нуит нахмурилась. Дрожь пробежала по ее лицу. Кожа сморщилась и перетекла в хромированный металлический череп.

Камагуэй закричал. Костяные, нечеловечески сильные пальцы удержали его, заставляя смотреть прямо в белые глазные яблоки.

– Вот что тебя возбуждает, Камагуэй? – Голос принадлежал Нуит и исходил из сомкнутых, оскаленных челюстей. – Ты удивишься, узнав, насколько это популярная идея. Полным-полно настоящих некрофилов, жаждущих заплатить большие деньги за свой особый порок. Нет? Может быть, Версия № 2 окажется под стать твоим греховным мыслишкам.

Серебряный череп потек. Жидкость затрепетала и застыла плоскостью гниения. Клочья разлагающейся кожи. Сморщенные губы обнажили зеленые зубы, усохшие десны. Вместо носа – зияющая темная впадина. Ноги и руки – кости, обтянутые тугой, рваной кожей, и все же сгнившие пальцы со скрюченными, треснувшими ногтями удерживали его в неподвижности, как будто в состоянии трупного окоченения. Груди – высохшие мешочки из кожи цвета дерьма. Камагуэй чуть не задохнулся, вырываясь из хватки трупа. Гниющий остов преобразился, и он увидел над собой дерзкие черты Мэрилин Монро.

– Никак не могу запомнить строчки, где «копченая пикша» рифмуется с «сердцем, отданным папочке»[178], – сказала она сообразным голосом. – В любом случае, на анхеленьо это не звучит. Итак: заводит ли тебя настоящая некрофилия с подлинно мертвыми? Нет? Черт возьми, я больше ничего не могу придумать.

Пока она говорила, облик язвительного ангелочка Монро оказался вновь поглощен. Аккуратный ротик, нос и глаза растянулись, удлинились и растаяли; получившееся лицо не было лицом. Над Камагуэем нависла маска из кожи, с единственным отверстием в центре. Его держали мягкие, лишенные отличительных черт рукавицы из плоти. Он зажмурился. Почувствовал кожей, как трепещет плоть Нуит, выдавая новую

перемену. С трудом осмелился взглянуть. На него смотрело сверху вниз собственное лицо Нуит, милое и уродливое одновременно.

Он оттолкнул ее изо всех сил. Для своего роста она была феноменально тяжелой.

– Иди ты в жопу, Нуит. Чтобы ты провалилась.

– Прости, Камагуэй. Мне жаль. Я не хотела… Впрочем, нет, хотела. Я хотела шокировать тебя. Причинить боль. Пробудить в тебе ненависть.

– Почему ты хочешь, чтобы я тебя ненавидел?

– Потому что, – лежа на боку на шкуре гадрозавра, она подтянула колени к груди, обхватила их руками, втянула голову в плечи, как боязливая черепаха, – я думаю, что мне грозит опасность влюбиться в тебя, тупой мясной ублюдок.

– ¡Ау! Нуит!

– ¡Ау! Нуит! – передразнила она.

– Разве это так ужасно?

– Потому что все, что я тебе показала – это и есть я. Я чудовище. Я продаюсь за деньги. Деньги больных людей. А хорошие, глупые, ранимые, мечтательные, честные, милые, напуганные, раненые люди вроде тебя заслуживают лучшей любви, чем любовь монстра. – Прежде чем он успел вставить хоть слово, она продолжила: – Знаешь, о чем просят чаще всего? Клиенты? Показывают фотографию кого-то, кого они любили, кто отправился в Мертвый город, и просят меня стать этим человеком. Обычно мы не занимаемся сексом. Просто разговариваем или делаем то, что им нравилось делать вместе – играем в теннис, плаваем, читаем газеты, гуляем, ходим по ресторанам, – а иногда клиент просто сидит и смотрит.

Она протянула руку.

– Прикоснись ко мне. – Он подчинился. – Тебе не кажется странным, что она теплая? Мои эпидермис и подкожный слой напичканы гиперскоростными текторными системами: мое внешнее «я» – тектопластик с эффектом памяти, изменяющий форму в ответ на мысленный приказ. Как автомобиль с полудюжиной встроенных базовых программ, только Нуит – лучшая тачка, чем любой старый папин «кадиллак», потому что может перепрограммировать свои молекулы по желанию. Через мою зрительную и слуховую кору протянуты волокна наносистем, словно цепочки волшебных огней. Покажи и расскажи – и Нуит станет тем, кем надо. – Она схватила его за руку. – Камагуэй, я могу сделаться ею, если ты этого хочешь. Я могу стать Эленой. Ты можешь сказать ей, что тебе жаль, что всегда будешь любить ее, что она гребаная больная шлюха. Это не имеет значения. Скажи

мне, что тебя освободит.

Камагуэй перекатился на бок и прижался губами к уху Нуит. Конвертоплан новостного канала прогрохотал низко над жилыми кварталами. Несколько коричневых листьев упали на кровать. Камагуэй отвернулся и подивился тому, как затененные плоскости и полосы перемещались по зданию напротив по мере восхода солнца. Он ощутил через сосновый каркас кровати дрожь пресуществления. Оглянувшись, увидел самого себя лежащим на боку.

Глазами и пальцами, губами и языком он исследовал свою копию. Затаив дыхание, провел руками по бицепсам и грудным мышцам, налитым силой от подводного плавания. Кончиками пальцев потрогал маленькие твердые соски, прежде чем перейти через твердый, слегка волосатый живот к паховому клину и его мягким выступам и складкам плоти и кожи. Прижался щекой к бедру, ощущая скопление мышечных волокон под кожей, гул крови и жизни в артериях. Были и различия. Различия, обусловленные естественными ограничениями: зубы не те; волосы поменяли цвет прямо на глазах; двойник был на добрых двадцать сантиметров ниже ростом, но это был он сам – до Элены, до человеческого интерактивного тектронного синдрома. Кончиками пальцев он коснулся гладкой, неповрежденной плоти на внутренней поверхности бедер, пояснице, плечах, локтях. Все такое славное. Правильное. Хорошо знакомое и невинное. Подняв руку двойника, он пососал пальцы один за другим. Это были хорошие пальцы. Его пальцы. Он погладил «Камагуэя» по голове, ощущая знакомые контуры черепа под короткими, как шерсть тюленя, волосами, характерный шейный бугорок у основания черепа. Ощупал лицо, заглянул в свои собственные глаза. Нуит даже имити-ровала отросшую за день колючую черную щетину. Он нежно приоткрыл губы и поцеловал их.

Слезы потрясли его, они оказались настолько внезапными, что вызвали физическую боль. Камагуэй оторвался от губ двойника и притянул его к себе.

– Прости, – с трудом выговорил он. – Мне очень жаль. Я не хотел так поступать с тобой. Причинить тебе боль. Искалечить. Сделать уродливым и больным. Убить. Я не хотел этого. Мне жаль. Мне жаль. Господи, прости меня. Сможешь ли ты простить меня? Пожалуйста, прости…

– Я прощаю тебя, Камагуэй. – В горле Нуит что-то заклокотало и захрипело: ее голосовые связки подыскивали нужный тембр. – Я прощаю тебе все.

Камагуэй не произнес ни слова. Через много минут он снова подошел к окну. Солнце уже поднялось над магазинами в

восточном конце улицы. Горячий золотистый свет безостановочно лился в узкий переулок. Нуит присоединилась к нему, обняв рукой за талию. Когда она стояла рядом, различия были очевиднее. Она казалась не столько двойником, сколько любимым младшим братом, благословленным капризными богами Трес-Вальес.

– Нуит, я думаю, пора.

– Все можно забронировать через хозяина отеля, – сказала Нуит. – Есть какие-нибудь предпочтения, куда бы ты хотел отправиться? Мне нужен номер твоего полиса инморталидад. Полагаю, серристо вроде тебя возрождается не в среду[179]. Подожди секунду.

Голос, подумал Камагуэй, был его собственный, а вот лексикон, окрошка из модуляций, скорость отбойного молотка – все это, конечно, принадлежало Нуит. Он почувствовал, как она тает рядом с ним, трепещет и принимает новую форму. Идеальный Камагуэй, которого, как он теперь знал, никогда не существовало, исчез навсегда.

– Иисус, Иосиф и Мария, так-то лучше. Эти транссексуальные превращения… Извини, голос не мой. – Она выплюнула его, как комок мокроты. – Как по мне, вся эта мужественность, machismo и прочая ересь – слишком тяжелый груз, чтобы цеплять его к пятнадцати сантиметрам эректильной ткани.

Нуит прислонилась к перилам балкона, затылком к улице, и вскинула подбородок, наслаждаясь солнечным теплом и ветром в волосах. Камагуэй спросил себя, сколько энергии она потратила на превращение, особенно с учетом того, что на исходе ночи запасы истощились.

– Понимаешь, Нуит, я мог скорбеть о том, что натворил – это нетрудно, – однако не мог простить себя, – сказал Камагуэй. – Мне нужно было увидеть все со стороны, услышать, пощупать, и тогда я смог понять масштабы собственного преступления. Вот почему я попросил тебя сделать то, что ты сделала. И, в конце концов, все прошло легко. Понимаешь? Я посмотрел и увидел, я осознал: это была ошибка. Всего-навсего ошибка. Только ее и надо простить. Нет такого существа, живого или мертвого, которое за всю жизнь не совершило ни одной ошибки.

– Джон Ублюдок когда-то собирался написать автобиографию, – сказала Нуит. – Он хотел назвать ее «Сто тысяч ошибок».

– Но ошибаться – это нормально, Нуит. Это по-человечески. Как твой приятель, игрок во вселенский гольф: он никогда не достигнет совершенства, но не изменит привычке прощать себя каждый раз, когда не попадает в лунку. Итак, моя ошибка стоила

мне жизни, но я не первый, кто умер от единственной ошибки. Может, я совершаю еще одну здесь и сейчас, говоря, что выбрал время. Неважно. У меня есть право на ошибки, и я продолжаю их совершать. Мне позволено ошибаться. У меня есть разрешение потерпеть неудачу. Мне бы хотелось найти место, откуда видно океан, если это возможно. Я скучаю по рифу. В основном по нему. Я беспокоюсь о нем. Я представляю себе штормы, кораблекрушения, подпорки для лодок, водолазов с геологическими молотками. Я надеюсь, что Флорда Луна права в своих пророчествах, я надеюсь, что эти корабли там, наверху, трахнут Тихоокеанский Совет, Панъевропу, «Теслер-Танос», «Эварт/ОзВест» и все корпорады прямо в зад. Вот уж кто подлинные трупы. Если Свободные мертвецы сделают все правильно, если сегодня утром наступит конец света, возможно, я смогу когда-нибудь вернуться. Может, мы с Эленой там встретимся.

Глубоководье. Нанорастения на длинных стеблях медленно колышутся в прохладных потоках. Тропические рыбки, ручные и яркие, похожи на цветы. Над головой мимолетная тень плезиозавра, который греется и фотосинтезирует. Свет лился через обвитый зеленью балкон в пустую комнату. Обыденности. Формальности.

– Я уже уведомил своих страховщиков, Нуит. Компания называется «Стелла Марис Инморталидад». Нужно лишь назвать мое имя. Полагаю, Дом смерти позаботится о прочем.

– Обычно напоследок просят сигарету. Ладно. Думаю, я смогу все устроить.

– И, Нуит…

Она оглянулась у двери.

– Надень что-нибудь.

Нуит весело фыркнула.

– Что за мещанство, мать твою. Ты же теперь в некровиле, muchacho!

В 1719 году в ночь перед праздником Тела и Крови Христовых фра Хуан де Диос из Общества Святого Франциска основал миссию Сан-Исидро после того, как Пресвятая Дева, Королева Ангелов, явилась ему и его покрытым пылью монахам в небольшой лощине у подножия гор Санта-Моника. Источник забил там, где раньше не было воды, и тем самым обозначил особое место. Фра Хуан де Диос трижды омылся во имя Отца, Сына и Святого Духа и немедленно отправился с братьями на поиски древесины, красного самана и дешевой индейской рабочей силы, чтобы возвести небольшой скрипторий.

Почти пятьсот лет монахи Сан-Исидро сопротивлялись посягательствам мира. Дворцы Мамоны – гасиенды, георгианские или псевдотюдоровские, – осаждали его; размышлениям братьев мешали крики и стоны во время вечеринок у бассейна, щелчки и влажные удары, выдающие мелкие садомазохистские развлечения жителей пригородов. Надвигались мертвецы приходили, дом за домом, сад за садом, улица за улицей подкрадываясь к Сан-Исидро, как фикус-душитель, вытесняя серристос из их гасиенд, георгианских и псевдотюдоровских особняков. Францисканцы, островок анахроничной веры посреди опровергающего ее океана, держались. Такое у них было кредо: стойкость и смирение. Конец наступил, когда Региональный комитет агломерации Трес-Вальес написал на карте nec plus ultra[180] и надежно изолировал миссию Сан-Исидро внутри некровиля Святого Иоанна. Братья съехали. Дом смерти, преисполнившись мудрой иронии, занял освободившееся помещение.

– Можно увидеть океан, если подняться на башню, – сказала Нуит, зажигая длинную тонкую свечу и устанавливая ее на подставке перед статуей Богоматери, Владычицы Ангелов. Машины воскрешения заполнили длинный узкий неф, как будто собрались послушать реквием. Души, ожидающие возрождения, тихонько напевали григорианский хорал. – В ясный день. Без смога. Или тумана. В идеальных условиях. Ступеньки неровные. Не рекомендуется страдающим от головокружения.

Поскольку Камагуэй им не страдал, они поднялись на башню. Через побеленные арки открывался вид на все четыре стороны света. Ветер принес аромат океана: на мгновение Камагуэю показалось, что сквозь дымку он видит серебристый блеск волн, разбивающихся о далекий, недостижимый берег. В долине над мертвым городом рядами поднимались столбы дыма, вторя сетке улиц. Пальмы будут тлеть много дней, подумал Камагуэй. Конвертопланы низко прожужжали над зоной горения, и дымные полосы завились спиралями. Выглянув из восточного окна, он увидел три черных шпиля аркосанти «Теслер-Танос», которые вздымались из дыма и густеющего янтарного смога. С южной стороны Камагуэй посмотрел вверх. Он знал, что не сможет разглядеть корабли там, наверху, но все же надеялся, что увидит горстку черных точек за бледнеющим небесным знаком или, может быть, падающий корпус, сгорая, прочертит на небе длинную угольную полосу, расписавшись в собственной гибели. Радио водителя в тук-туке, который доставил их сюда, бормотало о том, что флот Свободных мертвецов разрушает орбитальные заводы и перестраивает их обломки в некое колоссальное космическое сооружение.

На некоторые вопросы он не узнает ответа.

Они спустились с башни и через темный, тесный неф прошли в сад миссии. Одетые в белое молодые работницы Дома смерти встретили их под высокими тенистыми пальмами, которые аркой нависали над красной черепицей часовни. Они пожали друг другу руки, как принято у мясного народа.

– Сеньор Кинтана. – Проводником Камагуэя в вопросах воскрешения выступала высокая чернокожая женщина, немногословная и грациозная, что казалось обязательным для всех сотрудников Дома смерти. – В наших процедурах работы произошел ряд изменений, о которых я должна вас проинформировать. Дом смерти больше не выступает в качестве посредника между клиентами и корпорадой «Теслер-Танос». Поэтому мы отправили всю сумму, накопленную на вашем страховом счету инморталидад, на счет Дома смерти Сан-Исидро, указав вас в качестве бенефициара. Полная сумма плюс проценты будут доступны после воскрешения, вы сможете распоряжаться ими как пожелаете.

– Зашибись… – проговорила Нуит.

– Именно. Итак, сеньор Кинтана, вот резервуар, который мы для вас приготовили.

Внезапно «хлопушки», космические сражения, таинственные орбитальные артефакты, мятежные Дома смерти и рассыпающаяся система contratada превратились в бумажные фонарики в тропическом шторме. Смятые, раздавленные, улетающие в небытие кувырком. Огонечки погасли. Смерть рядом, смерть здесь, смерть – поднятая крышка резервуара Иисуса под древними стропилами бывшей монастырской трапезной.

– А я точно должен это сделать?

– Ты не должен делать того, чего не хочешь, – твердо сказала Нуит. – Так, дайте-ка мне эту хреновину. Мы все устроим на свой лад.

Высокая чернокожая женщина поколебалась, прежде чем передать Нуит маленький пластиковый цилиндр. Камагуэй слишком много времени провел в тени Сантьяго Колумбара, чтобы не узнать его.

– Я вас позову, – прибавила Нуит.

Женщина в белом поклонилась и исчезла в недрах бывшего монастыря.

– Нуит, мне страшно.

Нут села на влажную от росы траву и прислонилась к наклонному стволу монастырской пальмы. Раздвинула ноги, похлопала по траве.

– Иди ко мне.

Он сел, скрестив ноги. Нуит небрежно обхватила его ногами за талию и притянула к себе. Иглы на его плечах и спине согнулись, каждая подарила мимолетный сладострастный поцелуй. Нуит его обняла.

– Я все время буду с тобой. Я не оставлю тебя. Когда глина расколется, первым, что ты увидишь, будет моя физиономия.

– Нуит.

– Да.

– Теперь я понимаю, почему ты так поступила в отеле. Твои трюки с превращением. Ты не хотела, чтобы я возненавидел тебя, увидел монстра, вампира, который питается мужскими желаниями. Ты хотела шокировать меня, бросить мне вызов и посмотреть, сумеют ли мои представления о том, какой может и должна быть любовь, выйти за рамки, обусловленные плотью. Ты обнажила себя до голых костей и спросила, могу ли я полюбить это. Я могу, Нуит. Я могу полюбить тебя такой.

– То были не голые кости любви, мясной мальчик. Хочешь их увидеть? Я покажу. – Она открыла флакон, вытряхнула содержимое на ладонь правой руки. Поднесла к лицу Камагуэя: одинокий тектофармацевтический паук; черный как грех. – Это и есть любовь. Вот в чем ее суть: один вопрос. Достаточно ли сильна твоя любовь, чтобы убить того, кого любишь? Достаточно ли сильна твоя любовь, чтобы избавить его от боли?

Она держала паука на раскрытой ладони, предлагая его Камагуэю.

– Я не могу, Нуит. Мне не хватит силы духа.

– Знаю. Мне хватит. – Она подняла руку, поднесла ладонь к его лбу.

Кратчайший контакт, мимолетное соприкосновение.

Он резко вдохнул, медленно выдохнул.

– Я думал, что-нибудь почувствую.

– Он действует очень нежно. Та главная сучка из Обители Смерти обещала мне, что ты просто медленно заснешь. – Нуит коснулась его головы своей. Паук был черной кастовой меткой на его лбу, из которой изысканные яды просачивались в передний мозг. Камагуэй прижался к Нуит. Кончики игл разорвали ее кружевной наряд, оставив на коже аккуратные параллельные царапины. Она ощупала новые волдыри: затылок, тыльную сторону ладоней, впадины ключиц. Нежные прыщи лопнули, тектопластические шипы превратились в острые крючья.

– Жаль, что здесь нет моего отца. Я бы хотел попрощаться. Может быть, потом…

– Это бы только навредило ему и сбило с толку тебя.

– Вот чего я не могу понять: почему мы теряем всех, кого любим. Почему мы должны начинать все сначала, строить новую жизнь, новую любовь, находить новых друзей и семьи. Как же больно тем, кто остался на другой стороне.

– Больно было бы тем, кто проходит через это, если бы им пришлось наблюдать, как их близкие, партнеры, дети стареют, слабеют и умирают, в то время как они не меняются.

– Боже милостивый… Адам Теслер совершил ужасную вещь.

– Если в битве ты собираешься обойти смерть с фланга, нельзя рассчитывать, что обойдется без потерь.

Камагуэй потянулся, улыбнулся, протянул руку назад, чтобы коснуться головы Нуит.

– Так тепло и спокойно. Начинается, да?

Она провела пальцами по его волосам.

– Нуит, я бы хотел, чтобы ты кое-что для меня сделала. Иди в кафе «Конечная станция». Они все будут там: Сантьяго, Туссен, Йау-Йау и, возможно, даже Тринидад. Все мои старые друзья. Полагаю, это своего рода традиция – собираться там в Ночь мертвых. Мы начинаем и заканчиваем в кафе «Конечная станция». Иди к ним. Расскажи им, что со мной случилось. Пожалуйста.

– Хорошо. Нет проблем.

– Спасибо. Становится теплее – да, Нуит?

Нуит держала его за руку. Солнце поднималось все выше, заливая монастырский сад безжалостной жарой. Под пальмовыми листьями была тень. Неподалеку роскошно журчал фонтан в покрытом мхом каменном бассейне – те самые воды, которые показали фра Хуану де Диосу место, где Богоматерь хотела, чтобы он построил монастырь. Инверсионные следы были движущимися линиями И-Цзин, нарисованными на небесах: космические корабли сходили с орбит, направляясь к большому космопорту в пустыне. Нуит показалось, Камагуэй что-то бормочет, и она наклонилась ближе, прислушиваясь. Вроде бы он шептал: «Свет, свет». Но она так и не сумела в этом убедиться.

Через некоторое время его хватка разжалась, и рука с полусогнутыми пальцами упала на прохладную траву ладонью вверх.

– Я! Никакая! Не querida, ублюдок! – закричала Йау-Йау Мок, адвокат «Эллисон, Исмаил и Кастарди», метнув тяжелый левый кулак в голову Яго. Когда он отпрянул, искренне растерянный, она попыталась вцепиться ему в горло. Отряд оборотней поймал ее в прыжке. Их мех был колючим от дождевой воды и пах мытой псиной; их униформой была набедренная повязка с логотипом «Мистер Луна с космической пулей в правом глазу». Йау-Йау

чувствовала, что должна помнить, откуда он взялся; это ужасное ощущение, мысль вертится в голове, но не дается – оно всегда ее настигало, когда Хорхе затевал очередную викторину типа «Кто снимался с Фредом Макмюрреем в „Двойной страховке“?»

Лужа крови от пронзенного насквозь asesino росла. Останки ударного отряда лежали, точно так же пронзенные, вцепившись в древки гарпунов, разинув рты от боли и гнева. Как в нуарном кино, однако в этой игре кто-то не успел достать козырь.

– Сеньора Семаланг, или как вы там себя называете, окажите любезность – пойдемте с нами. – Яго протянул руку Мартике Семаланг/Мадрилене Фуэнтес.

– Как ваш адвокат, советую не делать этого, пока мы не узнаем, каковы их намерения, – крикнула Йау-Йау. Яго присел на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне, и поднял боевые очки. У него отклеивались накладные ресницы.

– Ладно, Йау-Йау. Мы никуда не пойдем.

Снаружи вспыхнула новая звезда предрассветного желтого цвета. Ударной волной выбило воздух из легких. Панорамное окно Ван Арка распалось на рой острых, как бритва, стеклянных пчел, которые полетели, обгоняя пылающий штормовой ветер.

– Хорошо, хорошо! – сдалась Йау-Йау Мок.

Обломки горящего конвертоплана были центром более масштабных разрушений. Фасад центрального Дома смерти в округе Святого Иоанна превратился в осыпающийся склон из искореженного алюминиевого каркаса и крошащегося бетона. Лагуны пылающего авиационного топлива расползались в стороны от рухнувшего корпуса; тела силовиков выглядели как темные, обугленные необитаемые острова в море желтого пламени, увенчанные единственной пальмой без листьев – гарпуном какого-нибудь оборотня. Горели автомобили, велорикши, общественные foncabinas – кабинки видеосвязи; потрясенные, обожженные владельцы ларьков стояли на безопасном расстоянии, наблюдая, как их скромные средства к существованию превращаются в пепел. Одинокий, немой кинопроектор транслировал адские, фрагментарные изображения на клубящийся дым: одинокая детская коляска катилась по ступенькам в Одессе[181].

Перезаряжая длинное, архаичное оружие из наплечных колчанов, фаланга оборотней веером рассыпалась по улице, проверяя сектора обстрела. Камуфляж Яго пытался подстроиться под хаотичную неэвклидову геометрию горящих обломков, пока он морщился и копался в сточной канаве.

– Лишь вопрос времени, когда «Теслер-Танос» заметит, что у них стало на один отряд asesino меньше, – сказал Яго, осторожно

шаря в мусоре голыми руками. – Вот дерьмо, ну где же… Потом они вышлют ток-взвод, и к гадалке не ходи. И на этот раз будут целиться как надо. Вылезай, сука! – Яго закряхтел. Мышцы на его шее напряглись, как тросы моста; вены пульсировали на выбритом черепе. Миллиметр за миллиметром Яго поднимал упругий конус золотистой жидкости из асфальта, словно пытаясь вырвать вулкан с корнем. Штуковина поддавалась миллиметр за миллиметром, пока не вырвалась из объятий земли с воплем рвущихся молекул, которого не постыдилась бы и мандрагора. – Иисус, Иосиф и Мария, там внизу, должно быть, пористый слой. Я едва дотянулся до ручки сверху!

Аморфная лужа янтарной жидкости волшебным образом обрела форму и четкость: трехмерное контурное изображение низкого, гладкого автомобиля. Когда запрограммированный тектопластик вспомнил, что он такое, и перенастроился, сила поверхностного натяжения распределила материю, разделив в нужных местах и расправив складки и морщины.

– Яго, – сказал вожак оборотней, – ты в порядке?

– Да, я в порядке. И спасибо, compadres. – Рука из плоти схватила переднюю лапу волка; когти аккуратно сомкнулись на мягком предплечье. Символ солидарности. – Muerte y libertad[182].

– «Дайте мне свободу и смерть»[183], – сказал вожак стаи. Поднятый сжатый кулак; волчья стая растворилась, как жидкость, в освещенной пламенем ночи. Йау-Йау не могла избавиться от назойливого ощущения, что один из них кого-то ей напоминает. Возможно, Фреда Макмюррея из «Двойной страховки».

– Los Lobos de la Luna, – выдохнул Яго. – Говорят, из-за политики иной раз приходится ложиться в одну постель с очень неожиданными партнерами, ну, как-то так. Йау-Йау, все это часть более грандиозной и безумной схемы. Волки, Дом смерти, «хлопушки» в космосе, «Теслер-Танос», даже подручные Ван Арка: это спектакль. Даже у тебя есть отдельная роль в нашем маленьком промышленно-шпионском балете.

Щелк, щелк, щелк. Кусочки, которые она хранила в щелях и карманах своей сенсорной кожи, собрались воедино, соединились без единого шва, на молекулярном уровне, словно поработал реставратор-чудодей.

– «Кодекса-13» никогда не существовало? Если можно отнять воспоминания, их можно и сфабриковать; что такое память, как не просто еще одна кучка молекул, которые текторы перерабатывают? Все это было выдумано, все это игра, один большой макгаффин.

Яго улыбнулся и медленно похлопал в ладоши. Сломанные лакированные ногти еще не восстановились.

– Я знал, что не ошибся в тебе, – сказал он. – «Кодекс-13», фальшивое стирание памяти, приз в виде бессмертия-без-смерти, сеньора Семаланг или Фуэнтес, даже ты, Йау-Йау, были использованы «Теслер-Танос», чтобы разоблачить и уничтожить организацию промышленного шпионажа «Аристид-Тласкальпо». Что и было сделано. Остатки в настоящее время ликвидируют compadres наших бесстрашных друзей.

Огонь перекинулся на Дом смерти; ряды зрителей расступились, их карнавальные костюмы в отблесках пламени выглядели вычурными и почему-то угрожающими.

– Конечно, все это не выдерживает слишком пристального внимания, – продолжил Яго, – вот почему я очень хочу, чтобы мы сели в машину…

Таковая как раз завершила сложные метаморфозы и стояла, урча и дыша асфальтовой жарой, рядом с канавой, из которой ее призвали.

– …и убрались отсюда, пока никто не понял, что произошло.

Сиденья были обиты чем-то вроде загорелой человеческой кожи, теплой, как кровь.

– Как, блин, ты это делаешь? – спросила Йау-Йау, повинуясь мигающему настойчивому напоминанию «пристегните ремни». – И откуда, блин, ты ее взял? Я никогда не платила тебе столько бабла.

– Сверхпроводимость при комнатной температуре. Скорость воспроизведения и фабрикации – от пяти до десяти процентов скорости света. Сверхскоростной молекулярный процессинг. На десятилетия опережает все, над чем работают «Аристид-Тласкальпо» или даже «Теслер-Танос». – Яго плюхнулся на водительское сиденье. Черная тектопластиковая торпеда ухмыльнулась и выпустила ему навстречу приборы и руль. – Самая большая лаборатория наноинженерии в мире; Дом смерти.

Машина отъехала от обочины, быстро набирая скорость.

– И что это мне дает, сеньор Яго? – спросила с заднего сиденья женщина, которую Йау-Йау знала как Мартику Семаланг. – Если вам верить, «Теслер-Танос» несет ответственность не только за стирание моих воспоминаний, но и за воспоминания как таковые. Работала ли я на корпорацию? Планировала ли предать ее? Насколько тому, что я помню, можно доверять? Какая часть моей жизни принадлежит мне? Являюсь ли я тем, кем себя помню?

Низкая, лоснящаяся машина протискивалась сквозь толпы, удаляющиеся от пожара.

– Суть того, что вы вспомнили благодаря Связующему Звену, которая активировала ваши мнемохимические процессы, верна.

Мы просто изменили детали. Вы были Мадриленой Фуэнтес, вы работали в научно-исследовательском отделе «Теслер-Танос» над важным новым применением нанотехнологий, вы собирались передать данные «Аристид-Тласкальпо». Разведка «Теслер-Танос» знала все о тайных звонках на персоналки, о секретных встречах с Роландом Карвером, об оплаченных поездках в Нуэво-Теноч с бездонным пакетом фишек для казино. Он не знал, что вы предлагаете: это «Теслер-Танос» подкинула приманку, от которой Карвер не смог отказаться. Вам повезло, что вас просто выкинули из окна и приправили кое-какими воспоминаниями, чтобы сделать абсолютно неотразимой для «Аристид-Тлакскальпо». Вас могли и убить, querida.

– Я же мертва, querido.

– Я про *Настоящую смерть*, querida.

Если память была товаром, который можно стереть и перезаписать, как микродиск с бейсбольными матчами Эллиса, куда же, спросила себя Йау-Йау, девать личность, идентичность, идею самости, ведь они зиждутся на шатком фундаменте из того, что человек о себе якобы знает? Как быть с чувственным миром и реальностью, данной в ощущениях? И еще – надо вновь сделаться обычным адвокатом, ведь это все, что ты есть, и все, чем ты хочешь быть, Йау-Йау Мок, – допустимо ли принимать во внимание улики в виде свидетельских показаний, если свидетель на самом деле не видел того, что помнит? Как много пищи для вездесущих, ненасытных текторов.

В кабинете Ван Арка – когда Йау-Йау почувствовала, что ее выбросили из окна двадцать пятого этажа, и разреженный, предательский воздух проскальзывал сквозь пальцы; когда она пыталась за что-нибудь ухватиться; когда ее жизнь оборвалась взрывом костей и крови на нижних промышленных уровнях; когда она испытала смерть, – адвокатесса не могла представить себе более ужасной вещи, чем отнятие жизни. Теперь до нее дошло, что над той, кого теперь звали Мартикой Семаланг, совершили более глубокое насилие. Кто-то рылся в ее памяти с небрежностью двух толстых полисменов, занятых обыском, кто-то перебирал интимные прикосновения, моменты любви и заботы, мастурбировал на любовные ласки и ссоры, устроил кинопоказ, как будто смотрел порнушку на холостяцкой вечеринке, а потом сделал прекрасное уродливым, наполнил каждое утро любви ненавистью, унижениями и угрызениями совести, превратил воспоминания о прожитом в нечто малозначимое, грязное, корыстное, служащее низменным целям – и это было изнасилованием столь чудовищным и всеобъемлющим, что словами не описать.

Как обычно, все свелось к долларам и немецким маркам.

– Так это ты все это подстроил, Яго? – сказала Йау-Йау. – Ты работал на «Теслер-Танос», ты договорился о сделке с «Аристид-Тласкальпо». Ты выставил ее макгаффином, ты заставил ее проявить себя, чтобы «Аристид-Тласкальпо» навострили уши. Это ты послал записку с предупреждением в «Такорифико Суперика». Ты знал, что там все уничтожат.

Веселые посетители, расслабленные от пива, и camarónes espagñol, поднимают глаза. Эй, что это за звук, не слишком ли низко летит конвертоплан?

– И дом тоже. Они намеренно промазали. И Трио, сгоревшая от виртуального удара, и шесть миллионов тихоокеанских долларов – все складывается. Все выглядело так, словно «Теслер-Танос» решили на всякий случай распылить свою подопечную и не дать «Аристид-Тласкальпо» опробовать на ней способ обхода блокировки памяти. На самом деле это была игра, предназначенная для того, чтобы выманить их из укрытия и убить. Я была ее частью с самого начала? С того дня, когда пришла к тебе по поводу проги – и ты включил меня в свой план?

– Чтобы все выглядело правдоподобно, мне нужен был адвокат, – сказал Яго, вырываясь из карнавального потока – велорикш, тук-туков, микроавтобусов, набитых carnivalistos, неуклюжих плавучих платформ, – с мощным всплеском машинного урчания пересекая две встречные полосы и исчезая в переулке, таком узком, что приборная панель вспыхнула от предупреждений о препятствиях.

– Так это ты создал гребаную Кармен Миранду! – завопила Йау-Йау. – Ты натравил на меня эту дрянь! Из-за тебя я проиграла дело «Эндюстри Габонез». Ты хотел, чтобы я провалила «Эндюстри Габонез» и получила обвинение в неуважении к суду…

– Врать не стану.

Мимо проплывали стены, испещренные размытыми граффити. Фары рисовали во тьме два конуса из света. Все, что вылетало из этих конусов, сияло ярко, как плазма.

– Если бы ты уже не сдох, я бы тебя убила. Я бы взяла твою лучшую бритву, разрезала крайнюю плоть и разодрала, как рыбье брюхо. Я бы сделала надрезы двухсантиметровой глубины вокруг головки. Я бы мошонку тебе натянула на член, только сперва вырезала бы яички, чтобы запихнуть тебе в зад. А потом часов девять-десять не спеша потрошила бы тебя, оседлав твой изуродованный хрен.

– Всегда знал, что ты в моем вкусе, Йау-Йау. – Машина выскочила из переулка на бульвар, заполненный демонстрантами с плакатами. Все пальмы горели. – Забавно. Никогда не считал

тебя некрофилкой.

– Яго, почему ты уничтожил отряд asesino «Теслер-Танос»? – Она сама ответила на свой риторический вопрос. – Потому что ты работаешь на кого-то другого. Потому что ты двойной агент. Вероломный ублюдок.

Яго одарил Йау-Йау карикатурно широкой улыбкой.

– Догадалась наконец-то. Я понял, что ты мне нужна, в тот самый момент, когда ты попросила прогу как ни у кого, но наотрез отказалась от прилизанных кибервоительниц в блистающих зеркальных доспехах, чтобы через хром обязательно соски торчали и в очках встроенный лазер – дескать, эту ерунду оставьте для подростков. Да, я двойной агент, да, я никчемный предатель. Вот почему мы удираем с добычей в безопасное место, прежде чем «Теслер-Танос» придет к выводу, что ты уже на месте и отправит ток-взвод с указанием на этот раз не промазать.

– Если ты работаешь не на «Аристид-Тласкальпо», то на кого? – спросила Йау-Йау. – Козёл! Осторожно, там сраный козел!

Машина на волосок разминулась с огромным праздничным козлом из папье-маше.

– Я думал, это очевидно, – сказал Яго, сосредоточенно высунув язык на пять миллиметров между напомаженными губами. – На Дом смерти.

– Но они у Тэ-Тэ в насисечном кармане. Адам Теслер гадит – Дом смерти подтирает.

– Больше нет. Ни за что на свете. Где лучшее место, чтобы на тридцать лет спрятать центр управления организацией Освобождения мертвецов, как не под носом у «Теслер-Танос»?

– У всех на виду, – сказала Мартика Семаланг. – Как похищенное письмо.

– Похищенное что? – спросила Йау-Йау.

– Эдгар Аллан По, – сказал Яго. – Одна из первых историй про сыщиков.

– Я функциональный дислексик второго класса, – гордо сказала Йау-Йау. – Ловко, однако: собственная левая рука Тэ-Тэ устроила заговор против корпорады.

– Нам немного помогли друзья.

– Свободные мертвецы из космоса?

– И мои compadres, Lobos de la Luna. Помнишь, я сказал, что все это лишь спектакль? Мы репетировали годами. Десятилетиями.

На экране размером пятнадцать на тридцать дюймов, установленном на крыше супермаркета спорттоваров «Эль Кордобес», Скарлет ехала в маленькой повозке на фоне полыхающих декораций на съемочной площадке «Юниверсал».

– Внешний облик и суть, Йау-Йау. Вот в чем все дело. Дом смерти не стал бы раскрывать свое участие в паршивой афере с промышленным шпионажем, если бы не организовал эту аферу с явной целью получить что-то, с помощью чего мог бы обвинить «Теслер-Танос» в заговоре; черт возьми, в таком количестве заговоров, что хватит на целое ФБР. У меня есть улики, у меня есть жертва, и…

– …и адвокат. Черт возьми, Яго! Вот почему тебе нужен был адвокат. Не для того, чтобы сделать в игру в догонялки чуть более правдоподобной. Ты хотел подать в суд на корпораду «Теслер-Танос». Есть только одна problemita[184], Яго.

– Ты за это не возьмешься. Могу понять твое нежелание; по сравнению с Тэ-Тэ история с «Эндюстри Габонез» не стоит и выеденного яйца. Но неужели ты хочешь, чтобы этот конвертоплан летал за тобой до конца твоих дней?

– Какой же ты ублюдок.

– Прецедент Барантеса, – сказала Мартика Семаланг. – Как ты и сказала мне в «Такорифико Суперика», Йау-Йау. Тот, кто с юридической точки зрения не существует, не может воззвать к Закону. Ни одно из ваших доказательств, сеньор Яго, не примут. Включая меня. Иисус, Иосиф и Мария… убита корпорадой «Теслер-Танос», убита теми, кто забрал мои воспоминания и дал мне ложь, убита Законом.

– Яго, никому еще не удалось опровергнуть прецедент Барантеса, – сказала Йау-Йау. – Нет никакого способа обойти его сверху, сбоку или снизу. Дом смерти силен, да, Дом смерти проникает всюду, да, но его не существует.

– Есть способ. – Постоянно раздавались многочисленные гудки. Яго вырулил из полосы и прибавил скорости вдоль длинной вереницы машин, застрявших в пробке. – Мертвые улики не имеют веса и не могут быть допущены к судебному производству. Однако подозрения, вызванные этими уликами, способны стать основанием для дальнейшего расследования. Сколько дел об убийствах было вновь возбуждено и раскрыто благодаря показаниям жертвы? Нам и не надо, чтобы это когда-нибудь дошло до суда, Йау-Йау. Нам надо, чтобы ты заключила с ними сделку. Вообрази, что ты какая-нибудь madre из Города утопленников, которая торгуется за ведро кальмаров. Иди туда и скажи им, что Дом смерти хочет заключить юридически действительное соглашение, по которому ни один волос не упадет с твоей или моей головы, а также головы твоей клиентки.

– Мог бы подобрать более подходящую метафору, Яго, – сказала Йау-Йау, поглаживая себя по скальпу, наслаждаясь покалыванием отросшей за сутки щетины. Первые бледные

отблески рассветного небесного знака проступили на горизонте. – А если нет, что тогда?

– Тогда копии файлов Дома смерти об этом инциденте отправятся в Офис по корпоративным вопросам в Ван-Колумбии, который искал повод унизить «Теслер-Танос» с тех пор, как они получили монополию на воскрешение. Корпоративные войны; промышленный шпионаж; убийства, совершенные наемниками и собственноручно; нарушение права на жизнь: что еще нужно? В Тихоокеанском совете есть шумное меньшинство, с которым Дом смерти поддерживает регулярные и осторожные контакты – оно обвиняет «Теслер-Танос» во всей этой истории со Свободными мертвецами. Они не расстроятся, если Тэ-Тэ разобьют и продадут по частям.

В пятидесяти километрах над некровилем небесный знак спазматически дернулся и вспыхнул. Занавеси желтого огня заполыхали по все еще темному небу: комендантский час закончился. Рассветная миграция этого дня могла оказаться последней.

Яго хотел, чтобы Йау-Йау заключила с «Теслер-Танос» сделку в духе Фауста. Ценой молчания Дома смерти – и, как она предполагала, независимости – был кол, вонзенный прямиком в сердце прецедента Барантеса. С мертвыми надо было заключить договор и соблюсти его условия, обеспечить выполнение его положений. Существование неприкасаемых будет признано и освящено в контракте. Возникнет новый прецедент, за которым последуют другие, расширяя его и уточняя, пока в один прекрасный день какой-нибудь виртуальный суд не признает, что существует стадия жизни за пределами биологической, и не объявит мертвецов людьми.

Золотистый автомобиль-оборотень остановился на обочине дороги под янтарным сиянием массивной буквы V, обозначающей Дом смерти. Двери машины поднялись вверх, словно крылья чайки.

– «Теслер-Танос» не должен это увидеть даже краем глаза. – Яго возложил ладони на изогнутую тектопластиковую крышу. Сверхскоростные текторы отключились; машина превратилась в амебообразную кучу расплавленного золота и утекла в щели на мостовой.

Опасаясь конвертопланов, Йау-Йау наблюдала за небом, как вдруг оно побелело. Рассветные сумерки превратились в яркий полдень. Полупрозрачные завесы небесного знака испарились. Тонкие пальцы перистых облаков в высоких слоях атмосферы отбросили резкие, плотные тени на холмы и долины. Птицы с криком и хлопаньем крыльев поднялись в воздух. Йау-Йау

вскрикнула, ослепленная.

– Война, детка, – сказал Яго, вглядываясь в угасающее ядерное зарево, словно ожидая увидеть дымящиеся ионные следы падающих обломков космических кораблей. – Микротоковый удар. Корабли вступили в бой. Теперь нам некуда деваться. – Он взял лицо Йау-Йау в ладони. Ни один мертвый никогда раньше не прикасался к ней так. – Йау-Йау, ты правда хочешь, чтобы все продолжалось?

– Я не могу сделать то, о чем ты меня просишь. Кто я такая? Адвокатишка на испытательном сроке, с двадцатью сентаво за душой, которая явилась из Сампан-Сити и даже не может получить полное партнерство, потому что проигрывает каждое дело, которое доводит до суда. Думаешь, я могу вступить в бой с корпорадой «Теслер-Танос» и одолеть ее?

– Это та самая сцена жалости к себе – «бедная я, несчастная», вот это все, – которая есть в сценарии каждой судебной драмы?

– Я думала, у нас тут детектив в стиле нуар.

– Нет, нуар закончился.

Именно в судебных драмах случалось так, что какой-нибудь сладкоречивый авантюрист уговаривал привлекательную адвокатессу взяться за дело, которое невозможно выиграть. В судебных драмах кто-нибудь отыскивал лазейку в законе и одерживал блистательную победу. В реальном мире после финальных титров не такую уж привлекательную адвокатессу поджаривали прямо в виртком бе сетевые жокеи «Теслер-Таноса», или превращали в ионы термоядерными боеголовками размером с ладонь, или просто связывали по рукам и ногам, затыкали рот и подвешивали за сиськи… в фигуральном смысле, поскольку этим занимались корпоративные проги-юрисконсульты. Одной адвокатессой меньше – тоже мне, проблема.

Истина и последствия, Йау-Йау. От них у тебя зудит прямо под нижней пуговицей модных шортиков, верно? Все до единой яйцеклетки вытягиваются по стойке смирно и разворачивают транспарант с надписью «Вижу цель – не вижу препятствий». Зачем же ты поджаривала свои нейроны стимуляторами и энергетиками, продолжая заниматься по ночам, когда одногруппники отправлялись прохлаждаться в своих или чужих постелях, если не ради шанса, единственного шанса, одного выстрела – возможности уничтожить целую тихоокеанскую корпораду? Сейчас или никогда.

– Старички-китайцы говорят, что даже сломанные часы дважды в сутки показывают правильное время, – сказала Йау-Йау, повернувшись к Яго. – Что ж, давай попробуем.

Когда перед судебным заседанием начинали действовать нейронные ускорители, Йау-Йау ощущала прилив воодушевления, и ей представлялось, что такие же чувства вызывает очень хороший секс. Становится все жарче, кожа обретает сверхчувствительность, тело превращается в мешок с извивающимися угрями, нарастает отрешенность от материального мира, поскольку внутренние и внешние часы все сильнее расходятся, и твоя самость больше не привязана к этому тривиальному куску мяса, одним мысленным приказом ее можно переместить в любой из миллиона аватаров, биологических и кибернетических; зудящая смесь нетерпения и предвкушения, знакомая ревностным христианам, ожидающим конца света.

Йау-Йау много знала о нейрохимии и ни черта об очень хорошем сексе.

Сотрудники Дом смерти, которые шли ей навстречу в коридоре, двигались очень медленно. Йау-Йау достаточно ускорилась, чтобы приноровиться к стробоскопическому мерцанию флуоресцентных знаков смерти: его частота составляла шестьдесят герц.

Дверь в Невидимый офис Яго – неофициальный центр тайных операций двойного агента – открылась и продемонстрировала Кирлиановую ауру[185].

Йау-Йау Мок присвистнула и проглотила последний активатор ацетилхолина.

Комната представляла собой улей из обожженной глины диаметром пять метров. Пол испещряли крошечные борозды, по стене тянулся узкий выступ с тремя углублениями-скамейками, равноудаленными друг от друга. Что заставило Йау-Йау присвистнуть, так это купол. Он до последнего сантиметра был покрыт терракотовыми статуэтками малых ацтекских божеств с воздетыми руками и выкрашенными желтой охрой ртами, разинутыми от боли или изумления. Каждая фигурка была не длиннее ладони Йау-Йау; они соединялись, как фрагменты тотемного столба, образуя длинные изогнутые ребра. Адвокатессе пришло в голову, что она в ловушке внутри глиняного музыкального инструмента. Наркотики, повышающие концентрацию, вызывали неспецифическую полиманию: все и вся вызывало непреодолимый интерес. Она могла бы часами созерцать белую лунку на ногте.

Ловкими пальцами Яго вытянул из висков нити наносистем и уронил их на глиняный пол. Тот покрылся рябью и принял нити. Мертвец стоял, слегка расставив ноги, расслабленно опустив руки. У него на лбу выросли изогнутые рога из тектопластика.

– С текторными свехпроводниками, работающими при

температуре человеческого тела, можно делать вещи намного интереснее жидких автомобилей. – Он коснулся указательным пальцем третьего глаза. – Меня сперва завербовали, потом переделали. Одна из самых смешных шуток вселенной заключается в том, что наиболее совершенная система хранения и обработки информации выглядит как примерно два килограмма влажного серого вещества на верхнем конце позвоночника. Ни одна машина не может сравниться с его компактностью, с миниатюрностью его компонентов. Это прообраз всех наномашин, его микропроцессоры размером с молекулу. Но медленно, querida, как же медленно он работает. Он привязан к химическим сигналам, которые ползают как сомнамбулы, в то время как его силиконовые детки-саванты знай себе мельтешат со скоростью электронов. Если наши hermanos, Свободные мертвецы, смогли приспособиться к жизни в вакууме, почему бы исследователям Дома смерти не перенастроить мозг, превратив его в идеальный портативный компьютер? Передача данных со скоростью света, нулевые сбои в памяти, четыре терабайта для хранения и обработки данных. Встроенный интеллект, пять точно настроенных сенсорных входов и, при взаимодействии с вирткомбом, доступ ко всей паутине. Querida, я могу войти туда и победить любой мэйнфрейм где угодно в Тихоокеанском регионе. Мы работаем над сверхпроводящими текторами второго поколения. Объемы хранения умножатся в десять раз. Со временем каждый человек будет способен хранить и получать доступ к значительной части записанных знаний. А время, mi corazón – его у человечества более чем достаточно.

– Моя юридическая прога… – начала Йау-Йау, а в это же самое время ее обострившееся восприятие начало теребить слова, следуя инстинктам адвоката: «„Человечество“, он сказал „человечество“, как будто мы, живые, неполная подростковая стадия, словно аксолотль, который еще не стал саламандрой, и только мертвые – настоящие люди».

И вновь кончик пальца коснулся шишковидной железы.

– Задумана, запрограммирована, хранится вот здесь. Меня очень позабавило, когда ты спросила, могу ли я загрузить «Лестницу в небо». Guapa[186], я буквально не в силах ее забыть, даже если захочу. Я подключен к спутниковой системе Дома смерти. Через меня можно получить доступ к паутине, к юридической иерархии «Теслер-Танос». Все улики хранятся в моей памяти.

Ну надо же, прям Ангел-Летописец.

– М-да, неудивительно, что я никогда не обыгрывала тебя в

волейбол, – сказала Йау-Йау, осторожно снимая одежду.

Она так и не нашла убедительной причины, по которой входила в виртуальность, одетая только в сенсорную кожу; в этом не было необходимости, виртком функционировал так же эффективно поверх одежды, как и поверх обнаженного тела. Суеверия. И сексуальность. Она огляделась в поисках крючка, на который можно было бы повесить вещи. Не найдя ничего, с некоторым отвращением положила аккуратную стопку на пыльный глиняный пол. Затем вошла в распростертые объятия Яго.

Йау-Йау ахнула, когда ее виртком встретился и слился с виртком Яго, а настоящая кожа прижалась к настоящей коже. Затем подключились интерфейсные разъемы, и она испытала знакомую шокирующую синестезию, когда система проверила параметры функционирования. Цвет тепла: оптические интерфейсеры прикрепились к задней части сетчатки. Звук синего: текторы подправили молоточек и наковальню, ударили по барабанной перепонке. Запах пентатоники от ми-бемоль: сенсорные подушечки начали сочиться молекулами в обонятельных центрах. Уникальный вкус умершего от напалма младенца после пяти дней разложения: нанозонды проверили рецепторы соли/кислого/сладкого/горького. И странная тошнота во всем теле, которой она никогда раньше не испытывала: усики из тела Яго обвились вокруг ее внутреннего уха и проникли в полушария. Один греховно приятный момент сенсорной депривации – и она вышла на лестницу Пауэлла и Прессбургера.

За день и ночь она забыла о чистой радости, которую приносит черно-белый мир. Мрамор под ногами был успокаивающе твердым и белым. Далеко внизу по темно-серому небу плыли светло-серые облака. Слева и десятью ступенями ниже угольно-черный Хаммурапи взирал на безграничное виртуальное пространство. Справа через столько же ступенек вверх расположился Моисей с неопалимой купиной. Йау-Йау, элегантная и деловая, в черном, словно протестантский священник, с выверенным количеством серебряных украшений, чтобы не выставлять успешность напоказ, насладилась одиночеством и прислушалась к ветру, который заставлял бесконечную лестницу дрожать и гудеть, но не шевелил ни одного серебряного колокольчика на ее серьге. Взошло чистое белое солнце, ослепительный атом. Симуляция была безупречной, независимо от того, воспроизводилась ли она на старом виртуализаторе или в реконфигурированных нейронах мозга Яго.

В тот момент, когда начинаешь думать, что виртуальное – это реальное, а реальное – это виртуальное, ты кончился как юрист;

ее научили этому в первый день на факультете. И как человек ты тоже кончился.

Она вызвала Окно событий. За ним раскинулась галактика паутины Трес-Вальес, где проги корпорад вспыхивали, словно квазары.

– Корпорада «Теслер-Танос», – сказала Йау-Йау громко и ясно. Невидимые прилежные подпрограммы получили доступ к кодам и паролям: один бело-голубой супергигант отделился от основной паутины и увеличился, заполнив Окно событий целиком.

«Сраные выпендрежники».

Звезда взорвалась; включились предохранители вирткомба, фильтры снизили сенсорную перегрузку до приемлемого уровня.

«Йау-Йау Мок не сбить с толку пиротехническими выкрутасами».

Она моргнула, выключая оптические фильтры, и увидела в десяти шагах от себя двадцатиметрового золотого самурая в полном вооружении. С боевыми вымпелами, развевающимися за спиной на личном виртуальном ветру. И с обнаженным мечом.

– Я Procurador[187] Мартина Мартинес из юридического отдела corporada «Теслер-Танос», – прогремел над ней самурай. Только крупнейшие концерны могли позволить себе юридические проги, которые круглосуточно имели человеческий облик.

– Я Abogado[188] Йау-Йау Мок из «Эллисон, Исмаил и Кастарди», – громко объявила она. Если, конечно, фирма все еще существовала. Глядя прямо в маску, которая заменяла чудовищной твари лицо, Йау-Йау продолжила: – Я представляю свою клиентку Мартику Семаланг, бывшую Мадрилену Фуэнтес, некогда сотрудницу Отдела исследований и разработок «Теслер-Танос».

Советник Мартинес воткнула меч в ступеньку и опустила на эфес руки в перчатках размером с маленькие грузовики. Нерушимый мрамор треснул и раскололся. Подтекст был ясен и жесток: «Нам не составит труда разрушить и тебя, и твой дурацкий личный мирок».

– Мадрилена Фуэнтес мертва и не имеет права на юридическое представительство или рассмотрение жалоб.

– Это не так! – крикнула Йау-Йау, но гигантский золотой самурай исчез, закрыв за собой Окно событий. Новые окна явились из заднего мозга Яго; программы отслеживания купили коды прямого доступа к правовой системе «Теслера-Танос» на незаконные деньги Дома смерти. Окна открылись.

Вид сквозь круглое окно: золотой самурай, стоящий над бульваром Гувера, одной ногой в некровиле, другой в стране

живых, мечи подняты в срединной стойке – горизонтальный разрез идеально подходил для обезглавливания. Она вспомнила старый плакат Второй мировой войны в XX веке, на котором точно такой же самурай стоял над Перл-Харбором с поднятым мечом, в то время как старые морские корабли Estados Unidos[189] без толку обстреливали его бортовыми залпами.

Сквозь квадратное окно: армиллярная сфера[190] юридических прог «Теслер-Танос»; солнечная система из вложенных сфер Дайсона, погруженных во тьму, не знавшую света, медленно вращающихся.

Сквозь арочное окно: светящийся информационный болид, суть дела Семаланг и шантажа Йау-Йау.

Она подняла шарик с данными и швырнула, как в бейсболе, через квадратное Окно событий. Он ударился о самую дальнюю от центра орбиту, юридическое облако Оорта, и прошел насквозь. Любой abogado, которому не просто так дарят лодки с марципаном, проскочит мимо секретарши в приемной. Окно событий последовало за шариком через измерение размытых, удлиненных образов: паровозы, плачущие женщины, застывшие фейерверки, белокурые мускулистые варвары. Несостоявшиеся петиции; призраки, застрявшие в чистилище, пока низшие чины добивались разрешения от высших. Программа полетела дальше, к бесконечному серому изгибу второго уровня.

Потом раздался звук, сообразный апокалипсису в отдельно взятой части мира: гильотинное «хрясь!» в сочетании со звоном кимвала. Нечто – о нет, *ничто*, плоскость абсолютной черноты – рассекло ее монохромную вселенную напополам. Сверху вниз. Поперек. Смертоносный грохот повторился, и черное ничто придвинулось на шаг. Облако вошло в него и было уничтожено. Чернота аккуратно рассекла надвое статую судьи Роя Бина. Еще шаг – и судья оказался поглощен полностью. Черное ничто неуклонно приближалось.

– Яго!

В мгновение ока он оказался рядом. Черные зауженные брюки из вельветина в полоску со стрелками, похожими на лезвие ножа; белая куртка-болеро, сомбреро болтается на спине. Не хватало только чихуахуа размером с ладонь и дирижерской палочки, чтобы руководить старинным танцевальным ансамблем ча-ча-ча.

– Выглядишь дерьмово, – сказала Йау-Йау Мок, когда ее пакет с шантажом разрушил второе кольцо юридической защиты и ринулся через призраков и судебные процессы к третьему.

Яго не снизошел до шуток.

– Похоже, я подвергся атаке со стороны очень сложной антивирусной системы с искусственным интеллектом,

предназначенной для идентификации и вытеснения программ моделирования личности из своего пространства памяти.

Лязг наступающей темноты превратился в непрерывный грохот, похожий на приближение бронированной дивизии. Йау-Йау попятилась вверх по лестнице, толкая перед собой свои окна событий.

– В смысле?

– Меня выталкивают из моей собственной головы. – В его голосе звучал испуг. Яго Диосдадо испугался. – Я пробовал сбрасывать воспоминания в избыточные тома, но эти чертовы штуки выталкивают меня оттуда. – Темнота теперь надвигалась со скоростью пешехода. Йау-Йау поспешила вверх, вверх, вверх по лестнице. – Йау-Йау, чтобы спасти себя, мне приходится использовать пространство, в котором работает эта программа.

– Эта чернота – ты?

– В некотором смысле. Для тебя это просто занятые байты. Йау-Йау, у тебя заканчивается место.

Она взглянула на квадратное окно. Третий круг, четвертый. Орбиты открывались перед летающей претензией; весть о ее содержании перешла с внешних уровней в прогу ядра, и в ответ прозвучала команда: «Пропустите». Но успеет ли претензия достичь цели, прежде чем у «Лестницы в небо» и всех юридических прог Йау-Йау закончится рабочее пространство и случится сбой?

– Ты можешь это остановить?

– Могу, но…

– Но пространство, которое я занимаю, понадобится тебе для разработки программ-антител. Иисус, Иосиф и Мария! – Темнота поднималась по ступенькам медленной, неумолимой трусцой. – Яго, если ты ничего не можешь сделать, тогда убирайся к черту с моей лестницы. Ты просто куча пикселей, которые можно было бы использовать лучше.

Шестой круг, седьмой круг. Чернота одним прыжком поглотила ступени позади Йау-Йау, статуи и бледно-серый слой облаков.

– Яго, прекрати меня выталкивать! – крикнула она, зная, что у него нет другого выбора. Ее жизнь означала его смерть. Его жизнь означала, что она окажется разбитой, обнаженной, беспомощной перед молнией, которую призовут жокеи «Теслер-Танос». Ее юридическую прогу пронзит разряд, а сама она сгорит дотла прямо в бархатистом виртком бе.

Восьмой круг. Девятый и последний. Внутренняя сфера распахнулась, и в глаза Йау-Йау ударил ослепительный солнечный свет. Ядро. Обрастая хвостами и шлейфами из

вопросов и перекрестных ссылок по мере того, как правовое ядро разбирало кометный пакет на части, претензия Йау-Йау приблизилась к перигелию. Пятьдесят шагов, сорок, тридцать. Тьма почти настигла адвокатессу. Яго проигрывал, его изгоняли из собственного черепа вирусы, которым нравился жар человеческих душ.

Осознание было подобно бейсбольной бите, которой бьют откуда-то из ночных субботних теней прямо по башке. Эти штуки были разработаны для атаки на искусственный интеллект. Йау-Йау сунула пальцы в рот и свистнула.

Через пятьдесят ступеней травертиновый Святой Бенедикт обзавелся цветами, пышными изгибами, фруктами, блеском для губ, сандалиями на пробковой подошве и платьем, за которое можно умереть, а потом сошел со своего постамента на лестницу.

– Приветик, Йау-Йау. О, выглядишь так, будто у тебя небольшие проблемы. Нужна помощь? – пропел серафино.

Ничто бесконечным черным монолитом падало на Йау-Йау Мок.

– Останови это! – закричала она Кармен Миранде. – Просто останови сраную дрянь!

– О, Йау-Йау, выбирай выражения. «Такие вещи говорить – Отца Небесного сердить». Я-то знаю, что можно и что нельзя; я отъела кучу ненужного пространства у молитвенных прог католиков-старообрядцев.

Йау-Йау карабкалась прочь от тьмы.

– Ты мне нравишься, поэтому я забуду про туалетный лексикон. Но только на этот раз.

Подобно радуге с фруктовым вкусом, «Кармен Миранда» растаяла, бросилась в сторону монолита и расплескалась по нему. Черное ничто покрылось пятнами цвета винограда, апельсина, вроде бы персика, желтенького лимона и клубничного пюре.

Черное ничто остановилось. В течение ста виртуальных ударов сердца с ним ничего не происходило. Потом их раздалось еще сто, и еще. И в конце концов ничто отступило на шаг. Второй шаг, третий, и вот оно ринулось вниз по ступенькам, как летящий ангел: анти-ИИ-вирусы наконец-то унюхали след зверя, ради которого были созданы, и бросились в погоню. Стало ясно, что вирус будет охотиться за серафино по имени Кармен Миранда, преследуя его по коммуникационным ссылкам Дома смерти, в лабиринтах компьютерной иерархии некровиля и за его пределами, перейдет границу, которую невозможно обезопасить от ангелов и вирусов, и проникнет в сверкающую галактику паутины Трес-Вальес, после чего окажется в молитвенных сетях католиков-староверов, буддистов-реформистов и духовных

колесах Укуромбе-Фе, в мультивселенных, созданных прогами корпорад и Тихоокеанского совета.

– И за пламенем погибели! – возликовала Йау-Йау Мок, которая, хоть и была функциональным дислексиком и никогда не читала «Моби Дика», насладилась фильмом и навсегда запомнила звучную фразу[191]. Как боевые автомобили, сталкивающиеся бамперами на ночных автострадах, ангел и вирус оставят после себя немыслимые разрушения, настоящую бойню. Целые разделы придется вырезать из паутины; ценные проги и базы данных превратятся в мусор, сгниют от вируса. Гражданские иски о возмещении ущерба составят миллиарды тихоокеанских долларов, и Йау-Йау Мок была в курсе, на кого следует указать пальчиком.

«Очко в мою пользу, враг мой».

Она указала.

Окутанное пламенем солнце в стиле Людовика XIV – правовое ядро «Теслер-Танос» – разверзлось и поглотило ее.

Виртуальность была такой чистой, такой болезненно-острой, просто хватай ее и делай самой себе обрезание. Медленно движущиеся кольца планисфер и звездных орбит выгибались дугой в километрах над нею, вокруг величественно перемещались созвездия, окруженные свитой из женщин в головных уборах со звездами, мужчин с лунными лицами, детей с кометными хвостами вместо волос, мясистые монстры, изображающие четыре ветра, стихии и жидкости, поддерживали центральный диск из патинированной меди, с выгравированными изображением известного мира с его океанами, которые с ее виртуальной точки обзора выглядели крошечными, резко очерченными ямками; неторопливое, неотвратимое, скрупулезно просчитанное вращение колес внутри других колес; точность и масштаб симуляции ошеломляли.

Скажи правду, Йау-Йау: они внушали ужас.

Адвокатесса догадалась, что до нее мало кто ступал по центральной части армиллярной сферы. Она больше не была подключена к проге, хранящейся в мозгу Яго. Ее виртком, ее хрупкая плоть находились в прямом контакте с компьютерами «Теслер-Танос».

В центре искусственной вселенной полыхал золотой солнечный лик, такой яркий, что ей пришлось выкрутить оптические параметры на минимум, чтобы посмотреть на него.

– Юридическая служба «Теслер-Танос» направила вашу петицию в центральное ядро, – провозгласило солнце. – Обращение рассмотрено, предложенные доказательства проанализированы. Изучение ваших данных посредством их

включения в наши модели продемонстрировало, что отказ принять ваше предложение обусловит восьмидесятитрехпроцентную вероятность прекращения существования корпорады в нынешнем виде в течение пяти лет. Это неприемлемо высокий показатель. Как следствие, мы готовы предложить следующий способ урегулирования спора.

Только инстинктивный шаг назад от падающей тени уберег Йау-Йау от удара мечом. Посыпались искры, зазвенел металл. Кончик лезвия застрял в мягкой медной эклиптике. Гигантский золотой самурай вытащил клинок и замахнулся снова, целясь в голову. Йау-Йау нырнула под лезвие. Край глубоко врезался в планисферу Марса: звезды и созвездия зазвенели, как гонг.

– Ты солгал! – крикнула Йау-Йау солнечному лику. – Ублюдки!

– Вынужден с огромным сожалением уведомить вас, что руководство не согласилось с нашей рекомендацией, – сказал солнечный шар, охваченный кибернетической версией ужаса. – Это совершенно противоречит здравому смыслу и наилучшим интересам корпорады.

– El Presidente говорит, никаких сделок, – заявил золотой самурай, шагая следом за Йау-Йау со скрежетом доспехов. – Никакого шантажа. Никаких компромиссов. Никакого договора. С делом Фуэнтес/Семаланг разберутся юристы-люди напрямую.

– Не веди себя как дебилка, Мартинес, – крикнула Йау-Йау, вводя коды окон. – Нельзя противоречить юридическим прогам. Когда это выйдет наружу, тебе крышка. Потеряешь лицензию. Не сможешь устроиться на работу даже двадцатидолларовой виртуальной шлюхой!

– Если это выйдет наружу, Мок, – сказал золотой самурай.

Острие меча разминулось с ее грудиной на волосок. Секретная прога, которая могла пробить буферы обратной связи вирткомба и обратить его против владелицы. Они сделали это с Трио – и сожгли семьдесят три процента поверхности ее кожи.

– Остановите ее! – крикнула Йау-Йау оцепенелому ядру. В ответ золотой самурай поднял двуручный меч над головой. Йау-Йау ухватилась за край Окна событий, чтобы пролезть через него на свою «Лестницу в небо». И застыла.

В окне словно в рамке виднелся макет конвертоплана, который быстро и низко летел в лучах рассвета, как будто точно знал, куда направляется. Смерть от термоядерного огненного шторма или тысячи ран. Куда ни сунься, всюду смерть: если с ней не разберутся законники, подоспеет ток-взвод.

Никто так и не смог ей объяснить, куда отправляешься душа, если умираешь подключенным к виртуальности.

Что ж, придется вытянуть карту наугад, молясь о том, чтобы это оказался козырь.

– Яго! – крикнула она в Окно событий. – Валяй! Отправь файлы. Monopolistas[192]. Отправь их.

Взглянув на сверкающую золотую маску самурая, она прибавила:

– Вам всем кранты.

Кончик меча прочертил в воздухе светящуюся дугу. Йау-Йау продолжала смотреть на золотую маску, когда клинок со свистом опустился.

Массивные плоскости угловатого тела растворились в кружении созвездий и божеств, а медная гримаса гигантского воина повисла в пустоте и исчезла последней, подобно улыбке Чеширского кота в старом фильме. Ее целых десять секунд не осмеливалась заглянуть в Окно событий. Ну же. Давай. Сделай это. Она увидела, как конвертоплан развернулся на сто восемьдесят градусов на своих турбинах и улетел, превратившись в скопище навигационных огней.

– Яго! – Перри Мейсон никогда не кричал. На хрен Перри Мейсона. – Придержи отправку. Стоп!

Солнце опять заговорило.

– Похоже, в корпораде сменился президент. – Это было сказано таким тоном, словно пошел дождь или привезли пиццу. – Прежний руководитель больше не является средоточием исполнительной власти. Новый отменил приказ предшественника, противоречащий решению юридического отдела. Все действия против субъекта abogado Йау-Йау Мок и ее клиентки приостановлены. Procurador Мартинес больше не представляет правление «Теслер-Танос» и его председателя; участие адвокатов-людей прекращено. Таким образом, сделка, которую компьютерные правовые системы собирались заключить с вами, остается в силе. Если «Теслер-Танос» примет ваше предложение, наши симуляции показывают вероятность в семьдесят три процента, что находится в пределах наших расчетных параметров. Однако вероятность того, что прецедент Барантеса и, следовательно, ныне действующая система contratada сохранятся в неизменном виде, составляет всего тридцать один процент. Моделирование наилучших вариантов, включающих компромисс между вашей клиенткой и корпорадой «Теслер-Танос», дает цифры в восемьдесят два процента и тридцать пять процентов соответственно. Исходя из этого, мы советуем директорам и новому президенту принять ваше предложение в виде стандартного контракта с оговоркой о неразглашении.

– Моя клиентка сохранит деньги, уже выплаченные ей «Теслер-Танос». Не будет никаких покушений на мою жизнь, моей клиентки или Яго Диосдадо. Включая… – огненный лик солнца подернулся рябью, оно собиралось что-то заявить, – …атаку кибернетическим и информационным оружием любого рода.

– При условии, что вы освободите «Теслер-Танос», ее субподрядчиков и агентов от обязанности компенсировать личный ущерб, причиненный в связи со случившимся.

– Я не жадная. Да будет так. Я не скажу, кто виноват. Но я не несу ответственность за пострадавшие стороны, которые самостоятельно отследят вирус до вас.

– На это мы и не рассчитывали. Претензии других потерпевших сторон будут урегулированы в обычном порядке.

– Что-нибудь еще?

– Это все условия с нашей стороны.

– Дайте мне контракт, и я его подпишу.

– Соглашение подготовлено. Пожалуйста, удостоверьте обычным способом.

Йау-Йау сунула левую руку в центр солнца. Она не обожглась. Пламя закона – холодное. Она поместила туда свой идентификационный символ, белый лотос на черном треугольнике, и номер адвокатской лицензии. Подписано. Скреплено печатью. Дело сделано.

– У вас есть еще вопросы? – спросил король-солнце.

Она не обнаружила в себе достаточно сил, чтобы спросить юридическую систему «Теслер-Танос», что за хрень произошла внутри корпорады.

– На самом деле, – проговорила Йау-Йау, – мне просто хочется убраться отсюда к чертовой бабушке.

Жил-был человек, обитавший в высоком замке. Он был наделен абсолютной властью, и по слову его восставали мертвецы, но кое-что было ему недоступно: любовь его единственного сына.

Ночи напролет сидел этот человек в своей высокой башне и задавался вопросом, почему все так сложилось. Он не был жестоким или вспыльчивым; он ни разу не ударил сына и не давал повода стыдиться себя. Его поведение всегда было разумным, терпимым, даже любящим: он выделял время для игр с мальчиком, для выслушивания его детских историй. Он поощрял детские увлечения и не навязывал их, когда в конце концов они переставали интересовать мальчика, он молча страдал от мучений и бунтов подросткового возраста, он воздерживался от осуждения друзей и любовниц, он отказывался порицать

эксперименты – социальные, сексуальные, химические. Он сделал все, что мог сделать один человек, чтобы заставить другого полюбить его, но слов любви от сына так и не дождался.

Он не мог взять в толк, что в этом и заключалась суть неудачи: любовь не подчиняется приказам. Любовь, даже между отцом и сыном, не неизбежна. Она не обязана существовать; это не физический закон вроде силы тяжести или слабого ядерного взаимодействия. Человек не понимал, что его отчаяние сквозит в каждом проявлении доброты, понимания, доверия и привязанности. Все это были предложения о сделке. Контракты и векселя, которые так и не погасили.

Человек в темной башне познал отказ и отчаялся.

Он встретил женщину, которая должна была родить ему ребенка, задолго до того, как воздвиг свою империю мертвых и взрастил своды и шпили из каменного основания бульвара Гувера; камешек за камешком, молекула за молекулой. При этом он допустил распространенную ошибку честолюбцев, сочтя будущее адекватной заменой настоящему. Он был занят созданием своего хрупкого Нового Иерусалима и ничего не знал о любовниках, которых жена приглашала на свое ложе долгими ночами, пока она не пришла к нему в тронный зал на вершине шпиля, где мраморные полы все еще прогибались и липли к подошвам. Она потребовала развода, угрожая испортить его безупречную репутацию списком супружеских измен – длинным, как список покупок.

– И еще, – прибавила она, – я хочу мальчика.

Началась война. Они ссорились в судах, в сетях СМИ, на каналах сплетен и в светских болтологических кругах. В ход пошли обвинения, инсинуации, оскорбления, клевета и шпионаж; они боролись с безудержной ненавистью тех, чья любовь обернулась ложью. В конце концов, человек в высокой башне отвоевал сына, доказав с помощью видео-, фото- и аудиозаписей, что в течение последних трех лет его жена регулярно трахалась со своим мертвым слугой – в те ранние дни это был неописуемый грех – и, будучи некрофилкой, не подходила на роль матери.

Человек в башне познал страх отвержения, а вместе с ним и решимость никогда больше не быть отвергнутым. Чем сильнее убеждаешь себя, что чего-то никогда не случится, тем больше вероятность того, что оно произойдет.

Мальчику было предначертано покинуть башню, чтобы попытать счастья в мире. Он оставил записку, взял только ту одежду, которая была на нем, и универсальную банковскую карту со всеми валютами мира. Он был романтиком, но не дураком. Он путешествовал среди бедняков, ища их мудрости, надеясь найти в их обществе смысл и единство, которые так и не познал в трех башнях. Он жил с мертвыми в их постоянно расширяющихся мертвых городах-некровилях, чтобы увидеть в зеркале их чуждости свою собственную человечность. Он отправился на край света, чтобы посетить мистиков и духовные сообщества, которые доказали бы ему, что в человеке есть нечто большее, чем молекулярный материализм философии его отца. Он вставал с рассветом, чтобы поклониться великим деревьям, он ухаживал за рыбой под многогранными стеклянными крышами тайного ордена биосферистов, он вводил себя в экстази-транс фетишистов Укуромбе, живущих у корней разлагающегося аркосанти, который раньше назывался Майами, он резал плоть и делился кровью с братьями с равнин, он поплыл вместе с тюленьим народом Милапа по тропе заката к месту, где пели большие киты.

Десять лет он скитался по земному шару, а в первый день одиннадцатого года вернулся в башню отца. Его отец сделался старше, мрачнее, худее; рядом с ним была женщина, намного моложе, его новая жена. У нее взгляд, слишком хорошо знакомый сыну: не сегодня, не завтра, но когда-нибудь она уйдет от мужа.

– Привет, – сказал сын. – Я вернулся.

– Пообещай мне одну вещь, – попросил отец. – Пообещай, что больше не бросишь меня.

– Обещаю, – согласился сын.

Человек в башне стал лепить из него короля.

Отец не верил в незаслуженное вознаграждение, поэтому сын проходил стажировку во всех подразделениях и отделах, которые

однажды должны были перейти под его контроль. Он учился быстро, без устали, всеобъемлюще – он был хорошим учеником. Время, проведенное в разлуке, углубило его, закалило, сделало сообразительным и мудрым. Отец подготовил документы для передачи сыну контроля над половиной корпорады.

А потом наступило раннее сентябрьское утро, когда Джоди-Линн Капекни потеряла управление на скоростной полосе шоссе Пасадена, по дороге на юг. Автомобиль врезался в разделитель по центру на скорости сто пятьдесят, кувыркнулся на полосу, ведущую на север, и взорвался возле съезда номер двенадцать. Огненный шар зацепил пять транспортных средств. Двенадцать человек погибли в огне. Среди них был Квебек Теслер, очевидный и единственный наследник «Теслер-Танос»; самой могущественной корпорады на земле.

Девять месяцев он пролежал в гробнице, пока мир оплакивал смерть прекрасного принца, и в первый день десятого месяца был воскрешен благодаря власти отца. Он вышел из вод воскрешения, но увидел не златое сияние башен, принадлежавших ему по праву крови, а тусклое желтое биолюминесцентное свечение Дома смерти. Его приветствовали не родители и друзья, а суровые мертвячки в белом трауре.

– Где мое королевство? – спросил Квебек. – Где мои сотрудники, мой секретариат, мои друзья? Где мой отец?

Он узнал, как низко пал. Ему обещали полмира, а теперь он был ничем, никем, нигде, не существовал как человек и личность. Его владения, составлявшие половину империи, съежились до квадрата улиц пятьдесят на пятьдесят, где были только тесные, вонючие, шумные трущобы. Он был первенцем Адама Теслера, а стал мертвецом.

Новая семья, посвятившая его в тайны загробной жизни, предупредила: лучше всего забыть о тех, кто остался по ту сторону. И все-таки он вернулся к золотым вратам у подножия замка и приказал им открыться. Он добрался до нижнего торгового центра, прежде чем воины его арестовали.

Они отвели его в отцовский тронный зал, где сам Адам Теслер – справа от него развернул хвост-веер павлин, слева блистал зеленью и золотом тектозавр – заявил, что невзирая на личные желания, его руки связаны законом, который гласит, что мертвых не существует.

Даже его собственного сына?

Даже его собственного сына.

По лицу отца он видел, что дело не только в законе и прецеденте. Дело в окончательном отказе от надежды и любви.

– Ты сказал, что не бросишь меня, – проговорил его отец. – Ты

солгал.

– Вы были правы, – признался сын своим наставникам и проводникам. – Мне не следовало возвращаться.

– Все пройдет, – пообещали они. – Все покажется долгим и запутанным сном, и ты постепенно пробудишься.

Как до того он погрузился в подготовку к управлению корпорадой, а еще раньше – в изучение огромного мира, обездоленный сын теперь с головой ушел в работу по освобождению мертвецов. Мертвые друзья сказали ему полуправду: прежняя жизнь действительно потускнела, но память о том, как несправедливо с ним поступили, не собиралась умирать, набирая силу с каждым проступком и несправедливостью, которые он видел в этом новом мире, и в конце концов она стала чем-то большим, чем праведный гнев. Она превратилась в ярость.

Отец говорил, что коды доступа такая же часть его тела, как и кожа: идентификаторы были связаны с его ДНК. Однажды ночью он пришел в башню. На бесшумных крыльях опустился на балкон девяносто девятого уровня. Сигнализация капитулировала. Двери открылись. Он шел по темным комнатам, открывая шкафы, которые оказались пустыми, если не считать нескольких отцовских костюмов, строгих и старомодных. Как он всегда подозревал, вторая жена ушла от Адама Теслера. Мясо было непостоянным, мясо было хрупким. Мясо было тщеславным и недолговечным. Он постоял возле отцовской спальни, рассматривая спящего. Смерть – дело нетрудное, всего-то и надо, что сломать несколько хрупких позвонков. Он закрыл дверь и прошел мимо, привлеченный светом и тихими голосами в конце коридора. Прячась в тенях, заглянул в щель. Молодая женщина сидела на полу, спиной к входу, и играла с трехлетним мальчиком. Через некоторое время она встала, подняла ребенка, уложила его в постель и включила карусель с игрушками над кроваткой. Изгнанный сын сбежал из детской, сбежал из пентхауса, сбежал из высокого замка. Когда высоко в небе засиял рассветный небесный знак, он отправился в Дом смерти и попросил контракт, который отправил бы его как можно дальше от дома Адама Теслера – контракт на Ночную вахту на задворках Солнечной системы.

– Ты должен был его убить. – Некоторые эмоции слишком сильны, чтобы их можно было выразить внешне. Оцепенение. Туссен ощутил лишь оцепенение. – Тебе следовало свернуть этому ублюдку шею, пока он спал. Как ты, должно быть, ненавидишь меня.

– Почему ты так говоришь? – спросил Квебек.

– Ты поступил со мной вот так. Рассказал мне все это. Это не моя вина, я не просил родиться, не говоря уже о том, чтобы родиться таким, какой я есть; я тоже отверг его. Я ушел, как и ты, я не хочу того, что он может мне предложить. Я тебе не враг.

– Квебек, – позвал Хуэнь/Тешейра.

Квебек поднял руку: «Позже».

– Я знаю. Я искал тебя не для того, чтобы сделать своим врагом. Я не ненавижу тебя. Мы братья не только в родственном смысле.

– Ты искал меня, потому что мог с моей помощью заполучить желаемое и оказаться там, где надо.

– Я совру, если буду это отрицать. И все-таки я надеялся, что враг моего врага может стать моим союзником.

– Двадцать семь лет, – проговорил Туссен. – Двадцать семь лет там, вдали от Земли… Ты должен убить его. Убить его будет милосердием. Надо избавить больное, печальное существо от страданий.

– Квебек.

Опять их прервали, опять предводитель взмахнул рукой.

– Брат, брат, разве я тебе не говорил? Наша цель здесь не в том, чтобы убить его, а в том, чтобы изменить его. В любом случае, я не чувствую себя таким уж милосердным. В чем дело, Тешейра?

– У трутней переполох, Квебек. Какая-то дешевая адвокатесса с улицы вызвала на себя шквальный огонь со стороны юридического отдела «Теслер-Танос», мясного и виртуального. Проги белые, проги черные; вирусов больше, чем в приемной доктора во время эпидемии оспы.

– Оценка? – спросил Квебек.

– За ней стоит Дом смерти с мощными прогами – братья выступили открыто и намерены сражаться до конца. Но только что был подписан контракт со взводом внештатников-asesino. Я не знаю, что она им предъявила, однако «Теслер-Танос» хочет спрятать концы в воду.

Квебек поднял глаза, как будто за потолочными экранами узрел сердце владений отца.

– Рассвет. Перигей. Все сходится. У нас не будет более подходящего момента.

– Мой брат прав, – сказал Туссен. – Сейчас или никогда.

Его ДНК открыла бронзовые двойные двери, отделяющие жилые уровни, и они поднялись по изогнутой лестнице из черного мрамора в апартаменты Адама Теслера.

Желтый свет небесного знака лился сквозь стеклянные стены

на пестреющий слюдой гранитный пол, когда они приблизились к маленькому темному силуэту за столом из полированного живодрева. Тщеславный павлин; изукрашенный драгоценными камнями тектозавр на насесте; сеть теней, отбрасываемых оконными панелями: как будто не прошло шесть лет с тех пор, как Туссен в последний раз стоял посреди этой комнаты. Ощущал ли Квебек то же самое, стерла ли незыблемость отцовского святилища десятилетия и миллиарды километров? Сыновья терпят неудачу, бегут, умирают, но стекло, гранит и живодрево вечны.

Адам Теслер немного неуклюже поднялся и поклонился гостям.

– Доброе утро. – Он взял маленький чугунный чайник с подноса на столе. Там было пять чашек. Туссен увидел, что весь стол в форме подковы покрыт плоскими экранами. Перевернутые изображения: земля, море, небо: огонь. – Я ждал вас. Кто-нибудь хочет чаю? Очень освежающий, очень стимулирующий напиток после долгой и утомительной ночи. Нет? Пожалуйста, извините – я буду пить. Чайник двухвековой давности, японский. Отлит в песок, изготовлен вручную одним из последних живых сокровищ. Мне нравится идея, что человек может быть такой же частью национального наследия, как произведение искусства или архитектуры.

Туссен сравнил последнее воспоминание с реальным образом. Отец выглядел так же до последнего волоска, морщинки и детали облика.

– Итак. В конце концов ты вернулся. – Адам Теслер посмотрел на Шипли в теле Порфирио. – И ты, мой верный Брут.

– Он с нами – не так ли, Шипли? – спросил Квебек.

– Вам не понять, – сказала Шипли.

– Я понимаю больше, чем вы себе представляете, – сказал Адам Теслер. С чашкой в руке он подошел к восточному окну. Утренний свет медленно стекал по шпилям, сотни окон ослепительно блистали. Город внизу все еще окутывала тьма. – Мы не думали, что их будет так много; мы не имели ни малейшего представления о масштабах работ там, на астероидах. Вы заслуживаете победы. Вы доказали свою доблесть в самых суровых экологических нишах. Вы действительно то новое человечество, за которое себя выдаете. А ты все-таки мой законный наследник. – Адам Теслер наклонил край фарфоровой чашки в сторону Туссена. – Ты в курсе? Он представился?

– Я знаю все, – сказал Туссен.

– Сомневаюсь.

Хуэнь/Тешейра перешел на другую сторону президентского

стола и призвал на экраны зернистые, передержанные снимки со спутников. Война в космосе. Ленты разорванной изоляционной фольги и кабели, колышущиеся на солнечном ветру сквозь сверкающую туманность из капелек расплавленной стали. Погибшие в вакууме, летящие в одиночестве по унылым похоронным орбитам. Жилые сферы, похожие на глазные яблоки, наполовину превратившиеся в пузырящийся шлак после ударов текторным оружием. Длинный остов «хлопушки», аккуратно разломанный надвое; половинки кувыркались прочь друг от друга.

– Все не так страшно, как кажется. Все намного лучше. – Хуэнь/Тешейра интерпретировал картинки. – Огневой рубеж поглотил большую часть атаки, по основной части флота попаданий нет. Первая волна приманок, дронов и боеголовок уничтожена на восемьдесят шесть процентов. Основные потери флота на данный момент: отладили «Сьюзи Кью», но «Хайле Селассие» и «Майкл Коллинз» мертвы, а «Малкольм Икс» искалечен и неуправляем. Я получаю разрозненные сведения. Жертв может быть больше. Орбитальное командование переходит на автоматическую оборону, прикрывая отступление. Основной флот находится в трехстах двадцати секундах от заслона пикетчиков. «Маркус Гарви» – он все еще с нами! – передает следующее: «Серьезного сопротивления не предвидится. Вторая волна: юниты третьего класса и ниже атакуют автоматизированные системы. Процедура стыковки запущена, сближение всего флота с производственным комплексом через четыре тысячи восемьсот секунд».

– Почему ты не радуешься? – спросил Адам Теслер, размышляя о восходе Дня мертвых. – Ты одержал великую победу.

– Почему ты не сдаешься? – парировал Квебек. – Обратись к нашему флоту. Проиграй с достоинством.

– Это что еще за спектакль – «Отпусти мой народ»? Ты слишком хорошо меня знаешь для такого, Квебек. Туссен…

Он помнит, мать его за ногу, помнит. Имя. Это всегда был удар прямо в сердце.

– Твоя адвокатесса-золотоискательница из Города утопленников оказалась куда лучше, чем я предполагал. Она пытается заключить сделку по защите своей клиентки, моей бывшей сотрудницы. Похоже, эпизод с промышленным шпионажем, о котором, как я думал, все забыли, принес плоды благодаря моему собственному Дому смерти, обернувшемуся против меня. Просто невероятно, однако мои экспертные системы советуют сделать именно то, о чем вы просите – сдаться, признать узурпаторов, отпустить народ. Но я не собираюсь этого делать. Я

сражусь с твоей подругой, Туссен, одержу победу и прикончу ее.

Все вздрогнули от звона осколков: Адам Теслер раздавил свою фарфоровую чашку.

– Дурак, – сказала Шипли с неприкрытым отвращением. – Эгоистичный дурак.

– Нет, – сказал Туссен. – Мой отец не дурак. Одинокий, напуганный, боящийся остаться в одиночестве, но только не дурак. Если тебе нравится, когда тебя называют Богом, тогда я буду называть тебя Богом; ты сильнее всех прочих людей приблизился к божественности с точки зрения жизни, смерти и творения. Ты создал свой святой народ, свой Новый Иерусалим воскрешенных, но ты боишься, что, подобно Адаму и Еве в Райском саду, они отвернутся от тебя. Ты не веришь, что они способны тебя любить, поэтому заставляешь их тебе поклоняться. Ты более ревнивый Бог, чем когда-либо был Яхве Саваоф, но даже ты не можешь сделать так, чтобы дети остались детьми навсегда.

– Такие красивые и поверхностные ответы. – Голос отца Туссена дрогнул от ярости. За двадцать один год под этими крышами он не испустил ни единого фотона ярости. До этого момента. – Не надо на мне отрабатывать доморощенную психологию твоих «гун хо»[193] – águila. Если ты должен сделать меня своим врагом, сначала пойми меня, а потом стань моим врагом или моим союзником. Ты думаешь, что я угнетатель мертвых. Это не так. Ирония судьбы в том, что нет более ревностного сторонника свободы мертвых, чем я. Истинной свободы. Ценной свободы. Не дешевой свободы, произрастающей из политических лозунгов, национализма или культурной идентичности, а личной, индивидуальной свободы, которую высоко ценят, потому что она дорого досталась.

Он полностью повернулся к окну: черная дыра в форме человека в пыльных лучах солнечного света.

– Там находится то, что мы с гордостью называем самым свободным обществом в истории. Двадцать два миллиона человек живут в этих трех долинах, и как они празднуют свою свободу? Ходят по магазинам. Занимаются серфингом. Трахаются. Ловят кайф, торчат и улетают на седьмое небо, неделями пропадают в виртуальности. Слишком много пьют. Толстеют. Плохо водят свои авто. Издеваются над собственными детьми. Влезают в долги. Я бы не стал их останавливать: это их выбор, их право. Большинство из этих двадцати двух миллионов никогда не задумываются о тех свободах, которые у них есть. Они принимают их как должное. Забывают о них. Становятся рабами рутины, привычки, чувственности, сексуальности, материализма – чего угодно. Истинная свобода ужасает. Ты по-настоящему свободен,

только когда нет никаких ограничений: во времени, пространстве, энергии. Мертвые – единственные по-настоящему свободные люди. Я аплодирую Свободным мертвецам, потому что они используют свою свободу, чтобы раздвинуть границы пространства и времени. Они живут как свободные существа; они заслужили и постоянно ценят свою свободу. Большинство прикованных к земле мертвецов неотличимы от своих мясных собратьев.

– Потому что их лишили свободы с помощью системы contratada, – сказала Шипли.

– Потому что я вынуждаю их бороться за свободу. – Адам Теслер повернулся к мертвой женщине в теле своего teniente. – Свобода – то, ради чего нужно пахать, и когда ты ее получишь, ты скажешь: «Я дорого за нее заплатил, она мне кое-чего стоила. Я сам решу, подсесть ли на колеса, нырнуть ли в мыльные оперы и виртуальность, потеряв счет времени, или колонизировать Альфу Центавра – так или иначе, выбор за мной. Я купил право на него». Contratada – это и есть свобода. Прецедент Барантеса – свобода, а Дом смерти, погрязнув в интригах и возжелав власти, меняет ее на абстракцию под названием «права». О правах говорят лишь в том случае, если без них люди каким-то образом умаляются, утрачивают часть своей человечности. Вы не можете умереть, вы способны выжить в вакууме, питаясь солнечным светом, вы можете менять форму, облик, воровать чужие тела; что такого вам дадут «права», чем вы уже не обладаете?

– Чарующе лицемерный довод: без чистилища нельзя по достоинству оценить рай, – сказал Квебек. – Отпустишь ты наш народ или нет, готовы они уйти или нет, мы их забираем. Претензия Дома смерти – малая часть большой стратегии. Флот «хлопушек» прямо сейчас оприходует твои орбитальные фабрики и пусковые установки, и даже это лишь толика плана. Большая его часть – та, которую легче всего упустить из виду. Есть вторая волна флота, позади больших «хлопушек»; в основном старые, медленные, самодельные фотонные парусники и грузовики. Они везут текторы, отец. Теслеров процесс, переписывание ДНК, воскрешение с помощью текторов – но без кодов, которые привязывают мертвеца к Дому смерти и тем самым втягивают всю нацию мертвецов в отношения хозяин-слуга, владыка-вещь, Господь-верноподданные.

– «Ты победил, Бог страны Галилейской»[194], – процитировал Адам Теслер. – Мои дети заменили меня: я лишний, генетически и эволюционно устаревший.

– Иди ко мне, – сказал Квебек, раскинув руки. Хотя приглашение было адресовано не ему, Туссен почувствовал

смутную угрозу. У него сжалась мошонка и приподнялся желудок: «Что-то случится». – Я знаю, не стоит ожидать от Великого Сатаны покаяния; но почетная капитуляция возможна. Поговори с флотом. Признай, что мы победили. Отзови своих юристов.

– Низложение Господа, сатанинский обман? – Адам Теслер сделал пять шагов по направлению к своему сыну. Огромную комнату залило светом; дремлющий на насесте тектозавр проснулся, моргнул глазами из жидкого янтаря, встряхнул кольцом перьев вокруг шеи. – Сын, дай мне право на последний акт неповиновения.

– Ты не оставляешь мне выбора.

– У тебя никогда не было выбора, – улыбнулся Адам Теслер.

Двое мужчин обнялись.

И он понял. Туссен все понял.

Квебек коснулся отцовской головы кончиками пальцев. Посмотрел в лицо невысокого мужчины. Его собственные черты исказились, растаяли, потекли. Струя жидкой стали, как рвота, хлынула вперед, на несколько секунд застыла на лице Адама Теслера, как посмертная маска из металла. А потом случилось невероятное: Квебек отскочил, наткнулся на стол из живодрева и схватился за лицо, как будто его окунули в тарелку с кислотой. Адам Теслер неуверенно поднялся с пола, куда его уронил сын. Стряхнул воображаемую пылинку с элегантного сюртука.

– В конце концов, – проговорил он, – сатана – просто еще один ангел.

Квебек посмотрел на свои трясущиеся руки, потом на отца. Несмело улыбнулся, оскалился, рассмеялся, а потом истерически захохотал, подвывая, как чокнутый.

– Кто-нибудь мне объяснит, что происходит? – спросил Туссен.

Судя по лицам Шипли и Хуэнь/Тешейры, они хотели бы задать тот же вопрос.

– Он мертв, разве вы не видите? – Квебек все еще смеялся. – Мертв, мертв, мертв. Изначально мертв. Мертв, как дронт. Мертв, как дверной гвоздь. Мертвое мясо. Я не смог проникнуть в его душу. Инженеры «Неруро» создали меня, чтобы реконфигурировать живую протоплазму. Они даже не предположили, что я встречу равного себе в поединке с мертвой тектоплазмой.

Туссен чувствовал, что сходит с ума.

– Как? – спросил он. – Как долго? Почему?

– А почему это случается с кем бы то ни было? Люди умирают, – ответил отец. Мудрые слова Адама Теслера прозвучали зловеще. – Я умер. Четыре года назад. Поправка:

я позволил себе умереть. Я умирал уже давно, еще до того, как ты уехал в Лодогу, Ксавье. Я дал указание своим врачам привнести в этот процесс немного достоинства и свободы воли.

– Рак мозга, – сказал Квебек. – Я узнал его вкус.

– Элегантный убийца, – продолжил Адам Теслер. – Большинство симптомов чисто церебральные: параноидальные наклонности, раздражительность, определенная мономания в деталях и мелочах – в моем случае, в одежде и этикете. Вплоть до самых последних стадий человек внешне выглядит презентабельно. Он полон достоинства. Вы можете себе представить, как это было важно для меня. Достоинство. Презентабельность. Соблюдение приличий.

– Господи, папа… – начал Туссен и поперхнулся, когда жгучий и горький, как желчь, комок угрызений совести застрял в горле.

Его отец медленно покачал головой.

– Нет причин себя в чем-то упрекать. Я бы не хотел, чтобы ты оставался со мной из чувства вины или долга, в то время как твоя душа летала с орлами Лодоги.

– Легко сказать.

– Тебе не жаль своего брата, никого из этих мертвых здесь. Зачем жалеть меня? Что касается ответа на твой вопрос «как?»… – Он медленно нарисовал пальцем круг в воздухе, подразумевая монументальную громаду аркосанти. – Если человек не хозяин в своем собственном доме, то в чем он хозяин? Технология проста; проблема заключалась в секретности. Президент самой могущественной корпорады Тихоокеанского совета – возможно, самой могущественной на всей планете – мертв? Воскрешен? Юридическое не-лицо, не имеющее статуса, собственности, полномочий? Такое пришлось держать в секрете даже от моих ближайших советников. Ты, как бы тебя ни звали – тот, кто находится в теле бедняги Порфирио – я полагаю, у тебя есть доступ к его воспоминаниям, и для тебя это полная неожиданность. Столько лет прошло, и он ничего не заподозрил, верно?

– Да, – резко ответила Шипли.

– Только пять сотрудников моего отдела исследований и разработок знают. Двое выполнили фактическое воскрешение, остальные ответственны за определенные, э-э, улучшения дизайна по сравнению со стандартной моделью.

– Например, отсутствие знака смерти, – сказал Хуэнь/Тешейра. – И воскрешение в том же возрасте, в каком наступила смерть. Имитация старения. Они проделали прекрасную работу. Я сожалею, что вознаграждение оказалось таким несообразным.

Настоящая смерть: от удара ножом, от пули, мономолекулярной петли, сложных химических веществ в стакане виски – а потом плоть, способная воскреснуть и предать, была обращена в пепел, сожжена в кислоте или погребена глубоко в прожорливой земле. По своей утилитарной бессердечности эти пять убогих, безымянных убийств казались самыми чудовищными из преступлений «Теслер-Танос».

– Преемственность не была обеспечена, – продолжил Адам Теслер. – Все коды были на месте, генетические идентификаторы и допуски ждали твоего возвращения, Ксавье, Туссен, называй себя как хочешь. Теперь, когда ты здесь, мое королевство принадлежит тебе, и я могу прекратить этот фарс, изящно объявить о своей смерти и переехать в свой роскошный пентхаус в некровиле, откуда я буду проявлять живой и отеческий интерес – не собственнический, конечно – к славному будущему этой корпорады.

– Лицемер, – сказал Туссен, и слова превратились в крик, в обвинение. – Лицемер!

Он бросился к отцу. Шипли и Хуэнь/Тешейра поймали его, удержали.

– Убей его! – крикнул Туссен брату. – Прикончи ублюдка наконец!

– Недооценивать врага – неизменная ошибка, отец, – сказал Квебек. Его голос был убийственно спокоен. – Мне еще давным-давно пришло в голову, что это ирония судьбы: единственное оружие, способное убивать мертвых, названо в честь человека, который дал им новую жизнь. Мы так тщательно вооружились для неправильной финальной схватки. Но что есть теслерный заряд, как не текторы: что есть я, как не еще больше текторов? Давай столкнем их: текторы против текторов, твоя плоть против моей, и посмотрим, кто сильнее; ученые, которых ты убил, или техники «Неруро», которые сделали из меня живой теслер.

Квебек схватил старика в объятия, от которых затрещали кости, и оторвал от пола. Адам Теслер боролся изо всех сил, но не мог разорвать смертельную хватку сына. Их лица разделяли сантиметры. Старик сражался как демон, как цепкое, старое, мертвое существо из легенд Золотого века Голливуда. Квебек сдерживал его. И медленно, молекула за молекулой, Квебек начал меняться. Его одежда пузырилась и стекала длинными каплями расплавленного пластика. Черты лица смягчились и потекли, как густая лава. Воздух бурлил от летающих текторов, пальцы Квебека проделывали дыры в прекрасно сшитой старомодной одежде Адама Теслера.

– Ксавье! – вскрикнул Адам Теслер. – Туссен! Забери, ради

всего святого! Теперь все твое; сохрани его, сохрани ради меня.

Старик закричал, когда горящие кончики пальцев обожгли плоть, закричал громче, когда кожа на груди сына слилась с его собственной. Молекула за молекулой внешнее «я» Квебека таяло, а компоненты-текторы перепрограммировались, чтобы питаться синтетической плотью его отца.

– Шипли. – Голос Квебека был невнятным пузырящимся потоком слогов; слова растворялись в его горле. – Туссен. Забери его. Мы не можем рисковать тем, что он не обратится к флоту. Хватай его. Позаботься об этом. – Голос растворился в шипении кипящих текторов.

Туссен не мог превзойти Шипли по скорости и силе, даром что она была облачена в плоть старика. Мертвячка удержала его с всемогущей легкостью родителя, обнимающего ребенка.

– Извини, compañero – сам знаешь, нет справедливости в любви и на войне.

Она склонилась над Туссеном в непристойной пародии на поцелуй. Ее лицо собралось в кулак из серебристой тектоплазмы.

Раздался внезапный негромкий взрыв. Брызнула кипящая жидкость. Завоняло горелой плотью. Пальцы ослабили хватку на голове Туссена. Нечеловеческое лицо, искаженное от страшной муки, отдалилось.

Что-то пробило в пояснице Шипли двадцатисантиметровую дымящуюся воронку из костей, мышц, крови и куртки с шипами.

Хуэнь/Тешейра засунула тункер во внутренний карман любимого шелкового жакета.

– Привет, Туссен. Я полагаю, ты хочешь, чтобы я так тебя называла. Это я. Я вернулась.

Живая. Туссен стер с лица тонкую пленку крови и испаренной плоти.

– Я не могла позволить Шипли так поступить с тобой. Мне жаль, что с ней так вышло; она неплохая. Я думаю, она когда-нибудь вернется.

– Хуэнь?

– Да, это я.

На его растерянном лице отразились все возможные вопросы.

– Тешейра устроил coup de tête – переворот в моей голове, – а я воспользовалась его же стратегией. Взяла его на измор. Как только поняла, что стала пассажиркой в собственном теле, начала работать над тем, как вернуть себе контроль в этом полете. У меня были все его воспоминания, так что я знала, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз спал ночью. Я решила, что дождусь, пока он задремлет и покинет мои лобные доли – вот тогда я вернусь на свое место. Я ему неустанно

помогала. Доставала. Докучала. Я говорила с ним без умолку, каждую секунду, пока он был в моей голове. Читала стихи, сочиняла хайку – по крайней мере, я знаю, сколько нужно слогов, – считала до десяти тысяч, складывая двойки, тройки, четверки и пятерки, составляла бесконечные списки подарков на Navidad, читала куски из Корана и Упанишад; что угодно, лишь бы вывести его из равновесия. Туссен, я в буквальном смысле вывела его из себя – то есть из меня. Из моего черепа. И в самый драматический момент: ¡olé! А этот пистолетик круто стреляет, да уж.

– Он мертв.

– Он внутри. Я чувствую. Наверное, я смогу удержать его; чтобы войти, они полагаются на эффект неожиданности, на ослабевшую защиту, но я лучше знаю планировку. Позже придумаю, как от него избавиться. А пока что у тебя дела поважнее.

Пожар поглотил конец стола и распространялся медленно, но неумолимо. Отец и сын, сцепившиеся в смертоносной схватке, были почти невидимы за размытым пятном сверхзаряженных текторов. Половина мониторов отключилась; половина оставшихся извергала информационный хаос.

– Ксавье! – крикнул кто-то. Туссен не узнал голос.

Король мертв, да здравствует король. Твой народ ждет, мир слушает. Неприкаянный повеса, сочиняющий хайку águila, летающий лентяй и квази-философ, который только что принял увенчанный черепом скипетр Повелителя мертвых… что ты им скажешь?

Отец говорил, что сила и ДНК связаны.

Вокруг него иконки беззвучно гасли одна за другой. На полудюжине экранов появилась гневная мерцающая надпись: «Структурная тревога: тектронное заражение неясной этиологии на уровне руководства».

Надо прикоснуться к экрану.

– Это Ксавьер Теслер. Свяжите меня с юридическим отделом.

Он прижал ладонь к безликому смартдреву.

«Идентификация подтверждена», – сообщил экран. На дисплее появился символ юридического отдела: модель солнечной системы. Миры внутри миров, бесконечное вращение.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Туссен.

– Вы Ксавьер Теслер, – ответила прога.

– Ты признаешь мою власть?

– Мы запрограммированы признать всю полноту вашей исполнительной власти.

Туссен перевел дух.

– Пользуясь своими полномочиями, я приказываю вам целиком и полностью прекратить судебное преследование в отношении адвоката Йау-Йау Мок.

– Вы отменяете чрезвычайные инструкции отца?

– Да.

Последовала пауза, которая как будто длилась намного дольше, чем те несколько секунд реального времени, которые на нее ушли.

– Дело сделано, – сообщила прога. – Действия, осуществляемые в юридической виртуальности и напрямую, прекращены. До отмены решения сеньором Теслером мы рекомендовали принять предложение адвоката Мок, с оговорками. Хотите, чтобы мы возобновили переговоры с адвокатом Мок?

– Да, возобновите, – сказал Туссен. – И подпишите.

– Дело сделано, – ответила юридическая прога.

Хуэнь оттащила его от стола за миг до того, как с потолка хлынул жидкий камень.

Слуги Сеу Гуакондо ждали в переулке. Трое, одетые в двухцветные комбинезоны; правая рука желтая, левая черная. Вместо лица – невыразительная, гладкая плоскость черной кожи. И все же, когда Тринидад уставилась на них, они повернули к ней головы: овалы кожи на месте глаз были покрыты пупырышками.

Два длинных тонких параллельных разреза на уровне трахеи трепетали в такт выдохам.

Йенс Аарп театрально взмахнул полами плаща. Безликие проводники вышли из тени и со сверхъестественной уверенностью и плавностью двинулись по переулку. Компания последовала за ними.

Вспышка света и крик Розальбы прозвучали почти одновременно.

Что случилось? Нанесли удар по городу, о Господи, они начали палить по гражданским объектам, нет, это была космическая атака, поверьте мне, окажись это наземный взрыв, мы бы узнали, как думаете, у них есть «хлопушка»? Возможно, или у них одна из наших фабрик на близкой орбите, я точно не знаю. Я запрашиваю базы данных, но каналы персоналки отключены, и в сети Трес-Вальес творится настоящий ад.

– Братья, сестры. – перебил Йенс Аарп вкрадчивым тоном соблазнителя. – Какое это имеет для нас значение?

Хотя по внешнему виду это никак нельзя было определить, Тринидад почувствовала, что проводники улыбаются.

В западной части Уиллоуби горели пальмы. Ветер доносил с

востока далекие отголоски неистовой музыки. Все кинематографические экраны превратились в пустые серебристые поверхности. На востоке посветлел горизонт. В зените мерцали первые золотые нити рассветного небесного знака.

Безликие гиды привели их в безвкусный район многоквартирных домов с высокой плотностью застройки, далеко от центральных бульваров. Баннеры cuadra, нарисованные вручную на склеенных скотчем пластиковых листах, безвольно свисали с веревок для стирки: «¡Andale! Los Leons'a'Judah»[195]. Львы по имени, львы по натуре; некоторые – как самцы, так и самки – щеголяли телесными модификациями в виде грив, морд и глаз цвета жидкого золота.

Базилика Сеу Гуакондо когда-то была церковью-parada[196]: последний рьяный рывок ортодоксального католицизма привел к мессам в торговых центрах и службам на муниципальных автобусных остановках. Чего *радикальные отцы* и *теологи освобождения* не смогли понять, так это того, что массы не хотели народной религии, не хотели, чтобы она встречала их в местах, где они заключали сделки, разговаривала с ними на фавельском анхеленьо. Священное сердце церкви всегда было тайной; а тайна, лишенная величия, ритуалов, изысканности, помпезности, церемониала, блестящей мишуры, великолепных платьев и декораций в духе Сесила Б. Демилля[197] с полным актерским составом святых и ангелов второго плана – это какая-то неправильная тайна. Поэтому верующие взяли простые часовни на автобусных остановках, украсили иконами, статуями, свечами, алтарями и превратили в самодельные соборы Святого Петра. Большинство после Великого отступничества стали храмами Укуромбе. Некоторые обернулись станциями на Виа Долороза[198] Культа Зоопарка.

Последователи Сеу Гуакондо превзошли даже эклектичность строителей церквей-parada. Маленькая часовня воспевала сравнительно-религиозный грабеж: бледнощекие гипсовые святые и мадонны в синих одеяниях непристойно терлись об ацтекских богов солнца и повелителей кукурузы; серафимы и херувимы кружились бок о бок с кецалькоатлями и громовыми птицами; Бодхисаттвы плясали с четырехрукими аватарами Вишну и микро-Ганешами; блистающие православные иконы были украшены изысканными гирляндами коранических сур; маски, фетиши, ритуальные предметы из анимистических религий четырех континентов свисали с балок крыши и трепетали на ветру. В углу Владимир Ильич Ленин и Элвис Аарон Пресли вместе курили какие-то азиатские благовония; китайские молитвенные билеты грудой лежали у их ног, знаменуя конец

парада с тикерными лентами[199]. Голографические изображения святых Укуромбе светились в высохших глиняных нишах; в боковой часовне старый телевизор с плоским экраном воспроизводил отрывки из облаченной в красную кожу Библии Йоханнеса Ульфы со страницами цвета плоти – шведа, который в начале XXI века продвигал садомазохизм как способ духовного совершенствования.

– Есть ли какие-нибудь религии, которые здесь не представлены? – прошептал Саламанка.

В центре, где когда-то целомудренные священники праздновали смерть бога, который считал, что лучше сгореть, чем заржаветь, ждал Сеу Гуакондо.

Деформированный тектронный столб черного цвета, выше человеческого роста, похожий на дерево с множеством корней, в котором – как в древней сказке – боги заточили оскорбившего их человека. Черные руки до локтей приросли к торсу, предплечья тянулись из темной колонны, растопырив напряженные пальцы. Над ними виднелась погруженная в ствол голова. Если бы злобный бог, желая устрашить отступника, окунул в жидкий ад какого-нибудь пожилого, кроткого и невинного миссионера, на его лице могло бы появиться такое же выражение смертельной муки, предательства и разочарования, как у Сеу Гуакондо.

Блестя в свете свечей, он повернулся на электрическом помосте лицом к просителям. Черные губы шевельнулись. Сеу Гуакондо заговорил.

– Что за чудеса! Родился новый мировой порядок! Как уместно, что в День Мертвых старая Земля издохнет в корчах. Титаны и олимпийцы сражаются на орбитальных подступах; и все же вы явились, чтобы поставить свои жизни на кон в надежде обрести бессмертие-без-смерти, доверившись броску монеты. Хм, вы не первые и не последние, но, возможно, пришли своевременно. Как бы то ни было, я обращаюсь к вам с тем же предостережением, что и ко всем, кто был до, и ко всем, кто придет после: прежде чем взять меня за руку, спросите себя, стоит ли игра свеч; стоит ли приз такой ставки?

У Сеу Гуакондо был глубокий, красивый, богатый интонациями и каденциями голос, в традициях Старой Испании. Конечно, подумала Тринидад, у повелителей вечной жизни и смерти должны быть хорошие педагоги по сценической речи.

– Что ж, вперед, подходите ближе, еще ближе, представление вот-вот начнется. Вы прошли через смерть, разрушение, огонь и войну, чтобы найти меня, и теперь вам кажется, что колесница судьбы несется слишком быстро, колесо обозрения слишком высокое? Если у вас всего пятьдесят сентаво, чтобы потратить их

на ярмарке, к чему простые карусели и игра в «Сбей кокос»? Потратьте их с умом, потратьте их как следует, потратьте их на то, что вы запомните на всю оставшуюся жизнь. Шаг вперед, леди и джентльмены, да начнется самое главное шоу всей вашей жизни. Кто первый?

Кто первый? Вверх по трапу на борт «Титаника». Через входной люк внутрь «Челленджера». По крытому мосту в салон «Пан Американ 103». В лифт, который едет в преисподнюю. Ты первый, Биг Боппер, нет, Бадди, лучше ты. Место у окна или у прохода, Гленн[200]? Тринидад почувствовала, как Саламанка шевельнулся; схватила его за руку, удерживая: «Нет, еще рано». Под облегающими черно-золотыми нарядами проводников могли прятаться любые загадочные приспособления военного образца.

Сеу Гуакондо ухмыльнулся – как будто приоткрылась доменная печь.

– Раз уж кто-то должен, то это вполне могу быть я, – сказал Йенс Аарп. – Старших надо уважать, и так далее.

Он подошел к помосту. Даже ему, высокому мужчине, приходилось смотреть в лицо mediarmuerte снизу вверх. Полы длинного пальто развевались на ветру из ниоткуда.

– Что за душа явилась ко мне? – спросил Сеу Гуакондо. – Назови свое имя, свою природу, поведай сокровенное желание.

Замерцали десять тысяч свечей.

– Меня зовут Йенс Аарп. Я, сэр, игрок. Не погрешу против истины, если назову себя величайшим игроком эпохи. Я принимал участие во всевозможных состязаниях на удачу и мастерство и ни разу не проиграл. Я стою перед вами, потому что все азартные игры больше не могут доставить мне удовольствие – я ищу ту игру, где существует предельная ставка. Игру, достойную свеч, как вы сами выразились.

Молчаливые проводники склонили безликие головы друг к другу. Тринидад вообразила жаркое, интимное телепатическое единение: разум внутри разума.

– Предупреждаю, парень, это не какой-нибудь пятикарточный стад, – сказал Сеу Гуакондо. – Здесь нельзя выложить козыри и сорвать банк. Карту переворачивают один-единственный раз.

– Умоляю, я же профессионал, – сказал Йенс Аарп с убийственной гордыней. – Я ставил целые состояния на карту или монету.

– И все же, сдается мне, ставка никогда не была такой высокой, как сейчас, – глубокомысленно заметил Сеу Гуакондо на своем освещенном свечами помосте. – Если я объясню правила, это тоже оскорбит твои профессиональные чувства? Пойми: я – порождение хаоса. Силы жизни и смерти непредсказуемо текут

через меня: даже я не знаю, в какой руке они находятся в данную секунду. Я не властен над этим. Выбор за тобой, и только за тобой. Suerte или Muerte.

Над крышей прозвучал рев двигателей низко пролетевшего конвертоплана.

Йенс Аарп колебался всего мгновение, прежде чем крепко схватить Сеу Гуакондо за правую руку. Он посмотрел в глаза полуживого существа. Его зрачки расширились. Он увидел в отражающейся черноте что-то такое, чего Тринидад не могла разглядеть. Игрок повернулся к своим товарищам, сияя улыбкой.

– Смотрите! Смотрите! Видите, ничего не случилось!

Он поднял руку, которая коснулась Сеу Гуакондо, Повелителя Жизни и Смерти.

Уставился на нее.

Улыбка превратилась в гримасу ужаса.

Его правая ладонь на глазах покрывалась волдырями и чернела. Пальцы сморщились до обрубков; ладонь пошла складками, запузырилась и выпустила длинный изогнутый коготь из черного тектопластика.

Йенс Аарп схватился за правое запястье левой рукой, чтобы оторвать предательский черный крюк. С таким же успехом можно плевать на лесной пожар. За одну волну трансформации текторы превратили его правую руку в хитиновую клешню. Он издал душераздирающий вопль, когда наноагенты пронеслись по его телу. Ребра прорвались сквозь одежду скребущими непристойными пальцами из черного рога, ноги расплавились и превратились в лужу искривленных корней и измененной плоти, позвоночник вырвался наружу со звуком ломаемых костей, выпустил усики и перистые антенны. Протяжный крик резко оборвался, когда его лицо рванулось вперед на длинном блестящем хребте из черной наноплоти, из-за чего трахея оказалась аккуратно перерезанной, и завершился рост бугристым костным гребнем.

Нечто по имени Аарп позвякивало и поскрипывало, пока жаркая плоть остывала, затвердевая в смерти.

«Я не буду кричать. Меня не вырвет, – сказала себе Тринидад, – потому что даже в мире, где оживают мертвые кинозвезды, растут здания, машины меняют форму, а одежда – текстуру и цвет, я не могу поверить, что людей можно превратить в камень».

Тесно прижавшись к Саламанке, она почувствовала, как его рука скользнула под мягкую искусственную кожу куртки.

– Нет, – прошептала она. – Пока нет.

Сеу Гуакондо повернулся налево, направо, налево, направо на

своем возвышении. Мотор раздраженно завывал.

– Увы, Йенс Аарп. Я много раз был свидетелем подобной трагедии, но много раз я видел своими глазами, как текторы проносятся волной очистительного пламени: преобразуя, совершенствуя, даруя жизнь. Вас ждет тот же приз, шансы не изменились. Если кто-то поплатился за свою попытку, это не повод отказаться от стремления к успеху. Будь мы на скачках, разве вы не сделали бы ставку с шансами пятьдесят на пятьдесят? К тому же ни один тотализатор не сравнится с тем, что предлагаю я. Кто примет такой расклад? Мадам, как насчет вас?

Сеу Гуакондо уставился на Монсеррат Мастриани и явно потрясенную Розальбу. Экзоскелет неестественно громко гудел и булькал.

– Я знаю, каково это – быть заключенным в собственном теле, как в тюрьме; зависеть от внешних сил в удовлетворении своих потребностей. Ирония судьбы заключается в том, что я не могу попытать счастья с той силой, что живет во мне; у вас, по крайней мере, есть шанс стать целой, здоровой, крепкой умом и телом – шанс начать все заново.

Он протянул руки к двум женщинам. Экзоскелет зажужжал, отбрасывая Монсеррат назад на шаг, два, три, четыре.

– Нет-нет. Я не буду этого делать. Я не могу, – пробормотала она. – Я думала, это игра, просто игра… Но это не игра. Это реально. Это навсегда. Я никогда не думала о том, что случилось с теми, кто рискнул и проиграл, не понимала, что это могу быть я. Розальба! – закричала Монсеррат в слепом ужасе старухи, увидевшей лицо смерти среди зимних звезд.

– Я здесь, abuela[201], я здесь, все в порядке.

– Что я тут делаю, Розальба? Что я собиралась тут найти?

Их шаги разбудили эхо в укромных уголках и щелях церкви. Сеу Гуакондо склонил голову; один из его темных проводников материализовался из тени, чтобы увести старуху и ее внучку обратно в мир мяса. Тринидад чувствовала себя ужасно одинокой.

– Братья мои, – сказал mediarmuerte, – пожалуйста, уберите эту штуку. Зрелище смерти оскорбляет меня.

Два оставшихся черно-золотистых послушника исчезли в глубине церкви, чтобы принести инструменты.

– Сейчас, – прошептала Тринидад, сжимая руку Саламанки. – Сейчас.

– Итак, компания теперь состоит из двух человек, – сказал Сеу Гуакондо, поворачиваясь лицом к Саламанке и Тринидад. – Хватит ли у вас смелости взглянуть в лицо своим сокровенным желаниям, своим потаенным страхам и взять их за руку?

Повернетесь ли вы и убежите в ночь – или останетесь, чтобы встретить рассвет истинной жизни?

Саламанка шагнул на площадку перед Сеу Гуакондо и посмотрел снизу вверх, на его непреклонные черты.

– Я сделаю это.

– Храбрый парень, – прошептал Сеу Гуакондо. – Это неопытное поколение еще не лишилось мужества. Кто ты, откуда, как тебя зовут?

Саламанка одним красивым и плавным движением выхватил теслер и двумя руками нацелил Сеу Гуакондо прямо в третий глаз.

– Можешь называть меня Немезидой, ты, болтливый ублюдок, любящий смерть.

– Так-так. – Сеу Гуакондо криво улыбнулся. – Я похвалил тебя храбрость, даже не догадываясь, что под маской скрывается дурак.

– Не выходишь из роли, – сказал Саламанка. – Извини, не могу аплодировать. Это за Леона.

Он прильнул лицом к теслеру, чтобы лучше прицелиться. Индикаторы системы наведения замигали, как желтые глаза: «Готово, готово, готово». Мститель нажал на спусковой крючок.

Оружие судорожно щелкнуло.

Саламанка выстрелил в Сеу Гуакондо еще три раза, опустошив обойму из пяти патронов МИСТ-27.

Ничего не произошло.

Страдальчески улыбаясь, полуживое существо подняло левую руку. У основания безымянного пальца блестело золото: кольцо.

– Небольшое, но очень эффективное устройство. Поле помех охватывает всю церковь, и, как говорят производители, защищает против любой доступной народу разновидности антитанатического оружия. В кои-то веки реклама не соврала.

Тринидад не успела даже пошелохнуться, как на нее набросились безликие стражи. Сильные руки схватили за плечи и подтолкнули к помосту. Она кричала, ругалась и искала, куда бы садануть ногой по блестящим комбинезонам, но никак не удавалось найти точку опоры. Чужие руки впились в ее шрамы, следы бунта, заставили встать перед Сеу Гуакондо. Мерзкая нежить посмотрела ей в глаза. Черные пальцы скрючились, словно когти, готовые вырвать душу с корнем; рука остановилась в пяти сантиметрах от ее лица.

– Не у всех есть второй шанс, – сказал Сеу Гуакондо Саламанке. – Но Сеу Гуакондо милосерден и великодушен. Опусти свое оружие, приди ко мне снова и сделай выбор. – Саламанка перевел прицел с Сеу Гуакондо на проводников,

удерживающих Тринидад, и обратно. В какую бы сторону он ни направил эту штуку, он ничего не мог поделать. – Шансы всегда будут пятьдесят на пятьдесят, но осмелишься ли ты навязать их своей подружке?

– И что это за выбор? – сказал Саламанка. – Какую бы руку я ни выбрал, это будет Muerte. Это и был секрет игры? Никто никогда не выбирал правильную руку, никто никогда ее не выберет. Правильной руки нет! Вечной жизни не существует!

Сеу Гуакондо подозвал Саламанку ближе, ближе, в объятия рук.

– Если я не гарантирую вечную жизнь, то и вечную смерть не гарантирую. Ты думаешь, что я раскроюсь перед таким, как ты? Я загадка, воплощенный квантовый парадокс: существо, наполовину живое и наполовину мертвое. Я непознаваем, неразрешим, не определен до того момента, пока твоя свободная воля не разрушит пространство событий. Если до сих пор рука всегда оказывалась приносящей смерть, это не значит, что на этот раз она не принесет вечную жизнь. Я ничего не стану утверждать. Я не могу говорить наверняка.

– Освободи Тринидад, – потребовал Саламанка.

– Если она пожелает, – согласился Сеу Гуакондо.

По невидимому сигналу безликие существа выпустили девушку. Саламанка встал между протянутыми руками Сеу Гуакондо и положил теслер к ногам божества. Освободившись от прикосновения хозяина, оружие быстро потеряло форму, превратилось в мерцающую черную каплю. Тринидад увидела, как Саламанка поднял правую руку. Сама она опустила руки, ощущая свою беспомощность и бесполезность, и нащупала что-то в сумочке – какую-то выпуклость. Серебряная фляжка, на три четверти наполненная 60-градусным мескалем «Нуэстра Донья де лос Хагуарес».

Закрыв глаза, Саламанка почти сомкнул пальцы на руке Сеу Гуакондо.

– Саламанка! Нет! Нет!

Он обернулся, увидел и упал, уворачиваясь от выпада Сеу Гуакондо – все за ту долю секунды, которая понадобилась Тринидад, чтобы открыть фляжку и выплеснуть содержимое на лицо и ладони аватара. Существо взревело. Один из слепых стражей бросился вперед. Саламанка взмахнул локтем снизу вверх и нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Тринидад услышала, как хрустнули позвонки, в тот самый момент, когда схватила лампадку и швырнула в Сеу Гуакондо. Руки существа распустились желтым пламенным цветком. Сеу Гуакондо издал отвратительный, безумный, невнятный вопль жуткой боли,

пытаясь потушить огонь. Капли пылающего тектопластика упали на пол. Они были черными и золотыми.

– Саламанка! – Тринидад ткнула в сторону пылающих луж синтетической плоти. – Кольцо! Глушилка!

– Тринидад!

Она резко обернулась. Над ней нависло лицо, лишенное черт. Теслерный заряд проделал в нем десятисантиметровую дыру прямо в центре. Проводник кувыркнулся спиной вперед, а потом текторные гранулы превратили его плоть в вязкую смолы, вытекающую из всех отверстий оседающего черно-золотого комбинезона.

Тяжело дыша, Саламанка медленно навел теслер на пылающего, визжащего Сеу Гуакондо.

– Ну все, тебе кранты.

И теслер рявкнул несколько раз, выпуская быстрые пули, а церковь загудела от эха.

Лапа аллозавра опустилась в двух метрах от головы Сантьяго. Из прорези в вентиляционном отверстии metropolitano он увидел наросты уличной грязи там, где коготь торчал из золотисто-зеленой синтетической плоти.

Сантьяго не шевелился. Сантьяго молчал. Сантьяго не дышал, пока лапа не поднялась, и он почувствовал дрожь, когда она опустилась вновь где-то вне поля его зрения.

Бледный Всадник навис над полупрозрачной пластиковой крышей заведения Тупицы Эдди. Миклантекутли сказала «беги». Сантьяго побежал, не останавливаясь. Оглянулся только один раз, на аллее, обсаженной горящими пальмами, когда услышал рев, такой громкий, такой близкий, что почувствовал, как содрогнулась улица. Он повернулся и застыл, парализованный ослепительным светом фар, а потом могучая рука вытащила его из смертельного транса, швырнула через низкое бетонное ограждение, и он свалился, безуспешно хватаясь за склон и кувыркаясь, на дно сточной канавы, где плескались нечистоты. Аллозавр едва не тяпнул Сантьяго за пятки; беглец последовал за Миклантекутли вверх по ржавой металлической лестнице и через технический люк, слишком маленький для кого-то менее отчаявшегося, чем он. Миклантекутли провела его по лабиринту технических проходов и туннелей к вентиляционной шахте вышедшей из строя системы подземного скоростного транспорта, в которую они вписались, как дольки апельсина в кожуру, и все это время потолок содрогался от размеренных шагов «коня» кого-то из Бледных Всадников.

Миклантекутли выждала тысячу ударов сердца, прежде чем

открыть люк и вылезти на мокрую улицу. Она присела на корточки на фоне светлеющего неба и протянула руку Сантьяго.

– Я не хочу подниматься.

– Хочешь спрятаться, как крыса в норе?

– Да. Я здесь в безопасности. Счастлив быть живой крысой, а не мертвым львом. А когда взойдет солнце, и Бледные Всадники вернутся в свои гробы и превратятся в пыль или камень, крыса выползет на свои убогие улицы и будет счастливее, чем ты можешь себе представить, Миклантекутли.

Она перегнулась через край люка и посмотрела прямо в его запрокинутое лицо.

– А когда-то было иначе, Сантьяго? Разве ты раньше не прятался, словно крыса, в норе своих изысканных фантазий, позволяя миру жить своей жизнью? Твои наркотики, твои виртуальные реальности, вечеринки в каньонах – что все это было, как не замысловатая изоляция от необходимости чувствовать, переживать, испытывать боль? Быть человеком? Даже твои прекрасные друзья: разве у них когда-нибудь было предназначение поважнее, чем замаскироваться от общества? Когда радости, горести и желания друзей начинали просачиваться, раздражая твою святейшую плоть и вынуждая что-то предпринять, ты их уничтожал. Они были слишком близкие. Слишком настоящие. Я умерла, Сантьяго; не один, а сотню раз, и я человечнее тебя. Я в большей степени человек, потому что мои чувства подлинные. Нож, который поворачивается в моих кишках, подлинный; лезвие, которое мягко перерезает мою яремную вену, подлинное; копье, которое вынимает мои легкие из спины, подлинное. Это все настоящее. Настоящая боль. Настоящая гибель. Настоящие ощущения. Настоящие эмоции. Это не выдумка; это бытие. Это физический мир: он воняет, у него есть вкус, звук, текстура: он может причинять удовольствие и боль, он и только он может тебя убить. В этой не-виртуальности не существует кнопки Esc, Сантьяго. И это пугает тебя до усрачки, не так ли? Пока ты был зрителем в Самой большой игре, ты мог с этим справиться, но теперь ты на сцене, в центре внимания, и все это слишком грандиозно, слишком ярко, и… кто все эти люди? Впервые в твоей жизни все вышло из-под твоего контроля, Сантьяго. С тобой может случиться что угодно, compadre. Впервые не ты создаешь правила, а правила создают тебя.

Миклантекутли подняла глаза, когда снова зазвучали голоса тектозавров; теперь они раздавались в унисон, как и положено охотничьему отряду.

– Они приближаются, псы Господни. И мы доведем эту игру на улицах до конца, мы вдвоем, Сантьяго. Будем жить или умрем,

и это по-настоящему; первая настоящая вещь, которую ты сделал в своей жалкой жизни. – Она опустила руку в колодец и схватила Сантьяго за рубашку. – И ты пойдешь со мной, Сантьяго Колумбар, или я непременно убью тебя, как пойманную крысу, которой ты и являешься.

С чудовищной силой, о которой Сантьяго и не подозревал, она вытащила и швырнула на холодный асфальт.

Дождь закончился, улица была мокрой и грязной. Карнавальный мусор заполнял сточные канавы. На настенных экранах Стив Маккуин прыгал на мотоцикле через колючую проволоку в бессмертие, Роберт Донат и Мэдлин Кэрролл в наручниках бежали по славной Шотландии, а Джимми Кэгни добрался до вершины мира, ма[202].

На вершине мира, ма. Да, напуганный; да, измученный; да, униженный; почти наверняка обреченный; и все же где-то внутри пылало возбуждение от того, что он жив. Сантьяго вспомнил те мгновения чистого бытия, которые испытал, убегая с Ананси и Миклантекутли по крышам некровиля. За пределами времени, за пределами сфокусированных до лазерного луча мыслей, надежд и фактов о самом себе, на переднем крае реальности – там не существовало ничего. Под иконками «спасение» и «бегство» скрывался парадоксальный экстаз преследуемого – того, кто живет, не пытаясь ничего осмыслить, предвидеть или познать самого себя, просто пылает беспримесным пламенем существования на острие смерти. Вершина мира, ма. ¡Salud! Узрите сеньора Джимми на вашем серебристом экране.

На авеню трамваи застыли как вкопанные, автобусы и велосипеды съехали на обочину, contratistos останавливались на тротуарах, чтобы посмотреть вверх и изумиться. Бледные Всадники приближались. Бледные Всадники прибыли: гордые, чуждые, благородные, верхом на жутких скакунах. Бледные Всадники приостановились и поехали дальше. Их добыча давно сбежала.

К тому времени, как они добрались до пожарища, Сантьяго и Миклантекутли уже погрузились в охотничье сатори. Несколько долгих секунд они смотрели на рухнувшее здание и почерневшие обломки в луже огня, не понимая, что видят.

– Похоже, в Дом смерти врезался конвертоплан, – сказал Сантьяго, пораженный масштабом разрушений. – А тела… Что это за штуки?

– Гарпуны, – сказал Миклантекутли. – Тут побывали Волки Луны. Некоторые из этих тел – мясо.

Сантьяго вопросительно посмотрел на свою спутницу.

Выражение ее лица сообщило ему, что никаких объяснений не последует. Он наклонился, чтобы забрать теслер у одного из убитых. Пинок отправил маленькое жестокое оружие кувырком в огонь. Сантьяго потер запястье, опасаясь нащупать сломанные кости. Он понял мысль Миклантекутли. В этой игре другие правила.

Позади них завыли охотники, словно пытаясь остановить восходящее солнце.

Задолго до того, как родители Сантьяго заплатили инженерам плоти из Мертвого города, чтобы те вылепили им новые тела для жизни в качестве пловцов Милапы, мама и папа взяли свое единственное и неповторимое дитя в летний лагерь Альтернативного образа жизни в Скалистых горах Британской Колумбии. Сантьяго, единственному и неповторимому, было восемь. Радости игры на барабанах Дзэншу, изготовления масок, тотемного консультирования, христианского созерцания, символического погребения и возрождения он не постиг. Единственным отчетливым воспоминанием была ночь, когда он сидел снаружи вигвама с отцом, наблюдая за звездами, и очень большая крыса села на траву перед ними, аккуратно вытерла морду и спокойно удалилась в ночь, как будто люди и все их деяния не существовали. На самом деле, как объяснил отец Сантьяго, так оно и было.

– Крысиное пространство и человеческое пространство – две отдельные, но пересекающиеся вселенные. Мы видим вселенную имен, значений, целей. Палатка – нечто большее, чем просто груда синтетических лосиных шкур; человек – нечто большее, чем просто фигура, которая иногда двигается и издает звуки. С крысой все не так. Крыса живет во вселенной еды, угроз и размножения. Такова ее система координат: крыса все оценивает с точки зрения того, съедобно ли оно, можно ли его трахнуть или представляет ли оно угрозу. Вигвам не имеет для нее значения, кроме как место, где может быть найдена или не найдена еда, которая может быть безопасной или наоборот. То, что угрожает ей, может быть тривиальным для нас, то, что угрожает нам, может быть за пределами её понимания. У крысы нет имени, она бродит по миру, видя только то, что ей нужно видеть, понимая только то, что ей нужно понять. Вселенная, которую она воспринимает, сильно отличается от той, которую воспринимаем мы. Тем не менее, в определенные моменты, в определенных местах пространство человека и пространство крысы пересекаются, соприкасаются, и происходит общение и слияние.

«Слияние с крысой?» – думал Сантьяго Колумбар, восьми лет

от роду.

Вселенная крысы. Вселенная охотника. Вселенная добычи. Вселенная мяса. Вселенная мертвых. Десять миллионов вселенных в обнаженном городе, каждая размером с человеческую голову, отделенные друг от друга пропастями некоммуникабельности. Не ищите параллельные вселенные дальше, чем в человеке рядом: в вашей постели, в вашей машине, за вашим столом, в очереди на рецепцию; в женщине, которая бежит, исполненная звериной бескорыстной грации и свободы.

В Сенчури-Сити, что уникально для некровиля, нет серебристых экранов. Нет безмолвных теней кинобогов, призванных тарахтением проектора и пляской световых вееров. Сенчури-Сити – это воплощенный дух места. Город, о котором он заставляет вспомнить, всегда был скорее состоянием души, чем точкой на карте. Сенчури-Сити – это призрак места, которого на самом деле никогда не существовало: Старого Голливуда. Его вульгарный труп. Его усыпанный драгоценными камнями саван. Его Бэби Джейн[203].

Сенчури-Сити – это место, где вокруг одни фасады. По ту сторону фанеры, краски и целлулоида простирается пустота. Город полностью возведен из потерянных и одиноких декораций эпохи голливудского Золотого века. Смотрите, вот тот самый водосточный желоб, под которым плясал Джин Келли, а вон трущобы из «Тупика». Вот блестит телеобъектив Джимми Стюарта, когда он смотрит из окна во двор… И прислушайтесь, ну же, прислушайтесь! Слышите, как Сэм играет для гостьи за неоновой вывеской кафе «У Рика»[204]? Разве кто-то сможет удержаться и не заглянуть внутрь – а вдруг все так и есть, вдруг все по-настоящему, – но за дверью нет ничего, кроме деревянных подпорок, меловых пометок, оставленных старшим рабочим-механиком, и прочих декораций. Лица. Лики. Личины.

Воспоминания. Сантьяго отдернул руку от дверной ручки особняка из «Пейтон-плейс»[205], словно обжегшись. Контакт продлился всего лишь мгновение, но в это мгновение он был другим человеком в другом времени: маленькой девочкой в желтом солнечном платье, воздушным шаром, застрявшим на дереве, детьми, бегущими по полосатому газону от мусора вечеринки на день рождения. Он снова коснулся ручки. Внезапность перехода сбивала с толку: теперь вокруг него были дети, он плакал, воздушный шар уплывал в небо.

Это была святая земля. Они стояли на небольшой площади: перед ними был Пейтон-плейс, позади – забегаловка на Татуине, справа – квартира Бланш Дюбуа во Французском квартале,

слева – ворота Изумрудного города[206]. Призраки Ширли Темпл и Микки Руни[207] мелькали на краю поля зрения Сантьяго; хихикая, они растворялись в воздухе всякий раз, когда он пытался взглянуть на них прямо. Он сомневался, что сможет найти дорогу обратно в страну мертвых, не говоря уже о земле живых.

– Город Мишуры, превращенный в Чертоги памяти[208], – сказала Миклантекутли. – Эта идея пришла в голову грекам, но итальянцы эпохи Возрождения возвели ее в ранг искусства. Театр памяти был методом построения целой мнемонической архитектуры – скажем, дома, где каждая комната была определенной областью, которую нужно было запомнить; ее планировка, декор, мебель, статуи и украшения – мы здесь говорим об особняках памяти, а не об архитектурном проекте жилья – были выбраны и размещены таким образом, чтобы вызывать конкретные ассоциации. Флигель может стать инвестиционным портфелем: доспех самурая – пакетом акций в «Хоум исланд эмнестиз»; позолоченный солнечный луч на стене – двухпроцентным опционом в «Судесте солар»; плюшевый медведь с апельсином в лапе – напоминание о том, что не стоит связываться с фьючерсами на поставки соков. Средневековая виртуальная реальность: что такое иконки прог, как не мысленные образы, заряженные воспоминаниями? Некоторые театры памяти оказались настолько переполнены нагромождениями мнемотехники, что их управляющим приходилось выгружать воспоминания из внутреннего пространства во внешнее. Реальные здания, реальные места стали хранилищами информации; прогулка по пьяцце к Миланскому собору была эквивалентна ревизии и обновлению домашних прог. Изысканная, полная барочной красоты методика, полностью устаревшая из-за ролодексов[209] и персональных компьютеров.

– Все это – огромный овеществленный Театр памяти? – спросил Сантьяго.

Дороги вели от маленькой площади в недра страны воспоминаний; справа – американская глубинка Дорис Дэй, озаренная светом серебристой луны, слева – красный город Ад, где безымянный Незнакомец вершил возмездие[210].

– По сравнению с классическим Театром памяти он выглядит так же, как сам Театр памяти, сопоставленный с «ми, соль, си, ре, фа на линеечках сидят» и «каждый охотник желает знать, где этот сраный фазан», – сказала Миклантекутли. – Ты его касался, чувствовал. Живая память; воспоминания о нас, нашем прошлом, наших жизнях, положенные на хранение, чтобы через тысячу, десять тысяч, миллион лет – когда мы проживем так чертовски много, что наши мозги не смогут все вместить, – мы смогли

вернуться сюда и позволить символам, запечатленным на картонных улицах, вернуть нас к забытому минувшему.

Сантьяго положил правую ладонь на глиняную стену инопланетного бара. *Голубая жемчужина матери-Земли висит над головой; под ногами распростерты солнечные крылья космического корабля, украшенного звездно-полосатым флагом исчезнувшей цивилизации.*

– Но как?..

– Нанопроцессор – это, по сути, машина для хранения и воспроизведения информации. Процесс Теслера – это считывание и запись химической информации из нашей клеточной ДНК и транскрибирование ее в тектопластическую, а не белковую матрицу. Что такое человеческая память, как не скопления химических веществ в мозге; веществ, которые текторы могут хранить и обрабатывать, как и любые другие? Хочешь, чтобы я сказала Сантьяго Колумбару, что душа – не более чем взболтанный, но не перемешанный нейрохимический коктейль?

– Эти декорации – листы текторов, в которых хранится память, – проговорил Сантьяго, вычисляя плотность информации на один квадратный сантиметр, умножая ее на площадь стен, зданий, улиц, городов.

Он пересек маленькую площадь и коснулся дверного молотка Изумрудного города. *Голубое небо, зеленое море, лодочка и я; на волнах качаются стеклянные сферы детекторов нейтрино – они похожи на сети японских рыбаков в далеком Тихом океане; в таком великолепном одиночестве, настроенном на квантовую вселенную, разум возвышается к состоянию Дзен.* Далее – опора балкона во Французском квартале. *Нет, Боже, нет, темнота, не хватает воздуха, сердце останавливается в груди, клетки мозга выгорают одна за другой, сознание угасает, ослабевает, проваливается во тьму, тьму, свет, свет!* Он отдернул руку.

– Слишком грубо, слишком реально для тебя, muchacho? Это тебе не примитивный вуайеризм. Это жизни. Что тебя укусило?

– Женщина… умерла. Я почувствовал ее. Я был ею. Так мощно, Миклан, так ярко…

– Максимальный кайф, Сантьяго? Большой трип? Выход за пределы? То, что для вас смерть, для нас рождение. В отличие от мяса, мы помним и рождение, и смерть. Мы помним свет, тепло, его интенсивность, и когда выходим из резервуара или глины, что-то остается с нами навсегда. Мясо не в силах понять, как смерть меняет нас. Внешне мы люди, внутри – подменыши, пришельцы.

Эхо умирания застряло внутри Сантьяго: страх, гнев, попытки уцепиться за ускользающую жизнь. А затем свет; абсолютная

безмятежность капитуляции, когда сознание испарилось в первозданном свете. И дальше: тьма ярче любого света. Облако неведения. Дом Яхве. Нирвана. Атман. Духовные пути. Все религии знали этот край, куда сознание не могло попасть, эту область чистого бытия – царство, которое он искал всю свою взрослую жизнь.

Миклантекутли была права, подобное нельзя понять, если не испытал его на собственной шкуре, но даже простое мясо могло оценить по достоинству то, как вкус аннигиляции, краткое погружение в разрушительный свет, момент ничего-и-всего, может снова и снова манить к себе, пока не пронзит сердце шипами и стрелами. Пока ты не пристрастишься к смерти.

Он был в ужасе, когда они прижали женщину-Бледного Всадника к проволочному забору, и Миклантекутли поцеловала ее, прежде чем перерезать горло.

Тигровые полосы облаков цвета индиго проступили на светлеющем небе; за ними виднелись извивы небесного знака. До восхода оставалось несколько минут. В свете зари Сантьяго понял двойственную природу поцелуя Иуды.

– Каждый любит то, что убивает, каждый убивает то, что любит. – Он прикоснулся к тайне. – Миклан, я понимаю.

– Сантьяго, muchacho… – прошептала Миклантекутли интимным тоном, словно заказывая возлюбленному завтрак в постель. – Рада за тебя, но разве ты не знаешь, что все однажды заканчивается?

На улице Дорис Дэй ждали трое: двое мужчин и женщина. Аллозавры нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Небесный свет заставил наконечники копий вспыхнуть золотым пламенем: центральный охотник коснулся лба своим оружием, прежде чем опустить его до земли; воин поприветствовал достойного врага. Миклантекутли ответила легким поклоном.

И Сантьяго ослеп. Чья-то рука схватила его и потащила, спотыкающегося, незрячего, за собой. Небо пылало. Горело. Он потерял зрение. Слепой. Его глаза слезами из расплавленного желе потекли из выжженных глазниц.

– Шевели своей гребаной задницей! – Голос Миклан. Грубость странно успокаивала.

– Что? Как? – выдохнул он и бросился наутек сквозь стаи послеобразов на сетчатке.

– Что-то сильно бабахнуло в космосе; эти флоты, я не знаю. Но, как я уже сказала, все однажды заканчивается, так что беги и молись. Миклантекутли не позволит Бледным Всадникам загнать себя в ловушку и в первый раз побелить свою casa[211]. Я хочу на фиесте щеголять с высоко поднятой головой.

Округ Иствуда перешел в район декораций Дикого Запада: салуны, конюшни, банки, офисы шерифов, публичные дома. Огромный Театр памяти с каждым шагом обрастал деталями. Не оставляй меня, дорогая[212]. Они обогнули Универсальный магазин и оказались на Мейн-стрит, Тумстоун, штат Аризона, лицом к открытым воротам корраля О-Кей в классической позе стрелка[213].

– Ты развлекаешься с людьми, которые охотились на тебя?

– Что может быть лучше для разрешения разногласий с тем, кто убил тебя, чем поцеловаться и помириться? А камуфляж у них в каком-то смысле симпатичный.

Свет лился сквозь деревянные ворота коралля О-Кей. Свет восходящего солнца. Солнечный диск на волосок выглянул позади ветряков на вершине холма. Тени двигались в свете, силуэты верхом на чудовищных анахроничных двуногих скакунах. Бледные Всадники вышли из света: аллозавры одним скачком преодолели полуразрушенные ограды.

– Позади нас есть еще, – сказал Сантьяго. – Я почувствовал.

– Я тоже, corazon. – Она провела линию на бетоне носком ботинка. – Ни хрена я не позволю им задавить меня, как зайца на шоссе. Если придется умереть, хочу увидеть глаза моего убийцы.

Она сняла свою куртку с лицами и бросила на землю.

– Встретьтесь со мной лицом к лицу, как с врагом! – крикнула она. – Я устроила вам лучшую гребаную пробежку за последние годы, я требую большего, чем быть насаженной на вертел, как свинья на празднике Тела Христова!

Внезапно аллозавры опустились на землю. Бледные Всадники сошли по ступеням, искусно вырезанным в плечевых костях, и окружили добычу, подняв пики и копья. Их камуфляжная кожа была туманной тенью восхода.

Солнце на треть поднялось над холмами.

Миклантекутли повернулась к Сантьяго.

– Как дошло до дела, я не смогла. Не сумела бросить тебя на съедение псам войны, Колумбар. – Она взглянула на солнце. – Определять свой моральный кодекс через кокер-спаниеля[214] – нет уж, такое не для меня. Если окажешься снова в заведении Тупицы Эдди, попрошу Ананси угостить тебя выпивкой.

Она протянула ему руку в перчатке напоследок. Сантьяго хотел ее взять, как вдруг увидел ребристую подошву ботинка Миклантекутли. От сильного удара в грудь он растянулся на центральной улице Тумстоуна и чуть не блеванул.

– Извини, corazon, но девушка должна уметь постоять за себя, – сказала Миклантекутли и побежала.

Она добралась до двери офиса маршала. А потом Сантьяго

увидел, как она пошатнулась, ее руки в перчатках схватились за воздух: солнечно-красный/кроваво-красный наконечник копья пронзил мясо, кожу и сетчатую майку, вышел на свет. Миклантекутли рухнула на дощатый настил, вцепившись пальцами в древко.

– Господи, господи, господи… – прошептала она.

– Миклан! – завопил Сантьяго. И не думая, ничего не просчитывая, в чистом животном порыве оказался рядом с ней. Потянулся к ней.

Что-то мелькнуло.

Боль – белая вспышка шока и экстаза. Снаряд бросили с мастерской точностью. Его левая рука оказалась пригвождена к дощатому настилу метром полированной, отточенной стали, вонзившейся в основание третьего и четвертого пальцев. Он забился, задергался, попытался вырвать копьецо, снедаемый бесплодной жаждой свободы, как у пойманного в капкан животного, и колючая сталь скрежетала по предплюсневой кости. Кровь, его собственная драгоценная, священная кровь пролилась на выветренные доски.

Бледные Всадники приближались. Половина солнца поднялась над горизонтом.

Миклантекутли что-то бормотала на своем копье, обезумев от боли. Над ней стояла охотница. В последний раз, когда Сантьяго видел эту женщину, она выглядела жалкой кучкой камуфляжной кожи в озере собственной крови. Всадница опустилась на колени рядом с Миклантекутли; кончики ее длинных волос испачкались в крови. Женщины поцеловались. Затем всадница встала и вонзила длинное тонкое копье в горло Миклантекутли.

Она подождала, пока Миклантекутли не перестанет двигаться, а затем еще немного, прежде чем выдернуть оружие. Свирепо улыбаясь, охотница нарисовала узор острием копья прямо в воздухе перед глазами последней жертвы. Капающая с наконечника кровь оставила идеограммы на груди Сантьяго. Сантьяго попытался отползти, но пронзающее руку копье было неподвижной осью, которая и пригвоздила его к земной поверхности. Окровавленный наконечник загипнотизировал его.

– Прошу вас, – взмолился он, прижимаясь к иллюзорному Старому Голливуду из дранки и холста. – Прошу вас!

Он не мог придумать никакой другой просьбы. Бледные Всадники рассмеялись. Женщина провела кровавую черту через его лоб и пересекла ее второй, вниз по носу, через губы, подбородок и горло. Острие копья уперлось во впадину над грудиной. Он почувствовал, как колючки впились и разорвали мягкую плоть, когда женщина чуть надавила. Расширяющееся

пятно тепла и влаги: его мочевой пузырь капитулировал. Сантьяго позабыл о достоинстве, здравом смысле, языке, человечности – обо всем, кроме желания не умирать.

– Нет! – взвыл он, не чувствуя, как слезы текут по щекам. В какой-то момент он обгадился, но и этого не ощутил. – Нет! Позвольте мне жить, пожалуйста, я хочу жить. Я хочу жить! Я хочу жить!

День

2 ноября

Теперь не было стыда. Гордости. Угрызений совести. Хладнокровия. Только желание продолжать быть.

– Я хочу жить. – Он знал, что слова были всего лишь сентиментальной болтовней, порождением слез и боли. Беспримесной. Бессмысленной. Он бы взял все, за чем охотился столько лет, и до последнего миллиграмма променял на единственную секунду зловонной, мясистой, *мясной* жизни. – Я хочу жить.

Время. Время было узором, вытатуированным на ткани пространства окровавленным наконечником копья. Планковское время: каждый квантовый хронон – удар алой стали.

– Я хочу жить.

И копье убралось от его горла, как будто никогда не существовало. Бледные Всадники отступили, опустив оружие, превратились в частокол из силуэтов. Между ними он узрел лик своего спасителя. Он увидел тонкую полоску чистого неба между нижней частью солнца и горными вершинами.

И снова Бледная Всадница склонилась над ним. Она улыбалась. Сантьяго не понял ее улыбку. Сантьяго не понимал ничего, кроме своих непосредственных ощущений. Свет солнца, прохлада рассвета, запах дыма, звук отдаленного уличного движения.

Чудовищный, ужасный, изумительный взрыв боли: Бледная всадница, все еще улыбаясь, приложила указательный палец к его губам и свободной рукой вырвала зазубренное копье из ладони.

Прекрасная, кровавая, всепоглощающая чернота беспамятства.

Их доброта ошеломила его. Они остановили кровотечение, стерилизовали рану, перевязали, обезболили, приклеив анальгезирующий пластырь.

Странное милосердие охотника: лечить существо, которое убиваешь.

Два непоправимо искалеченных пальца они аккуратно ампутировали. Никакой боли. Ничего. Если бы не эти недостающие пятнадцать сантиметров тела, Ночь мертвых могла бы показаться неудачным виртуальным трипом.

Возможно, в этом суть: должно остаться напоминание.

Реальность причиняет боль. Реальность убивает.

Миклантекутли. Ананси. Анхель. Асунсьон. Дуарте. Он остался один. Улица, на которой его бросили Бледные Всадники, пестрела последними утренними мигрантами. Пошатываясь, все еще под кайфом и немного не в себе, Сантьяго двинулся против потока, внутрь, а не наружу. Лосось плывет вверх по течению. Он знал, где находится. Он знал, куда ему нужно попасть, прежде чем он сможет повернуть и побежать по течению, прочь от сердца некровиля.

Вдоль бульвара каждая пальма представляла собой безголовый дымящийся стебель, скрученный и обугленный, как сгоревшая спичка. На крышах большие киноэкраны складывались, серебристые бутоны ночных цветов закрывались в резком свете дня. Прекрасные тела мертвецов расположились в стратегических позициях на балконах и верандах; греясь, впитывая солнце, фотосинтезируя и накапливая энергию для ночных приключений.

Сантьяго продолжил идти вверх по течению.

Возле заведения Тупицы Эдди была уличная вечеринка. Большая часть cuadra барабанила, танцевала и передавала по кругу трехлитровые пластиковые бутыли домашнего рисового пива.

– Что происходит? – спросил Сантьяго у высокой китаянки с красным, золотым и зеленым барабаном на бедре.

– Мы победили, мы свободны, мы победили! – кричала она.

Танцоры, одетые в эклектичные обрывки чужих костюмов, аплодировали и обливали друг друга рисовым пивом. Низко над головой пролетел конвертоплан. Онемевший от противошокового и анестетиков, Сантьяго проскользнул между припаркованными трейлерами в заведение Тупицы Эдди. Столы были убраны: на все еще влажном бетоне тела двигались под музыку импровизированного ансамбля снаружи. Все Бледные Всадники были там. Сантьяго узнал женщину, которую видел убитой, которая вонзила копье в горло Миклантекутли и пощадила его, когда взошло солнце. Они улыбались, они смеялись, они пили спиртное из бутылок, которые Тупица Эдди постоянно пополнял, они передавали косяки друг другу и друзьям.

Сантьяго знал этих друзей. Дуарте и desconfigurado Асунсьон. Эктоморфная Анхель, еще более призрачная при свете дня. Ананси, мистическая адептка боли; странно милая и уязвимая в своей кожаной одежде.

И Миклантекутли.

Он видел, как Миклантекутли и Бледная Всадница неудержимо смеялись, дурачились и поливали друг друга крепкой выпивкой Тупицы Эдди. Он увидел, как Миклантекутли

сняла куртку с изображенными на ней лицами духов. Мелькнули обнаженные груди. Он увидел, как Миклантекутли и Охотница обнялись и поцеловались.

Он вспомнил Миклантекутли на крыльце в Тумстоуне; ее горло, месиво из крови и хрящей.

Он посмотрел на свою уполовиненную руку. На призраки пальцев. Увидел, как Миклантекутли с неприкрытым восторгом притянула к себе Бледную всадницу. Повернулся и пошел прочь, к светлеющим холмам.

Для столь хорошо сложенного мужчины Камагуэй весил очень мало. Природной силы Нуит хватило, чтобы поднять и пронести его по теплой траве в прохладу монастыря, где ждала женщина в белом. Она разговаривала с ним. Шутила. Смеялась, улыбалась. Она была рада за него: слабости и изъяны плоти позади. Началась настоящая жизнь. Она не оплакивала смерть, она праздновала рождение.

Женщины Дома смерти улыбались, зная толк в счастье, пока вели ее в зал воскрешения.

– Хороший день для смерти, – сказала высокая чернокожая женщина, когда ее помощники раздели тело. Нуит сложила одежду, поглаживая мягкую сетку и теплую кожу, прижимаясь к ним щекой, пытаясь уловить слабый, исчезающий запах камагуэйности.

Нуит подняла его, чтобы поместить в резервуар. Черные иглы укололи ее плоть. Уродливые. Мерзкие. Резервуар Иисуса смоет их прочь. Смоет их, смоет болезнь и неправильность и восстановит его таким, каким он мог бы быть, каким он должен быть. Идеальным. Целым. Здоровым. Она поцеловала его.

Влюбляешься в клиентов, Нуит[215]?

Она держала его за руку, пока опускающаяся крышка не вынудила отпустить.

Руки Яго крепко обнимали ее, широкая, твердая грудь под головой мягко поднималась и опускалась при дыхании, бритая кожа была гладкой, нежной, как ткань на щеке, и щетина, скользя по нервным окончаниям, пробуждала в теле волну наслаждения. Она пошевелилась, не отлипая от его тела, ей было так тепло и удобно. Она прижалась приоткрытыми губами к его боку.

И вспомнила, где находится.

И поняла, что делает.

А потом обнаружила, что также обнажена, их вирткомбы превратились в мягкое овальное покрывало, выстилающее терракотовое гнездо, в котором они лежали.

И это было хорошо. Это было неописуемо славно, и ряды терракотовых божков с разинутыми ртами и лицами цвета охры смотрели сверху вниз, как она лежит рядом с безволосым мертвецом.

А в это время сражались космические флоты, рушились корпорады, отменялись несправедливые законы, умирали старые короли, рождались новые королевства, на трон садились новые принцы, прибывали послы из иных миров, восставали некровили, горели пальмы, и День мертвых бушевал на холмах Старого Голливуда.

Йау-Йау перекатилась на бок.

– Яго, – прошептала она, уткнувшись лбом в его грудную мышцу, – я не могу остаться.

Она знала, что он не спит, потому что мертвые никогда не спят, но он медлил с ответом. Сны наяву, Яго – о той прошлой жизни, про которую говорят, что она всего лишь сон для мертвых?

Она шлепнула его по заду.

– «Основы правопорядка 202: Практика и профессиональная этика». Адвокат всегда должен уделять первостепенное внимание благополучию своего клиента и прилагать все усилия для достижения этой цели. Еще ничего не кончилось.

Йау-Йау надела рубашку, шорты, ботинки и нацепила шляпу боком, как того требовала мода. Они с Яго могут позже отделить свои вирткомбы друг от друга. До чего странным казалось незнакомое ощущение наготы под одеждой. Воздух касался кожи. Неудобно.

Прога в вестибюле Дома смерти приняла номер ее адвокатской лицензии и личный символ, а затем попросила подождать. Все звонки в аркосанти «Теслер-Танос» сортировались и допускались задержки до двенадцати минут реального времени. Никакая abogado с бульвара Сансет, даже в заломленной на модный лад шляпе, не смогла бы нанести такой урон целой корпораде. Тем не менее, кое-какой известностью она обзавелась; юридический отдел немедленно перезвонил и выдал контракт на бумажном носителе. Йау-Йау узнала фирменный знак «Теслер-Танос» и свою собственную печать в виде треугольника с лотосом. Оставались пустяки. Она показала контракт Мартике Семаланг, потягивая крепкий café negro в пустом офисе, пока они ждали. Встать, суд идет. Заседание началось.

– Ты свободна.

Мартика вгляделась в бумагу, читая слова. Крутая, красивая, высокая и грамотная. «Основы правопорядка 202: Практика и профессиональная этика» предписывали не завидовать клиентам.

И еще Мартика была на шесть миллионов тихоокеанских долларов – с хвостиком – богаче.

– На компьютеры можно положиться в том, что они следуют букве закона. А хрупкое мясо следует духу. Они будут придерживаться условий сделки.

В дверном проеме появился Яго; тот Яго, которого она знала, который носил кроссовки, мешковатые баскетбольные шорты, футболки без рукавов; а не странные и разнообразные ночные личины. Он бросил ей мягкий волейбольный мяч из чуть затвердевшего тектопластика: ее виртком6.

– Новости, compañeros. Нас завоевали. Эти корабли там, наверху, что-то строят; я не знаю, что; городская паутина все еще взорвана к чертовой матери этим когнивирусом Тэ-Тэ, преследующим мою малышку Карменситу, но похоже, они разбирают брошенные орбитальные заводы и превращают их в верфь. Если спросите Яго Диосдадо, он скажет, что нас ждут интересные времена.

– А «Теслер-Танос»? – спросила Мартика Семаланг.

– «Теслер-Таносу» крышка, corazon. Дворцовый переворот, смена караула. Покатились корпоративные головы с плеч. Не спрашивайте меня, я пытался сунуть нос в их проги, но нашел только официальный пресс-релиз о том, что вся деятельность приостановлена в ожидании выступления El Presidente.

– Яго, – сказала Йау-Йау, внезапно ощутив жуткую, абсолютную, сокрушительную усталость. Она осознала, что не спала всю ночь. Бегала туда-сюда. Чуть не умерла дюжину раз. Радикально изменила свою карьеру еще до завтрака. – Все это очень интересно, но я хочу домой. Сейчас же.

Вершина шпиля Сан-Мигель падала, стекая вниз, как километровая пасхальная свеча.

– Должен быть какой-то предел, – сказал Туссен. – Они не могут преобразовать весь аркосанти.

Он и Хуэнь на время спрятались в центре связи.

– Думаешь, не могут? – Хуэнь взглянула вверх. – Их приятели делают то же самое с Луной.

– Они же просто люди.

– Уже нет. Это не твой отец, Туссен, и не твой брат, если они когда-либо ими были в предыдущем воплощении. Просто сгустки вины и ненависти, запечатленные и восстановленные текторами – и больше у них за душой ничего не осталось. Теперь они есть друг у друга; их сокровенная мечта исполнилась.

Потолочные экраны показывали Туссену новости из космоса. Мир наблюдал за небом, тыкая пальцем и ахая при случайных

вспышках орбитальной пиротехники, а флот расчищал оставшиеся автоматические оборонительные сооружения. На обращенной к солнцу половине планеты ночные безумства пошли на убыль. Люди смотрели, ждали, восстанавливали свои кварталы и свою жизнь.

Туссен позволил креслу-оборотню принять нужную форму и подключился к аудиовизуальному устройству. Примечания прог объясняли, что он видел – «хлопушки» разослали дронов с камерами, чтобы облегчить маневрирование, – но не могли рассеять магию. Туссен смотрел глазами Бога. Испещренная облаками голубая плоскость Тихого океана была рассечена пополам кривой терминатора. Скопления огней переходили с ночной стороны на дневную – десятки «хлопушек», он в жизни столько не видел, – а за ними следовала вторая волна грузовых судов и производственных модулей, складывающих световые паруса шириной в сотни километров, как японские веера. Маневровые двигатели выглядели белыми бриллиантами на фоне затуманенной синевы океана.

Точка обзора переместилась на другой дрон, на этот раз на станцию примерно в дюжине километров над отделяемой электромагнитной катапультой «хлопушки». Неуклюжая коллекция сфер, укосин и солнечных панелей свисала с левого борта; когда конструкция повернула в солнечную сторону, Туссен прочитал надпись: «Эварт / Минералы Западной Австралии». Медленно, очень медленно и неуклюже, «хлопушка» сблизилась с орбитальной фабрикой. Второй корабль скользнул в кадр, маневрируя реактивными двигателями со скоростью пальбы из пушки Гатлинга: огромная, неуклюжая штуковина, похоже, пыталась развернуться боком.

Ракурс снова поменялся, теперь работала камера на отдаленной орбите. Наложенные поверх картинки схемы были излишними; Туссен мгновенно понял суть грандиозного плана и у него захватило дух от такой амбициозной цели. Тридцать четыре уцелевших «хлопушки» флота Свободных мертвецов образовали колоссальную сетку, по пять километров от узла до узла, окружая брошенные космические фабрики. Двигатели мигнули и погасли. Туссен – весь мир – затаил дыхание.

И корабли расцвели.

Спирали тросов раскручивались в вакууме, соединяя корабли друг с другом. Текторные пакеты мягко взорвались на корпусах орбитальных заводов и начали их разбирать. Сердце каждого корабля открылось и выпустило плантации вакуумных деревьев, которые они взращивали и берегли. Зелень миллиона листьев блеснула в лучах солнца. Там, где раньше был флот кораблей

вторжения, появился орбитальный город.

Узор из осенних листьев
вечнозеленых лесов
над морем.

– А вот и «Маркус Гарви», Туссен, – сказала Хуэнь.

Рубка обезлюдела, парящие в невесомости приборные кластеры не работали, никто не дежурил на боевом посту.

– С кем я говорю? – спросила мертвый командир, Мари-Клер.

Невероятно гибкие фигуры карабкались вверх по внешней стороне прозрачного пузыря. Космическое дерево – зеленая сфера с фрактальными краями – проплыло мимо, квадро тащили его, привязав швартовочные тросы.

– Меня зовут Туссен Ксавье Теслер. – Он придумал имя в один миг и понял, что таким оно останется до конца жизни. – Я временный президент корпорады «Теслер-Танос». Пожалуйста, выслушайте то, что я хочу сказать. «Теслер-Танос» вам не враг. Я вам не враг. Прошу, скажите мне, как я могу помочь вашей миссии, и я с радостью все сделаю.

– Где Эллен Шипли? Квебек?

– Все пошло не совсем так, как планировалось. – «Это мягко говоря», – прокомментировала Хуэнь по закрытому каналу. – Я не думаю, что вы сможете с ними поговорить. И все-таки можете не сомневаться, что они выполнили миссию. Теперь вся власть в корпораде – в моих руках.

– Адам Теслер?

– Мой отец мертв.

Ни слова лжи. Мертвая женщина хранила молчание дольше, чем это могла бы объяснить задержка связи между Землей и орбитой.

– Процесс строительства, свидетелем которого вы являетесь – это создание новой клады, – сказала Мари-Клер, решив ему довериться. – Это клада «Небесные врата», находящаяся на околоземной орбите. Ее цель – быть связующим звеном между планетой и обитающими в космосе Свободными мертвецами, а также вратами, через которые мертвецы Земли смогут покинуть планету и отправиться в Солнечную систему и далее во Вселенную.

Человечество больше не было привязано к коконам из плоти, причудам химикатов, шару из железа и силикатов на орбите вокруг звезды; конечная цель игры всегда была именно такой.

Транслюди: Туссен представил себе их стаи, целые народы, летящие – как ангелы, как águilas – прочь от солнца, уносимые солнечным ветром все дальше и дальше.

– Пожалуйста, поверьте мне: мы хотим помочь вам, как сможем. «Теслер-Танос» – ваш союзник в этом, а не враг.

– Простите меня, сеньор Теслер, но поверить как-то сложновато.

– Возможно, знак доброй воли убедит вас в истинности моих намерений.

– Например?

Чудесная иллюзия всемогущества: целая корпорада подчиняется твоей руке в перчатке-манипуляторе. Соблазнительное ощущение мастерства: мега-гига-тера-петабайты информации перемещаются по твоему приказу.

– Установлена связь со СМИ, – прошептали голоса духов в его наушнике. – Вы подключены ко всем новостным сетям Тихоокеанского совета; панъевропейские, африканские и центральноазиатские системы ретранслируют эфир.

Когда ты поступаешь так, как надо, решение принимается легко. А что в этом смысле значит имя? Похоже, в нем весь смысл.

– Корпорада «Теслер-Танос» признает кладу «Небесные врата» и ее посольство на Земле.

Ставка на земной апокалипсис всегда казалась более надежной, чем на апокалипсис в небесах. Львы Иуды смотрели, как горит церковь Сеу Гуакондо.

Любой иконоборец, достойный своего ремесла, скажет вам, что церкви особенно уязвимы перед огнем. В них столько древесины и благовоний…

– Надо было принести маршмеллоу, – сказал Саламанка.

«Придурок», – подумала Тринидад.

Когда они выбежали из рушащегося здания, она сделала важное открытие. Ей не нравился Саламанка. Он ей сразу не понравился. Он вошел в ее жизнь, решив, что ее нужно спасать, помогать, поддерживать, строить всевозможные предположения о ней, которые, если и не были правдой тогда – а она сомневалась, что они когда-либо были правдой, – то уж точно не соответствовали истине сейчас.

– Посмотри на это, – торжествующе провозгласил он. – Посмотри! Разве не великолепно! Что ты чувствуешь, Тринидад?

Я чувствую себя так, как должен чувствовать любой здравомыслящий, разумный, думающий и чувствующий человек. Я потрясена, я в восторге от того, что свободна и жива, меня

подташнивает, я шокирована, измучена, настолько измучена, что не могу поверить, что все это не было долгим и запутанным сном. Вот что чувствовала Тринидад. Раньше она бы дала какой-нибудь ритуальный, угодливый ответ типа «Я чувствую себя свободной, живой, в полной безопасности, когда ты рядом». Хватит, Тринидад.

– Тебе правда интересно? Меня тошнит, Саламанка. Я чувствую, что ты меня использовал как пешку в твоей игре в героев и злодеев, но в первую очередь меня тошнит.

Он был ублюдком. Все они такие. Глупые тщеславные эгоистичные ублюдки. Но никто не был глупее, тщеславнее и эгоистичнее Тринидад, которая так долго верила, что они ей нужны. Она собралась уйти.

– Эй, подожди минутку, Тринидад – все сгорит дотла, и я пойду с тобой, – сказал Саламанка.

– Саламанка, – сказала Тринидад тем тоном, который, как она знала, всегда привлекал внимание мужчин. – Я не хочу, чтобы ты шел со мной. Мне не нужно, чтобы ты заботился обо мне. Я пойду одна.

– Но Тринидад, улицы…

– Саламанка, мы только что встретились лицом к лицу и уничтожили Сеу Гуакондо и его Культ Зоопарка.

И, возможно, единственную надежду всего мира на бессмертие-без-смерти. Прямо здесь, прямо сейчас, она испытывала больше симпатии к Сеу Гуакондо в его бесконечном аду квантовой неопределенности, чем к Саламанке, Истребителю Драконов.

– Вряд ли я так испугаюсь, что не смогу пройти несколько кварталов по некровилю Святого Иоанна средь бела дня. Я ухожу. Ты мне не нужен. На самом деле, ты мне не нравишься. Я могу навскидку придумать пятьдесят более забавных способов провести ночь в некровиле. Так что не думай, будто обстоятельства создали между нами какие-то особые отношения. Не думай, что мы будем amigos на всю жизнь. Не будем. Не звони мне, не пытайся увидеться со мной, не спрашивай обо мне, потому что я не буду звонить, пытаться увидеться или спрашивать о тебе. И когда соберешься рассказать эту историю, вспомни, кто был героем, когда дошло до дела. Любой дурак может направить пистолет и нажать на спусковой крючок.

Мертвые с львиными лицами расступались перед ней, когда она уходила от Саламанки и его дурацкого, пустого пистолета. Церковь Сеу Гуакондо рухнула, превратившись в груду тлеющих углей.

Когда Тринидад добралась до перекрестка, каблук, который

весь вечер грозил сломаться, наконец, предал ее. Она рухнула. Она увидела, как Саламанка ухмыльнулся. Не сводя с него глаз, она сняла неповрежденную туфлю, подняла перед собой и одним рывком оторвала второй каблук.

Ей громко зааплодировали.

На непривычно пустынной улице Яго остановился, чтобы вытащить свою машину из асфальта.

– Ты не обязана так поступать, – сказал он, пока текторы перестраивались.

– О, я обязана, Яго. Это не мое место. Вы не мой народ.

– Куда поедем? – спросил Яго, садясь за руль. Панель управления потекла к нему черной жижей.

Внезапно Йау-Йау ощутила волчий голод. И жажду. И необходимость в обществе живых. Надо было отойти после нейроускорителя. Вспомнить старых друзей и место, куда они возвращались после своих приключений в Ночь мертвых.

– Кафе «Конечная станция». – Она должна извиниться перед Сантьяго. – Если оно все еще там.

– Значит, «Конечная станция». – Золотистый автомобиль бесшумно отъехал от обочины. – Один момент, Йау-Йау.

– Да, Яго?

– Можно мне как-нибудь побрить тебе голову?

– Ты можешь побрить мне голову в любое время, Яго.

Они беспрепятственно мчались по бульварам. Из давно выгоревших верхушек пальм поднимался дым. Пикапы и электрические мопеды удирали от посткарнавальной tristesse[216]. За окнами panaderias, закусочных и баров, которые никогда не закрывались, посетители толпились за столиками, сосредоточенно глядя на экраны персоналок.

– Почему-то, – проговорил Яго, – я сомневаюсь, что это и впрямь конец света.

И тут она увидела его. Он брел, как проклятый Ван дер Деккен[217], пустые коробки из-под напитков и пенопластовые контейнеры из-под закусок перекатывались у его ног, и все его внимание было сосредоточено на заляпанном тротуаре. Когда машина пронеслась мимо, она увидела, как он поднял голову навстречу утреннему солнцу, которое виднелось между тлеющими пальмами.

– Сантьяго!

Йау-Йау открыла окно и высунулась наружу.

– Яго, останови машину.

Он остановился под чудовищным киноэкраном, с которого усиливающееся солнце изгоняло «Дружеское увещевание»[218].

Целлулоидные призраки. Все, чем они когда-либо были. Неужели это действительно Сантьяго, заблудившийся и блуждающий на заре мертвых, или просто еще один призрак Старого Голливуда?

– А мяч как-нибудь побросаем? – крикнул Яго из открытой двери.

Йау-Йау помахала ему напоследок. Она не слышала, как машина тронулась с места и повернула, потому что шла к нему, бежала к нему, бежала все быстрее, держа виртком под мышкой, как раннинбек, стремящийся к тачдауну[219].

– Сантьяго! – крикнула она. – Сантьяго!

Он поднял глаза.

Он ожидал, что до взрыва три, может, четыре секунды. Ошеломленная тишина длилась целых десять – геологическая эпоха в веб-нановремени, – а потом проги загрохотали: «*Кто что почему как когда скажите объясните*». Его собственные низшие управленческие эшелоны просили совета, политических заявлений, требовали срочных встреч, реальных и виртуальных; другие корпорады выходили из ступора и сыпали меморандумами и запросами; правительства, государства большие и малые, просили разъяснений; океанический, монотеистический рокот Тихоокеанского совета призывал во всем разобраться. Юридические проги сообщили о дюжине неминуемых судебных исков, ставящих под сомнение полномочия «Теслер-Танос» признавать то, чего не существует по закону. Руководители отделов сговорились и готовились поставить под сомнение его право на президентский пост.

Туссену больше нечего было сказать им кроме того, что он уже сказал и сделал. Великий Сатана раскаялся и присоединился к ангельскому сонму. За ним последуют другие. Сперва самые храбрые и маленькие, те немногие, кому нечего терять, но мало-помалу поток будет расти, пока напор не станет неумолимым.

Он поднял колпак виртуализатора.

– Есть ли какое-нибудь слово для обозначения того, как время и обстоятельства превращают нас в то, что мы больше всего презираем? – спросил он. – Большую часть жизни я хотел уничтожить это место, разорвать его на молекулы. Теперь я могу делать с ним что захочу, и я… этого не хочу. Я не могу. Звучит как богохульство, но в нем есть какая-то красота. Не только архитектура аркологии, но и грязное, неэлегантное промышленное ядро, внутренняя организация и иерархия, невидимый дух капиталовложений и прибыли; красивая, кристаллическая симметрия; нечеловеческая, но странно привлекательная. Как похожая на песочные часы отметина на

брюхе «черной вдовы».

– Чтишь своего отца, почитая его творение? – спросила Хуэнь. – Проявляются твои буржуазные наклонности. Если хочешь разгромить это место, устроив грандиозную вечеринку, то вперед. Ты ему ничего не должен, Туссен. Он был чокнутым злыднем. Он был сумасшедшим, чувак, и хотел, чтобы весь мир вторил его безумию.

– Он был больным и печальным человеком.

Хуэнь прикусила нижнюю губу.

– Забавно: я знаю, кого можно назвать хорошими парнями, а кого плохими, но это кажется неправильным. В нашем вестерне все шляпы серые. Итак, Seor Presidente, дальше-то что?

– Видимо, надо пойти и поговорить с людьми.

Президентская власть отменила дверные замки. Когда они направились к лифтам, Туссен добавил:

– Хуэнь, знаешь, мне бы не помешал хороший ассистент.

Хуэнь посмотрела на него так, будто он предложил заняться сексом каким-то невероятно грязным способом.

– Если хочешь сделать мне приятно, в следующий раз спроси у «Небесных врат», не хотят ли они забрать своего агента. Взгляни-ка на небо. У нас есть дела поважнее, hermoso[220].

Туссен посмотрел на небо. Он чувствовал ночной шторм как слабое давление на спинной хребет. Стихия ушла на восток, через пустыню, унеся гром и ливень, оставив после себя тишину, спокойствие и чистый воздух. В такое утро, в таком небе можно увидеть край космоса. Там, на пределе видимости, он как будто рассмотрел отблески света. Способен ли глаз, адаптированный для взгляда на солнце, узреть огромную, изящную решетку «Небесных врат»? Нет; вкрапления слюды в лазурной голубизне – это были águilas, которые ловили утренние термические потоки и взлетали над огромным, уродливым, грязным, оживленным, шумным, вонючим городом. Хорошее небо для полетов. Лучше не придумаешь.

Он вызвал служебный лифт: набрал коды. Стеклянная клетка начала опускаться.

Во взоре орла
Небо, миры живых и мертвых
Застыли!

Тринидад в туфлях со сломанными каблуками курсировала по улицам мертвых. Беззаботная; беспечная. Она ничего не боялась. Не нуждалась ни в чем. Не зависела от чьей-то воли. Могла сказать себе, что с Тринидад Малькопуэло все в порядке.

Не просто в порядке. Все отлично. Просто супер. Да-да, просто супер.

Перекресток, на котором стояло кафе «Конечная станция», был усеян битым стеклом. Не следы насилия, а скорее обломки жизни; усталой, затуманенной, с похмелья после дюжины отходняков от самых разных видов кайфа, опустошенной. Бутылки, стаканы, старомодные шприцы для подкожных инъекций, которые предпочитали повернутые на самоповреждении. Кое-кто выживший все еще был в костюме, встречались маски и невероятные гибриды, результат полудюжины обменов нарядами. Презирая буржуазное жеманство вроде стульев, они устроились вдоль бордюров и стен; растянулись под сенью пыльных миндальных деревьев, распростерлись ничком на скудной траве.

Где-то между закатом и восходом ее машину вырвали из асфальта и угнали.

Квант движения; что-то в тени переулка на задворках бульвара, куда еще не проникло восходящее солнце. Блеск, царапанье – как будто когти скребут по бетону.

Тринидад чувствовала: нечто объявило о своем присутствии только из-за нее.

– Эй?

Шкряб-шкряб. Там была фигура, наполовину во тьме, слишком высокая и худая, слишком поджарая для человека. Золотистые глаза блеснули на свету: оборотень, Lobo de la Luna, небрежно опирающийся на ствол чего-то вроде огромного гарпунного ружья. Он не был голым, как те волки, которых она видела с полуэтажа кафе; на нем была набедренная повязка, украшенная изображением лунного человека с пулей в глазу.

Тринидад знала – хотя и не понимала, откуда ей это известно, – что видит того самого Лунного Волка, который столкнулся с ними в лабиринте у «Посады» и решил их отпустить. И еще она знала, что ему известно, кто она такая.

Что-то знакомое: глаза, сутулость и расслабленность, изгиб волчьей губы.

– Перес? – спросила она. Оборотень обнажил клыки в улыбке. Вокруг него метались тени. – Перес! Перес!

Солнце поднялось над крышами вокруг кафе «Конечная станция», заливая светом пустынный переулок. Тринидад вошла туда, пошарила среди битого стекла и картона. Не было ни малейших улик того, что здесь побывал кто-то, кроме нее самой.

Немногие уцелевшие с вечера стаканы были сложены штабелями за стойкой, вымыты, высушены, готовы. Полы подметены, столы вытерты, стулья перевернуты ножками вверх.

Несколько слишком поздних или слишком ранних посетителей выпивали, затерявшись среди леса из ножек. Запахи завтрака: свинина, горячий жир, кофе из титанической эспрессо-машины с ухмыляющимся хромированным черепом на дымящемся брюхе. Тринидад поднялась на полуэтаж.

Старые знакомые места. Как будто он никуда не уходил.

– Сантьяго?

Его рука. Что случилось с его рукой? И он был не один.

– Йау-Йау?

– Трини? Трини! Господи, женщина. Господи, это и впрямь ты.

Они обнялись. Старые подруги, сестры.

– По-прежнему кожаная экипировка?

Йау-Йау застенчиво пожала плечами.

– Ты же знаешь, у меня с одеждой непростые отношения.

– Тринидад, – голос Сантьяго был голодным шепотом, пробивающимся сквозь миазмы наркотиков. – Тринидад. Ты вернулась. Я сделал это, Трини. Я побывал там и вернулся.

– Он не в себе, – сказала Йау-Йау. – Я пыталась привести его в чувство, накачав кофе, но толку никакого. Я не знаю, где он был и что делал, но в какой-то момент кто-то аккуратно ампутировал два пальца его левой руки, остановил кровь и прижег рану, перевязал ее и накачал его противошоковым и анальгетиками.

– Трини, – сказал Сантьяго. – Я был там. И вернулся, Трини.

– Я знаю, где он был. – Тринидад налила себе кофе из громадного френч-пресса Йау-Йау. – Я встретила его здесь двенадцать часов назад, и он мне сказал. Он побывал в таком месте, откуда мало кто возвращается. Он был на Ночной Охоте.

– Иисус, Иосиф и Мария.

– Я хотел найти место за пределом, – прошептал Сантьяго. Он откинул голову на кованую спинку сиденья. Поморщился от боли: кофеин начал побеждать опиаты. – Ты знаешь, о чем я, Йау-Йау. Ты всегда знала – ты, именно ты знаешь, что значит всегда искать неуловимый ключ, выход, путь наружу. Я пошел с Миклантекутли: она Богиня Смерти, все эти годы секрет был прямо перед моим носом, а я ничего не видел[221]. Я отправился с ней на охоту; я думал, либо найду искомое, либо умру в поисках: мне было все равно, Йау-Йау. Больше ничего не помогало. Я бы нашел что-то действенное или умер, потому что мне больше не для чего было жить. Трини знает, я сказал ей – я сказал тебе, не так ли, Трини?

– Сантьяго, – мягко проговорила Йау-Йау.

Улыбка превратилась в болезненный оскал.

– Они отняли у меня пальцы, чтобы я мог прикоснуться. Я

могу прикоснуться, Трини, Йау-Йау, я могу прикоснуться, ко мне можно прикоснуться. Смотрите. – Он поднял свою искалеченную ладонь. – Половина руки. Хватка не будет крепкой, если у тебя только половина руки. Не получится схватить, вцепиться, сжать и присвоить. Присвоить. Можно только легко и свободно брать и держать что-нибудь. Жить благодатью, а не обладанием. Я могу прикоснуться, но не могу вцепиться.

– Прошу прощения?

Никто из них не слышал, как женщина подошла к столу. Она была невысокого роста, крепкого телосложения, одета в облегающий комбинезон из эластичного кружева и красивое золотисто-зеленое приталенное парчовое пальто. Она вела себя неловко, как будто чего-то стыдилась, хотя явно была той, кто уверен в себе и своем месте в мире; так ведет себя человек, перебивающий незнакомцев.

– Вы меня не знаете, но вы же друзья Камагуэя Кинтаны?

Всю дорогу в тук-туке водитель потчевал ее своей интерпретацией интересных времен, в которые всем внезапно пришлось жить.

– Почему, черт возьми, они снова идут на работу? – жаловался он, выразительно указывая на массу пешеходов и общественных транспортных средств, пытаясь вести свой маленький рыдван против потока. – Разве они не знают, что теперь, когда Дома смерти стали независимыми, с системой контрактов покончено?

– На дорогу смотри, – сказала Нуит. – Если мне понадобится политический анализ, я знаю полдюжины малых пророков. Пиво и газохол все равно будут стоить денег, с контрактами или без.

Тук-тук рванулся вперед. Солнце заливало улицы: температурная кривая в пассажирской кабине стремилась к асимптоте.

– Половина некровилей на планете восстала! – крикнул водитель. – Такое нельзя игнорировать!

– Но игнорировали же сорок лет, compadre. Несколько пеонов, спаливших свои лачуги, никого не заставят передумать.

– Это новый мировой порядок! – кричал водитель, яростно сигналя телеге, запряженной шестью собаками, повстречавшейся на «кратчайшем пути», который ему был якобы известен.

– И что же ты будешь делать завтра такого, чего не делаешь сегодня?

– Колонизировать космос, леди. Вот о чем речь. Будущее нашего вида. Эти Свободные мертвецы там, наверху – они живут в космосе, можете в это поверить? Гуляют по поясу астероидов, как

мы гуляем вокруг cuadra до panaderia на углу.

– Когда ты откроешь службу такси на Юпитере, я буду твоей первой клиенткой, corazon. А теперь, если не затруднит, привези меня в кафе «Конечная станция» до того, как люди, с которыми я должна встретиться, займутся делами поважнее!

Разумеется, «кратчайший путь» обернулся тупиком. Водитель тук-тука очень эффектно пререкался с водителем пикапа доставки dulces, который преградил путь, но Нуит побывала в слишком многих cuadras, чтобы не знать: чем эффектнее спор, тем меньше вероятность результата.

– Может, стоит просто отступить?

– Они признали флот! – Водитель прижал к уху рацию, свисавшую с зеркала заднего вида, и поманил dulcisto, чтобы тот подошел, выслушал и подтвердил. – Мать твою за ногу, «Теслер-Танос» признал флот. Адам мать его Теслер собственной мать его персоной.

– Дай сюда. – Dulcisto выхватил маленькую рацию и удержал яростно хватающего водителя на расстоянии вытянутой руки. – Они называют эту штуку «Небесными вратами». Это посольство, посольство Свободных мертвецов на земле. Пять километров каждая сторона, прикиньте? Подожди, постой, это еще не все. У «Теслер-Танос» новый президент. Что-то случилось со старым ублюдком. Это сын, его зовут Тусант или как-то так. Кажется, это он признал «Небесные врата».

– Послушайте, – сказала Нуит. – Все это, конечно, хрень эпохального значения, но поскольку она ни на йоту не приближает меня к цели, я просто выйду здесь.

– Эй, а деньги?

Нуит угостила cochero старым, мерзким и очень непристойным жестом. Каждая хорошая шлюха рано или поздно оказывается вынуждена топать пешедралом, сама по себе.

Поскольку Камагуэй сказал, где их искать, она не стала рассматривать печальные мясные лица, собравшиеся снаружи. Он сказал, она не найдет их и в главном баре – хотя кофе этим утром пах божественно, – а надо идти на полуэтаж. Там стоит их издавна любимый столик у окна, выходящего на Терминальный бульвар.

Все как ты и сказал, Камагуэй. Симпатичная чернокожая серриста, расплачивающаяся по счету – это Тринидад; здоровяк со странной аурой – знаменитый Сантьяго Колумбар. Что за история приключилась с его пальцами? Китаянка в смарт-коже, выходит, abogado Йау-Йау. Четвертого – белого мальчика águila – нигде не видно. Тут происходит что-то важное. Они такие серьезные и мрачные. Но твой рассказ еще серьезнее и мрачнее, Нуит.

– Прошу прощения? Вы меня не знаете, но вы же друзья Камагуэя Кинтаны? Он просил вам кое-что передать.

Благодарности и прочее

Замысел этой книги возник благодаря праздному замечанию, сделанному Иэном Уотсоном еще в 1989 году во время дискуссии о будущих телекоммуникациях, которая (как это неизбежно бывает в подобных случаях) сильно отклонилась от темы в область нанотехнологий. Опровергая наши высокопарные рассуждения о переработке материи и наномоделировании, он сказал: «Забудьте обо всем этом, первое, что вы получите с помощью нанотехнологий – это бессмертие». Семя проросло в вымышленный «Постулат Уотсона»: надеюсь, ты не возражаешь, Иэн.

Спасибо также всем тем, кто видел этого зверя во многих его ипостасях, за поддержку: Дэвиду Гарнетту, Фейт Брукер, Эдриану Битти, Бесс Коттон, но больше всего моей жене Триш, без которой ничего бы не было.

Дни Соломона Гурски

Понедельник

По пути на вершину горы Крови Христовой у Сола полетела трансмиссия. Он переключился на шестую скорость, потому что предстоял крутой подъем, но шестой не было. А также пятой и четвертой; ничего, ноль. Элена уже добралась до высшей точки и со смехом наблюдала за тем, как он пыхтит и потеет в тени хвойных деревьев. Мышцы Сола скручивались и завязывались узлами, как стволы древних остистых сосен, а вены и сухожилия натягивались, словно тросы подвесного моста. Потом Элена увидела, что кассета сломалась и болтается.

Они заставили велосипеды как следует потрудиться в пустынных горах к югу от Ногалеса. Каждый стоил две штуки, и продавец поклялся невинностью всех своих незамужних сестер, что эти маунтин-байки проедут где угодно и выполнят любой каприз. Дескать, на них можно хоть прямо на Эль-Капитан подняться, если приспичит. И вот теперь, через пять дней пути – до ближайшего дилерского центра «Дерт Лобо», как сообщил карманный компьютер Элены, было три дня, – кассета треснула напополам. Соломону Гурски придется проехать еще десять дней, четыреста миль и пятьдесят гор на максимальной скорости.

– Ты должен был это предусмотреть, инженер, – сказала Элена.

– Если твой велосипед стоит две штуки, теоретически ты можешь ни о чем не беспокоиться, – ответил Соломон Гурски. На горе Крови Христовой был ранний полдень, солнце светило безжалостно, в воздухе витал смолистый запах очень старых сосен. В долинах позади и впереди трепетало марево. – И ты же в курсе, я другой инженер. Мои шестеренки намного меньше. К тому же они не ломаются.

Элена знала, какой он инженер, как и он знал, какой она доктор. Но их отношения начались недавно и находились на той стадии, когда коллеги-исследователи, к собственному изумлению, ставшие любовниками, притворяются, что ничего не знают друг о друге.

Карта на наладоннике Элены демонстрировала, что в пяти милях в долине есть поселение под названием Реденсьон[222]. Возможно, там за пригоршню норте[223] – долларов им смогут быстро и красиво заварить сломавшуюся деталь.

– Радуйся, что едем вниз, – с этими словами Элена, чей зад туго обтягивали велобриджи цвета синий электрик, запрыгнула в седло и понеслась с горы. Секунду спустя Сол Гурски – в рубашке, обычных шортах, ботинках, очках и шлеме – поехал следом через

заросли шалфея. Их отношения все еще находились на той стадии, когда при виде ярко-синей, обтянутой лайкрой пятой точки может вспыхнуть желание.

Итак, Реденсьон: типичный городок в пограничных горах; заправка, она же кафешка и аренда трейлеров на ночь, на неделю или, если совсем некуда больше идти, на всю жизнь; стоянка грузовиков и джакузи под открытым небом, чтобы ночью любоваться звездами приграничья. Никакой сварки. Кое-что получше. Когда путешественники подъехали к Реденсьону по старому шоссе с потрескавшимся асфальтом, из марева первым вынырнуло солнечное дерево, похожее на ветвистый цереус.

Мастерская занимала уродливую пристройку к заправке-кафе. Какой-то дальнобойщик поплелся следом за Солом и Эленой, зачарованный фантастическими визитерами, яркими, словно попугаи ара, и в панорамных очках. Он жевал сэндвич. Чем еще заняться в Реденсьоне в жаркий полдень понедельника? Хорхе, владелец, выглядел слишком молодым и амбициозным, чтобы втюхивать клиентам топливо, жратву, трейлеры и молекулы. Тридцать с чем-то лет, мрачный и серьезный. Он напоминал туго скрученную пружину. Элена заметила по-английски, что вид у него скорбный. Но к сломанной кассете Хорхе отнесся профессионально и помог Солу снять ее с заднего колеса, а потом с восхищением осмотрел идеальную плоскость разлома.

– Справлюсь. Займет час-полтора. А пока не желаете ли поплескаться в джакузи?

Он сказал это, морща нос, стоя с подветренной стороны от двух велосипедистов, которые одолели гору Крови Христовой в разгар жары. Дальнобойщик ухмыльнулся. Элена нахмурилась.

– Вас там никто не увидит, – настаивал Хорхе, наномастер.

– А есть что попить? – спросила Элена.

– Конечно. Кока-кола, спрайт, пиво, agua mineral. В магазине.

Элена обошла дальнобойщика по широкой дуге, собираясь заглянуть в холодильник. Сол отправился следом за Хорхе в мастерскую и понаблюдал, как тот укладывает кассету в сканер.

– А я ведь именно этим и занимаюсь, – сказал Сол, чтобы поддержать разговор, пока лазеры воспроизводили геометрию пирамидки из звезд в трех измерениях. Он говорил по-испански. Все так делали. Теперь это был универсальный язык и для norte, и для el sur[224].

– У вас есть мастерская?

– Я инженер. Я создаю эти штуки. Не сканеры, а текторы. Я их разрабатываю. Я наноинженер.

Система сообщила Хорхе, что картирование завершено.

– Для корпорады «Теслер», – добавил Сол, когда Хорхе включил процессор.

– Особые пожелания будут?

– Нужна гарантия, что это не повторится. Можете сделать кассету алмазной?

– Дружище, атомы могут собраться во что угодно.

Сол изучил камеру обработки. Ему нравилось, что эти устройства похожи на перегонные кубы для виски: пузатые, с высоким горлом, поднимающимся сквозь крышу к раскидистым пальцам солнечного дерева. В перегонном кубе обитали сильные алхимические духи – духи межгалактического вакуума, абсолютного холода и текторов, передвигающих атомы в пустоте. Жаль, что физика воспрещала смотровые окошки. Можно было бы через безупречное алмазное стекло увидеть, как происходит акт творения. Впрочем, лучше этот процесс оставить таинством, загадкой. Атомы могут сложиться во что угодно, да. Но ведь это самое интересное – во что именно, каким образом? Насколько причудливо они совокупятся, покоряясь воле творца? Он вообразил крошечные машины, меньше вирусов, хитроумные конструкции из атомов: представил себе, как они шарят в поисках углерода в недрах Реденсьона, у корней наномастерской, передают его по бакитрубкам в камеру обработки, и там он превращается в алмаз необходимой формы.

Да, алхимия.

Кассета из алмаза.

Ощутив интеллектуальный холод нанопроцессора, Сол Гурски поежился в своем легком велосипедном наряде.

– Это один из моих проектов, – сообщил он Хорхе. – Я разработал текторы.

– Да что вы говорите… – Хорхе достал пиво из ящика на полу, открыл о дверной косяк. – Я купил мастерскую у одного парня два года назад. Он переехал на север, в Трес-Вальес. Вы оттуда?

Пиво было холодным. В глубоком, темном холоде реакторной камеры роились наномашины. Сол Гурски раскинул руки: Иисус-велосипедист.

– А разве не все приезжие оттуда?

– Пока нет. Итак, на кого, вы сказали, вы работаете? «Нанозис»? «Эварт-ОзВест»?

– «Теслер». Я возглавляю исследовательскую группу по биологическим аналогам.

– Никогда о таком не слышал.

«Еще услышите», – собирался сказать Соломон Гурски, но тут кто-то закричал. Это был голос Элены.

На бегу он подумал, что ни разу не слышал ее крика – их

отношения еще не достигли такой стадии, – но понял, что кричать могла только она.

Элена стояла у открытой задней двери заправки-и-кафе. В ярком свете дня было видно, что женщина побледнела и дрожит.

– Простите, – сказала она. – Я просто хотела выпить немного воды. В холодильнике ее не нашлось, а кока-колы я не хотела. Думала, наберу немного из-под крана.

Войдя в кухню, Соломон Гурски почувствовал спиной, как Хорхе его догнал. Мужской беспорядок: двадцать немытых кофейных кружек, коробки из-под пончиков, пивные банки и упаковки из-под молока. Ложки, ножи, вилки. Сол и сам разводил такой бардак, и Элена ругалась, что он всякий раз брал чистую посуду.

Затем он увидел их.

– Послушайте, это мой дом… – говорил тем временем Хорхе.

Их было трое: симпатичная, работящая женщина и две маленькие девочки, одна первоклассница, другая только научилась ходить. Они сидели в креслах, положив руки на бедра, и смотрели прямо перед собой.

Они не моргали, их тела не покачивались в такт пульсу и дыханию, поэтому Сол все сразу понял.

Идеальный цвет. Он коснулся щеки женщины, завитка темных волос. Кожа теплая, мягкая. Как и должно быть. Текстура правильная. Кончики его пальцев оставили следы в пыли. Женщина и две девочки сидели неподвижно, не мигая, словно статуи в святилище из собственных памятных вещиц. Фотографии, игрушки, скромные украшения, любимые книги и безделицы, расчески, зеркала. Картинки и одежда. Вещи, из которых и состоит жизнь. Сол прошел среди «статуй» и их вещей, понимая, что вторгся в чужой храм, но его неудержимо влекли симулякры.

– Ваши?.. – спросила Элена. Хорхе кивнул, его губы шевельнулись, но не прозвучало ни звука. – Мне жаль, мне так жаль…

– Сказали, колесо лопнуло, – наконец проговорил Хорхе. – Знаете, эти шины, которые вроде бы ремонтируют сами себя и не взрываются? Ну, это неправда. Машину бросило через отбойник, кувырком. Так сказал дальнобойщик. Он увидел их внутри, вверх тормашками. Как будто время застыло…

Он немного помолчал.

– У меня потом надолго стало в голове темно, я будто с ума сошел, понимаете? Когда пришел в себя, купил это место, потратил страховку и компенсацию. Как я уже сказал, атомы могут сложиться во что угодно. Надо лишь указать им верный

порядок. Подчинить себе, и пусть сотворят то, что тебе необходимо.

– Простите, что мы вот так вломились… – сказала Элена, но Соломон Гурски все стоял и смотрел на реконструированных мертвецов с таким выражением лица, будто узрел нечто за пределами реальности – может, самого Господа Бога.

– Здесь народ ко всему привыкает. – Улыбка Хорхе – рана, на которой разошлись швы. – В Реденсьоне живут лишь слегка чокнутые и те, кому некуда идти.

– Она была очень красивая, – сказала Елена.

– Она и сейчас красивая.

Пыль искрилась в луче послеполуденного света, который падал через окно.

– Сол?

– Да. Иду.

Алмазную кассету извлекли из резервуара через двадцать пять минут. Хорхе помог Солу приладить ее к заднему колесу велосипеда стоимостью две штуки норте-долларов. Сол покатался вокруг мастерской и дома Хорхе, где немигающие подобия умерших медленно покрывались пылью. Он попробовал переключать скорости туда-сюда. Первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая. Шестая, пятая, четвертая, третья, вторая, первая. Затем заплатил Хорхе пятьдесят норте-баксов – вот и все, что хозяин мастерской попросил за свои алмазные шестерни. Элена помахала Хорхе на прощание, когда они выезжали из Реденсьона по шоссе. Элена и Сол занялись любовью при свете костра на вершине горы Пресвятой Девы, на ковре из сосновых иголок, под крышей из звезд. Такова была стадия их отношений: ненасытное и раскованное стремление к открытиям. Старые мертвецы в долине пробудили в них нетерпение. Потом Сол притих и задумался, а когда Элена спросила, о чем, ответил:

– О воскрешении из мертвых.

– Но они же не воскресли, – возразила она, сразу сообразив, что к чему, потому что на этой звездной вершине увиденное в Реденсьоне тоже не давало ей покоя. – Они были просто… образами. Как картина или фотография. Скульптура. Симуляция.

– Хорхе считает их реальными. – Сол перевернулся на спину и уставился на теплые звезды приграничья. – Он сказал, что разговаривает с ними. Если бы наномастерская смогла сделать так, чтобы они двигались, дышали и отвечали, он бы и на это пошел – и кто бы тогда смог заявить, что они нереальны?

Элена прижалась к нему, дрожа.

– Что такое?

– Просто вспомнила их лица и представила себе, как в

реакторной камере, такой холодной и пустой, по ним ползают текторы.

– Да уж…

Оба достаточно долго молчали, чтобы узреть движение звезд. Затем Соломон Гурски почувствовал, как в нем опять пробудился жар. Он повернулся к Элене и ощутил тепло ее тела, стремясь к своей второй маленькой смерти.

Вторник

Иисус раскапризничался в пластиковой переноске для кошек: стал качаться из стороны в сторону, трясти решетку. Сол Гурски опустил переноску на сетчатое покрытие посадочной площадки и поискал взглядом конвертоплан в охристом мареве смога. Фотохромные молекулы в его радужках переключились в режим поляризации: еще один жаркий, ослепительный, ядовитый день в городской агломерации Трес-Вальес.

Иисус теперь вопил.

– Да заткнись ты, черт возьми, – прошипел Сол Гурски и пнул переноску. Иисус что-то пробормотал и сунул лапы сквозь решетку, пытаясь вырваться на свободу.

– Эй, это всего лишь обезьяна, – сказала Элена.

Но в том-то и проблема. Обезьяны, будучи обезьянами, его раздражали. Частенько приводили в ярость. Маленькие гомункулы, маскирующиеся под людей. Ловкие пальчики, мудрые глазки, выразительные личики. Но содержимое черепной коробки, управляющее пальчиками, так похожими на человеческие, принадлежало тупому зверю – и только.

Сол Гурски знал, что гнев на обезьян был иррациональным. Но все равно наслаждался, когда убивал Иисуса, привязанного к белоснежному лабораторному столу. Выбрил шерсть, мазнул тампоном, ткнул иглой.

Конечно, тогда обезьяна еще не была Иисусом. Просто макака-резус; безымянный, инструмент из плоти и крови. Подопытный образец 625G.

Вероятно, обезьяна вопила из-за смога. Надо было купить ей маску для выгула пуделей. Но она бы просто сорвала ее ловкими человечьими пальчиками. Ума ей хватало ровно на то, чтобы оставаться тупой макакой.

Элена присела рядом с переноской и стала играть со стиснутыми кулачками, просунутыми через прутья решетки.

– Она кусается.

Рука до сих пор ныла. Иисусу сразу же после вытаскивания из резервуара – мокрому, дрожащему, сотрясаемому спазмами – хватило моторных функций, чтобы повернуть башку и прокусить Солу большой палец до кости. Обезьяна-вампир: только нежить так жаждет крови. Ублюдочная тварь. Он бы с удовольствием убил ее снова, если бы смог. Все трое на посадочной площадке подняли головы, когда звук двигателей конвертоплана проступил на фоне шума двух миллионов автомобилей. Летательный аппарат приближался с юга, пересекая долину, а взлетел он с

огромной строительной площадки на бульваре Гувера, где из каменных недр росла новая штаб-квартира корпорады. Он продвигался низко и быстро, носом вниз, кормой вверх – как здоровенный жук, который с восторгом вбирает углеводороды дыхальцами. Пальмы заколыхались, когда он переключил двигатели в вертикальный режим и опустился на площадку исследовательского центра. Сол Гурски и Элена Асадо прикрыли защищенные от солнца глаза от летящей грязи и лиственного мусора.

Перепуганный Иисус заметался в переноске.

– Доктор Гурски. – Кажется, этого корпорадисто Сол раньше не встречал, но трудно было сказать наверняка; Адаму Теслеру нравилось, чтобы личные помощники выглядели так, будто их создали нанотехнологическим методом. – У меня не хватит слов, чтобы передать вам, как взволнован мистер Теслер.

– Летим со мной, – сказал Сол Элене. – Это была твоя идея. – Затем он продолжил, обращаясь к человеку в костюме: – Доктор Асадо должна меня сопровождать.

Элена провела рукой по волосам, развевающимся от ветра, поднятого конвертопланом.

– Вовсе нет, Сол. Это твое дитя. Ты его выносил и родил. И к тому же ты знаешь, я не люблю иметь дело с чинушами.

Последнее было адресовано улыбающемуся личному ассистенту Адама Теслера, но гость уже вел Сола к люку. Сол пристегнулся, и конвертоплан накренился с воем двигателей, набирая высоту. Элена помахала напоследок и скрылась в здании. Он крепко вцепился в переноску и почувствовал, как все внутри сжалось, когда конвертоплан перешел в горизонтальный полет. Мертвая обезьяна в пластиковом ящике что-то бормотала себе под нос, доведенная до крайнего ужаса.

– Что случилось с вашим большим пальцем? – спросил корпорадисто.

Когда Сол открыл резервуар и вытащил Иисуса-резуса из вод возрождения, обезьяна как будто сильнее разозлилась из-за того, что промокла насквозь, чем из-за того, что была мертва. За идеальной паузой последовали одновременно ругательство и кровь, а потом «команда Лазаря» восторженно завопила. Встревоженная улюлюканьем и радостными криками обезьяна заметалась по полу в поисках укрытия. Элена поймала ее, когда животное судорожно – и безуспешно – пыталось запрыгнуть на стол. Она завернула Иисуса в термическое покрывало и сунула беспокойную тварь в бокс для наблюдения. Через час Иисус полностью восстановил контроль моторики: грыз пластиковую тюрьму, искал у себя воображаемых блох и яростно

мастурбировал. Пока курьер сгружал стопки коробок с пиццей и ящики с дешевым мексиканским шампанским, кто-то спохватился и позвонил Адаму Теслеру.

Мертвая обезьяна боялась летать. Она так завывала, что даже пилот пожаловался.

– А ну прекрати! – рявкнул Сол Гурски. Но тварь не желала подчиняться, она раскачивалась на своей голой заднице и знай себе выла.

– Как вы разговариваете с существом, которое изменило ход истории? – сказал ассистент Теслера. Он с ухмылкой заглянул через прутья решетки, пошевелил пальцами, прищелкнул языком. – Привет, малыш. Как его зовут?

– Вообще это маленькая сучка. Зовем ее Иисусом, а еще Невестой Франкенштейна.

«Вот его могла бы цапнуть», – подумал Соломон Гурски, пока под брюхом конвертоплана корпорады «Теслер» проплывали десять тысяч бассейнов, блестящих, словно осколки зеркала.

Творения Франкенштейна были мертвы. Вот в чем суть. А заодно и откровение. Наступила Эпоха Всемогущества, но оказалось, что недостаточно возможности превратить одно в другое, ведь была одна вещь, которую текторы «Нанозиса», «Аристид-Тласкальпо» и других флагманов нанотехнологической революции не могли превратить ни во что, и этой вещью оказалась смерть. Слова пионера нанотехнологий отразили надежду и разочарование Эпохи Всемогущества. Постулат Уотсона: «Забудьте о превращении мусора в нефть или астероидов – в груды „фольксвагенов“, а также о том, чтобы повесить в гостиной точную копию Ван Гога. Первое, что мы получим от нанотехнологий – бессмертие». Пять миллиардов тихоокеанских долларов, потраченных на исследования, опровергли мнение Уотсона. То, к чему прикасались текторы, они преобразовывали; то, что текторы преобразовывали, они убивали. Команда Гурски-Асадо опередила своих соперников в создании вирусных репликаторов, которые проникали в живую клетку и превращали ее в другую матрицу на основе текторов, а потом создавали из ДНК миллионы копий. Алгоритм опирался на смертоносную точность карцином. Гурски-Асадо провели испытания под микроскопом и в пробирках. Далее они назвали другую макаку-резуса Франкенштейном и ввели ей текторы. А потом Сол и Элена вынуждены были наблюдать, как микроскопические машины медленно преобразуют тело макаки в нечто чудовищное даже по сравнению с гангреной.

Элена хотела избавить животное от мук, но они не могли открыть резервуар, опасаясь заражения. Все закончилось через

неделю.

Монстр развалился на части. Вот в чем секрет. Асадо и Гурски вспомнили тот жаркий день, когда в местечке под названием Реденсьон Солу собрали алмазную велосипедную кассету.

Если смерть была сложной конструкцией, состоящей из множества уровней – микросмерть, минисмерть, малая смерть, средняя смерть, – жизнь могла подчиняться той же иерархии. Нарастание антиэнтропии. Пирамида как прообраз жизненного развития. Следствие Гурски из постулата Уотсона: «Первое, что мы получим от нанотехнологий – воскрешение мертвых».

Из янтарной дымки выросла Темная Башня. Тайная шутка Сола и Элены вышла из-под контроля и размножилась; теперь все в отделе исследований и разработок называли стройку Адама Теслера «Барад-Дуром в Мордоре», под покровом смога. Сам Адам Теслер был Всевидящим Оком, не знающим отдыха.

Количество уровней перемахнуло за пятьдесят, но строительство даже не думало замедляться. По мере того, как каждая новая секция затвердевала и впадала в спячку, в корпоративную штаб-квартиру Адама Теслера въезжало очередное подразделение. Текторы не могли сказать, когда все остановится. Может, через километр-полтора конструкция стабилизируется, и они умрут. Сол ненавидел эти лоснящиеся черные наросты и зубцы, гибрид геологического образования и раковой опухоли. Или, может, творение в стиле Гауди, но из дерьма.

Конвертоплан поднялся высоко над стройкой, зафиксировал координаты в навигационной сетке и заложил вираж. Сол заглянул в разинутую черную пасть.

Атомы могут собраться во что угодно, сказал парень, которому принадлежала наномастерская. Сол забыл его имя. Атомы живых и мертвых одинаковы.

Они начали с малого: инфузории туфельки, амебы. Не совсем живые твари. Беспозвоночные. Ожившие тараканы носились на тонких лапках внутри прозрачного бокса. Биологическая машина, нанотехнологическая машина – все равно машина. Машина выживания. Одна проблема с этими гаденышами: теперь их нельзя было растоптать. Они возвращались. Казалось бы, зачем воскресать, если тебя опять настигнет смерть?

Но тараканы возвращались, снова и снова.

На этот раз Сол осторожничал, хотел медленно проработать всю эволюционную цепочку. А вот Элена жаждала лобовой атаки. Обезьяна! Разберись с обезьяной, и с человеком тоже получится. Сол наблюдал, как текторы роились над трупом, сдирая кожу,

объедая плоть, растворяя кости. Потом наномашины воссоздали обезьяну. Зверек лежал в жидкости целый и невредимый, однако, судя по приборам, мертвый. Но вот на прямой линии возник изгиб, за ним другой, и еще одна линия стала дергаться, вторя первой, за нею третья; в конце концов они вместе заплясали на мониторе контроля жизненных функций: мертвое воскресло. Конвертоплан начал снижаться к помеченному белым крестом центру посадочной площадки на стене растущей башни. Готово. Транспорт покачнулся на посадочных опорах, похожих на лапки жука. Знак «Пристегнуть ремни» погас, трап опустился.

– Веди себя прилично, – сказал Соломон Гурски Иисусу.

Всевидящее Око ждало у входа в башню. Темного властелина сопровождали приспешники.

– Сол.

Рукопожатие было теплым и крепким, но Сол Гурски никогда не доверял Адаму Теслеру за все годы, что знал его: ни как студенту-наноинженеру, ни как главе самой быстро развивающейся нанотехнологической корпорады в Сфере совместного процветания Тихоокеанского региона.

– Значит, вот и оно? – Адам Теслер присел на корточки и подозвал обезьянку, цыкая языком.

– Оно кусается.

– Понимаю. – Иисус схватил Теслера за большой палец своей крошечной розовой рукой гомункула. – Итак, ты победил главного врага человечества.

– Не победил. Придумал, как его обмануть. Это воскрешение, а не бессмертие.

Адам Теслер открыл клетку. Иисус по руке вскарабкался на плечо его костюма от Скарпаччи. Теслер пощекотал обезьяне мохнатый животик.

– А люди?

– Разница между ее ДНК и нашей – десятая доля процента.

– А-а. – Адам Теслер закрыл глаза. – Задача усложняется.

Соломон Гурски ощутил страх, похожий на приступ тошноты.

– Оставьте нас, пожалуйста, – сказал Адам Теслер своим помощникам. – Я присоединюсь через минуту.

Не говоря ни слова, они направились к конвертоплану.

– Адам?

– Сол. Почему ты это сделал?

– О чем ты говоришь, Адам?

– Ты знаешь, Сол.

На мгновение Сол Гурски умер на посадочной площадке пятьдесят третьего уровня башни корпорады «Теслер». Затем вернулся к жизни и с холодной, прекрасной ясностью осознал,

что может говорить, что должен говорить, поскольку он мертв и ничто не в силах причинить ему вред.

– Многовато для единственной персоны, Адам. Это тебе не сборка машин, выращивание домов или нанопроизводство лекарств на заказ. Воскрешение мертвецов. Всех и каждого, отныне и до конца вселенной. Нельзя допустить, чтобы ты владел этим в одиночку. Даже у Бога не может быть монополии на вечную жизнь.

Адам Теслер вздохнул. Темные фотохромные радужки делали его взгляд непроницаемым.

– М-да. И сколько времени это длится?

– Тринадцать лет.

– Я думал, что знаю тебя, Сол.

– А я думал, что знаю тебя. – Воздух на высокой платформе был чистым, свежим и прозрачным. – Как ты узнал?

Адам Теслер погладил обезьяну по голове. Она оскалила зубы и попыталась оттолкнуть его руку.

– Можешь выходить, Мариса.

Сол знал эту высокую, мускулистую женщину, что вышла на посадочную площадку. Знал по туристическим пирамидам на Юкатане, лыжному курорту на Аляске, игорному комплексу, построенному на наноинженерном коралловом рифе в Южно-Китайском море. По секретным переговорам, защищенным каналам связи и встречам украдкой помнил, что голос у нее мягкий, тихий, с легким австралийским акцентом.

– Ты одевалась лучше, когда работала на «Аристид-Тласкальпо», – сказал Сол.

Женщина была в повседневном наряде из смарткожи. Она улыбнулась. Раньше у нее и улыбка была лучше.

– Почему они? – спросил Адам Теслер. – Ты мог продаться кому угодно, а выбрал этих клоунов!

– Потому и выбрал, – парировал Соломон Гурски. – Знай, что Элена с этим никак не связана.

– Я в курсе. Ей ничего не грозит. На данный момент.

Тогда Сол Гурски понял, что сейчас произойдет, и задрожал от внезапной настоятельной потребности кое-что уничтожить, прежде чем уничтожат его. Усилием воли он подавил дрожь ярости, протянул руку обезьяне и щелкнул пальцами. Иисус нахмурился и перескочил с плеча Теслера на руку Сола. В одно мгновение тот скрутил зверька и сломал ему шею. Потом швырнул конвульсивно дергающийся труп на красное сетчатое покрытие посадочной площадки.

– Понимаю, – сказал Адам Теслер. – Но она вернется, снова и снова. – Он повернулся, стоя на нижней ступеньке трапа. – Сол,

ты хоть представляешь себе, как я разочарован?

– А мне насрать! – заорал Соломон Гурски, но его слова потонули в реве двигателя. Конвертоплан поднялся и устремился над сетью улиц огромного города к северным холмам. Сол Гурски и Мариса остались одни на платформе.

– Валяй! – крикнул он.

Восхитительные мышцы были усилены искусственно; пальцы схватили его за шею и оторвали от земли. Сол хватал ртом воздух, пытался пнуть убийцу. Она поднесла его к краю платформы, держа одной рукой.

«Валяй», – попытался вновь сказать он, но из стиснутого горла не вырвалось ни звука. Мариса с улыбкой держала его над пустотой. Он обгадился и тотчас же ощутил экстаз; понял, что давно мог его испытать, ибо такова была причина, по которой взрослые запрещали это первобытное удовольствие. Сквозь кровавый туман Сол увидел крошечное скрюченное тельце Иисуса: обезьяна медленно ползла к нему, цепляясь за сетку розовыми человеческими пальцами, запрокинув голову и глядя широко открытыми глазами на солнце. Хватка женских пальцев наконец-то разжалась, и Сол шепнул «спасибо», падая навстречу суровому, мертвенно-белому свету бульвара Гувера.

Среда

Вечером сегуридадос вышли на бульвары, чтобы поохотиться на мертвецов-нарушителей. Мясо: чудовища, пресыщенные толстосумы-серристос, мужчины и женщины, которым необычайно нравилось изображать ангелов *Настоящей смерти* в мире, где всякая другая смерть была временной. Мясо было ходячим кошмаром, а вот машины поражали красотой. Мехадоры: роботы-богомолы с клювами из ванадиевой стали и двумя скорострельными установками МИСТ-27, выпускающими пятьдесят самонаводящихся дронов в секунду. Каждый за полсекунды до цели разлетался на рой дротиков. Пятнадцать органов чувств широкого спектра анализировали окружающий мир; машины маневрировали на сфокусированных импеллерных полях. И они не знали ни сомнений, ни милости. Прекрасная *Настоящая смерть*. Окно в доме на холме было большим и широким, и мужчина стоял посередине, наблюдая за охотой мехадоров. Их было четверо, по паре на каждую сторону проспекта. Один – с надписью «Истребитель мертвяков» на тектопластиковой шкуре – перемахнул через живую изгородь возле дома Сифуэнтесов, использовав единственный импульс направленной электрогравитации. Дальше робот полетел над лужайкой, вертя клювастой башкой. Приостановился, просканировал окно. Наблюдатель на миг встретился взглядом с его скоплением из пяти глаз. Потом охотник двинулся дальше. Импеллерные двигатели оставляли на бритом газоне вихреобразные узоры. Наблюдатель следил за мехадорами, пока они не скрылись из виду, и им на смену пришли сегуридадос в вычурных доспехах, грозя воображаемым нарушителям до нелепости мощным оружием.

– Теперь это происходит каждую ночь, – проговорил наблюдатель. – Они начинают бояться.

Тотчас же в большой комнате с деревянным полом появилась женщина, одетая в виртком6. Оборванные усики втягивались в узловые точки костюма, указывая на то, как быстро она вырвалась из паутины. Вид у женщины был мрачный и очень злой. А еще испуганный.

– Клянусь Иисусом, Иосифом и Марией, сколько можно повторять? Держись подальше от окна. Если поймают, тебе крышка. Снова. Навсегда!

Соломон Гурски пожал плечами. За те несколько недель, что он прожил в ее доме, женщина возненавидела этот жест. Он безошибочно выдавал в госте мертвеца и приносил холод бездны

в ее большой, теплый и красивый дом в холмах.

– Это все меняет, – сказал мертвец.

Элена Асадо натянула брюки из смарткожи и сетчатый топ поверх вирткомба. Став предательницей, она носила эту штуку круглосуточно. По двенадцать часов кряду проводила в паутине, подключив глаза, уши, нос и душу, сражаясь с человеком, который убил ее возлюбленного. С таким же успехом можно бороться с Богом, думал Соломон Гурски долгими пустыми часами в просторных, залитых светом комнатах. Адам Теслер – владыка жизни и смерти. Элена снимала вирткомб, только чтобы помыться и испражниться, а также рано утром, в те синие рассветные часы, что случались лишь в этом городе, когда они хладнокровно занимались любовью на большой белой кровати. Время и гнев сделали ее худой и жесткой. Она коротко подстриглась. Элена Асадо была натянутой струной; она отказалась от женственности из-за жажды отомстить Адаму Теслеру, разрушив мировой порядок, возникший благодаря подаренной им возможности воскреснуть из мертвых.

Впрочем, нет. Это был никакой не подарок. Адам Теслер не был Иисусом, удостаивающим жизни вечной любого, кто верует. От веры никакой пользы. Он отнимал у человека все, кроме души. Те, кто мог оплачивать страховку «инморталидад», после смерти просыпались без долгов. Остальные девяносто процентов восставших из мертвых отрабатывали спасение в соответствии с кабальными контрактами, которые заключали с Домом смерти – агентом корпорады «Теслер-Танос», специализирующимся на вопросах воскрешения. Contratos[225] заключались на века. У мертвых времени было в избытке и стоили они дешево.

– Их встревожила история с «Эварт-ОзВест», – сказала Элена Асадо.

– Горстка contratados[226] на каком-то астероиде отказывается выполнять свои контракты, и все сразу решили, что сейчас небо рухнет им на головы?

– Эта горстка называет себя «Свободными мертвецами», – сказала женщина-мясо. – Когда что-то называют по-особенному, значит, оно обладает силой. Все поняли, что это лишь начало. «Эварт-ОзВест», а также прочие орбитальные и космические производственные корпорады всегда знали, что за пределами Земли не смогут обеспечивать выполнение контрактов. Они уже проиграли. Космос принадлежит мертвецам.

Сол пересек большую комнату и подошел к другому окну, безопасному, откуда открывался вид с высоких холмов на ночной город. Стекло развоплотилось от прикосновения ладони. Ночь, городская ночь, пронизанная ароматами можжевельника, похоти,

дыма и сумеречными отголосками дневного зноя, змеей обвилась вокруг него. Сол подошел к перилам балкона. Мерцающие бульвары напоминали карту нейронных соединений, но в центре простиралось огромное темное пятно – амнезия, аморфная зона, лишенная света, отменяющая геометрию уличных сетей. Гетто Святого Иоанна. Некровиль. Обитель мертвых. Город мертвецов, город в городе, окруженный стенами и рвами, охраняемый теми же стражами, которые патрулировали бульвары. Город, живущий от одного комендантского часа до другого. С наступлением сумерек в двадцати километрах над агломерацией Трес-Вальес начинало пульсировать красным искусственное полярное сияние: небесный знак, приказывающий всем трем миллионам мертвых вернуться с улиц, принадлежащих живым, в свои некровили. Они проходили через пять ворот в виде массивной буквы V, пересеченной горизонтальной линией. Нисходящая линия – жизнь плоти, подчиненная энтропии; восходящая – вечная жизнь воскрешенных; разделяющая линия символизировала смерть. А еще – закон. Мертвому мертвое, живому живое. Они были несовместимы, как ночь и день. Таким же знаком была помечена ладонь каждого, кто вышел из Резервуаров Иисуса в Доме смерти.

Нет, подумал Сол. Не все возвращаются с того света со стигматами. Не все соблюдают комендантский час. Он поднес ладонь к лицу, изучая линии и складки, как будто искал начертанную там судьбу.

Сол видел знак смерти на ладони уборщицы Элены и то, как он пульсировал в такт полярному сиянию.

– Все еще не верится, что это по-настоящему?

Он не услышал, как Элена тоже вышла на балкон. Он ощутил прикосновение ее руки к волосам, плечу, обнаженной руке. Кожа к коже.

– Индейский народ не-персе верит, что конец света наступил на третий день существования мира, а вся наша жизнь – сон последней ночи. Я упал. Я столкнулся с тем белым светом, и удар был сильный. Свет оказался твердым, как алмаз. Может, мне снится, что я живу, и мои сны – последние, разбитые вдребезги моменты жизни.

– Думаешь, тебе могло присниться что-то подобное?

– Нет, – сказал он после паузы. – Я больше ничего не понимаю. Не могу взять в толк, как все это стыкуется с моими последними воспоминаниями. Слишком многого не хватает.

– Я не могла действовать, пока не убедилась, что он меня не заподозрит. Он основательно все продумал.

– Не сомневаюсь.

– Ни секунды не верила в историю о крушении

конвертоплана. У вселенной случаются приступы черного юмора, но она не бывает такой аккуратной… – Помолчав, она прибавила: – Часто думаю о бедолаге-пилоте, которого он тоже убил, просто чтобы картинка окончательно сложилась.

По воздуху к ним долетели отзвуки барабанного боя из мертвого города. Близился великий праздник – Ночь всех мертвых.

– Пять лет, – проговорил Сол.

Элена вздохнула, и он понял, что она сейчас скажет – и что за этим последует.

– На что это похоже – быть мертвым?

За несколько недель в заточении в доме среди холмов незаконный мертвец, не имеющий ни печати, ни контракта, понял, что она не спрашивала о воскрешении как таковом. Она хотела узнать о тьме, которая ему предшествовала.

– На пустоту, – ответил мертвец, как всегда, однако это была не совсем правда, потому что «пустота» – продукт человеческого сознания, а тьма за пределами разрушительно жесткого света, к которому он летел с предельной скоростью, падая на бульвар Гувера, была концом всякого сознания. Никаких снов, времени, чувства утраты, темноты. Ни-че-го.

Теперь ее пальцы гладили его кожу, словно пытаясь уловить отголоски холодной пустоты. Он отвернулся от города, поднял ее на руки и отнес на большую пустую кровать. Месяца новой жизни хватило, чтобы усвоить правила игры. Он взял ее на широкой белой постели, озаренной сиянием города, и все произошло холодно и шаблонно, как и раньше. Он знал, что для нее это нечто большее, чем секс с возлюбленным, вернувшимся из ссылки. По подергиванию и напряжению мышц чувствовалось, что особенным для женщины было то, что он мертв. Это восхищало и отталкивало ее. Он подозревал, что она не способна испытывать оргазм с себе подобным мясом. Он превратился в фетиш, но его это не встревожило. Тело, некогда известное как Соломон Гурски, знало еще одну вещь, которую могли знать только мертвые. Воскресало не все. Форма, самость, разум возвращались, а вот любовь не могла пройти сквозь врата смерти. Элене нравилось, когда он после всего снова и снова рассказывал о своем воскрешении: о моменте, когда *ничто* стало *чем-то*, и он увидел над собой ее лицо в вихре текторов. Этой ночью он не стал рассказывать. Он задал вопрос.

– Каким я был?

– В смысле, как выглядело твое тело? – уточнила она. Он не возразил. – Хочешь еще раз посмотреть фотографии из морга?

Обугленная ухмылка трупа запечатлелась в его памяти. Руки

прижаты к бокам. Вот как она сразу все поняла. Жертвы огня умирали с поднятыми кулаками: они пытались бороться со своей погибелью.

– Даже после эксгумации я не могла тебя вернуть. Знаю, ты говорил, что, по его словам, на тот момент мне ничего не угрожало, но прошло слишком мало времени. Технология была еще недостаточно развита, и он бы все сразу понял. Прости, мне пришлось держать тебя в холодильнике.

– Да я и не заметил, – шутливым тоном ответил он.

– Я сразу решила, что сделаю это. Я все спланировала: выбраться из «Теслер-Танос», арендовать нелегальный резервуар Иисуса в некровиле Святого Иоанна. Дом смерти не знает и десятой доли того, что там происходит.

– Спасибо, – сказал Сол Гурски, а потом почувствовал… нечто. Ощутил и осознал так же отчетливо, как часть собственного тела. Элена заметила, как он напрягся.

– Опять воспоминания о прошлом?

– Нет, – сказал он. – Наоборот. Вставай.

– Что?

Он уже натягивал одежду из кожи и шелка.

– Тот иммунитет от опасности, который предоставил тебе Адам…

– Да?

– Он только что закончился.

Автомобиль преобразился, стал низким и быстрым. На повороте, где улица резко уходила вниз по склону холма, оба ощутили волну: что-то большое и совершенно бесшумное пролетело над крышами домов.

– Бросаем машину, – приказал Сол.

Двери автомобиля распахнулись, как крылья чайки. Через три шага дом за спиной вспыхнул ослепительно белым светом и взорвался. Их как будто потянуло к центру аннигиляции, а потом ударная волна обрушилась на Сола и Элену, машину, бездомных на обочинах. Сквозь вой домашних сигнализаций, крики домовладельцев, шум и гул пожара Сол услышал, как летательный аппарат развернулся над испарившейся гасиендой. Он схватил Элену за руку и бросился бежать. Конвертоплан пронесся над ними, и машина исчезла в белой вспышке.

– Господи, это же нанотоковые ракеты!

Элена ахнула, когда они почти что кубарем покатились через многоярусные террасные сады. Конвертоплан развернулся в вышине, затмевая туманные звезды; он был охотником, который выслеживал жертву с помощью нечеловеческих органов чувств. Ниже среди садов мелькнули отряды сегуридадос.

– Как ты узнал? – выговорила Элена на бегу.

– Почуял, – сказал Соломон Гурски.

Они вломились на вечеринку у бассейна, заставив вакханцев-серристос броситься врассыпную. Вперед, вперед! Кибер-гончие рычали и высматривали беглецов удлиненными красными глазами; домашние защитные сети просыпались, фотографировали, вызывали полицию.

– Почуял? – переспросила Элена Асадо.

Универсалы и капсульные авто исчертили асфальт дымящимися гексаграммами, когда Сол и Элена выскочили на шоссе с примыкающей улочки. Сигналы. Фары. Яростные ругательства. Скрежет колес. Визг тормозов. Треск тектопластика умножился вдвое, втрое. На западной автомагистрали собралась гора металлолома. С правой стороны дороги у тортильерии – забегаловки с бутербродами – стояло такси-мопед. Cochero[227] с радостью отказался от энчилад в обмен на черный нал от Элены. Шорох и звяканье денег.

– Куда едем?

Разрушения, которые учинили пассажиры, его впечатлили. Водители такси повсеместно ненавидят чужие авто.

– Вперед, – сказал Соломон Гурски.

Такси выехало на шоссе.

– Он все еще там, – сказала Элена, щурясь из-под тента на ночное небо.

– В таком потоке машин они ничего не смогут сделать.

– Там, на холмах, это никого не остановило. – Затем: – Ты сказал, что «почуял». В каком смысле?

– Когда ты мертв, ты ощущаешь смерть, – сказал Соломон Гурски. – Ее лицо, маска, запах – они тебе знакомы. У нее есть аромат, его можно почувствовать издалека, это как феромоны притягивают мотыльков. Его приносит ветром времени из будущего.

– Эй, – сказал cochero; нищее, но живое мясо. – Знаете что-нибудь об этом большом бабахе на холмах? Что это было – конвертоплан упал или как?

– Или как, – сказала Элена. – Не останавливайся.

– Но вы так и не объяснили, куда ехать, леди.

– В некровиль, – сказал Соломон Гурски. Святой Иоанн. Город мертвых. Место за пределами закона, морали, страха, любви – всего, что связывает живых крепкими узами. Город изгоев. Элене он сказал: – Если собираешься свергнуть Адама Теслера, придется сперва покинуть изведанный мир. – Он сказал это по-английски. Слова были тяжелыми и оставляли странный привкус на губах. – Придется стать одной из обездоленных. Мертвых.

Попытка проехать через флуоресцентные V-образные врата некровиля означала бы верную смерть, все равно что превращение в горячую ионную пыль в нанотоковой вспышке. Такси-мопед прокралось мимо самурайских силуэтов сегуридадос. Сол велел таксисту остановиться под пыльными пальмами на пустынном бульваре возле колючей проволоки – границы Святого Иоанна. Обочины бульвара, покинутого живыми, зарастали буйной травой, бассейны покрылись водорослями и кувшинками, роскошные дома в испанском стиле медленно разрушались под натиском собственных садов.

Cochero содрогнулся от жути, а Солу понравилось. Эти места были ему знакомы. Маленькая машинка отъехала и поспешила к краям живущих полноценной жизнью.

– Тут повсюду водопропускные трубы, – сказал Сол. – Некоторые идут прямо под периметром, в некровиль.

– Снова твое чутье мертвеца? – спросила Элена, когда он нырнул в заросший зеленью проулок.

– В некотором смысле. Я вырос в этих местах.

– Я не знала.

– Значит, я могу доверять своим ощущениям.

Она приостановилась.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– Что именно ты восстановила, Элена?

– Воспоминания принадлежат тебе одному, Сол. Мы когда-то друг друга любили.

– Когда-то… – повторил он и почувствовал, как по коже пробежал статический разряд, как будто пальцы Элены прошлись по нему с головы до пят. Это было не психическое ощущение близости смерти. Это была физика – ласка сфокусированных гравитационных полей.

Они были у поворота, когда с крыши одной из старых заплесневелых residencias начали мягко спрыгивать мехадоры. Мимо заросшего сорняками теннисного корта шла дренажная канава, огороженная ржавой колючей проволокой. Сол одним рывком снял целую секцию забора. Адам Теслер воскрешал мертвых сильными и быстрыми. Спрыгнув в неглубокую вонючую воды, они подбежали к ржавой решетке в водопропускной трубе.

– Теперь проверим, восстановил ли резервуар Иисуса все как следует, – сказал Сол, пиная решетку. – Если мои воспоминания верные, мы окажемся в Святом Иоанне. Если нет – через три дня будем болтаться в заливе с выеденными хлором глазами.

Они шмыгнули в трубу, когда мимо промчался мехадор. От текторного залпа МИСТ-27 полетели брызги воды и комья грязи. Мертвец и живая женщина с плеском скрылись во тьме.

– Он тебя любил, – сказал Сол. – Такова подоплека его поступков. Он ревнивый Бог. Я всегда знал, что тебя он хотел больше, чем сучку, которую зовет женой. Пока я был мертв, он мог притворяться, что между вами все возможно. Он мог делать вид, что не замечает твоей деятельности – Элена, в одиночку ты не могла ему навредить. Но стоило тебе вернуть меня к жизни, и спектакль завершился. Он уже не мог закрывать глаза на происходящее. Он тебя не простил.

– Какой милый Господь… – проговорила Элена.

Вода кружилась у ее ног, обтянутых кожаными штанами. Впереди появился круг света: люк на какой-то из улиц некровиля. Они недолго постояли внизу, чувствуя, как свет города мертвых прикасается к лицу. Элена потянулась к решетке. Соломон Гурски ей помешал, повернул ее руку ладонью кверху.

– Один момент, – сказал он, а потом выковырял из стены туннеля острый осколок бетона и тремя сильными, безжалостными движениями вырезал на ее ладони знак смерти: букву V, рассеченную горизонтальной полосой.

Четверг

Он удалился по хребту электромагнитной катапульты на три километра, когда флот ударил по «Марлен Дитрих». Комета «Святая Джуди» находилась в пяти астрономических единицах от перигелия и вне эклиптики, клада отклонилась на тридцать шесть градусов – и все же на миг в небе вспыхнули два солнца.

Складки прозрачной тектопластиковой кожи на лице Соломона Гурски потемнели. Он вцепился верхними руками в паутинный корпус межзвездного двигателя, дрожа от воспринятой электромагнитными чувствами ударной волны, спровоцированной превращением пятидесяти минитоковых боеголовок в гигаватты жесткого излучения. Предсмертный вопль маленького государства. В лабиринте туннелей, пронизывающих астероид, обитали три сотни Свободных мертвецов. «Марлен Дитрих» была ядром восстания. Корпорады знали толк в мщении. Лицевой щиток Соломона Гурски вновь сделался прозрачным. Умирающая «Марлен Дитрих» сияла недолго, но инфракрасным зрением он видел, как угли продолжают тлеть на фоне звездного неба.

«Ты почувствовал?» – раздался внутри черепа голос Элены.

Она пребывала в командной утробе в полукилометре от поверхности ядра, но воспринимала вселенную через идентичностные ссылки на сенсорную паутину в коре кометы и мириады кораблей-шпионов размером с бактерию, кишащие в зыбком облаке из газа и пыли.

«Я видел», – беззвучно произнес Соломон Гурски.

«Теперь они займутся нами».

«Думаешь?»

Перебирая нижними руками, Сол продвигался вдоль тонкого хребта катапульты к месту, куда попал микрометеорит.

«Знаю. Когда сенсоры дальнего действия снова заработали после взрыва, мы уловили сигнатуры импульсных термоядерных двигателей».

Сол продолжал ползти. Одна из первых вещей, которые узнаешь, когда тебя изменяют Свободные мертвецы: в космосе все зависит от точки отсчета. Треть пути вдоль девятикилометровой электромагнитной катапульты, на которую насажена комета из облака Оорта весом в несколько миллиардов тонн: нельзя думать о том, где тут верх, а где низ. «Верх» – и закружится голова, «низ» – и двухкилометровая сфера грязного льда повисла над тобой, подпертая ниточкой сверхпроводящего тектопластика. «Извне» – единственный способ осмыслить увиденное и не сойти с

ума. На происходящее следовало взирать со стороны.

«Сколько двигателей?» – спросил Сол.

Ударный кратер подсвечивал сам себя; смартпластик флуоресцировал оранжевым при повреждении.

«Восемь».

Беззвучное ругательство.

«Ребята на „Марлен Дитрих“ даже испугаться не успели. Сколько у нас времени?»

Элена переслала расчеты через эм-канал прямо на его зрительную кору. Светящиеся кривые рассекли тьму и время, обрисовали гравитационные зоны Юпитера. Сохранив текущее ускорение, флот Земли окажется на расстоянии удара через восемьдесят два часа.

Шел двенадцатый год космической войны. Обе стороны решили, что он станет последним. Война Ночных вахтовиков завершится чьей-то победой. Изгои, присоединившиеся к первоначальному бунту работников «Эварт-ОзВест», называли себя кладами и были горсткой редутов, разбросанных по Солнечной системе на ужасающем расстоянии друг от друга. «Марлен Дитрих», первой провозгласившая независимость. «Неруро» – наполовину законченное двадцатикилометровое колесо из тектопластика, дополненное цилиндрами О'Нила, сельскохозяйственными резервуарами и жилыми обиталищами; будущая столица космических мертвецов. «Арес Орбитальный», грезящий внутри пористых, как пемза, Фобоса и Деймоса о терраформированном Марсе. «Бледные Галилеяне»[228], скользящие по обледенелым пейзажам Европы на невероятном плоту из такелажа и рангоута. «Спутники-Пастухи», обитающие на краю бездны, ловящие солнечный ветер в кольцах Сатурна. Глушь, дебри, космические фавелы; но украденные нанотехнологии пришлись как нельзя кстати в среде, где не было недостатка в энергии. Это была необъятная экологическая ниша. Свободные мертвецы понимали, что в конце концов им достанется вселенная. Мясные корпорады отступили на орбиту родной планеты. На время. Когда они все же нанесли удар, то действовали решительно. Клада Циолковского на обратной стороне Луны погибла первой, когда боевые группы корпорад устремились в атаку. Тонкую пленку тектоформированного вакуумного леса, покрывавшего кратер, выжгло потоком альфа-частиц. К последнему залпу на месте старой базы лунных шахтеров с ее туннелями и забоями появился новый кратер пятикилометровой глубины из светящегося туфа. Луна содрогнулась на своей орбите, и земные приливы и отливы едва не сбились с ритма.

Подлинная *Настоящая смерть*.

Боевые группы двинулись к основным целям. Корпорады не теряли времени зря, пока были заперты внутри земной атмосферы. У них появились новые корабли, поджарые, быстрые и коварные, состоящие из многочисленных пусковых установок, прикрепленных к импульсным термоядерным двигателям, развивающим гиперскорость, и пилотов, повисших в амортизационном геле, словно мухи в янтаре, подключенных через все телесные отверстия к громадным боевым виртуализаторам.

Оказалось, что у тринадцатилетних мальчишек наилучшее сочетание скорости реакции и злобности. И вот разъяренные подростки варварски уничтожили кладу «Марлен Дитрих». Выпотрошили «Арес Орбитальный». «Неруро», где базировалась значительная часть флота кораблей-хлопушек, продолжал отчаянное сопротивление. Два корабля корпорады отправили к Юпитеру. Орбитальная механика предоставила беззащитным «Бледным Галилеянам» пятнадцать месяцев, чтобы осмыслить грядущую аннигиляцию.

И все-таки семя улетело, подумал Соломон Гурски, уцепившись за корпус электромагнитной катапульты кометы «Святая Джуди». Там, куда они направляются, их не достанут ни самые мощные корабли, ни самые дрянные мальчишки. Удар микрометеорита сбил с толку тектопластик с его ограниченным интеллектом: волокна и нити смартполимера скручивались и копошились, стремясь восстановить целостность и вновь обрести цель. Сол возложил на поверхность верхние руки, представил себе, что приказ сочится вместе с потоком текторов через приспособленную к вакууму шкуру.

Промелькнула мысль: ах, Адам, какие чудесные, изумительные настали времена. Мы творим с помощью твоей магии вещи, о которых ты даже не мечтал – и ты нам так завидуешь, что готов разнести на фотоны.

Брешь была устранена. Катапульта задрожала и выбросила в космос порцию материи, а за ней другую, третью. И Сол Гурски, вновь ползущий по конструкции, которая уносила его к звездам, вдруг понял, что собой представляет «Святая Джуди». Шар из неровного льда, волочащий за собой длинный хвост. Не просто семя, а сперматозоид, плывущий сквозь безграничную тьму. Так человечество оплодотворяет вселенную. Комета «Святая Джуди». Миниатюрная, как и вся ее родня из облака Оорта: две целых восемь десятых на один и семь десятых на две целых две десятых километра. (Подумайте о деформированной картофелине, которую отодвигаете на край тарелки; от еды, которая выглядит

так причудливо, точно будет расстройство желудка.) Тощая – шестьдесят два миллиарда тонн. Эта беспризорница медленно и одиноко брела обратно во тьму окраины Солнечной системы после часа, проведенного в тепле (но не слишком близко, а то нос облезет), и тут ее схватили мертвецы, ощупали со всех сторон, засунули что-то в задницу, покопались во внутренностях, вынудили совершать странные и противоестественные поступки – например, ежесекундно извергать тонны собственного тела со скоростью, составляющей немалый процент от световой. Эй, подруга, ты больше не комета! Ты звездолет. Взгляни-ка вон туда, на созвездие Лебедя, чуть левее большой и яркой звезды…

Там есть еще одна, тусклая звездочка, но тебе ее не видно. Вот куда ты направляешься, малышка «Святая Джуди». Прихвати попутчиков. Путь будет долгий. А что же мы там обнаружим, когда прибудем? Вокруг 61 Лебедя на том же расстоянии, что Сатурн от Солнца, вращается здоровенный газовый сверхгигант, настоящий звездный мачо – вот он-то нам и нужен. Спутников у этого мачо видимо-невидимо, и какой-то из них точно подойдет для жизни земного типа. А если даже не подойдет, какая разница? Текторам все равно, что терраформировать: астероид, комету или спутник газового сверхгиганта. Надо просто оценить фронт работ. Понимаешь, Джуди, мы взяли с собой все необходимое, чтобы укротить новую солнечную систему. Углерод, водород, азот и кислород – вот и все, что нам нужно, а ты этим владеешь в избытке. И вообще, вдруг ты нам так понравишься, что мы решим забить на миры? Мы же Свободные мертвецы, зачем нам шарики из грязи, да с гравитацией. Мы же повелители пространства-времени.

Именно Соломон Гурски, дитя предыдущего века, окрестил этот корабль. В предыдущем веке он владел большой и эклектичной музыкальной коллекцией. На виниле.

Двадцать живых мертвецов из экипажа «Святой Джуди» собрались в командной утробе в недрах глыбы льда весом шестьдесят два миллиарда тонн, чтобы спланировать битву. Остальные пятьсот сорок личностей хранились в виде сверхпроводящих текторных матриц в гелиевом ледяном ядре; мертвые мертвецы, которым предстояло воскреснуть из кометной материи в новом доме. Экипаж парил в наногравитации, заняв с десяток положений относительно свободно плавающих приборных кластеров. Свободные мертвецы были странными и прекрасными, как боги и ангелы. Подобно ангелам, они летали. Подобно богам из некоторых пантеонов, были четырехрукими. Красивые верхние руки – чтобы выполнять тонкую работу; сильные нижние, растущие из тазовых костей, преобразованных

резервуаром Иисуса в мощные задние лопатки – чтобы крепко держаться. Непроницаемая для вакуума и радиации кожа с восхитительной хищной окраской осуществляла фотосинтез. Полосы, зеленые завитки на оранжевом фоне, синие – на черном, фрактальные узоры, флаги легендарных наций, татуировки. Люди-картинки.

Элена Асадо, обласканная усиками сенсорной паутины, сообщила ужасную новость. Флуоресцентные пятна на ее плечах, бедрах и в паху светились, пока она говорила.

– Эти ублюдки прибавили скорости. Наверное, ради этого сожгли водород до последней молекулы. По новым расчетам мы окажемся в зоне поражения через шестьдесят четыре часа.

Капитан кометы «Святая Джуди», ветеран восстания на «Марлен Дитрих», повернулся к Хорхе, инженеру по реконфигурации корабля.

– Дальнобойные оборонительные орудия?

На коже капитана Савиты были изображены бледно-зеленые бамбуковые листья на солнечно-желтом фоне, и такая изысканность плохо сочеталась с ощутимым беспокойством в командной утробе.

– Первая волна ракет полностью вырастет и будет готова к запуску через двадцать шесть часов. А вот бойцы – нет. Самое большее, что я смогу выжать из ассемблеров – шестьдесят шесть часов.

– А как бы мы могли уложиться в срок? – спросил Сол Гурски.

– Если ты мне поможешь, я упрощу конструкцию истребителя для ближнего боя.

– Насколько ближнего? – спросил капитан Савита.

– Меньше ста километров.

– Насколько упростишь? – поинтересовалась Элена.

– Сделаю из него вооруженный экзоскелет с маневровыми двигателями – и все.

Вот так, подумал Сол. Мертвецам нельзя тупить. Поступать умно лишь единожды – привилегия мяса.

* * *

В космической войне ко времени относились столь же расточительно, как и к энергии и расстоянию. Оставшиеся до запуска растущих боевых единиц двадцать шесть часов Сол Гурски провел обнаженным в космосе, воображая свет звезд на лицевом щитке. Прошло пять лет после того, как он воскрес во второй раз в жилом обиталище на «Марлен Дитрих», но звезды до

сих пор его удивляли. Когда воскресаешь, запоминаешь то, что увидел в первую очередь. По ту сторону прозрачного тектопластикового пузыря были звезды. А в первый раз он увидел Элену. Они теперь были едины и в жизни, и в смерти. Некровиль не смог стать для них убежищем. Беззаконное гетто лишь дало Адаму Теслеру новые замысловатые возможности отмщения. Те, кого он прислал, называли себя Повелителями Бентоса. Дикие, свободные, мертвые. Вероятно, они сами не догадывались, что работают на «Теслер-Танос». Они застигли ее в баре для мертвецов на Терминальном бульваре. С гарпуном. Оставили у нее на лбу свой знак – череп, – как будто опровергая символ смерти, который Сол вырезал у нее на ладони. Вот теперь ты действительно мертва, мясо. Он понял, что на Земле они никогда не будут в безопасности. Compañeros[229] из Дома смерти подделали контракты на Ночную вахту в космосе. Таблетка, которую принял Сол, оказалась удивительно горькой, а столкновение с белым светом – таким же жестким, как в первый раз. Звезды. Среди них можно затеряться, превратиться в туго натянутую струну души, внимательно смотрящий глаз. Где-то там пряталось созвездие из восьми огоньков, летящих плотным строем, бесшумно. Убивающие звезды. Звезды смерти. Все вышли поглядеть, как ракеты вылетают из черных отверстий в мутном льду. Через двадцать километров включились химические двигатели, и рядом со «Святой Джуди» возникла новая галактика из белых звезд. Они смотрели, как ракеты исчезают из виду. Двенадцать часов до контакта. Мертвецы знали, что они заставят мясо потратить впустую несколько тысяч снарядов для точечной обороны – не более того.

В дюжине капсул для фабрикации, рассеянных по талии толстушки «Джуди», росли истребители Хорхе и Сола. Их медленная сборка, молекула за молекулой, завораживала Сола. Злые, темные штуковины; андреевские кресты[230] из расплавленной кости. В центре каждого – полость в форме человека. В них летали, распластавшись. Нижние руки держали рычаги управления двигателем, верхние – заряжали и нацеливали лазерные пулеметы. Краем глаза Сол вновь увидел мельтешение темных крыльев. Он уже однажды обманул ангелов, принесших дурные вести. Он их снова обведет вокруг пальца.

Первое сражение в битве при комете «Святая Джуди» произошло в 01:45 по всемирному времени. Соломон Гурски наблюдал вместе со своими товарищами по команде из теплой командной утробы, окутанной льдом. Через виртуальную среду он воспринимал космос в трех измерениях. Синие цилиндры – корабли корпорад. Белый рой, приближающийся с сотни разных

направлений – ракеты. Одна достигла цилиндра и взорвалась. Потом еще одна, и еще; вскоре внутренний дисплей залило белым светом, как будто вспыхнула новая, и первая волна ракет была уничтожена. За ней пришла вторая. Авангард вспыхивал, превращаясь в прекрасные и бесполезные светящиеся цветы. Ближе. Они подбирались все ближе, прежде чем мясо успевало их растерзать. Сол увидел, как ракета нагрянула с юга, устремилась к ведущему кораблю – и он исчез в красной вспышке.

Кометчики «Святой Джуди» радостно завопили. Один враг исчез, текторы из боеголовки превратили его в пузырящийся шлак.

Минус один – вот и весь успех. Теперь все зависело от истребителей и их пилотов.

Сол и Элена занимались любовью в ожидании старта. Их нижние и верхние руки туго переплелись в невесомости переднего обзорного пузыря. Звезды рисовали на прозрачном куполе неспешные дуги, как будто он был небосводом. Любовь не может преодолеть смерть; Элена осознала эту горькую истину лишь теперь, а ведь в доме на холме, в постели с Солом, ей казалось, что между ними есть нечто общее. И все-таки любовь способна преобразиться в то, что предназначено для вечности. Когда влага на коже высохла, Сол и Элена плотно запечатали мягкие интимные места и отправились в стартовые отсеки.

Сол поместил ее в центральную полость истребителя. Тектопластиковые пальцы обхватили тело Элены и соединились с кожными схемами. Костюм ангела ожил. Благодаря эм-телепатии они освоили один трюк: трение лимбических систем друг о друга – что-то вроде внутреннего поцелуя. Оба затрепетали от удовольствия, и она улетела в экзоскелете, с которого еще продолжали отваливаться сгустки застывшего тектополимера. Защитники «Святой Джуди» будут сражаться в темноте и тишине; мысленный поцелуй станет последним радиоконтактом, пока все не решится. Соломон Гурски наблюдал, как голубое мерцание двигателей сливается со звездами. Запасы топлива ограничены; вернувшиеся из боя сбросят ангельские костюмы и поплывут с помощью солнечных парусов. Он отправился в командную утробу, чтобы наблюдать за битвой через приятное щекотание молекул в лобных долях.

Ангелы «Святой Джуди» сформировали две эскадрильи: одна отвечала за противоракетную оборону, другая взмыла над эклиптикой, чтобы атаковать вражеские корабли и уничтожить их, не давая возможности опустошить арсенал. Элена была в группе ближней обороны. Внутренним зрением Сол видел ее ангельский корабль как значок красного цвета с золотыми

тигровыми полосками, какой была ее кожа. Он следил за замысловатой траекторией ее движения вокруг «Святой Джуди», а синие цилиндры в это время приближались к пространству, помеченному надписью «Зона поражения». Внезапно семь синих значков породили облако актинических искр, которые обрушились на «Святую Джуди», словно фейерверк.

– Иисус, Иосиф и Мария… – тихо выругался кто-то.

– Пятьдесят пять *g*, – спокойно проговорил капитан Савита. – Время до столкновения – тысяча восемнадцать секунд.

– Им ни за что не справиться со всеми ракетами, – сказал Коби. Его кожа была разрисована в стиле Мондриана; он теперь вместо Элены отвечал за дистанционное зондирование.

– В первой волне к нам приближаются сто пятнадцать объектов, – сообщил Хорхе.

– Сол, надо прибавить скорость, – сказал Савита.

– Если сила тяжести возрастет больше, чем на одну тысячную, катушки электромагнитной катапульты деформируются, – сказал Сол, загрузив нужные данные на визуальную кору.

– Необходимо как-то испортить им расчеты, – настаивал Савита.

– Я попытаюсь подобраться как можно ближе к этому рубежу…

Он с радостью погрузился в проблему выжимания нескольких миллиметров на секунду в квадрате из большой электромагнитной пушки, отвлекшись от траекторий, виражей и плоскостей атаки, чья важность росла по мере сближения истребителей и ракет. В частности, он теперь не следил за маневрами тигрового креста и не думал о том, что тот в любой момент может пересечься с синей кривой, что приведет к аннигилирующей вспышке. Сол видел, что голубые звезды одна за другой гасли, но медленно. Слишком медленно. И слишком мало.

Компьютер подсказал решение. Сол скормил его катапульте. Они ускорились с плавностью тихого вздоха.

Тридцать лет прошло с тех пор, как Сол Гурски покрывал голову в синагоге, и все же он взмолился Яхве: пусть этого хватит.

Один истребитель – Эмилио, пятнистый индиго – они уже потеряли, половина ракет продолжала полет. В правом верхнем углу виртуального экрана безжалостно продолжался обратный отсчет. Шестьсот пятнадцать секунд. Им оставалось жить десять минут.

Но ангелы атаки уже порхали среди вражеских кораблей, уклоняясь от ярких вспышек дронов-перехватчиков ближнего действия. Мясо попыталось рассеяться, однако у их кораблей осталось мало топлива, они были неуклюжими и

неповоротливыми. Ангелы «Святой Джуди» пикировали, стреляли, сбивая ракетные установки и солнечные панели, взрывая пузыри жизнеобеспечения и топливные баки с остатками водорода. Тринадцатилетние пилоты погибали, охваченные химической яростью, вываливаясь в вакуум в окружении слез из мгновенно замерзшего амортизационного геля. Атакующий флот сократился с семи до пяти, а потом и трех кораблей. Но в эту мясорубку затянуло не только мясо; из шести мертвых ангелов, которые отправились воевать, только двое вышли на возвратную траекторию, их лазерные конденсаторы разрядились, топливо закончилось. Пилоты катапультировались, развернули солнечные паруса, световые щиты. Два мясных корабля уцелели. Один использовал последние граммы топлива, чтобы развернуться и лечь на обратный курс; другой перенаправил горючее для маневровых реактивных двигателей в импульсную термоядерную установку и помчался к «Святой Джуди».

– Идет на таран, – сказал Коби.

– Сол, уведи нас от него, – приказал капитан Савита.

– Слишком близко. – Цифры в черепе Сола были безжалостны. – Даже если я отключу катапульту, он все равно сможет переработать на топливо газ из системы жизнеобеспечения и компенсировать изменение курса.

Командная утроба содрогнулась.

– Твою мать… – благоговейно выругался кто-то.

– Еще немного – и мог попасть, – доложил Коби. – Если бы Сол не прибавил скорости, угодил бы точно в цель.

– Катапульта в порядке, – доложил Сол.

– Райли мертв, – сказал капитан Савита.

Пятьдесят ракет превратились в двадцать, но Эмилио и Райли погибли, а дистанция сокращалась вместе с пространством для маневра. Ошибки были недопустимы.

– Двести пятнадцать секунд до столкновения, – объявил Коби. Основная масса ракет устремилась хвостом за «Святой Джуди». Огава и Шкура – сетка Мандельброта и далматинские пятна – сражались в арьергарде, не давая преследователям достичь цели. Оливково-зеленая рябь и красный с тигровыми полосками заняли позицию между кометой и кораблем. Квинсана и Элена.

Иисус, Иосиф и Мария, близилась решающая схватка!

Сол пожалел, что не может избавиться от изображений, транслируемых прямо в мозг. Он не хотел ничего видеть. Лучше внезапная аннигиляция, слепота и небытие, которые сменяются светом погибели. Таймер обратного отсчета был безжалостен, словно палач.

Но нельзя зажмуриться, если смотришь внутренним взором.

Сол бессильно наблюдал, как погибает Квинсана: вспышка с мясного корабля пронзила и разорвала его оливково-зеленый крест. Наблюдал за тем, как Элена исполосовала мясо лазерами, рассекла на дрожащие куски, и двигатели взорвались, а обломки полетели прочь от «Святой Джуди». И за тем, как она не успела увернуться – опоздала, не рассчитала, – и деталь системы жизнеобеспечения отсекла нижнюю часть креста вместе с маневровыми двигателями и световым парусом, и полосатый ангел полетел кувырком во тьму, искалеченный и обреченный.

– Элена! – закричал он вслух и мысленно. – Элена! Господи боже! Иисусе!

Но Сол Гурски не верил ни в того, ни в другого, и потому они позволили Элене Асадо отправиться в бесконечный полет в сторону красивого скопления галактик в созвездии Девы. Последняя вспышка гнева Земли против собственных детей иссякла: осталось двадцать ракет, десять, пять, одна. Ноль. «Святая Джуди» продолжила медленно выкарабкиваться из гравитационного колодца в густую тьму и лютый холод. Пятьсот двадцать пассажиров спали во льду как младенцы, как мумии в гробнице. Соломону Гурски и остальным предстояло вскоре к ним присоединиться, чтобы в объятиях льда умереть на пятьсот лет, пока «Святая Джуди» совершит переход к другой звезде. Окажись это сон, думал Сол, я смог бы забыть. Во сне все менялось: воспоминания становились снами, сны – воспоминаниями. Во сне существовало время, а время – это перемены и, возможно, шанс стереть из памяти воспоминание о том, как она улетала прочь, обреченная кувыркаться вечно, поскольку те же силы, что один раз ее воскресили, делали это снова и снова, а солнечный свет давал ей пищу; она не могла умереть. Но его ждал не сон. Его ждала смерть, которая теперь ничего не значила.

Пятница

Мужчина и женщина смотрели, как горит город. Это был один из декоративных равнинных городов, которые народ Зорких наблюдателей возвел и поддерживал в приличном состоянии ради эйстетводов[231], случавшихся раз в четыре года. Городок походил на драгоценный камень, а еще в нем было что-то от цветка, спирали, морской волны. Его в той же степени можно было назвать огромным зданием, что и миниатюрным городом. Он горел весьма элегантно. Разлом прошел точно посередине. Трещина была чистая и прямая – чего и следовало ожидать от Зорких наблюдателей – и разделила криволинейную архитектуру пополам сверху донизу. Земля все еще содрогалась от толчков.

Город мог бы починить себя сам. Он мог бы погасить пламя – перекрыв, как предположил мужчина, поток магмы, – изменить форму оплавленных островерхих крыш, стереть копоть, избавиться от трещин и пропастей. Но его текторные системы утратили цель, а душа улетела к Небесному древу, чтобы присоединиться к остальным Зорким наблюдателям в их исходе.

Женщина смотрела, как дым поднимается в темнеющее небо, скрывая огромный опал Уризена.

– Это было не обязательно, – проговорила она. Ее кожа выражала печаль, смешанную с недоумением.

– Он им больше не нужен, – возразил мужчина. – И в разрушении есть определенная красота.

– Это пугает меня, – призналась женщина, и рисунок на ее коже подтвердил. – Я никогда раньше не видела, чтобы что-то заканчивалось.

«Повезло», – подумал мужчина на языке, пришедшем из другого мира. Погодное зрение уловило вихрь: надвигалась большая буря. Впрочем, после начала орбитальных возмущений они все были большими. С каждым разом все мощнее. В конце концов ураганы вырвут леса с корнем, и атмосферу унесет в космос.

В тот день, во время путешествия к воспоминаниям мужчины, они наткнулись на пустую яхтенную пристань; воды нет, сплошной песок, повсюду валяются понтоны, выброшенные на берег цунами. Лодки так и вовсе раскидало на расстоянии получаса ходьбы. Пустые корпуса по ватерлинию утопали в дюнах, мачты с парусами застряли в кронах деревьев. Погода была первым, что вырвалось из-под контроля. Мужчина почувствовал внезапное напряжение в теле женщины. Она осознала себя свидетельницей подготовки к концу света.

Когда они добрались до уединенной долины, которую аура мужчины выбрала как самое безопасное место для ночлега, поднялся ветер, и мертвый город со всеми изгибами и трещинами начал издавать тихие стоны и аккорды. Когда их элементальные плащи соединились и погрузили корни ночной раковины в камень, мимо пронеслась стая пузырей, которые от порывов ветра дрожали и блестели. Женщина поймала одного; крошечная машина на мгновение прильнула к ее руке, питаясь биополем. Прозрачная шкура радужно переливалась, словно масляная пленка; через некоторое время существо затрепетало и лопнуло, превратившись в лужицу тектоплазмы. Женщина наблюдала за ним, пока элементали не закончили строительство убежища, но создание оставалось мертвым.

Под изборожденным канавками пологом, который элементали вылепили из кремнезема, мужчина и женщина занялись любовью, поспешно и вместе с тем методично. «Секс и смерть», – промелькнуло в той части сознания мужчины, где субвокальная вместеречь не могла ничего подслушать. Мысль была чужеродной.

Потом женщине захотелось поговорить. Она любила поболтать после секса. Почему-то в этот раз она не попросила рассказать о том, как он и другие Пятьсот отцов построили мир. «Поболтать» с ее точки зрения означало, что говорить должен именно он. Сегодня она не хотела, чтобы он говорил о начале мира. Ее интересовало, как все закончится.

– Знаешь, что меня бесит? Не то, что всему приходит конец. Вот у меня в руке лопнул пузырь, и я не могу… постичь, что с ним произошло. А что говорить про целый мир?

– Для этого чувства есть особое слово, – мягко проговорил мужчина. Над куполом их ночной раковины бушевал вихрешторм, он был в самом разгаре. Мужчина подумал: тонкая шкура – вот и все, что не дает ветру ободрать плоть с их костей. Так или иначе, текторы вцепились в скалу крепко и уверенно. – Это слово «умирать».

Женщина сидела, подтянув колени и обхватив их руками. Она была обнажена; вихрешторм как будто проник в ее душу.

– Меня бесит, – сказала она после паузы, – что осталось так мало времени увидеть и ощутить мир, прежде чем его поглотят холод и тьма.

Она была Зеленая: родилась во время второго из быстрых сезонов короткого года; Зеленая из народа Тайного замысла, первое за восемьдесят лет дитя пуэбло Древнего красного хребта. И последнее. Восьми лет от роду.

– Ты не умрешь, – сказал мужчина, и его кожа, транслируя

утешение и отеческую заботу, покрылась завитками, похожими на циклоны великого Уризена, простирающиеся по ту сторону летящих туч вихребури. – Ты не можешь умереть. Никто не умрет.

– Знаю. Никто не умрет, мы все изменимся или заснем вместе с планетой. Но…

– Неужели так страшно отказаться от этого тела?

Она коснулась лбом коленей, покачала головой.

– Не хочу его терять. Я только начала понимать это тело, этот мир, и теперь у меня все отнимут, и силы, которые принадлежат мне по праву рождения, окажутся бесполезными.

– Существуют стихии, неподвластные даже нанотехнологии, – сказал мужчина. – Она делает нас хозяевами материи, но над фундаментальными параметрами – гравитацией, пространством, временем – не имеет власти.

– Почему? – спросила женщина.

Мужчине, который измерял время старыми, более длинными годами, вопрос прозвучал так, словно ей было восемь лет по земным меркам.

– Когда-нибудь узнаем, – сказал он, понимая, что это не ответ.

Женщина была того же мнения.

– Пока Орк будет пребывать в двухстах миллионах лет от ближайшего солнца, а его атмосфера превратится в лед, покрывающий горы и долины… – проговорила она.

«Горе, – прибавила ее кожа. – Ярость. Утрата». Двухтысячелетний Отец коснулся маленьких вздернутых грудей молодой женщины.

– Мы знали, что орбита Уризена нестабильна, но никто не смог просчитать его взаимодействие с Ульро.

Ирония судьбы: мир, названный в честь огненного демона Блейка[232], погрузится во тьму и лед, а Уризен и его уцелевшие спутники будут полыхать в двух миллионах километров от Лоса.

– Сол, тебе не нужно извиняться передо мной за ошибки, которые ты совершил две тысячи лет назад, – сказала женщина, которую звали Ленья.

– Но мне нужно извиниться перед всем миром, – сказал Сол Гурски.

Кожа Леньи теперь говорила о надежде, к которой примешивалась необратимость. Ее соски были напряжены. Сол снова наклонился к ним, когда ветер апокалипсиса царапнул когтями по тектопластиковой шкуре. Утром они продолжили путешествие к воспоминаниям Сола. Вихребуря иссякла в горах Утуны. Обрывки призрачной сети сказали Солу и Ленье, что погода летная. Они выпили молока из встроенного в раковину

древа жизни и снова занялись сексом на пыльной земле, пока элементали перенастраивали ночную капсулу в летательный аппарат общего назначения. Остаток утра они летели над равниной, где стада травоядных и высокие, угловатые, хищные силуэты народа Техобслуживания тянулись, будто рябь на поверхности воды, к посаженному в пупке мира Небесному древу.

И травоядные, и их пастыри когда-то были людьми.

В полдень путешественники повстречали летуна из народа Щедрого неба, парящего на шелковых крыльях вдоль термальных потоков, поднимающихся от подножия Больших хризолитовых гор. Сол обратился к нему через вместеречь, и они сели на поляне в лесах горькокорника, которые покрывали большую часть кантона Корифея. Кодекс Щедрого неба в обычной ситуации вынудил бы летуна презирать тех, кто прикован к земле и загрязняет воздух машинами, но в столь трудные времена былые правила рушились.

«Куда направляетесь?» – вместеспросил Сол. В голове шумело от помех. Длинный хвост вихребури создавал электромагнитные возмущения.

«К Небесному древу, разумеется, – сказал крылатый. Он выглядел жутко: воздушный змей из полупрозрачной кожи, туго натянутой поверх тонких костей и сухожилий. Его грудная клетка походила на корабельный нос, а мышцы подергивались и перестраивались, пока он переминался с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно на земле. От нановинтов, растущих из кожной паутины на запястьях и лодыжках, веяло ветерком. У его пота был странный запах. – А сами куда путь держите?»

«В конце концов, тоже к Небесному древу, – сказал Сол. – Но сперва я должен восстановить свою память».

«А, ты Отец, – сказал человек из народа Щедрого неба. – Чей?»

«Тайный замысел, – сказал Сол. – Я отец этой женщины и ее племени».

«Ты Соломон Гурски, – вместеответил летун. – А моя прародительница – Нико Самитрейдес. Я хорошо ее помню, хотя и не видел много лет. Она храбро сражалась в битве при „Святой Джуди“. Я третий в ее роду. Восемнадцать столетий живу в этом мире».

«Если можно, я задам вопрос. – Голос Леньи ворвался в диалог стариков. Используя почтительное обращение, как положено в разговоре младшего с умудренным опытом старшим, она спросила: – Когда придет время, как вы изменитесь?»

«Это просто, – ответил мужчина из народа Щедрого неба. – Я подвергнусь реконфигурации для жизни на Уризене. Для меня не

имеет значения, подобен ли я человеку или реактивной аэроманте, главное – я буду летать, и как летать! Облачные каньоны глубиной в сотни километров; ветры со скоростью пять тысяч километров в час; термические потоки масштабом с континенты; безумные бури, охватывающие гигантскую планету целиком! И никакой земли, никакой основы; мы будем летать вечно, свободные от тирании гравитации. Какие мы сочиним песенные циклы, какие Эдды обогнут планету на реактивных струях Уризена!»

От восторга летун зажмурился, а потом резко открыл глаза. Его ноздри расширились, когда он втянул воздух, чувствуя в атмосфере перемену, неощутимую для остальных.

«Надвигается новая буря, сильнее предыдущей. Советую вам укрыться в скале, ибо на этот раз стихия вырвет деревья с корнем».

Он расправил крылья. Мембраны покрылись рябью. Прыжок – и ветер подхватил летуна, в одно мгновение унес в термальный поток. Сол и Ленья смотрели, как он скользил по верхушкам поднимающихся воздушных потоков, пока не затерялся в глубоком синем небе.

Захотев размять ноги и поболтать, они пошли дальше пешком, следуя по пути миграции племени Ночных бабочек через леса тиеве в кантонах Южный Корифей и Эмбервайлд. Ближе к вечеру, когда хвоя тиеве всколыхнулась от усиливающегося ветра и деревья начали перешептываться, путники вышли на полянку, посреди которой на табурете сидел человек из рода Ясеня. Он был длинным и скрученным; судя по коже, сильно отощал без хозяина. Ленья протянула руку, и хотя у Ясеневого человека организм был настроен скорее на представителей народа Погубленных переговоров, а не народа Тайного замысла, он благодарно принял ее тепло, морфическую энергию и несколько капель крови.

– Где твой хозяин? – спросила Ленья. Это существо, будучи паразитом, говорило на языках большинства народов. Хозяев, как и возлюбленных, лучше соблазнять словами.

– Ушел со стадами, – ответил Ясеневый человек. – К Небесному древу. Все кончено.

– И что ты будешь делать, когда Орк отправится в изгнание? – Царапины на предплечье Леньи, где паразит выпил ее крови, уже заживали.

– Не могу жить один, – сказал Ясеневый человек. – Попрошу землю разверзнуться, проглотить меня и убить. Буду спать в земле, пока тепло нового солнца не пробудит меня к жизни.

– Но это займет двести миллионов лет… – удивилась Ленья.

Ясеневый человек посмотрел на нее красноречивым взглядом: один год, миллион лет, сто миллионов лет – ничто по сравнению со смертью. Понимая, что паразит счел ее новорожденной дурочкой, Ленья невольно оглянулась, когда они с Солом уходили через заросли тиеве. Ясеневый человек прижался к земле животом, гениталиями, как будто к хозяину. Вокруг него спиралью завивалась пыль. Он медленно погружался в почву.

Той ночью в капсуле для ночлега Сол и Ленья не занимались любовью впервые с тех пор, как Соломон Путешественник пришел в пуэбло Старого красного хребта и завладел взглядом и сердцем смуглой девушки, танцующей на арене. Произошло сильнейшее землетрясение: Орк дернулся на орбите, и даже оболочка из тектоалмаза показалась недостаточной защитой от сил, которые могли выбросить планету в межзвездное пространство. Они обнимали друг друга, не говоря ни слова, пока земля не успокоилась и волна жара не прошла по панцирю: это горели леса тиеве в кантоне Эмбервайлд.

На следующее утро они превратили капсулу в пеплоход и ехали через опаленный лес, пока в полдень не добрались до Внутреннего моря. Тектоническая травма вызвала приливные волны, затопившие скалистый островок, на котором Сол оставил свои воспоминания, но системы самовосстановления использовали остатки накопленной энергии, чтобы привести поврежденную архитектуру в порядок.

Сол настаивал, что к воспоминаниям надо вернуться морским путем, и они приказали пеплоходу стать яликом. Пока текторы перетаскивали молекулы, человек из народа Синей маны выбрался из мощного прибоя на красную гальку. Он был огромным, длинным и гладким; его короткий мех покрывали красивые узоры. Он лежал, тяжело дыша от усилий, потребовавшихся для перемещения из привычной стихии в чужую. Ленья обратилась к нему фамильярно – Тайный замысел и амфибии из Синей маны были одним народом тысячу лет назад – и задала тот же вопрос, что и всем, с кем они столкнулись в пути.

– Я уже перенастраиваю подкожный жировой слой, чтобы превратиться в аэростат и попасть к Небесному древу, – сказал человек-амфибия. – Если климатические сдвиги не помешают.

– Разве в море плохо? – спросил Сол Гурски.

– Моря меняются первыми, – прозвучало в ответ. – Плохо. Да, очень плохо. Мне невыносима мысль о том, что Мать-Океан промерзнет до самых глубин.

– Значит, отправляешься на Уризен? – спросила Ленья, наверняка думая о том, что плавание и полет очень похожи друг на друга.

– Ох, милая, нет. – Кожа человека-амфибии транслировала озадаченное удивление. – С какой стати я должен удостоиться иной участи, нежели Мать-Океан? Нас обоих ждет холод.

– Кометный флот, – понял Сол Гурски.

– Если и существует какое-то наследие земного корабля, так это знание о том, что во вселенной для нас уготовано много обителей. Хочу посетить те другие обитаемые системы, про которые нам рассказал корабль, и испытать другие способы быть человеком.

Сто орочьих лет прошло с тех пор, как второй кометный корабль с Земли вошел в систему Лоса для дозаправки в кольцах Уризена. Новости, которые он принес – о родной системе, преображенной нанотехнологиями мертвецов, набирающих силу, и о других звездах, куда добрались новые, более быстрые и мощные соратники «Святой Джуди», – положили конец девятнадцати столетиям одиночества и привели первую, потерянную колонию на Орке в визионерское сообщество Мертвых Звездоплавателей.

«И все это случилось задолго до твоего появления», – подумал Сол, глядя на складку в паху Леньи, которая присела на корточки на гальку, чтобы поговорить с человеком из народа Голубой маны. «Появление». За этим словом маячило другое, более глубокое и древнее, устаревшее во вселенной мертвых. «Рождение». Никто никогда не рождался на Орке. Не знал детства или взросления. Не старел, не умирал. Они появлялись. Выходили из инкубатора полностью сформированными, как боги.

Сол знал слово «ребенок», но с ужасом осознал, что перестал понимать его смысл. Пустота, вакуум. Как много вещей развоплотились в мире, который он сам придумал!

По морю, по воздуху. Обмен стихиями. Ялик Сола Гурски оказался готов одновременно с тем, как текторы человека-амфибии превратили его подкожный жировой слой в машину для полета. Сол следил, как он кружится в воздухе, удаляясь на юг, пока лодка несла их с Леньей по зыбучей поверхности моря к острову памяти.

Мы живем вечно, трансформируем себя, миры, солнечные системы, путешествуем через межзвездное пространство, бросаем вызов времени и отрицаем смерть, но единственное, что мы не можем воссоздать – это память; такие мысли одолевали Сола в пути. Морские птицы слетались к ялику, надеясь утолить голод. Чего только не отбросишь на ходу. Мы не в силах восстановить воспоминания, поэтому их храним, и в какой-то момент жизнь становится такой насыщенной, что память перехлестывает за край, испаряется. Пятьсот отцов многое пережили, и им пришлось

не раз избавляться от воспоминаний.

Остров Сола представлял собой наклонную каменную плиту, выступающую из экваториального моря, горстку гектаров тверди. Кипарисы и кривые репро-оливы скрывали маленький дорический храм в высшей точке. Славные текторы системы техобслуживания надежно защитили его от штормов. Классическая тематика теперь смущала Сола, но Ленья была очарована. Она танцевала под сенью олив, под портиками и среди колонн. Сол снова увидел ее такой, как в ту первую ночь на танцах в честь окончания Малого года в Древнем красном хребте. Старая похоть. Новая боль. В залитом солнцем центральном зале Ленья прикоснулась к рельефам из прошлой жизни Соломона Гурски. Они не поделились с ней воспоминаниями, но кое-что сообщили менее изощренным способом.

– Эта женщина… – Ленья остановилась перед высеченным из светлого камня барельефом: Соломон Гурски и высокая незнакомка с лицом аскета и коротко остриженными волосами стояли, взявшись за руки, перед высокой и жуткой башней.

– Я любил ее. Она погибла в битве при комете «Святая Джуди». *Настоящей смертью.*

* * *

Утрата.

– Значит, все дело в том, что я напоминаю тебе о ней?

Он прикоснулся к барельефу. Воспоминание – яркое и острое, как приступ боли – пронеслось по нервам как электрический разряд; мнемотекторы загрузились в ауру. «Элена!» Выход на орбиту; долгий путь закончился, объект, ранее известный как комета «Святая Джуди», превратился в паутину балок, перемычек и жилых капсул, летящих над матово-красными, пыльными просторами Орка. Паутина распростерлась, точно крона плодового дерева, усеянного созревшими фруктами, готовыми упасть и принести в мир семена жизни. Тектоформирование. Среди фруктов – души Пятисот отцов, основателей всех рас Орка. Среди них – Тайный замысел и Соломон Гурски, четырехрукий вакуумный аватар жизни и смерти; вот он вцепился в балку, не замечая позади шторма Уризена, и касается преобразующими верхними руками главной памяти материнского семени. Запомни ее. Запомни Элену. И однажды – рано или поздно – верни ее мне. Вложи в нее тягу к знакомому запаху, и пусть она придет ко мне, где бы ни была, с кем бы ни была.

Он увидел себя бегущим по паутине, словно провинившийся

паук, пока капсулы падали на Орк. Увидел себя в этом же самом месте, с лунами Уризена в сигизии, касающимся барельефа, чтобы отдать это самое знание, ныне возвращенное. Он знал: пока Ленья будет напоминать об Элене, можно притворяться, что все по-честному. Но правда убила иллюзию. Ленья была не просто напоминанием. Ленья была Эленой. Симулякром, пустышкой, фальшивкой. Ее жизнь, радость, горе, любовь – все обман. Сол даже не догадывался, что встретит ее перед концом света. Предполагалось, что у них будут тысячи лет. Мир дал им считанные дни.

Он не мог смотреть на нее, переходя от барельефа к барельефу, заряжая ауру воспоминаниями. Он не мог прикоснуться к ней, пока они ждали на гальке, чтобы ялик превратился в махолет, который доставит их к Небесному древу. На вершине острова-каменной плиты Храм памяти распадался, как гниющий гриб. Сол не попытался заняться с ней сексом, как сделал бы раньше, когда махолет летел над разрушенными пейзажами Тэла и сожженными лесами Хризоберилла. Она ничего не понимала. Она вообразила, что каким-то образом причинила ему боль. Солу действительно стало больно из-за нее, но он сам был виноват. Он не мог сказать ей, почему внезапно отказал себе в ее тепле. Он знал, что должен, что так надо, но не мог. Он заставил свою кожу онеметь и подумал, что за пятьсот долгих лет научился трусости.

С наступлением вечера они прибыли на плато Небесная равнина, где стояло Небесное древо, адамантовый черный луч, нацеленный Уризену в глаз. Куда ни кинь взгляд, равнина мерцала огоньками транспортных средств и палаточных лагерей. Тепловидение показало миллион вспышек: все народы Орка, кроме тех, кто решил уйти в землю, собрались у последнего рубежа. Сейсмические стабилизирующие текторы, вплетенные в границу Мохо[233], стойко предотвращали землетрясения, которые терзали все прочие земли, но толчки становились все сильнее, давая понять, что спокойствие продлится недолго. В конце концов Небесная равнина расколется, словно яйцо, а Небесное древо сломается и отскочит от планеты, как рассеченный нерв.

Махолет Сола идентифицировали как принадлежащий одному из Пятисот отцов, и он, покинув круговерть летательных аппаратов, кораблей и крылатых людей у ствола Небесного древа, занял почетное место на подъемнике. Махолет догнал челнок на высоте пять километров, резко повернул к гладкой стене космического лифта, согласовал ускорение с аппаратом, который поднимался все быстрее; потом было падение, от которого даже у

бессмертных перехватило дыхание, и рывок, с которым махолет схватился за стыковочный ниппель своими зацепами и впился, словно клещ. Последовал долгий путь в небеса. Когда они вышли из облачного слоя на большой высоте, Сол увидел над краем мира восходящий алмаз Ульро, белый и жесткий. Это пока что была маленькая светящаяся точка, а не диск, но бесплодный камень, жарящийся под тяжелым покрывалом из CO_2, оказывал достаточно мощное влияние, чтобы вышвырнуть спутник с орбиты в межзвездное пространство. Посмотрев вверх сквозь прозрачный купол, Сол увидел, как Небесное древо раскинуло свои тонкие, усыпанные огнями ветви на сотни километров над поверхностью Уризена.

Он нарушил молчание.

– Ты уже знаешь, что будешь делать?

– Ну, раз уж я здесь, не собираюсь уходить в землю. И ледяной флот меня пугает. Века неподвижности, вмороженные в лед текторы… Похоже на смерть.

– Это и есть смерть, – сказал Сол. – Значит, ты отправишься к Уризену.

– Я просто изменюсь внешне. Познаю еще один способ быть человеком. И буду помнить о прошлом, это для меня важно.

Он представил себе прибытие: усиливающаяся гравитация вынуждает стаи закаленных вакуумом панцирных существ завиваться спиралью, приближаясь; мелькает вместеречь, выражая предвкушение, возбуждение и страх; и вот они касаются атмосферы, чувствуют, как ионное пламя лижет алмазные шкуры. Ленья падает, охваченная огнем от входа в плотные слои, и оставляет над половиной планеты сияющий след. Тепловая оболочка разламывается, она распахивает крылья навстречу вечно воющему ветру, и турбины в ее стерильном чреве вспыхивают с ревом.

– А ты? – спросила она.

«Нежность», – прибавила ее кожа. Девушка была смущена как молчанием, так и тем, что Сол его нарушил, и все же… нежность.

– У меня есть план.

Поначалу это было все, что он сказал, но поскольку план означал, что они больше никогда не встретятся, Сол поведал ей, что узнал в Храме памяти. Он пытался быть добрым и понимающим, но все равно поступил как ублюдок, и она, забившись в хвост махолета, плакала весь остаток пути к небесам. Мерзкий поступок; наблюдая за тем, как звезды становятся ярче за паутиной ветвей, он сам не мог объяснить, почему это сделал, но знал одно: иногда надо убивать по-настоящему, чтобы ничего уже не воскресло. Сейчас Ленья плакала, и ее кожа почернела,

онемела, но когда она полетит, то избавится от последних проблесков любви и сожаления в адрес человека по имени Соломон Гурски.

«Хорошо, когда тебя ненавидят», – подумал Сол, когда Небесное древо приняло его в свою озаренную звездным светом крону.

* * *

Стартовый лазер выключен, резервуары с горючим опустошены. Соломон Гурски падал прочь от солнца. Уризен и его дети остались ниже. Его курс лежал в сторону от эклиптики, на север. Кормовые глаза разглядели новое бледное кольцо вокруг газового мира, светящееся в слабом тепловидении: миллионы адаптированных ожидали на орбите своей очереди, чтобы совершить обжигающий спуск в новую жизнь. Она была с ними. Он видел, как она вошла в семя и была разорвана на части собственными элементалями. Он наблюдал, как семя расщепилось и выбросило ее в космос, преображенную, и сожгло несколько килограммов ее рабочего тела во время полета к Уризену.

Лишь после этого он почувствовал, что сам готов стать иным.

Жизненный рой. Такой могучий. И вроде бы все почти верно, однако так неправильно. Она едва не пела, говоря о свободе бесконечного полета среди облаков Уризена, но на самом деле ей не быть свободней, чем сейчас, посреди космоса, лицом к лицу с галактикой. Свобода Уризена была ложью, он брал за нее плату гравитацией и давлением. Ленья обрекла себя на заточение в его атмосфере, под воздействием силы тяжести. Уризен – просто еще одна планета. Паразит из народа Ясеня похоронил себя в земле. Амфибия из народа Голубой маны после долгого сна во льду узрит копию стандартной модели. Планеты, планеты. Бесконечно разнообразные способы быть человеком – вот о чем думал Соломон Гурски, улетая прочь от солнца. Он почувствовал легкое дуновение солнечного ветра сквозь щекотку магнитосферы Уризена. Восход. Время пришло.

Можно по-разному быть Соломоном Гурски, думал он, созерцая свое новое тело. Похож на шишку. Да, точно – созревшая шишка, упавшая с Небесного древа, полная семян. Каждое семя – Соломон Гурски, мир в зародыше.

Прикосновение солнца – вот что давным-давно, в другом мире заставляло шишки открываться. Выбор правильного момента был слишком важен, чтобы препоручить его высшим

силам. Подпрограммы рассчитали запуск; он просто ощутил усиливающийся ветер Лоса на своей шкуре и почувствовал, как начинает раскрываться. Соломон Гурски разделился на тысячу чешуек. Когда семена легли на заданные курсы, он испытал небывалый, жгучий оргазм, а потом его личность загрузилась в последнее семя и вылетела из пустого и мертвого тела-носителя.

Через пятьсот километров семена развернули солнечные паруса. Поток частиц и щедрая гравитационная поддержка Лувы и Энитармона разгонят блестящую флотилию до межзвездных скоростей, а в конце многовековых – многотысячелетних – полетов световые паруса затормозят пакеты в пунктах назначения.

Соломон Гурски не знал, что его многочисленные «я» найдут там. Он выбирал цели не из-за их сходства с тем, что уже видел. Это была бы просто еще одна ловушка. Он почувствовал, как собратья отключают когнитивные центры, чтобы погрузиться в глубокий сон – как будто гасли звезды, одна за другой. Горстка разбросанных семян; одни засохнут, другие прорастут. Никто не мог предсказать, что его ждет, но это точно будет нечто необыкновенное.

«Удиви меня!» – потребовал Соломон Гурски от вселенной, падая во тьму среди солнц.

Суббота

Длина каждой грани объекта составляла одну и три десятых астрономических единицы, и при нынешних десяти процентах от скорости света он должен был прибыть через тридцать пять часов. Сидя в шезлонге у фонтана Нептуна, Соломон Гурски наконец определился с названием для этой штуки. Он размышлял много высокочасов и на многих языках, большинство из которых невербальные, о том, как следует назвать надвигающийся объект. Наименование, которое понравилось ему больше всего, было на языке, мертвом (как он предполагал) уже тридцать миллионов лет. Эа. Аббревиатура: «Экстраординарный артефакт». «Экстраординарный инопланетный артефакт» было бы правильнее, но в давно мертвом языке такое сочетание букв звучало не очень хорошо. На сады Версаля падали тени, огромные и мягкие, как облака. Лес заслонил светило; маленький лес, чуть больше рощицы, подумал Сол, все еще находя удовольствие в понятиях, которые можно было выразить на этом мертвом языке. Он наблюдал, как над головой проплывают сферические деревья, каждое диаметром в километр (еще один архаизм), наслаждался приятной игрой тени и тепла на коже. Чувственные радости воплощения. Как всегда, во время миграции лесов по струйным течениям Игрушки за ними следом мчалась стайка сифонов, поедая рагу из бактерий и сложных фуллеренов.

Соломон Гурски затемнил глаза, защищаясь от резкого света солнца, белого карлика. Находясь в Версале, который располагался в экваториальной плоскости, можно было увидеть Духовное Кольцо: еле различимое филигранное ожерелье, обернутое вокруг звезды. Да, все зависело от точки отсчета. Я его эманация или оно – моя?

Точка отсчета: стоит ли о таком переживать, когда к тебе быстро приближается полый тетраэдр с гранями размером одна целая и три десятых астрономических единицы?

Ну еще бы. Я ведь в некотором роде человек.

– Покажи, – сказал Соломон Гурски.

Почувствовав его намерение – ибо Версаль был частью его намерения, как и все, что жило и двигалось внутри Игрушки, – диск текто-Франции в стиле барокко начал поворачиваться в противоположную от солнца сторону. Соллилии, на которых покоился Версаль и его сады, генерировали собственные гравитационные поля; Соломон Гурски увидел, как крошечное яркое солнце ушло за Малый Трианон, и подумал: «Я заново изобрел закат». И, когда темный свод над ним озарился звездным

светом: «Ночь выглядывает из моей тени».

Звезды замедлились и остановились над трубами Версаля. Сол надеялся увидеть объект невооруженным глазом, но в низовремени забыл об ограничениях первозданного человеческого тела. Гримаса раздражения; текторам потребовалось несколько мгновений, чтобы перенастроить его зрение. Последовательное увеличение продолжалось до тех пор, пока призрачные, мерцающие нити света не проступили на звездном поле, подобно схематичным изображениям богов и мифических героев, помещенным древними на гостеприимные небеса вокруг Точки Альфа. Последний щелчок – и он увидел приближающийся объект во всех деталях.

У Соломона Гурски перехватило дыхание.

Естественным состоянием человечества, застрявшего между микро- и макромиром, было смотреть во тьму и чувствовать себя карликом. Потребность утвердить свою индивидуальность перед чем-то огромным лежит в основе всех внешних устремлений рода людского. Но как не затаить дыхание от ужаса, когда видишь то, по сравнению с чем карликом кажется звезда? Через Духовное Кольцо Сол получил размеры, массу, векторы. Игрушка целиком легко поместилась бы в одной из вершин Эа. Каббалистический знак. Космический глаз в пирамиде.

У мужчины по имени Соломон Гурски в паху все похолодело и сжалось. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, как у него в последний раз мошонку сводило от ужаса?

Каждое ребро – одна целая и три десятых астрономических единицы. Восемь секстиллионов тонн материи. Десять процентов от скорости света. Да эту штуку должны были увидеть почти отовсюду в звездном скоплении. Даже в низовремени он должен был засечь ее гораздо раньше. Но этого не случилось. Она просто возникла из ниоткуда: блеклая гексаграмма гравитометрических возмущений на его внешних сенсорах. Сол отреагировал сразу, но за те несколько секунд растянутого низовремени, которые потребовались, чтобы задумать и создать этот оммаж тщеславию Людовика XIV, объект преодолел две трети расстояния от точки появления. Высоковремя сотворенных вещей дало ему возможность оценить ситуацию. «Виноград ты или лоза Содомская?»[234] – спросил Соломон Гурски у создания в небесах. Оно не говорило, оно хранило молчание, несмотря на все попытки связаться; и все же не было сомнений, что оно обладало кое-какими талантами. Существовало лишь одно объяснение тому, как оно появилось: гость манипулировал червоточинами. Никто из цивилизаций или граждан Пространства – внушительной части западного полушария галактики – не

разработал нанотехнологию, которая могла бы реконфигурировать пространственно-временной континуум.

Никто из цивилизаций или граждан Пространства, а также федераций миросообществ, с которыми оно граничило, не встречал вид, который нельзя было бы отследить до Точки Альфа – полулегендарного Большого Взрыва Панчеловечества, начала расселения людей по вселенной.

Четыреста миллиардов звезд только в этой галактике, подумал Соломон Гурски. Мы не засеяли даже половину из них. Фокус со временем – замедление восприятия до того момента, пока коммуникация со скоростью света не покажется мгновенной, а путешествия на субсветовых скоростях – не длиннее странствий на парусниках, как в эту эпоху, которую я воссоздал – внушает веру в то, что вселенная близка и отзывчива, как тело возлюбленной, и в той же степени изведана. Пять миллионов лет между Моночеловечеством Точки Альфа и Панчеловечеством эпохи Гигантского Скачка – короткая, задумчивая пауза в нашем разговоре с самими собой. Тридцать миллионов лет я развивал паутину жизни в этой уникальной системе: у настоящих инопланетян было достаточно времени и пространства, чтобы догнать и превзойти нас. И опять все сжалось в паху. Сол Гурски приказал Версалю повернуться к солнцу, однако интеллектуальный холод уже вторгся в его душу. Оркестр Люлли ради его удовольствия устроил fête galante[235] в Зеркальном зале, но он слышал лишь скрежет, с которым приближалась смертоносная инопланетная громадина. Когда солнечный зонтик скользнул между Версалем и светилом, вызвав сумерки, Сол устроился меж напудренных грудей одной из придворных дам в спальне и впервые за тридцать миллионов лет познал страх. А еще ему приснился сон. Сон принял форму воспоминания: реконструированного, реконфигурированного, воскрешенного. Солу снилось, что он – звездолет, пробудившийся от смерти длительностью пятьдесят тысяч лет благодаря теплу нового солнца на солнечном парусе. Ему приснилось, что в безбрежном сне звезда, к которой он стремился, внезапно превратилась в новую. Она отбросила фотосферу в виде туманности из лучистого газа, но взрыв был недостаточно мощным; сила тяжести притянула углерод/водород/азот/кислородную плазму, создав пузырь углеводородов вокруг звезды. Аура. Яркая игрушка. Во сне Соломона Гурски ангел без усилий парил на тектопластических крыльях шириной в сотни километров, то падая, то взмывая на потоках теплого химического ветра, разбрасывая семена длинными пальцами. В течение ста лет ангел плавал вокруг солнца, сеял, лелеял, ухаживал за странными плодами –

наполовину живыми существами, наполовину машинами.

Продолжая спать на напудренных персях придворных дам, Сол Гурски повернулся на другой бок и пробормотал:

– Эволюция.

Он мог быть лишь таким богом, в которого поверил бы сам: богом философов, созидающим, но не помогающим, невыразимым; слишком хитроумным, чтобы соваться со своим всемогуществом в вонючую вотчину живой материи. Он узрел зеленые деревья, растущие в невесомости, и огромные красные плоты ветряных рифов, колышущиеся от солнечного бриза. Он узрел живые аэростаты и медуз, разинутые пасти неутомимых пожирателей воздушного планктона, тонкие, как иглы, реактивные дротики хищных гарпунников. Он узрел, как целая экосистема соткалась из газа и энергии за тридцать миллионов лет безвременья, а еще – как разум расцвел, расселился по вселенной и впал в маразм; все это случилось в низомгновение ока.

– Эволюция, – снова пробормотал Сол, и сконструированные женщины, которым не ведом был сон, растерянно посмотрели друг на друга.

В продолжающемся сновидении Сол Гурски увидел Духовное Кольцо и корабли, странствующие между ближайшими системами. Услышал фоновой шум межзвездной болтовни: как будто в соседней комнате собрались заговорщики. Он знал этот неясный трепет жизни, растущей, переменчивой, и еще знал, что это хорошо. «Как прекрасен мир», – подумал Сол[236] и испугался за него.

Он проснулся. Было утро – в Игрушке Сола царило вечное утро. Он разобрался со всплеском тестостерона и выглянул на темную сторону Версаля, чтобы посмотреть в лицо своим ночным кошмарам. Всякий проблеск либидо тотчас же сгинул. С расстояния в восемнадцать световых часов астрономические размеры обрели эмоциональное воздействие. По внутренней поверхности каждой из шести граней Эа тянулась пестрая сине-зеленая лента. Усиленное зрение позволило разглядеть лесистые континенты и океаны под фрактальными завитками облаков. Каждый ленточный мир был шириной в две Точки Альфа, расплющенные и разглаженные, растянутые до одной целой трех десятых астрономической единицы. Сол Гурски обрадовался, что в этом воплощении не может мгновенно рассчитать, площадям скольких миллионов планет это равнялось; сколько сотен тысяч лет потребуется, чтобы пройти от одной вершины до другой, а затем узреть перед собой, с изумлением древнего конкистадора на океанском берегу, еще один мир протяженностью в

тысячелетия.

Соломон Гурски повернул Версаль лицом к солнцу. Прищурился, пытаясь разглядеть сквозь дымку Игрушки тонкие нити Духовного Кольца. Усилием разума перешел в низовремя, потому что лишь так мог общаться через вместеречь с Духовным Кольцом, своим изначальным «я». Советоваться с самим собой и исповедоваться самому себе.

«Нет связи?»

«Нет», – ответствовало Кольцо.

«Это инопланетянин? Должен ли я бояться? Должен ли я уничтожить Игрушку?»

В другие времена это была бы шизофрения, болезнь.

«Может ли оно уничтожить тебя?»

Вместо ответа Сол вообразил огромный тетраэдр рядом с браслетом из инфотекторов вокруг светила.

«Значит, ерунда, – сказало Кольцо. – Не надо бояться. Оно может причинить тебе страдания, унижение или душевную боль?»

И снова Сол транслировал образ: затененные облаками земли, простирающиеся друг над другом, как столпы Яхве; он не мог сдержать свое изумление тем, что некто потратил столько ресурсов, включая материю и мысль, ради унижения некоего Соломона Гурски – и только.

«Что ж, и с этим все ясно. А если оно инопланетное, то разве может что-то быть более инопланетным по отношению к тебе, чем ты – по отношению к древней версии себя же? Все Панчеловечество само для себя инопланетно – значит нечего бояться. Мы радушно встретим гостя, у нас к нему много вопросов».

«Не в последнюю очередь „Почему я?“», – подумал Соломон Гурски, оставшись в одиночестве под сводами собственного черепа. Он вышел из низовремени Духовного Кольца и обнаружил, что за несколько субъективных минут общения Эа миновала границу Игрушки. Передний край тетраэдра был в трех световых часах. От центра его отделяли еще полтора часа.

– Раз уж все складывается так, что мы не можем ни предотвратить, ни ускорить прибытие объекта, ни угадать его цели, пока он не соизволит связаться с нами, – сказал Сол Гурски своим придворным дамам в спальне, – давайте повеселимся.

Что они и сделали у Зеркального пруда, под музыку оркестра Люлли; каплуны жарились на углях, арлекины при свете факелов плясали и сражались, разыгрывая древние любовные и комедийные сценки, обнаженные женщины плескались в фонтане Тритона, а над ними в это время скользили фантастические земли длиной в сто миллионов километров. Эа продвигалась,

пока звезда Сола не оказалась в ее центре, затем остановилась. Внезапно, мгновенно. Небольшая гравитационная дрожь встревожила Версаль, оркестр пропустил ноту, жонглер уронил булаву, вода в фонтане всколыхнулась, женщины вскрикнули, каплун упал с вертела в огонь. Только и всего. Контроль над массой, импульсом и гравитацией был абсолютным.

Дирижер посмотрел на Соломона Гурски, подняв палочку в знак своей готовности возобновить игру. Сол не взмахнул носовым платком. Ближайший участок Эа находился в пятнадцати градусах на восток, на расстоянии в двести тысяч километров. Для Сола Гурски он выглядел как полоска залитой солнцем земли шириной в две пяди, которая бесконечно сужалась с обеих сторон, превращаясь в нить из света. Он посмотрел вверх: от вершины тетраэдра еще две блистающие нити убегали за горизонт, одна нырнула за Малый Трианон, другая – за крышу Королевской капеллы.

Дирижер все еще ждал. Музыканты замерли, прижав инструменты к лицу. На лужайке кричали павлины. Сол Гурски вспомнил, какие у павлинов мерзкие голоса, и пожалел, что воссоздал их.

Он взмахнул платком.

Столб белого света вырвался из гравийной дорожки у начала лестницы. Воздух вскипел от светящихся частиц.

«С нами пытаются связаться», – сообщило Духовное Кольцо в мгновение низовремени. Сол Гурски почувствовал, как информация, поступившая от Кольца, втиснулась в кору головного мозга: луч исходил из некоего источника, находящегося на ближней части артефакта. Текторы, благодаря которым существовала Игрушка, были перепрограммированы. Теперь они в сверхбыстром темпе создавали из версальской земли нечто новое.

Столб света рассеялся. На верхней ступеньке лестницы стоял человек: белый самец Точки Альфа, одетый в стиле Людовика XIV. Мужчина спустился по ступенькам мимо факелоносцев. Сол Гурски посмотрел ему в лицо.

И расхохотался.

– Добро пожаловать, – сказал он своему двойнику. – Присоединишься? Каплуны скоро будут готовы, можем предложить лучшие вина, доступные человечеству, и я не сомневаюсь, что вода из фонтана освежит того, кто совершил такое долгое и далекое путешествие.

– Спасибо, – сказал Соломон Гурски голосом Соломона Гурски. – Приятно встретить гостеприимный прием после затейливых странствий.

Сол Гурски кивнул дирижеру, который поднял палочку, и petite bande[237] возобновил прерванный гавот.

Позже, на каменной скамье у озера, Сол Гурски сказал своему двойнику:

– Ценю твою вежливость, но не было необходимости принимать мой облик. Все это такая же фикция, как и ты сам.

– Почему ты думаешь, что всему причиной вежливость? – спросил конструкт.

– А почему ты решил принять форму Соломона Гурски?

– Почему бы и нет, если это моя собственная форма?

Нереиды плескались в бассейне, искажая отражение Эа.

– Часто задаюсь вопросом, как далеко я сумел забраться, – проговорил Сол.

– Дальше, чем ты можешь себе представить, – ответил Сол II. Играющие нереиды нырнули; по поверхности пруда пробежала рябь. Гость наблюдал, как волны плещутся у бордюра и сталкиваются друг с другом. – Там есть Иные, о чьем существовании мы даже не подозревали, они движутся во тьме, очень медленно и тихо. Думаю, они старше нас. Они другие, совсем другие, и мы приблизились к тому непростому рубежу, где наши экспансии встречаются.

– Я предполагал, что этот артефакт – в смысле, ты – имеет инопланетную природу.

– И да, и нет. Я полностью Соломон Гурски и полностью Иной. Таков смысл артефакта; в точке, где мы находимся, возможны либо разрушительная конкуренция, либо объединение.

– Для простого воссоединения родственников ты проделал слишком долгий путь, – пошутил Соломон Гурски. Двойник рассмеялся, и Сол понял подоплеку этого смеха, его суть. Он двинулся прочь от бассейна с нереидами.

– Прогуляемся? Нам надо наверстать упущенное за тридцать миллионов лет.

Брат его догнал, и они вдвоем ушли от водоема к лесам, озаренным светом Эа. История Сола II: он летел дольше всех прочих семян, пустившихся в путь после гибели Орка. Восемьсот тысяч лет от пробуждения до пробуждения, и когда он почувствовал, как тепло нового солнца соблазнило текторные системы включиться, датчики сообщили, что в системе есть кто-то еще. Коричневый карлик, к которому приближался Сол II, разбирали и превращали в скопление космических обиталищ.

– Их технология похожа на нашу – думаю, это должно быть универсальной неизбежностью, – но они давным-давно разорвали узы, которые все еще связывают нас с планетами, – сказал Сол II. Леса Версаля на мгновение погрузились во тьму, когда небесный

риф затмил Эа. – Вот почему я думаю, что они старше нас: я не видел их первоначальную форму – они не связаны с ней, в отличие от нас; я подозреваю, что они ее забыли. Только когда мы полностью слились, я убедился, что они не были другим вариантом человечества.

На небольшой поляне стояла деревянная карусель с ручным приводом. Морды нарисованных лошадей в небесном сиянии выглядели свирепо и жалко. Деревянные кольца свисали с железных укосин на краю; деревянные копья, с помощью которых рыцари выслуживались, были заперты в чулане посередине механизма.

– Мы существуем вечно, порождаем расы, государства, целые экосистемы, но мы бесплодны, – сказал Сол II. – Скрещиваемся сами с собой. Никакого объединения различий, примирения противоположностей, гибридной энергии. С Другими был секс. Совокупление. Из слияния идей, видений и возможностей мы создали то, что ты видишь.

Первый Сол Гурски положил руку на шею раскрашенной лошади. Карусель была хорошо сбалансирована, малейшее давление заставляло ее вращаться.

– Почему ты здесь, Сол? – спросил он.

– Мы поделились технологиями, мы научились проектировать на квантовом уровне так, чтобы полевые эффекты можно было применять в макроскопических масштабах. Манипулирование гравитацией и инерцией; квантовая запутанность; мы можем создавать и управлять квантовыми червоточинами.

– Зачем ты пришел, Сол?

– Разработка альтернативных временных потоков; проектирование и колонизация множества миров, гиперпространственные и гиперразмерные процессоры. Существуют другие вселенные, и мы можем их исследовать.

Деревянная лошадка остановилась.

– Чего ты хочешь, Сол?

– Присоединяйся к нам, – сказал другой Соломон Гурски. – Ты всегда умел мечтать – мы, Соломоны Гурски, всегда умели мечтать. Человечество расширится и займет все возможные экологические ниши.

– Поглощение, – сказал Соломон Гурски. – Ассимиляция.

– Единство, – возразил его брат. – Брак. Любовь. Ты ничего не утратишь, а приобретешь все, о чем только можно подумать. Созданное тобой будет сохранено; я же, по сути, машина для запоминания. Это не уничтожение, Сол, не бойся; это не растворение твоего «я» в каком-то коллективе без личности. Это ты плюс мы. Жизнь в кубе. И, в конце концов, мы – одно семя, ты

и я, разделенные вопреки своей природе. Мы снова приобретем друг друга.

Если ничего не утрачено, тогда ты должен сейчас думать о том же, что и я, пришло в голову Соломону Гурски I. Я вспоминаю лицо, забытое более тридцати миллионов лет назад: рабби Бертельсман. Толстое, ясноглазое, приятное лицо. Он разговаривает с мальчиками в преддверии Бар-мицвы про Бога и мастурбацию. Он говорит, что Бог осудил Онана не за удовольствие от порока, а за то, что тот пролил семя на землю. Онан был бесплоден, бесполезен. Он ни с кем не поделился даром жизни. И теперь я Бог в своем собственном мире, а рабби Б. такой, с улыбкой: мастурбация, Сол. Просто затянувшееся самоудовлетворение; семя, впустую пролитое на землю. Развлекуха как она есть; бесконечное воссоздание самого себя.

Он посмотрел на своего близнеца.

– Рабби Бертельсман? – спросил Сол Гурски II.

– Да, – сказал Сол Гурски I; затем решительно, воодушевленно: – Да!

Улыбка Соломона Гурски II растворилась в пылинках света.

Внезапно внешние края огромного тетраэдра вспыхнули десятью миллионами точек алмазного сияния. Сол смотрел, как лучи проносятся сквозь Игрушку, и понимал, что они собой представляют. Манипуляция пространством и временем. Даже на скорости света Эа была слишком огромна для такой синхронности. Воздушные деревья, небесные рифы, гарпунники, сифоны, живые аэростаты, цеппелины, облачные акулы; все, к чему прикасались лучи, анализировалось, осмысливалось, запоминалось. Ангелы-летописцы, подумал Сол Гурски, пока серебряные ножи рассекали его мир. Он увидел, как Духовное Кольцо расплетается, словно спираль ДНК, и миллиард дней Соломона Гурски потоком движется по лестнице из света в Эа. Центр потерял устойчивость; гравитационные силы, которыми управляло Духовное Кольцо, поддерживая экосферу Игрушки, ослабевали. Мир Сола умирал. Ему было больно, однако он не чувствовал скорби или сожаления – скорее, свирепую радость, настоятельное желание вскочить и умчаться прочь, освободиться от огромного бремени жизни и гравитации. Это не смерть, подумал он. Ничто не умирает. Он поднял глаза. Ангельский луч прочертил жгучую дугу над крышами Версаля. Сол распахнул объятия, и свет разорвал его на части. Все хранится и воссоздается в разуме Господа. Забытый Соломоном Гурски Версаль распался на рои свободных парящих текторов.

Конец наступил быстро. Ангелы проникли в фотосферу звезды и отыскали сложные квазиинформационные машины,

которые там трудились. Солнце забеспокоилось, пробудившись от долгого забытья. Духовное Кольцо разрушилось окончательно. Осколки кувырком пронеслись сквозь Игрушку, эффектно разрывая умирающие небесные рифы, разрушая облачные леса, вспыхивая кратким блеском на похоронных орбитах вокруг набухающего солнца. Ибо звезда умирала. Хромосфера покрылась пятнами; солнечные бури проносились от полюса к полюсу в виде цунами длиной в миллион километров. Запаниковавшие стаи охотников вспыхнули и сгинули в солнечных протуберанцах, когда фотосфера дотянулась до самого края Игрушки. Звезда раздувалась и вспучивалась, как пораженное инфекцией беременное чрево: Эа манипулировала фундаментальными силами, ослабляя гравитационные связи, которые удерживали систему от распада. Для питания квантовых процессоров, творящих червоточины, потребовалась бы вся энергия звездной смерти.

Светило превратилось в поразительное блюдце из газа. В Игрушке не осталось ни одного живого существа. Все они ныне пребывали в разуме Эа.

Новая вспыхнула. От такого всплеска энергии океаны Эа должны были вскипеть, земли – выгореть до основания. Тонкие грани тетраэдра должны были сломаться, как травинки, а сам артефакт – полететь в пустоту, словно разбитое яйцо Фаберже. Но защита Эа была надежной: гравитационные поля отразили электромагнитное излучение в сторону от уязвимых пространств; квантовые процессоры поглотили шквал заряженных частиц и перенастроили пространство, время, массу.

Четыре угла Эа на мгновение вспыхнули ярче умирающего солнца. И артефакт исчез; сквозь пространство и время умчался к мирам, приключениям и переживаниям, которые не выразить словами.

Воскресенье

В преддверии конца света Соломон Гурски все чаще размышлял об утраченных возлюбленных. Если бы Юа имела полностью физическую природу, она оказалась бы самым большим объектом во вселенной. Только ее ветви – сталактиты длиной в двадцать световых лет, врастающие в илем[238], чтобы черпать из него энергию развоплощения – обладали некоторой материальностью. Большая часть структуры Юа – девяносто девять и несколько томов девяток после запятой, если говорить о процентном отношении – была свернута и спрятана в одиннадцатимерном пространстве[239]. В каком-то смысле Юа действительно являлась самым большим объектом во вселенной, ведь ее части, проявляющие себя в пятом и шестом измерениях, содержали неразвитый поток энергии, известный как «вселенная». Высшие измерения Юа содержали только ее саму и были в несколько раз больше. Она расширялась воронкообразно. Она была огромна и содержала в себе множества. Панжизнь, эта аморфная, многогранная космическая инфекция из человеческих, трансчеловеческих, нечеловеческих и панчеловеческих разумов, заполнила вселенную задолго до того, как континуум достиг предела упругости и начал сжиматься под воздействием темной материи и тяжелых нейтрино. Фемтотехнология[240] рука об руку с прыжками через червоточины распространили Панжизнь по сверхскоплениям галактик в одно мгновение божественного ока.

Не было ни человечества, ни инопланетян. Ни нас, ни других. Только жизнь. Мертвые стали жизнью. Жизнь превратилась в Юа, Панспермию[241]. Юа обрела самосознание и, подобно Александру Македонскому, испытала отчаяние, когда у нее не нашлось новых миров для завоевания. Вселенная состарилась, пока вынашивала Юа; она увяла, крючилась, истощила собственные силы. Красное смещение в спектрах галактик стало синим[242]. И Юа, наделенная атрибутами, способностями, амбициями – всем, что полагалось иметь божеству, кроме имени и мелочности, – подобно давным-давно умершему Богу из мира, миллионы лет назад превращенного в шлак взорвавшимся солнцем, занялась подготовкой к тому, чтобы воскреснуть.

Движение галактик ускорялось, гравитационные силы рвали их на звездные лохмотья. Сверхмассивные черные дыры, на протяжении миллиардов лет питавшиеся мертвыми светилами, слились и преобразились в монстров, которые поглощали шаровые звездные скопления целиком, изничтожали галактики и притягивали к себе остатки, пока те не начинали вблизи от

радиуса Шварцшильда[243] испускать сверхжесткое рентгеновское излучение. Юа, давным-давно вросшая в высшие измерения, питалась колоссальной мощью аккреционных дисков[244] и записывала в многомерные матрицы жизни триллионов разумных существ, которые следовали по ее ветвям, спасаясь от гибели. Все сущее содержится в разуме Бога: в конце концов, когда фоновое излучение вселенной асимптотически возрастет до энергетической плотности первых секунд Большого Взрыва, оно обеспечит достаточную мощность для фемтопроцессоров, вплетенных в Одиннадцать Небес, чтобы восстановить Вселенную целиком. И увидим мы новое небо и новую Землю.

В трансвременных матрицах Юа Панжизнь сочилась через измерения, стекала с кончиков ветвей в тела, комфортно чувствовавшие себя в плазменных потоках Рагнарека. В большинстве своем туристы на краю света имели облик огненных существ с размахом крыльев в тысячи километров. Звездные птицы. Жар-птицы. Но существо, ранее известное как Соломон Гурски, выбрало другую форму, архаизм с той давно исчезнувшей планеты. Ему нравилось быть тысячекилометровой Статуей Свободы с бриллиантовой кожей, с поднятым факелом, освещающим путь сквозь кружение звездного вещества. Сол Гурски мелькал между стаями светящихся душептиц, скапливающихся в насыщенной информацией среде у кончиков ветвей Юа. Он чувствовал их любопытство, восторг и отвращение при виде несообразности; никто не понял шутки. Утраченные возлюбленные. Так много жизней, так много миров, так много форм и тел, так много любви. Они были неправы – те, кто в самом начале говорил, будто любовь не может пережить смерть. Он был неправ. Смертельным врагом любви была вечность. Любовь измерялась человеческой жизнью. Бессмертие давало ей достаточно времени и пространства, чтобы измениться, стать чем-то большим, чем любовь, или чем-то в опасной степени иным. Никто бы такого не выдержал. И не выдержит. Бессмертие – это бесконечные перемены.

В преддверии конца вселенной Соломон Гурски понял: любовь живет вечно благодаря смерти. Когда время, пространство и энергия слились и перестали существовать, все сущее сохранилось в Юа, ожидая воскрешения. Самым болезненным из уцелевших воспоминаний Сола было то, в котором красный с желтыми тигриными полосками ангел-истребитель, наполовину распятый, искалеченный, падал к звездным облакам в созвездии Девы. Сол искал Элену среди триллионов душ, угнездившихся в Юа; потерпев неудачу, он стал выслеживать любого, кто ее касался, сохранил хоть какую-то память о ней. Не нашел никого.

По мере того, как вселенная сжималась – это было так же быстро и неизбежно, как давно забытый сезон в сверхнизком времени Юа, – Сол Гурски лелеял надежду, что всеобщее собрание привлечет ее. На краю сознания маячили жестокие истины: молекулярное расслоение, истирание под воздействием облаков межзвездной пыли, вероятность столкновения с какой-нибудь звездой, медленный предсмертный вой протонного распада; все это отрицало право Элены на жизнь. Сол отверг истины. Тысячекилометровая Статуя Свободы искала в сжимающемся космосе хоть один проблеск красно-желтой тигриной шкуры, встроенный в перо фрактального плазменного огня.

И внезапно по его чувствам, охватившим Одиннадцать Небес, пробежала искра узнавания. Она. Это точно она!

Сол Гурски подлетел к островку гравитационной стабильности в потоке и активировал узлы червоточин, рассеянные по всей алмазной коже. Пространство открывалось и складывалось, как оригами. Сол Гурски отправился куда-то еще.

Звездная птица питалась в насыщенных энергией пограничных областях плотного аккреционного диска. Она была огромна. Сол-Статуя был волоском в одном из тысячи ее маховых перьев, и все же она его почувствовала, приветствовала, объяла крыльями и притянула к изменчивому узору солнечных пятен, который был душой ее существа.

Он узнал эти пятна. Вспомнил аромат эмоций. И любовь. Неужели это в самом деле она, ее путешествия, испытания, переживания, муки и страдания? Простит ли она его?

Открылись пятна души. Соломона Гурски затянуло внутрь. Облака текторов проникли друг в друга, обмениваясь, делясь, записывая. Интеллектуальное совокупление.

Он испытал ее приключения среди инопланетных видов, в пять раз более древних, чем Панчеловечество; союз воли и силы, пробуждающий галактику к жизни. В более раннем воплощении он ступал по землям миров, которыми она стала, узрел династии, расы и виды, которые она произвела на свет. Он совершал с ней долгие переходы между звездами и звездными скоплениями, звездными скоплениями и галактиками. Еще глубже нырнув в прошлое, он поплыл с нею через облачные каньоны газового гиганта под названием Уризен, а когда объятия светила стали слишком тесными, преобразился и отправился с ней на поиски нового дома. Близость их соития не позволила Солу Гурски скрыть отчаяние.

«Прости, Сол», – проговорила звездная птица, некогда известная как Ленья.

«Тебе не за что извиняться».

«Мне жаль, что я не она. Мне жаль, что я никогда не была ею».

«Я создал тебя, чтобы ты стала моей возлюбленной, – сказал Сол. – Но ты стала чем-то более древним и прекрасным – чем-то, что мы утратили».

«Дочерью», – подсказала Ленья.

Синее смещение отметило немыслимо длинный промежуток времени в преддверии конца света. Потом Ленья спросила:

«Куда ты пойдешь?»

«Найти ее – единственное незаконченное дело, которое у меня осталось».

«Да, – согласилась звездная птица. – Но мы больше не встретимся».

«В этой вселенной – нет».

«В другой тоже не встретимся. Значит, это смерть, вечная разлука».

«Мои сожаления безграничны, – вместесказал Сол Гурски. Ленья распахнула сердце, и облака текторов разошлись. – Прощай, дочь».

Статуя Свободы отделилась от тела звездной птицы. Квантовые процессоры Леньи создали в водовороте бассейн гравитационного спокойствия. Сол Гурски осуществил манипуляцию с пространством-временем и исчез. Он вернулся в континуум так близко к ветке Юа, как только осмелился. Силой мысли переместился в зону досягаемости дендритов. Когда они втянули его внутрь, еще одна мысль растворила Статую Свободы, созданную шутки ради, в потоке плазмы. Соломон Гурски взмыл вверх по дендриту, через ветку, в матрицу души Юа. Там он вырезал себе нишу на одиннадцатом и самом высоком небе и из глубокого вневременья стал наблюдать за концом вселенной.

Как он и предполагал, закончилось все огнем, светом и славой. Он увидел, как пространство и время схлопнулись за пределами планковских единиц; он почувствовал, как градиенты энергии стремятся к бесконечности по мере того, как Вселенная приближалась к нулевой точке, из которой спонтанно возникла. Он ощутил, как универсальные процессоры, рассеянные по одиннадцати измерениям, перехватили эту энергию до того, как она иссякла, и применили с пользой. Это был всплеск, фонтан силы и страсти, как воспоминание об оргазме, похороненное глубоко в цепочке воспоминаний, которая и была днями Соломона Гурски. Из света в энергию, из энергии в память, из памяти в плоть. Сохраненные воспоминания Юа, история каждой частицы в предыдущей вселенной, были вплетены в ткань бытия. Умные суперструны катали шарики из свернутого

одиннадцатимерного пространства, как священные скарабеи – навоз. Пространство, время, масса, необузданная энергия; вселенная умерла в квантовой флуктуации и возродилась в первозданном свете.

Соломон Гурски ждал в низовремени, где эоны коротки, как вздох, и ему показалось, что кто-то отдал приказ силам творения. Вспыхнул яркий свет – и галактики, скопления, звезды возникли перед ним разом, живые. Из сот Юа уже выползали идентичности, вливаясь в поток времени и новые тела, но то, что возродилось, было не вселенной, а вселенными. Воскресшие не были обречены слепо повторять свои прежние жизни. Каждый выбор и поступок, которые расходились с шаблоном, порождали еще одну вселенную. Сол и Ленья не соврали, когда сказали, что больше не встретятся. Точка входа Сола в мультивселенную была на тысячу лет раньше, чем у Леньи; мир, который он намеревался создать, никогда не пересечется с ее миром.

Старшие расы уже превратили мультивселенную в мильфей[245] альтернатив. Сол тщательно отслеживал нужный временной поток сквозь дымку вероятностей, пока первые люди вернулись в прошлое своей планеты. Звезды, складывающиеся в знакомые созвездия, оповестили Сола, что с появлением он промахнулся всего-то на пару сотен тысяч лет. Он отправился в путь по матрицам измерений, на каждом уровне приближаясь к временному потоку той вселенной, куда хотел попасть.

Соломон Гурски висел над вращающейся планетой. Цивилизации рождались и приходили в упадок, империи расширялись и рушились. Появлялись новые технологии, новые континенты, новые нации. Все это время альтернативные Земли уносились прочь, как оторванные страницы календаря на ветру, когда мертвые создавали новые вселенные для колонизации. Совсем скоро. Считанные мгновения. Сол выпал из времени Юа во временной поток обычных людей, как падает капля молока из набухшей груди.

Соломон Гурски упал с небес. Его возвращение к плотской жизни сопровождали иллюзии и трепет предвкушения. Светящиеся образы; инверсионный ангел, осветивший ночную половину планеты во время полета через темный океан к берегу, горе, долине, зареву костра среди цветущих кактусов. Тоска. Желание. Страх. Обретение и утрата. Господь так задумал: если хочешь, чтобы исполнилось заветное желание, надо отказаться от своей сути. Надо ее полностью забыть. В стеганом спальном мешке у костра, в укромной долине, овеянной ароматом кактусовых цветов, мужчина по имени Соломон Гурски проснулся от внезапного озноба. Ночь. Тьма. Звезды пустыни наполовину

завершили свой круг. Окруженный камнями костер догорел до потрескивающих красных углей: ночные ароматы околдовали проснувшегося. Мотыльки тихонько порхали в поисках нектара. Сол Гурски всеми пятью чувствами впитывал свой мир.

«Я жив, – подумал он. – Я здесь. Снова».

Первозданный свет полыхал в его заднем мозгу; воспоминания о Юа, о силе, подобной всемогуществу. О жизни, которая пережила свою родную вселенную. Миры, солнца, формы. Вспышки, мгновения. Слишком массивные и плотные, чтобы уместиться в комочке серого вещества. Слишком яркие: никто не может жить, помня о том, что был богом. Эти воспоминания исчезнут…

…они уже тускнели. Нужно было помнить лишь о том – и он точно это не забудет, – что надо помешать этой вселенной следовать предначертанным курсом.

Осознав, что за ним наблюдают, он вздрогнул. Элена сидела на границе тени и света от костра, подтянув колени к подбородку и обняв их, смотрела на своего спутника. Кажется, подумал Сол, она смотрела так, без его ведома, уже довольно долго. Удивление и тревога от того, что он стал объектом чужого внимания, умерили как все еще свежую страсть, так и угасающие воспоминания о любви, продлившейся целую вечность.

Дежавю. Но в прошлый раз ничего подобного не случилось. Вот и первые расхождения.

– Не спится? – спросила она.

– Приснился очень странный сон.

– Расскажи.

Отношения были на той стадии, когда они искали в снах друг друга намеки на любовь.

– Мне приснилось, что наступил конец света, – сказал Сол Гурски. – Все закончилось сиянием, и оно было подобно кинопроектору, который сохранил образ мира и того, что в нем есть – в результате мир был воссоздан, как уже бывало раньше.

Пока он говорил, слова становились правдой. Да, это был сон. Жизнь, тело, воспоминания – вот на что следует положиться.

– Похоже на машину Типлера, – сказала Элена. – В основе которой лежит идея, что энергия, высвобожденная в результате Большого Взрыва, может запустить некое голографическое воссоздание всей Вселенной. Я полагаю, имея в своем распоряжении достаточно развитую нанотехнологию можно и впрямь построить точную копию вселенной, атом за атомом.

У Сола свело внутренности от леденящего душу ужаса. Она, конечно, не могла ничего знать. Немыслимо, чтобы она что-то помнила.

– Какой смысл строить точную копию?

– Ага. – Элена уткнулась щекой в колено. – Но вот в чем вопрос: это происходит впервые, или мы уже сидели вот так неоднократно, каждый раз чуть-чуть иначе? Это первая вселенная, в которой мы встретились, или нам просто так кажется?

Сол Гурски посмотрел на тлеющие угли, потом на звезды.

– Народ не-персе верит, что конец света наступил на третий день существования мира, а мы живем в снах второй ночи.

Воспоминания – исчезающие, как летние метеоры высоко над головой – подсказали Солу, что он уже говорил это однажды, в их будущем, после своей первой смерти. Он произнес те же слова сейчас с надеждой, что будущее не наступит. Всякое отличие, любая мельчайшая деталь отдаляли эту вселенную от той, где ему было суждено ее потерять.

Сломанный крест из тектопластика в тигровую полоску летел, кувыркаясь, в сторону созвездия Девы. Сол моргнул, прогоняя призрака. Тот поблек, как и прочие. Они исчезали быстрее, чем он предполагал. Надо кое-что проверить, пока и это воспоминание не ушло. Он выпутался из спальника, подошел к велосипеду, обессиленно лежащему на земле. При свете отсоединенного велосипедного фонаря проверил кассету.

– Что ты делаешь? – спросила Элена, сидя у костра. Их отношения начались недавно, однако Сол помнил эту мягкую настойчивость по вопросу, заданному в другой жизни.

– Проверяю трансмиссию. Что-то она мне сегодня не понравилась. Ненадежная какая-то.

– Днем ты ничего об этом не сказал.

Верно, подумал Сол. Я не знал. В тот раз – не знал. Кассета блеснула в свете фонарика, как будто одарила его зубастой улыбкой.

– Мы их замучили. Я как-то прочитал в журнале по велоспорту, что бывает такая штука – усталость металла. Кассета ломается напополам – хрясь, и все.

– На новеньких велосипедах за две штуки баксов?

– На новеньких велосипедах за две штуки баксов.

– И как же мы решим эту проблему в час ночи посреди пустыни Сонора?..

Опять этот многозначительный тон. Еще мгновение, Элена. Я должен убедиться, что дальше все пойдет как надо.

– Что-то я переживаю. Давай больше не будем подниматься в горы, пока не проверю трансмиссию. Вдруг сломается…

– Ну давай, говори уже, хватит меня бесить.

– Я не в восторге от завтрашнего подъема на гору Крови Христовой.

– Хм. Понятно. Ну ладно.

– Может, стоит поехать на запад, к побережью. Сейчас сезон китов, я всегда хотел на них посмотреть. И там очень вкусные морепродукты. Есть одна забегаловка, где знают пятьдесят способов приготовить игуану.

– Киты. Игуаны. Уговорил. Все, что пожелаешь. А теперь, раз уж ты окончательно проснулся, тащи-ка свой зад прямо сюда, Сол Гурски!

Элена встала, и Сол убедился в справедливости того, что заподозрил по ее позе. На ней была только короткая велосипедная маечка. Все хорошо, подумал он, когда схватил ее и повалил, со смехом и воплями, на спальник. И одновременно позабыл обо всем, даже о тех Эленах, которым не суждено было возродиться: о коротко стриженной заговорщице, жаждущей свободы, о четырехруком космическом ангеле. Они исчезли.

Звезды двигались по предопределенным маршрутам. Мотыльки и летучие мыши, обитатели кактусового леса, порхали в мягкой тьме, и глаза существ, которые на них охотились, блестели в свете костра.

Невыспавшиеся Сол и Элена все еще смеялись, когда с рассветом закрылись цветы на кактусах. Они позавтракали, собрали свой маленький лагерь и отправились в путь еще до того, как солнце полностью поднялось над вершиной горы Крови Христовой. Они выбрали западную тропу, уводящую от холмов и городка под названием Реденсьон, который прятался где-то там со своим грузом воскрешенного горя. Они ехали по длинной дороге, ведущей к океану, и утро понедельника было ясным, чистым и бесконечным.

Тайное место

Гуси вернулись к Тайному месту, и я этому рада. Некоторые, вероятно, прилетели ночью, потому что, хоть я и ранняя пташка – пребендарий обычно встает с восходом солнца, – вдоль обнажившихся с отливом илистых отмелей уже кормятся группы и семьи. Хриплые крики над крытой галереей «Приветствие западному ветру» вынуждают меня приостановиться по пути в Ясли и посмотреть на небо. Прикрыв глаза от солнца над горизонтом, я вижу, что над квадратом внутреннего двора летит неровный клин. Верная примета: зима наконец-то закончилась. Я искренне полагала, что она будет вечной. Но вот зима испустила последний вздох. Теперь пришел черед короткого, яростного лета Высокого юга. Надо выжать все возможное из нескольких недель тепла, жизни и роста, пока холода не нагрянули вновь. Здешнего лета я еще не видела; зима оказалась жуткой для уроженки Туншабеля с его мягким климатом.

– Покажи мне гусей, пожалуйста, – просит пребендарий, пока я помогаю ей одеваться. Я приношу ее любимую тельбу с горностаевой оторочкой на капюшоне и рукавах, но она отказывается. – Сегодня мне это не нужно.

Посол Клады может одеваться на свое усмотрение, даже если до ее шестого дня рождения еще две недели.

– Как пожелаешь, – говорю я с поклоном, и мы возвращаемся в спальню, чтобы посмотреть на диких гусей. Долго стоим у большого окна – в Тайном месте лишь оно одно выходит наружу, на серый морской залив и простирающийся за ним ледник Хардрисаг.

Зима всегда близко. Вечный лед вымораживает меня до глубины души. Ему сто тысяч лет. Теперь я понимаю, почему окна этой древней твердыни, принадлежавшей династии морских владык, обращены внутрь. Я думаю о севере, об Ан-Шабе и Туншабеле с его виноградной долиной, а также о Фодле.

Вододададада прохладная теплая над грудью-животом поворот головы, быстрый вдох, в глазу щиплет, мышцы напряжены, запах прохладноводный, хлорка, вдохохохох и ныряй повернись у ног, бледных ног, где дрейфующий бок, плывем, мы плывем, удрали с работы в обеденный час как она якобы всегда теперь делает: мы плывем вдвоем, мы стоим вдвоем, глядим из единственного смотрового окна на верхотуре одной парой глаз.

Тремер.

Теплые пальчики пребендария находят мои. Знаю, она чувствует, как я вздрагиваю. Смотрю на нее. Пребендарий

отвечает взглядом снизу вверх, необычайно взрослым для без пяти минут шестилетки. Но такова правда. Она старше на несколько жизней. Вы что-то слышали, пребендарий Шодмер? Нет. Она сама по себе, соло, одиночка. *Тремер* – странный, чуждый ей социологический феномен.

Меня и впрямь бросает в дрожь от этой посланницы инопланетян.

* * *

Захожу к Кларригу и Кларбе ради утреннего отчета, а они готовят мне к завтраку мате, ставший традиционным. Забавная, суетливая парочка. Сегодня никаких важных новостей об их приготовлениях к свадьбе. Мне трудно вообразить, что за пара пожелала сочетаться с ними браком, и все же я надеюсь, что на столь позднем этапе ничего не пошло наперекосяк. Мне хватает ума не спрашивать. За неполный год в Тайном месте я кое-чему научилась у дипломатов. Как обычно, по радио гремит «Голос Ан-Шабхи». Новости: криминал, скандал, пороки, коррупция. Забавно, что единственная зима на юге способна вызвать ностальгию по всему этому.

– Гуси, – говорит Кларриг.

– Может, на Науле их нет, – предполагаю я.

– Такое ощущение, что на Науле почти ничего нет, – замечает Кларба.

Я потягиваю обжигающий, почти безвкусный мате через серебряную соломинку, пока Кларриг проверяет утреннее расписание. В восемь часов, после завтрака и уроков по лингвистическому совершенствованию, состоится открытый форум для всех посольских миссий. У трайнской делегации отдельная часовая аудиенция в девять, затем перерыв до трех. Пусть Шодмер и наделена умом, памятью и речами наульского пребендария из Клады, но она шестилетняя девочка-соло и нуждается в отдыхе, чтобы восстановить силы и размяться.

– Вот. – Кларба бросает мне пластиковый футляр с полным шприцем для подкожных инъекций.

– И вновь повторяю, что у меня от этого болит голова, – говорю я.

– Как у тебя с трайнским?

– Могу заказать ужин в Клутае.

– Надо ширнуться, Фодаман.

От полуулыбки Кларбы я вечно капитулирую. Вот и сейчас он мне улыбается, и я – хотя и не преувеличиваю, когда говорю ему,

что от лингвистической ДНК мне светит полдня мигрени, – забираю шприц. Ничего страшного. Может, начинаю понимать, что такого у-Традан находят в братьях Гахадд. Итак, прежде чем пойти в Ясли и привести пребендария на беседу с дипломатами и политиками со всего мира, я проскальзываю в туалет, чтобы опорожнить мочевой пузырь, поскольку этикет требует, чтобы я все время оставалась на коленях, обнажаю бедро и быстро втыкаю иглу в плоть. Пока я стою на своей мантии, новые слова проносятся клином, словно перелетные гуси, под небесными сводами моего черепа, садятся на равнины разума группами и семьями, пасутся, размножаются, собираются в стаи, хлопая крыльями так сильно, что я боюсь, как бы поднявшийся ветер не сбил меня с ног.

Главный вопрос, интересующий трайнцев – аднот, таинственный артефакт Клады, вращающийся вокруг нашего мира. Трайн – педантичное, сдержанное государство, склонное к секретности и аристократическому высокомерию; по крайней мере, таким его считают в Ан-Шабе. Трайнцы завидуют нашим успехам и нашему обществу, такому открытому и энергичному. В этой истории с Кладой они наши соперники и, возможно, враги. По правде говоря, я нахожу министров иностранных дел, Ауведа и Ханнаведа, образованными, остроумными и ничуть не заносчивыми, а их предполагаемый педантизм кажется мне достойной восхищения решимостью докопаться до истины. Без сомнения, у них тоже есть предубеждения относительно жителей Ан-Шабы.

Сессия выматывает. Вопросы кажутся придирчивыми и повторяющимися даже мне, не говоря уже о шестилетней девочке. После обеда я увожу пребендария Шодмер в спаленку, чтобы она отдохнула. Включаю игрушку-мобиль над кроватью: звучит старая-престарая туншабельская колыбельная, которую Шодмер любит, хотя не понимает. Какие песни поют детям перед сном на Науле? Жалюзи наполовину закрыты; послеполуденный свет, проникая через высокое окно, разбивается на теплые осколки и падает ей на лицо. Я представляю себе, что у нее и впрямь такая кожа: узорчатая, мраморная, инопланетная. Я почти целую это лицо. Почти. Смотрю на нее, одинокую в спальном алькове – посреди белых простыней, словно посреди ледника. Она слишком мала для всего, что происходит. Я вздрагиваю, качаю головой. Какое-то смутное дурное предчувствие; или это начинается мигрень, которую я себе пообещала? Как бы то ни было, я встаю и закрываю жалюзи, затем иду и отчитываюсь перед кураторами, Та-Гаххад. У меня две роли здесь, в Тайном месте, древнем пристанище морских охотников. Первая – страж пребендария

Шодмер из Клады, вторая – шпионка.

* * *

– Не «Аднот», а аднот.

– То есть это не название космического корабля, а тип или класс?

– Не название и не тип звездолета или космолета. Это аднот.

– Автоматизированное устройство? Робот, разумная машина?

– Возможно. Он вещь в себе.

– Значит, его нельзя использовать для перевозки пассажиров между звездами или мирами?

Доля напряжения в голосе шестилетней девочки, которая пытается разъяснять взрослые слова и идеи – им, наверное, сотни тысяч лет, – передается мне, когда я пересказываю вопросы и ответы. Моя память, как всегда, безупречна. Я подозреваю, что именно это качество помогло заслужить эту должность на холодном юге, чтобы подслушивать, шептать и запоминать.

– Как вы себе это представляете? Ничто органическое не может пережить транспортировку со скоростью аднота.

– Пребендарий, при всем уважении, вы же ее пережили.

– Мои воспоминания. Моя личность. А тело вы сами создали. Клада огромна. Больше и старше, чем вы могли бы вообразить. Возможно, цивилизации IV типа[246] способны переносить человеческие тела в пространстве с релятивистскими скоростями – хотя я не представляю себе, зачем им это, – но мы не можем. Мы связались с вами через аднот. Если так будет проще, думайте об этой «личности Шодмер» как об элементе аднота на орбите вашего мира.

Легкий испуг. Трайнские министры иностранных дел попросили сделать паузу на несколько минут, подозвали советников и атташе. Пребендарий покачалась взад-вперед на стуле с упором для коленей, как будто умоляя, чтобы все поскорее закончилось. Я тоже этого хотела, но сперва желала бы расспросить, почему их так интересует аднот, какую пользу в нем они видят – или не видят – для своих национальных интересов. Я бы еще спросила про общество настолько огромное, что его границы растут быстрее, чем их можно нанести на карту. Попыталась бы заглянуть в самые недра полумиллионной истории. В моей голове витали вопросы, которые могли бы задать люди с сиянием звезд в глазах, а не политики, выпрашивающие голоса избирателей. За фасадом детской непоседливости пребендария я ощущала то же самое разочарование.

– Они зациклились на адноте, – замечает Кларба и делает пометку на экране наладонника. – А вдруг у них есть данные со спутников, которых нет у нас?

Вспышка *тремера* между братьями: в момент совместного осознания они приходят к согласию о дальнейшей стратегии. Я думаю о том, как мало у нас с Фодлой разделенных моментов. До заплыва в обеденный перерыв последним контактом оказался сумеречный проблеск: танцевальная музыка на Фестивале нового вина в Нарраване, Фодла с Адмер и Адмолой едут по переполненным улицам, высматривая место для парковки. Помню, как испугалась за гуляк в масках: Фодла всегда была ужасным водителем. Я увидела, как братья Брейнт – в роли двуединого Бога вина – катались пьяные в своих паланкинах, а молодежь гонялась за ними по площади; я ощутила запахи раскаленного свиного жира, горячего масла, древесного дыма с примесью пряных трав. Я смаковала слегка отдающий мочой привкус молодого вина из только что открытых бочонков. Я заметила, как над Часовней виноторговца взорвался фейерверк. Нарраван: осенний фестиваль. Прошел уже целый сезон. Хотя *тремер* не знает физических границ – Клада с ее протяженностью в тысячи световых лет еще может это проверить на практике, – разлука ему препятствует.

– Есть что-нибудь по-настоящему важное? – спрашивает Кларба, открывая на наладоннике канал связи с собственными кураторами в Далит-Тале.

– Обычная космическая трескотня о присоединении к семье Панчеловечества и тому подобное. Ничего особенного.

– Тебе не нравится этот ребенок, – замечает Кларриг.

Я пожимаю плечами.

– Не испытываю к ней неприязни; она просто заставляет меня нервничать. Вы не проводите с ней так много времени, как я. Я ее как следует изучила.

Кларриг с трудом встает и начинает возиться с чайником, чтобы сделать новую порцию мате. Судя по тому, сколько братья пьют, у них мочевые пузыри растягиваются, как кожаные мехи.

– Зато я изучил тебя, Фодаман. У тебя предубеждения относительно соло, вот в чем проблема.

– Для ребенка такое состояние противоестественно.

– Вы, ксено, сами это придумали.

Я отбрехиваюсь стандартными фразами о необходимости создать для пребендария среду, настолько похожую на ее родину, насколько мы способны таковую восстановить по Монологу.

– Ее родина здесь, Фод, – говорит Кларриг.

Он предлагает чай, но у меня есть обязанности, которые я

предпочту времяпрепровождению с толстячками Та-Гаххад с их мате и планами счастливой жизни в браке. Поднимаясь по большой лестнице в Ясли, я обдумываю старое известие, раннее откровение, полученное нами еще до аднота и пребендария, во время первого контакта через радиосвязь и Монолога, который отправили с Наула, расположенного в восьмидесяти семи световых годах от нашей системы. Можно забраться куда угодно во вселенной, и повсюду повстречать один-единственный разумный вид – людей. Их будут тысячи разновидностей, но все останутся частями одной огромной семьи. Клада. Зоологический термин, таксономическая формулировка. Набор сходных видов внутри одного рода. Невзирая на все разнообразие человеческих существ, существует единственный мир, где они рождаются парами.

* * *

Сейчас ранний полдень, и мы в долине. Это любимый маршрут пребендария для прогулок, тайное место в Тайном месте. Шодмер может изрекать слова и истины как взрослая женщина, но развлекается как шестилетка. Здесь, у ручья Шибна, есть бухты с галечными пляжами и скальные бассейны, быстрины и камешки, по которым можно перейти на другой берег, а также замшелые валуны и нависающие деревья, похожие на руки и лица. Удовольствий предостаточно. В первый раз увидев, как оляпка бесстрашно нырнула в белую воду и появилась на валуне у дальнего берега, Шодмер была так ошеломлена, что я чуть не вызвала медиков, опасаясь какого-нибудь психического припадка: слишком много воспоминаний сразу. Парилка, ле́дник, старое жилище отшельника, вырубленное в скале над глубоким, темным бассейном – эти места всегда полны чудес. Каждый раз она звонит в отшельнический железный колокол. Сегодня короткий желоб, посредством которого пруд отшельника наполняется водой, гремит, а каменная чаша вся в молочной пене от тающих льдов в горах. Желоб забит сучьями и ветками; мы мрачно наблюдаем, как целое деревце кувыркается в пенистом потоке, достигает конца канала и застревает между валунами в бассейне. Она хочет его сдвинуть: если деревце не начало это путешествие по собственной воле, пусть хоть закончит свободным.

– Поток унесет тебя, как веточку, – возражаю я и снова вижу разлад между телом ребенка и взрослой женщиной, которая в нем обитает. Мы пробираемся к водопаду через пробуждающийся лес. Березы разворачивают крошечные конусовидные листья из почек,

похожих на наконечники копий. Зеленый цвет на серебристом фоне так же поразителен, как костюм и маска надтанской танцовщицы. Как странно – я чувствую запах времени года. Птицы на склонах долины поют, словно обезумели.

– Идем, идем, я хочу тебе кое-что показать, – восклицает Шодмер, таща меня за руку по грязной тропинке между березами. Я поскальзываюсь, пачкаю брюки и подол тельбы. Едва сдерживаю ругательство. Пальцы упрямо тянут. – Быстрее!

Мы поднимаемся на невысокий гребень и останавливаемся на краю лощины, где когда-то зимой упало дерево и повалило соседей. Стволы сгнили, но под сплетенными корнями раскинулся ковер из большего количества весенних цветов, чем я когда-либо видела. Желтые, белые; хрупкий пурпур рябчиков; голубые грозди диких гиацинтов. Я чувствую запах чеснока, крепкой молодой зелени. Растения притаились под пологом из поваленных деревьев, как подношения в святилище. Сколько раз я шла по тропинке всего в нескольких шагах от этого тайного места, не подозревая о его существовании? Шодмер открыла мне секрет, хотя здесь я новичок, чужачка.

– Как красиво. – Собственные слова кажутся мне банальными, поэтому я превращаю сказанное в вопрос: – Ардран привела тебя сюда?

– Нет, – осторожно говорит Шодмер. – Это я привела ее.

Я успеваю подумать о том, кто из нас пришелец на этой планете, и тут Шодмер спрашивает:

– У тебя нет детей?

– Нет.

– У Ардран были. Она рассказала мне все о них, Анлил и Антабан, Трайба и Трайварра. Мне бы хотелось с ними познакомиться. Я бы с удовольствием привела их сюда.

Какое-то время мы смотрим на цветы. Я жду следующего вопроса. Я догадываюсь, каким он будет.

– Почему забрали Ардран? У тебя нет детей, ты многого не знаешь; почему сейчас со мной ты, а не она?

Профессия и навыки предлагают мне выход из западни, и я не ищу другого.

– Все дело в том, на какой стадии ты сейчас находишься. В ближайшие несколько месяцев проявятся совершенно новые уровни воспоминаний и впечатлений. Пришло время больших перемен, и мы подумали, что ксенопсихолог не помешает. Все это часть плана развития. Я была в команде, которая его составляла, так что оказалась идеальным кандидатом. В каком-то смысле я знаю тебя гораздо дольше, чем ты думаешь. Ты, вероятно, этого не осознаешь, но между прибытием аднота и твоим рождением

прошло много лет подготовки.

Шодмер смотрит на меня, впервые кое-что понимая.

– Я была первой?

Где-то вдалеке доносится гул приближающегося конвертоплана. Венжетская делегация. Я могла бы сейчас закончить эту экскурсию, сославшись на необходимость провести инструктаж для гостей, перед этим сменив запачканную одежду и вымыв руки. Нет. Она открыла мне свой секрет; я поделюсь одним из своих.

– Нет.

Ее хватка слабеет.

– Сколько их было?

– Ты вторая, если не считать эмбрионы, которые не прижились, и самопроизвольные выкидыши в первом триместре. Мы были готовы ко многим другим неудачам; технология чересчур продвинута для нас, методы нам описали через Монолог.

– А первая?

– Девочка, как и ты. Твоя копия. Она родилась живой и дышала, но не было признаков мозговой активности. Наномеры памяти загрузились неправильно. Вегетативная нервная система руководила моторными функциями достаточно хорошо, но высшей когнитивной деятельности так и не случилось. Она не очнулась – это называется «перманентное вегетативное состояние».

– Понимаю, – говорит пребендарий Шодмер таким старым голосом, что я вздрагиваю. – У нее было имя?

Конвертоплан приближается.

– Шотаман, – говорю я.

Пребендарий размышляет. Потом говорит:

– Итак, у меня была сестра. Идентичная мне, близнец. Значит, я такая же, как и все вы, я не одиночка – как вы их называете, соло?

Конвертоплан пролетает к северу от нас, достаточно близко, чтобы его было видно сквозь заросли берез. Двигатели и винты поворачиваются в режим посадки, он исчезает за скатными крышами Тайного места, опускается на площадку. Шодмер наклоняет голову.

– Кажется, это делегация из Венжета, – говорит она. – Значит, нам пора идти.

* * *

Два начала. Две истории.

В первом начале было море: Детример, бескрайний мир-океан. Он тянулся куда ни кинь взгляд, не заканчиваясь, его терзали множество штормов, и его поверхность белела от пены. Воды Детримера были кристально чистыми – не синими, как сейчас, ибо тогда не существовало неба, одно лишь ничто, а ничто не имеет цвета. Океан был безвкусным и прозрачным, как дистиллированный. Еще в Детримере не было соли. И ничего живого тоже не было. Птиц не существовало, поскольку не было неба, в котором они могли бы летать. Плыла по этому океану лодка, и имя ей было Дан-ху. Никто не знает, как давно началось ее путешествие по Детримеру, однако двигалась она целенаправленно и решительно. На веслах, которых было два ряда, сидели попарно представители всех живых Народов, и благодаря их усилиям Дан-ху все плыла и плыла через Мировой Океан. Гребцы эти – микробы, растения, рыбы, птицы, звери и люди – были существами божественной природы, равными друг другу; каждая пара братьев или сестер – Бог. Надо заметить, имелась у Дан-ху одна особенность: никто не знал, куда направляется лодка, потому что все направления выглядели одинаковыми, однако за кормой море отступало. Вода стекала по склону мира, обнажая голые скалы, и вот так на свет явилась суша. От того, как струились по скалистому берегу пенные потоки, море взволновалось, вспенилось, возникли новые течения, и хотя Дан-ху была такой громадной лодкой, что и слов не найти, ее все равно швыряло по бурным волнам, словно игрушечную, ибо ничто на свете не может быть громаднее океана. Сто дней и сто ночей гребцы Дан-ху сражались со штормом. На сто первый день волна, подобных которой еще не существовало, подхватила лодку и швырнула на сто один километр в сторону суши, где Дан-ху и разбилась, ударившись о голые скалы, от чего вся жизнь, что содержалась внутри нее, выплеснулась наружу. Выжившие устроили совет, где председательствовали Секвойи – мудрейшие из всех существ. На небе все еще не было облаков, ибо первозданный свет не сгустился в шар солнца. От жары многие погибли. Три четверти Народа Рыб сгинули в этом неослабевающем мировом сиянии. Оставшимся удалось спастись лишь благодаря лужам и озерцам, возникшим во время отступления Детримера. Они тоже приняли участие в Совете Секвойи, ибо он объединил все живое. В конце концов было решено, что существа должны расселиться по всему круглому миру. Микробы поднялись с ветром и основали свое великое государство; Народ Рыб уплыл по водам озер и рек, а вот прочие очутились в западне, даже насекомые, поскольку они еще не

украли у птиц секрет полета. Будучи крошечными, насекомые в совершенстве освоили науку воровства, и потому птицы за ними охотятся – хотят вернуть свое. Именно птицы пришли на помощь остальным. Они соорудили качели из обломков Дан-ху и ухватили их лапками, клювами. Животное, растение или насекомое садилось на эти качели, и птицы поднимали его повыше в чистое небо, откуда мир выглядел большим голубым шаром. Птицы развезли их по всему миру, поселили в самых разных его уголках – и вот так он стал обителью многих Народов, каковой остается и по сей день. Поначалу Народ Людей состоял из шести пар братьев и сестер. Старшая из женщин родила первой: детьми ее были Кантаюма и Астьяман, небесные близнецы, брат и сестра, мальчик и девочка, и все сочли такое противоестественным, мерзким. Эти двое были так чужды привычному порядку вещей, что отталкивали друг друга, и один стал светом, а другая – тьмой. В конце концов противостояние вынудило их покинуть круглый мир и отправиться в небо, где брат превратился в солнце, а сестра – в луну. Однако они остались родней, ибо появились на свет из одной утробы, и поскольку воспоминания об этом с ними навеки, даже сейчас луну иной раз можно увидеть днем, вместе с солнцем. И все же вражда, начавшаяся еще до рождения, приводит иной раз к затмениям, лунным и солнечным.

Такова одна из версий сотворения мира. А вот другая.

Одиннадцать с половиной тысяч лет назад устройство, известное как корабль-яйцо, прибыло в нашу солнечную систему после восьмивекового путешествия из Лолела, расположенного на расстоянии ста двенадцати световых лет. Лолел и сам был заселен пятнадцать тысяч лет назад кораблями, разлетевшимися повсюду из Дрейла, одного из одиннадцати миров, колонизированных во время первой экспансии Сейяманга. Сам Сейяманг уже давно совершил скачок к цивилизации типа II-а[247]; колонии веками не получали от него никаких аднотов. Наша система была впервые оценена как гостеприимная для разумной жизни древним и консервативным народом космоплавателей Уджайр. За пятнадцать тысяч лет до нашей эры уджайрский флот из девяноста тысяч космических обиталищ прервал межзвездный полет и образовал плотную оболочку вокруг нашего солнца. На орбите они провели триста лет, поглощая солнечную энергию и с помощью нанороботов перерабатывая наш пояс астероидов в новые маленькие миры. Затем Уджайр двинулись дальше, к колоссальным энергиям галактического ядра, где, по слухам, высокоразвитые цивилизации III типа[248], наделенные биологическо-электронным

интеллектом, купались в излучении черных дыр, которое растворило бы простые разумные углеродные соединения. Уджайр желали заключить союз с расами ядра. Наша планета, Фанад, не представляла для них никакого интереса. Они не ценили бледно-голубые гравитационные колодцы. Но в какой-то момент Уджайр все же сообщили одной из цивилизаций, скованных гравитационными узами, о существовании перспективной каменной глыбы.

Наши автоматические зонды обнаружили свидетельства инженерной деятельности Уджайр на некоторых кометах с длительным периодом обращения. Наши теории планетарной эволюции всегда противоречили результатам наблюдения за солнечной системой. Теперь мы узнали, в чем проблема. Уджайр уничтожили наш пояс астероидов подчистую.

Одиннадцать с половиной тысяч лет. Восемьсот лет. Сто пятьдесят веков. Восемьдесят восемь тысяч лет с тех пор, как первые зонды покинули систему Сейяманг, двигаясь со скоростью света. Сигнал, отправленный Уджайр на Лолел, летел к месту назначения сто пятьдесят лет. Сто пятнадцать с половиной тысяч лет. Исторические хроники Клады охватывают в четыре раза больший промежуток времени.

Корабль-яйцо был автоматизированным создателем миров. Он не вез ничего живого – никаких первопроходцев, нетерпеливых колонистов. Его сердцем была обширная генетическая база данных всевозможной жизни, которая должна была заселить планету: от почвенных бактерий до людей. Генетический код был первобытный; наульцы предполагали, что он не изменился со времен колыбели человеческой цивилизации. К ДНК прилагалось множество машин, от микроскопических наночастиц, которые могли манипулировать цепочками макромолекул, чтобы адаптировать живые существа к новым условиям, до дирижаблей размером с тучи, которые бороздили ионосферу, аккуратно уничтожая озоновый слой при помощи сложных хлорфторуглеродов. Несколько десятилетий воздействия жестких ультрафиолетовых лучей должны были стерилизовать местную микрофауну, а затем раздутые брюха дирижаблей могли разорваться и пролиться дождиком из бактерий. Как только концентрические оболочки машин отделились от корабля-яйца, от него осталась примерно дюжина желточных мешков, прицепленных к хребту аннигиляционного тормозного двигателя. Запуск корабля-яйца был колоссальным, грандиозным предприятием, которое потребовало задействовать ресурсы целой системы, но как только разгонные лазеры отключились, он отправился в восьмисотлетнее падение среди звезд и остался в

полном одиночестве. Как бутылка, брошенная в океан. Лолел и не рассчитывал получить от него весточку. Никто не планировал миссии по пополнению запасов, разведывательные полеты и проверки. Поселенцы были предоставлены самим себе. Первые пять тысяч лет нашей истории – эпоха бактерий; караван Уджайр подробно отчитался о пригодности Фанада для жизни, так что потребовалась всего пара столетий, чтобы ободрать его до каменного основания и засеять заново. Пока наши предки спали, в океанах были установлены микробиологические пищевые циклы, движители замысловатых биоклиматологических механизмов обратной связи, которые навеки сделают Фанад дружественным к нашей форме жизни. В течение следующих двадцати столетий господствовали растения. Выросли леса, пышно распустились джунгли: сначала хвойные и бесцветковые разновидности, затем, по мере появления популяций насекомых, цветущие растения и травы. Всему свое время, свой черед. Тридцать тысяч заселенных планет позволили отработать процесс до мелочей. Через восемь с половиной тысяч лет после того, как корабль-яйцо вышел на орбиту вокруг Фанада и взорвался, разлетевшись на миллион отдельных компонентов, первые люди ступили из своих инкубационных капсул на почву девственного мира.

Именно на последнем этапе наномашины ошиблись. Сто миллионов транскрипций – и один маленький огрех, не фатальный, но серьезный. Чтобы увеличить численность населения достаточно быстро и избежать вымирания от дрейфа генов, поселенцы были запрограммированы на рождение близнецов. Предполагалось, что как только популяция достигнет самоподдерживающегося уровня, ген изменится и приобретет две рецессивные аллели. Но этого не случилось.

Два начала. Одно рассказано средствами мифологии и веры. Другое получено через Монолог, продлившийся десятилетия. Верьте в любое из них. Они сходятся в том, что мы особенные, будь то с точки зрения божественного вмешательства или технологий. Окаменелости демонстрируют – и весьма наглядно, – что мы в этом мире чужие. Некоторые верующие не могут смириться с тем, что мы появились благодаря человечеству, а не богам, хотя люди, способные разрушить планету до основания и воскресить ее, вполне могли бы ими называться. Нет никаких археологических свидетельств заселения – ни погребенных капсул-инкубаторов, ни окаменелых машин-сеятелей. Мертвый остов корабля-яйца сгорел в атмосфере, когда у него закончилось топливо. Возможно, он и был Звездой Небесное Семя, по которой астрологи Ардва-Дран предсказали семилетнюю засуху,

уничтожившую Каппадридскую империю. Геофизики и металлурги в настоящее время изучают ряд небольших ударных кратеров на предмет наличия в них ионов металлов. Пока никаких вещественных доказательств нет. А как быть с другой историей? Божествам доказательства не нужны. Наши устные традиции разделяют ряд базовых образов: мировое море, представление о реальности как о единой изначальной сущности, которая распалась на взаимодополняющие и противоположные близнецовые эманации. Точно так же наши языки, по-видимому, имеют один общий корень. Исследования нашей митохондриальной ДНК демонстрируют, насколько тесно связаны даже самые враждебные нации. Поселенцы изначально владели железными орудиями труда. Их интеллекта хватало для развития письменности, но у первых поколений имелась другая задача – выжить. Какие уж там летописи. Первых людей было до безумия мало. Они были ужасно одиноки.

Мы до сих пор такими остались.

* * *

На вторую половину дня запланированы встречи, знакомство с новой, только что назначенной хуметранской делегацией, затем еженедельная аналитическая сессия «Команды ксено», как мы себя называем. Ксенобиологи, ксеноантропологи, ксеносоциологи, ксенолингвисты, ксенопсихологи. Было бы честнее назваться «Командой – логов и -истов». Специалисты, ученые, шпионы. Нет, последняя профессия – никакая не «-логия». И ничего честного в ней нет. Не устаю изумляться лицемерию: мы все из разных стран, и каждый на кого-то работает, но при этом команда продолжает возиться с отчетами, повестками дня и понемногу интриговать, как будто признание вины в мелком преступлении освобождает от ответственности за крупное. Дегра Дунн, как обычно, ведет себя, словно охотничий пес: снова и снова придирается к ерунде, точно встряхивая крысу. Сессия идет тяжело. Правда в том, что наши «-логии» и «-истики» – пыль в глаза: все наши знания либо сообщены через Монолог, либо изложены посредством биохимии наульцами восемьдесят семь лет назад.

Наступает вечер, и я гуляю вдоль берега. Прилив идет на убыль, и гуси следуют за ним, клюют обнаженную грязь, как будто хотят ее обескровить. Небо полосатое от облаков, желто-пурпурное. В воздухе ощущается холодок; я прячу руки в меховые манжеты тельбы. Я совсем одна.

Эта мысль, это слово вызывает холод иной природы, проникающий сквозь толстую ткань. Быть одиноким в мире, где все живое умножено. Одиночество – дефект рождения, разновидность смерти. Про явление под названием «дакти» сейчас никто не знает, но я-то помню бабушку, которая потеряла сестру. Уже в юном возрасте мне пришло в голову, что иногда лучше уйти вслед за тем, кто умер. Бабушка продержалась два месяца. Не сомневаюсь, что с жизнью она рассталась добровольно. Все равно была мертва наполовину.

Вот каменный пирс, поросший желтым лишайником; отсюда в былые времена королевские морские охотники отправлялись на китовый промысел. Иду до конца, мимо серых причальных тумб. Водоросли в воде медленно колышутся.

Внезапный порыв ледяного ветра. Вздрагиваю. Так вот чего ты боишься, Фодаман Сульба Баскарбек? Оказаться в одиночестве, самой по себе? В далеком детстве я просыпалась ночью в нашей комнатушке в Брандере. Слушала дыхание Фодлы, лежащей рядом, чувствовала ее тепло, ощущала движения. Потом пыталась отрешиться от всего этого так, чтобы оно слилось с шумом ночного транспорта снаружи. Представляла себя одиночкой. До сих пор помню ту жуткую, леденящую душу панику. Сейчас, вновь ощутив ее у воды, я понимаю то, чего раньше не понимала.

Мое сердце сжимается от страха, одиночества, холода. Оно повторяет: время, время, время. Надо выбирать. Сестры Фодла и Фодаман, умницы-разумницы, чье будущее предопределено благодаря таланту. Друзья занялись собственными карьерами, вступили в брак, создали семьи, но настырные у-Баскарбек не сошли с пути, и он привел к Тайному месту и посольству инопланетян. Ты, Фодаман, говорила себе, что в любой момент можешь свернуть на другую дорогу, но это не так. Приближается зима, у которой нет конца.

Невыносимо думать о том, что я покину этот мир бездетной. Но время, время… и выбор… и пребендарий, этот инопланетный разум, воплотившийся в теле шестилетней девочки…

– Фодаман.

Голос тихий, чтобы не испугать, но мое душевное состояние превращает его в подобие выстрела. Я вздрагиваю и не успеваю это скрыть.

– Простите, господин посол, я была… за много миль отсюда.

– Нет, это вы простите, что мы вам помешали, – говорит сподвижник Хадра.

– Мы должны вас кое о чем спросить, – продолжает Хаддавер, и по тону я понимаю, что ему очень многое известно. Озираюсь,

чувствуя себя неловко. В Тайном месте есть только одно окно, выходящее наружу, но пока мы трое вот так стоим на пирсе, мне кажется, что нас может заметить кто угодно.

– Посол, при всем уважении, существуют правила.

– Хотите, чтобы Кларриг и Кларба скормили мне еще один пакет полупереваренного детского пюре с этикеткой Разведывательного управления? Нет уж, боюсь, я намерен задать кое-какие личные вопросы, и ответы нужны соответствующие.

Я отворачиваюсь и смотрю на море, надеясь, что мое напряжение ускользнет от внимания посланников.

– Спрашивайте, что хотите, господин посол.

– Клада – что вы о ней думаете?

– Клада – это межзвездная гиперкультура из тридцати тысяч обществ и цивилизаций, настолько разнообразных, что мы могли бы не признать за людей кое-кого из них. Клада до такой степени огромная и древняя, что не знает всего о себе; она растет так быстро и энергично, что никогда и не смогла бы узнать.

– А Наул, родной мир пребендария?

– Наул – это не единый мир. Я полагаю, что это слово на их всеобщем языке означает «система». Насколько я знаю, Наул состоит из планет, обитаемых от природы, терраформированных миров и лун, а также многочисленных колоний на спутниках негодных для жизни газовых гигантов, высокоразвитых сообществ на астероидах и кометах, ореола искусственных космических обиталищ. Население Системы приближается к триллиону разумных существ. Наул – цивилизация II типа, в иерархии Клады это довольно непрестижная позиция.

Слышу, как посол Хадра шумно выдыхает. Я старалась объяснять простыми словами, не преувеличивая, но масштабы Клады превосходят все, о чем мы в силах помыслить. Это общество космической протяженности, устремленное в вечность. Хаддавер кивает и говорит:

– Фодаман, скажите, нам есть чего опасаться?

– Никто не планирует затевать звездные войны, если вы на это намекаете. Они неправдоподобны экономически, да и к тому же то, что ценно для нас, наульцам безразлично. Сюда не прибудет флот завоевателей из Клады. Тем не менее…

– Продолжайте, пожалуйста.

– Клада настолько велика и стара, что ее история состоит в основном из слухов.

– Какие слухи дошли до вас?

– Вы знаете, что во вселенной так и не удалось обнаружить нечеловеческий разум. Кажется почти несомненным, что мы уникальны. Существует только человечество… но некоторые его

разновидности стали… инопланетянами.

– Ну, даже мой уровень познаний относительно Наула дает возможность понять, что наше общество могут счесть… экзотичным.

– Культуры более высокого уровня трансбиологичны.

– Машины? Компьютеры?

– Нет, берите выше. Я с трудом понимаю, как они живут; на определенном уровне биология и технология сливаются и начинают подчиняться общим законам. Одна цивилизация не совершила такого перехода. Ее аристократы стали машинными сущностями и уничтожили родной мир в междоусобной войне электронного и биологического народов. Выжившие начали экспансию с помощью самовоспроизводящихся машин. В поисках сырья они разрушили целые планетные системы.

– Обитаемые?

– А также мобильные цивилизации, живущие в космосе. Они верили, что вся биологическая жизнь представляет собой угрозу. Их технология может уничтожать миры целиком. Клада их остановила.

– Как?

– По слухам, использовав нечто под названием «Асимметричное разделение».

– Что это значит?

– Не знаю, но думаю, что связано со структурой времени и реальности.

Хадра тяжело, громко вздыхает. Я добавляю:

– Мы – очень маленький мир. Мелкая сошка даже по меркам сошек.

Хотела утешить, но понимаю, что не смогла. Политики не любят, когда им указывают на собственное ничтожество.

– Понимаю, – говорит Хаддавер. – Последний вопрос – и я перестану вам докучать. Мы получим от Клады какую-нибудь выгоду?

Я вздыхаю, снова смотрю на море и великие льды за ним.

– Мне это неведомо, господин посол.

* * *

Ночью я впервые с подросткового возраста пытаюсь вызвать *тремер* усилием воли. Сейчас, как и тогда, занятие кажется грязным, эгоистичным; душевной мастурбацией. Если бы кто-то вошел в мою комнату и увидел, что я делаю, мне бы захотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Идет дождь, холодный и сильный, с крупинками льда. В водосточных желобах грохочет. Шибна разольется, угрожая тайнику пребендария. На моем столе разложены предметы. Лучшие фотографии я распечатала и прикрепила к стене. Украшения, кольца, заколки и шпильки для волос, безделушки, диковинки, сувениры и бесполезные вещи, подобранные, найденные или украденные – все это справа. Слева я раскладываю музыкальные диски, как мозаику. Баночки с ароматическими маслами откупорила полчаса назад, и запахи уже витают в воздухе.

Дождь. Не припомню такого дождя.

На кровати – одежда. Колеблюсь между парадными брюками, купленными в бутике «Южный берег» в Метевере, и тельбой для холодной погоды, приобретенной ради зимних спортивных каникул в Итранге. Тельба. Уже много лет не в моде, мех на капюшоне и манжетах облез, но, прикасаясь к ней, я вижу, как Фодла держит в руках старую потрепанную вещь, пока я раздумываю, что взять с собой в Тайное место. «Вот это. От безвкусицы еще никто не помер, чего не скажешь о переохлаждении». На мгновение воспоминания заслоняют дождь и эту промозглую, тусклую комнату. Началось? Я надеваю тельбу. Пахнет ею. Фодла.

Первая фотография. Академическая процессия. Дождливый день – редкость для Ванхала, – длинная вереница новоиспеченных докторов наук, промокших до нитки, пересекает четырехугольный двор и сворачивает в Зал учености. Фотограф стоит у ворот крытой галереи: вспышка и щелчок для всякой пары, которая сворачивает за угол. Мы с Фодлой с испорченными дождем прическами, в мантиях с парадными фартуками, явно несчастные и мечтающие, чтобы все это поскорее закончилось, чтобы нам выдали свитки и кольца; но Фодле, несмотря на ужасное похмелье, хватило присутствия духа, чтобы высунуть язык на камеру. Я на фотографии серьезная, сварливая и очень мокрая. Как всегда. Одна сестра веселится, а другая хмурится и гадает, чего же ей еще надо.

Я включаю музыку, которую мы слушали в тот вечер в кафе. Гармоничные аккорды битрена, на котором играет Нур Видру, изящно сочетаются с размеренным ритмом гадлы Кларабена. Милые воспоминания: болтовня о ерунде, о парнях, с которыми мы целовались. Я беру ароматическую лампу с маслом дерева нид. Запах – мать памяти.

Я воображаю, будто что-то чувствую.

Вторая фотография. Опять мокрые. Две восьмилетние девочки, застигнутые волнами в Нарравере. Одна наклоняется к

объективу – рот открыт, потому что выкрикнула какую-то глупость, – а другая смотрит куда-то: на небо, облака, чайку, вселенную. Девочки держатся за руки. Следующий трек: «Мессонги», настоящий хит того лета. Его все время крутили по радио. Теперь он вызывает неловкость, такую музыку включают на вечеринках для друзей очень поздно, пытаясь вспомнить молодость. Запах – арум-ветивер – вторит соснам в Нарравере, а еще соли, йоду, раскаленному воздуху. Я совсем забыла про купальники с рыбками. Теперь снова чувствую, как трут намокшие лямки.

Перебираю образы, звуки, ароматы. Открываюсь им и хочу, чтобы они открыли меня. Жду слабую дрожь, характерную для пре-*тремера*. То и дело кажется, что я ее чувствую, но всякий раз меня сбивает сквознячок из-под двери, музыкальный аккорд, запах воспоминаний, холодный стук дождя по черепице.

Последняя фотография. Все остальные перевернуты, лицом к лицу с прошлым. Остались лишь две молодые дурочки в постели, в какой-то момент их первого месяца вдали от дома, в большом и потрясающем университете. Я даже не помню, какие друзья застигли нас: парни или девушки. Час ранний; накануне была пьянка. Фодла бросается к камере с открытым ртом, волосы растрепаны. Я, как обычно, с насупленным видом выглядываю из-под большого белого одеяла, брошенного на кровать как попало. Беру фарфоровую баночку с итрайном, который источает чистый и соленый аромат плавника. Пахнет солнцем Ванхала, белыми простынями и морем, о котором нам рассказывал ветер, залетая в огромные окна лекционного зала. Новый диск: «Аддухарпа». Длинная танцевальная композиция, в тот вечер как раз была премьера, и мы все ее слушали по отдельности и в компании друзей. Могу танцевать под нее вечно. Даже сейчас она меня заводит. По сегодняшним меркам – старо, ритм банальный и простой, но как же чудесно быть живым, молодым, самостоятельным. Я отваживаюсь сделать несколько танцевальных движений. Приходи туда, где я. Приходи. Ты помнишь? Помнишь? Приходи. Ко мне, сейчас…

Чувствую запах… В комнате внезапно становится очень холодно, и я падаю, проваливаюсь сквозь деревянный пол во что-то, куда-то… Женщина оборачивается, словно откликаясь на зов. Фодла…

Ничего. Пустота. Я там же, где всегда. Никогда не уходила. Дождь барабанит по крыше, ветер проверяет черепицу на прочность. Я выключаю музыку – глупая, подростковая дребедень. Быстро собираю фотографии, запихиваю в ящик стола. Хотя в комнате холодно – мне никогда не было по-настоящему тепло в

Тайном месте, – сбрасываю тельбу и остаюсь в нижнем белье. Чувствую себя старой дурой, сгорающей от стыда, потому что ее застукали, когда она трогала себя в туалете. Я содрогаюсь от смущения.

Иди спать, Фодаман. Завтра много дел.

Я очень боюсь, что теряю ее.

* * *

Пребендарий Клады в затруднении.

– Меховая или шелковая… – говорит она, сидя на кровати между двумя тельбами. – Я не знаю. Помоги мне, Фод.

– Шелковая, – говорю я без малейшей уверенности. – Это вечеринка, там будет жарко.

Шодмер надувает губы, берет любимую меховую, затем уступает и кладет обратно. Мы одеваем ее в красивую парадную тельбу из шелка. Мифические животные танцуют на подоле и отворотах брюк.

– Думаю, ты права, – говорит она.

– Хорошо, теперь зеркало. – Я сажаю ее на кожаный табурет перед гримерным столиком. Медленно разрисовываю ее лицо. Она хмурится, глядя на белые пятна на лбу, охряные полосы на губах и подбородке.

– Шесть лет – важный возраст, – говорю я ей. – В этом возрасте ты получаешь душу и становишься человеком. До того ты лишь прообраз человека, нереализованный потенциал.

Она морщится.

– Сиди спокойно, – приказываю я, думая, что такова реакция взрослого наульца на реалии жизни шестилетнего фанадца. Морщины становятся глубже, отражая физическую боль. – Опять?

Шодмер кивает.

– Пройдет.

– Принесу обезболивающее. – Я уже на полпути к аптечке.

– Я же говорила тебе, от них никакого толку! – огрызается маленькая девочка. Мигрени начались неделю назад и с тех пор становятся все более частыми и продолжительными. Мы только их и обсуждаем на встречах «Команды ксено».

– Вероятно, это распаковка нового слоя воспоминаний, – сказал Дегра Дунн.

– Или все начинает разваливаться, – предположил Марбанд Тетревер.

– Они достаточно узнали о нашей культуре, чтобы написать нужную программу для шестилетки.

– О культуре Ан-Шабы или всей планеты? – уточнил Бент Гаул, харпандиец.

Правда в том, что мы все «-логи» и «-исты», и все, что мы знаем – это «-измы», а еще с пребендарием ничего не происходит без причины. Но я внезапно понимаю, что мне невыносима мысль о том, как пребендарий – старая/молодая, мудрая/наивная, невинная и ученая – погибнет у меня на глазах. Беспомощно стою возле аптечки, зная, что ее содержимое с этим не справится, и вижу, как боль достигает пика, переваливает через него и, выдав пару афтершоков, проходит. Шодмер улыбается, и мы снова готовы краситься и наряжаться.

Вечеринка скучная, довольно маленькая. У большинства постоянных сотрудников есть дети, как и у некоторых специалистов и младших дипломатов. Все разоделись в пух и прах, выглядят так, словно хотели бы оказаться где угодно и заниматься чем угодно, только не стоять рядком под фонарями из слоновой кости в Летнем зале, пока пребендарий марширует мимо, будто генерал на смотре. Три фракции – местные, гости-дипломаты и пребендарий – проводят первые пятнадцать минут, подозрительно поглядывая друг на друга. Послы суетятся, как неженатые дяди и тети, чувствуя ответственность за веселье, но не зная, как его создать. Музыкальный автомат играет хиты; они отражаются эхом от резных балок у высокого потолка и превращаются в надоедливый звон в ушах. Интересно, ненавидит ли Шодмер происходящее так же сильно, как я? Выскальзываю из круга заботливых взрослых, наблюдающих за напряженными попытками развлечься: мне нужен столик с напитками покрепче. Та-Гаххад уже расположились в непосредственной близости от него.

Первая порция аквавита идет плавно. За нею следует вторая.

Кларриг смотрит на меня.

– Я думал, ты на боевом дежурстве.

Пропускаю его слова мимо ушей. От первого стаканчика спиртного внутри меня разгорается яркий свет, и я чувствую, я вижу. Я за рулем. Черный пластик пахнет весенним солнцем. Кресло подстраивается под мое тело. Брелок с крестом Дорти, приносящим удачу, громко стучит о рулевую колонку, двигатель с урчанием оживает. Срабатывает трансмиссия, и автомобиль пускается в путь по булыжной мостовой.

Пребендарий играет в «припыленные колокольчики»[249]. Доброжелательные дипломаты стоят вокруг, хлопают в ладоши и подбадривают ее, пока она шныряет то в круг детей, держащихся за руки, то из круга. Дети выглядят раздосадованными. Шодмер сияет. Инопланетянка.

Я тебя похлопаю по плечу – тук-тук-тук!..

Она на голову, а то и на две ниже мальчика из Будайнта, но тот выбывает из круга и становится позади посланницы. *То в круг, то из круга, стряхнем пыль с колокольчиков…*

Скоростная трасса, свет заходящего солнца бьет в глаза. Часть лобового стекла темнеет; движение интенсивное, вечерний час пик. Время в пути, за рулем. Скорость приличная: Фодла всегда ездит быстро, слишком быстро, чересчур быстро для меня. Одной рукой возится с радиоприемником. Никогда не уделяет дороге положенное внимание. Она пугает меня. Новости. Моя сестра помешана на новостях. Но куда она так быстро мчится против течения? Вопросы застревают у меня в горле. *Тремер* – не телепатия. Никаких слов, только обмен ощущениями. Я тянусь за третьей порцией. Чья-то рука останавливает мою.

– Эй, Фод, тебе не кажется…

Я тебя похлопаю по плечу – тук-тук-тук!..

Бросаю на Кларбу красноречивый взгляд: лучше сам отрежь себе руку, прежде чем тронешь меня.

Шодмер улыбается, приглашает меня присоединиться к игре. Качаю головой. Если я сдвинусь с этого места, с этой фокусной точки, потеряю Фодлу. Цепочка игроков движется дальше, посол Ат-Шаи храбро берет на себя роль кабуза, тормозного вагона.

Фодла снова тянется к радио, она не услышала новости, которые ее интересуют – а именно новости о пребендарии, обо мне. Сплетни о знаменитостях. Спорт. Криминальная хроника. Ничего о международных переговорах с Кладой. Это никому не интересно. Фанад может присоединиться к сверхобществу из тридцати тысяч цивилизаций, а мы все равно будем утыкаться носом в привычные заголовки. Фодла рассеянна, низкое солнце светит ей в глаза.

Я все вижу раньше, чем она.

Фодла ощущает мое присутствие. Поднимает глаза. Автопоезд появляется из ослепительного солнечного сияния и мчится ей прямо в лоб. Фодла ничего не успевает сделать, слишком близко, скорость слишком большая, и она его не видит. Она видит круг людей под тусклыми лампами из слоновой кости, и маленькую девочку, которая то входит в этот круг, то выходит из него, снова и снова. Фодла инстинктивно поворачивает руль. Маленькая машина задевает левое крыло тягача, переворачивается и катится через две полосы. И я все это вижу. Я все слышу, я чувствую. Как будто оно происходит со мной.

Крик. Пребендарий прижимает кулаки к вискам. Она на коленях. Позади ошеломленные люди так и стоят змейкой, держа друг друга за талию. Затем все бросаются к ней.

Машина останавливается, и я вижу тьму. Не вижу, чувствую. На полной скорости врезаюсь в ничто. Фодла внутри меня умирает.

Я кричу, но никто не слышит из-за стенаний пребендария. Толстостенный стакан с аквавитом выпадает из моих пальцев. Подпрыгивает, катится. Кларриг и Кларба подхватывают меня, но все взгляды устремлены на Шодмер. Та свернулась калачиком на боку, плачет, сучит ножками по полированному деревянному полу.

– Фодаман, твою ж мать, – яростно шепчет Кларба. – Что с тобой?

Его мысли скачут: упавший в обморок пребендарий, пьяный ксенопсихолог и эмиссары великих государств, играющие в «колокольчики»…

– Со мной ничего, я ничего, – отвечаю искренне. Половина меня умерла. Надо идти. Надо выбраться отсюда. – Оставь меня в покое, отпусти меня, пожалуйста…

Шодмер что-то выкрикивает, какие-то бессвязные слова. Миг спустя ко мне обратятся за интерпретацией. Но меня здесь нет. Я мертва, я на обочине Туншабельской скоростной трассы. Скольжу к двери сквозь тени вдоль стен. Никто не должен меня видеть.

– Аднот! – кричит Шодмер. – Это! Собрание! Собранное знание! Тридцати! Тридцати тысяч! Сообществ! Членов! Клады!

Добираюсь до двери. Крытая галерея такая же длинная, прямая и устрашающая, как четырехполосное шоссе. Бреду от колонны к колонне – я, половина человека.

* * *

Люди то и дело спрашивают меня, как я себя чувствую. Чувствую? Что значит «чувствую»? Почему от меня ждут чувств, если я умерла? Вот женщина. По утрам она встает, умывается и одевается. Завтракает, пьет мате, разговаривает по телефону с кем-то на крайнем севере. Ей говорят мягкие, продуманные слова. По голосу она понимает, что собеседнику неловко, но сама ничего не ощущает. Она говорит в ответ такие же мягкие, продуманные слова, и те улетают по радиоволнам. День проходит, она ложится спать. Я наблюдаю за ней с некоторого расстояния, вижу ее жизнь во всех подробностях, но между нами нет никакой связи. Поэтому я знаю, что умерла, я призрак, я существую отдельно, могу наблюдать, но не касаться или чувствовать. Призрак понимает, что в мире живых происходят великие события. Память пребендария разблокировала великие

откровения о природе и назначении аднота. Ксено и дипломаты бегают по комнатам, с заседания на заседание, проводят телеконференции одну за другой. В залах и галереях Тайного места постоянно раздаются сигналы вызова с наладонников. Знаю, что это должно меня взволновать, важность происходящего должна подтолкнуть обратно в мир голосов и действий – так исправляют ударом молотка вмятину на кастрюле, – но мне этого не хочется. Половина меня мертва. Та половина, что была лучше, живее, красивее.

Однажды в дверь моей каморки легонько стучат, и я понимаю: настал тот момент, которого я боялась. Пребендарий просит разрешения войти. Она произносит неловкие сочувственные слова. Странно, что крошечное дитя говорит так мягко, продуманно. Призрак наблюдает и думает: да что ты можешь понимать, шестилетка, лишь недавно обретшая душу? Женщина по имени Фодаман думает: теперь я тебя понимаю, маленькая инопланетянка. Теперь каждая из нас – половина человека.

Пребендарий не задерживается надолго. Вот и хорошо. У двери она оборачивается и говорит на прощание:

– О да. Чуть не забыла. Я скоро уеду. Наверное, в ближайшие дни. В Далит-Тал, чтобы обратиться к Союзу Наций по поводу аднота. Фодаман… – Я слышу в ее голосе потребность в отклике, в теплоте. Но не могу даже посмотреть на это мудрое дитя. Она продолжает обиженным, холодным тоном: – В общем, если мы не свидимся больше, хотела поблагодарить за доброту и понимание. Нам было хорошо вместе. Я буду скучать.

Шодмер не пытается пожать мне руку напоследок, и после того, как дверь защелкивается, я еще какое-то время смотрю на то место, где только что стояла посланница.

* * *

Последствия любой смерти включают нечто необходимое. Надо кому-то звонить, что-то организовывать, соблюдать ритуалы, общаться с родней. На мою долю мало что выпало, поскольку я была далеко, в командировке международной важности на холодном Юге. Я бы с радостью занялась делами: звонила, выслушивала соболезнования, решала вопросы. Необходимые церемонии помогают справиться с испытанием. А теперь, когда пребендарий собирает свою небольшую свиту, чтобы переехать в Далит-Тал, у меня не осталось даже работы. Мои собратья-ксено славные ребята, но они не могут мне помочь

и понимают это. Дни тянутся долго, и у меня нет другого занятия, кроме как сравнивать глубину своей тоски с глубиной неба. И с замиранием сердца вспоминать о *тремере*, мучаясь от боли… Мои матери и отцы ежедневно отчитываются о достигнутых результатах, как я отчитывалась перед своими политическими кураторами. Дата кремации назначена, очередь забронирована. Чему быть, того не миновать. Я обращаюсь к Кларригу и Кларбе с просьбой.

– У меня не так много багажа, я бы оставила большую часть своих вещей здесь, а потом вернулась за ними.

Кларба морщится, как будто у него болит зуб.

– Если я не полечу на этом конвертоплане, опоздаю на кремацию.

Слово слетает с моих губ до странности легко.

Кларриг надувает щеки и тяжело вздыхает. Смотрит на брата, вскинув брови. Я ощущаю мгновение *тремера*. Наверное, тучи на моем личном небе немного разошлись, раз ко мне вернулась способность чувствовать.

– Что происходит? – спрашиваю я. – В чем проблема?

Кларба качает головой. Его что-то терзает. Затем он с беспощадной точностью объясняет, почему я не должна лететь на этом конвертоплане. Я слушаю, как он рассказывает невероятные вещи, и понимаю, что, подобно леднику над долиной Тайного места, существует холод за пределами холода. Есть края, где земля, небо и вода одного цвета, и некоторые люди обитают там всю жизнь. Я благодарю братьев Та-Гаххад, затем иду по крытым галереям, поднимаюсь по винтовой деревянной лестнице и по коридору с расписными стенами попадаю в свою комнату. Сижу в кресле у окна, и мир вокруг меня погружается во тьму. То, что я чувствую сейчас, шокирует и парализует, как смерть Фодлы, но это другое. Тогда я почувствовала, что тоже умерла. На этот раз меня убили. Голова кружится, я не осознаю ни хода времени, ни темноты – ничего. В конце концов на Часовом дворе раздается удар гонга, означающий полночь. Надо кое-кого навестить и совершить предательство. Я покидаю кресло и иду по темным, шумным от сквозняков коридорам в спальню пребендария.

На мгновение меня охватывает страх, что коды доступа изменились. Но нет, Кларриг и Кларба знали, что делают. Я остаюсь агентом братьев Та-Гаххад, пусть и по причине их трусости. Мигает индикатор. Щелкает замок.

Недолго наблюдаю за Шодмер, пока она спит. Девочка, как обычно, лежит на середине кровати. Мысли путаются, в горле комок; время поджимает. Здесь, на южном полюсе, дни летят с безумной скоростью, от бесконечной ночи до полуночного солнца

проходят считаные недели. Вместо того чтобы позвать ее по имени, я включаю подвесную игрушку-мобиль, и звучит колыбельная. Вот так, просыпайся потихоньку. Старая туншабельская мелодия грохочет в ночи. Наверняка ее слышат все. Во тьме блестят глаза. Девочка уже не спит.

– Кто это? Фодаман? Что случилось?

Я показываю сумку с ее пожитками.

– Вставай, Шодмер. Надо идти. Сейчас же.

Она приподнимается на локтях, хмурится, хочет о чем-то спросить. У нас нет времени.

– Шодмер, пожалуйста, поверь мне на слово: ты должна одеться. Нам надо покинуть Тайное место прямо сейчас.

Шодмер садится посреди большой кровати и задает вопрос, известный с давних времен.

– Нам угрожает опасность?

– Да, – говорю я. – Очень серьезная опасность.

Я вижу, как Шодмер смотрит на красную тревожную кнопку на деревянной панели рядом с подушкой. Туншабельская колыбельная все еще звучит и сводит с ума. Хочу дернуть за веревочку, чтобы отключить дурацкую пластиковую игрушку. Тянусь к переключателю. Шодмер опережает меня.

– Тогда не будем терять время, – говорит посланница.

Через две минуты она готова, полностью одета: толстая зимняя тельба, сапоги. Там, куда мы направляемся, холодно. За оконными ставнями ночное небо уже посветлело. Извилистые силуэты морских драконов и кракенов вырисовываются на фоне проблесков зари. Когда мы добираемся до парковки, уже достаточно светло, чтобы ехать. На отмелях шумят гуси, кормятся, спариваются. Так много дел, так мало времени. Я забрасываю Шодмер в большой шестиколесный вездеход. Когда сажусь за руль и прижимаю палец к чипу стартера, меня словно переносит в другую машину: в окна льется послеполуденный солнечный свет, руль нагрелся под ладонями, в замкнутом пространстве душно. Крепко зажмуриваюсь, прогоняю воспоминания. Мое дыхание замерзает, превращаясь в облачка пара; двигатель пару раз чихает, потом заводится.

– Ты в порядке?

Шодмер кивает.

– Один момент. – Она роется в своей сумке у ног, вытаскивает мобиль и вешает его на поручень.

* * *

Мы поднимаемся к подножию ледника по старой главной дороге на запад. Край долины в лучах раннего солнца ослепительно сияет; здесь, наверху, земля лишена растительности и усеяна камнями, разрушенными влагой. Молочная, набухшая от талой воды река бушует в пугающей близости от дороги. Наш путь ведет к краю ледяного плато, на запад к перевалу и вниз в долину Гарвад и государство Трайн. Машина послушная, дорога старая и изрытая ямами, каждый сезон таяния съедает несколько сантиметров с обочин и прогрызает новые выбоины, но, по крайней мере, снега нет. Ветер здесь постоянно дует с высоких ледяных полей Хундры. Он расчищает дорогу, осушает талую воду и слякоть. Хорошо. Надо спешить. Скоро кто-то заметит, что посланница исчезла, и я хочу к тому времени быть вблизи от границы Трайна. Конвертоплан сможет найти меня и остановить в любом месте на перевале; они могут даже вызвать подмогу с базы в Навандере. Это потребует некоторых объяснений, но у них уже есть легенда, и так далеко на юге можно не опасаться свидетелей. Вот почему это место называют тайным.

Шодмер то засыпает, то просыпается. Я включила обогрев на максимум, и от тепла тянет в сон. Затеваю разговор, скорее ради того, чтобы самой не задремать. Этот поток перевернет нас и сметет в одно мгновение. Спрашиваю Шодмер про ее воспоминания о Науле.

– Ты же понимаешь, что они ненастоящие, – говорит она. – Они необходимы для формирования устойчивой личности, но я никогда там не жила.

И опять это мерзкое слово «необходимо».

– Что ты помнишь?

– Помню жизнь на планете под названием Эмвраер. Это четвертый мир от солнца, он заселен очень давно, пару тысяч лет назад, но так и остался бедным и холодным, далеким от светила, как Фанад. Первый мир, которого достиг мой народ. Прекрасная, неумолимая планета. Там живут очень серьезные, мрачные и кроткие люди. Они не смуглые, как фанадцы; они бледные – по крайней мере, на Эмвраере так. И конечно, каждый из них – соло. Зимы кошмарные, как и здешние. Города строят так, чтобы прятаться от непогоды, и все они похожи на Тайное место. Я помню, как была в доме где-то в высокогорье, где от холода замерзает диоксид углерода. Я открыла дверь, а на нее намерзло столько льда, что получилось целое оконное стекло. Еще я помню, как каталась на лыжах по лесу и старалась вернуться до темноты, потому что после захода солнца там можно замерзнуть насмерть.

– Как думаешь, чьи это воспоминания? – осторожно

спрашиваю я.

– Мужчины, – отвечает Шодмер. – Я помню, что какое-то время была мужчиной. Он был одним из генетиков проекта «Контакт с Фанадом». Наверное, справедливо, что он поделился со мной некоторыми наномерами памяти.

Дорога превратилась в серпантин на склоне долины. Проезжаем по старому бетонному мосту, который едва держится под натиском шоколадной пенистой воды, еще несколько минут назад бывшей ледниковым льдом. Уровень заметно вырос. Хорошо. Так наземным преследователям будет сложнее, и к тому же я забрала лучшую машину. Переключаю вездеход на полный привод. Проверяю уровень топлива. Хватит, чтобы перебраться через перевал в Гарвад и попасть в полицейский участок Трайна.

– Но это была не я, – продолжает пребендарий. – Это просто воспоминание. Меня не существовало, пока я не родилась. Мои настоящие воспоминания связаны с Фанадом. Я полностью принадлежу этому миру.

Мы добираемся до начала перевала, ощущаем дыхание ледника Хундра. Пейзаж потрясающий, все кажется таким первозданным, и бетонный шрам дороги – единственное свидетельство человеческого присутствия. Почему те ландшафты, которые наиболее освоены людьми, выглядят самыми старыми и усталыми? Шодмер просит остановиться.

– Надо ехать, мы тут как на ладони, – ворчу я, но мы выходим из машины и идем к небольшому каменистому холму рядом с дорогой. Мы видим Шибну, что течет по дну долины и впадает в море, а над нею – ледник Хардрисаг. От сияния льда линзы Шодмер темнеют, и глаза на лице, обрамленном меховым капюшоном тельбы, становятся черными очами умного зверя. Холод просто чудовищный.

– Где? – спрашивает она, и я указываю на ярко-зеленые заросли у воды: над кронами деревьев едва видны шпили и резные фронтоны Тайного места.

– Как думаешь, что произойдет? – говорит Шодмер.

– Трайн предоставит нам убежище. Ан-Шаба потребует нас вернуть. Трайн откажется. Он примет предложение Клады, остальная часть Союза Наций сделает все возможное, чтобы последовать его примеру, и Ан-Шаба в конце концов уступит. Я, конечно, больше никогда не попаду домой.

– Мне не верится, что они могли…

– Они бы обставили это как катастрофу. Провели расследование, обвинили Трайн, Венжет или кто там сейчас числится врагом. По ходу дела отправили бы флот своих челноков, чтобы «защитить» аднот. Другие государства бы

протестовали, но ни у кого нет таких космических технологий, как у Ан-Шабы.

– Это не принесло бы им никакой пользы.

– Почему?

– Помнишь, как я однажды назвала себя продолжением аднота? Точно так же аднот – мое продолжение. Если я умру, он тоже умрет. Самоуничтожится, и наульцам придется начинать контакт с Фанадом с нуля. Может быть, они решат, что достаточно потратили средств, и захолустный мир, пусть и с уникальной социологией, того не стоит.

– Мне бы этого не хотелось, – говорю я через некоторое время, щурясь от ледяного блеска.

– Я тоже думаю, что это стоящая инвестиция, – соглашается Шодмер. – Нам пора?

– Да. – Мы возвращаемся к машине, но я приостанавливаюсь у двери. – Шодмер, почему сейчас? Что ты им сказала такого, что они решили убить тебя раньше, чем ты выступишь перед Союзом Наций?

– Я объяснила, что такое аднот.

– А-а…

Воспоминания: крики, раздающиеся посреди толпы встревоженных гостей. *Собранное знание*.

– Это то, что я все время пыталась сказать, но толком не могла вспомнить. Аднот – не космический корабль. И не устройство связи с Кладой. Он и есть Клада целиком, какой ее знает Наул. Аднот хранит в себе четверть миллиона лет истории всех тридцати тысяч сообществ Клады. Но он не просто библиотека, а способ посетить другие миры. Любую его часть можно запустить в виде виртуальной симуляции. Информационные технологии Клады достаточно развиты, чтобы вы не смогли отличить иллюзию от реальности. Даже если вы так и не отправитесь к другим мирам, они придут к вам сами.

– А с ними – четверть миллиона лет знаний, науки и технологии, – говорю я. – Ради такого преимущества Ан-Шаба пошла бы на любое преступление.

Бросаю последний взгляд на лед, до которого всего лишь пара десятков метров. Я рада, что покидаю полярный край. Трайнский климат зависит от западных ветров, он более прохладный и влажный, чем в великой Ан-Шабе, но мы с Шодмер привыкнем. И все же, говорит мне лед, я всегда здесь. Буду ждать тебя на дне мира.

Я знаю.

Подхватываю Шодмер, заставив ее взвизгнуть от восторга, сажаю на сиденье и забираюсь рядом. Нажимаю на стартер

большим пальцем, мощный полноприводный вездеход рычит, и мы едем к перевалу, за которым простирается другая страна, где кто-то будет нам рад.

Кольцо Верданди

Спустя тринадцать субъективных минут и пятьсот двадцать восемь лет линкор Клады «Вечно благоухающий аромат божественности» вернулся в умирающую звездную систему. Паутина облака Оорта вытащила экипаж; сам линкор, обогнув гравитационные колодцы горячих газовых толстяков и разбухающее светило, выскочил из системы на тридцати процентах от скорости света и понесся в глубокую тьму. Такие корабли, маленькие, быстрые и недорогие, были одноразовыми: любой из них представлял собой мячик из строительных нанопроцессоров с п-загруженным экипажем из трех единиц, вложенный в сердце кометы, которую он неторопливо поглощал в течение пятисотлетнего полета. Суденышко было такой отвратительной дешевкой, что имя ему дали лишь потому, что экипаж заскучал уже через три (субъективные) минуты медленно-временной симуляции пустынной обители Софринди, предпочитаемого боевого интерфейса.

Паутина облака Оорта поймала экипаж, швырнула на строительные верфи, разбросанные по длинным, холодным орбитам внутри кометного гало; те переслали их световым телеграфом на ретранслятор Газового Толстяка, объятого восемьюстами обиталищами нового дочернего флота Клады, словно талия танцовщицы – бусами; оттуда экипаж отправили к Сердцемиру Клады, который купался в корональных выбросах алчного и опухшего солнца-маразматика – и, наконец, они попали в новенькие тела.

– Всем привет, а вот и мы! – сказал экипаж «Вечно благоухающего аромата божественности», выйдя из бронзовых врат Душедома и спускаясь по мраморной лестнице на многолюдную Площадь сияющих страстей. На внутреннем уровне Сердцемира, состоящего из сотни вложенных сфер, все еще знали толк в иронии, пусть никто из женщин, мужчин или звериков даже не посмотрел на вновь прибывших. Экипажи линкоров понимали, что не стоит ожидать лавров и почестей после новодушевления вслед за сотней, тысячью или десятью тысячами лет на передовой. Весть о победе «Вечно благоухающего аромата божественности» опередила их почти на три века. Знаменательная победа; триумф, который будут изучать и разбирать в военных колледжах и академиях оборонного искусства на протяжении тысячелетий. Классическая стратегия Иерихонской Розы[250].

Семена системы раннего оповещения, разбросанные, точно

сорняки, в радиусе половины светового тысячелетия, ощутили удар Врага хилыми медленно-временными сенсорами и проснулись. Коммуникационные мазеры, наспех собранные из реголитов холодных лун, передали результаты анализа на Сердцемир, вот уже много веков занятый спасением биосферы: надо было запустить восемьдесят тысяч обиталищ. Боевой флот Клады стартовал тотчас же. Прошло двести двадцать лет, нельзя было терять ни наносекунды. Тридцать пять кораблей погибли: отказ систем; неполадки двигателей, вынудившие линкоры ускоряться вечно; незамеченные навигационные ошибки, которые за каждое десятилетие полета добавляли световые годы к отклонению курса от целевого гравитационного колодца; утрата рабочего тела, необходимого для торможения. Внезапный катастрофический коллапс. Прошло пятьсот лет, и «Вечно благоухающий аромат божественности» в одиночестве прибыл к третьей луне бродячего газового гиганта – гравитационного изгнанника, скитающегося среди звезд, – где принялся создавать мириады боеголовок с антивеществом, которые потом выходили на орбиту вокруг странствующей планеты. План был составлен поспешно, однако дал блестящий результат. Все благодаря Иерихонской Розе. Улетая прочь от яркой новой туманности, «Вечно благоухающий аромат божественности» через кормовые сенсоры наблюдал за тем, как восемьдесят тысяч Вражеских миров сталкиваются с головной ударной волной газового гиганта со скоростью в сорок процентов от световой и испаряются. Погибло двадцать триллионов разумных существ. Пространственно-временная война – дело медленное, масштабное и кровавое. Когда воюют целые виды, нет речи о милосердии.

Трое убийц с «Вечно благоухающего аромата божественности» уловили вектор в затухающих отголосках цивилизационного флота. Флот не был нацелен на уничтожение Сердцемира Клады, притаившегося вместе со своими обиталищами в системе Сейдатрия и медленно переходящего на постбиологический этап развития, пока светило пыхтело и раздувалось от собственного газа. Вектор и шепот: «Кольцо Верданди[251]».

А теперь они вернулись домой, ура! Урожайная Луна, Ароматная Кулаба[252] и Иерихонская Роза, величайший тактик своего плоть-поколения. Только вот стоило им обернуться на ступенях Душедома, чтобы поспорить (они препирались все медленно-временные двадцать шесть минут межзвездного полета и ускоренно-временные двести лет миссии к черному страннику) о том, куда идти, чем заняться, кем стать и как бы для начала развлечься…

– А где же Роза? – спросила Урожайная Луна, чей ранг был

ближе всего к исторически привычной роли капитана. – Куда подевалась Роза?

Только двое новодушевленных стояли на мраморных ступенях и взирали на Площадь сияющих страстей.

– Вот дерьмо, – сказала Ароматная Кулаба, чья должность соответствовала бортинженеру.

Душепоиск по всему уровню ничего не прояснил относительно местоположения их соратницы. На этом самом сокровенном уровне, в сердце сердца, сфере квантовых нанопроцессоров диаметром десять километров, поиск был тщательным – ни одна виртуальная мышиная нора и ни одно домашнее святилище не прошли незамеченными – и мгновенным. А также бестолковым. Два оставшихся члена экипажа «Вечно благоухающего аромата божественности» отлично понимали, что это значит.

– Придется нам с тобой воплотиться.

Свежевоплощенные Урожайная Луна и Ароматная Кулаба стояли на Небесной равнине Хой. Вогнутый горизонт испятнали тучи, черные, словно тоска. По краю мира метались молнии. От непривычных ощущений Урожайная Луна вздрогнула; она не назвала бы отчетливую нервную дрожь неприятной, однако новая плоть подсказывала, что в усиленном виде та сделается не только болезненной, но и опасной для здоровья.

– Как это понимать? – заметила она, наблюдая за пупырышками, выступающими на черной, как космос, коже. Ее тело почти не отличалось от видового стандарта: женское в этом воплощении, изящное, безволосое, очень худое – выбор эстета-минималиста.

– Думаю, это из-за ветра, – сказала Ароматная Кулаба.

Она всегда выбирала облик, противоположный капитанскому, и теперь обрела плоть дукхимки. Дукхимы были необычной разновидностью людей, возникшей после глобальной катастрофы на планете Кетрем, почти затерянной в исторических хрониках Клады. Кулаба была коренастой, вся состояла из выпуклостей и складок, а еще у нее имелась роскошная, богато украшенная грива, растущая до поясницы и локтей. Экипаж «Вечно благоухающего аромата божественности» всего пару минут как воплотился, а Урожайной Луне уже хотелось погладить, потеребить, поиграть с чудесной шевелюрой бортинженера.

– Возможно, тебе стоит что-то надеть, – прибавила Ароматная Кулаба. Гром прозвучал над чашей мира, вынудив маленькую каменную ступу Воплотителя содрогнуться. – Кажется, надо приступать к поискам.

Дукхимы всегда были суровыми, прагматичными ребятами.

Урожайная Луна и Ароматная Кулаба переночевали в юрте из живокожи, которая выросла из земли Хой, словно волдырь. Гремел гром, юрта полоскалась и гудела на ветру, равнина Хой полнилась криками испуганных бурей травоядных звериков. И все же самыми громкими и настойчивыми звуками были стоны и вопли Урожайной Луны: ее длинные черные руки и ноги ныли, болели; она умирала, о да, умирала!

– В первые часы после воплощения некоторая мышечная боль – ожидаемый эффект, – пожурила юрта. – По мере развития мышечного тонуса эти боли обычно проходят в течение нескольких дней.

– Дней! – взвыла Урожайная Луна. – П-загрузи меня обратно прямо сейчас.

– Я умею секретировать анальгетики общего действия, – сообщила юрта.

Итак, пока на небесной крыше в десяти километрах над миром не зажглись огни, Урожайная Луна в свое удовольствие поглощала обезболивающее молоко из выращенной юртой груди; утром же они с Ароматной Кулабой отправились на поиски Иерихонской Розы, благодаря низкой силе тяжести перемещаясь по Небесной равнине Хой огромными скачками. Этот самый глубочайший из плоть-уровней Сердцемира долгое время был уделом аскетов и пилигримов; равнина с изогнутыми кверху краями символизировала, быть может, стремление души к проявлению врожденного духовного потенциала. А еще не исключено, что мир находился поблизости от виртуальных сфер – над небесной крышей п-загруженные конструировали вселенные внутри вселенных, и каждая вложенная оказывалась больше той, в которую ее вложили. И все же эта поросшая травой земля была достаточно велика, чтобы вместить десятки тысяч паломников и столпников, киновитов и садху – все они затерялись в зеленом океане.

– Уверена, мы тут уже были, – сказала Ароматная Кулаба.

Наступила третья монада поисков. Восемьдесят дней назад Урожайная Луна совершила открытие: мышцы могут быть причиной не только боли от усилий, но и радости, даже в этой прерии с низкой силой тяжести, и теперь в любой момент отдыха ее можно было застать за восхищенным изучением собственных матово-черных изгибов.

– Так ведь в этом суть.

– Чтоб она провалилась, эта Иерихонская Роза, – проворчала Ароматная Кулаба. Они неслись вприпрыжку, трехметровыми скачками, прямо к дендроотшельнику, одинокому дереву посреди

колышущейся травы. Его голые ветви были воздеты к небу, словно в молитве. – Даже на корабле она была необыкновенной злюкой. Типичный, мать твою, эгоизм.

Дело в том, что когда Иерихонская Роза пропала без вести после рутинного разбора полетов, вместе с ней пропало кое-что еще. Кольцо Вертанди: название, галактические координаты; вектор, которому годами следовал Вражеский флот, неустанно ускоряясь. В вынужденной близости обратного полета – п-загруженные личности то и дело пересекались, сливались друг с другом – капитан и бортинженер поняли, что их оружейница извлекла из остывающего пепла уничтоженного флота не только направление Врага. Этикет душевного общения воспрещал вторжение в частную жизнь без веских оснований, и Иерихонская Роза воспользовалась лакуной в правилах приличия, чтобы скрыть свои размышления и выводы. Ревнивые боги монотеистических времен позавидовали бы усердию, которое Клада проявляла при разборе полетов, но все же Кроткие инквизиторы из Палаты вечно обновляющихся вод обогнули этот секрет, как море огибает скалу. Вектор, название – все то же самое, что они уже получили триста лет назад. «Кольцо Верданди».

Еще до того, как они увидели лицо, обрамленное вульвой из живой древесины, Урожайная Луна и Ароматная Кулаба поняли, что их маленькое приключение закончилось. Когда три личности впервые встретились в виртуальной пустыне Софринди на инструктаже Палаты вечно обновляющихся вод (таком же насыщенном и пробирающем до глубины души, как и последующий разбор полетов), внезапное ощущение близости и тяги друг к другу навело на мысль, что они, возможно, когда-то были одним и тем же человеком; п-загруженные идентичности копировались, переписывались и редактировались, дополнялись фрагментами других самостей. Эмпатии нипочем парсеки, планеты, фронты и тайны; она выдержит что угодно.

– Это больно? – спросила Ароматная Кулаба.

По лбу Иерихонской Розы ползла молодая древесина, спускалась по щекам и изгибу челюсти, медленная и уверенная, как смена времен года.

– Больно? С какой стати? – В ветвях Иерихонской Розы зашелестел ветер. Урожайная Луна, которой наскучил этот маленький травянистый мир, украдкой провела ладонями по мускулистым бедрам.

– Не знаю… ну… выглядит неприятно.

– Совсем наоборот, – сказала Иерихонская Роза. Ее лицо теперь было сжатым овалом зеленеющей плоти. – Пускаю корни.

Медленно. – Она с философским видом закрыла глаза.

– Кольцо Верданди, – внезапно проговорила Урожайная Луна. Ароматная Кулаба присела на корточки под мудрым деревом. У нее под задницей шевельнулись какие-то зверики.

– Что за игру ты затеяла? – Основой общества Клады, где продолжительность жизни была сопоставима со временем существования неторопливо дрейфующих звезд, были игры длиной в тысячелетия. – Ты не могла бы поведать нам то, что скрыла от них?

Иерихонская Роза открыла глаза. Древесная плоть теперь сошлась у нее на переносице и сковала губы, мешая говорить.

– Флот был не один. Их много. Другие отправились в путь тысячи лет назад.

– Сколько флотов?

Иерихонская Роза попыталась ответить. Ароматная Кулаба наклонилась ближе.

– Весь. Враг. Целиком.

Затем редкие листья Иерихонской Розы зашелестели, и Ароматная Кулаба почувствовала, как дрожит земля. Потеряв равновесие, Урожайная Луна схватилась за одну из ветвей Розы, чтобы не упасть. За десять реконфигураций они не испытывали ничего подобного, но объяснение было впечатано в каждую клеточку воплощенных тел. Сердцемир Клады включил двигатель Маха и неторопливо – как поцелуй, как Эдда – манипулировал тканью пространства-времени, чтобы убраться подальше от раздутой, пылающей звезды Сейдатрия. Тем, кто не дождался жатвы, предстояло погибнуть вместе с планетой, поскольку семья миров Сейдатрии достигла конца своей биологической эпохи. Сообщения замелькали по всей системе со скоростью света. Восемьсот дочерних обиталищ, созревших лишь наполовину, похожих на нить жемчужин вокруг газового гиганта, покинули орбиты рождения: полуоболочки, пустые сферы; малые Сердцемиры с дюжиной уровней. Когда четверть пути до соседней звезды была позади, фабрики и системы защиты из глубокого синего холода облака Оорта изменили свои орбиты, чтобы занять места в процессии, следующей за Сердцемиром. Палата вечно обновляющихся вод, военный совет и Темно-синее Нечто – гештальт-сверхразум, отвечавший в Сердцемире за представительную демократию – начали действовать в тот самый момент, когда узнали про маленький секрет Иерихонской Розы. В системе Сейдатрии заполыхали коммуникационные мазеры, отправляя сообщения в путь длиной десятки и сотни лет, к соседним Сердцемирам, облачным цивилизациям и даже плоть-планетам: спустя сто тысяч лет наконец появился шанс одолеть

Врага. Собирайте торпеды с боеголовками из антивещества, убийцы планет, солнечные пушки и дестабилизаторы квантовой пены, спешите к Кольцу Верданди!

– Да, но что такое Кольцо Верданди? – раздраженно спросила Ароматная Кулаба. Однако от Иерихонской Розы остались лишь очертания улыбки на коре дерева. По крошечной пустоте внутри – сродни отсутствующему зубу, любимому зубу – Кулаба поняла, что Роза сбежала за считанные мгновения до того, как допросная система Палаты вечно обновляющихся вод могла бы нацепить на нее нерушимые кандалы и высосать секрет. Ароматная Кулаба вздохнула.

– Опять? – спросила Урожайная Луна.

– Опять…

Во всей известной вселенной существовала только Клада. Все живое было ее частью, она была равнозначна всему живому. Десять миллионов лет назад она была ограничена единственным видом на единственной планете – планете, которую не забыли, ибо Клада ничего не забывала. Эта планета, эта система давным-давно превратились в сферу Сердцемира, который вращался вокруг солнечного гало машинных сущностей, однако в памяти Клады хранилось воспоминание о том, как ярко-голубой глаз родной планеты моргнул один, два, десять тысяч раз. Корабли. Корабли! Зонды, парусники, быстрые и медленные, сеятели, ледяные глыбы; колонии из цельных астероидов, полые кометы, отправленные в многовековое падение к иным звездам и мирам. После Третьей Эволюции – п-загруженные корабли, крошечные квантовые компьютеры, брошенные во тьму. За первые сто тысяч лет истории Клады они заселили тысячу миров. За следующие сто тысяч – в сто раз больше. Потом их количество умножилось на сто, еще раз на сто, и еще; колонии создавали собственные колонии и так далее, а космические жители – обитатели Сердцемиров и виртуальные, п-загруженные разумы – осваивали межзвездное пространство, которое, на самом-то деле, составляло львиную долю вселенной. Корабли с релятивистскими прямоточными двигателями неслись мимо неуклюжих ковчегов; автоматизированные сеятели убирали солнечные паруса и орошали биосферы жизненным соком; эскадрильи терраформирования обращали мертвые луны и адские планеты в уютные гнездышки для жизни, разума и цивилизации. И люди, уже разделившиеся в результате Второй и Третьей Эволюций на космических обитателей и п-загруженные сущности, распались на цивилизационную пыль. Подвиды, новые виды, эволюции, деволюции; раса, некогда известная как «человечество»,

обернулась многолепестковой хризантемой Клады, обществом космологического масштаба; не страшась смерти солнц и планет, неуязвимое и бессмертное, оно росло быстрее, чем могло передать обновленные сведения о себе немыслимо древним и могущественным цивилизациям IV типа; целые шаровые звездные скопления превратились в разумные ульи, колоссальные квантовые нанопроцессоры.

Новые виды, подвиды, гибридные виды. Космическая жизнь, даже многоклеточная, ничем себя не ограничивала. Клада впитала ДНК из ста тысяч чужеродных биосфер и сделалась еще богаче и многообразнее. Только разум оказался уникальным. Гигантский скачок Клады так и не привел к встрече с другим видом, который был бы разумен и осознавал свою смертную природу, ибо это и было ключом к развитию цивилизации. Одиночество Клады оказалось абсолютным. В результате «разум» стал для нее идеей-фикс и самоценностью: разум, противовес энтропии, сиамский близнец информации, должен был стать мощнейшей силой во вселенной, энергией, перед которой в конце концов преклонятся все законы природы. Только разум мог победить тепловую смерть вселенной, этого темного волка на длинной и тонкой цепи времени. Разуму была предначертана величайшая из судеб.

А затем худжайнский разведывательный зонд размером не больше шипа розы, но куда разумнее, пролетел рядом с тусклым красным карликом и обнаружил у звездных углей скопление в миллион обиталищ. Когда Палеологи, императоры Византии, впервые столкнулись с набегом исламских армий, явившихся с юга, они думали, что имеют дело всего лишь с очередными христианами-еретиками, сектантами. Так же сомневался и худжайнский зонд; затем он порылся в своей памяти – где содержалась вся история Клады, свернутая и спрятанная в одиннадцатимерном пространстве, – и случилось откровение. Во Вселенной появились Другие.

За шесть месяцев, которые потребовались флоту Сейдатрии – один Сердцемир, восемьсот наполовину функционирующих обиталищ, двести двенадцать тысяч вспомогательных кораблей и оборонительных систем, – чтобы разогнаться до скорости, достаточно близкой к световой и дающей значительный эффект замедления времени, Урожайная Луна и Ароматная Кулаба обыскали Уровень Анхиса. Мировой лифт, идущий от врат Виртуальных миров, через которые не могло пройти ничто материальное, до самого нижнего уровня с высокой силой тяжести – Птеримонда, бескрайнего океана, – доставил

звездоплавателей на сорок километров и четыре уровня вниз, в Небесный порт Анхис, перевернутый город, свисающий с небесной крыши, как люстра, как морской еж, как хрустальная жеода. Аэростаты и цеппелины, скопления живых воздушных шаров и планеры швартовались у богато украшенных башен, чтобы наполнить трюмы, заправиться, подкрепиться и принять на борт пассажиров. Десятью километрами ниже, за слоями перистых и кучевых облаков, корчился и извивался жуткий лес Кайс: ядовитая, злобная, цепкая и когтистая экосистема, миллионы лет развивавшаяся на телах павших небожителей.

Рассвет застал Ароматную Кулабу на смотровой площадке дирижабля «Не завершили мы, что завершить нам полагалось». Полоса прозрачной кожи тянулась по всему экватору существа километровой длины; за шесть месяцев в роли фрагмента системы когнитивной деятельности Ароматная Кулаба обзавелась привычками и обыкновениями, к числу которых относилась встреча нового дня с передней палубы. Приветствующие утро уже сворачивали коврики для сутры, когда Ароматная Кулаба заняла место у окна и представила себе, как летит, ощущая небо всей кожей. Для этого уровня она сменила тело и стала высоким, слегка волосатым и желтокожим мужчиной. Трансформация, которую избрала Урожайная Луна, ей не нравилась. Прямо сейчас подруга закладывала виражи и кувыркалась снаружи, озаренная розово-сиреневым утренним светом. Вся стая ее соратников предавалась экстатическим фигурам высшего пилотажа в облаках цвета индиго.

Серебряные крылья мерцали в лучах зари. Ароматная Кулаба ощутила боль, страсть и зависть. Именно Урожайная Луна неустанно ворчала и жаловалась на боль в мышцах, солнечные ожоги, несварение желудка и необходимость чистить зубы; все эти обязанности и обременения, связанные с воплощением. Но в конце концов она влюбилась в телесность и теперь наслаждалась физическими ощущениями – тем, как ветер подчинялся крыльям, как сила тяжести воздействовала на упругий зад. А вот Ароматная Кулаба оставалась твердым и бесстрастным, стойким адептом человекоподобия. Она уже и не помнила, когда они в последний раз занимались сексом, реальным или виртуальным. Игры. Война была просто еще одной игрой для существ возрастом сотни тысяч лет, которые считали, что смерть – это сон, забвение и вот такое утро, свежее и яркое. Ароматная Кулаба вспомнила их битвы: уничтожение Йорррта, оборону Тау-Пек-Сат, где Иерихонская Роза погубила вражеский флот при помощи армады маленьких черных дыр, призванных из вселенской квантовой пены – они почти мгновенно взорвались, высвободив

убийственное излучение Хокинга. Кулаба смотрела на силуэт Урожайной Луны далеко внизу, в светлеющих облаках: планер с узкими крыльями, олицетворение мечты и страсти. Секс – дело торопливое, легкое и даже сакраментальное; так считали члены экипажа «Не завершили мы, что завершить нам полагалось», временной совокупности представителей разных рас и сект, сформировавших единое сознание дирижабля. Ароматная Кулаба вздохнула и почувствовала, как сотряслась ее плоская, мускулистая грудь. Ощущение было абсолютно физическим и поразительным, как переворот Иммельмана или «мертвая петля» в исполнении Урожайной Луны. У Ароматной Кулабы на глаза навернулись слезы. Память, зыбкий и коварный дар всех воплощенных, вернула ее в другое тело – тело молодой женщины из народа телешгату; влекомая любопытством, надеждой и волнением молодости, эта девушка поднялась на космическом лифте в обиталище Клады, которое вышло на орбиту вокруг ее мира, чтобы отремонтировать, восстановить и отладить радиационный щит, почерпнув ресурсы бескрайнего океана. Из личности этой девушки из захолустного водного мира родились три сущности: роднее, чем сестры, ближе, чем любовники. Неудивительно, что они нуждались друг в друге до такой степени, что искали встречи среди восьмидесяти миллиардов разумных существ. Неудивительно, что они так и не смогли расстаться по-настоящему. Свет сделался ярким, на деревянной палубе возникли отчетливые, неизменные тени. Урожайная Луна взмахнула крыльями и умчалась прочь, нырнула со своими новыми друзьями в облачные глубины. Ароматная Кулаба испытала ранее неведомое ощущение: что-то у нее между ног сжалось, какая-то часть тела, и без того уязвимая и чувствительная, еще сильнее напряглась и стала покачиваться, как маятник в руках прорицателя. Яйца сообщали – без вариантов, околичностей и обиняков, – что Иерихонская Роза где-то там, недалеко.

Через двадцать субъективных минут флот Клады находился на расстоянии восьмидесяти световых лет от начала полета продолжительностью в тысячу двести объективных лет, нацеленного на перехват продвижения Врага к Кольцу Верданди, величайшего переселения разумных существ со времен Большого взрыва. Популяции, представленные логарифмически, словно вспышки вирусов, перемещались в двухстах миллионах кораблей-обиталищ, каждый из которых по диаметру в пятьдесят раз превосходил Сердцемир Сейдатрии. Конечно, кластер Сейдатрия оказался в меньшинстве; конечно, он будет уничтожен до

последней молекулы, если вступит в бой с Врагом, но Темно-синее Нечто понимало: пусть его войско не самое большое и сильное, оно находится ближе всех, и потому станет первым. Итак, цивилизационный кластер медленно приближался к скорости света; магнитный щит обернулся вокруг него, как полярное сияние, как огненный плащ – он поглощал энергии, которые могли бы мгновенно испепелить всю углеродную жизнь на многочисленных уровнях и кораблях. Ароматная Кулаба, через нервную систему подключенная к органическому орнитоптеру, оторвалась от пускового соска «Не завершили мы, что завершить нам полагалось» и упала в пропасть восьмидесятикилометровой глубины. Кулаба завопила, а потом орнитоптер присосался к ней и расправил крылья, от чего крик обернулся воплем радости, и биомашина взмыла в небеса.

– Как далеко? – крикнула Ароматная Кулаба. Орнитоптер выдвинул телескоп, наклонил голову; Кулаба увидела, как от нижней части скопления кучевых облаков оторвался пучок аэростатов. Не меньше трети воздушных шаров в сетке были мертвы: дырявые, почернелые, гниющие. Орнитоптер угадал ее намерение и бросился вперед. Вспышка солнечного серебра: Урожайная Луна вертикально поднялась из облака, зависла в воздухе, ее невероятные удлиненные крылья блистали в утреннем свете. Затем она развернулась и сделала кувырок, чтобы облететь Ароматную Кулабу сверху, пока орнитоптер махал крыльями, как безумный.

– Она?

– Она.

«Ты такая красивая, – подумала Ароматная Кулаба. – Красивая и чужая».

Но не настолько чужая, как Иерихонская Роза, воплотившаяся в виде колонии аэростатов со щупальцами, обвернутых органической сетью и оказавшихся в опасной близости от костяных лезвий и хваталок Кайса. Орнитоптер набрал скорость; длинные желтые волосы Ароматной Кулабы развевались на ветру. Рывок, падение – то ли весь мир упал, то ли сердце ушло в пятки, – а потом когти орнитоптера вцепились в сеть. Смрад гниющей плоти аэростатов пошел в атаку на обоняние Ароматной Кулабы. Негромкий хлопок, поток вонючего газа – и гроздь шаров жутким образом рухнула еще ближе к клыкастым пастям леса. Еще один аэростат не выдержал. Урожайная Луна, воплотившаяся без ног или колес, ибо ее собратьям не суждено было коснуться земли, лениво кружила над Кулабой и Розой.

– Опять то же самое? – спросила Ароматная Кулаба.

Иерихонская Роза транслировала ответ ей прямо в голову,

посредством радиосвязи:

– Конечно.

Ароматная Кулаба поступила глупо, решив, что игра Иерихонской Розы закончится так быстро и просто.

– Темно-синее Нечто все поняло.

– Я на это рассчитывала.

Скопление воздушных шаров разваливалось и падало все быстрее. Ароматная Кулаба видела невооруженным глазом, как червеплети и меченосцы бегают по усеянным присосками щупальцам лесного полога. Этот раунд игры почти закончился. Она надеялась, что орнитоптер достаточно умен, чтобы осознать неминуемую опасность.

– Что такое Кольцо Верданди? – спросила Урожайная Луна.

– Ископаемая суперструна.

Субквантовый фрагмент огненного шара – Большого взрыва, – захваченный расширением космоса и растянутый до макроскопического, а затем и до космологического масштаба. Ископаемые суперструны встречались реже, чем невинность или птица феникс, на галактических окраинах и в обширных пространствах между звездными спиралями; их длина составляла десятки, сотни световых лет. За всю историю Клады лишь единожды суперструну обнаружили в пределах галактики. До сих пор.

– Завязанная в петлю, – добавила Иерихонская Роза.

Ароматная Кулаба и Урожайная Луна все сразу поняли. Враг пожелал заполучить ее в свои руки – если, конечно, Враг обладал руками, ведь его никто не видел, и никаких следов не осталось в руинах кораблей, на месте испарившихся скоплений обиталищ. Вот почему Палата вечно обновляющихся вод отправила Сердцемир в путь. Других вариантов нет: Кольцо Верданди было абсолютным оружием.

– Но что именно делает эта суперструна? – спросили хором Ароматная Кулаба и Урожайная Луна, однако обе – и человек, и гибрид летучей мыши, человека и планера – перестали ощущать присутствие подруги. Конец игры. Новый раунд. Орнитоптер с тревожным воплем взлетел как раз в тот момент, когда щупальца Кайса прорвались к верхнему слою скопления аэростатов. Ухватив воздушные шары за придатки, лес потащил их вниз и обнажил лезвия.

С чего начинаются войны? С оскорбления, бравады, глупости или самоуверенности, со священной цели или приступа алчности. Но галактические цивилизации сражаются ввиду неизбежности, ощущая трагедию космических масштабов. Все дело в осознании

простой эволюционной истины: в экологической нише – даже если она размером со вселенную – может быть только один хозяин. Враг это понял через миллисекунду после того, как испытал пытливое прикосновение худжайнского зонда. Испарение зонда было объявлением войны, и оно дало бы Врагу столетия форы, не успей зонд в последние мгновения жизни переслать сообщение в материнскую матрицу, спрятанную в кометной системе на границе межзвездного пространства.

В первые столетия долгой, медленной войны экспансия Клады была остановлена и обращена вспять. Погибли триллионы. Планеты превращались в пепел; все живое умирало, выжженое ультрафиолетовым излучением, когда рушились озоновые слои и защитные магнитные поля; скопления обиталищ сгорали от целенаправленных солнечных вспышек или от них оставался только шлак после какой-нибудь нанотехнологической чумы; сферы Дайсона разлетались на части от попадания мириад боеголовок с антивеществом. Клада медленно осознавала то, что Враг понимал с самого начала: война за ресурсы, необходимые разуму – энергию, массу, гравитацию, – обязана быть войной на уничтожение. За первые две тысячи лет войны потери Клады сравнялись с общей биомассой ее первой солнечной системы до выхода в космос. Но плодовитость и явная неудержимость жизни были козырем Клады. Она сопротивлялась. Она сражалась веками и на таких огромных расстояниях, что свет победы или поражения мог стать лишь бледным, далеким мерцанием в ночном небе будущих поколений. Воины Клады сражались в сердцах шаровых звездных скоплений и у сияющих мысов туманностей; на кривых огненных мостах в оболочках солнц и возле горизонтов событий черных дыр. Их оружием были газовые гиганты и энергия сверхновых; они превратили пояса астероидов в дробовики и небрежно швыряли живые планеты в вечный лед межзвездного пространства. Флоты по десять тысяч боевых единиц с каждой стороны сталкивались среди солнц, и никто не выживал после сражения. Это была абсолютная, стихийная война. В миллионах звездных систем Клада сражалась с Врагом до последнего. И за последние восемьсот лет начала его теснить.

Теперь время растянулось до такой степени, что десятилетие пролетало за один удар сердца, и общая масса флота приблизилась к массе тысячи звезд. Сердцемир Клады Сейдатрия и сопровождающее его скопление цивилизаций устремилось на скорости чуть ниже световой к космической струнной петле Кольца Верданди. Сейдатрия летела вслепую; ее не обогнала бы никакая информация, никакое донесение. Населяющие скопление полтриллиона разумных существ, у которых было всего шесть

месяцев на подготовку, направлялись туда, где Клада могла одержать окончательную победу или пасть под натиском Врага.

Они наблюдали сквозь хрустальную оболочку Сердцемира, как атакующий флот Клады летит на сияющую туманность Вражеского скопища, словно стайка пушинок одуванчика. Эти линкоры погибли несколько месяцев назад, когда рванулись вперед, мимо замедляющейся цивилизации Сейдатрии, чтобы вступить в бой с вражескими дозорными, и, быть может, благодаря смелости и удаче прорваться к скоплению обиталищ, чтобы развязать там бой. Основная масса Клады, смещаясь к синей части спектра по мере того, как с течением лет и десятилетий спутники догоняли Сейдатрию, подтвердила изумленные сообщения этих быстрых, отважных бойцов. Здесь собрался Враг целиком: караван длиной в сотни световых лет. Корабли и миры уже были в пути несколько веков, когда «Вечно благоухающий аромат божественности» обнаружил и уничтожил один из флотов. Вероятно, приказ был отдан тысячелетия назад; вскоре после того, как Клада переломила ход войны в свою пользу. Отступление. Бегство. Но Враг не утратил ни капли силы и свирепости, уничтожая накатывающие волны дешевых, быстрых, коварных линкоров одну за другой.

Ароматная Кулаба, Урожайная Луна и Иерихонская Роза прижались друг к другу в глубокой темноте и под сокрушительным давлением, на дне мира-океана. Они были в облике кальмаров: большеглазых, со множеством щупалец, умеющих общаться при помощи закодированного трепета биолюминесцентных плавников на обтекаемых боках. Они не сомневались, что умирали снаружи снова и снова. Скорее всего, умерли только они, миллион раз. Палата Вечно обновляющихся вод ни за что не позволила бы своим асам дезертировать в залитые звездным светом глубины Птеримонда. Их п-загруженные личности, несомненно, скопировали миллион раз и распределили по рою проворных атакующих кораблей. Бывший экипаж «Вечно благоухающего аромата божественности» моргнул огромными золотыми глазами. Спустя десятилетия и века бегство Врага, эту грандиозную туманную ленту, будут наблюдать по всей галактике. В нескольких световых месяцах от поля битвы сияние сверхсветовых частиц, ударяющихся о защитные поля, уподобилось знамени в небе, космической радуге на весь квадрант. А прямо по курсу расположилось Кольцо Верданди, беззвездная пустота диаметром в три световых года.

– Ты выиграла для них достаточно времени, – сказала Ароматная Кулаба, вспыхнув синим и зеленым.

Игра была окончена. Она завершилась на дне мира, но

Ароматная Кулаба поняла, что в игре одержали победу много лет назад. Победа случилась в тот самый момент, когда Иерихонская Роза из Душедома сбежала в дерево для медитации на Небесной равнине Хой.

– Похоже на то, – сказала Иерихонская Роза, чуть отрываясь от хрустальной стены, противостоя безумным кориолисовым бурям, которые взбаламутили это водное царство с высокой гравитацией. – Пройдут столетия, прежде чем Клада сможет ударить по ним во всю мощь.

– Палата Вечно обновляющихся вод расценит это как предательство, – сказала Урожайная Луна.

Иерихонская Роза коснулась прозрачности щупальцем.

– Разве я не отдала им сердце, разум и саму жизнь? – Маленьких фейерверков стало меньше; один за другим они исчезли, превратившись в ничто. – И в любом случае, в чем они меня обвинят? Что я преподнесла Кладе вселенную на блюдечке?

– Или обрекла Кладу на смерть, – сказала Ароматная Кулаба.

– Не нашу Кладу.

Она великолепна, подумала Ароматная Кулаба. Она во всем разобралась за несколько минут субъективного полета и поняла, как спасти Кладу. Не зря ее считали величайшим стратегом поколения. Ароматная Кулаба вновь подумала о потерянной прародительнице, о той необыкновенной девушке, чей п-загруженный разум дал им жизнь.

Что такое Кольцо Верданди? Замкнутая космическая струна. А что такое замкнутая космическая струна? Машина времени. Портал в прошлое. Но не прошлое *этой* вселенной. Любой переход через замкнутую временную петлю неизбежно оканчивался в параллельном мире. В том потоке времени тоже шла война; Клада и Враг сцепились в дарвиновской битве. Когда Враг в другой вселенной уже лицезрел свою погибель, Кольцо Верданди открылось – и в космическом пространстве возник второй Враг, его точная копия во всех смыслах. Они вручили эту вселенную своей Кладе в обмен на уничтожение ее двойника в альтернативном временном потоке.

Ароматная Кулаба – в облике холоднокровного существа, находясь в ледяных глубинах, под давлением миллионов тонн воды – содрогнулась. Иерихонская Роза оценила тактические последствия и сделала единственно возможный выбор: задержать Палату вечно обновляющихся вод и Темно-синее Нечто, чтобы они не смогли помешать Врагу покинуть эту вселенную. Бескровная победа. Конец войны. Разум – спаситель слепой физической вселенной. В то же время во втором временном потоке обиталища Клады лопались, как раздавленные глазные

яблоки, миры сгорали дотла, поскольку ресурсы Врага внезапно удвоились.

Ароматная Кулаба сомневалась, что она могла бы заключить такую сделку. Но она была бортинженером, а не оружейницей. Она своими отростками ласково притронулась к ловчим щупальцам Иерихонской Розы; пульсирующая волна теплого сексуального трепета прошла по мускулистому телу.

– Останься с нами, останься со мной, – попросила Урожайная Луна. Она с неохотой признала, что решилась: влюбилась в плоть, и потому продолжит исследовать концентрические уровни Сердцемира, принимая новые и восхитительные облики один за другим, тысячами.

– Нет, мне пора. – Иерихонская Роза бегло коснулась сексуальных щупалец Урожайной Луны. – Они не причинят мне вреда. Они знают, что у меня не было выбора – у них его тоже не было.

Ароматная Кулаба повернулась и заработала плавниками, поднимаясь сквозь чернейшую воду. Иерихонская Роза последовала за ней. Вскоре прощальная люминесценция Урожайной Луны поблекла, включая красное тепло ее любви, и осталось лишь долетевшее из глубины веков сияние звездной радуги за стеной мира.

Разрыв

Птей плывет

В ночь, когда Птей плыл туда, где его душа должна была разбиться на части, восемьсот звезд пустились в путь по небосклону. Все началось вечером на исходе Великой зимы. Каждый напоенный солнечным светом час приближал Большое лето, и каждый новый день дарил тепло щедрее, чем предыдущий. На этой широте солнце после весеннего равноденствия почти не садилось, а каталось вдоль горизонта, толстое, ленивое и самодовольное. Птей, рожденный летом, обратил лицо к светилу, которое ненадолго нырнуло в воду, и насладился остаточным теплом на веках, острых скулах, губах. Всякий раз, когда угасал свет, рожденные летом вспоминали об ужасных и печальных месяцах зимы с ее вездесущей, непроглядной тьмой.

«Зато у нас есть звезды, – говаривал его отец, рожденный зимой. – Мы приходим в этот мир, и нам открывается вся Вселенная».

Отец Птея давал указания маленьким машинам, которые управляли катамараном – лавировали, брали рифы, прокладывали курс по мельтешению спутников; и все же у румпеля он стоял сам. Две недели назад экваториальные штормы унеслись на запад, и теперь ласковый ветер, быстрый и неутомимый, нес суденышко по темнеющим водам. Два корпуса рассекали рябящие отражения газовых вспышек на нефтяных платформах Темейвери. Когда солнце скрылось за огромным темным горизонтом и тепло утекло из впадин на лице Птея, его отец посмотрел на небо. С самого отплытия он сменил Аспект, и теперь его звали Стерис. Ритуальные самости пугали Птея, потому что в Ктарисфее он редко с ними сталкивался: лишь по случаю чьих-то рождений и церемоний именования, помолвок и браков, разводов и смертей. И, разумеется, Умножений. Знакомые лица становились отрешенными и официальными. Манера говорить менялась, движения как будто замедлялись, а тела тяжелели. Людей одолевали странные, особые знания. Из всех Аспектов только Стерис владел языком, на котором общались управляющие катамараном роботы, а еще – знал широту и долготу Дома многообразия даже без помощи навигационных спутников, кружащихся над Теем с его внушительным наклоном оси вращения. Сам катамаран выпускали из эллинга под внушающие трепет песни, наполненные грохочущими ритмами, лишь когда очередное дитя Ктарисфея на пороге взрослой жизни уплывало за внешний мол и скопище нефтяных платформ, чтобы

где-то там его или ее личность умножилась на восемь.

Всего два месяца назад Кьятай взошел на борт катамарана и растворился в маслянистой тьме позднего зимнего вечера. Птей родился летом, он был ребенком Солнцестояния; Кьятай явился в мир в конце осени. Просто удивительно, что у них нашлось достаточно общих тем для разговора, не говоря уже о том, чтобы стать главными забияками в округе, по умолчанию ответственными за любое разбитое стекло и всякую пропавшую лодку. Между ними была разница в почти три сезона, однако минуло два месяца – и вот уже сам Птей покинул край пульсирующих газовых вспышек с его лабиринтом нефтепроводов, опутывающих месторождения и буровые платформы, и отправился на просторные, слабо светящиеся океанические поля цветущего фитопланктона, ориентируясь по звездам – населенным, одушевленным звездам. Приход Умножения определяли не по месяцам и календарям, а по тому, что замечали матери и помнили бабушки, о чем писали записки учителя и ворчали отцы; по бритвам, которые кто-то сдвинул, по несвоевременной вялости, прорезавшимся в голосе басовым ноткам и испачканным простыням.

На набережной Этьей, где фарфоровые домики нависали над пристанью, Птей бросил сумку друга в лодку. Отец Кьятая поймал ее и нахмурился. Существовали определенные ритуалы. Обычаи. Правила хорошего тона.

– Увидимся, – сказал Птей.

– Увидимся.

И ветер наполнил высокие, косые паруса катамарана, понес его прочь от мокрых и блестящих от дождя фасадов Ктарисфея. Птей наблюдал за лодкой, пока она не затерялась в пятнах света от городских фонарей на темной зимней воде. Он увидит Кьятая после шести месяцев в Доме многообразия. Но лишь отчасти. Он увидит Кьятаев, которых никогда раньше не знал и не встречал. Их будет восемь, и тот Кьятай, с которым он проводил все короткие ночи Малого лета, наблюдая за притовым гоном с рыбацкой пристани, – тот мальчишка, тощий, словно черный силуэт деревянной опоры причала на фоне огромного солнца, целующего край мира, – окажется всего лишь фрагментом, сновидением кого-то из новых личностей с их новыми именами. Узнает ли он своего друга, когда они встретятся в Доме многообразия, этом колоссальном плавучем университете?

Узнает ли он самого себя?

– Они уже летят? – крикнул Стерис, не покидая свой пост у румпеля.

Птей ладонью заслонил глаза от всепроникающего свечения

цветущего фитопланктона, поглощающего углерод, дождался, пока они привыкнут к темноте, и всмотрелся в небо. «Парус радостного предвкушения» прорезал две линии жидкой черноты в спокойном колыхании биосвета, и теперь они постепенно распадались на фрактальные завитки люминесценции по краям – там, где пласты микроорганизмов стремились к воссоединению.

– Пока ничего не вижу.

Но все случится скоро, и вид будет потрясающий. Восемь сотен звезд отправятся в путь сквозь ночь. Невзирая на все перемены и домашние ритуалы, связанные с неожиданным Умножением Птея, он не упустил из вида тот факт, что люди планировали вечеринки для наблюдения за небом, компании астрономов-любителей устанавливали телескопы вдоль набережных и на колокольнях, и день за днем эта история приближалась к первым строчкам новостей. Половина планеты – та половина, которая не была ослеплена экстравагантным наклоном оси вращения, – собиралась внимательно наблюдать за небосводом. Птей же следил за тем, как Стерис готовит к выходу «Парус радостного предвкушения», и чувствовал себя обманутым, словно прикованный к постели ребенок во время фестиваля, что бушует прямо на пришвартованных под окном лодках. И вот теперь, когда темнейшие воды океана, опоясавшего мир, приподняли сдвоенный нос «Паруса радостного предвкушения», угнездившийся на ударопрочной пластиковой сетке впереди мачты Птей ощутил растущий восторг. Внизу простирался сияющий ковер, над головой раскинулось небо, полное звезд; и то и другое принадлежало ему одному.

Это были не звезды. Это были космические обиталища Анпринского народа – восемьсот двадцать шесть сфер диаметром в пятьсот километров каждая, сотворенных из наноуглеродного льда и воды, которые на протяжении срока, вдвое превышающего жизнь Птея, вереницей таились внутри колец газового гиганта Бефиса, словно жемчужное ожерелье, спрятанное от посторонних глаз в бархатном мешочке. Взаимодействие с ними распалось на несколько эпох. Паника: когда на планете под названием Тей осознали, что гравитационные возмущения, от которых мировой океан колышется, словно вода в аквариуме, представляют собой головные ударные волны, порожденные массивными артефактами, сбрасывающими скорость, близкую к световой. Отрицание: когда правительства решили, что ради «общего блага» стоит попытаться скрыть тот факт, что восемьсот с лишним космических аппаратов, по отдельности превосходящих маленькие луны Тея, явились в их солнечную систему, точно иммигранты, и дисциплинированно выстроились на орбите

Бефиса. Парламентерство: когда стало очевидно, что Отрицание бесполезно – впрочем, все твердили, что будут действовать с позиции силы, о да, с позиции силы! Для разведки и попытки установления радиосвязи с чужаками направили флот космических зондов, но ответом была невозмутимая, ледяная тишина. Затем, когда не случилось никаких взрывов, никого не испарили, не швырнули в квантовую черную дыру и не применили какую-нибудь другую замысловатую разновидность насилия из выдуманного СМИ арсенала, наступила Увертюра. Отрезвление: когда все поняли, что звездные гости представляли собой облака наноассемблеров, парящие в невесомости над внутренними шарообразными океанами их восьмисот с чем-то обиталищ, и каждый был единым разумом со множеством форм; анприны, в свою очередь, изумились тому, что у архаичных гуманоидов на захолустной планете несколько самостей в одном теле. Точка соприкосновения у них нашлась всего одна, и они хорошо это понимали. Вода. Она текла из их прошлого в будущее, была неотъемлемым элементом среды обитания и способом взаимодействия молекул. За сто двенадцать лет полета с околосветовой скоростью Анпринский народ потратил почти всю воду; шаровидные океаны усохли и превратились в слезы внутри огромных панцирей из нанотехнологически усиленного льда. Затем стартовала эра Переговоров, самая длительная и сложная из фаз контакта. Три года ушло на закладку концептуальных основ: анприны, древний вид великой Клады, долгое время были коллективным разумом, чья изысканная внутренняя иерархия опиралась на уровень самопознания и таланты, и потому они понятия не имели, с кем говорить и кого просить об одолжении в политической системе, где государств и правительств столько же, сколько островов и архипелагов на покрытой водой четвертой планете от звезды.

Ныне эра Переговоров уступила место эре Торговли. Анпринские обиталища потратили последние капли топлива, чтобы сойти с орбиты Бефиса и переместиться вглубь системы. Их пунктом назначения оказался не Тей, а Тейяфай – расположенный ближе к светилу мир, где не было ни клочка суши, только океан стокилометровой глубины, сокрушительная гравитация и бесконечные шторма.

За миллиард лет до того как к этой отдаленной звезде с исследовательскими целями явились корабли-сеятели, гравитационное взаимодействие гигантских планет вынудило самую маленькую из них переместиться ближе к центру. Солнечный ветер сорвал с нее огромную атмосферу и растопил ледяную мантию, превратив в планетарный океан, глубокий и

темный, как ночной кошмар. Полмиллиона лет назад народ Кан-Бет-Мерей уловил проблеск этой воды с помощью своих интерферометров, раскинувшихся по родной системе, вдохновился им и наводнил ночное небо солнечными парусами и миганием стартовых лазеров, отправляющих сто тысяч неторопливых сеятелей к новому дому. Кан-Бет-Мерей были ярыми сторонниками распространения жизни, они безоговорочно поддерживали скрытую догму Клады: разум – единственная сила во Вселенной, способная преодолеть физическую гибель пространства-времени.

Если десятки тысяч пакетов с биоматериалом, пролившихся дождем над мировым океаном Тейяфая, и породили жизнь, зондам Тея еще предстояло ее обнаружить. Кан-Бет-Мерей действительно пустили корни, но не на Тейяфае, а на маленькой голубой жемчужине, расположенной еще ближе к солнцу и похожей на слезу, выпавшую из колоссального глаза.

Сто тысяч лет назад Кан-Бет-Мерей вступили в постбиологическую фазу развития разумной жизни и перешли на тот уровень, где больше не могли взаимодействовать с биологической жизнью Тея или даже анпринами.

– Ты уже что-нибудь видишь? – донеслось от румпеля.

«Парус радостного предвкушения» оставил позади пропитанный углеродом цветущий фитопланктон; океан был глубоким, темным и бескрайним. Небо и море сливались друг с другом: звезды и навигационные огни кораблей на горизонте выглядели одинаково.

– Время пришло? – спросил Птей.

– Пять минут назад.

Птей нашел опору на сетке между корпусами катамарана и, вцепившись одной рукой в снасти, встал, чтобы лучше видеть огромное небо. Всякое дитя планеты Тей, чья ось вращения наклонена относительно эклиптики под безумным углом в сорок восемь градусов, росло с осознанием того, что его мир – это шар, который катается вокруг солнца, и что далекие, огромные и медлительные звезды почти не меняют свое положение. Оказалось, они все-таки способны изменяться: Бефис, размытое пятно света над юго-восточным горизонтом, искаженное сиянием восьмисот космических обиталищ размером с луну, вскоре опять должен был превратиться в отчетливую точку, по которой предки прокладывали курс, стремясь к Умножению.

– Надо подождать! – крикнул Птей.

Да, подождать. Анприны уже летели: они включили двигатели и сошли с орбиты почти час назад. Медленный свет их отбытия еще не достиг Тея. Перед внутренним взором мальчика

закружились числа – ускорения, векторы, пространство-время, – а потом заняли положенные места и затрепетали, как праздничные знамена. Птею потребовалось много времени, чтобы понять: не каждый способен вот так видеть числа, прикасаться к ним и повелевать ими.

– Я лучше посмотрю футбол, – заявил Кьятай, когда учитель Дэу сообщил о празднике в честь Анпринской миграции, для которого надо было подготовить всем классом особый проект совместно с Благородной обсерваторией Птэу. – Мы все так и пляшем под анпринскую дудочку, но стоит взглянуть со стороны – и получается, что мы на самом деле не знаем, чего хотят эти чужаки. И никто не знает.

– Они не чужаки, – прошипел в ответ Птей. – Ты что, забыл? Чужаков не существует. Мы все просто части одной большой Клады.

– Тихо, мальчики! – прикрикнул учитель Дэу, и оба вытянулись по струнке за своими партами.

– Если мы с анпринами в родстве, – прошептал напоследок Кьятай, – почему бы им не поделиться с нами секретом звездного двигателя?

Дружба между Птеем и Кьятаем ничуть не пострадала из-за того, что сгустки наномолекул, парящие в невесомости на орбите вокруг газового гиганта, толкали их к перепалкам.

– Смотри! Ой, смотри!

Бефис очень медленно расплывался и превращался в светящееся пятно вроде роя нучпа, которому случается утром Большого лета зависнуть над водой, как дым. Флот двигался. Восемьсот миров. Числа под сводами черепа подсказывали Птею, что Анпринский народ уже достиг десяти процентов световой скорости. Он попытался просчитать релятивистскую деформацию пространства-времени, но вокруг роилось слишком много чисел, которые к тому же летали слишком быстро. Птей решил просто понаблюдать, как Бефис превращается в маленькую галактику, как звездное облако постепенно отделяется от яркой сердцевины – самого газового гиганта. Странникам предстоял путь сквозь океан ночной тьмы. Птей оглянулся. Во мраке трудно было рассмотреть выражение отцовского лица – особенно в Аспекте Стерис, мрачном, сосредоточенном и, как было известно Птею, туповатом, – и все же мальчику показалось, что он улыбался.

Птей подумал о том, как его потрясло осознание того факта, что он умнее своих родителей. Сперва он ухмылялся, наслаждаясь мощью собственного интеллекта, а потом вдруг постиг истину поважнее: интеллект приносит пользу не всегда и не везде. Ум

ограничен условностями: Птей мог рассчитать пространственно-временные искажения, рожденные восемьюстами космическими обиталищами, и проложить курс через темное, бурливое море по звездам на небосводе, но он не сумел бы подчинить себе ветер или свистом отдать приказ машинам, – иными словами, все связанные с погодой хитрости Стериса были ему недоступны. Тей, планета, сам формировал разумы своих обитателей. Для каждого сезона существовала отдельная самость.

Звездный клубок продолжал разматываться, Анпринская миграция превратилась в ленту искр – ночной шарф, красотой превосходящий даже полярное сияние. Завтра вечером он украсит Тейяфай, большую голубую путеводную звезду на краю мира, которая превратилась в светящееся пятно, инопланетный отпечаток пальца. Завтра вечером Птей посмотрит на этот голубой глаз в небе с минаретов Дома многообразия. Он знал, что там есть минареты; дети знали, как выглядят Дома многообразия по всему миру. Деревянные громадины, изначально серые, но посеребренные солью и солнцем, растущие вверх и вниз, вовне и внутрь, вдоль и поперек, пока не превратятся в плавучие города. Города, предназначенные для детей. И все же учитель Дэу, повествуя восьмому классу о Домах многообразия, изображал их не яркими и полными детского щебета, а темными, закопченными лабиринтами, вечно окутанными облаками черного дизельного дыма, который валил из тысяч дымоходов, что были выше всех мачт и башен. Птей хорошо запомнил эти рассказы, однако никак не мог вообразить, что находится там, – поднимается по деревянной винтовой лестнице, слушая крики морских птиц, или смотрит на сверкающее море с высокого балкона.

А потом у него перехватило дыхание. Все, что он сумел – или не сумел – нафантазировать, воплотилось в жизнь, когда на звездном полотне Анпринской миграции проступил красно-зеленый узор навигационных огней Дома многообразия. Теперь Птей ощутил, как гул двигателей и генераторов передается через воду и сдвоенный корпус катамарана. Он положил руку на мачту из углеродного нановолокна. Она пела в такт гулкой мелодии. Звезды всегда дальше, чем кажется, а огни Дома многообразия были ближе, чем думал Птей: внезапно они очутились прямо у него над головой, и «Парус радостного предвкушения» скользнул мимо внешних буйков и сетей, а потом растущий лес башен, шпилей и минаретов стер с небосвода звезды.

Нейбен ныряет

Нейбен стоял по пояс в воде – теплой, словно кровь, и глубокой, как забытье, – а над ним простиралось медовое небо. В эту полночь Большого лета солнце так и не коснулось горизонта, и неизменные тепло и свет привели к тому, что древесина старых, покосившихся шпилей Дома многообразия как будто источала пряный мускус, высвобождая дистиллированные феромоны, полученные из копившихся веками подростковых гормональных всплесков, сексуальных треволнений и кризисов личности. Сложив ладони чашечкой, Нейбен зачерпнул воду из Марциального бассейна и позволил золотистой густой жидкости утечь сквозь пальцы. Со сладострастным восторгом понаблюдал за тем, как падающая вода сверкает в лучах солнечного света, и прислушался к неторопливому, гулкому плеску, с которым бассейн вернул себе утраченное. Нейбен был новым Аспектом: старым с точки зрения опыта и навыков, ибо тело осталось прежним, просто в нем поселилась стайка самостей с особым взглядом на жизнь и особыми переживаниями.

Когда Нейбен в первый раз вынырнул из Марциального бассейна, дрожа и задыхаясь, когда пастыри завернули его в серебристое термальное одеяло, он до безумия испугался самого себя. В голове новорожденного Аспекта звучал голос, который знал его как облупленного, и этот голос не желал заткнуться, его не получалось заглушить.

– Это совершенно нормально, – сказала пастырь Эшби, полная, серьезная женщина с самой черной кожей, какую случалось видеть Нейбену. Он вспомнил, что все Ритуальные Аспекты серьезные, а в Доме многообразия пастыри других не носили – по крайней мере, послушники их не видели. – Нормально и естественно. Через некоторое время Приор, твой детский Аспект, отыщет свое место и не будет пытаться захватить высшие когнитивные функции. Потерпи. Поговори с ним. Успокой его. Он чувствует себя очень потерянным и одиноким, как будто утратил все, что когда-либо знал. У него остался только ты, Нейбен.

Солнечное безвременье в подернутых дымкой внутренних дворах и крытых галереях Первого новициата полнилось шепотами; мальчики и девочки, ровесники Нейбена, тихонько прощались с детством. Нейбен узнал о страхах своего Приора: самость по имени Птей боялась, что числа, закономерности, способность сводить физические объекты к математике и мгновенно понимать их взаимодействие и взаимовлияние, будут

утрачены навсегда. Еще он осознал, что Птей боялся Нейбена как такового: его непринужденного отношения ко всему плотскому, безотчетного интереса к собственному телу, быстрой реакции на пульсирующий ток гормонов по жилам и клеткам; его неуемного сексуального зуда; готовности совокупиться где угодно, когда угодно, с кем и с чем угодно. Птей – даже будучи детской самостью, призраком – понимал, что в Доме многообразия первым должно было родиться половозрелое, сексуально озабоченное «я», и все-таки этот растущий, неугомонный юнец казался ему еще большим чужаком, чем бестелесные, математически абстрактные анприны.

Широкие ступени уводили в глубины бассейна с пальпами. Там колыхалось что-то прозрачное. Хотя полночь Большого лета была теплой, Нейбен поежился.

– Эй! Птей!

Имена кружили над башнями Дома многообразия, как чайки-солнечники. Новые самости, новые личности появлялись ежедневно, ежечасно, однако старые имена не желали сдавать позиции. Пастырь Эшби, комичная и проницательная, обучала послушников нюансам этикета, которые позволяли взрослым определять Аспекты и имена тех, с кем они взаимодействовали, и должным образом меняться в ответ. Пужей махала рукой, стоя в тени галереи Польери. Птей боялся девушек, а Нейбену они нравились, он наслаждался их обществом и охотно вступал в игры, полные восторженных оскорблений и фривольной, притворной враждебности. Он считал, что теперь понимает женщин. Пужей была миниатюрной, все еще с мальчишеской фигурой, с бледной кожей – рожденная зимой аянни из Бедендерея, где в самые сильные холода замерзал даже воздух. Этот варварский акцент, эти континентальные манеры; и все равно Нейбен частенько ловил себя на том, что думает о ее плоских грудях с крупными сосками, которые так и хочется потрогать большими пальцами. Перед тем как попасть в Дом многообразия, он даже не задумывался о том, что здесь будут дети из других краев, кроме Ктарисфея и соседних архипелагов. Дети – девушки! – с большого полярного континента. Грубиянки, которые любили сквернословить и не стеснялись путать мальчишечьи имена.

– Пужей! Куда ты собралась?

– Хочу нырнуть.

– К пальпам?

– Не-а, просто окунуться.

Когда Пужей подняла руки и нырнула – неуклюже, как и полагается бедендерейской сухопутной жительнице, – ее грудь

напряглась, и Нейбен ощутил быстрое, приятное набухание в паху. Вода скрыла перемену. Солнечная рябь помогла сохранить все в тайне. Потом он почувствовал, как по телу прошла волна дрожи, и нырнул – глубже, еще глубже. Он чуть не выпустил весь воздух из легких, когда угодил в объятия ледяной воды; потом увидел, как Пужей – в облегающих шортиках для плавания ее задница выглядела весьма сильной, мускулистой – повернулась, улыбнулась и, выпустив струйку пузырьков из носа, взмахом руки поманила за собой, вниз. Нейбен поплыл вслед за уходящими в глубину ступеньками. Перед ним распахнулась зелень, бездонный изумруд за противоскреевыми сетями – там, где безграничное море обновляло воды Марциального бассейна. Между бледно-красным телом Пужей и темно-зелеными просторами колыхались мерцающие завесы пальпов.

«Никто их не создал, никто их не породил, они были здесь всегда». За утверждением детсадовской простоты стояли десять тысяч лет теологических, биологических и ксенологических изысканий. Нейбен – как и весь его народ – всегда знал свое особое место; они были чужаками в этом мире, плодом единения звездной спермы и океанской планетарной утробы, в которую упало семя разумной жизни. Двадцать миллионов капель жизнетворящего семени добрались до суши и породили человечество; остальные уплыли в открытое море, повстречались с пальпами, которые были старше самой вечности, унюхали и возлюбили их. Итак, Нейбен повернулся и ловким ужом проплыл мимо Пужей, такой забавной, игривой и смертоносной, как стрела в сердце, – проплыл прямо к пальпам, извернувшись так, чтобы она лишь мельком увидела еще одного жизнетворящего ужа у него в паху. Занавес из живого желе всколыхнулся и распался на отдельных существ. Скользкое, холодное, трепещущее желе коснулось плоти, разгоряченной от желания. Нейбена сотрясала дрожь, то мелкая, то крупная; он чувствовал одновременно отвращение и возбуждение, которое было превыше секса. Кожу покалывало и пощипывало от воды, в ней ощущался привкус соли, страха и похоти – древней как сама жизнь, обескураживающей, как первый в жизни утренний стояк. Вопреки здравому смыслу, вопреки рассудку, вопреки накопленной за три миллиона лет генетической мудрости, Нейбен воспользовался одним из трюков пастыря Эшби и открыл рот. Вдохнул. Захлебнулся, поперхнулся, а затем почувствовал, как желеобразный, ужеподобный отросток протискивается в гортань: миг удушья – и пальпы достигли легких. Он вдохнул зеленую, соленую воду. Когда щупальца деликатно распутали свои внешние покровы из нанотрубок и проникли в альвеолы, бронхи,

кровоток, он преобразился. Повинуясь обонятельным стимулам, воспоминания всколыхнулись, изменились, и одновременно возникли новый голос, новое видение, новый способ интерпретации этих воспоминаний и переживаний. Нейбен поплыл вниз, вдыхая воду памяти, трансформируясь с каждым взмахом рук. Там, внизу, далеко под ним, кто-то плыл вверх не сквозь воду, а сквозь двенадцать лет жизни. Новая самость.

* * *

Три часа утра. Арочное окно кельи – словно картина в раме: Пужей сидит, подтянув колени к подбородку. Маленькая, еще не развитая грудь; сильный, мальчишеский подбородок; водопад волос будто тень на сиреневом фоне. Она смеялась, запрокинув голову. Та первая секунда их встречи врезалась в память Нейбена до последнего штриха, словно бумажный силуэт, вышедший из-под ножниц художника во время Осеннего солнцестояния, запечатлевший друга, родственника или врага. В нем впервые всколыхнулись плотские желания, в самости Птея проступили намеки на Нейбена, в тот момент еще незнакомого, а теперь изведанного вдоль и поперек.

Он удрал, едва смог. После того, как узнал, куда бросить сумку; после того, как разобрался с устройством древнего, булькающего гальюна; после того, как пастырь Эшби с улыбкой закрыла и благословила дверь кельи с деревянными стенами – его собственной кельи, спустя столько веков на волнах Тейского мирового океана все еще пахнущей только что срубленным деревом. Сезон фотосинтеза был коротким, поэтому леса Бедендерея росли быстро и яростно, прибавляя несколько метров каждый день. Неудивительно, что древесина все еще пахла свежестью и жизнью. После полуночной прогулки по вымощенным плиткой тропам, по деревянным лестницам, пахнущим сыростью крытым галереям и через внутренние дворы – над которыми тихонько колыхались четырехугольники ночной тьмы, пересеченной ярким шлейфом Анпринской миграции, – постоянно держась, как того требовала традиция, за колокольчик на цепочке, прицепленной к поясу пастыря; после заполнения бланков, фотографирования, регистрации и *вот тебе пропуск это тату на тыльной стороне ладони твоя карта поверь она поможет а я твой пастырь и мы увидимся в Восточной трапезной за завтраком;* после подъема по скользкому деревянному трапу с борта «Паруса радостного предвкушения» на пристань Дома многообразия, где вокруг светились зеленым

биолампы, а в вышине сияли огромные фонари на башнях великого университета; когда он остался один в этом чужом новом мире, где ему предстояло стать восемью чужими новыми людьми: он удрал.

Пастырь Эшби сказала правду; татуировка, хитроумный узор из умных молекул и нанокрасок, была подключена к сети Дома многообразия и провела его по лабиринту спален и галерей, дортуаров для мальчиков и опочивален для девочек с помощью отвратительного, но простого трюка: она жалила ладонь с той стороны, куда следовало повернуть.

Кьятай. Друг, с которым Птея разлучило море. Единственный, кто его понимал – с того самого момента, когда они встретились за стенами школы и осознали, что оба отличаются от влюбленных в паруса и повернутых на рыбалке. Обоих интересовала география, они были влюблены в числа и упивались чудесами мира, а также других миров, которые – если верить городской сети – существовали где-то там. Они были мальчиками, смотрящими в небо.

Пока зудящая рука вела его – влево, вправо, вверх по винтовой лестнице под светлеющим небом, – Птей ощущал растущее беспокойство: он раньше не задумывался, узнает ли Кьятая? Тот провел в Доме многообразия три месяца. Наверное – нет, наверняка! – он уже обрел неопределенное количество Аспектов. Птей с юных лет привык к тому, что у его отца несколько связанных с разными Аспектами и частично пересекающихся дружеских компаний, но думал, что такое бывает лишь со взрослыми. С ним и Кьятаем ничего подобного не случится. Ни за что на свете!

Келья была одной из четырех, чьи двери выходили на тесную овальную площадку на вершине минарета в форме тюльпана – он назывался, как гласила легенда на тыльной стороне ладони Птея, «Башня Третьей весенней луны». Кельи распределяли по дате и сезону рождения. Позабыв обо всем, кроме желания увидеть Кьятая, он толкнул дверь – комнаты в Доме многообразия никогда не запирались.

Она сидела под аркой окна, в опасной высоте над черепичными крышами и фарфоровыми куполами квартала Весеннего равноденствия. У нее за спиной не было ничего, кроме странствующих анпринских звезд. Птей не знал, как называется внезапное ощущение, охватившее его в тот момент, когда Пужей запрокинула голову, смеясь над какой-то нарочито серьезной фразой Кьятая. А вот Нейбен знал.

Только на завтраке-инструктаже в Восточной трапезной – там Птей познакомился с другими неуверенными и неуклюжими

мальчиками и девочками из того же набора – действие предрассветных чар иссякло, и он понял, что Кьятай не изменился, остался в точности таким же, как когда переступил с набережной Этьей на борт катамарана и отправился в путь через лагуну, в сторону газовых факелов Темейвери.

* * *

Она ждала, съежившись на деревянных ступеньках, у подножия которых плескались воды Марциального бассейна, подтянув колени к груди, и в послеполуночной прохладе ее предплечья и икры покрылись гусиной кожей. Он знал эту девушку, знал ее имя, ее историю, помнил вкус быстрого, несмелого поцелуя, украденного в толкотне среди подростков на мосту через Двенадцатый канал. Воспоминание было отчетливым и порождало тепло, но принадлежало другому человеку.

– Привет.

Он выбрался из воды на посеребренные доски, откатился в сторону, скрывая наготу. В тени крытой галереи ждала Эшби с халатом из морского шелка.

– Привет. – Не существует простого способа сказать кому-то, что он видит перед собой не того человека, которого помнит. – Я Серейен.

Это имя пальпы подсунули ему там, внизу, вместе с нейротрансмиттерами, изменяющими сознание.

– И как ты себя…

– Я в порядке. Да, я в полном порядке. – Першение в горле заставило его закашляться, кашель усилился и перерос в сильную рвоту. Легкие Серейена очистились, и он с трудом изверг горку пятнистого от слизи пальпового желе. В первых лучах солнца вещество растаяло и побежало, потекло по ступенькам, стремясь воссоединиться со своей стаей в Марциальном бассейне. Пастырь Эшби шагнула вперед. Серейен отмахнулся от нее.

– Который час?

– Четыре тридцать.

Почти пять часов.

– Серейен. – Пужей застенчиво отвела взгляд. Вокруг Марциального бассейна появлялись другие душепловцы: выкашливали пальпы из легких, дрожали в термальных халатах, привыкали к своим новым Аспектам. – Кьятай хочет тебя увидеть. Дело очень срочное.

Терпеливая Эшби завернула новорожденного Серейена в халат, и умный пластик выделил накопленное тепло, стремясь

отрегулировать температуру его тела.

– Иди к нему, – сказала пастырь.

– Но я должен…

– У тебя вся жизнь впереди, чтобы узнать Серейена получше. Я думаю, ты должен идти.

Кьятай. Воспоминание об увлечении звездным небом, подсчетами, расчетами и азартными играми. Имя и лицо принадлежали другому Аспекту, другой жизни, но былая страсть к числам, к обнаружению взаимосвязей между тем и этим, вызвала прилив радости откуда-то из глубины его сути. Это было так же приятно и по-взрослому, как набухание пениса, которое случалось ясным утром или когда он воображал, как трогает грудь Пужей, думал о татуированном треугольнике у нее в паху. Ощущение было иным, но не менее интенсивным.

Ставни были плотно задернуты. Экран оставался единственным источником света в комнате. Когда открылась незапертая дверь, Кьятай обернулся. Прищурился, вглядываясь в полумрак на лестничной площадке, а затем взволнованно воскликнул:

– Только посмотри на это!

Снимки со смотровых платформ, отправленных к Тейяфаю, чтобы наблюдать за действиями анпринов. Чернота, испещренная звездами, ослепительная синяя кривая водного мира; фото было затемнено, чтобы не выгорел экран. Близкие обиталища выглядели как диски, остальные – как софиты в театре. Их расположение отражало влияние скорости и гравитации.

– И что я должен увидеть?

– Да ты приглядись, они же строят космический лифт! Я все гадал, как они достанут воду с поверхности Тейяфая. Просто, ха-ха! Возьмут и высосут! Какая-то машина на стационарной орбите переделывает астероид, который они притащили с собой; ее удерживают на месте с помощью одного из обиталищ.

– И астероид, и обиталище на стационарных орбитах, – сказал Серейен. – Им придется одновременно строить в двух направлениях, чтобы удерживать трос лифта натянутым.

Слова как будто сами выпрыгнули из его рта, и он сразу понял, что это правда.

– Наверное, какое-то наноуглеродное соединение, – сказал Кьятай, вглядываясь в экран, пытаясь высмотреть на расплывчатом изображении строительного астероида какой-нибудь выступ, выпуклость – какую-нибудь подсказку. – У троса невероятный предел прочности, но при этом он очень гибкий. Мы должны заполучить этот секрет; в сочетании с нашими нефтяными месторождениями он произведет технологическую

революцию. Мы станем настоящим народом звездоплавателей. – Затем, как будто впервые сосредоточившись на госте по-настоящему, Кьятай отвернулся от экрана и уставился на фигуру в дверном проеме. – Ты… кто?

Два слова прозвучали тихо и жалобно.

– Серейен.

– А разговариваешь как Птей.

– Я был Птеем. Помню его.

Губы Кьятая как-то странно изогнулись – Серейен вспомнил, что это жевательное движение возникало у его друга в моменты несчастья и разочарования. На вечеринке в честь дня именования сестры, когда собралась вся кровная семья, и он заявил, будто знает наверняка, что у кого-то из жителей переулка Пьяного цыпленка праздник в тот же день, что и у малышки Сезимы. Кьятай без разрешения встрял в разговор взрослых, и за этим последовало долгое растерянное молчание. Потом смех. И еще один случай: когда Кьятай высчитал, как долго надо идти пешком, чтобы отшагать целый световой год, и учитель Дэу спросил у класса, понял ли кто-то хоть что-нибудь. На мгновение Серейену показалось, что его друг вот-вот заплачет. Это было бы ужасно – неприлично, унизительно. Затем он увидел на неубранной кровати сумку, из которой торчала скомканная ритуальная белая одежда.

– Кажется, Кьятай хочет сказать, что он покидает Дом многообразия, – проговорила пастырь Эшби тем голосом, который, как знал Серейен, используют взрослые, сообщая неприятные вещи. В воздухе повисло слово, которое Эшби не хотела говорить, Серейен и Пужей не смогли бы произнести, а Кьятай и не собирался этого делать.

Такие были в каждом городе, в каждом районе. В конце переулка Пьяного цыпленка жил Кентлей, в свои сорок с чем-то лет все еще с кровными родителями. Он никогда не был женат, хотя бывший Птей слышал, что некоторые женятся, и не только на себе подобных. На нормальных. Многообразных. Кентлей вызывал одновременно жалость и уважение; одинаково благословенные и проклятые, Одиночки получали озарения и дары в качестве компенсации за неспособность развернуться в Восемь Аспектов. Кентлей разбирался в кожных недугах, бородавках и болезнях птиц. Птея послали к нему за амулетом против висячей бородавки на подбородке. Она исчезла за неделю. Уже тогда Птей задавался вопросом, случилось ли это из-за сверхъестественных способностей или из-за суеверного страха перед чужаком в конце причала.

Кьятай. Одиночка. Такое же абсурдное словосочетание, как

«зеленое солнце» или «светлая зима». Этого никогда не должно было случиться. Предполагалось, что воды Марциального бассейна разобьют их на множество блестящих осколков, и будут другие жизни, другие друзья, даже другие жены и мужья, но все равно сохранятся те Аспекты, которые не забудут, как они пытались рисовать птиц и рыб на светящейся полосе Среднезимней галактики, висящей в небе неделями, или математически просчитать поведение серебристиков, которые в разгар Большого лета скапливались в лагуне стаями, похожие на россыпи блестящих иголок, держались вместе и порознь, существовали раздельно и двигались как один. «Кипящий дождь». «Летний лед». «Утро без рассвета». «Друг, у которого всегда будет одна личность». Невозможности. Кьятай не мог оказаться выродком. Темное слово, мерзкое слово – оно висело на Кьятае, как брезент в пятнах нефти.

Одиночка закрыл сумку и закинул на спину.

– Приду в гости, когда вернешься.

– Да. Ладно. Будет здорово. – Слова, желания и фразы так и ринулись к нему, и все же конец случился так быстро, так внезапно, что Серейен мог лишь потупиться, чтобы не видеть, как Кьятай уходит. Пужей расплакалась. Высокий и темнокожий пастырь Кьятая, рожденный летом, обнял Одиночку и повел его к выходу.

– Эй, – спохватился Кьятай на площадке винтовой лестницы. – А ты когда-нибудь спрашивал себя, зачем они здесь? Я про анпринов.

Даже сейчас, понял Серейен, Кьятай прятался от истины: он будет отмечен как иной, неполноценный, до конца своих дней, и ему останутся лишь звезды, космические корабли и секреты чужаков.

– Почему они пришли сюда? Мы называем случившееся «Анпринской миграцией», но куда они мигрируют? И откуда? Кто-нибудь когда-нибудь задавал такой вопрос? Ты когда-нибудь думал об этом, а?

Затем пастырь Эшби закрыла дверь кельи на вершине высокой башни.

– Поговорим позже.

Кричали чайки. Погода обещала испортиться. На экране позади Серейена звезды летели над бескрайним океаном.

* * *

Серейен не нашел в себе сил спуститься на причал, но

наблюдал за отплытием «Паруса радостного предвкушения» из-под купола зала Ясного взгляда, где играли в нетбол. Дом многообразия плыл сквозь заросли цветущего фитопланктона, и Серейен увидел, как сдвоенный корпус ритуального катамарана прорезал парные линии биосвета в ковре микрожизни, поглощающей углерод. Он встал и проследил за парусами, пока они не затерялись среди корпусов огромных керамических нефтяных танкеров, теснившихся в оранжевом облаке смога, отмечающего путь к Ктарисфею где-то по ту сторону горизонта. «Приду в гости». Они будут об этом неизменно забывать. Они ускользнут из жизни друг друга – жизнь Серейена теперь станет куда более насыщенной и многолюдной, по мере того как он начнет перемещаться по социальным мирам своих Аспектов. Со временем они незаметно перестанут думать и вспоминать друг о друге. Серейен Нейбен экс-Птей осознал, что он больше не ребенок. Он мог позволить всему идти своим чередом. После утренних уроков Серейен спустился к Бассейну древности – затопленной площади, историческому сердцу Дома многообразия – и использовал приемы, которым научился час назад, чтобы без особых усилий из Серейена стать Нейбеном. Затем спустился в воду и поплыл вместе с Пужей. Девушка все еще плакала и была сбита с толку, но подогретая летним солнцем вода и физические упражнения вернули ей бодрость. Когда небо потемнело от летней грозы, которую напророчили чайки, они углубились в тайный лабиринт затопленных колоннад и дворов, где не бывали большие компании друзей. Там, под первые трески молний и шипение дождя, он поцеловал ее, а она скользнула рукой в его плавки и объяла ладонью приятно набухший член.

Серейен любит

Ночь, полярное сияние и сирены. Серейен вздрогнул, когда полицейские дроны пролетели почти над самой крышей Консерватория. Через высокие арочные окна по-прежнему были видны пожары на проспекте Яскарай. Электроснабжение еще не восстановили, поэтому улицы и громады многоквартирных домов оставались темными. Поперек стрелочной улицы[253] лежал перевернутый трамвай, в заднем вагоне мерцали языки пламени. Шум протеста удалился, но время от времени по льду скользили тени, озаренные гипнотическим полярным сиянием: студенты-бунтовщики, полицейские роботы. Последних было нетрудно отличить по брызгам ледяных кристаллов, которые разлетались во все стороны при каждом шаге заостренных, семенящих конечностей.

– Опять торчишь у окна? Уходи оттуда. Если заметят, могут пристрелить. Смотри, я чай приготовила.

– Кто?

– В смысле?

– Кто меня застрелит? Бунтовщики или полиция?

– Какая разница, если ты все равно умрешь.

Конечно, он послушался, сел за стол и взял чашечку с прозрачным, солоноватым бедендерейским мате.

– А вот меня точно нельзя убить, – прибавила она.

Ее звали Сериантеп. Она была анпринским пребендарием, формально прикрепленным к Колледжу теоретической физики при Консерватории Янна. Она выглядела как высокая, стройная молодая женщина со смуглой кожей и иссиня-черными волосами – рожденная летом жительница архипелага, – но это была всего лишь форма, которую принял рой анпринских наночастиц. Она была роем в облике женщины. Рерис Орхум Фейаннен Кекджай Прус Реймер Серейен Нейбен гадал, как сильно необходимо приблизиться, чтобы ее идеальная кожа превратилась в размытое скопище микроскопических пылинок. У него было много возможностей провести такой эксперимент. Помимо того, что Сериантеп считалась его ученицей – хотя чему фактически бессмертная гражданка улья, преодолевшая сто с лишним световых лет, могла научиться у человека из плоти и крови, которому не было и тридцати, большой вопрос, – она время от времени становилась его любовницей.

Сериантеп пила чай. Серейен наблюдал, как она касается губами краешка изящной фарфоровой чашки, даже в Янне с его сухим континентальным климатом украшенной вездесущим

мотивом с Повелителем рыб. За тем, как от глотка слегка вздрагивает ее горло. Он подмечал сотню таких крошечных, интимных движений, но даже когда Сериантеп ворковала, хихикала и переводила дух во время ритуальной стимуляции «Пять листьев, пять рыб», непроизвольные реакции ее тела казались спектаклем. Заученными ответами. Она играла, он наблюдал. Актриса и зритель. Вот таким любовником он был в роли Серейена.

– Ну и каково это, трахать кучу наночастиц? – спросила Пужей, когда они кувыркались и попивали вино в уютной и теплой, интимной тесноте Тринадцатого окна – кельи для свиданий в Огруне, древней мужской киновии для университетских работников. – Щекотно, да?

С этими словами она сжала его пенис, взяла в заложники: «Осторожнее с ответом, дружок».

– По крайней мере, у наночастиц не воняет изо рта по утрам, – сказал он. Пужей, вскрикнув от возмущения, дернула его за детородный орган, заставив взвизгнуть, а потом оба расхохотались и перевернулись, зарылись глубже в кучу стеганых одеял, где было тепло вопреки зиме.

«Сейчас я должен быть с ней», – подумал он. Многомесячные зимние ночи, озаренные полярным сиянием и звездными облаками великой галактики, принадлежали им. После Дома многообразия он поехал с ней в Бедендерей, в ее родной город Янн. В городском консерватории был лучший в мире факультет теоретической физики. Такие вещи совсем не интересовали миниатюрную, смешную Пужей с ее мальчишеской фигурой. Через шесть месяцев они официально оформили партнерство. Во время торжеств, устроенных в холодном, темном и варварском городе, далеком от изысканной элегантности островной жизни, его родители все время ворчали и тряслись от холода. Но с той поры зима – даже в самые холодные утренние часы, когда ступеньки женского пансионата Чайного переулка, где жила Пужей, покрывались слоем сухого льда – навсегда стала их личным временем года. Надо ей позвонить, сообщить, что он все еще в ловушке, но не упустит шанс вырваться. Мобильная связь пока работала. Можно послать электронное письмо. Нет, нельзя. Сериантеп не знает. Сериантеп не поймет. Она уже один раз не поняла, когда он попытался теоретически объяснить, что разные Аспекты могут – должны! – иметь разные отношения с разными партнерами, любить многих, но одинаково. «Как Серейен я люблю тебя, анпринский пребендарий Сериантеп, но как Нейбен я люблю Пужей». Он не осмелится сказать такое вслух. Сериантеп, бессмертный улей наночастиц, звездная странница, была

довольно-таки упертым созданием.

Тишину хрустальной ночи нарушил далекий и ровный треск выстрелов.

– Кажется, затихает, – сказала Сериантеп.

– Я бы подождал еще какое-то время.

Какой же странной и жестокой оказалась внезапная вспышка антианпринского насилия. И это в разгар зимы, когда прекращались всякие битвы, и даже деревья вдоль проспекта Яскарай скукожились до предела и покрылись льдом. Невзирая на радость, которую доставляла Пужей, Серейен знал, что всегда будет ненавидеть бедендерейскую зиму. «Будь осторожен, – предупредила мать, когда он объявил о своем решении переехать в Янн. – Там все сходят с ума от темноты». Апатия и самоубийство гуляли под ручку вдоль замерзших каналов Города Зимы. Что ж, неудивительно, что вспыхнувшее безумие избрало целью анпринских пребендариев. И народный гнев в адрес Консерватория также был неизбежен. Университет всегда воспринимали как место, стоящее особняком от остальной части Янна; летом он взирал с высоты на изнемогающие от зноя улицы, как надменная старая дева; зимой превращался в паразита, который тянул соки из нищего города. Теперь Консерваторий стал неофициальным посольством чужаков в северном полушарии. В его длинных коридорах с маленькими окнами было больше анпринов, чем где-либо еще в мире.

«Нет никаких чужаков, – подумал Серейен. – Есть только Клада. Мы все одна семья. Кьятай на этом настаивал».

Катамаран скрылся за горизонтом, они больше не встретились, исчезли из жизни друг друга. Имя Кьятая время от времени тревожило Серейена, проскакивая в интервью по радио или газетных колонках. Друг детства разработал мрачную и параноидальную теорию заговора, объясняющую Анпринское присутствие. Пребывая высоко над насквозь промерзшими улицами Янна, Серейен погружался в абсолютно абстрактные размышления о физическом существовании математических объектов и время от времени задавался вопросом о том, в какой момент Анпринская миграция превратилась в Анпринское присутствие. Одиночки часто зацикливались на каких-то очень конкретных, узких темах. И теперь улицы прислушались, перешли от слов к делу. Великая зима всегда была мрачным сезоном паранойи.

«Вот в чем суть, – подумал Серейен. – Тот, с кем ты занимался сексом, не может быть чужаком».

Вертолетный грохот усилился, отразившись от стен Колледжа теоретической физики, а потом удалился за Центральный канал.

В теплой и тускло освещенной факультетской келье воцарилась тишина.

– Думаю, теперь можно идти, – наконец проговорил Серейен.

На улице стоял такой мороз, что Серейену было холодно даже в стеганой парке. Он застегнул высокий воротник, защищая горло, но все равно чувствовал, как дыхание замерзает прямо на губах. Сериантеп легко пробиралась среди обломков кирпичей и разбитых бутылок, одетая в тунику и леггинсы, – она обычно в таком виде и ходила по колледжу. Наночастицы позволяли ей полностью контролировать тело, включая его температуру.

– Тебе стоило что-нибудь надеть, – сказал Серейен. – Бросаешься в глаза.

Мимо кафе с опущенными ставнями и закрытых магазинов, мимо высоких кирпичных фасадов студенческих общежитий. На развилке путей на Тандей-авеню полыхал трамвай, и горький дым смешивался с неизменным ароматным смогом, который выдыхали электростанции Янна. Деревья вдоль центральной части проспекта сжались в крепкие кулаки и грезили о лете. Цокот каблуков по мостовой звучал непривычно громко.

В узкой щели переулка между двумя высокими многоквартирными домами шевельнулась тень. Серейен замер, его сердце дрогнуло. Кто-то опустил воротник, пристально всмотрелся в его лицо… Обредай с кафедры прикладной физики.

– Желаю удачно вернуться домой.

– Ага. Взаимно.

Все ученые с высокими степенями жили в Консерватории, и в его стенах им ничего не угрожало; большинство научных сотрудников, работавших допоздна, задержатся до утра. Чай и новости им помогут. У тех, кто предпочел выйти на опасные улицы, имелись на то причины. Серейен слышал, что Обредай в кого-то втюрилась.

«Как же мы рискуем ради мимолетной любви».

На пересечении Тандей-авеню и набережной Яскарай из непроницаемой тьмы под арочным мостом Генерала Гаториса вышел полицейский робот. Шипя поршнями, вырос до трех метров; по сетчатке Серейена скользнул зеленый луч. Сериантеп подняла руку, и наночастицы ее ладони проинформировали робота об иммунитете, предоставленном пребендарию Клады. Машина снова уменьшилась в росте; если бы пластик и насосы могли проявлять эмоции, она показалась бы удрученной.

На углу набережной и проезда Серебряного паука обнаружилась единственная открытая чайная с окнами, запотевшими от пара из бульоток[254]. Камера наблюдения повернулась к двум беглым ученым и моргнула.

На Таннис-лейн на них напали. Все произошло внезапно. Зазвучали голоса, эхом отражаясь от каменных лестниц и кирпичных арок, а потом из-за поворота вывалилась толпа неуклюжих горожан, громоздких и широкоплечих в своих тяжелых зимних парках. Кто-то сжимал в руках палку, кто-то – разорванный плакат, остальные были безоружны. Бунтовщики увидели мужчину в теплой парке, с инеем на высоком воротнике, и полураздетую женщину, чье легкое дыхание было почти незаметным. Они мгновенно поняли, кто она такая. Шум в переулке перешел в рев.

Серейен и Сериантеп уже удирали. Почувствовав быстрое движение, подошвы ботинок Серейена выдвинули шипы, чтобы он не поскользнулся на обледенелой мостовой. Еще одним автоматическим ощущением было отступление обескураживающей паники; он утратил контроль над телом и как будто ушел на второй план. Явился другой Аспект, чьей специализацией было «бей-или-беги»: Фейаннен, хладнокровный и умелый спаситель в чрезвычайных ситуациях.

Он схватил Сериантеп за руку.

– За мной. Пулей!

Когда они ворвались в чайную и остановились посреди столиков, запыхавшись, Серейен-Фейаннен увидел, как на лице владельца отразилась смена Аспектов, похожая на перемену погоды. Они метнулись к стойке с громоздкими, окутанными паром бульотками с кипятком. Хозяин чайной захотел избавиться от непрошенных гостей, опасаясь за дело своей жизни.

– Нам нужна ваша помощь.

Хозяин чайной вытаращил глаза, когда толпа бунтовщиков, поскальзываясь, выскочила из-за угла и оказалась у входа в проезд Серебряного паука. Потом он хлопнул по кнопке под прилавком, и защитные ставни опустились. Снаружи по ним начали колотить, и чайная наполнилась грохотом; ставни прогнулись вовнутрь. Преследователи завопили в унисон, громче прежнего, поскольку добыча скрылась из вида.

– Я вызвала полицию, – сказала Сериантеп. – Они прибудут без промедлений.

– Ничего подобного, – ответил Фейаннен. Он выдвинул табурет из-за ближайшего столика и сел, настороженно глядя на серые ламели ставней. – Работа полицейских заключается в наведении порядка и защите собственности. Обеспечение личной безопасности пришельцев находится далеко внизу их списка приоритетов.

Сериантеп села напротив, настороженная, как птица.

– Что происходит? Я не понимаю. Мне очень страшно.

Владелец чайной поставил на стол два стакана мате. Он сперва нахмурился, затем в его взгляде отразилось понимание. За столом сидела инопланетянка. Он вернулся к стойке и облокотился на нее, поглядывая на ставни, за которыми кружил голос толпы.

– Ты же говорила, что тебя нельзя убить.

– Я боюсь другого. Я боюсь тебя, Серейен.

– Я не Серейен. Я Фейаннен.

– Кто – нет, *что* такое «Фейаннен»?

– Я становлюсь им, когда мне страшно, когда я злюсь, когда мне необходимо мыслить ясно и хладнокровно, когда реальность становится мозаикой из миллиона частей, когда я играю, охочусь или готовлю запрос о крупном финансировании.

– Ты… не похож на себя.

– Я действительно изменился. Как давно ты живешь в нашем мире?

– Ты жесткий. И холодный. Серейен никогда не был жестким.

– Я не Серейен.

Оглушительный грохот – ставня прогнулась под мощным ударом, и стекло разлетелось вдребезги.

– Все, хватит. Мне плевать, что случится, – выметайтесь отсюда, оба. – Хозяин чайной выскочил из-за стойки и решительным шагом направился к Сериантеп. Фейаннен рванулся ему наперерез.

– Эта женщина – гостья в твоей стране, она нуждается в защите.

– Никакая она не женщина. Просто куча… насекомых. Существ. Крошечных существ.

– Эти крошечные существа очень напуганы.

– Я так не думаю. Ты сам сказал – и в новостях говорили то же самое – их невозможно убить по-настоящему.

– Они чувствуют боль. *Она* чувствует боль.

Они уставились друг на друга, потом отвернулись. Продавец мате вернулся к своим высоким бакам с травяной жижей. Шум с улицы сменился напряженной, выжидающей тишиной. Ни Фейаннен, ни Сериантеп не верили, что толпа и впрямь разошлась, устав мерзнуть. Лампы под потолком несколько раз мигнули.

Сериантеп проговорила с внезапной яростью:

– Я могу с ними расправиться.

Продавец чая поднял глаза.

– Не надо, – прошептал Фейаннен.

– Но я могу. Я просочусь под дверью. Просто сменю форму.

Хозяин чайной вытаращил глаза: демоница, зимний упырь! И

это в его приличном заведении на берегу канала…

– Ты и так достаточно их пугаешь, – сказал Фейаннен.

– Но почему? Мы прибыли сюда только для того, чтобы помочь вам, чтобы учиться у вас.

– Они думают: чему это вы собрались учиться у нас? Они думают, вы что-то от нас скрываете.

– «От нас»?

– От них. Не надо их еще сильнее пугать. В конце концов прибудет полиция или прокторы из Консерватория. Или бунтовщикам просто наскучит такое занятие, и они пойдут домой. Подобные истории никогда не затягиваются надолго.

– Ты прав. – Она откинулась на спинку стула. – Гребаный мир… И зачем только я сюда прилетела?

Сериантеп взглянула на мигающие световые трубки, как будто могла увидеть сквозь потолок далекую диадему колоний своего народа, разбухших от многолетнего поглощения воды. Фейаннен знал, что этот вопрос Серейен задавал себе много раз. Аспирант, изучающий топологическую структуру пространства-времени и космологическую постоянную. Тысячелетняя постчеловеческая сущность, невинно облачившаяся в тело двадцатилетней женщины, играющая студентку. Она ничему не могла у него научиться. Все знания, накопленные анпринскими странниками за время их десятитысячелетней миграции, были запечатлены в ее наночастицах. Она воплощала в себе всевозможную истину и лгала каждой клеточкой тела. Анприны и их тайны. Никакой основы для отношений, и все же Серейен любил ее всей душой. А вот был ли он для нее чем-то большим, чем каприз? Турист, абориген, быстротечный отпускной роман…

Сериантеп стремительно наклонилась через стол и взяла лицо Фейаннена в ладони.

– Пойдем со мной.

– Что? Кого ты спрашиваешь?

– Кого? – Она раздраженно покачала головой. – А-а! Серейена. Но это будешь и ты, иначе нельзя. Ко мне домой, к Анпринскому народу. Я так давно хотела предложить. Хочу показать тебе наши миры. Сотни миров, похожих на драгоценные камни, сверкающие на солнце. А внутри, подо льдом, еще миры, вложенные… Я подала заявление на получение туристической стипендии несколько месяцев назад; я просто не могла заговорить об этом вслух.

– Почему? Что тебе мешало?

Небольшой, но значительный поток дипломатов, ученых и журналистов курсировал между Теем и анпринским флотом вокруг Тейяфая. Вернувшиеся пользовались статусом мировых

знаменитостей, аналитические центры, ток-шоу и колонки новостных сайтов интересовались их мнением и опытом, а пресса – деталями внешности и личной жизни. Серейен так и не понял, почему людей тянет к кумирам, но он не был настолько изолирован от мира за крепостными стенами Коллегиума, воздвигнутыми ради сдерживания Великой зимы, чтобы не оценить выгоду, которую эти кумиры получали. Светильники вспыхнули ярче, а особая тишина снаружи, которая была не истинной тишиной, а ожиданием, отошла на второй план, когда Серейен пришел на смену Фейаннену.

– Почему ты не спросила?

– Думала, откажешься.

– Откажусь? – Откажется – и потеряет шанс попасть в число избранных, благословенных. – Отвергну возможность потрудиться вместе с Анпринским народом? Разве кто-то на такое способен? С чего бы мне так поступать?

Сериантеп долго смотрела на него, чуть склонив голову набок, нацепив маску соблазнительницы – такой язык тела мог придумать только инопланетянин, не привыкший к человеческому облику.

– Ты снова Серейен?

– Да, я снова поменял Аспект.

– Я думала, ты можешь отказаться… из-за нее. Другой женщины. Пужей.

Серейен трижды моргнул. По лицу Сериантеп он понял, что она ожидала признания, исповеди, эмоций. Но чего конкретно?..

– Я знаю о ней, – продолжила Сериантеп. – Мы в Анпринской миссии кое-что знаем. Мы проверяем, с кем работаем. Приходится. Мы знаем, что не все нам рады и многие относятся с подозрением. Я знаю, кто она, и где живет, и чем вы занимаетесь трижды в неделю, когда ты приходишь к ней. Я знаю, куда ты собирался пойти сегодня вечером, если бы всего этого не случилось.

Серейен моргнул еще три раза. Теперь ему было жарко, слишком жарко в зимней парке в этой душной, ароматной чайной.

– Но это какая-то ерунда. Я не люблю Пужей, ее любит Нейбен.

– Да, но ты и есть Нейбен.

– Ну сколько еще объяснять? – Серейен подавил гнев. Аспекты витали на краю сознания, подобно ангелам бури из Псалтыря Базьенди; все эти самости были неуместны. Они ярились и бушевали, они могли испортить зыбкий баланс, появившийся в чайной. – У нас так принято, – продолжил он

мягче. – Так уж мы устроены.

– Да, но… – Сериантеп с трудом подбирала слова. – Это же все равно ты, твое тело. Ты говоришь, что все иначе, ты говоришь, что это кто-то другой, а не ты, не Серейен, но откуда мне знать? Как я вообще могу такое понять?

«И это говоришь ты, с твоим-то телом, способным принять любую форму, без ограничений», – подумал Серейен. Затем Фейаннен – он превратился в тень, но все равно оставался на расстоянии мысли, оставался в этой осажденной, сюрреалистической чайной, – услышал снаружи перемену в тишине. Продавец чая поднял глаза. Он тоже услышал. Он понимал разницу между ожиданием и предвкушением.

– Извини, я должен сменить Аспект.

Стук в ставню, приглушенный варежкой. Кто-то назвал полное имя Фейаннена. Голос был знакомый: Фейаннен вспоминал про него из-за рискованного романа своей ученой самости с Сериантеп; Серейен – когда через его масштабные визуализации топологической структуры Вселенной прорывались новости и аналитические статьи; Нейбен – когда думал про келью на крыше башни и видеоэкран, полный звезд.

– Можно войти?

Фейаннен кивнул продавцу чая. Тот поднял рольставни достаточно высоко, чтобы грузная фигура в длинном стеганом пальто и сапогах смогла нырнуть в проем. Фейаннен ощутил дуновение ледяного ветра.

Кьятай поклонился, снял варежки, стряхнул с них иней и выполнил надлежащие формальности, чтобы выяснить, к какому Аспекту он обращается.

– Приношу свои извинения. Я лишь недавно узнал, что мы поймали именно тебя.

Тембр голоса, интонации и модуляции, изысканные и продуманные формулировки – как будто после Дома многообразия и не прошло столько лет. В каком-то смысле так и было: Кьятай застрял в ловушке, в своем неприкосновенном и неизменном облике, и только время и накопленный опыт могли как-то на него повлиять. Такова была жизнь Одиночки.

– Полиция скоро будет здесь, – сказала Сериантеп.

– Будет, – спокойно согласился Кьятай. Он оглядел Сериантеп с ног до головы, как в зоопарке. – Они нас окружили. Такие события редко планируются заранее, и мы проигрываем в стратегии то, что выигрываем в спонтанности. Так или иначе, когда я понял, что это ты, Фейаннен-Нейбен, мне пришло в голову, что мы все можем выбраться из западни невредимыми.

– Предлагаешь сделку, – сказал Фейаннен.

– Я вас лично отсюда выведу.

– И твоя политическая репутация не пострадает.

– Мне нужно дистанцироваться от того, что произошло сегодня вечером.

– Но основополагающий страх перед визитерами останется прежним?

– Я не меняюсь. Ты в курсе. Я рассматриваю эту особенность как талант. В мире есть кое-что прочное, долговечное. Не все меняется в зависимости от времени года. Но что касается «страха», как ты его назвал… Это интересный момент. Помнишь нашу последнюю встречу в Доме многообразия? Помнишь, что я сказал?

– Нейбен помнит, как ты спросил, куда и откуда направляется Анпринская миграция.

– На всех этих семинарах, лекциях и конференциях, где вы обсуждаете форму Вселенной, – о! у нас свои осведомители, не такие многочисленные, как анпринские, но действуют незаметнее, – тебе когда-нибудь приходило в голову спросить: «Зачем вы сюда пришли?» – На пухлощеком, все еще мальчишеском лице Кьятая проступил упрек. – Я так полагаю, ты с ней трахаешься?

Фейаннен не моргнув глазом принял стойку Третьего почетного оскорбления. Рука на плече: хозяин чайной. Это бесчестье, драться на дуэли с Одиночкой. Фейаннен опять сел, от сильного гнева его подташнивало.

– Скажи ему, – велел Кьятай.

– Все очень просто, – подчинилась Сериантеп. – Мы беженцы. Анпринский народ – огрызок, уцелевший после уничтожения нашего подвида Панчеловечества. Наши восемьсот обиталищ – такой ничтожный процент от первоначальной численности, что с точки зрения статистики мы вымерли. Наши обиталища когда-то застилали солнце целиком. Мы – все, что осталось.

– Как? Кто?

– Не столько «кто», сколько «когда», – мягко уточнил Кьятай. Он размял посиневшие от холода пальцы и натянул варежки.

– Они придут сюда?

– Мы опасаемся, что да, – призналась Сериантеп. – Мы не знаем наверняка. Мы были осторожны, старались, фигурально выражаясь, заметать следы, и еще мы обогнали их на сотни лет. Мы здесь только ради дозаправки. А потом спрячемся в каком-нибудь большом шаровом скоплении.

– Но зачем, почему кто-то поступил с вами таким образом? Мы же все одного вида. Вы сами так сказали. Клада, Панчеловечество.

– Братья ссорятся, – заявил Кьятай. – Семьи распадаются, родственники враждуют. Мало какая неприязнь может с этим сравниться.

– Это правда? Как такое может быть правдой? Кто об этом знает? – Серейен попытался отодвинуть Фейаннена, обрести контроль и во всем разобраться. Одним из первых уроков, преподанных пастырями Дома многообразия, был этикет перехода между конфликтующими Аспектами. Война внутри разума, битва самостей. Он еще мог понять вражду между братьями и сестрами, умноженную до космического масштаба. Но как могли воевать друг с другом целые виды?

– Власть имущие, – сказал Кьятай, а потом прибавил, повернувшись к хозяину чайной: – Открывайте ставни. Вам ничто не угрожает. Даю слово. – И снова к Серейену: – Политики, некоторые высокопоставленные академики и законодатели. И мы. Не ты и тебе подобные. Но никто не хочет пугать народ. Поэтому мы критикуем анпринских пребендариев и подвергаем сомнению правомерность их присутствия в нашей системе. Возможно, иногда все оборачивается ксенофобией и насилием, но это нормально, такова цена, она ничтожна по сравнению с тем, что случится, если гости привлекут к нашему порогу врагов, которые их уничтожили. Ну же. Пора уходить.

Хозяин чайной поднял ставни. Снаружи протестующие вежливо расступились, когда Кьятай вывел беглецов. Никто даже не пикнул, когда Сериантеп в своей нелепой, смертельно опасной одежде не по погоде ступила на булыжную мостовую. Огромные Зимние часы на башне Алайнеденг показывали двадцать минут шестого. Скоро начнется утренняя смена, в уличных забегаловках растопят печи и нагреют сковородки.

В толпе зашептались, когда Серейен взял Сериантеп за руку.

– Это правда? – тихо спросил он.

– Да, – ответила она. – Правда.

Он посмотрел на небо, где еще три бесконечных месяца будут сиять звезды. Полярное сияние свернулось кольцом и забилось в конвульсиях над съежившимся от холода Янном. Звезды походили на хрустальные наконечники копий. Вселенная была огромной, ледяной и враждебной человечеству, величайшей из Великих зим. Он никогда не врал себе, что все иначе. Электроснабжение восстановили, шлемы спецназовцев и панцири дронов особого назначения блестели желтым в свете уличных фонарей. Серейен сжал пальцы Сериантеп.

– По поводу того, о чем ты спрашивала…

– Когда?

– Тогда. Да. Я согласен. Я полечу с тобой.

Торбен растворяется

Анпринский ледяной корабль повернулся лицом к солнцу и засиял, словно звезда. Корабль представлял собой осколок смартльда, был замысловат, как снежинка, а по прочности превосходил любую конструкцию тейских инженеров. Торбен завис в невесомости в обзорном куполе на пересечении солнечных крыльев. Анприны, неотличимые от рассеянных по корпусу наночастиц, не нуждались в таких архитектурных изысках. Они взаимодействовали с космосом через органы чувств; фрактальная оболочка корабля была одной большой сетчаткой. Они вырастили пузырь из чистого и абсолютно прозрачного строительного льда ради удобства и удовольствия человеческих гостей.

Торбен был единственным обитателем купола и единственным пассажиром чуждого, парадоксального корабля. Попутчик ему бы пригодился. Попутчик разделил бы с ним ежедневное, почти ежечасное изумление при виде странного, нового и удивительного. Другие Аспекты испытали вместе с Торбеном благоговейный трепет и осознали свое привилегированное положение, когда кабина космического лифта – анпринского подарка народам Тея – достигла орбиты и там состыковалась с ледяным кораблем, который вышел из тьмы и вспыхнул серебром. Когда Торбен неуклюже вплыл в звездный купол и потрясенно осознал, что пересадочная станция – всего лишь скопище навигационных огней, почти затерянных на фоне звездного неба, Аспекты ощутили его интеллектуальное ликование. Ледяной корабль как будто не двигался. Тело Торбена не ощущало даже намека на ускорение. Он был прав, когда предположил, что анприны могут изменять топологическую структуру пространства-времени, но рассказать об этом мог лишь своим самостям. Анпринский экипаж – Торбен не знал, состоит ли он из одного индивида или многих, и не факт, что это имело значение, – держался особняком, как подобает чужакам. Изредка, проплывая в моноласте и паутинных перчатках по коридорам, обшитым панелями из настоящего дерева, взмахивая руками в плотном, влажном воздухе, он краем глаза замечал вихрь серебристых пылинок, который кружился и изгибался, словно пойманный в ловушку водяной смерч. В его присутствии эти «смерчи» всегда исчезали. Но лед за деревянными панелями ощущался живым, подвижным, разумным и как будто сдавливал Торбена.

Сериантеп улетела несколько месяцев назад, сказав, что у нее

есть кое-какие дела.

Устроили вечеринку; в анпринской миссии на вечнозеленом, плодородном склоне одного из вулканических островов архипелага Сулань, вечеринки случались часто. Собратья по Консерваторию, пресса и пиарщики из Ктарисфея, политики, родственники и анпринские пребендарии, одинаково красивые и потому жутковатые.

– Суть в том, что в обиталище «Тридцать три: покой внутри» можно заниматься научными исследованиями, – сказала Сериантеп.

За бумажными фонариками, развешанными на деревьях, и сиянием поглощающей углерод лагуны поднимались огни кабин космического лифта, в конце концов теряясь среди звезд. Через считанные дни она отправится этой тропкой на орбиту. Серейен гадал, узнает ли ее в следующий раз.

– Ты должен лететь. – Пужей стояла на балконе женского пансионата Чайного переулка, где недавно распахнули все двери, чтобы впустить весеннее тепло в душные комнаты, за зиму пропитавшиеся запахом пота. Она смотрела на стремительно растущую молодую зелень деревьев вдоль Ускубен-авеню. Нейбен подумал, что в этом зрелище нет ничего необычного, если не считать отсутствие его персоны в поле зрения.

– Это не навсегда, – сказал он вслух. – Я вернусь через год-два.

И мысленно прибавил: «Но не сюда». Пужей все понимала. Вернувшись, он сможет попасть в любой консерваторий мира. В какой-нибудь прекрасный город, согретый солнечным теплом кампус, подальше от полярного континента с его жутким холодом и от зимы, которая их свела.

Восемь раундов прощаний, по одному на Аспект. А потом он отправился под парусом в Блейн, древний Дом упокоения, ибо только под парусом надлежало совершать вояж к керамическим часовням, которые, притворяясь частью атолла Йесгер, противостояли ураганам вот уже три тысячи сезонов.

– Мне нужен… еще один, – шепотом сообщил он мастеру форм Реймену, повстречавшись с ним в певучей от соленого бриза крытой галерее. – Серейен слишком наивен в своем любопытстве, подозрительность Фейаннена воспринимается как паранойя, а светский лев Кекджай чересчур стремится понравиться.

– Мы все сделаем для тебя, – ответил мастер форм.

На следующее утро гость опустился в приятные соленые воды Чанов преображения, над ним начали роиться запрограммированные пальпы, что повторялось еще двадцать

дней. В грозовом сумраке поздней летней бури он проснулся и осознал себя Торбеном. Умным, любознательным, осторожным, общительным и остроумным Торбеном. Крайняя необходимость и исключительные обстоятельства позволяли создавать Девятых, но лишь изредка и ненадолго. Традиция, столь же стойкая, как табу на инцест, требовала, чтобы количество Аспектов отражало восемь фаз маниакального чередования времен года на Тее.

Ледяной корабль развернулся вокруг вертикальной оси, и Торбен Рерис Орхум Фейаннен Кекджай Прус Реймер Серейен Нейбен изумился открывшемуся виду. Вверх, вниз, вперед: стоило ему моргнуть, повиснув в обзорном куполе, как ориентация в пространстве менялась. Глаз, чудовищных размеров глаз. Суеверный холодок пробежал по спине, когда он вспомнил сказки про Дейведа, чье единственное око было глазом бури, а тело – бурей как таковой. Потом Торбен вывернул метафору наизнанку. Анти-глаз. Тейяфай был щитом потрясающей синевы, испещренным полосами и завитками вечных штормов. Анпринское космическое обиталище «Тридцать три: покой внутри», вот уже два года пристыкованное к якорному концу космического лифта, было белой катарактой, антизрачком, слепым пятном. Ледяной корабль приближался в плоскости эклиптики Тейяфая; за ближним горизонтом обиталища виднелись механизмы орбитальной насосной станции. Космический лифт рядом с трехсоткилометровой громадой обиталища казался тонким, как волосок, а по сравнению с колоссальным Тейяфаем выглядел скромнее паутинки, но когда все сооружение повернулось и оказалось на свету, каждая из миллиардов частиц строительного льда засияла и засверкала в лучах звезды. Торбену пришла в голову новая метафора: божественная сперма. «Плывешь не в ту сторону! – мысленно рассмеялся он, восхищенный неожиданной склонностью этого новорожденного Аспекта выражать метафорами то, что Серейен изложил бы языком математики, Кекджай – языком лести, а Фейаннен не стал бы излагать вовсе. – Впрочем, нет: происходит оплодотворение всей нашей системы».

Корабль приблизился к обиталищу, манипулируя пространственно-временным континуумом с точностью до сантиметра. Сквозь ледяной блеск проступили детали поверхности. Корпус «Тридцать три: покой внутри» представлял собой хаотичную мозаику датчиков, доков, производственных узлов и чего-то малопонятного; все было сделано из смартльда. Белый город. Стайка ледяных челноков отделилась от стыковочных рукавов, как первый снегопад. А вдруг эти ледяные горы с плоскими вершинами – оборонительные системы? Вон те

каньоны, похожие на изысканные завитушки, оставленные фигуристом на льду, – они же могут скрывать какое-нибудь немыслимое оружие? И понимал ли хоть кто-то из анпринов, что у всех культур Тея белый был цветом ненадежности, цветом снега в сезон долгой тьмы?

Дни, проведенные в невесомости, достаточно исказили восприятие Торбена, чтобы он ощутил слабую тягу наногравитации нутром. Преодолевая внезапное возбуждение и сопутствующий смутный страх перед неизвестностью, он попытался рассчитать силу тяжести внутри обиталища, которая менялась с каждым часом по мере того, как «Тридцать три: покой внутри» закачивало воду из Тейяфая. Он все еще занимался вычислениями, когда ледяной корабль выполнил новый маневр и пристыковался к одному из радиальных выступов лифта – нежно, как будто целуя любимое лицо.

* * *

На десятый день они отправились к водопаду: Корпа и Белей, Сайхай и Ханнай, Йетгер и Торбен. Спускаясь в лифте через тридцатикилометровый слой льда, Торбен воображал себе что-то вроде яннского факультета; деревянные крытые галереи, внутренние дворы со старинными расписными потолками, множество умных, сообразительных, общительных студентов, фонтанирующих идеями и мечтами. Оказалось, Корпа, Белей, Сайхай, Ханнай и Йетгер были единственными обитателями огромного, продуваемого всеми ветрами сооружения из келий, туннелей, балконов в неожиданных местах и карнизов с сетчатым ограждением – оно напоминало колоссальное осиное гнездо, подвешенное к изогнутому потолку внутренней полости.

– Стоит отметить, топологическая структура Вселенной – тема довольно узкая, – сказала Белей, худая, как щепка, специалистка по квантовой пене из Йельдеса, что на одном из островов южного архипелага Ниннт. В слабой гравитации «Тридцать три: покой внутри» она стала еще худее и костлявее. – Если тебе нужна движуха, отправляйся на «Двадцать восемь». Там живут социологи.

Сайхай научил его летать.

– Тут все немножко не так, как было на ледяном корабле, – сказал он, объясняя Торбену, как надевать монотрико с рыбьим хвостом и какие отверстия для чего предназначены. – Не невесомость, а низкая сила тяжести, так что в конце концов ты приземлишься куда-нибудь. Легко переборщить с ускорением.

Стены легкие, но прочные, и можно пораниться. И сети существуют не просто так. Что бы ты ни делал, не выходи за них. Если попадешь в море, оно разберет тебя на части.

Торбен плохо спал в условиях наногравитации, и в снах его преследовало море. Внутримировое море – водяная сфера диаметром в двести двадцать километров, на поверхности которой огромные, медленные наногравитационные волны вечно сталкивались и разбивались на шары и слезы размером с облака. Бурлящее, растворяющее море, в котором плавились анприны; множество жизней в одном громадном, диффузном теле, зовущем его шепотом сквозь бумажные стены Дома пилигримов. Возможно, не стоило удивляться. И все же он постоянно задавался вопросом, каково было бы упасть туда, поплыть, сопротивляясь крошечной, но не пренебрежительно малой силе тяжести, и медленно, величественно погрузиться в бурление наночастиц. Он представлял себе, что боли не будет, лишь блаженное, наполненное светом забытье. Как славно освободиться от беспокойного парламента самостей…

«Восемь – это естественно, восемь – это свято, – шептал мастер форм Реймен в Блейне из-за фигурных решеток в исповедальне. – Восемь пар рук, восемь времен года. Девятка обречена на нестабильность».

Чувствуя себя неуютно в слишком тесной компании, приглашенные ученые работали со своими учениками по отдельности. Сериантеп и Торбен каждый день встречались в похожем на луковицу помещении для собраний капитула, торчащем из «осиного гнезда». За высокими окнами – сотами из шестиугольников – открывался вид на круто изгибающийся пейзаж «Тридцать три: покой внутри», испещренный сталактитовыми башнями тех анпринов, которые устояли перед зовом моря. Ежедневно Сериантеп прилетала с такой башни, держа путь вдоль изгиба мира, и приземлялась на балконе Торбена. Она носила то же самое тело, которое он так хорошо познал в Консерватории Янна, с дополнением в виде пары практичных крыльев на спине. Она была видением, чудом, существом из духовного мира затерянной в веках родины Панчеловечества: ангелом. Она была воплощением красоты, но с тех пор как Торбен прибыл в «Тридцать три: покой внутри», он занимался с ней сексом всего дважды. Романа между хвостатым тритоном и ангелом не получилось, как ни старался Торбен с его метафорическим восприятием и нелепыми угрызениями совести осмыслить ситуацию. Он ее не любил так, как Серейен. Она заметила и прокомментировала.

– Ты… стал другим.

«Ты тоже».

– Мне пришлось измениться, – сказал он вслух. – Серейен не выжил бы в таком месте. Торбен выживет. Только он и сможет.

«Но сколько времени пройдет, прежде чем он разделится на самости?»

– Помнишь, как ты… он… повсюду видел числа?

– Конечно. Я даже помню, как их видел Птей. Он мог посмотреть в ночное небо и сказать, сколько там звезд, – он их не считал, просто знал точное количество. Он видел числа. Серейен мог ими командовать. Для меня, Торбена, числа никуда не делись, я просто воспринимаю их по-другому. Я вижу их ясно и четко, однако пространственные преобразования для меня – слова, образы и истории, аналогии. Не могу объяснить понятнее.

– Кажется, как бы я ни старалась – как бы ни старались все мы, – нам ни за что не понять устройство ваших множественных личностей. Нам вы кажетесь расой необыкновенных людей, каждый из которых гений, савант, одержимый на свой причудливый лад[255].

«Ты специально причиняешь мне боль?» – подумал Торбен, глядя на ангела с мерцающими крыльями, парящего перед окнами со стеклами изо льда.

Как бы то ни было, он продвигался колоссальными, интуитивными скачками, совершенствуясь в своей запутанной и заумной дисциплине – геометрии пространства-времени. Не такой уж запутанной: анпринские космические двигатели, по словам тейских физиков нарушающие законы науки, проникали в одиннадцатимерный субстрат Вселенной, чтобы в конкретном месте растянуть или сжать пространство-время – укоротить его впереди транспортного средства, раздуть позади. Отсюда проистекало отсутствие какого-либо измеримого ускорения: перемещался не сам ледяной корабль, а континуум внутри и вокруг него. Перед мысленным взором Торбена плясали снежинки и завивались локсодромы: он понял, он все понял! Релятивистские межзвездные путешествия теперь доступны народам Тея, тайна анпринов раскрыта.

Точнее, одна из тайн.

Несмотря на все случившиеся над сферическим океаном прозрения, Торбен знал: семинары теперь преследовали иную цель. Ученик стал наставником, мастер – учеником. «Чего вы хотите от нас? – гадал он. – В чем вы по-настоящему нуждаетесь?»

– Не знаю, мне все равно. Меня одно интересует: если я смогу найти коммерческий способ выпаривать пузыри с квантовыми черными дырами из одиннадцатимерного континуума и устранять возникающее при этом излучение, стану богаче Господа

Бога, – заявил Йетгер, приземистый, непропорционально сложенный житель острова Опранн, который охотно пользовался тем, что у опраннцев была репутация грубиянов, хотя Торбен нашел в нем приветливого собеседника и утонченного мыслителя. – Хочешь с нами к водопаду Тенней?

И маленькая флотилия физиков пустилась в путь, прихватив вино и сладкое печенье. Те, кто был постарше и сомневался в своих силах, использовали маленькие аэроскутеры. Торбен летел сам по себе. Ему нравился физический труд, его заинтриговало испытание: все равно что выучить совершенно чуждый язык тела. Моноластой надо было двигать, словно рыбьим хвостом, и от этого его ягодичные мышцы приятным образом видоизменились.

Выглядывая из западных окон Дома пилигримов, можно было увидеть Тенней вдалеке, но благоговение он вызывал с расстояния километров в двадцать, когда через неизменный гул небесного транспорта начинали пробиваться визги и грохот. Участники пикника, как обычно, летели высоко, у самого потолка, среди корней башен, чтобы вид издалека не испортил им удовольствие. Вокруг места назначения росли густые леса из перевернутых деревьев, благодаря наногравитации достигших высоты в несколько километров. Их зеленые кроны окутывал водяной туман, рожденный брызгами. Ученые расположились на одной из платформ, обустроенных на ветке шириной с бульвар. Торбен с радостью стянул с себя «хвост», размял ноги и повернулся к водопаду.

Вид вызывал трепет в зависимости от того, каким образом им любовались. Если расположиться ступнями к внутреннему морю, а затылком к крыше, водопад именно падал и выглядел как цилиндр низвергающейся воды двести метров в поперечнике и сорок километров в длину. А если смотреть наоборот – ступнями вверх, головой вниз, – он превращался в титанический гейзер, еще более пугающий. Приемная станция закачивала топливо почти на сверхзвуковой скорости; в месте соприкосновения с океаном вода бурлила и вскидывалась на километры в высоту, разбиваясь на извилистые ленты с пенными гребнями и шары, вторя фантастическим вспышкам солнечных протуберанцев. Грохот стоял жуткий. Если бы не шумоподавляющие свойства наноусовершенствованной листвы, они бы все мгновенно оглохли. Торбен чувствовал, как ветка – массивная, словно стена яннского университета-крепости, – содрогается под ним.

Вино открыли и разлили. Ханнай испек печенье вручную, архаичным способом, – один из его Аспектов был кондитером, – и теперь угощенье макали в жидкость и смаковали. Сладость, резкий привкус вина и соленый туман океана, украденного из

чужого мира, соединились на языке Торбена.

Существовали правила, связанные с водопадом Теннай. Никакой работы. Никаких теорий. Никаких отношений. Пять исследователей – достаточно для родственной зависти, маловато для того, чтобы разбиться на клики. Говорили о доме: о разводах, детях, семейных успехах и недугах, пересказывали друг другу сплетни, политические новости и результаты соревнований.

– Ах, да. Держи. – Йетгер бросил письмо, и оно неторопливо закружилось в воздухе, как снежинка. В Доме пилигримов записки и послания из дома появлялись в виде листочков тончайшей бумаги, которые отслаивались от стен, будто те страдали экземой. Увы, механизм ангельской почты не отличался точностью; интимные послания слетали со стен в неудобные моменты, и странные сквозняки, обитающие в извилистых туннелях «осиного гнезда», играли ими. Читать чужую эпистолярную перхоть было худшим нарушением приличий.

Торбен развернул шелестящую бумагу. Прочитал написанное, моргнул, перечитал. Затем сложил листок ровно в восемь раз и убрал в верхний карман.

– Плохие новости? – Для такого громилы Йетгер остро чувствовал эмоциональную напряженность. Торбен сглотнул.

– Ничего удивительного или обескураживающего.

Затем он увидел, что Белей куда-то пристально глядит. Сперва он, а потом и все остальные участники пикника уставились в ту же сторону. Водопад замедлялся. Минуты сменяли друг друга, и он из потопа стал рекой, потом ручьем, потом струйкой и, в конце концов, вопиюще тонкой ниточкой. Анприны взлетали со всех платформ и деревьев, собирались стаями, а водопад Теннай тем временем испустил дух. На внезапно обнажившемся сопле образовались капли воды, крупные, как дирижабли; потом они оторвались и, дрожа, медленно полетели к сферическому морю. Воцарилась мертвая тишина. Затем деревья как будто стряхнули с себя цветы: оставшиеся анприны взлетели целыми сонмами и воинствами, и стаи объединились в настоящий циклон.

Перед мысленным взором Торбена вспыхнули числа и образы. Немыслимо, чтобы заправка топливом завершилась, она должна была продлиться еще несколько недель. Океан должен был заполнить всю внутреннюю полость, сталактитовые города – превратиться в причудливые рифовые сообщества. Им овладел страх, и он почувствовал, как Фейаннен изо всех сил пытается прорваться на первый план. «Ты нужен мне там, где ты есть, дружище», – сказал Торбен самому себе и заметил, что остальные проделали те же самые расчеты.

На обратном пути флотилию потрепало, пришлось растянуться на километры, пробираясь через призрачные воздушные легионы анпринов. Дом пилигримов шелестел от обилия почтовых листков, упавших со стен. Торбен схватил один и вопреки этикету прочитал.

«Сайхай, с тобой все в порядке, что происходит? Возвращайся домой, мы все о тебе беспокоимся. Люблю, Михень».

Внезапно в каждом уголке «осиного гнезда» прозвучал голос Сугунтунга, анпринского представителя. Это был вежливый, но все же приказ явиться в главный зал собраний, где будет сделано важное объявление. Торбен давно подозревал, что Сугунтунг не покидал Дом пилигримов, а просто менял формы: с человекоподобной – на облако парящих наночастиц, такой вот фазовый переход.

Небо за балконными сетками бурлило: люди-насекомые и грозовые облака цвета чернил каракатицы, скопившиеся над внутримировым океаном, устроили светопреставление.

– Печальные новости, – сказал мрачный Сугунтунг. Он был серым, стройным, андрогинным созданием без малейшего проблеска чувства юмора или остроумия. – В 12:18 по времени Тейского анклава мы обнаружили гравитационные волны, проходящие через систему. Они говорят о том, что большое количество объектов тормозят, завершая релятивистский полет.

Ужас. Крики. Бесчисленные вопросы. Сугунтунг поднял руку, и воцарилась тишина.

– Что касается количества объектов, их около тридцати восьми тысяч. По нашим оценкам, они находятся на расстоянии семидесяти астрономических единиц за пределами пояса Койпера и сбрасывают скорость до десяти процентов от световой, чтобы войти в систему.

– Доберутся до нас через девяносто три часа, – сказал Торбен. Числа, цветные числа, такие красивые и далекие.

– Да, – сказал Сугунтунг.

– Кто они? – спросила Белей.

– Я знаю, – сказал Торбен. – Ваши враги.

– Мы считаем, что да, – ответил Сугунтунг. – Гравитационные волны и спектральный анализ демонстрируют характерные признаки.

Собрание взревело. Какой-то фокус, связанный с наночастицами, позволил Сугунтунгу повысить голос так, что тот загрохотал и перекрыл шум, устроенный рассерженными физиками.

– Анпринский народ уже приступил к подготовке к отбытию. В первоочередном порядке была организована эвакуация всех гостей и посетителей, которая начнется немедленно. Транспортный корабль ждет вас. Мы эвакуируемся из системы не только ради собственной защиты, но и для того, чтобы обезопасить вас. Мы считаем, что у Врага не возникнет к вам претензий.

– Считаете?! – Йетгер сплюнул. – Вы уж простите, но это меня совсем не утешает!

– Но у вас недостаточно воды, – растерянно проговорил Торбен, пораженный числами и картинками, плавающими перед внутренним взором, пока вокруг порхали листки с сообщениями о беспокойстве и надежде, просьбами о скором возвращении домой. – Сколько обиталищ полностью заправлены топливом? Пятьсот, пятьсот пятьдесят? Недостаточно, даже это наполнено лишь на восемьдесят процентов. Что с ними будет?

– Мне плевать, что будет с ними! – Ханнай всегда был самым кротким и наименее напористым из мужчин, умным, но вечно страдающим от неуверенности в себе. Теперь, оказавшись в угрожающей ситуации, беззащитным посреди космоса, пронзенным насквозь гравитационными волнами с непостижимым происхождением, он пылал праведным гневом. – Я хочу знать, что будет с нами!

– Мы переносим разумы в обиталища, годные к межзвездному перелету, – ответил Сугунтунг Торбену.

– «Переносите», то есть копируете, – сказал Торбен. – А что же будет с брошенными оригиналами?

Сугунтунг промолчал.

* * *

Йетгер нашел Торбена, когда тот плавал в самом центре зала собраний, едва шевеля хвостом, чтобы не поддаваться микрогравитации.

– Где твои вещи?

– В комнате.

– Ледяной корабль отправляется через час.

– Я в курсе.

– Ты мог бы… ну, знаешь…

– Я не полечу.

– Что?!

– Я не полечу, я останусь здесь.

– Сбрендил?

– Я разговаривал с Сугунтунгом и Сериантеп. Все в порядке. В других обиталищах есть еще пара таких же, как я.

– Ты должен вернуться домой. Ты нам понадобишься, когда они придут.

– Спасти мир за девяносто часов и двадцать пять минут? Не думаю, что это возможно.

– Это же твой дом, дружище.

– Вовсе нет. С некоторых пор – нет. – Торбен вытащил сложенную записку из потайного кармана и протянул ее Йетгеру, держа двумя пальцами.

– Ох…

– Да.

– Ты покойник. Мы все покойники, ты знаешь.

– Конечно. За те несколько минут, которые мне понадобятся, чтобы добраться туда, куда дальше полетит Анпринская миграция, вы состаритесь и умрете. Я знаю это, но Тей больше не мой дом. Он перестал им быть.

Йетгер отвел лицо, скрывая свою печаль, а потом поддался эмоциям и крепко обнял Торбена, поцеловал его.

– Прощай. Может, свидимся в следующей жизни.

– Сомневаюсь. По-моему, нам дарована всего одна. Думаю, это достаточно веская причина, чтобы отправиться туда, где не ступала нога человека.

– Может, ты прав. – Йетгер рассмеялся, хотя ему явно хотелось плакать, потом развернулся и покинул комнату через дверь в потолке, волоча за собой привязанную к лодыжке сумку с мелкими пожитками.

* * *

Вот уже час он созерцал море и думал, что наконец-то начинает понимать его фрактальную рябь, ритмы и микроштормы, из-за которых вздымались волны и взлетали трепещущие водяные шары, чтобы быстро вернуться к большой воде и слиться с нею вновь. Он распознал в этом музыку, тайную гармонию. Жаль, что ни один его Аспект не играл на музыкальных инструментах. Музыку этой капли воды мог бы воспроизвести только большой хор или колоссальный оркестр.

– Все готово.

Пока Торбен просчитывал морскую музыку, Сериантеп трудилась над смартбумажным субстратом Дома пилигримов. В полу гостиной появился то ли бассейн, то ли колодец.

«Когда я уйду, все станет по-прежнему? – подумал Торбен.

Дурацкие, банальные вопросы помогали ему бороться со страхом. – Дом обретет былой облик? Или Дома никогда не было, а был лишь Сугунтунг?»

Сериантеп чуть повела плечами, и тонкое, как паутина, платье упало на пол, который его с жадностью сожрал. Обнаженная и ныне бескрылая анпринка шагнула спиной вперед в воду, не сводя глаз с Торбена.

– Как только будешь готов, – сказала она. – Это не больно.

И легла в гостеприимное море. Ее волосы расплылись по воде, пряди завивались спиралями и путались, пока тело распадалось. В происходящем не было ничего ужасного: ни разложения на мышцы, внутренности и жуткие кости, ни ухмыляющегося черепа, который шипел бы, растворяясь, словно натрий. Яркий свет, превращение в сияющие частицы. Волосы исчезли последними. Бассейн кишел наноботами. Торбен снял с себя одежду.

«Я начинаю новую жизнь. Так будет лучше. Может, не для тебя. Для меня. Видишь ли, я не думала, что буду возражать, но возражала. Ты так легко отказался от всего, просто взял и улетел в космос. И у меня появился другой. Это Кьятай. Я стала прислушиваться к его словам, а поскольку время шло, и ты молчал, они обрели смысл. Знаю, что поступаю эмоционально. По крайней мере, я благодарна тебе за него. Нам хорошо вместе. Он стал для меня целым миром, и оказалось, что мне его достаточно. Мне нравится. Прости, Торбен, – я именно этого и хочу».

Записка осенним листом плавно опустилась на пол, где уже лежали сотни таких же. Когда Торбен вошел в воду, ноги свело судорогой. Он ахнул от электрического покалывания, затем рассмеялся, перевел дух и нырнул. Наночастицы окружили его роем и начали разбирать на части. Когда обиталище «Тридцать три: покой внутри» сошло с орбиты Тейяфая, оставив космический лифт извиваться, будто перерезанная артерия, дно Дома пилигримов распахнулось и соединенные воды упали во внутримировое море, словно слеза.

Йедден убегает

Йедден падал восемьдесят лет: мертвый, как камень, безмолвный, как свет. Каждые пять лет на околосветовой скорости его чувства пробуждались на несколько субъективных минут, чтобы отправить назад горстку фотонов и проверить, по-прежнему ли охотник идет по следу.

Сместившись в красную сторону спектра на едва уловимую величину, фотоны сообщали: «Да, все еще там, все еще догоняет». Затем он отключал свои чувства, ибо даже эта краткая вспышка, даже этот всплеск радиации, смещенный в синюю сторону гамма-частот в поле вражеского двигателя, выдавал его. Прошли десятилетия с тех пор как он в последний раз рискнул включить скалярный двигатель. Искажения пространства-времени растрезвонили его местоположение почти на весь квадрант. Пришлось разгоняться, чтобы мчаться во весь опор, почти со скоростью света, пусть это и означало уменьшение массы рабочего тела до опасных пределов, за которыми некогда и нечем будет тормозить. Затерявшись во тьме, бесшумный и быстрый, он продолжил удирать, исказив время таким образом, что годы превращались в часы.

В промежутках между пробуждениями Йеддену снились сны. Он грезил о миллиардах жизней, о десятках рас и цивилизаций, с которыми анприны столкнулись за время своего долгого пути. Протяженность их истории ошеломила Йеддена: как будто он собрался поплавать и, посмотрев вниз, обнаружил там не зеленую воду лагуны, а четкий синий обрыв континентального шельфа. До того, как анприны окружили свое солнце таким количеством обиталищ, что оно стало различимым только в виде обширного инфракрасного свечения; до того, как одна из волн экспансии привела их в ту систему; и даже до того, как их раса вышла в космос; в эпоху обычных тел они были любопытным народом экстравертов, стремящихся изучать сходства и различия между прочими подвидами Панчеловечества. Теперь записи о сотнях цивилизаций, с которыми они контактировали, хранились в спиновых состояниях квантовой снежинки, где обитала и душа Йеддена. Культуры, обычаи и формы человеческого жития были смоделированы в таких подробностях, что Йедден при желании мог бы провести эоны, погружаясь в одну симуляцию за другой. Еще до того, как анприны добрались до луны своего родного мира – ныне давно переработанной, – они повстречали зонд Эккады, который вот уже триста лет летел под фотонными парусами, отправленный в тысячелетнее странствие в поисках

годных для колонизации планет. Переделывая пояса астероидов в многочисленные обиталища, они одновременно вели свирепую войну за ресурсы с астероидными колониями Окранда, которые обитали в той же системе двадцать тысяч лет, никем незамеченные. Обреченная цивилизация Окранда напоследок совершила великое зло и выжгла родной мир анпринов до каменного основания, но те успели поглотить и запечатлеть прекрасную, безумно сложную иерархию каст, классов и обществ, развившихся в барочных пещерах преображенных астероидов. Перехваченный радиосигнал вынудил анпринов покинуть облако Оорта и преодолеть двести световых лет, чтобы повстречаться с поразительным сообществом Джада. У джадийцев анприны научились технологии п-загрузки, превратились в облака наночастиц и стали настоящей цивилизацией II типа.

Люди и звери, машины и леса, архитектура и система моральных ценностей, а также бесчисленные истории. Среди сотни рас, превратившихся в экспонаты кунсткамеры и примечания на полях, были и те, кто уничтожил анпринов, те, кто теперь охотился за Йедденом, на протяжении многих лет сокращая разрыв метр за метром.

Поэтому он проводил часы – и годы, – погрузившись в грандиозный ежегодный эйстетвод в мире Баррант-Хой, где одно из первых поколений кораблей-сеятелей («первых» в том смысле, что это семя было правнуком первого цветения мифической Земли) затянуло в объятия огромного, медлительного газового гиганта, богатого углеводородами, и в результате возникла блестящая и хрупкая воздушная культура: там города-дирижабли витали на краю колоссальных штормов, способных устроить Всемирный потоп на отдельно взятой планете, и песни соревнующихся участников фестиваля – летающих паукообразных существ размером с горы и хрупких, как пчелиные соты, – сталкивались инфразвуковыми волновыми фронтами, с километрами между пиками на графике, и преображали целые климатические зоны. Баррант-Хой совершал полный оборот вокруг своего солнца за удвоенный срок жизни стандартного гуманоида. Анприны случайно наткнулись на паучьи музыкальные состязания, запечатлели мелодии, освободили их из гравитационного плена газового гиганта и вручили великой Кладе.

Йедден вновь ненадолго вернулся в реальность межзвездного полета. Продолжая ощущать внутри себя отголоски мелодий, он вообразил, что прослезился. Гимны Баррант-Хой могли длиться несколько дней, хоралы – неделями. Йедден затерялся в музыке. На миг он испытал отвращение к своему телу из льда и сгустков

энергии, такому жесткому и колючему. Корабль преследователя был оснащен межзвездным прямоточным двигателем, который сообщал о своем присутствии на тысячи кубических световых лет. Грубая и изначально медленная штуковина; зато, в отличие от Йедденовского скалярного двигателя, прямоточный был легким и питался подножным кормом[256]. Преследователь, как и Йедден, наверняка был призраком, записанным на квантовом чипе из бозе-конденсата[257], обитающей внутри огромного привода разумной частицей. Охотник приближался, но степень сближения не превысила расчеты Йеддена. В межзвездной войне убивает лишь просчет. Уравнения строги, но справедливы.

Двести три года до кульминации. Осталось недолго; может, этого хватит, чтобы враг ослеп от жадности. Просчеты и самообман – главные космические убийцы. И еще удача. Два века. Времени хватит, чтобы перевести дух.

Среди всех миров был один, который Йедден не осмеливался навещать: бледно-голубая слеза Тея. В перекрывающихся спиновых состояниях были записаны все жизни, которые он мог бы прожить. Возлюбленные, дети, друзья, радость и рутина. Там были Пужей и Кьятай. Он мог изменить их на свое усмотрение: Пужей стала бы верной, Кьятай – Многообразным, не Одиночкой.

Одиночество. Он теперь понимал, что это такое: теперь, когда был в пути уже восемьдесят лет и много десятилетий отделяли его от отдыха.

* * *

Все случилось на удивление безболезненно. Когда в клетки тела Торбена вторглись наночастицы, на которые распалась Сериантеп, когда они разбирали его на части и собирали заново, когда считывали и копировали его коннектом – ни на миг не возникло ощущения, что плотский Торбен исчез, а появился нанотехнологический. Боли не было. Никакой боли, только ощущение чуда, бесконечных и безграничных возможностей, нового рождения – или, как ему казалось, антирождения, возвращения в первозданные соленые воды. Пока шар из перемешанных наночастиц, трепещущий, как девичья грудь, неспешно опускался к внутреннему океану, Торбен продолжал думать о себе как о человеке, личности, теле. Затем они с Сериантеп ударились о поверхность воды, лопнули и растворились в море бурлящих частиц, голосов, самостей, воспоминаний и личностей – все это обрушилось на него со всех сторон с грохотом прибоя. Каждая жизнь была до предела

детализированной. Чувства, выходящие за рамки привычных пяти, одаривали его нескончаемым потоком ощущений. Он не испытывал подобной близости с Сериантеп. Он был в этой Евхаристии одновременно прихожанином, хлебом и вином. Он понял, что анпринское правительство (теперь стало ясно, почему переговоры с Теем получились такими затяжными и бестолковыми: у представителей двух рас почти не было точек соприкосновения) изучает его, чтобы составить подробную карту Тея и его жителей… точнее, Аспектов одного физика-теоретика, интроверта. Музыка. В основе бытия лежала музыка. К тому моменту, когда он это понял, анпринское обиталище «Тридцать три: покой внутри» в компании пятисот восьмидесяти двух таких же преодолело расстояние в сто девятнадцать световых лет и приблизилось к системе Милиус-1183.

Сто девятнадцать световых лет или восемь субъективных месяцев: за это время Торбен Рерис Орхум Фейаннен Кекджай Прус Реймер Серейен Нейбен перестал существовать. В рое наночастиц время, как и личность, менялось по воле субъекта. Индивиду, который теперь называл себя Йедденом, казалось, что он провел двадцать лет переосмысленного субъективного времени среди анпринов и прославился как физик с глубоким и нестандартным подходом. Такая жизнь лишь отточила его инстинктивную способность видеть и воспринимать числа. Его озарения и открытия были поразительными и творческими. Когда «Тридцать три: покой внутри» вместе с остальным флотом проникла в систему Милиус-1183 и вышла из режима релятивистского полета на краю облака Оорта, он сделал формальный запрос о персональном ледяном корабле. Большом и красивом, с внушительным запасом топлива, чтобы изучать искажения топологии пространства-времени, ответственные за колебания орбиты кьюбивано[258] во внутренней части пояса Койпера, на протяжении нескольких лет, десятилетий, целого века, а потом вернуться домой.

Потому он и пропустил аннигиляцию.

Просчет – смерть. Неосмотрительность – смерть. Необоснованное предположение – смерть. Враг спланировал ловушку на столетия вперед. Нападение на систему Тея было отвлекающим маневром, тридцать восемь тысяч сигнатур – в основном, пустышками; двигателями, системами наведения и прочей ерундой, разбросанной среди горстки настоящих линкоров, чья длина составляла десятки километров. В тот самый момент, когда громоздкие и едва успевшие заправиться обиталища вместе с вражескими ударными дронами прочертили на небе Тея такие яркие полосы, что видно было и в сиянии

Большого лета, главный флот трудился у звезды под названием Милиус-1183. Работа заняла десятилетия: год за годом продолжались медленные изменения, тратились колоссальные объемы энергии, все это как следует скрывали и маскировали – и таким образом Враг запустил свой неторопливый смертоносный бумеранг.

Необоснованное предположение. Анприны увидели маленькое красное светило, расположенное на расстоянии, вполне доступном для плохо оснащенного флота. Они поняли, что там есть вода – много воды, целые водные миры, где можно заправиться и поскорее улететь далеко, за пределы досягаемости Врага, в колоссальные звездные облака, окутывающие ядро галактики. В спешке они не заметили, что Милиус-1183 – двойная звезда; усталый красный карлик и нейтронный компаньон на орбите, пролегающей на самом краю фотосферы, с периодом обращения восемь часов. И уж подавно они не обратили внимания на тот факт, что нейтронной звезды не было на положенном месте.

Западня оказалась идеальной, всеобъемлющей. Расчеты Врага сбылись. План был безупречный. Флот преследователей отошел к границам системы, остались только следящие устройства и дроны. Анприны, ослепленные сиянием, встревожились лишь за считанные миллисекунды до столкновения нейтронной звезды с Милиусом-1183 со скоростью в восемь процентов от световой.

Новую звезду со временем должны были увидеть все в радиусе ста световых лет. Внимательные астрономы могли бы заметить в спектре темные линии водорода и кислорода, мазки углерода. Всплески плазмы заставляли обиталища взрываться. Немногие выжившие попытались восстановить подвижность и системы жизнеобеспечения. Корабли-акулы, спрятанные полвека назад в скопище мусора, оставшегося от астероидных поясов и планетарных колец, пробудились от долгого сна и отправились поохотиться.

Йедден был сам по себе в своем ледяном корабле посреди тьмы, его мысли устремились вовне, к ткани пространства-времени, и вовнутрь, к красоте чисел, к звучащей песне, как вдруг систему захлестнул смертоносный белый свет. Он услышал, как погибло пятьсот миллиардов разумных существ. Все они сгинули разом, голоса оборвались, души исчезли. Он услышал, как умерла Сериантеп, как умерли остальные тейцы, отказавшиеся от родного мира в надежде получить знания и опыт, превосходящие все, что могла предложить планета. Как прекратились все жизни, с которыми он соприкасался, которые были его частью, делились с ним числами или песнями, даруя близость, выходящую за рамки

плотского соития. Он услышал смерть Анпринской миграции. А потом остался в полном одиночестве. Йедден погрузился во тьму на пятьдесят лет. Он размышлял об уничтожении последних из анпринской расы. Он составлял план побега. Ждал. Пятидесяти лет было достаточно. Он включил скалярный двигатель. Пространственно-временной континуум растянулся. Позади себя Йедден уловил радиационную сигнатуру включившегося термоядерного двигателя и характерное электромагнитное мерцание заработавшего ловчего поля[259]. Нет, пятидесяти лет не хватило.

Это будет его последний просчет.

Двадцать лет, чтобы увести преследователя как можно дальше от Тея. Еще десять, чтобы подготовить обман.

«Как ты обманул нас, так и я обману тебя, – думал Йедден, разгоняясь почти до скорости света. – И с помощью того же приема – нейтронной звезды».

* * *

Йедден вынырнул из небытия, которое было превыше снов, на волосок от смерти – такое доступно лишь бестелесным разумам. Магнитный вихрь ловчего поля охотника заполнил половину неба. Их разделяло меньше световой минуты. В течение следующих десяти объективных лет вражеский корабль настигнет и уничтожит Йеддена. Не с помощью физического оружия или даже потока энергии, а с помощью информации: черепных вирусов и темных фагов, которые превратят его в ничто или, еще хуже, изолируют от любых контактов с внешним миром, поймают в ловушку бесконечной, безмолвной, бесчувственной тьмы.

Кульминационный момент, случившийся через девяносто световых лет, был слишком мизерным, чтобы его уловил неусовершенствованный разум. Подпрограммы Йеддена, автономные импульсы, управляющие его телом-кораблем, запустили скалярный двигатель и призвали темную энергию. Враг почти тотчас же отреагировал на изменение курса, но крошечный релятивистский сдвиг, сбой синхронности принес Йеддену спасение и жизнь.

Среди воспоминаний, вмороженных в сердце из бозе-конденсата, были космические бортовые журналы народа Куш-Нэ – странников, с которыми анприны столкнулись посреди холодных межзвездных просторов. На картах была изображена звезда-изгой: нейтронный карлик, выброшенный из своей звездной системы и блуждающий во тьме и тишине глубокого

космоса почти невидимым. Десятилетия назад, почувствовав, что Враг включил ловчее поле, Йедден понял, что ему не удалось сбежать, сделал выбор и все просчитал. Теперь он изменил курс, двигаясь на волосок от скорости света, и направился к блуждающей звезде.

Йедден давным-давно разучился бояться. И все же он испытал странное психосоматическое ощущение в той части ледяного корабля, которая соответствовала его тестикулам. Мошонка сжалась. Угол сближения был настолько точным, что пришлось рассчитать влияние случайных гидроксильных радикалов на поле абляции. Единственная ошибка отправила бы его на релятивистской скорости прямиком в нейтронную звезду. Но он не сомневался в своих способностях, не испытывал страха и внезапно понял, что это за ощущение в фантомных гениталиях. Возбуждение.

Нейтронная звезда, как полагается, была невидима, но Йедден чувствовал ее притяжение каждой клеточкой тела из смартльда, которое трепетало, дрожало и сотрясалось по мере того, как разные фрагменты входили в резонанс с определенным воздействием; сотня мелодий сливалась воедино. Превратившись в живой хорал из льда и адреналина, Йедден обогнул нейтронную звезду. Он надеялся, что повторение маневра окажется фатальным для преследователя, но Враг, невзирая на всю свою жадность, не был настолько тупым, чтобы подвести к жуткому магнитному полю нейтронной звезды корабль с включенным прямоточным двигателем. В любом случае, его стратегия заключалась в другом. Йедден сделал очень рискованную ставку. Из-за того, что он промчался в такой близости от мощного гравитационного колодца, секундное замедление могло превратиться в дистанцию в несколько световых лет, десятилетия потерянного времени. Его гибель показалась бы злой иронией судьбы. Йедден хотел победить благодаря геометрии. Вся жизнь – расчет.

Он позволил себе включить сканер на краткий миг. Да. Враг приближался. Летел, ускоряясь… по неправильной траектории. Гравитационные волны терзали Йеддена, каждая молекула смартльда, из которого состояло его тело, скрипела и стонала, но его собственный крик заглушил прочие звуки, когда он закончил гравитационный маневр[260]: «Да!» Перед ним простиралась пустота. Он знал, что ледяной корабль теперь не вырвется из плена другого гравитационного колодца. Ему не хватит топлива, чтобы добраться в какую-нибудь из систем Клады. Возможно, Враг об этом подумал за миг до того, как сам оказался в зоне воздействия нейтронной звезды. Высокомерие. В космосе оно

тоже убивает. Погрузившись в глубины квантовых воспоминаний, Йедден понял, что его ждет. Медленный путь домой.

Быстрый, медленно

К Фестивалю Быстрых Детей солнечный такелаж украсили воздушными змеями, флагами, стягами и знаменами, на которых были нарисованы ритуальные драконы. Погодники в последнюю минуту получили разрешение от бюджетной комиссии и сместили преобладающие ветра пониже. Конклав сопротивлялся этому решению, твердя, что Фестиваль Быстрых Детей проводится каждые полтора месяца – так оно и было на самом деле, – пока кто-то старый и медленный не уточнил: «Для детей все по-другому».

Быстрый свернул с проселочной дороги на полевую. Деревянные ворота украшала резьба в виде пучеглазых и круглоротых богов домашнего очага, полнощеких и корыстных покровителей сельскохозяйственного кантона Йоэ. Когда он замедлился до Родительской Скорости, кивающие головки луговых цветов превратились в метрономы, а колышущаяся от ветра трава – в беспокойное, испещренное неуемной рябью море. У Быстрого над головой мчались облака, следуя вдоль солнечного стержня по всей длине цилиндрического обиталища; дети, готовящиеся к ритуальному Побиванию Солнечных Линий на просторном дворе перед фермой – древним саманным строением, которому сползающая крыша придавала такой вид, словно оно нахмурилось, – стали похожи на клубы пыли.

Он три дня шел вверх по бесконечному изгибу цилиндра, словно взбираясь на холм, поросший ухоженными рыжими лесами кантона Ахэа. Быстрый любил ходить пешком. Он шел с Детской Скоростью, и его объезжали велосипедисты и велорикши, чтобы крикнуть, удаляясь: «Не такой уж ты и быстрый, Быстрый!» Он без труда мог бы их догнать и опередить. Они об этом знали, как и о том, что он способен при желании стать птицей или облаком и улететь на край света. Все в Трехмирье знали Быстрого. Он не нуждался в сне или пище, но любил необычайно пряную овощную кухню Средних кантонов, а также их легкое ароматное пиво, поэтому каждый вечер заходил в какое-нибудь общежитие или городской паб. Там переходил на Родительскую Скорость, чтобы поболтать с местными. Дети были юными, умными, любознательными, но для толковой беседы нужны взрослые.

Детский щебет звучал над поросшими травой крышами поместья Тоэ Яу. Собралась вся община, включая младшую девочку – пятилетнюю любительницу попрыгать. На своей скорости, разумеется. С точки зрения родителей ей было

несколько месяцев, и они все еще отлично помнили мучительные роды. Старший мальчик, из-за которого Быстрый и пришел, был подростком. Ноха Анджехау поприветствовал Быстрого, протянув воду и хлеб.

– Да хранит вас всех Господь, – сказал Быстрый, благословляя подношения. Малышка Немаха мелькала вокруг него, словно стайка букашек летним вечером. Быстрый услышал, как его переводческий узел повторил сказанное на Детской Речи, звучащей как чириканье птиц. Таков был его талант, его слава: он мог думать и говорить на двух языках сразу. Он был в Трехмирье посредником между поколениями.

* * *

Три колоссальных цилиндра колониального флота Аэо Таэа вот уже пятьдесят Взрослых Лет летели к звезде, согласно анпринской классификации называвшейся Сульпис-2157. Это была миленькая золотая звездочка, к которой прижимался газовый гигант, а вокруг гиганта вращалась согретая теплом планета, голубая, словно слеза. Большие и медленные астероиды, как выточенные на станке гайки двести километров длиной и сорок – между параллельными гранями, уже появлялись на самом краю восприятия сенсорной матрицы Анпринского народа в виде трех крошечных звездочек. Они находились слишком далеко от курса к системе Тей и, по правде говоря, были слишком незначительны. Галактика кишела подвидами-лилипутами, многие из которых понятия не имели о том, что входят в несоизмеримо более обширную и славную Кладу; они самозабвенно занимались своими маленькими проектами и империями, которые считали великими. Цивилизации обретали значимость, когда открывали способ перемещения со скоростью света. Анпринские этнологи отметили любопытный нюанс: сенсоры выявили причудливое временное искажение, как будто три корабля двигались со скоростью в десять раз меньше стандартной. Астрогаторы списали аномалию на гравитационное линзирование[261], внесли в бортовые журналы курс и скорость неуклюжего космического мусора и прицепили к нему метку «вероятная навигационная опасность».

Праздное любопытство и дотошность ныне покойных, испарившихся анпринов, которые могли бы не обратить внимания на медленных странников, спасли Йеддена. В безумном плане, который он придумал, наблюдая за гибелью анпринской цивилизации в сиянии новой звезды, всегда было больше

надежды, чем уверенности. Он надеялся, когда черпал темную энергию, искажающую континуум, опираясь на расчеты, сделанные столетия назад, и зная, что они принесут плоды лишь спустя века. Надеялся, когда год за годом просыпался во время долгого бегства к бродячей нейтронной звезде, постоянно оказываясь во власти сомнений. Малейший просчет мог стоить ему световых лет и веков. Он не мог умереть, но его запас топлива вовсе не был неисчерпаем. Вечно падать среди звезд хуже любой смерти. Он мог бы покончить с сомнениями силой мысли, но тогда надежда тоже исчезла бы, оставив лишь слепую уверенность.

Продолжая надеяться и сомневаться, он обогнул нейтронную звезду и помчался дальше, как снаряд, которым выстрелили из гравитационной пращи.

Поскольку Йедден мог надеяться, он мог плакать; слезы из смартльда пролились, когда радары дальнего действия засекли три движущихся объекта менее чем в пяти световых часах от расчетной точки.

Когда Йедден превратил остатки топлива в темную энергию, чтобы догнать армаду Аэо Таэа, ему пришла в голову шальная мысль. Несмотря на все перемены по сути и форме, он так и не утратил способность видеть числа и слышать их шепот. А ведь от жизни, которую он вел на Тее, его отделяла половина тысячелетия.

Десять дней он транслировал сигнал бедствия: «Помогите, я единственный выживший в звездной войне». Он знал, что в космосе не действует морское право, как в мировом океане Тея, и нет Морских самостей – Аспектов, одновременно великодушных, суровых и отважных. Аэо Таэа могли его небрежно прикончить. Но он собирался подкупить их с помощью взятки.

* * *

Как и во многих сельских домах ковчега Амоа, в поместье Тоэ Яу был деревянный бельведер, расположенный на холме через два поля по ходу вращения цилиндра. Легкий и изящный, сплетенный из ветвей генетически модифицированной ивы, этот павильон – как и множество других, разбросанных повсюду в кантонах Амоа, – стал местом собраний, где Взрослые могли общаться друг с другом на своей скорости, сняв ненавистные преобразователи речи с шеи, ворчать, ныть и сплетничать, а также шпионить через телескоп и круглое отверстие в крыше за сородичами на другой стороне мира. Вечеринки с телескопом стали самым модным

поводом для Взрослых, чтобы уединиться и пожаловаться на отпрысков.

Однако Фестиваль Быстрых Детей был именно днем отпрысков – хоть взрослым и казалось, что он длится неделю, – и потому Ноха Тоэ Яу направил телескоп не на соседа по другую сторону от солнца, но на солнечный такелаж в десятках километров от земли, где воздух становился разреженным: там кишели детские команды, разворачивали огромные знамена из моноволоконной ткани, устраивали жестокие битвы воздушных змеев.

– Вот что я тебе скажу: своему ребенку ни за что не разрешил бы совершить такую глупость, – проворчал Ноха Тоэ Яу. – Удивлюсь, если хоть кто-то из них доживет до Пункта Назначения.

Быстрый улыбнулся, зная, что его призвали, поскольку Йемоа Тоэ Яу учудил нечто гораздо более опасное.

Йехау Тоэ Яу налила гостю шоколада – напиток с легкими галлюциногенными свойствами густел, остывая.

– Главное, чтобы он вернулся до Дня Звездолета, – сказала она, а потом нахмурилась, глядя на широкую лужайку перед поместьем, где со всей округи собрались Быстрые Дети в лучших нарядах и побрякушках, чтобы мельтешить у длинных пиршественных столов. Кажется, они кидались друг в друга едой. – Знаешь, такое ощущение, что из-за них время ускоряется. Не сильно, по чуть-чуть каждый день, но точно ускоряется. Оно теперь как будто утекает сквозь пальцы.

Несмотря на удивительно замысловатый аннигиляционный двигатель, флот Аэо Таэа мог двигаться со скоростью не больше десяти процентов от световой, что сильно не дотягивало до порога, за которым замедление времени становилось ощутимым. Путешествие к Пункту Назначения – Быстрый обнаружил, что язык Аэо Таэа естественным образом благорасположен к Пафосным Заглавным Буквам, – можно было осуществить только на корабле поколений. Аэо Таэа ухитрились ограничиться одним-единственным поколением. Удивительно медленный отклик, полученный анпринскими сенсорами, не был причудливым искажением пространства-времени. Тела странников, их мышление, восприятие и метаболизм были перестроены учеными таким образом, чтобы функционировать в десять раз медленнее, чем свойственно гуманоидам. Они обитали в цилиндрах, где искусственный свет, рожденная центробежной силой ласковая гравитация и спокойный, нежный климат создавали все условия, необходимые для жизни со скоростью улитки. Утренние приветствия длились часами, утро затягивалось на стандартную

неделю. Сезоны продолжались годами – нынче царила нескончаемая томная осень. Предполагалось, что путешествие длительностью в триста пятьдесят лет займет столько же времени, сколько и среднестатистический срок трудоспособной жизни. Амоа был миром людей среднего возраста.

Тут появился Быстрый и все изменил.

– Он хоть намекнул, куда собрался? – спросил Быстрый. Вечно с этими мальчишками проблемы. Девочки вели себя иначе, девочки просчитывали последствия.

Йехау ткнула пальцем вниз. Быстрый вздохнул. В Амоа любое направление побега стремительно приводило назад, к родному порогу, поэтому возможности для бунта были ограничены. Если подняться по снастям, опутавшим длинное солнце, – подняться повыше, на километры, чтобы оттуда взглянуть на всех с великим негодованием, – то за тобой будут наблюдать через телескопы. Смотреть, как ты карабкаешься, пыхтя, а потом приунывший, вспотевший и голодный возвращаешься домой. В Амоа юные мятежники уходили *наружу*.

Быстрый поставил стакан с шоколадом и приступил к искусной процедуре перенастройки наночастиц своего податливого тела. Чете Тоэ Яу показалось, что он начал искриться, как мелкий серебристый тальк или пыль с крыльев мотылька. Йехау вытаращила глаза. Все Трехмирье знало про Быстрого, который приблизил конец Пути, улаживал ссоры между поколениями, разыскивал сбежавших детей, и потому каждый считал его своим приятелем. Но на самом деле он был инопланетянином.

– Было бы значительно легче, знай я хоть отчасти, куда он направился, – сказал Быстрый. – Там очень много укромных мест, придется искать. Ну ладно. На вашем месте я бы немного отошел в сторону.

Он встал, театрально раскинул руки и превратился в рой наночастиц. Взмыл к гудящему телескопу, который торчал из отверстия в крыше павильона, – «Взгляните на это через свои линзы, вы, живущие на другой стороне мира, и посплетничайте!» – а потом со скоростью мысли вонзился в землю, как копье, и исчез.

* * *

В конце концов мальчик оказался примерно там, где и предполагалось. Прямо над выпуклым кожухом двигателя простирался мертвый, как соляной столп, пейзаж

коммуникационной зоны, во время осмотра которой радарное зрение Быстрого выявило вспышку – яркую, словно новая звезда. Укромный уголок внутри подпорки главной антенны, с отличным видом на стройку. Пацаны и всякие сооружения… Быстрый с упоением изображал ворчуна, когда жаловался чете Тоэ Яу на непредсказуемость мальчишек. На самом деле все было наоборот.

– Ты там часом не замерз? – спросил Быстрый.

Йемоа вздрогнул, когда в наушниках шлема раздался трескучий голос. Завертел головой, пытаясь высмотреть чужака среди бесчисленных теней межзвездного пространства. Повинуясь мысленному приказу, тело Быстрого начало светиться. Он отлично знал, как выглядит со стороны: сияющий и обнаженный в вакууме, стоящий босиком на шершавой обшивке цилиндра, слегка наклонившийся вперед под воздействием вращения. В возрасте Йемоа он сам пришел бы в ужас от такого зрелища, но на Быстрых Детей благоговейный трепет действовал так же, как на их Медленных Родителей – пробуждал в них дружелюбную ворчливость.

– Уходи.

Сияние тела Быстрого рассеяло тьму до самых тайных ее корней. Йемоа Тоэ Яу даже в желто-зеленом скафандре выглядел тощим. Он завозился и повернулся спиной: у Аэо Таэа это было смертельное оскорбление, до которого и тейские Аспекты с их замысловатым этикетом не додумались. Быстрый дернул за страховочный фал мальчишки. Трос выглядел неповрежденным, карабин действовал.

– Не трогай.

– Не стоит безоглядно полагаться на такие вещи. Космические лучи могут ослабить структуру пластика: один сильный рывок – и трос лопнет в тот самый момент, когда ты будешь в нем нуждаться сильнее сего. Да, мой дорогой друг, я собственными глазами видел, как людей уносило в бескрайний космический океан.

Шлем с яркими нарисованными птицами повернулся в сторону Быстрого.

– Врешь.

Быстрый запрыгнул к беглецу и устроился рядом с ним в гнездышке. Йемоа отодвинулся, насколько позволяла теснота.

– Я тебе не разрешал сюда забираться.

– Этот корабль – общая собственность.

– Но не твоя.

– Верно, – согласился Быстрый.

Он скрестил ноги и притушил сияние своего тела так, чтобы они оба смогли увидеть озаренный прожекторами изгиб

строящегося звездного двигателя. Скалярный привод сам по себе был небольшим устройством – в системе координат Амоа его можно было сравнить с размерами зажиточного сельского поместья. Но к нему прилагалось множество инженерных сооружений, высоких бункеров, куполов и трубопроводов, в совокупности представляющих собой систему транспортировки, благодаря которой вода и антивода превращались в темную энергию. Над стройкой зависли на стационарных орбитах пять кораблей-прожекторов, словно маленькие солнца. Быстрый не сомневался, что на площадке все кипит от бурной, энергичной деятельности, но прямо сейчас для его восприятия – на Детской Скорости – она превратилась в неподвижную картину: работники в ярких, как птичье оперенье, скафандрах, инженеры в тяжелой броне, многочисленные роботы, а также ползающий и летающий транспорт, – все застыло. Они перемещались, но так медленно, что невозможно было рассмотреть отдельные движения; однако стоило моргнуть, и все менялось. Быстрый сидел с Йемоа долго даже по меркам Родителей. За строительными прожекторами неспешно двигались по своим орбитам звезды. Интересно, подумал Быстрый, какими их видят взрослые? Он перешел на Родительскую Скорость и внутренне ахнул от восторга: звезды теперь мчались во весь опор, каждая чертила на темном фоне дугу. Строительная площадка ожила, маленькие роботы-сборщики и челноки так и замелькали, извергая струйки пара из турбин.

Десять лет, десять взрослых лет прошло с тех пор, как Быстрый просочился сквозь корпус колонии Га’ату и соткался из столба наночастиц. Он все еще не знал, к какому миру принадлежит: Родительскому или Быстрых Детей. Тогда не было Быстрых Детей, вообще не было детей. Этого требовал контракт. Предполагалось, что когда цилиндры достигнут Пункта Назначения, начнется эпоха детей, рожденных старым – быстрым – способом, должным образом приспособившихся к новому миру. Быстрый изменил все это в обмен на свое спасение: он пообещал, что до Пункта Назначения они доберутся не за медленные годы или даже медленный сезон, а за часы – реальные часы. С оговоркой, что придется сделать крюк – для релятивистского флота это был вопрос считанных минут – к планете Тей, старой родине Быстрого.

Провели собрания, пришли к согласию: скудные энергетические запасы Аэо Таэа позволяли воплотить план в жизнь, хоть их и было впритык. Путешественникам пришлось перейти на биотопливо и мускульную силу; все технологические ресурсы перенаправили на сборку трех скалярных установок,

использующих темную энергию. Все ради того, чтобы путешествие завершилось в мгновение ока. Затем пышные леса и редколесья, покрывающие внутренние склоны цилиндров, зацвели и выпустили облака генетически модифицированной пыльцы. Все жители на три дня слегли с симптомами простуды, все женщины забеременели, и девять месяцев спустя родились первые Быстрые Дети.

– Ну а где же *твой* корабль?

При звуке голоса Йемоа Быстрый переключился на Детскую Скорость. Работа на ослепительной равнине замерла; звезды опять поползли.

– Он мне не нужен, – сказал Быстрый. – Я и без того знаю, насколько велик космос.

– Двигатель действительно использует темную энергию?

– Да.

Йемоа подтянул к груди колени, окоченевшие от долгого бдения в абсолютном холоде. Осколок воспоминания пронзил Быстрого: покрытые льдом каналы Янна, многомесячная тьма. Он вздрогнул. Чья это была жизнь, чья память?

– Я читал о темной энергии. Это сила, которая заставляет Вселенную расширяться все быстрее, и оттого расстояние между объектами – включая меня, тебя – постоянно увеличивается. В конце концов скорость так возрастет, что Вселенная разорвет саму себя на кварки.

– Такова одна из теорий.

– Каждая частица будет настолько далека от любой другой, что окажется в отдельной Вселенной. «Отдельной» в буквальном смысле.

– Как я уже сказал, это такая теория. Йемоа, твои родители…

– Ты превратил эту силу в космический двигатель.

– Ваша аннигиляционная система подчиняется законам термодинамики, которые описывают тепловую смерть Вселенной. Мы все стареем, остываем и постоянно отдаляемся друг от друга. Давай-ка вернемся внутрь. Тебе, должно быть, неудобно в этом наряде.

По сравнению с холодом межзвездного пространства скафандры Аэо Таэа выглядели танцевальными костюмчиками, но на самом деле представляли собой искусную молекулярно-технологическую конструкцию, оснащенную системами жизнеобеспечения и самовосстановления. И все же Быстрый предпочитал не думать, как все зудит и смердит, если не снимать такую штуку несколько дней.

– В День Звездолета здесь находиться нельзя, – предупредил Быстрый. – Плотность частиц низкая, но на скорости света ее

хватит, чтобы ты поджарился.

– Получается, мы станем Медленными, – проговорил мальчик. – Для нас пройдет несколько часов, а во внешней Вселенной – пятьдесят лет.

– Все относительно, – сказал Быстрый.

– Когда мы туда доберемся, – продолжил Йемоа, – распакуем посадочные модули, приземлимся и увидим новый мир, огромный Пэ-у-нэ-кэ-тэ Наз-на-че-нь-йа. Но наши мамы и папы останутся в Трехмирье. Мы будем работать, осваивать этот новый мир, у нас появятся дети, внуки – может, мы увидим правнуков, но в конце концов умрем, а Родители в небесах почти не состарятся.

Быстрый обхватил колени руками.

– Ты в курсе, что они вас любят?

– Знаю. Я все знаю. Дело вообще не в этом. Ты думал, все упирается в любовь? Ну и дурак. Что такого в тебе находят Родители, если ты веришь во всякую чушь? Но все-таки… какой в этом смысл?

«Никакого, – подумал Быстрый. – И весь, какой только возможен. Этой Вселенной не нужно другого смысла, кроме прекрасного и разгневанного *тебя* в желто-зеленом скафандре и шлеме с чокнутыми птицами».

– Знаешь, – сказал он вслух, – что бы ты сейчас ни чувствовал, им еще хуже. Сдается мне, ты не в силах вообразить, насколько хуже. Все, кого они любят, состарятся в мгновение ока, умрут – и они не смогут поддержать, помочь, окажутся в ловушке там, наверху. Да, я уверен, – им намного хуже.

– Угу, – сказал Йемоа, потом хлопнул руками в перчатках по худым коленкам. – Знаешь, тут просто дубак.

– Тогда пошли.

Быстрый встал и протянул Йемоа серебряную руку. Звезды у них над головой неспешно следовали по выгибающимся трассам. Двое спустились с антенной опоры и по кривому корпусу мира отправились домой.

Ога пронзает

Он стоял на горбатом мосту Йемейнай над мертвым каналом. Дул кислотный ветер, завывая на острых краях разбитых фарфоровых домов. Черное небо кишело тусклыми молниями. Канал полностью пересох, русло потрескалось; даже многовековой давности мусор, утонувший в иле, проржавел от укусов едкого ветра, распался на струпья и частицы шлака. Лагуна представляла собой тарелку из чистейшей соли, над которой витало марево. При естественном освещении она бы слепила глаза, но через тучи не пробивался ни единый луч солнца. Усовершенствованное зрение позволило Оге увидеть на другом берегу старую осыпающуюся колокольню, похожую на сломанный зуб.

Бурлящий кислотный шквал обрушился на Огу, когда он отвернулся от пылающего пейзажа, от мертвой каменной арки и посмотрел на набережную Этьей. Наночастицы ощутили перемену и рефлекторно переключились в другой режим, но не раньше чем по телу прошла волна жгучей боли. Вот так, наслаждайся. Это наказание. Все правильно.

Дома без крыш, без полов; сгнившие и сломанные зубы из патинированной керамики. Они такими были вот уже восемьсот лет. Переулок Пьяного цыпленка. Тут Кентлей-Одиночка сидел на солнышке, коротая время в ожидании соседей и чужаков, которым понадобится его талант. Тут жила чета Дилмай и их мерзкий, жестокий сынок, который ловил птиц и вырывал им перья, чтобы они не могли улететь от его игл и ножей; он был забияка и толстяк. Миссис Суприс, вдова моряка, пекла торты и пирожные, оберегала свои печали и собирала то, что выбрасывал на берег океан. Все мертвы. Погибли давным-давно вместе с городом и миром.

Это, должно быть, фальшивый Ктарисфей, инсценировка, декорация, город-пустышка для нравоучительной истории о блудном сыне, бросившем родных. О предателе. Память была словно покрытая волдырями культя. Город в руинах. Мир в руинах. Моря больше нет. Только бесконечная отравленная соль. Это не могло быть правдой. И все же тут его дом. Кислотный ветер еще не полностью стер резного кальмара над входом. Ога протянул руку, коснулся. Горячо, обжигает; тут все было горячим, раскаленным до инфракрасного свечения из-за безудержного парникового эффекта. Для покрытых углеродной оболочкой пальцев Оги это была маленькая каменная молитва – шепот, заключенный в раковину. Если бы в этом мире могли

существовать слезы, старый, выветрившийся каменный кальмар заставил бы Огу заплакать. Вот холл, вот уединенная гостиная, завитая спиралью, как керамический музыкальный инструмент. Лестницы, верхние этажи и прочая органика испарилась столетия назад, но еще виднелись спальные ниши в верхней части стен. Каково было тут перед самым концом, когда даже летнее небо сделалось черным от дыма горящей нефти? Медленное, мучительное умирание: год за годом летние температуры повышались, а цветение фитопланктона, созданного для того, чтобы поглощать углерод, порожденный нефтяными богатствами планеты, обернулось гнилью, и в окружающую среду попадало то, что он ранее вобрал.

Ветра рыдали над мертвым городом и опустевшим океаном. Силой мысли Ога призвал корабль. Ионное свечение мелькнуло среди туч. Звуковые волны прокатились по стерильной лагуне и вынудили мертвые фарфоровые дома зазвенеть. Корабль вырвался из слоя кучевых облаков и развернулся, превратился в полотно из наночастиц, напомнив Оге про древних ангелов Базьенди, укрощающих огненные ветра. Корабль несколько раз взмахнул крыльями над разрушенной колокольней, а потом рухнул на Огу, как демон. Плоть плавилась, плоть текла; потоки сливались, системы объединялись, самости становились единым целым. Обновленный Ога поднялся с набережной Этьей на столбе термоядерного пламени. Свет полыхнул вокруг пустых домов и на площадях, тени побежали по пересохшим каналам. Соляная сковорода засияла белизной, а потом сгинула среди густеющей тьмы, когда свет вознесся. Звезда горела под ногами Оги, он прорывался сквозь бурлящие кислотные облака все выше, пока усовершенствованным корабельным зрением не увидел на фоне космоса инфракрасное свечение края планеты. Тей был похож на кровавую слезу. Ога покинул его орбиту.

Ога. Не имя, а праздник. Отец-всех-наших-радостей, примерно это оно означало на языке Аэо Таэа с его продуманными окончаниями. Он больше не был Быстрым, не был временным гостем; он стал Отцом Нации. Конклав назначил три Родительских Дня Радости, когда цилиндры Аэо Таэа выключили скалярные двигатели на краю системы. Для детей торжества продлились месяц. Глядя на родную звезду с плоской стороны цилиндра, Ога почувствовал свет кожей, чутко воспринимая с десяток разных диапазонов. Он закрыл ладонью солнце и поискал искорки отраженного света – планеты. Вон там Солтпир и колоссальный Бефис: увеличив картинку, Ога разглядел кольца и множество лун; а вон там Тейяфай. Теперь у него тоже было кольцо из ледяных обломков анпринских обиталищ. И вот

наконец-то Тей. Родина. Но что-то с планетой было не так. Она светилась неправильно. Ога выкрутил параметры зрения до максимума, которого мог достичь в этой форме.

В спектре не было воды. Это была не бледно-голубая точка.

Конклав межзвездных кантонов Аэо Таэа получил сообщение через несколько часов после того, как поверхностные экипажи засекли отбытие анпринского ледяного корабля, окруженного термоядерным сиянием: «Я должен вернуться домой».

С расстояния в пять астрономических единиц все стало болезненно очевидным. Тей был серебристым шаром сплошных облаков. Облака состояли из углекислого газа, углекислой и серной кислот, а также жалких остатков водяного пара. Температура поверхности составляла двести двадцать градусов. Корабельная самость Оги обладала навыками и техниками, превосходящими неусовершенствованное «я»; он увидел вечные грозы, разрывающие тучи в клочки, но при этом не проливалось ни капли чистого дождя. Он мог видеть сквозь эти тучи; он мог пронзать их мысленным взором до самой поверхности планеты, обугленной и выжженной. Он мог нанести на карту очертания континентов и континентальных шельфов, отчетливо видимые в пересохшем океане. Цепи архипелагов, некогда драгоценные бусы на животе прекрасной танцовщицы, превратились в ребра, кости, суровые горные хребты, яростно светящиеся в инфратьме.

Падая к солнцу, Ога собрал все фрагменты воедино. Враг нанес удар по Тею небрежно, как будто передумал напоследок. Одинокий военный корабль, немногим больше ритуального катамарана, на котором мальчик по имени Птей отплыл от родного причала много веков назад, отделился от основного флота и обрушил на планету залп заряженных частиц, направленный на нефтяные поля, которые вспыхнули. Затем корабль покинул систему, оставив Тей задыхаться. Враг не тронул космический лифт. Предложил выход. Чувствовал себя судией, а не палачом. И все же два миллиарда человек, две трети населения Тея, погибли.

Треть выжила. Треть взобралась по спасательному тросу космического лифта, посмотрела в космос и задалась вопросом, куда бы улететь. Ога сейчас шел по их следам. Он слышал голоса – тихое чириканье по радиоволнам, летящим от громадного Тейяфая. Ему предстоял долгий, неторопливый путь. Пройдет почти год, прежде чем он выйдет на орбиту Тейяфая. Пауза означала возможность отвлечься и развлечься. Квантовая матрица в сердце Оги могла с той же легкостью воссоздать Тей, что и любую другую из множества сохраненных цивилизаций. Полуденное полярное сияние вновь будет трепетать и

переливаться над островерхими крышами Янна. Во время весеннего притового гона он опять отправится с Кьятаем ловить рыбу со старых, посеребренных непогодой причалов. Архипелаг Сулань продолжит нежиться в теплой воде под полуночным солнцем, а Пужей – прижиматься к Нейбену, пока за стенами женского пансионата Чайного переулка свирепствуют холода. Они выживут, поверят, что выжили, и он сам – путем выборочного редактирования сознания – поверит, что они ожили. Он мог бы воссоздать мертвый Тей. Но это будет поступок бога, который заигрался – отрешился от всезнания и стал частью им же созданной иллюзии. Потому Ога решил погрузить свое восприятие в еще более медленный временной поток, чем Родительское Время, и принялся наблюдать за тем, как взаимодействуют друг с другом гравитационные колодцы вокруг светила.

В последние недели сближения Ога вернулся к стандартному времени и полностью обратил сенсорную матрицу к большой планете, которая маячила впереди, словно запретный плод. В прошлый раз он тут побывал, когда Анпринский народ расположился вокруг Тейяфая в своих обиталищах, похожих на жемчужины, и не уделил внимания самой планете, потому что сам находился внутри безупречного мира, и его больше интересовала структура Вселенной целиком. Теперь он узрел Тейяфай и испытал забытый благоговейный трепет. Эта планета была в три раза больше Тея, и именно ее следовало называть водным миром. От полюса до полюса простирался океан глубиной в сто километров. Огромные ураганы испятнали синюю планету белым. Уцелевший остов анпринского космического лифта вонзался прямо в глаз вечного экваториального циклона. Цепи волн и приливов тянулись от экватора к полюсам и разбивались о полярные ледяные шапки, образуя колоссальные буруны. Ога приблизился, не переставая созерцать море. Глубокий океан потряс его сильнее, чем века, проведенные в космосе. Вот что такое простор. Вот что такое враждебная среда. Вот что такое первозданная ярость, которой плевать на человечество.

И все-таки жизнь нашла себе местечко здесь. Жизнь выстояла. С расстояния в две световые минуты Ога услышал шепот радиосвязи: орбитальная станция на верхушке космического лифта общалась с поверхностью. Сканируя субантарктические воды, он ощутил хорошо знакомый привкус смартльда. При ближайшем рассмотрении то, что на первый взгляд казалось айсбергами, продемонстрировало структуру посложнее: шпили, контрфорсы, купола и обширные террасы. Ледяные города,

оседлавшие вечную зыбь. Тей не был забыт: это были возрожденные древние Дома многообразия, разросшиеся сообразно масштабам колоссального Тейяфая. Еще ближе: город-айсберг, удостоившийся внимания Оги, плавал посреди большого огражденного круга. Сенсоры сообщили о множестве живых существ. Это была полноценная экосистема и океанская ферма, и Ога по достоинству оценил то, чего добились беженцы. На Тейяфае не обнаружили никаких признаков жизни. Водные миры – оттаявшие ледяные гиганты, сместившиеся к солнцу из-за гравитационных интриг более крупных планетарных соперников, – были стерильными. Дно стокилометрового океана представляло собой лед под давлением, пять тысяч километров льда до самого железного ядра. Ни минералы, ни углерод не могли просочиться сквозь этот глубокий лед. Крупицы появлялись в результате столкновения с кометой, но в целом воды Тейяфая были глубокими и чистыми. Все, чем тейцы владели, они принесли с собой. Даже ледяной город вырос из руин Анпринского народа.

Станция на вершине космического лифта поприветствовала Огу простой фразой. Он безмолвно улыбнулся, сопоставляя словарные статьи с памятью о родном языке. За прошедшие века изменилось произношение, а также кое-какие лексемы, но присущая тейскому языку изысканность никуда не делась, как и ритмические и контекстуальные подсказки относительно того, какой Аспект изъясняется.

– Внимание, неопознанный корабль, говорит диспетчерская орбитальной башни Тейяфай. Пожалуйста, назовите себя и свой план полета.

– Это Ога из Межзвездного флота Аэо Таэа. – Хотелось ответить на старом тейском, но тогда во имя тщеславия Ога мог нарушить этикет и выдать сведения, которые хотел оставить в секрете. Не время. – Я представитель, уполномоченный вести переговоры. Мы хотим вступить в контакт с вашим правительством, нас интересует заправка в этой системе.

– Здравствуйте, Ога, это орбитальная башня Тейяфай. Под Межзвездным флотом Аэо Таэа, я полагаю, вы имеете в виду эти объекты?

Прибыл пакет данных, позволяющих идентифицировать цилиндры-обиталища, продвигающиеся вглубь системы. Ога подтвердил.

– Ога, это башня Тейяфай. Не приближайтесь; повторяю, не приближайтесь к стыковочному комплексу башни. Выходите на отдаленную орбиту и оставайтесь там, пока с вами не свяжется служба безопасности. Пожалуйста, подтвердите свое согласие.

Просьба была логичная, и к тому же улучшенные чувства Оги подсказывали, что под прикрытием солнечных батарей лифтовой станции в его сторону повернулись дула орудий. Он был гонцом, а не бойцом; чтобы причинить вред цилиндрам Аэо Таэа, башне пришлось бы неустанно обстреливать их своими примитивными термоядерными боеголовками, но с Огой, у которого так и не было полноценных запасов топлива для переключения двигателя в режим истинной скалярности, они бы почти наверняка расправились.

– Я подтверждаю.

Переходя на более отдаленную орбиту, Ога внимательнее изучал города-айсберги Тейяфая, осколки льда в чудовищном океане. Там, внизу, жилось несладко: в условиях удвоенной силы тяжести, в абсолютной зависимости от таяния льда и крошечного биосферного оазиса. Все, что находилось за его пределами, было безжизненным, как вакуум. До самого горизонта простиралась пустыня колоссальных размеров. Города-корабли могли плыть целую вечность, не встречаясь с другими полисами. Тейцы оказались крепкими орешками. Их раса привыкла к экстремальным условиям. Сезонные сдвиги родного мира вынудили их создать общество, которое другие цивилизации назвали бы психически больным, узаконившим шизофрению. Многообразные Аспекты – отдельная самость для каждой потребности – теперь помогли им на враждебных просторах Тейяфая, мира-океана. Они выживут и будут процветать. Жизнь продолжается. Такова главная мудрость Клады: жизнь – это надежда, единственная надежда избежать смерти Вселенной.

«Каждая частица будет настолько далека от любой другой, что окажется в отдельной вселенной. „Отдельной“ в буквальном смысле», – сказал подросток в желтом скафандре на корпусе могучего «Амоа», глядя в межзвездное пространство. В тот раз Ога не ответил. Это испугало бы мальчика, и хотя Ога сам размышлял на ту же тему во время долгого пути от Милиуса-1183, он толком не разобрался в вопросе, и темное пятно в собственных знаниях его беспокоило.

«Да, – мог бы сказать он сейчас. – И это единственное, на что мы можем надеяться».

Чирикнули сенсоры дальнего действия. Из-за края планетного диска появился корабль. Сознание – чересчур медленный инструмент для космоса с его безжалостной математикой. За долю секунды, которая понадобилась, чтобы высшие когнитивные процессы Оги осмыслили курс, конструкцию и сигнатуру корабельного двигателя, его же автономные системы вычислили маршрут и запасы топлива, а затем включили

скалярный двигатель. Он помчался прочь от Тейяфая с ускорением в тысячу *g*. Манипулирование пространством-временем так близко к планете должно было спровоцировать гравитационные волны, как будто от удара в гонг. Колоссальные медленные приливы обогнут шар Тейяфая; космический лифт будет гнуться, словно хлыст. Ничего не поделаешь. Сработал инстинкт, и благодаря инстинкту он выжил, потому что следом прилетели ракеты. Двадцать нанотоковых боеголовок с гипер-*g* приводами; позади Оги все залило белым сиянием легких аннигиляционных двигателей, но сперва он кожными сенсорами ощутил безошибочно узнаваемый консонанс вражеского ловчего поля.

У ракет была фора, но у Оги – выдержка. Он все просчитал. Числа по-прежнему открывались ему. Оглядываясь на голубое пятнышко, в которое превратился Тейяфай, он увидел, как одна за другой гаснут искры, обозначающие двигатели ракет. Он убедился, что стратегия, разработанная за наносекунды, сработает. Боевой корабль преследовал Огу. Он уведет Врага подальше от флота Аэо Таэа. Но не станет устраивать новую погоню длиной в световые десятилетия. У него не было для этого ни горючего, ни желания. Но невзирая на отсутствие топлива и оружия Ога должен был покончить с охотником. Для этого ему требовался космос.

Это был тот же самый корабль. Консонансы ловчего поля, спектр термоядерного пламени, тембр радарных изображений, которые Ога получил, нежно целуя сенсорами корпус преследователя, и даже конфигурация, увиденная мельком в промежутке между появлением корабля из-за планетного диска и запуском ракет. Тот же корабль, который преследовал его столько лет. Здесь пряталась важная тайна. Искажение времени сократит запланированный путь до субъективных минут, а для разгадки Оге требовалось как следует подумать.

Преследователь знал, куда он держит путь, даже в тот момент, когда они огибали мыс блуждающей нейтронной звезды, преодолевая гравитационный шторм. Враг и не пытался продолжить погоню, он просто знал, что надо как-то попасть в систему Тея. Значит, сразу же после того, как Ога избежал погибели у Милиуса-1183, противник понял, с кем имеет дело, – понял, откуда он пришел, увидел сквозь слои смартльда скрытое сердце Торбена. Корабль до своего появления прятался за планетой. Это был вражеский агент, но не Враг. Тот бы вскипятил Тейяфай до самого железного ядра. Ога долго размышлял над этой загадкой, петляя по пустынному облаку Оорта. Там, среди одиноких глыб льда, он пришел к некоему выводу. Развернул

корабль и сжег остатки топлива в режиме гипер-g торможения. Преследователь тотчас же отреагировал, но его прямоточный двигатель уступал в мощности. Пройдут месяцы, а то и годы, прежде чем он сумеет развернуться и выйти на ту же орбиту, что и Ога. Времени на подготовку хватит. Край ловчего поля коснулся Оги во время торможения с перегрузкой в полторы тысячи g, и он воспользовался внешними сенсорами, чтобы внедрить сообщение в огромную сеть, миллион километров в поперечнике: «Я сдаюсь».

* * *

Миллиарды лет назад, еще до рождения звезды, встретились две кометы и вступили в далекий и холодный брак. Несмотря на все драматические события и притяжение внутри пылевого облака, благодаря которому появились Тей, Тейяфай и Бефис, все двенадцать планет системы, кометы так и продолжали пристально глядеть друг на друга и кружиться в танце с общим центром тяжести, охваченные неизменными облаками ледяных кристаллов, при температуре чуть выше абсолютного нуля по Кельвину. Среди этих кристаллов спрятался ледяной корабль, с виду такой же холодный и мертвый. Ога дрожал. Холод был невыносимый даже по меркам его пластичного тела. Изолированные наночастицы двигались медленно, почти как Родители Аэо Таэа. Он чувствовал себя старым, как этот космический лед, и таким же усталым. Он заглянул в пропасть между льдинами. Комета-супруг парила у него над головой, словно гало. Он мог достичь ее в мгновение ока.

На фоне звездного мерцания космической ледяной бури мелькнули огни. Это что-то новенькое. Противник прибыл. Ога ждал, чувствуя, что на него нацелены все орудия.

«Но ты ведь не посмеешь, верно? Ты тоже хочешь кое-что узнать».

От черного корабля отделилась тень темнее самой тьмы и обогнула комету. Такой же парламент наночастиц, способных объединяться, как и сам Ога. Он еще несколько десятилетий назад додумался, что Враг и анприны – одно и то же, они родились из общего нанотехнологического семени, когда их цивилизация перешла на второй уровень. Случилась междоусобная война. «В Кладе любая война – междоусобная», – подумал Ога. Существует только Панчеловечество. Все распри в нем – внутрисемейные. Да, самые кровавые. Не знающие пощады и милости.

Из-за края маленькой кометы вышел мужчина, при каждом

шаге от его ботинок с шипами разлетались осколки ледяных кристаллов. Ога его узнал. Так и было задумано. Он тоже принял облик, гарантирующий мгновенное узнавание, и поклонился из глубин облака Оорта.

– Торбен Рерис Орхум Фейаннен Кекджай Прус Реймер Серейен Нейбен, сэр.

Мимолетный кивок в космическом холоде растянулся на часы.

– Торбен. Незнакомое имя.

– Возможно, нам следует использовать имя, которое ты знаешь лучше всего. Серейен? Или, возможно, Фейаннен. Я был в этом Аспекте, когда мы встречались в последний раз. Надеюсь, ты не забыл древние правила приличия.

– Я слишком многое помню. С тех пор как меня улучшили, забвение стало осознанным выбором и тяжелой работой. Как тебя сейчас называют?

– Ога.

– Тогда пусть будет Ога.

– А как же называют тебя?

Пришелец поднял голову и посмотрел в зазор между глыбами льда. «Он хорошо помнит, каким был, – подумал Ога. – Полноватый и пухлощекий, как мальчик, который так и не вырос. Да, забвение – тяжкий труд».

– Так же, как и всегда: Кьятай.

– Тогда расскажи мне свою историю, Кьятай. Эта война никогда не была ни твоей, ни моей.

– Ты ее бросил.

– Нет, это она меня бросила – как и ты, я почти ничего не забываю. Я все еще вижу записку; мог бы воссоздать ее, чтобы показать тебе, но это была бы вопиющая трата энергии и ресурсов. Она бросила меня и ушла к тебе.

– Я тут ни при чем. Я просто подвернулся под руку.

– Ты действительно в это веришь?

Кьятай пожал плечами с медлительностью ледника.

– Когда они появились, мои соратники вступили с ними в контакт. Правительства не пришли к единому мнению, не выработали согласованный подход или стратегию. «Оставьте нас в покое. Мы в этом не участвуем». Но в таких вещах невозможен нейтралитет. Мы позволили анпринам использовать воду из нашей системы. Они построили нам космический лифт – это была сделка, нам заплатили кровавыми деньгами. Мы знали, что все закончится бедой, но надеялись убедить их, что некоторые тейцы изначально были против анпринов. Они все равно сожгли планету, но предложили выход. Нас могли пощадить как вид,

если кто-то присоединится к ним в их священной войне.

– Они и есть анприны.

– Были анпринами. Знаю. Меня разобрали на части. Каждого из нас переделали. Наверное, улучшили. Нас было двадцать четыре. Двадцать четыре – с их точки зрения, столько было на Тее хороших людей. Только их и стоило спасать.

– А Пужей?

– Умерла. Во время пожаров в Арфане. Поехала туда из Янна, чтобы быть с родителями. Арфан всегда был городом нефти. От него осталась лужа застывшего шлака.

– И ты винишь в этом меня.

– Только ты и остался.

– Не верю. Думаю, это изначально было личное дело. Думаю, ты мне все время мстил.

– Я тебя не убил.

– Потому что еще не получил ответы на все вопросы.

– Ты же знаешь, на что мы оба способны теперь; разве я могу чего-то не знать?

Ога опустил голову, а потом посмотрел на комету, окруженную гало, такую близкую, что можно коснуться рукой.

– Хочешь, я покажу тебе, чего они так боятся?

Не было необходимости взмахивать рукой, словно фокусник; Ога старательно распределил части своей корабельной самости по всей структуре кометы-супруги, теперь она была частью его физического тела. «Но я и впрямь собираюсь показать фокус», – подумал он и довершил жест. Небо, испещренное звездами, вдруг стало белым, ослепительно сияющим, как будто свет от каждого небесного тела прибывал к наблюдателю одновременно. Оге вспомнился термин той эпохи, когда он обитал в башнях и галереях Янна: «Небо Ольберса»[262]. Сияние сделалось невыносимым, а потом прекратилось. Тьма, всепроникающая, бесконечная и уютная. Тьма смерти. Глаза Оги постепенно привыкли к темноте, и хотя он заранее все спланировал, не обошлось без благоговейного трепета, когда оказалось, что на смену слепящему сиянию Ольберса пришли десять тысяч галактик. Он знал, что Кьятай видит то же самое.

– Где мы? Что ты наделал?

– Мы находимся приблизительно в двухстах тридцати миллионах световых лет за пределами нашей местной группы галактик, – точнее, на периферии космологического сверхскопления галактик, известного как Великий аттрактор. Я внес некоторые усовершенствования в скалярный двигатель, чтобы использовать его как линейный массив.

– Путешествие быстрее света, – проговорил Кьятай. Его

запрокинутое лицо было посеребрено светом десяти тысяч галактик Великого аттрактора.

– Нет, ты все еще не понял, – сказал Ога и снова сделал Вселенную белой. Когда он опять вышел из режима гиперскалярности, небо было темным и беззвездным, если не считать трех колоссальных потоков молочного света, которые соединялись, образуя трискелион[263] шириной в сотни миллионов световых лет.

– Мы внутри войда[264] Волопаса, – сказал Ога. – Он настолько огромен, что если бы наша собственная галактика находилась в центре, мы бы думали, что она и есть Вселенная, больше ничего и никого нет. Перед нами пузыри Лайман-альфа и три соединенные галактические нити[265]. Это крупнейшие структуры во Вселенной. Дальше континуум становится бессистемным и зернистым. Все выцветает. Это последнее, что можно назвать по-настоящему грандиозным зрелищем. Таков конец величия[266].

– Но ведь расширение космоса не ограничивается скоростью света, – сказал Кьятай.

– Ты опять не понимаешь.

В третий раз Ога сгенерировал темную энергию изо льда под ногами и сфокусировал ее в узкий луч между кометой-супругой и ее невообразимо далеким мужем. «Две соприкоснувшиеся частицы останутся в состоянии квантовой запутанности независимо от того, как далеко они разнесены в пространстве, – подумал Ога. – А вдруг это относится и к живым существам?» Он отключил скалярный двигатель, и они оказались во тьме. Полной, непроницаемой, всепоглощающей черноте, где не было ни единого фотона.

– Понимаешь, куда я тебя привел?

– Ты унес нас за пределы зримого, – сказал Кьятай. – Так сильно отодвинул ведомый космос, что свет Вселенной не может сюда добраться. Мы изолированы от прочей реальности. Если изъясняться в философских терминах, мы теперь отдельная Вселенная.

– Они этого боялись? И ты тоже?

– Ты хочешь сказать, того, что скалярный двигатель можно превратить в оружие невообразимой мощи? О да. Подразумевалась способность изгнать любого врага из зоны досягаемости, за край Вселенной. Попросту говоря, вышвырнуть из реальности, мгновенно и необратимо.

– Да, я это понимаю – и понимаю, что ты поступал из альтруистических соображений. Они обосновали геноцид соображениями морали. Но мы и не думали пользоваться

двигателем как оружием – будь все иначе, разве мы не опробовали бы его на вас?

Тьма внешняя некоторое время молчала.

– Объясни.

– Я должен еще кое-что показать.

Теперь математика сделалась критически важной. Скалярный двигатель жадно поглощал кометную массу. Если ее останется слишком мало, чтобы вернуться домой… Доверься числам, Ога. Ты всегда так делал. За краем Вселенной существуют только числа. Он ничего не почувствовал и не воспринял, когда включил и выключил скалярное поле; изменились лишь числа. На миг Ога испугался, что числа его подвели, совершили первое и роковое предательство. А потом из тьмы на лед пролился свет. В абсолютном мраке ослепительно сияла единственная звезда.

– Что это?

– Я протолкнул фотон за горизонт этого горизонта. Я так сильно его толкал, что порвал пространственно-временной континуум.

– Выходит, я смотрю на…

– Первозданный свет. Это новорожденная Вселенная. Новый Большой взрыв. Один мальчик однажды сказал мне: «Каждая частица будет настолько далека от любой другой, что окажется в отдельной вселенной. „Отдельной“ в буквальном смысле». Объект, имеющий протяжение – как эта комета или какое-нибудь тело, – слишком велик, но если говорить о единственном фотоне, то квантовые флуктуации превращают его в зародыш новой Вселенной.

Двое мужчин долго смотрели на рождающийся свет, и поверхность огненного шара бурлила от законов физики и сил, которые стремились наружу. «Теперь ты понимаешь, – подумал Ога. – Это не оружие. Это выход. Способ преодолеть смерть Вселенной. Мы можем вечно создавать за горизонтом реальности новые Вселенные – снова и снова. Последнее слово остается за разумной жизнью. Нам не грозит гибель в одиночестве, посреди холода и тьмы». Он ощутил на своем лице свет новорожденной Вселенной, а затем сказал:

– Кажется, пора возвращаться. Если мои расчеты верны – предел погрешности значительный, – этот огненный шар вскоре претерпит фазовый переход, поскольку внутри него отделяется темная энергия и подвергается катастрофическому расширению. Сомневаюсь, что окрестности Вселенной на раннем этапе ее существования будут для нас безопасным местом.

Дородный Кьятай улыбнулся.

– Тогда верни меня домой. Мне холодно, и я устал быть

богом.

– Разве мы боги?

Кьятай кивнул на микро-вселенную.

– Похоже на то. Но лично я хотел бы опять стать человеком.

Ога подумал о своих самостях и жизнях, о том, как менял тела и природу. Сперва он был плотью, в которой обитало много личностей, потом одной личностью – одной совокупностью опыта и памяти – в телах текучих, космически-корабельных, нанотехнологических. И он… устал, ужасно устал, как будто тащил на себе всю Вселенную и на века отстал от всего, что знал и любил. Если не считать своего Врага.

– Тейяфай – неподходящее место для детей.

– Согласен. Мы могли бы восстановить Тей.

– Это займет столетия.

– Можем попросить Родителей Аэо Таэа. У них времени в избытке.

Кьятай рассмеялся.

– Теперь я должен тебе довериться? Я с самого начала мог тебя испарить, разнести это место на атомы своими ракетами. А ты взял и создал целую Вселенную.

– А Враг? Он придет снова.

– Ты встретишь его во всеоружии, как встретил меня. В конце концов, я все еще враг.

Мельтешение на поверхности пузыря Вселенной как будто усилилось. Свет быстро тускнел.

– Пора идти, – сказал Кьятай.

– Да, – согласился Ога. – Пора домой.

ОГА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

notes

Сноски

1

Теслер – фамилия, в переводе с идиш означающая «плотник». – *Здесь и далее прим. пер.*

2

И подойду я к жертвеннику [Божию] (*лат.*). Псалтирь, Псалом 42, стих 4.

3

В буквальном переводе с латыни *tektor* – маляр, однако термин также может быть связан с греческим *tektōn* (τέκτων) – строитель, мастер, а также плотник (как и упомянутый ранее tesler).

Тропопауза – переходный слой от тропосферы к стратосфере.

5

Residencia – здесь: особняк (*исп.*).

Agua mineral, слегка pétillante – минеральной воды, слегка газированной (*исп.* и *фр.*).

Для передачи особенностей кантонского произношения использована система, предложенная российским китаеведом К. А. Котковым, как наиболее точно отображающая произношение кантонского диалекта.

8

Подразумевается апостол Иоанн Богослов, с которым связаны как истории о воскрешении мертвецов, так и последняя книга Нового Завета – «Откровение Иоанна Богослова» («Апокалипсис»).

9

Inmortalidad – бессмертие (*исп.*).

«Ваше здоровье!» (*Исп.*).

11

Даньтянь (*кит.*) – энергетический телесный центр в цигун и тайцзицюань.

12

В синодальной Библии: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» Фраза относится к последним словам Иисуса Христа, произнесенным на кресте.

13

Унтертоновый звукоряд – такой, в котором последовательность звуков обратна последовательности обертонов натурального звукоряда.

14

Мовиола (moviola) – аппарат для монтажа, изобретенный в 1924 г.

15

Речь идет об отрывке из шедевра немого кино «Нетерпимость» (Intolerance, 1916).

16

«Блюз на перекрестке» (Cross Road Blues; Crossroads, 1936) – одна из самых известных песен знаменитого американского блюзмена Роберта Лероя Джонсона (1911–1938).

17

Niños – здесь: дети мои (*исп.*).

Cabrón – ублюдок, мерзавец (*исп.*).

19

Пляска смерти (*фр.*). Средневековая аллегория бренности жизни: Смерть, уводящая в могилу танцующих людей из разных слоев общества.

20

Fiel – верный (*исп.*).

21

Подразумевается аттракцион Matterhorn Bobsleds, чья форма основана на характерных очертаниях горы Маттерхорн – одной из самых трудных для восхождения вершин в Пеннинских Альпах.

22

Чапараль (от исп. *chaparro* – кермесовый дуб) – растительное сообщество из однородных и относительно невысоких кустарниковых зарослей.

23

«Последнее сафари» (The Last Safari) – британский приключенческий фильм 1967 г. об охоте на слонов в Африке.

24

Эстансия – крупное скотоводческое поместье в Аргентине и Чили.

25

Багги – небольшой автомобиль для езды по бездорожью.

Вероятно, термин происходит от испанского глагола *cerrar* – «закрывать».

27

Cabañas – хижины (*исп.*).

Гелиограф – разновидность оптического телеграфа.

29

Merda – дерьмо (*исп.*).

30

Газохол – распространенная в США разновидность автомобильного топлива, смесь бензина и спирта в варьирующей пропорции.

31

Вероятно, подразумевается «MTV-диван» (или его копия) в виде губ, покрытых резиновыми шипами, созданный в 1993 году дизайнером Крейгом Моррисоном.

Эвапотранспирация, или *суммарное испарение*, – количество влаги, переходящее в атмосферу в виде пара из почвы и с поверхности растительности.

33

Фотохимический смог – продукт реакции оксидов азота и углеводородов, происходящей под воздействием солнечного света.

Аркосанти – здесь: экспериментальное сооружение, построенное по принципам аркологии (т. е. с минимальным воздействием человека на окружающую среду).

35

Села (selah, *ивр.*) – слово, которое многократно встречается в древнееврейском оригинале Псалмов. Точный перевод неизвестен; предполагается, что это какая-то инструкция, связанная с исполнением текста («пауза», «повторение», «крещендо» и т. д.).

Non serviam – не буду служить (*лат.*).

Águilas – орлы (*ucn.*).

38

Кароси (*яп.*) – японский термин, означающий смерть от переутомления.

39

Цитата из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока» (*пер. В. Топорова*).

40

Дрэг-квин (англ. drag queen) – сленговое выражение, обозначающее артиста мужского пола, который переодевается в женскую одежду; Кармен Миранда (1909–1955) – бразильская певица, танцовщица и актриса; шляпа тутти-фрутти – украшенная искусственными фруктами шляпа-тюрбан, обретшая широкую известность благодаря Кармен Миранде и фильмам с ее участием.

Fruteria – фруктовая лавка (*исп.*).

Сампан – небольшая плоскодонная лодка.

43

Догма о призраке в машине – концепция из труда философа Гилберта Райла «Понятие сознания» (1949), нацеленного на критику картезианского дуализма.

«Гасить мяч» – совершать сильный атакующий удар (в некоторых видах спорта, включая теннис и волейбол).

45

Подразумевается британский фильм «Лестница в небо» (в оригинале – «A Matter of Life and Death», букв. «Вопрос жизни и смерти»; реж. М. Пауэлл и Э. Прессбургер, 1946).

46

Седзи (*яп.*) – дверь, окно или перегородка в традиционном японском доме.

47

Ульрих Цвингли (1484–1531) – христианский гуманист и философ, реформатор церкви.

Panadería – булочная (*исп.*).

Dulces – сладости (*исп.*).

Crepa – тонкий блинчик (*исп.*).

51

Илья Пригожин (1917–2003) – бельгийский физик и физикохимик российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии. Изучал неравновесную термодинамику и статистическую механику необратимых процессов; термин «пригожинский скачок» обозначает качественное изменение в сторону усложнения, которое может иметь место в неравновесных термодинамических системах.

52

Пикси – шаловливая разновидность фей в английской мифологии; *брауни* – также существо из английской мифологии; домовой, тайком помогающий с домашними делами в обмен на «забытые» угощения (сливки, молоко и т. д.).

Resurrectois – здесь: воскрешенных (*искаж. фр.*).

Padrino corporada – корпоративный крестный отец (*исп.*).

55

В юридическом смысле это латинское выражение означает, что судебное заседание пройдет в закрытом режиме, то есть «в комнате».

56

Басби Беркли (1895–1976) – американский режиссер и хореограф, известный благодаря постановке зрелищных и масштабных костюмированных номеров с танцами и калейдоскопическими перемещениями кордебалета.

Sehr ungemütlich – очень неудобно (*нем.*).

«Метрополис» (Metropolis, 1927) – немой фильм Ф. Ланга.

Mesero – официант, официантка (*исп.*).

Cariño – любовь моя; *muerte* – смерть (*исп.*).

Chingar, joder – трахаться (*исп.*).

62

Лунный человек с пулей в глазу – знаменитый кадр из немого фильма Жоржа Мельеса «Путешествие на Луну» (Le Voyage dans la Lune, 1902).

Los Lobos de la Luna – волки Луны (*исп.*).

«Китайский квартал» (Chinatown, 1974).

Coléra – гнев; *futilidad* – тщетность (*ucn.*).

Зона над шишковидной железой (частью головного мозга) во многих мистических течениях разных эпох называется «третьим глазом». Философ Рене Декарт назвал эту железу «троном души», считая, что именно с ее помощью душа управляет телом.

67

Подразумевается «Клуб 27» – совокупность музыкантов, умерших в этом возрасте, иногда при странных обстоятельствах.

Синоптический – сводный, дающий обзор всех частей сложного целого. «Синоптическими» называют Евангелия от Матфея, Марка и Луки, поскольку они по содержанию во многом пересекаются и перекрывают друг друга, в отличие от Евангелия от Иоанна.

Por favor – пожалуйста (*исп.*).

Quemar – гореть; *orín* – ржавчина (*исп.*).

Zócalo – площадь (*мекс. исп.*).

Cuadrilla – здесь: банда (*исп.*).

«Скарамуш» (Scaramouche, 1952).

Compañeros – товарищи (*исп.*).

Compadres – соратники (*исп.*).

Евреям 11:1.

77

Exposiçion (*исп.*) или *Exposition* (*Экспозишн, англ.*) – букв. «выставка», парк развлечений в Лос-Анджелесе.

78

Noveau – новый (*фр.*); для сравнения, *nouveau riche* – нувориш, быстро разбогатевший человек.

Бутылочный залог – включенная в цену стоимость тары, которую при сдаче на переработку возвращают.

Poco dinero – немного денег (*исп.*).

Rico – здесь: богач, богатей (*исп.*).

Teniente – лейтенант (*исп.*).

Favelados – обитатели трущоб (*порт.*).

Моя вина, моя величайшая вина (*лат.*).

85

Если точнее, *галлоглас* – профессиональный шотландский воин-наёмник в армии ирландского короля.

Ангостура – венесуэльский концентрированный биттер.

87

Шины с белыми боковинами (whitewalls) – шины, у которых внутренняя часть полностью или частично белая. Производились с начала до 80-х гг. прошлого века.

Casa grande – особняк, вилла (*исп.*).

Chico – здесь: дружок, малыш (*исп.*).

Contratisto – здесь: наемный работник, контрактник (*ucn.*).

Proxenetas – сутенеры (*ucn.*).

92

Рекламный слоган студии MGM в период Золотого века Голливуда.

93

Услуга за услугу (*лат.*).

Mechaieh – приносящий радость; *kosher* – кошерный, соответствующий религиозным правилам (*идиш*).

Sodai gomi – крупногабаритный мусор (*яп.*).

Corillo – большая компания друзей (*исп., сленг Пуэрто-Рико*).

Movimiento – здесь: кинематограф (*исп.*).

Латериты – тропическая разновидность почвы.

99

Cochero, cochera – здесь: велорикша, таксист или таксистка (*исп.*).

100

Непереводимая игра слов, задействующая сразу английский и французский языки: *coup de tête* – необдуманный, импульсивный поступок (*франц.*), в буквальном смысле – удар головой (*tête*); вместе с тем, *coup* – государственный переворот (*англ.*).

101

Camarónes español – креветки по-испански (*исп.*).

102

Перри Мейсон – знаменитый главный герой серии романов Эрла Стэнли Гарднера, а также снятых по мотивам фильмов и сериалов. Занимался расследованиями клиентских дел, но все-таки в первую очередь был преуспевающим адвокатом, в то время как архетипичный «нуарный сыщик» (gumshoe) в литературе и кино – во многом его антипод, всеми презираемый циничный одиночка в конфликте с обществом, на грани нищеты, без особых надежд на светлое будущее и т. д.

103

Mi hermana – сестра, сестричка (*исп.*).

Бханг – напиток на основе индийской конопли.

105

El Camino Real – королевская дорога (*исп.*); так в странах Латинской Америки и на юге США называют дороги, построенные в период испанского колониального владычества.

Понимаешь? (*Исп.*)

107

Анхеленьо – самоназвание испаноязычных жителей Лос-Анжелеса, в печатном виде зафиксированное впервые в 1888 г., но предположительно к тому моменту общеизвестное. Следует отметить, что этим же словом в «Некровиле» обозначается специфический говор местных жителей, основанный на смеси английского и испанского.

108

Отсылка к знаменитому диалогу из фильма «Иметь и не иметь» (To Have and Have Not, 1944; в гл. ролях Хамфри Богарт, Лорен Бэколл).

Carnivalistos – участники карнавала (*исп.*).

110

Энграмма – гипотетический образ или модель действия (программа), запечатленные на протоплазме организма в результате воздействия раздражителя. Термин предложен ученым Рихардом Земаном в начале XX в. Существование энграмм не подтверждено наукой, однако поиски органического субстрата памяти вдохновили немало исследований в области науки о мозге.

111

Буги-стрит (полностью: «вернуться на Буги-стрит») – место, состояние или процесс, подразумевающие полный порядок и душевный покой. Забытая идиома обрела мировую известность примерно через десять лет после выхода «Некровиля», в связи с песнями Boogie Street и A Thousand Kisses Deep в исполнении Леонарда Коэна (альбом Ten New Songs, 2001).

Propina – чаевые (*исп.*).

113

Blanco – белый (*исп.*).

Navidad – Рождество (*исп.*).

115

«Красный женский отряд» – балет (в традициях пекинской оперы) и одноименный кинофильм 1964 г., один из восьми Революционных образцовых спектаклей периода «культурной революции» в Китае.

116

«Космическая одиссея 2001 года» (2001: A Space Odyssey, 1968).

117

Селектор – эквивалент диджея в некоторых музыкальных стилях.

118

Песни святого Иакова (*фр.*). Речь идет о гимнах, которые пели паломники на Пути святого Иакова, также известном как Эль Камино де Сантьяго.

119

Los Caballos – лошади (*исп.*).

120

МИРВ (MIRV) – многозарядная головная часть баллистической ракеты.

121

«Синемаскоп» – система широкоэкранного кино, благодаря которой в 50-х гг. удалось пробудить в массовом зрителе интерес к кинотеатрам, сдававшим позиции под натиском телевидения.

Эйфелева башня (*фр.*).

123

Ступа (субурган) – буддийское архитектурное сооружение.

124

Атлас – титан, держащий небесный свод на своих плечах.

125

Son et lumière – букв. звук и свет (*фр.*). Разновидность театрального искусства: представление, в котором воздействие на зрителя происходит одновременно благодаря музыке, световому шоу и особенностям площадки (как правило, архитектурной достопримечательности).

126

«Андалузкий пес» (Un chien andalou, 1929). Знаменитый сюрреалистический фильм Луиса Бунюэля.

127

Перефразированная цитата из Послания к колоссянам 1:18 («Ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано»).

128

Цитата из пьесы У. Шекспира «Генрих V» (пер. Е. Бируковой).

129

«Жоле блон» (Jole Blon; букв. «милая подружка», *искаж. фр.*) – популярный каджунский вальс; каджуны – франкоязычное национальное меньшинство, проживающее на территории Луизианы, Техаса и Миссисипи.

Cher ami – дорогой друг; *bouche* – рот (*фр.*).

131

«Голубой Макс» – фильм 1966 г. о немецких летчиках времен Первой мировой войны, известный красочными сценами воздушных боев. «Голубой Макс» – неофициальное название ордена «За заслуги» (высшей боевой награды Пруссии тех времен), получить который стремится главный герой.

«Дикие ласки» (Wild Weasels) – подразделение ВВС США, предназначенное для борьбы с зенитно-ракетными комплексами противника.

La Crescentistas – потомственные жители Ла-Крессенты (*ucn.*).

134

Конструктор «Титаника» Томас Эндрюс вошел в число погибших при кораблекрушении. По многочисленным свидетельствам очевидцев, он до последнего помогал пассажирам занимать места в шлюпках и тем самым спас им жизнь.

135

Гамбо, или *гумбо*, – популярное блюдо в штате Луизиана, по консистенции похожее на рагу.

136

«В случае убийства набирайте „М“» (Dial M for Murder, 1954).

137

Hijos – сокращение от hijos de puta (*«ублюдки», исп.*).

138

Дэвид Нивен – исполнитель главной роли в названном фильме.

139

«Наугахайд», букв. *«шкура науги»* – известный в 60-х и 70-х американский бренд искусственной кожи, который построил рекламную кампанию на образе вымышленного зверя науги, который способен сбрасывать шкуру, и потому его не нужно убивать.

140

Отсылка к фильму А. Хичкока «Психо» с Джанет Ли в главной роли (Psycho, 1960).

141

Querida – дорогая; ласковое обращение к возлюбленной (*исп.*).

142

Облако неведения – термин из одноименного мистического трактата XIV века.

143

Кэмп – эстетическое постмодернистское направление, для которого характерны театральность, гротеск, но вместе с тем живость и дерзость, исследование границ классических категорий прекрасного и безобразного. Направление широко распространилось в 80-х гг.

144

Макгаффин – общепринятое в западной сценарной науке обозначение предмета или человека, вокруг которого строится повествование. «Не важно, что это за вещь; главное, что все хотят ею обладать», – говорит Альфред Хичкок. Он же в 1939 году на лекции в Колумбийском университете рассказывал байку, откуда якобы взялся сам термин: «Возможно, это шотландская фамилия, взятая из рассказа о двух попутчиках в поезде. Один спрашивает: „Что это за пакет там, на багажной полке?“ А другой отвечает: „О, это макгаффин“. Первый спрашивает: „Что такое макгаффин?“ „Ну, – говорит другой мужчина, – это устройство для ловли львов в Шотландском нагорье“. Первый попутчик говорит: „Но в Шотландском нагорье нет львов“, а второй отвечает: „Ну, тогда это не макгаффин!“ Итак, вы видите, что макгаффин на самом деле – то, чего вовсе нет».

Abogadito – адвокатишка (*исп.*).

Muchachos – здесь: парни (*исп.*).

147

Uno dos tres cuatro cinco seis – раз, два, три, четыре, пять, шесть (*исп.*).

Segundos – секунды (*исп.*).

149

Зеркало-люнетта (lunetta mirror) – тип зеркала, предназначенный для освещения внеземного поселения и предложенный Краффтом Арнольдом Эрике, американским ученым немецкого происхождения, продвигавшим космическую колонизацию (1917–1984).

150

Цилиндр О'Нила (он же «Остров III») – тип космического поселения, предложенный американским физиком Джерардом О'Ниллом в книге «Высокий рубеж: космические колонии человечества» (The High Frontier: Human Colonies in Space, 1976).

151

Твистор – точка в 4-мерном комплексном твисторном векторном пространстве, являющемся нелокальным комплексным твисторным отображением 4-мерного пространства-времени Минковского.

Desconfigurados – деформированные (*исп.*).

153

Carnito – здесь: уменьшительно-ласкательный вариант прозвища carne, то есть «мясо» (*исп.*).

Poco a poco – потихоньку, медленно (*исп.*).

155

Р. Бёрнс «Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы» (*пер. С. Я. Маршака*).

Asesino – убийца *(исп.)*.

Множество Мандельброта в визуальном смысле представляет собой один из самых широко известных фракталов.

Майлар – разновидность пленки из синтетического полиэфирного волокна.

159

Даймё (*яп.*, букв. «великое имя») – крупнейший военный феодал средневековой Японии.

Очень внушительно (*исп.*).

161

Куртку из кожи, с шипами из резины, придумал в 1993 году тот же британский дизайнер, что и диван – Крейг Моррисон.

162

Эту фразу обычно приписывают Блаженному Августину, однако документального подтверждения его авторства не существует.

163

Зашанхаить – в эпоху парусного флота так называлась практика вербовки моряков, при которой кандидата сперва поили до беспамятства, затем давали контракт на подпись, а просыпался он уже на борту. Подобное особенно часто происходило в Шанхайском порту, отсюда и возникло соответствующее слово.

Paraiso – рай (*исп.*).

165

Драгстер – специализированный гоночный автомобиль для участия в драг-рейсинге.

166

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия (Евангелие от Иоанна 3:3).

167

Esposo, mujer – муж и жена (*исп.*).

¡Ay! – «ах!», «ох!» (*Исп.*).

169

Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта», акт III, сцена пятая (*пер. Б. Пастернака*). Glad Day или Jocund Day – ранее так назвали один из рисунков Уильяма Блейка, на котором изображен восставший первочеловек Альбион (или Адам, каким он назван в предыдущем абзаце).

Resurrexit – воскресший (*лат.*).

Suerte или Muerte – удача или смерть (*исп.*).

Mediarmuertos – полумертвые (*исп.*).

173

Hermano – брат (*исп.*).

Hermosa – красотка (*исп.*).

175

Акедия – богословский термин, означающий вид меланхолии, при которой человек не видит смысла в собственных занятиях. Впоследствии трансформировался в грех уныния.

176

Маран-афа – «Господь/господин наш пришел»; фраза на сирийском диалекте арамейского языка, которая встречается в Первом послании к коринфянам и, предположительно, использовалась ранними христианами как приветствие.

177

Mi corazón – сердце мое (*исп.*).

178

Имеется в виду песня Коула Портера My Heart Belongs to Daddy / «Мое сердце принадлежит папочке» (1938), которую Мерилин Монро исполнила в фильме «Займемся любовью» (1960).

179

Отсылка к популярному стихотворению Monday’s Child («Дитя понедельника»), с помощью которого английские дети запоминают дни недели. Родившийся в среду, согласно этому тексту, испытает в жизни немало бед.

180

«Дальше некуда» (*лат.*). По легенде, это изречение было написано на Геркулесовых столпах и указывало морякам, что они достигли края мира.

181

Детская коляска, катящаяся по Потемкинской лестнице – сцена из немого фильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» (1925).

182

Смерть и свобода (*исп.*).

183

Искаженная цитата из произнесенной 23 марта 1775 года речи американского политика Патрика Генри, которая, как принято считать, сподвигла войска штата Виргиния присоединиться к Войне за независимость США. Правильно: «Дайте мне свободу или смерть».

Problemita – маленькая проблема (*исп.*).

185

Кирлиановая аура, или *эффект Кирлиана*, – коронный барьерный разряд в газовой среде, лежащий в основе так называемой высокочастотной фотографии.

Guapa – красивая (*исп.*).

Procurador– прокурор (*исп.*).

Abogado – адвокат (*исп.*).

Estados Unidos – Соединенные Штаты (*ucn.*).

Армиллярная сфера – астрономический инструмент, использовавшийся для определения экваториальных или эклиптических координат небесных тел.

191

«И я буду преследовать его и за мысом Доброй Надежды, и за мысом Горн, и за Норвежским Мальстремом, и за пламенем погибели, и ничто не заставит меня отказаться от погони». (*Пер. И. М. Бернштейн*)

Monopolistas – монополисты (*исп.*).

193

«Гун хо» (англ. gung ho) – букв. «работать вместе, работать в гармонии». Выражение, перешедшее в английский язык из китайского (не существует единого мнения относительно того, как именно это случилось) и означающее повышенный энтузиазм в выполнении какого-либо совместного дела.

194

Цитата из поэмы А. Ч. Суинбёрна «Гимн Прозерпине» (*пер. Э. Ю. Ермакова*); перефразированные предсмертные слова, приписываемые Юлиану Отступнику и означающие его капитуляцию в борьбе против христианства. Следует отметить, что буквальная формулировка оригинала, утраченная в переводе – «бледный галилеянин»; толкователи творчества Суинбёрна считают, что эпитет «бледный» подталкивает читателя к аналогии между христианским богом и смертью (да и Прозерпина в данном конкретном случае выступает в качестве символа, связанного с циклом жизни и смерти).

195

«Вперед, Львы Иуды!» (и*скаж. исп.*). Восклицание ¡Andale! – типично мексиканское, в других испаноязычных странах встречается редко. «Лев Иуды» – символ, связанный с ветхозаветным патриархом Иудой.

Parada – остановка общественного транспорта (*исп.*).

197

Сесил Блаунт Демилль (1881–1959) – американский кинорежиссер и продюсер, которого долгое время считали эталоном кинематографического успеха.

198

Виа Долороза, или Крестный Путь, – улица в Старом городе Иерусалима, по которой пролегал путь Иисуса к месту распятия; станции – четырнадцать точек на этом пути, напоминающих о важнейших событиях последних часов его жизни.

199

Парад с тикерными лентами (ticker-tape parade) – городское торжество, во время которого идущий по улице парад осыпают с верхних этажей большим количеством конфетти. Предположительно, термин связан со спонтанным празднованием открытия Статуи Свободы 28 октября 1886 года, во время которого нью-йоркские брокеры бросали в окна использованные ленты от биржевых тикерных аппаратов (специализированных телеграфов для передачи котировок акций).

200

Помимо общеизвестной судьбы, постигшей «Титаник», перечислен ряд других катастроф: крушение шаттла «Челленджер» (28 января 1986 г.); крушение рейса PA 103 над шотландским городом Локерби в результате взрыва бомбы в багажном отделении; крушение чартерного самолета, случившееся 3 февраля 1959 г. – в так называемый «День, когда умерла музыка», поскольку на борту были три известных американских музыканта, Биг Боппер, Бадди Холли и не упомянутый Йеном Макдональдом Ричи Валенс; исчезновение одномоторного самолета Глена Миллера над Ла-Маншем 15 декабря 1944 г. Что касается «лифта в преисподнюю» – возможно, это еще одна голливудская отсылка, на этот раз к ленте «Небеса могут подождать» (Heaven Can Wait, 1943); так или иначе, в кинематографе лифт, едущий вниз – достаточно распространенный образ, предвещающий различные неприятности.

201

Abuela – бабушка (*исп.*).

202

Отсылки к классическим голливудским фильмам: «Большой побег» (The Great Escape, 1963); «39 ступеней» (The 39 Steps, 1935); «Белая горячка» (White Heat, 1949). «Я сделал это, ма! Я на вершине мира!» – цитата из последнего фильма, включенная в рейтинг лучших цитат за 100 лет, составленный Американским институтом кинематографии.

203

Отсылка к классическому голливудскому фильму «Что случилось с Бэби Джейн?» (What Ever Happened to Baby Jane? 1962).

204

Отсылки к классическим голливудским фильмам: «Поющие под дождем» (Singin' in the Rain, 1952); «Тупик» (Dead End, 1937); «Окно во двор» (Rear Window, 1954); «Касабланка» (Casablanca, 1942).

205

Голливудская драма «Пейтон-плейс» (Peyton Place, 1957).

206

Отсылки к фильмам «Звездные войны: Новая надежда» (Star Wars: A New Hope, 1977); «Трамвай „Желание“» (A Streetcar Named Desire, 1951); «Волшебник Страны Оз» (The Wizard Of Oz, 1939).

207

Ширли Темпл и *Микки Руни* – два голливудских актера, прославившихся в детском возрасте.

Город Мишуры (Tinseltown) – неофициальное название Голливуда; *чертоги памяти* (или дворец памяти) – средневековая мнемоническая техника, основанная на пространственном воображении и ассоциациях.

209

Ролодекс (rolodex) – вращающийся каталог с карточками, разновидность персонального органайзера. Изначально торговое наименование, образованное из слов rolling и index (букв. «вращающийся указатель»); в современном американском английском – имя нарицательное для обозначения любой системы хранения информации о деловых контактах и самой информации как таковой.

210

Отсылки к фильмам «В свете серебристой луны» (By the Light of the Silvery Moon, 1953) и «Всадник высоких равнин» (High Plains Drifter, 1973).

211

Casa – дом (*исп.*). На мафиозном сленге «красить дома» – убивать.

212

«Не оставляй меня, дорогая» (Do Not Forsake Me, Oh My Darlin) – строчка из песни, также известной под названием «Баллада о полуденном часе» (The Ballad of High Noon). Песня прозвучала в классическом вестерне «Ровно в полдень» (High Noon, 1952); в ней поется о выборе, который должен сделать герой: встретиться лицом к лицу с опасным противником или лечь в могилу малодушным трусом.

213

Перестрелка у корраля О-Кей – реальное историческое событие, случившееся 26 октября 1881 года и положенное в основу множества голливудских фильмов начиная с 30-х гг. XX в.

214

Отсылка к обращению Ричарда Никсона к своим избирателям, в котором он упомянул, что принял подарок, формально запрещенный законодательством о выборах – черно-белого щенка кокер-спаниеля по кличке Чекерс. «Речь про Чекерса» (23 сентября 1952 г.) помогла Никсону завоевать популярность и считается примером политической манипуляции.

215

Имя героини (Nute), скорее всего, представляет собой отсылку к древнеегипетской богине ночи Нут (Ну, Нуит), которая также покровительствовала мертвым, считалась их подругой и защитницей.

Tristesse – печаль (*франц.*).

217

Согласно одной из версий легенды, так звали капитана «Летучего голландца».

В оригинале Friendly Persuasion (1956).

219

Раннинбек и *тачдаун* (running back, touchdown) – амплуа игрока нападения и один из способов набора очков в американском футболе.

Hermoso – красавец (*исп.*).

221

Миклантекутли – действительно бог смерти в пантеоне ацтеков.

Реденсьон (Redención) – искупление (*исп.*).

223

Норте (norte) – север (*исп.*).

El sur – юг (*исп.*).

Contratos – контракты, сделки (*исп.*).

Contratados – законтрактованные, наемные работники (*ucn.*).

227

Cochero – кучер, возница; таксист (*исп.*).

228

Как и в романе «Некровиль», это отсылка к поэме А.Ч. Суинбёрна «Гимн Прозерпине». Кроме того, Европа, Ио, Ганимед и Каллисто относятся к группе так называемых «галилеевых спутников» Юпитера, названных в честь первооткрывателя – Галилео Галилея.

Compañeros – товарищи (*исп.*).

Андреевский крест – косой крест в виде буквы Х.

Эйстетвод – валлийский музыкально-литературный фестиваль с элементами соревнования.

232

Уризен, Утуна, Орк, Лос, Ульро, Лува и *Энитармон* – персонажи оригинальной мифологии английского поэта и художника Уильяма Блейка (1757–1827).

233

Граница Мохо, или *поверхность Мохоровичича,* – нижняя граница земной коры, отделяющая ее от мантии.

234

Втор. 32:32. «Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских; ягоды их ягоды ядовитые, грозды их горькие».

235

Fête galante – галантное празднество (*фр.*). В изобразительном искусстве этим термином называются картины пасторальной тематики, идеализирующие придворную жизнь.

236

Отсылка к знаменитому хиту Луи Армстронга «What a Wonderful World» (1967) – видимо, даже спустя десятки миллионов лет Сол Гурски помнит про свою коллекцию виниловых пластинок.

Petite bande – маленький ансамбль (*фр*.).

Илем – гипотетическая горячая протоплазма, существовавшая на заре Вселенной. Термин предложен учеными Ральфом Алфером и Георгием Гамовым.

239

11-мерность пространства – элемент М-теории, которая представляет собой вариант теории струн, одну из современных физических «теорий всего», созданных с целью объединения фундаментальных взаимодействий.

Фемтотехнология – гипотетическая технология структурирования вещества в масштабах фемтометра (10^{15}).

241

Панспермия – букв. «смесь семян» (*др.-греч.*). Этим термином именуется гипотеза о распространении жизни во вселенной посредством астероидов, комет, метеоритов и т. д.

То есть расширение Вселенной сменилось сжатием.

243

Радиус Шварцшильда, или *гравитационный радиус,* – параметр, определяющий горизонт событий (астрофизическую границу, за которой события не могут повлиять на наблюдателя) черной дыры.

Аккреционный диск – структура, возникающая в результате падения диффузного материала, обладающего вращательным моментом, на массивное центральное тело.

245

Мильфей – десерт, в обиходе известный как торт «Наполеон». В буквальном смысле название означает «тысяча листов» (millefeuille, фр.), приблизительно отражая количество слоев теста в торте.

Шкала цивилизаций, которую использует Йен Макдональд, в тексте не названа, но ее можно соотнести с общеизвестной Шкалой Кардашева (1964) с дополнениями, предложенными другими учеными позднее. В таком случае цивилизацию IV типа характеризуют следующие признаки: распространение деятельности за пределы родной галактики, использование темной энергии в качестве ресурса (Митио Каку), неотличимость ее влияния на мир от естественных природных процессов (Золтан Галантай).

247

По Шкале Кардашева цивилизация II типа способна использовать энергию собственной звезды в полном объеме, создавать астроинженерные сооружения (например, сферы Дайсона), получать антивещество, конструировать звездные двигатели и т. д.

248

По Шкале Кардашева цивилизация III типа использует энергию собственной галактики, включая такие ее источники, как квазары, гамма-всплески, сверхмассивные черные дыры и т. д.

249

«Припыленные колокольчики» (dusty bluebells, dusting bluebells, in and out the dusty bluebells) – английская детская песенка и игра, популярная в XX в. Происхождение и точный смысл игры неясны, по одной из версий она связана с легендами о похищениях детей жителями Волшебной страны.

250

Иерихонская роза – однолетнее травянистое растение; высыхая, образует подобие перекати-поля. Известно благодаря своей способности за несколько часов «ожить» при достаточном количестве воды.

251

Верданди (или Вертанди) – средняя из трех скандинавских богинь судьбы и времени (норн), ответственная за настоящее.

252

Кулаба (или кулиба) – разновидность эвкалипта, произрастающая в Австралии.

253

Стрелочная улица – часть трамвайных путей, на которой существуют ответвления, стрелочные переводы для примыкающей группы параллельных путей.

Бульотка – емкость для поддержания температуры кипятка, отчасти похожая на самовар.

255

Савант – человек с отклонением в развитии (в том числе аутистического спектра), имеющий выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний.

256

Гипотетический прямоточный двигатель Бассарда (Bussard ramjet) использует в качестве топлива вещество межзвездной среды (водород и пыль).

257

Конденсат Бозе-Эйнштейна, или *бозе-конденсат,* – агрегатное состояние вещества, основу которого составляют бозоны, охлажденные до температур, близких к абсолютному нулю.

258

Кьюбивано (классический объект пояса Койпера, транснептуновый объект) – в Солнечной системе так называется космическое тело, орбита которого расположена за орбитой Нептуна и не находится с этой планетой в явно выраженном орбитальном резонансе.

259

Ловчее поле – электромагнитная воронка диаметром от нескольких километров до нескольких тысяч километров, с помощью которой прямоточный двигатель Бассарда собирает топливо в межзвездной среде.

260

Гравитационный (пертурбационный) *маневр,* известный также под названием «космическая праща» – способ целенаправленного изменения траектории и скорости полета космического аппарата под воздействием гравитационного поля небесного тела. Как в теории, так и на практике применяется для экономии топлива и сокращения времени полета, но отличается значительной сложностью расчетов и высоким уровнем риска.

261

Гравитационное (микро)линзирование – событие, при котором гравитационное поле космического тела (видимого или невидимого) искажает свет, исходящий от источника, который находится позади и называется «объектом фона».

262

Парадокс Ольберса (фотометрический парадокс) заключается в предположении, что яркость ночного неба должна быть равна яркости солнечного диска, поскольку в каждой его точке присутствует какая-нибудь звезда.

263

Трискелион (трискель) – древний символ в виде трех лучей, выходящих из единого центра.

264

Войд – обширная область пространства между галактическими нитями, где отсутствуют или почти отсутствуют галактики и скопления галактик. Войд Волопаса также известен под неофициальным названием «Великое ничто».

Пузырь (облако, клякса) *Лайман-альфа* – скопление газа с особыми спектральными параметрами; *галактическая нить* – структура в форме нити из галактик длиной 160–260 миллионов световых лет.

266

«Это конец величия и начало однородности», – так описал указанный феномен американский астроном и космолог Роберт П. Киршнер, обнаруживший войд Волопаса вместе с коллегами в 1981 г.